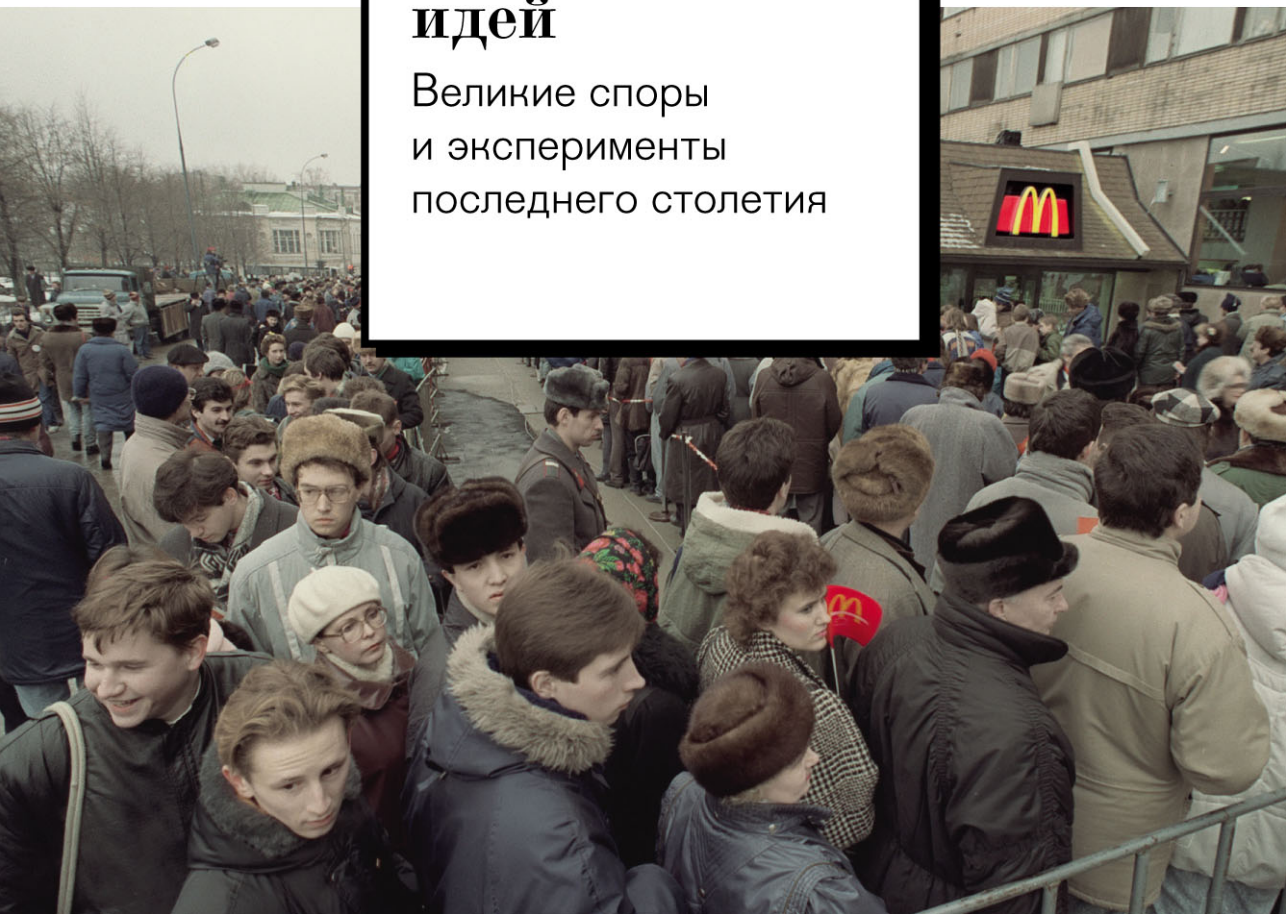

INLIBERTY

*Библиотека
свободы*

Лоуренс Уайт
**Борьба
экономических
идей**

Великие споры
и эксперименты
последнего столетия

Библиотека свободы

Lawrence H. White

The Clash of Economic Ideas

The Great Policy Debates

and Experiments

of the Last Hundred Years

Лоуренс Уайт

Борьба экономических идей
Великие споры
и эксперименты
последнего столетия

Москва, 2020

УДК 330.8
ББК 65.02
У13

Серия «Библиотека свободы» выходит в рамках
издательской программы проекта InLiberty

Книга издана при поддержке Фонда Фридриха Науманна за свободу (Германия)

**FRIEDRICH NAUMANN
FOUNDATION** For Freedom.

Российская Федерация

издатель Андрей Курилкин
дизайн Юрий Остроменцкий, Дарья Яржамбен
перевод с английского Максим Коробочкин
редактор Юрий Кузнецов

В оформлении обложки использована фотография Александра Земляниченко,
31 января 1990 года (Alexander Zemlianichenko / AP / TASS)

Уайт Л.

У13 Борьба экономических идей: Великие споры и эксперименты последнего столетия /
Пер. с англ. — М.: Новое издательство, 2020. — 446 с. — (Библиотека свободы)

ISBN 978-5-98379-240-1

Историю XX века можно представить как историю масштабных экономических экспериментов — и как историю идей, которые легли в их основу. Именно это делает профессор Университета Джорджа Мейсона Лоуренс Уайт, который разбирает в своей книге основные экономические теории последнего столетия и их влияние на государственную политику, а значит, и на нашу жизнь.

УДК 330.8
ББК 65.02

ISBN 978-5-98379-240-1

© Syndicate of the Press of the University
of Cambridge, England, 2012
© Новое издательство, 2020

Оглавление

7	Благодарности	268	Глава 11. Бреттон-Вудс и теория международных денежных отношений
9	Введение	297	Глава 12. Великая инфляция и монетаризм
20	Глава 1. Отход от <i>laissez- faire</i>	322	Глава 13. Разрастание государства: общественные блага и общественный выбор
37	Глава 2. Большевиcтская революция и дискуссия об экономическом расчете при социализме	350	Глава 14. Свободная торговля, протекционизм и дефицит торгового баланса
72	Глава 3. «Ревущие двадцатые» и австрийская теория экономического цикла	371	Глава 15. От приятного дефицитного финансирования к неприятному долговому кризису
102	Глава 4. «Новый курс» и институционализм	402	Примечания
126	Глава 5. Великая депрессия и «Общая теория» Кейнса	436	Предметный указатель
154	Глава 6. Вторая мировая война и «Дорога к рабству» Хайека	442	Именной указатель
172	Глава 7. Послевоенный британский социализм и Фабианское общество		
199	Глава 8. Общество Мон- Пелерен и возрождение экономических идей Смита		
227	Глава 9. Послевоенное «экономическое чудо» в Германии и ордолиберализм		
240	Глава 10. Планирование в Индии и экономика развития		

Благодарности

Прежде всего, я должен выразить благодарность Дэвиду Роузу, моему коллеге по прежнему месту работы, заведующему кафедрой в Университете Миссури в Сент-Луисе, за то, что он поручил мне читать курс «История экономической мысли», положивший начало этому проекту, а также за то, что он создал благоприятные условия, чтобы я мог этим заниматься. Центр социальной философии в Университете Боулинг Грин штата Огайо великодушно предоставил мне рабочее место во время весеннего семестра (если такая характеристика уместна для этого времени года в северо-западном Огайо) 2008 года, где я имел возможность написать черновик первых семи глав. Джефф Пол, Эллен Фрэнкел Пол и Фред Миллер из этого центра и их студенты-магистранты сделали ряд ценных замечаний. Осенью 2009 года я перешел на работу в Университет Джорджа Мейсона, где мои новые коллеги с большим одобрением отнеслись к этому книжному проекту и снабдили меня множеством полезных замечаний и литературных ссылок — особенно Питер Бёттке, Дон Будро, Дэн Клейн, Дэвид Ливай и Ричард Вагнер. Незаменимую роль в завершении работы над книгой сыграла финансовая поддержка Меркатус-центра Университета Джорджа Мейсона; кроме того, этот центр выпустил серией препринтов предварительные варианты глав книги, что было очень полезно для дальнейшей работы над ней. В связи с помощью, полученной от Меркатус-центра, я бы хотел особенно поблагодарить Клэр Морган, Брайана Хукса и Тайлера Коуэна.

В мае 2010 года Либерти-фонд провел Сократический семинар, также оказавшийся для меня очень полезным в ходе работы над рукописью. Я благодарен Крису Толли и Эмми Уиллис из Либерти-фонда за организацию этого семинара, Брюса Колдуэлла из Университета Дьюка за ведение дискуссии и всех участников за трудные вопросы и полезные комментарии. В семинаре приняли участие: Питер Бёттке, Тоуни Феррарини, Эмили Фишер Грэй, Райан П. Хэнли, Бобби Херцберг, Джефф Хаммел, Найл В. Кардацке, Арнольд Клинг, Мария Пиа Паганелли, Алекс Потапов, Расс Собел и Дайана Вайнерт Томас. Полезные замечания с позиции читателя дали студенты Брюса Колдуэлла из Университета Дьюка (письменно) и студенты Дага Ирвина из Дартмутского колледжа (при личной встрече). По ходу работы я представлял отдельные главы в виде докладов на ежегодных

собраниях Ассоциации образования для частного предпринимательства, и я благодарен всем, кто участвовал в организации этих выступлений, особенно Брюсу Яндлу и Деби Гейт. Израэля Кирцнера и Марио Риццо я хочу поблагодарить за комментарии к главе 3, сделанные в ходе семинара в Нью-Йоркском университете. Дейв Хейкс высказал ценные замечания по поводу главы 12 в ходе сессии на конференции Экономической ассоциации Северо-Запада. Гурбачан Сингх любезно организовал семинар в Университете Джавахарлала Неру в Дели, посвященный главе 10. За плодотворное обсуждение на семинарах я благодарен студентам магистратуры Университета Джорджа Мейсона: Саймону Байло, Нику Кюротт, Гарри Дэвиду, Томасу Хогану, Уиллу Лютеру и Чаку Молтону.

За исторические справки, ссылки и письменные комментарии к разным главам я должен поблагодарить многих людей из многих мест, в том числе Ниру Бадхвар, Джона Бланделла, Брюса Колдуэлла, Балакришнана Чандрасекарана, Ричарда У. Фалмера, Стива Хорвица, Джеффа Хаммела, Дага Ирвина, Эккехарда Кёлера, Меира Кона, Шрути Раджагопалан, Марио Риццо, Джорджа Селджина, Гурбачана Сингха, Т.Н. Шринивасана и Джона Вуда. Особенно большую помощь своими предложениями оказал анонимный рецензент издательства Cambridge University Press.

Помощь в исследовательской работе мне оказывали Джой Баун и Алекс Молтер. Кайл О'Доннелл подготовил указатель.

Перед самым началом работы над этим проектом мне была пересажена почка от моего героического кузена Роджера Хитчера. Спасибо, Роджер! Мне было бы гораздо труднее написать что-либо и даже просто жить нормальной жизнью, если бы мне по-прежнему приходилось поддерживать ее с помощью гемодиализа.

Больше всего я благодарен своей жене Нире Бадхвар за любовь и поддержку.

Введение

За последнюю сотню лет мир стал свидетелем множества радикальных экспериментов в экономической политике: создания банковских систем с центральными банками в США и других странах; командной экономики в годы Первой мировой войны; коммунистического централизованного планирования в СССР, Китае и Восточной Европе; фашизма в Италии при Муссолини; национал-социализма в гитлеровской Германии: «нового курса» в США при Рузвельте; учреждения Бреттон-Вудской международной валютной системы и перехода к кейнсианской макроэкономической политике после Второй мировой войны; масштабной национализации в послевоенной Великобритании; возрождения принципов свободного рынка послевоенной Германии; пятилетних планов советского образца в Индии; полного отказа от золота в пользу системы плавающих курсов необеспеченных декретных (фиатных) валют; периодических переходов от регулирования к дерегулированию и обратно в разных частях мира; крушения коммунистической системы в России и Восточной Европе; рыночно-ориентированного экономического роста в странах, получивших название «восточноазиатских тигров», а затем в Китае и Индии; «неолиберальной» политики, направленной на поддержку глобализации экономической деятельности. В последние годы из-за цепочки неблагоприятных событий — «мыльного пузыря» на мировом рынке ипотечного кредитования с последовавшим крахом гигантских финансовых институтов, повлекшим за собой весьма дорогостоящие меры государственной финансовой помощи и национализации, в свою очередь породившие рекордные бюджетные дефициты и фискальные кризисы — вопросы денежной политики, регулирования, национализации и фискальной политики вновь вышли на авансцену управления экономикой в развитых странах.

За всеми этими разнонаправленными тенденциями в экономической политике стоит непрекращающаяся и зачастую драматичная борьба экономических идей. В последующих главах мы проследим связи между историческими событиями и спорами экономистов, а также между экономическими идеями и масштабными экспериментами в экономической политике. Чтобы понять, как эти идеи появлялись, развивались и принимали окончательную форму, мы будем выборочно углубляться в историю экономических доктрин — если потребуется, вплоть до Адама Смита.

Экономическая наука печально знаменита частными разногласиями по вопросам политики. Известный афоризм, приписываемый Джорджу Бернарду Шоу (впрочем, бездоказательно), гласит: «Даже если всех экономистов выстроить в затылок друг другу, каждый из них пойдет в собственном направлении». А поскольку именно разногласиям и посвящена эта книга, необходимо сразу же сделать оговорку. Экономическая мысль не сводится к тем ее частям, которые имеют непосредственное отношение к политическим мерам, и в прочих ее сферах разногласий меньше, а сотрудничества больше. Поскольку непрофессионалы намного реже слышат о деятельности экономистов, не связанной с политикой и сосредоточенной в основном на технических вопросах анализа и объяснения наблюдаемых экономических явлений, легко может возникнуть впечатление, что разногласия по поводу политических мер занимают больше места в работе типичного экономиста, чем это есть на самом деле. Экономист Джордж Стиглер как-то справедливо заметил:

Утверждение, что экономистам вовсе не свойственна привычка все время спорить по поводу тех или иных политических мер, большинству неэкономистов покажется невероятным, а немалому числу самих экономистов — неправдоподобным. Причина этого, на мой взгляд, кроется в том, что из всех аспектов экономической науки только о вопросах экономической политики экономист и может говорить с непрофессионалами. Непосвященный просто не поймет... [специальных аспектов работы экономиста]. Статьи в профессиональных журналах, как правило, не имеют отношения к государственной политике — а зачастую и к реальному миру вообще¹.

Но, хотя большая часть экономической литературы адресована коллегам-экономистам, а не широкой публике, в этой книге внимание сосредоточено именно на тех частях экономической теории и эмпирических исследований, которые *связаны* с государственной политикой. В ее главах рассматривается содержание и влияние противостоящих друг другу позиций. Как мыслят и как спорят экономисты о важнейших вопросах экономической политики? Каким образом они время от времени оказывают влияние на политику и конструирование институтов?

Поскольку книга посвящена разделам экономической науки, имеющим отношение к политике, представляется естественным рассматривать политические вопросы один за другим в контексте важных исторических споров или практических экспериментов. Подобный подход противоположен тому, как строятся энциклопедические труды по истории экономической мысли, в которых мыслители рассматриваются один за другим в хронологическом порядке, начиная с античных авторов, схоластов или меркантилистов. Здесь же в каждой главе, если возникает необходимость объяснить, как экономисты пришли к тому или иному мнению по рассматриваемому вопросу, будут даваться ретроспективные вставки, посвященные развитию теории и спорам минувших столетий. Если подобный нелинейный подход нуждается в обосновании, то его сформулировал режиссер

Квентин Тарантино в интервью британскому журналисту: «Когда я выстраивал нелинейный сюжет в „Бешеных псах“ и „Криминальном чтиве“, я не просто хотел показать, какой я умный мальчик. Способ, который я выбрал, лучше передает драматургию этих историй»². Историю интеллектуальных споров порой тоже можно рассказать наиболее ярко и живо с помощью ретроспективных вставок. Поэтому читателю не стоит представлять себе предлагаемую книгу как хронологическую мешанину с множеством отступлений. Воспринимайте ее как историю в духе Тарантино — только без ненормативной лексики, да и крови здесь будет чуть поменьше.

Обзор содержания книги

Эпизоды и споры, которые рассматриваются в последующих главах, отбились в соответствии с их исторической значимостью и способностью пролить свет на то, как формировались позиции сторон в важнейших нынешних разногласиях по вопросам экономической политики. Теоретические построения, связанные с практической политикой, редко рождаются в изолированной от мира «башне из слоновой кости» или исключительно в ответ на другие теории. Экономисты тоже читают газеты. Теории разрабатываются для решения животрепещущих вопросов и объяснения текущих событий. Именно поэтому в качестве фона для описания споров об экономической политике взята история последних ста лет.

В первой главе мы «расставляем декорации», описывая состояние экономической мысли накануне Первой мировой войны. В ней читателю будут представлены два экономиста, которые впоследствии еще не раз появятся на страницах книги — англичанин Джон Мейнард Кейнс и австриец Фридрих А. Хайек. Каждая из последующих глав начинается с описания серьезной экономической проблемы, которая порождала или возобновляла споры экономистов, либо политического эксперимента, в который они вносили свой вклад. В главе 2 анализируется вопрос «централизованное экономическое планирование *versus* система рыночных цен», поставленный со всей остротой большевистской революцией 1917 года и разрабатывавшийся в ходе важнейшей «дискуссии об экономическом расчете при социализме». В главе 3 докейнсианская теория экономического цикла, в частности теория, разработанная Хайеком и другими экономистами австрийской школы, рассматривается в свете бума «ревущих двадцатых», завершившегося крахом 1929 года. За этими событиями в первой половине 1930-х последовал политический эксперимент в США, получивший название «нового курса», и в главе 4 мы прослеживаем его происхождение, восходящее к институциональной школе в экономической теории, представленной в особенности идеями Рексфорда Г. Тагуэлла. Между тем Великая депрессия продолжалась. Глава 5 рассказывает о том, как изданная в 1936 году книга Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» произвела революцию в экономических представлениях о причинах спадов и бумов в экономике в целом.

В главе 6 мы сосредоточиваем внимание на книге совсем другого рода — «Дороге к рабству» Хайека, вышедшей в 1944 году, импульсом к написанию которой стала озабоченность автора опасностью сохранения централизованного планирования, введенного во время Второй мировой войны. В первые послевоенные годы разные страны стали проводить очень разную экономическую политику. В главе 7 описывается национализация, предпринятая лейбористским правительством в Великобритании, и показывается, что эта политика была связана с социалистическими идеями, неустанно развивавшимися и пропагандировавшимися Фабианским обществом в предшествующие шестьдесят лет. Глава 8 рассказывает историю организации с диаметрально противоположной политической позицией — Общества Мон-Пелерен (Mont Pèlerin Society), основанного Хайеком после войны для объединения интеллектуальных оппонентов социализма. В главах 9 и 10 рассматриваются примеры двух стран, двинувшихся в совершенно разных направлениях и достигших за последующие тридцать лет весьма различных результатов. Германия не без влияния некоторых экономистов из Мон-Пелерен избрала прорыночный путь и добилась процветания. Индия же под сильным воздействием идей фабианцев отдала предпочтение национализации и пятилетним планам советского образца — и процветания не достигла.

Следующие две главы посвящены послевоенному развитию событий в сфере валютных режимов и денежной политики. В главе 11 рассказывается о Бреттон-Вудской конференции, о том, как и почему Кейнс и другие экономисты, участвовавшие в ней, разработали концепцию международной валютной системы, уменьшавшей роль золота и дававшей больший простор для дискреционной денежной политики на уровне отдельных стран. Бреттон-Вудская система рухнула в 1971 году по причинам, о которых у экономистов нет единого мнения. Ее крушение совпало с началом периода высокой инфляции, что, как показано в главе 12, создало благоприятные условия для возрождения и развития «монетаристских» идей в концепциях Милтона Фридмана и других ученых, бросивших вызов господствовавшему кейнсианству. В главе 13 мы обращаем внимание на разрастание государства в послевоенную эпоху и противопоставляем друг другу две основные экономические теории, отражающие различные взгляды на этот процесс: «оптимистичную» по отношению к государству теорию общественных благ и описывающую его с «циничной» точки зрения теорию общественного выбора. В главе 14 контекстом для анализа давнего спора между фритредерами и протекционистами выступает послевоенный рост международной торговли. В главе 15 рассматривается столкновение кейнсианцев и «неоклассиков» по поводу выгод и издержек, связанных с бюджетным дефицитом и государственным долгом. Спор о дефиците и долге естественным образом возобновился в связи с долговым кризисом 2010 года в Греции и Ирландии, распространившимся в 2011 году на Португалию и грозящим перекинуться на Италию и Испанию, а также в связи с ростом долгового бремени других государств, включая США и Великобританию.

Есть ли последствия у экономических идей?

Действительно ли столкновение идей в экономической науке имеет какое-то значение для выработки практической политики? Есть ли последствия у экономических идей? Экономисты спорят и об этом. И Кейнс, и Хайек считали, что экономические идеи оказывают глубокое влияние на государственную политику. В статье «Интеллектуалы и социализм» Хайек отмечал:

...Характер процесса, посредством которого интеллектуалы оказывают влияние на политику завтрашнего дня, имеет далеко не академический интерес. <...> То, что современному наблюдателю представляется битвой конфликтующих интересов, нередко бывает отражением давнишней схватки идей, в которой участвовали небольшие группы лиц³.

В свою очередь Кейнс в изданной в 1936 году книге «Общая теория занятости, процента и денег» заявил (этот пассаж по понятным причинам очень любят цитировать ученые-экономисты):

Идеи экономистов и политических мыслителей — и когда они правы, и когда они ошибаются — имеют гораздо большее значение, чем принято думать. В действительности именно они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно не подверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого. Безумцы, стоящие у власти, которые слышат голоса с неба, извлекают свои сумасбродные идеи из творений какого-нибудь академического писака, сочинявшего несколько лет назад⁴.

Другие ученые оспаривают гипотезу Хайека и Кейнса. Так, великий итальянский экономист Вильфредо Парето в своей книге «Трактат по общей социологии» (изданной по-английски в 1935 году под названием «Разум и общество») сформулировал прямо противоположную точку зрения. По его мнению, политически доминирующие в обществе группы интересов рассчитывают, что именно наилучшим образом служит их благосостоянию в данных социально-политических условиях, и на основе этого расчета определяют как экономическую политику, избираемую правительством, так и экономические теории, одобряемые представителями академического мейнстрима. Научные теории — лишь ширма, никак не влияющая на выбор политического курса.

Свою мысль Парето проиллюстрировал на примере внешнеторговой политики. Когда мнение элиты, то есть «психологическое состояние, порождаемое в основном индивидуальными интересами — экономическими, политическими и социальными — и обстоятельствами, в которых живут люди», складывается в пользу протекционизма, утверждал он, в том же направлении в конечном итоге развернется и торговая политика страны. Одновременно «можно будет наблюдать изменения в [теории международной

торговли], и в моду войдут новые теории, поддерживающие протекционизм». Поэтому «поверхностный наблюдатель может подумать, что [внешнеторговая политика] изменилась из-за того, что изменилась [теория международной торговли]», но на деле и то и другое изменилось вместе с интересами и обстоятельствами. Идея, что теоретики влияют на лиц, принимающих политические решения, является иллюзией: «Таким образом... теоретические дискуссии не способны напрямую изменять» политику⁵.

Экономист из Чикагского университета Джордж Стиглер придерживался столь же скептической точки зрения. В своей известной статье «Экономист как проповедник» он призывал коллег оставить несбыточную надежду на то, что, разъясняя политикам преимущества экономической эффективности, они смогут убедить их отказаться от неэффективных решений. По мнению Стиглера, «предположение о том, что государственная политика зачастую бывает неэффективной потому, что основана на ошибочных идеях, представляется недостоверным», поскольку оно не позволяет объяснить, почему такие меры, как таможенные пошлины, действуют десятилетиями, хотя их последствия хорошо известны. Экономистам следует исходить из того, что политики стремятся не ко всеобщему процветанию, а преследуют собственные цели, и что пошлины представляют собой «целенаправленные действия», позволяющие политикам добиваться этих целей с «приемлемой эффективностью». В частности, «пошлины позволяют перераспределять доходы в пользу групп, обладающих значительным политическим влиянием, а не являются отражением непонимания обществом» аргументов о том, что свобода торговли способствует благосостоянию для всех⁶. Немного парадоксально, правда, выглядит тот факт, что сам Стиглер решил донести эту точку зрения до коллег-экономистов — ведь по его логике следует исходить из того, что своими настойчивыми «проповедями» они тоже преследуют собственные цели, продиктованные эгоистическими интересами.

В ответ на приведенные выше слова Кейнса о влиянии «академического писака» один из последователей Парето заметил:

У политиков необычайно широкий выбор в том, что касается «писак», поскольку практически не существует гипотез, которые не были когда-то изложены кем-либо из так называемых экономистов. Поэтому факт остается фактом: именно политика, а не писателя следует считать тем активным фактором, который определяет тенденцию⁷.

Некоторые из рассматриваемых в главах этой книги примеров, пожалуй, соответствуют представлениям Парето — особенно те ситуации, когда теоретическое обоснование тех или иных политических шагов появлялось уже постфактум. Так, политики в борьбе с Великой депрессией начали прибегать к «кейнсианскому» дефицитному финансированию задолго до того, как появилась «Общая теория» Кейнса, к которой можно было бы апеллировать для обоснования такой политики. (Аналогичные идеи предлагались уже давно, но мало кто из авторитетных экономистов их

поддерживал.) Другие же важные примеры скорее подтверждают мнение Кейнса и Хайека о том, что научные идеи имеют серьезные политические последствия: это отмена в 1846 году «хлебных законов» о пошлинах на ввозимое зерно в Великобритании (об этом речь пойдет в главе 14) и разработка первых программ в рамках «нового курса» в 1933 году (глава 4)⁸.

Структура интеллектуального производства

Продукция лесоводства — деревья, которые отправляются на лесопилки для переработки в доски, а оттуда на фабрики, где из них изготавливается мебель для конечного потребителя. Из утверждений Хайека и Кейнса следует, что структура интеллектуального производства устроена аналогичным образом. Экономисты, занимающиеся фундаментальной наукой, производят абстрактные идеи, затем исследователи, занимающиеся прикладной наукой, перерабатывают их в менее абстрактные идеи, после чего журналисты и другие интеллектуалы превращают их в научно-популярные книги, публицистические статьи и газетные колонки, радио- и телевизионные комментарии для потребителей — политиков и широкой общественности. Именно так описывают распространение кейнсианской экономической теории Джеймс М. Бьюкенен и Ричард Э. Вагнер: «Америка усваивала идеи кейнсианства поэтапно: сначала их поддержали экономисты из Гарварда, потом экономисты вообще, потом журналисты и, наконец, политическое руководство»⁹.

На первой стадии интеллектуального производства экономисты-теоретики, стремящиеся углубить познание мира, вырабатывают идеи, которые (как они надеются) другие исследователи сочтут полезными и новаторскими. О результатах своих изысканий они сообщают в статьях для научных журналов и в монографиях, публикуемых университетскими издательствами. Примеры таких работ, написанных «экономистами для экономистов», приводятся в разных главах книги: среди них «Общая теория занятости, процента и денег» Кейнса, «Чистая теория капитала» Хайека и «Теория потребительской функции» Милтона Фридмана. На следующей стадии, при проведении прикладных исследований, экономисты, работающие в университетах и аналитических центрах, стараются развить эти идеи, прежде всего сопоставляя их с историческими и статистическими данными, что, как они надеются, будет полезно и интересно журналистам и преподавателям экономики. Они публикуют книги для искушенных непрофессионалов, учебники и доклады. К числу таких работ относятся «Эссе об убеждениях» Кейнса, «Дорога к рабству» Хайека и «Капитализм и свобода» Фридмана.

На третьем этапе (разумеется, эта разбивка на этапы несколько произвольна) журналисты, а порой и сами экономисты сортируют и переформулируют результаты прикладных исследований таким образом, чтобы донести их до политических руководителей и широкой публики. Они читают лекции студентам, публикуют авторские статьи в газетах и журналах, ведут

блоги и участвуют в ток-шоу на телевидении и радио. Так, лауреаты Нобелевской премии по экономике Милтон Фридман и Пол Самуэльсон были обозревателями журнала *Newsweek*. Ученик Фридмана Томас Соуэлл пишет колонки, публикуемые рядом периодических изданий, а ученик Самуэльсона Пол Кругман ведет колонку и блог в *New York Times*. (Конечно, Соуэлл и Кругман в этих статьях затрагивают не только экономическую тематику.) Экономист Джон Кеннет Гэлбрейт был автором ряда бестселлеров и документального сериала «Эпоха неопределенности» на канале PBS. Фридман в ответ создал на том же канале собственный сериал «Свобода выбирать».

На последнем этапе производства и распределения экономических идей, когда они доходят до конечного потребителя, происходит их практическое воплощение в политические меры. Если мы расположим все эти этапы на вертикальной шкале, показывая, как идеи спускаются с теоретических высот (сразу вспоминается «башня из слоновой кости»), то политика окажется в самом низу, что некоторые, наверно, сочтут вполне адекватным. На деле же подобное изображение интеллектуальной деятельности необходимо, чтобы более наглядно проиллюстрировать мысль о том, что для понимания изменений в экономической политике нужно понять и предшествующее развитие событий в области экономических идей — от чистой теории и далее вниз.

Государство *versus* рынок

Столкновение идей, касающихся экономической политики, происходит тогда, когда их сторонники расходятся во взглядах на то, какую роль государство должно играть в экономике. Как подчеркивал хорошо поставленным дикторским голосом ведущий документального сериала «Командные высоты», показанного на PBS в 2002 году, XX век

стал веком борьбы за то, кто будет контролировать командные высоты мировой экономики — государство или рынок; это — история интеллектуальных баталий по поводу того, какая экономическая система действительно способна принести благо человечеству¹⁰.

В этом случае выражение «командные высоты экономики», принадлежащее русскому революционеру Владимиру Ленину, по существу обозначает институты, которые управляют экономикой, определяя, куда пойдут инвестиционные ресурсы. Контролем государства над командными высотами считается общее руководство основными банками и отраслями экономики (при этом они не обязательно должны находиться в государственной собственности, если только регулирование осуществляется достаточно глубоко и детально), преобладание государственных облигаций на рынке долговых ценных бумаг, ограничение или отсутствие биржевой торговли акциями частных фирм и, возможно, наличие центрального органа экономического планирования.

Что же будет наилучшим образом направлять инвестиции к повышению благосостояния общества — конкурентные рынки, которыми движут безличные силы, определяющие прибыли и убытки, или государственное управление и контроль? Главное открытие экономической науки — ее величайший вклад в понимание общества, позволяющий избегать пагубных политических решений — заключается в том, что при наличии надлежащих условий экономический порядок, эффективно служащий целям его участников, возникает без какого-либо единого централизованного плана. По знаменитому выражению Адама Смита, инвесторов ведет «невидимая рука», направляющая их личную погоню за прибылью таким образом, что она вносит максимальный вклад в общее процветание экономики (без каких бы то ни было намерений с их стороны). В главе 8 мы детально проанализируем эту мысль Смита, а в главе 13 — рассмотрим современные аргументы, ее оспаривающие. Но споры о сравнительной надежности рынка и государства в качестве направляющего механизма экономики будут встречаться нам в каждой главе.

Необходимо отметить, что когда экономисты говорят слова «какая экономическая система действительно способна принести благо человечеству», они имеют в виду удовлетворение тех предпочтений людей, которые имеют место в конкретный момент, и не подразумевают моральное усовершенствование общества. Это позволяет им сосредоточиться на причинно-следственных связях и утверждениях вида «если... то...», для чего их профессиональная подготовка подходит наилучшим образом, и в то же время ловко обходить вопросы моральной философии. Когда экономист говорит «если государство вводит акциз на виски и обеспечивает его сбор, то это приводит к сокращению объема продаж данного напитка», речь идет о позитивном, или ценностно-нейтральном, утверждении. Оно остается верным как для слушателя, выступающего за то, чтобы продавцам и покупателям виски было позволено удовлетворять их предпочтения, так и для сторонника ограничения продаж виски с помощью налоговой политики в случае, если методы нравственного перевоспитания не действуют.

Идеал «ценностной нейтральности», или «свободы от ценностных суждений» (порой обозначаемый немецким словом *wertfreiheit*), весьма уместен в «чистой» экономической науке. Но при выработке политических рекомендаций вряд ли можно избежать утверждений ценностного или нормативного характера. Политический комментатор, советы которого основаны на утверждении «государство не должно вмешиваться в процесс удовлетворения предпочтений потребителей в том виде, в котором они существуют в данный момент» или «высокий реальный душевой доход в обществе лучше, чем низкий», привносит тем самым нормативное утверждение, лежащее за рамками позитивной экономической теории независимо от того, вызывает оно само по себе возражения или нет. Зачастую экономисты не формулируют в явном виде нормативные утверждения, лежащие в основе их политических рекомендаций. Критик того или иного политического предписания может отвергать его нормативные предпосылки или

позитивный анализ, на котором оно основано (либо и то и другое одновременно). Для большей ясности полезно определять, с чем именно он не согласен.

Большая степень удовлетворения предпочтений относится к тем аспектам жизни, о которых люди заботятся. Для большинства из них эти аспекты могут быть оценены на основе измеримых показателей, таких как улучшение питания, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, свободного времени и уровня материального комфорта, большее разнообразие развлечений, культурных и экологических благ. Если обозначить словом «процветание» изобилие средств, с помощью которых индивиды могут удовлетворять свои предпочтения, и предположить, что большинство людей предпочитает больший уровень собственного благосостояния меньшему, то главный вопрос экономического анализа, занимающегося тем, что важно для большинства людей, звучит так: какая экономическая система — та, при которой командные высоты контролируются государством, или та, при которой они контролируются рынком, — обеспечивает больший уровень процветания? Ответ на него зависит от ответов на другие вопросы, подлежащие анализу: каким образом и почему каждая из этих систем функционирует именно так, а не иначе? Экономисты, выступающие за свободный рынок с минимальным государственным вмешательством, как правило, формулируют проблему в виде однозначной дилеммы: за государственный контроль или против. Те же, кто считает, что государство должно играть в экономике большую роль, склонны формулировать проблему как задачу поиска наилучшего сочетания или баланса между рыночным и государственным контролем.

Социализм *versus* капитализм

Система государственного контроля над командными высотами экономики, финансовой системой и основными отраслями имеет простое название — *социализм*. Однако разновидностей социализма существует так же много, как и разных методов государственного контроля над командными высотами. Альтернативный же вариант, когда финансы и производство остаются в частных руках и направляются рыночными силами, такими как конкуренция, прибыль и убыток, спрос и предложение, система цен, более кратко именуется *капитализмом*. И с этим термином связано множество тонкостей. Противоположность социализму более точно определяется терминами «свободно-рыночный капитализм» или просто «свободная экономика», поскольку существуют такие выражения, как «кумовской капитализм» (*crony capitalism*) и «государственный капитализм», обозначающие индустриальную экономику, формируемую не рыночными силами, а государственным управлением.

Джеффри Сакс — экономист из Колумбийского университета, известный своими усилиями по убеждению правительств богатых стран предоставлять больше помощи бедным странам — подытожил результат шедших

на протяжении XX века баталий по вопросам экономической политики следующим образом:

Частью реальности стала капиталистическая революция конца XX столетия. Рыночная экономика, капиталистическая система стали единственной моделью для подавляющего большинства стран мира¹¹.

В этом случае Сакс использует понятие «капиталистическая система» как вполне ценностно-нейтральный синоним для выражения «экономика, направляемая рынком». Разумеется, другие авторы вкладывали в него совершенно иной смысл. Карл Маркс в XIX веке, как известно, придавал термину «капиталистический строй», или просто «капитализм», однозначно негативное звучание. Подобно тому как монархия представляет собой режим, благоприятствующий обладающему привилегиями государю, а меркантилизм — режим, благоприятствующий привилегированным торговцам, «капитализм» в марксистском понимании — это режим, благоприятствующий привилегированным капиталистам, стремящимся к прибыли владельцам финансового богатства. Дэвид Н. Балаам и Майкл Весет отмечают, что выводы Ленина, как и Маркса, «основаны на предположении, что в силу самой природы капитализма финансовые и производственные структуры в различных странах перекошены в пользу владельцев капитала»¹². Подробнее взгляды Маркса мы рассмотрим в главе 2. Капитализм, как его понимал Маркс, подразумевает эксплуатацию рабочих капиталистами. Согласно его пророчествам, современный капитализм хотя и вытеснил средневековый феодальный строй благодаря намного более производительной системе, сам неизбежно уступит место социализму, а затем и коммунизму — системе, где править будут трудовые коммуны, а все ресурсы перейдут в коллективную собственность.

Из-за наличия у термина «капитализм» марксистских обертонов Хайек отмечал, что сам он использует его «крайне неохотно, так как его современные коннотации в значительной степени созданы... социалистической интерпретацией экономической истории». Позднее он объяснил, что этот термин «имеет тенденцию вводить в заблуждение, потому что при его использовании возникает образ системы, выгодной преимущественно для капиталистов, тогда как на деле она налагает на предприятия такую дисциплину, что управляющие пребывают в постоянном напряжении и каждый норовит избавиться от нее»¹³. Для Хайека, как и для Адама Смита, распространение конкурентной рыночной экономики с децентрализованным и частным владением собственностью направлено на поддержку интересов простых работников и потребителей, а не бизнесменов как класса. Столкновение экономических идей не равнозначно столкновению политических групп интересов. Главная тема последующих глав этой книги — не конфликты по поводу того, чьим интересам должна служить экономика, а споры о том, как наилучшим образом обеспечить процветание типичного участника экономической системы.

Отход от *laissez-faire*

Осенью 1905 года в престижном Кембриджском университете способный аспирант-математик по имени Джон Мейнард Кейнс первый и последний раз в своей жизни посещал лекции по экономической теории. Ему предстояло за восемь недель пройти соответствующий курс у знаменитого профессора Альфреда Маршалла. За лето Кейнс прочел последнее на тот момент (третье) издание книги Маршалла «Принципы экономической науки» — наиболее распространенный в англоязычных странах учебник по экономической теории, представлявший собой синтез классических и новых доктрин. Вскоре Маршалл весьма высоко оценил талант Кейнса как экономиста. Самого Кейнса тоже впечатлили собственные успехи. «Я думаю, что весьма в этом продвигаюсь, — поделился он с близким другом, добавив: — Так легко и приятно овладевать принципами этой деятельности». Неделю спустя он писал: «Маршалл непрерывно пристает ко мне, чтобы я стал профессиональным экономистом»¹.

А в последние месяцы Первой мировой войны затишье между боями на позициях австрийской армии у берегов реки Пьяве в Северной Италии дало возможность молодому лейтенанту по имени Фридрих Август фон Хайек впервые в жизни познакомиться с экономическими текстами (социалистические брошюры, что он прочел в студенческие годы, не в счет). Это были две книги, которые дал ему на время офицер-однополчанин. Позднее Хайек недоумевал, как эти тексты не привили ему «устойчивую неприязнь к этой науке», поскольку они представляли собой «наихудшие из возможных образцов экономических сочинений». Вернувшись после войны в Венский университет, молодой ветеран открыл для себя книгу к тому времени уже ушедшего в отставку профессора Карла Менгера и «по-настоящему заболел» экономикой. Труд Менгера «Основания политической экономии» (*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*), вышедший в 1871 году, стал одной из отправных точек маржиналистско-субъективистской революции в экономической теории — той самой, что дала Маршаллу новые идеи для его синтеза. Для Хайека эта книга оказалась «необыкновенно захватывающей и убедительной»².

Кейнсу и Хайеку суждено будет сыграть ведущую роль в столкновении экономических идей во время Великой депрессии. С тех пор их идеи прохо-

дят красной нитью через все важнейшие дискуссии об экономической политике. В 2010 и 2011 годах интеллектуальное соперничество двух ученых даже стало темой двух популярных видеороликов в стиле рэп-баттлов³.

Джон Мейнард Кейнс

Джон Мейнард Кейнс (1883–1946) был сыном английского экономиста Джона Невилла Кейнса. В Кембриджском университете, где преподавал его отец, он изучал математику, но кроме того интересовался философией и, как уже упоминалось, прослушал курс лекций Маршалла по экономике. После недолгого пребывания на государственной службе Кейнс благодаря покровительству Маршалла в 1909 году начал преподавать на кафедре экономики в Кембридже, а через два года занял должность редактора *Economic Journal*. В 1915 году он стал консультантом, а затем и сотрудником Министерства финансов Великобритании. Через четыре года, в возрасте тридцати шести лет, Кейнс вошел в состав британской делегации на Парижской мирной конференции в Версале, подведшей итоги Первой мировой войны. Книга «Экономические последствия Версальского мирного договора» (1919), в которой он описывал конференцию глазами участника и давал критическую оценку договору, принесла ему широкую известность.

Следующие тридцать лет Кейнс писал книги и статьи, читал лекции в Кембридже, редактировал *Economic Journal*, спекулировал на лондонских финансовых рынках и консультировал британское правительство⁴. Во всех этих занятиях Кейнс, по словам Дэниела Ергина и Джозефа Станислава, демонстрировал «блестящий и разносторонний ум... в сочетании с неизменным социальным и интеллектуальным бунтарством, вспыльчивостью и богемным образом жизни, подобающим эстету — жителю Блумсбери»⁵. Хотя в молодости он завязывал сексуальные отношения почти исключительно с мужчинами⁶, примерно в 1922 году Кейнс удивил своих друзей-блумсберийцев, сблизившись с русской балериной Лидией Лопуховой. В 1925 году они поженились и жили счастливо до самой его кончины.

В «Трактате о денежной реформе» (1923) Кейнс выступил против возврата к золотому стандарту на основе довоенного паритета, вполне разумно полагая, что это приведет к болезненной дефляции цен и заработной платы. Вместо этого, по его мнению, центральный банк должен был ввести плавающий валютный курс, перейдя к таргетированию уровня цен. В двухтомнике «Трактат о деньгах» (1930), опубликованном вскоре после начала Великой депрессии, Кейнс изложил теорию экономического цикла, частично опирающуюся на труды его учителя Альфреда Маршалла и шведского экономиста Кнута Вика. Хайек в обширной двухчастной рецензии подверг эту книгу суровой критике. Кейнс снова взялся за перо и написал свою самую известную работу — «Общую теорию занятости, процента и денег» (1936). В ней он утверждал, что текущий объем совокупного продукта экономики определяется текущим совокупным спросом, а наиболее волатильным

компонентном совокупного спроса являются текущие расходы на инвестиции. Кейнсовский диагноз причин Великой депрессии сводился к одному: инвесторы утратили самообладание. Предлагаемый же им рецепт заключался в том, что государство должно увеличить собственные расходы, чтобы тем самым подстегнуть совокупный спрос и особенно инвестиции. Эту теорию и предшествовавшие ей идеи мы подробнее рассмотрим в главе 5.

Фридрих А. Хайек

Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) тоже родился в интеллигентной семье — его отец был профессором ботаники в Венском университете. Отслужив по мобилизации последний год Первой мировой войны на итальянском фронте, он вернулся домой и занялся изучением экономики и психологии в Венском университете. В конечном итоге он остановил свой выбор на экономике, отчасти потому, что с таким образованием было легче найти хорошую работу. Его преподавателем был Фридрих фон Визер — последователь одного из основателей неоклассической экономической теории Карла Менгера (его идеи мы рассмотрим в главе 8). Окончив курс, Хайек начал работать под руководством ведущего венского экономиста Людвиг фон Мизеса. Взяв неоплачиваемый отпуск с марта 1923 по май 1924 года, он посетил США, где познакомился со многими видными американскими экономистами того времени. После возвращения в Вену Хайек возглавил основанный Мизесом научно-исследовательский институт, занимавшийся изучением экономических циклов.

В студенческие годы Хайек симпатизировал социализму, но затем на его взгляды оказала глубокое влияние критическая работа Мизеса «Социализм» (1922). Позднее он подкрепил аргументы Мизеса собственной критикой современных ему идей «рыночного социализма» (см. главу 2). Сборник статей Хайека «Индивидуализм и экономический порядок» (1948), помимо критики рыночного социализма, включал важные статьи, посвященные ключевой роли рыночных цен как сигналов, позволяющих обществу координировать усилия миллионов людей, децентрализованно принимающих решения. Он обращал особое внимание на то «чудо», которое совершает система цен, формируя сложный экономический порядок, координирующий миллионы планов и элементов «рассеянного знания» и обеспечивающий тем самым эффективное использование ресурсов — причем без какого-либо замысла, исходящего из единого центра⁷.

Ранние работы Хайека были посвящены в основном проблеме циклов деловой активности. В частности, он написал книги «Денежная теория и деловой цикл» (немецкое издание вышло в 1929 году, английский перевод — в 1933 году) и «Цены и производство» — последняя основывалась на цикле лекций, которые Хайек прочел в Лондонской школе экономики (LSE) как приглашенный преподаватель, и была опубликована в 1931 году на английском языке. После этого курса Хайек был приглашен на факультет

экономики LSE, который возглавлял Лайонел Роббинс, и преподавал там до 1950 года. Согласно хайкевской теории делового цикла, базирующейся в первую очередь на предшествующих трудах Мизеса и Викасселя, движущей силой экономического бума является искусственно дешевый кредит. (Надо отметить, что и Хайек, и Кейнс опирались на научное наследие Викасселя, но использовали разные его части.) Подпитываемый кредитом бум неизбежно заканчивается кризисом, поскольку заниженная процентная ставка (а в таком состоянии она не может оставаться долго) делает привлекательными такие виды инвестиций, которые оказываются неприбыльными после того, как она с неизбежностью повышается до равновесного уровня. Подробнее эту теорию и ее предшественниц мы рассмотрим в главе 3. Книга «Цены и производство» подверглась резкой критике со стороны Кейнса и ряда других авторов. Хайек же продолжил свою работу, опубликовав в 1939 году книгу «Прибыль, процент и инвестиции», а в 1941-м — «Чистую теорию капитала».

Во время Второй мировой войны Хайек написал самую известную свою работу — научно-популярную книгу «Дорога к рабству» (1944). В ней он предостерегал об угрозах личной и общественной свободы, порождаемых централизованным планированием (см. главу 6). В 1947 году он основал Общество Мон-Пелерен, надеясь, что эта организация объединит тех немногих интеллектуалов, которые остались верны классическому либерализму и разделяли его тревогу в связи с тенденцией к усилению роли государства в экономике и обществе (см. главу 8).

После того как его научные интересы сместились с чистой экономической теории в сторону социальной философии, а также после решения расстаться с первой женой и вступить в новый брак (из-за чего испортились его отношения с Роббинсом) Хайек в 1950 году занял должность в Комитете по общественной мысли Чикагского университета⁸. В Чикаго он написал «Конституцию свободы» (1960) — труд, где излагалась его политическая философия, находившаяся в русле классического либерализма. В 1962 году Хайек вернулся в Европу, став профессором Фрайбургского университета в Германии. В 1974 году он получил премию Шведского национального банка по экономическим наукам памяти Альфреда Нобеля (далее мы будем пользоваться сокращенным названием «Нобелевская премия по экономике»). Двумя годами позже, в возрасте 77 лет, Хайек опубликовал монографию с весьма радикальной идеей, выраженной в самом ее названии — «Частные деньги». В своем последнем труде «Пагубная самонадеянность: ошибки социализма», изданном в 1989 году, он вернулся к теме социализма⁹.

Кейнс о конце *laissez-faire*

Кейнс категорически отвергал доктрину Адама Смита о «невидимой руке». В лекции, прочитанной в 1924 году и двумя годами позже изданной в качестве статьи под названием «Конец *laissez-faire*», он заявил:

Властью, данной свыше, совпадение частных и общественных интересов не предусматривается. Управление «снизу» *не* обеспечивает их совпадения на практике. Было бы *неверным* считать, что просвещенный эгоизм обычно действует в общественных интересах; это ложный вывод из принципов экономики. *Неверно* также, что личная корысть обычно оказывается просвещенной; гораздо чаще индивиды, действующие самостоятельно во имя достижения своих собственных целей, слишком невежественны или слишком слабы, чтобы достичь даже их¹⁰.

В частности, Кейнс отрицал, что децентрализованные рыночные силы являются адекватным средством определения величины и направлений использования накоплений и инвестиций:

Я считаю, что мы должны разумно подойти к решению вопросов о том, к какой норме сбережений на уровне общества в целом нам следует стремиться, какая доля сбережений должна направляться за границу в форме инвестиций, способна ли нынешняя организация инвестиционного рынка обеспечить эффективное распределение сбережений. Я не думаю, что эти вопросы должны быть полностью оставлены на усмотрение частного бизнеса и решаться из соображений частной выгоды, как это происходит сейчас¹¹.

В «Общей теории» Кейнс уделит особое внимание своей идее, что нельзя рассчитывать на то, что рыночные силы обеспечат достаточно большой совокупный объем инвестиций. Контроль должно осуществлять просвещенное государство.

Кейнс и Хайек о роли государства

Кейнс был одним из ведущих сторонников точки зрения, что государство должно в большей степени управлять экономикой. Хайек же был одним из ведущих сторонников противоположного тезиса — что государству следует меньше вмешиваться в действие рыночных сил. Мы рассматриваем их здесь в качестве представителей противоборствующих сторон спора потому, что они пользовались широким влиянием, а не потому, что они занимали наиболее радикальные позиции. Так, Кейнс, в отличие от теоретиков коммунизма, не требовал ликвидации рынка. Он прямо отвергал русский коммунизм по трем причинам: (1) коммунистическая идеология «безразлична к нарушениям свободы и безопасности в повседневной жизни»; (2) марксистская экономическая теория, на которую опирается русский коммунизм, «похожа на устаревший учебник по экономике, не просто научно неправильный, но читаемый без всякого интереса и к современному миру неприменимый», а марксистская литература в целом представляет собой «туманный вздор»; и (3) коммунизм «возвышает грубый пролетариат над буржуазией и интеллигенцией» — то есть глумится над такими

людьми, как сам Кейнс и его круг¹². Хайек, со своей стороны, не выступал за упразднение государства, как это делают анархо-капиталисты (да, есть люди, серьезно выступающие за безгосударственную рыночную экономику¹³).

На протяжении большей части XX века среди людей, формирующих общественное мнение, превалировала идея Кейнса об усилении роли государства в экономике. И эта роль действительно усиливалась. Хотя Кейнс и не выступал за *всеобъемлющее* государственное планирование, он поддерживал *расширение* планирования. В письме к Хайеку, отвечая на его критику государственного планирования в «Дороге к рабству», Кейнс писал:

Полагаю, что нам необходимо не отсутствие планирования и даже не его сокращение; более того, я убежден, что нам почти наверняка нужно больше планирования¹⁴.

В «Общей теории занятости, процента и денег» (1936) Кейнс призывал к «достаточно широкой социализации инвестиций», полагая, что это является «единственным средством, чтобы обеспечить приближение к полной занятости». Здесь в фокусе его внимания находятся не детали аллокации ресурсов, а агрегированные величины в масштабе всей экономики. Он подчеркивал, что его предложение о «социализации инвестиций» не означает полного государственного социализма в смысле прямой государственной собственности на предприятия:

Не собственность на орудия производства существенна для государства. Если бы государство могло определять общий объем ресурсов, предназначенных для увеличения орудий производства и основных ставок вознаграждения владельцев этих ресурсов, этим было бы достигнуто все, что необходимо¹⁵.

Если государство способно иным способом обеспечить нужный объем совокупных инвестиционных расходов, владеть предприятиями ему незначит. Кейнс считал, что объем инвестиций должен быть больше, чем, по его мнению, способен обеспечить рынок. Чем больше объем инвестиций, тем ниже уровень их доходности. Результатом, прогнозировал Кейнс, будет «эвтаназия рантье» (людей, живущих на процентный доход от капитала) и «эвтаназия все более усиливающегося гнета капиталистов», то есть политика, обеспечивающая такое снижение доходности, — возможно, даже до нуля, — когда ни один владелец богатства не сможет жить исключительно на доходы от инвестиций¹⁶.

Кроме того, Кейнс предлагал усилить роль государства на рынке труда. В статье, опубликованной в 1925 году, он задавался вопросом о том, «должна ли заработная плата устанавливаться силами спроса и предложения, как предписывают ортодоксальные теории *laissez-faire*, или нам следует ограничивать свободу действия этих сил соображениями „справедливости“ и „разумности“ с учетом всех обстоятельств»¹⁷.

Разумеется, Кейнс отнюдь не был основоположником экономических идей, предусматривающих усиление роли государства в экономической жизни. Более того, они возникли даже не в XX веке. Так, в конце XIX столетия в США начался период идеологических изменений, направленных на активизацию государства, — сейчас это время называют «эпохой прогрессизма» (Progressive era). Важную роль в идейно-политическом движении, о котором идет речь, сыграл целый ряд экономистов — они разрабатывали аргументацию и способствовали принятию законов, усиливавших роль федерального правительства в экономической жизни, от антитрестовского закона Шермана (1890) и закона о доброкачественности пищевых продуктов и медицинских препаратов (1906) до закона о Федеральной резервной системе (1913). По словам Томаса Леонарда, «после 1890 года за три-четыре десятилетия экономическая теория в США превратилась в науку, поставляющую политических экспертов, а ученые-экономисты сыграли одну из ведущих ролей в значительном расширении участия государства в американской экономике»¹⁸.

Во второй половине 1870-х и в 1880-х годах молодые американские экономисты, возвращаясь после обучения в Германии, привозили с собой идеи и подходы, на основе которых они затем сформировали научную школу, получившую название институционализма. В 1885 году группа этих ученых во главе с преподавателем Университета Джонса Хопкинса Ричардом Т. Эли, которому на тот момент был 31 год, создала Американскую экономическую ассоциацию (АЭА). Ассоциация быстро превратилась в ведущую профессиональную организацию американских экономистов (и остается таковой по сей день), но одной из ее первоначальных целей было объединение противников идей *laissez-faire*. В ее учредительном «Заявлении о принципах» подчеркивалась роль «государства как организации, чье конкретное содействие является одним из неперенных условий прогресса человечества»¹⁹. Позднее Эли и другой экономист, Джон Р. Коммонс, в качестве лидеров Американской ассоциации за трудовое законодательство (ААТЗ) оказали немалое влияние на реформы политики занятости в эпоху прогрессизма. ААТЗ была создана в 1906 году, Эли стал ее первым президентом, а Коммонс вскоре занял пост секретаря²⁰.

Эли и его соотечественники считали себя представителями «новой школы», находящейся в оппозиции к классической и неоклассической экономической теории, а также к доктрине *laissez-faire*. В 1886 году Эли писал о «споре между экономистами старой школы», то есть приверженцами классической и неоклассической теории и сторонниками *laissez-faire*, и экономистами «новой школы в Америке», имея в виду своих единомышленников — институционалистов и прогрессистов. Теоретиков «новой школы» он характеризовал как правдоискателей от науки, чьи исторические исследования позволили сделать вывод о позитивной роли профсоюзов и забастовок, найти в социализме «важные и плодотворные истины, прежде, увы,

остававшиеся без внимания» и «опровергнуть многие почитаемые догмы» традиционной теории финансов. В результате появились «политэкономы, преподающие доктрины, которые отличаются от теорий, прежде разделившихся наиболее влиятельными элементами общества». Подробнее на ту же тему Эли высказался в монографии, изданной в 1884 году, где он напрямую связал американскую «новую школу» с доктринами немецкой исторической школы в экономической науке²¹.

В то же десятилетие в Великобритании аргументация против *laissez-faire*, выдвигавшаяся идущими в ногу со временем экономистами, строилась в основном на выявлении теоретических исключений из правил, а не на исторических исследованиях. Генри Сиджвик в «Принципах политической экономики» (1-е изд. — 1883, 2-е изд. — 1887) отмечал, что хотя большинство современных комментаторов по экономическим вопросам по-прежнему считают доводы в пользу *laissez-faire* в сфере международной торговли, то есть в пользу одностороннего введения свободы торговли, «столь же очевидными и неоспоримыми, как математическое доказательство», эта сфера представляет собой исключение, и «лишь немногие фанатики сегодня могли бы использовать подобные формулировки при обсуждении каких-либо других конкретных приложений общей доктрины *laissez-faire*». Прежние представления о том, «что личные интересы индивидов всегда будут направлять их к производственной деятельности, наиболее способствующей обогащению и благосостоянию общества, к которому они принадлежат», и связанная с ними убежденность в «гармонии интересов каждого в отдельности промышленного класса и интересов всего общества», заявлял Сиджвик, «в нашу эпоху утратили свое влияние на умы». Вместо этого «экономисты в целом признают необходимость вмешательства государства для развития производства», по крайней мере в некоторых случаях²².

Сиджвик был одним из ведущих утилитаристов. Доктрина утилитаризма — основная идея которой состоит в том, что нам следует стремиться к наибольшему счастью для наибольшего числа людей — стала набирать популярность после выхода «Введения в основания нравственности и законодательства» Иеремии Бентама (1789). В начале XIX века идеи Бентама активно развивал Джеймс Милль. Хотя сами Бентам и Милль считали свободный рынок наилучшим средством достижения максимального счастья, утилитаризм, по сути дела, предписывал экономистам не присваивать преимущественного статуса никаким политическим принципам вроде *laissez-faire*. Вместо этого каждую предлагаемую государственную меру они должны анализировать прагматически, выясняя, будут ли социальные выгоды от ее реализации превосходить социальные издержки. Руководствуясь утилитаристским подходом, экономисты классической школы второй половины XIX века, такие как Джон Стюарт Милль и Генри Сиджвик, начали рассматривать все большее количество сфер деятельности как исключения из *laissez-faire*, где государство вполне могло бы способствовать росту чистой социальной выгоды²³.

Тот факт, что еще до 1930 года многие экономисты выдвигали аргументы против *laissez-faire* и поддерживали прогрессистское движение, может удивить тех, кто считает, что профессионалы-экономисты практически всегда, или хотя бы до Кейнса, выступали за свободу рынка. Однако, хорошо это или плохо, но приверженность доктрине *laissez-faire* как экономистов периода до начала Великой депрессии, так и современных сильно преувеличивается²⁴. Примером такого преувеличения применительно к прошлому служит следующее высказывание нобелевского лауреата 2009 года и обозревателя New York Times Пола Кругмана:

До того как Джон Мейнард Кейнс в 1936 году опубликовал «Общую теорию занятости, процента и денег», в экономической теории, по крайней мере в англоязычных странах, полностью господствовало ортодоксальное учение о свободном рынке. Конечно, периодически возникали ереси, но они всегда подавлялись. Как писал Кейнс в 1936 году, классическая экономическая теория «покорила Англию столь же полно, как Святая инквизиция покорила Испанию». И ее представители утверждали, что решение почти всех проблем состоит в том, чтобы дать возможность силам спроса и предложения сделать свое дело²⁵.

Сам Кейнс задолго до 1936 года был склонен преувеличивать популярность *laissez-faire*. В статье «Конец *laissez-faire*» (1926) он утверждал, что именно таковы «на протяжении последних пятидесяти лет были позиции всех ведущих экономистов», хотя и признавал, что Альфред Маршалл — который, как должен был знать Кейнс, был ведущим экономистом этого периода — обращал внимание на случаи, когда «частные и общественные интересы не совпадают». В некрологе на смерть Маршалла, опубликованном в том же году, Кейнс представил более точную картину. Отметив «глубокое сочувствие Маршалла социалистическим идеям», он добавил:

Приведенное Маршаллом доказательство того, что при определенных условиях принцип *laissez-faire*, рассматриваемый как принцип максимальной общественной выгоды, оказывается несостоятельным не только практически, но и теоретически, имело огромное философское значение. Но Маршалл недостаточно глубоко развил это конкретное доказательство, и дальнейшее исследование данной проблемы выпало на долю любимого ученика и преемника Маршалла, профессора Пигу²⁶.

Еще до 1936 года роль государства в британской и американской экономике чрезвычайно усилилась, особенно в эпоху прогрессизма, во время Первой мировой войны и на начальном этапе «нового курса» (в 1933–1935 годах). Из тезиса Кейнса–Кругмана вытекает, что это усиление имело место, несмотря на единодушное противодействие ведущих экономистов.

В реальности же на протяжении пятидесяти-шестидесяти лет, предшествовавших 1936 году, многие ведущие англоязычные экономисты активно распространяли идеи, еретические с точки зрения свободного рынка. Они вовсе не находились на периферии экономической науки, и нельзя сказать, что их взгляды «всегда подавлялись». (Конечно, профессиональное сообщество экономистов всегда маргинализировало «еретиков-дилетантов», но не столько из-за их политических идей, сколько именно из-за их дилетантизма.) Эли, Коммонса, Сиджвика, Маршалла и Пигу никто не вытеснял и не подавлял. К этому перечню можно добавить и ведущего американского экономиста-теоретика Ирвинга Фишера, взгляды которого на экономическую политику мы рассмотрим в следующем разделе, и Фреда М. Тейлора, чей доклад по случаю его избрания президентом Американской экономической ассоциации в 1929 году был озаглавлен «Управление производством в социалистическом государстве»²⁷.

Альфред Маршалл и Ирвинг Фишер о *laissez-faire*

Свою позицию Альфред Маршалл четко изложил в выступлении перед британскими экономистами в 1907 году. Он отметил, что в глазах Джона Стюарта Милля (1806–1873), самого видного британского экономиста третьей четверти XIX века, «сфера, в которой вмешательство государства ради повышения общего благосостояния могло привести к успеху, с каждым десятилетием расширялась»²⁸. Маршалл полагал, что большинство его современников-экономистов, не поддерживая полномасштабный социализм, положительно относилось к расширению государственного вмешательства: «В целом экономисты выступают за активизацию деятельности государства ради улучшения общества», но «они против того гигантского расширения сферы действий государства, к которому стремятся коллективисты»²⁹. Сам же он считал, что ряд факторов, в том числе рост профессионализма госаппарата и социалистические идеи «чуждакового, но благородного» Роберта Оуэна «в сочетании с техническим прогрессом обусловили после смерти Милля еще большее расширение поля для благотворного вмешательства государства, чем при его жизни». Маршалл предостерегал от замены частной собственности на предприятия большинства отраслей государственной собственностью, полагая, что это означало бы зайти слишком далеко, но при этом выступал за муниципальное владение коммунальной инфраструктурой и за планирование землепользования в городах³⁰. Он был против полного выравнивания материального положения людей, но обосновывал умеренное перераспределение доходов с позиций утилитаризма. По мнению Маршалла, «если сократить те формы расходов, которые не служат высоким целям, и использовать высвободившиеся средства на благо менее зажиточных представителей трудящихся классов, можно будет добиться значительного увеличения счастья и повышения уровня жизни»³¹.

Ученик Маршалла и его преемник на посту заведующего кафедрой политической экономии в Кембридже Артур С. Пигу в своих книгах «Богатство и благосостояние» (1912) и «Экономическая теория благосостояния» (1920), оказавших значительное влияние на экономическую науку, утверждал, что в тех многочисленных случаях, когда экономическая деятельность одного субъекта оборачивается серьезными побочными последствиями или «внешними эффектами» для других субъектов, *laissez-faire* не позволяет достичь максимальной чистой выгоды для общества. Пигу, как и Маршалл, выступал за перераспределение доходов и поддерживал национализацию некоторых отраслей (военной и угольной промышленности, а также, возможно, железных дорог).

Американский исследователь экономической истории Хью Рокофф отмечает: «Нет никаких оснований считать экономистов 20-х годов XX века догматичными защитниками *laissez-faire*. Эта точка зрения легко опровергается даже при поверхностном изучении истории экономической мысли в период, предшествовавший „новому курсу“». Ведущие экономисты и другие интеллектуалы эпохи прогрессизма уже осуществили «идеологический сдвиг от общего скептицизма по поводу способности государства улучшить функционирование экономики к общераспространенной вере в компетентность государства». Рокофф приходит к выводу: «„Новый курс“ был именно тем, что доктор (экономики) прописал»:

Оказывается, что буквально все реформы, проведенные в 30-х годах XX века — установление минимальной заработной платы, введение социального страхования, пособий по безработице, создание Гражданского корпуса охраны окружающей среды (Civilian Conservation Corps) и т.д. — были именно тем, за что выступали экономисты.

Анализируя публикации ученых-экономистов в ту эпоху, Рокофф обнаружил, что «в подавляющем большинстве статей о реформах в духе „нового курса“, публиковавшихся в основных периодических изданиях по экономике с конца Первой мировой войны до 1929 года, подобные преобразования одобрялись» (курсив оригинала)³². Авторами нескольких статей из тех, на которые он ссылается, были институционалисты, в том числе Эли, Коммонс и Джон Морис Кларк.

В том же 1907 году, когда Маршалл рассказывал коллегам о переходе экономической науки от *laissez-faire* к поддержке усиления роли государства, подобным же образом высказался и ведущий американский экономист-теоретик начала XX века. В статье под заголовком «В чем причина отказа от доктрины *laissez-faire*?» профессор Йельского университета Ирвинг Фишер с удовлетворением отмечал, что в предыдущие несколько десятилетий «на смену крайним доктринам экономистов классической школы в духе *laissez-faire* пришли современные доктрины государственного регулирования и общественного контроля».

Эти изменения Фишер приписывал постепенному осознанию двух изъянов доктрины *laissez-faire*. Во-первых, предвосхищая замечание Кейнса о том, что индивиды по отдельности зачастую «слишком невежественны или слишком слабы», чтобы действовать себе во благо, он настаивал, что общественная польза от руководства со стороны специалистов должна ставиться выше принципа, согласно которому людям следует предоставить право принимать самостоятельные решения: «Нельзя позволять, чтобы догмы *laissez-faire* мешали нам предотвращать последствия самоубийственного невежества». В частности, он считал, что общество должно ограничивать продажу и употребление алкоголя³³. Многие экономисты-прогрессисты выступали за запрет алкоголя и наркотиков и даже за евгенику (в виде ограничений на иммиграцию для представителей «низших рас» и за их стерилизацию во избежание «расового самоубийства») в качестве научного метода совершенствования общества³⁴.

«Вторая ошибка *laissez-faire*» заключалась в том, о чем писали и Маршалл, а затем Пигу, — в неспособности справиться с внешними эффектами: «Догматичные сторонники доктрины *laissez-faire* упускают из виду [те действия], ущерб от которых для общества перевешивает пользу для индивида». В качестве примеров таких действий Фишер приводил случаи, когда люди плюют на тротуар (что может привести к распространению инфекций), беспощадную конкуренцию в железнодорожной отрасли, бессмысленные ресурсные издержки, связанные с золотым стандартом, и «социальную гонку» — ненужные траты на то, чтобы «быть не хуже соседей». Впрочем, конкретных предложений по поводу предотвращения «социальной гонки» действиями государства он не выдвигал. По его мнению, эти примеры иллюстрируют «самоубийственные эффекты слепого следования эгоистическим интересам индивидов» без учета внешних эффектов.

Фишер «изумлялся» тому, как далеко некоторые мыслители прошлого заходили в поддержке принципов свободного рынка, приводя в пример «высказывания Герберта Спенсера в поддержку частной чеканки монеты» и аргументы одного из первых анархо-капиталистов Густава де Молинари о том, что конкурирующие частные полицейские службы обеспечат гражданам лучшую защиту, чем государственная полиция³⁵. Подобно Маршаллу, Фишер рассматривал продуманное расширение роли государства в экономике в качестве благоразумного способа избежать крайностей: «Сегодня нам, несомненно, грозит опасность чрезмерного социалистического экспериментирования, но мы ничего не приобретем и многое потеряем, если будем игнорировать или потворствовать его противоположности — порокам индивидуализма»³⁶. Позднее Фишер выступал за прогрессивный подоходный налог на том основании, что, как показала экономическая наука, для человека, получающего больший доход, один доллар дополнительного дохода значит меньше, чем для человека, чей доход меньше³⁷.

Молодость Кейнса и детство Хайека пришлись на период динамичного роста в десятилетия, предшествовавшие 1914 году, сопровождавшегося более или менее благоприятной по отношению к рынку экономической политикой. Телеграф, радио и телефон сотворили настоящее чудо, обеспечив мгновенную связь между городами мира³⁸. Все более быстрые поезда и корабли вместе с появившимися тогда легковыми и грузовыми автомобилями увеличили скорости передвижения и расширили масштабы торговли. Некоторые авторы называют этот период «первой эпохой глобализации».

В своей книге «Экономические последствия Версальского мирного договора», написанной в 1920 году, когда он еще не полностью порвал с классическим либерализмом, Кейнс красноречиво описал период, прерванный началом Первой мировой войны:

Каким удивительным эпизодом экономического прогресса была та эпоха, которая пришла к концу в августе 1914 года. <...> Сидя за утренней чашкой чая, житель Лондона мог заказать по телефону разнообразнейшие продукты всего Земного шара в каком угодно количестве и через несколько часов получить их в собственной квартире; он мог испробовать счастье сразу в нескольких частях света, вложив свои капиталы в эксплуатацию их естественных богатств или какие-либо новые предприятия, и без всяких усилий или беспокойств получать свою долю прибылей и выгод. <...> По первому желанию он мог воспользоваться дешевыми и удобными средствами передвижения, чтобы отправиться в любую страну или даже часть света, для чего не нужно было ни особого паспорта, ни каких-либо формальностей; он мог... запастись нужным количеством драгоценного металла в ближайшем отделении банка и затем ехать в чужие края, не зная их языка и религии или обычаев, везя при себе свой запас денег; при этом малейшее препятствие показалось бы ему досадной неожиданностью. <...> В его глазах проекты и политические планы милитаризма и империализма, расовое и культурное соревнование, монополии, ограничения и запреты, все то, что играло роль змея-искусителя в этом социальном раю, было не более как развлечением, преподносимым ему в утренней газете; все это, по-видимому, не оказывало почти никакого влияния на обычный ход социальной и экономической жизни, которая в ближайшем же будущем должна принять законченный интернациональный характер³⁹.

Хайек позднее с горечью вспоминал, как все изменилось с началом войны: «Мы не осознавали, насколько хрупка наша цивилизация»⁴⁰.

Закон о федеральном резерве и Первая мировая война

Впрочем, и до 1914 года путь экономического прогресса не был абсолютно гладким. Так, биржевая паника 1907 года в США потрясла всю денежную и банковскую систему страны. Для изучения вопроса о том, как обеспечить большую финансовую стабильность, Конгресс создал Национальную денежную комиссию. Небольшая группа экономистов и банкиров выступала за реформы, предполагающие дерегулирование. Они связывали слабость банковской системы США и вызывающую острые споры «неэластичность» денежного предложения с ограничениями со стороны властей штатов на расширение банками филиальной сети и с ограничениями со стороны федеральных властей на эмиссию банкнот банками⁴¹. Однако большинство экономистов и банкиров, занимавшихся этим вопросом, отдавали предпочтение созданию центрального банка по образцу Банка Англии или германского Рейхсбанка⁴². Закон о Федеральном резерве, принятый в 1913 году, расширил полномочия федеральных властей в денежной и банковской сферах, что вполне соответствовало духу прогрессизма. Ниже (в главах 3, 5, 11 и 12) мы расскажем о столкновении идей в следующем поколении экономистов по поводу того, насколько создание центральных банков на практике оказалось полезным или вредным.

В 1917–1918 годах в целях мобилизации и реквизиции ресурсов для участия США в Первой мировой войне администрация президента Вудро Вильсона резко усилила роль федерального правительства в экономике. Этот эксперимент с административно-командными методами Франклин Рузвельт и его советники в годы Великой депрессии используют в качестве прецедента при разработке программ «нового курса». Сразу же после окончания войны федеральное правительство ужалось (хотя его масштаб и сфера активности не вернулись к прежнему уровню), а рыночные механизмы в основном были восстановлены⁴³. Преемник Вильсона Уоррен Г. Гардинг назвал эту реставрацию «возвратом к нормальному состоянию». В Великобритании правительство Дэвида Ллойд Джорджа осуществило аналогичную «революцию военного времени», усилив контроль государства над экономикой, но после окончания войны большинство вновь созданных министерств было упразднено⁴⁴.

Русские революции 1917 года

Еще один эксперимент с государственным контролем над экономикой начался в России в 1917 году — и продлился он намного дольше. В феврале 1917 года стачки и массовое дезертирство из армии вынудили царя Николая II отречься от престола. В октябре того же года большевики во главе с Владимиром Лениным свергли сравнительно либеральное Временное правительство и, вдохновляясь идеями Карла Маркса, приступили

к строительству полностью социалистической экономики. Но Ленин столкнулся с серьезной «архитектурной» проблемой — никаких «чертежей» Маркс не оставил. Составлять конкретный проект идеального социалистического общества означало бы заниматься «утопическим» социализмом. Маркс высмеивал социалистов-утопистов именно за это «фантастическое описание будущего общества». Сам он вместе со своим соавтором Фридрихом Энгельсом выступал за «научный» социализм, который критиковал капитализм и предсказывал его неминуемый крах, но детально не прописывал, как будет организовано производство после наступления социализма⁴⁵.

Самым известным «утопическим» социалистом был Роберт Оуэн. В 1824 году он и его последователи выкупили у одной религиозной секты участок земли и поселение в штате Индиана, создали там коммуну под названием «Новая гармония» и начали проводить эксперимент с коллективным ведением сельского хозяйства на добровольных началах. Эксперимент не заладился. По словам Джошуа Муравчика, «всего за год Оуэн и тысяча его приверженцев превратили эту маленькую Швейцарию в Албанию»⁴⁶. Другие нерелигиозные коллективистские эксперименты XIX века также потерпели неудачу⁴⁷. Заклеймив Оуэна и других как «утопистов», отмечает Муравчик, Маркс и Энгельс

попросту зачеркнули этот неудачный опыт с помощью одного из величайших интеллектуальных трюков в истории. <...> Оуэн и другие коммунитаристы действительно проводили эксперименты для проверки своих идей, а эксперимент — это суть науки. То есть именно они и были подлинно научными социалистами. А Маркс и Энгельс отбросили все экспериментальные данные, заменили их идеей, представлявшей собой не более чем пророчество, и назвали это развитием социализма от утопии к науке⁴⁸.

В «Манифесте коммунистической партии» (1848) Маркс и Энгельс написали: «Отличительной чертой коммунизма является... отмена буржуазной собственности. <...> В этом смысле коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности»⁴⁹. Но за этим не последовало никакого тезиса, объясняющего, что именно должно прийти на смену частной собственности, а также рынку, на котором происходит обмен частной собственностью. Маркс отвергал мысль о том, что частная собственность на средства производства — наиболее эффективный способ справиться с неизбежной проблемой редкости, недостаточности имеющихся средств для удовлетворения всех желаний людей.

Следствием редкости является то, что для каждой единицы ресурсов — рабочего, машины или акра земли — должен существовать некий человек или группа людей, которые принимали бы окончательное решение по поводу того, как эта единица должна использоваться. В условиях частной собственности эта роль «последней инстанции» отводится частным владельцам. Каждый человек сам решает, какую работу ему выполнять. Индивид

или добровольное объединение индивидов, произведя или приобретя какой-либо механизм либо участок земли, решает, как его использовать. Даже оставляя за скобками моральные аргументы о праве каждого на свободу и владение имуществом, подобную систему можно обосновать практически соображениями: именно эти люди лучше всего знают, как использовать соответствующие ресурсы с толком. Частная собственность позволяет избежать издержек на консультации с тысячами других людей и на получение их согласия (кроме тех случаев, когда тысячи партнеров или акционеров добровольно объединяют свою собственность). Это обеспечивает мощные стимулы к созданию новых ресурсов и к бережливому распоряжению имеющимися. Маркс отвергал подобные доводы в защиту частной собственности как «пристрастное представление, заставляющее вас [буржуазию] превращать свои производственные отношения и отношения собственности из отношений исторических, преходящих в процессе развития производства, в вечные законы природы и разума»⁵⁰. Таким образом, когда на смену капитализму придет социализм, а затем и коммунизм, казалось бы, ключевая роль частной собственности в производстве и аллокации редких ресурсов должна сойти на нет.

Что касается производства при социализме, в «Манифесте» содержится следующее пророчество:

Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках ассоциации индивидов... пролетариат... силой упразднит старые производственные отношения...⁵¹

Итак, производство будет национализировано. В «Капитале» Маркс добавляет к этому пояснение: производство должно «находиться под сознательным планомерным контролем» «свободного общественного союза людей»⁵². Таким образом, производство будет планироваться централизованно. Но как, по каким принципам, общество должно централизованно планировать новые условия производства? Об этом ни Маркс, ни Энгельс, по сути дела, так ничего и не сказали.

Карл Маркс

Карл Маркс (1818–1883) родился в зажиточной немецкой семье — его отец был адвокатом. Он изучал право в Боннском и Берлинском университетах, но затем, уже в Йенском университете, занялся философией. В 1842 году он начал работать журналистом в Кельне, а через год перебрался в Париж. Там он познакомился с Фридрихом Энгельсом, который стал его финансовым спонсором и соратником. Вдвоем они в 1848 году написали «Манифест коммунистической партии». В 1849 году Маркс переехал в Лондон, где занялся чтением и написанием своих трудов, попутно зарабатывая некоторые суммы в качестве корреспондента газеты *New York Tribune*. В первую

очередь Маркс изучал работы Давида Рикардо и других представителей классической экономической школы. У них он позаимствовал две важные идеи: трудовую теорию ценности* (о ней мы подробнее расскажем в следующей главе) и анализ распределения доходов в соответствии с классово-принадлежностью (трактовка совокупного национального дохода как «пирога», который делится между наемными работниками, капиталистами и землевладельцами). Из этих идей он вывел собственную теорию эксплуатации и прибыли. По Марксу, капиталисты получают доход не за счет вносимого ими в производство вклада, а за счет «прибавочной ценности» («прибавочной стоимости»), которую они присваивают, выплачивая рабочим лишь часть ценности, произведенной их трудом. Свои теоретические построения Маркс изложил в трехтомном труде «Капитал» (тома были изданы в 1867, 1885 и 1894 годах, причем последние два — посмертно под редакцией Энгельса) и в историко-теоретической работе «Теории прибавочной стоимости», написанной в 1861–1863 годах.

Вождь большевиков Владимир Ленин был марксистом до мозга костей. Он заявлял:

Великая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они научным анализом доказали неизбежность краха капитализма и перехода его к коммунизму, в котором не будет больше эксплуатации человека человеком⁵³.

По поводу ленинского определения коммунизма есть старая шутка: «При капитализме существует эксплуатация человека человеком, а при коммунизме — наоборот».

Но заявлять о неизбежности победы коммунизма не значит объяснить, как при этом строе будет организовано производство. Что же следовало делать большевикам, когда они оказались у власти?

* В русскоязычной литературе сложилась традиция переводить термин *value* (и его немецкий аналог *Wert*) как «стоимость», восходящая к неудачной передаче этого термина в русском переводе «Капитала» под редакцией И.И. Скворцова-Степанова — именно эта версия перевода стала в советское время канонической. Тем не менее неадекватность термина «стоимость» в контексте экономической теории ценности хорошо осознается русскоязычными экономистами. В данном переводе будет использоваться термин — «ценность» за исключением случаев, когда вариант «стоимость» встречается в цитатах из уже опубликованных переводов. (Здесь и далее постраничные примечания принадлежат научному редактору.)

Большеви́стская революция и дискуссия об экономическом расчете при социализме

В апреле 1919 года Владимир Ленин направил теплое приветствие революционерам-социалистам, только что захватившим власть в Мюнхене и провозгласившим создание Баварской советской республики. Основываясь на восемнадцатимесячном опыте руководства большеви́стской революцией, установившей в России социалистическую советскую власть, он составил для них список возможных конкретных мер, настаивая на их «самом спешном и широком проведении»:

Создали ли Советы рабочих и прислуги по участкам города, вооружили ли рабочих, разоружили ли буржуазию, использовали ли склады одежды и других продуктов для немедленной и широкой помощи рабочим, а особенно батракам и мелким крестьянам, экспроприировали ли фабрики и богатства капиталистов в Мюнхене, а равно капиталистические земельные хозяйства в его окрестностях, отменили ли ипотеки и арендную плату для мелких крестьян, удвоили или утроили плату батракам и чернорабочим, конфисковали ли всю бумагу и все типографии для печатания популярных листовок и газет для массы, ввели ли 6-часовой рабочий день с двух- или трехчасовыми занятиями по управлению государством, уплотнили ли буржуазию в Мюнхене для немедленного вселения рабочих в богатые квартиры, взяли ли в свои руки все банки, взяли ли заложников из буржуазии, ввели ли более высокий продовольственный паек для рабочих, чем для буржуазии, мобилизовали ли рабочих поголовно и для обороны, и для идейной пропаганды в окрестных деревнях?¹

В этом перечне кратко излагается ленинская программа экстренных мер по укреплению власти путем привлечения на свою сторону рабочих. В то же время отсутствие каких-либо рекомендаций по поводу долгосрочной экономической стратегии указывает на проблему, с которой сам Ленин столкнулся в России: Маркс и Энгельс не оставили конкретных указаний на этот счет, и экономическую политику приходилось придумывать на ходу.

Ленин полагал, что в будущем, при коммунизме, произойдет отмирание государства. Однако в условиях социализма — переходного периода от капитализма к коммунизму — для обеспечения интересов рабочих необходим всеобъемлющий контроль государства над экономикой. Как отмечал современник Ленина, российский экономист-аграрник Борис Бруцкус, большевики обнаружили в Марксовой критике капитализма отказ от капиталистической системы регулирования производства через рыночные цены и идею замены ее «единым государственным планом»².

Захватив власть, большевики без промедления учредили центральный плановый орган — Высший совет народного хозяйства. В декабре 1917 года ВСНХ национализировал банковскую систему, подчинив все банки страны Государственному банку, унаследованному от царского режима. Кроме того, советское правительство национализировало крупные промышленные предприятия и передало фабрики и заводы под контроль рабочих фабрично-заводских комитетов. Весной 1918 года была введена государственная монополия в сфере внешней торговли. К осени того же года новая власть национализировала даже мелкие фирмы. Частная торговля, использование наемного труда и сдача земли в аренду частными лицами были объявлены вне закона. Предпринимались даже попытки упразднить деньги. Питер Бёттке в своей книге по экономической истории этого периода пишет, что постановление, изданное в августе 1918 года, «объявляло, что все сделки должны осуществляться с помощью учетных операций без использования денег»³. Все товары должны были распределяться посредством государственного рационирования. В деревне советская власть конфисковывала все произведенное крестьянами продовольствие (сверх объема, необходимого для личного потребления) для распределения его в городах. Экономист Джек Хиршлейфер называет все эти меры «самой радикальной в современную эпоху попыткой упразднения системы частной собственности и добровольного обмена»⁴.

Результаты были поистине катастрофическими. В отсутствие ценового механизма координации экономических планов, по меткому выражению Льва Троцкого, «каждый завод походил на телефонный аппарат с отрезанными проводами»⁵. К 1920 году объем промышленного производства в России сократился в пять с лишним раз по сравнению с уровнем 1916 года. На селе крестьяне бунтовали против конфискации сельхозпродуктов (продразверстки). Они сокращали производство и прятали собранный урожай. В городах возник настолько острый дефицит продовольствия и других товаров, что многие бежали в деревню, спасаясь от голодной смерти. Из-за голода и массового бегства жителей население Москвы и Петрограда за первые два года после большевистского переворота уменьшилось вдвое. Рабочие в знак протеста начали бастовать. Голодные солдаты и матросы поднимали восстания⁶.

В 1921 году Ленин отказался от этой политики — теперь он называл ее военным коммунизмом и характеризовал всего лишь как чрезвычайные меры, необходимые в условиях гражданской войны, которую вели красные против белых (контрреволюционеров, оказывающих им сопротивление). Такая смена вывески скрывала тот факт, что эта политика была продиктована не только необходимостью или практическими соображениями. Большевики всерьез пытались создать безрыночную экономику. Меры, направленные на упразднение рынка, уничтожившие последние остатки частного предпринимательства, продолжались и ширились уже после того, как в 1920 году сопротивление белых было подавлено. Ликвидация этих остатков рыночной экономики, которым прежде удавалось избежать государственного контроля, привела к полному краху народного хозяйства страны.

В 1921 году Ленин объявил новую экономическую политику (нэп), поскольку альтернативой этому был массовый голод. Он снова разрешил рыночный обмен — крестьянам было позволено продавать свою продукцию, а на смену продразверстке пришло налогообложение по более низким ставкам. Была проведена денационализация малых предприятий и сферы услуг, вновь разрешена частная торговля. Поскольку государство по-прежнему контролировало банковскую систему, крупную промышленность и внешнюю торговлю, Ленин характеризовал нэп как отступление «на командные высоты экономики». Ситуация в народном хозяйстве улучшилась.

В 1928 году нэп будет отменен. Сталин начнет новое наступление на частных предпринимателей — нэпманов — и индустриализацию страны в рамках пятилетних планов⁷. А еще через два года будет проведена коллективизация сельского хозяйства.

Вена, 1920

После окончания Первой мировой войны марксистско-ленинские идеи получили хождение не только в России. Они завоевывали умы, а их адепты захватывали власть в странах Центральной Европы. Так, в Будапеште большевики в марте 1919 года провозгласили Венгерскую советскую республику, которая просуществовала до августа того же года. Выше мы уже упоминали о захвате власти коммунистами в Мюнхене в апреле 1919 года и о создании Баварской советской республики. Она просуществовала примерно месяц, пока в дело не вмешалась немецкая армия. Преобладали марксисты и в городском парламенте «Красной Вены». Один из жилых комплексов, возведенных городскими властями, даже получил название Карл-Маркс-Хоф. Столица Австрии была разорена не только войной и распадом Австро-Венгерской империи, но и введенным городскими властями контролем над ценами на продовольствие и топливо. Что же касается страны в целом, то на выборах 1919 года Социал-демократическая

партия заняла первое место и сформировала коалиционное правительство. Созданная при нем Комиссия по социализации предлагала национализировать угольную и металлургическую отрасли, а затем и другие секторы экономики. Глава комиссии Отто Бауэр выступал за «гильдейский» социализм⁸. Венский философ и экономист Отто Нейрат, участвовавший в 1919 году в выработке экономической политики Баварской советской республики, в том же году опубликовал книгу, где высказал предположение, что централизованное распределение ресурсов, или «военный социализм» времен Первой мировой войны, может стать первым шагом к безденежной «естественной» экономике⁹.

Ведущим критиком социалистических идей в Вене стал Людвиг фон Мизес. Во многом в ответ на доводы Нейрата он в 1920 году опубликовал вскоре ставшую знаменитой статью «Экономический расчет в социалистическом обществе», а через два года — книгу «Социализм» (1922)¹⁰. Именно книга Мизеса заставила Хайека отказаться от симпатий к социалистическим идеям. В предисловии к очередному изданию книги Мизеса, вышедшему в 1978 году, он писал:

«Социализм», впервые появившись в 1922 году, произвел сильное впечатление. Эта книга постепенно изменила существо взглядов многих молодых идеалистов, которые вернулись к своим университетским занятиям после Первой мировой войны. Я знаю это, потому что был одним из них... Мы были нацелены на строительство лучшего мира, и именно это желание пересоздать общество привело многих из нас к изучению экономической теории. Социализм обещал желаемое — более рациональный, более справедливый мир. А потом появилась эта книга. Она нас обескуражила. Эта книга сообщила нам, что мы не там искали лучшее будущее¹¹.

Людвиг фон Мизес

Людвиг фон Мизес (1881–1973) в 1906 году защитил докторскую диссертацию в Венском университете, где он посещал семинар Ойгена фон Бём-Баверка. Годом позже он занял должность главного экономиста в Торговой палате Вены. Первой в ряду его заметных работ стала книга «Теория денег и фидуциарных средств обращения», вышедшая в 1912 году. После службы на фронтах Первой мировой войны он вернулся в Торговую палату и стал официальным советником австрийского правительства. Кроме того, он внештатно преподавал в Венском университете в качестве приват-доцента. В 1920–1934 годах Мизес вел частный семинар, ставший ведущей дискуссионной площадкой Вены по вопросам современной экономической теории¹². Хайек присоединился к кружку Мизеса в 1924 году, после того как поступил на работу в возглавлявшееся Мизесом временное государственное учреждение, созданное после войны. Мизес и другие участники кружка разрабатывали «австрийский» подход в экономической теории,

пионером которого был Карл Менгер, чью работу продолжили в Венском университете Ойген фон Бём-Баверк и Фридрих Визер¹³. В том, что касается экономической политики, Мизес был твердым сторонником свободного рынка, обосновывая это тем, что последний дает позитивные практические результаты.

В 1927 году Мизес основал Австрийский институт экономических исследований, доверив Хайеку непосредственное руководство этим учреждением. Спустя семь лет, незадолго до захвата Австрии нацистской Германией, Мизес, которому грозила опасность из-за его публично высказываемых убеждений и еврейского происхождения, покинул страну и занял должность профессора в Женевском университете. В 1940 году, в возрасте 59 лет, он, ввиду опасности, грозившей Швейцарии со стороны гитлеровской Германии, вместе с женой перебрался в Нью-Йорк (Мизес женился в 1938 году, вскоре после того, как умерла его мать). Завершением его долгой карьеры стала работа в 1945–1969 годах в качестве приглашенного профессора в Нью-Йоркском университете. Наиболее известный труд Мизеса, обширный теоретический трактат «Человеческая деятельность», вышел в 1949 году¹⁴.

Мизесовская критика социалистической экономики

В своей статье, опубликованной в 1920 году, Мизес бросил серьезнейший вызов социалистической мысли. Социалисты, утверждал он, не могут предложить решение главной проблемы, связанной с редкостью экономических благ, а именно проблемы выбора того, как производить. Упразднив рынок, а значит и цены на средства производства, руководители социалистического хозяйства не будут знать, как комбинировать ресурсы для того, чтобы производить блага экономично. Не имея возможности рассчитывать прибыли и убытки, они окажутся словно в открытом море без компаса. В результате социализм будет вести не к процветанию, а к расточительству и бедности. Естественно, экономисты, придерживавшиеся социалистических взглядов, попытались ответить Мизесу, что и породило «спор об экономическом расчете при социализме»¹⁵.

Определяющей характеристикой социалистической экономики и Мизес, и тогдашние социалисты считали упразднение частной собственности на средства производства (труд, землю, сырье, машины, производственные строения). По мнению Мизеса, всякая экономика, где существует фондовый рынок, обеспечивающий свободный обмен контрольными пакетами акций фирм (которые, в свою очередь, владеют средствами производства или их арендуют) между частными инвесторами, не является социалистической. Согласно этому определению, к примеру, современную шведскую экономику нельзя считать социалистической — это рыночная экономика с высокими налогами, действующая в большом социальном государстве¹⁶. Мизес отмечал: «В социалистическом обществе блага производственно-го назначения являются исключительно коллективными; они являются

неотъемлемой собственностью коммуны и потому *res extra commercium*»¹⁷. Экономист-социалист Оскар Ланге (его взгляды мы рассмотрим ниже) придерживался такого же определения, противопоставляя «социалистическую экономику» «любой системе с частной собственностью на средства производства». Когда за управление сельскохозяйственными и промышленными предприятиями отвечают не частные владельцы или инвесторы-капиталисты, а государство, вся координация их производственных планов ложится на центральный плановый орган.

Мизес утверждал, что плановое социалистическое хозяйство, подобное новой экономике Советской России (он писал статью *до* того, как Ленин признал необходимость восстановления рынка), обречена на плохое управление. Отмена частной собственности на средства производства — это ликвидация конкурентного торга за факторы производства между капиталистами, то есть рыночного процесса, в ходе которого формируются цены на производственные ресурсы, показывающие реальные издержки. К примеру, если речь идет об использовании конкретного земельного участка (или конкретного трактора) для выращивания желтозерной кукурузы, то как мы можем узнать соответствующие экономические издержки — то есть ценность наилучшего из прочих вариантов использования данного ресурса? Только узнав, какую сумму стремящиеся к прибыли фермеры, специализирующиеся на сое (или другие потенциальные производители), готовы предложить за его использование для выращивания соевых бобов (или иных культур) в том же сезоне.

Дефицит в СССР

В целях аргументации Мизес был готов допустить, что в социалистической экономике может существовать свободный рынок *потребительских* благ, когда, будучи произведены, такие блага продаются на рынке. В этом случае точные относительные цены на потребительские блага в принципе могут существовать и в социалистическом хозяйстве. Отметим, однако, что на практике советская экономика оказалась неспособна обеспечить правильное ценообразование для таких благ. Историк Шейла Фицпатрик описывает то, как советские граждане в 30-х годах XX века страдали из-за отсутствия адекватных цен на продовольствие, одежду и жилье (и от того, что предложение этих благ на рынке не допускалось):

С переходом в конце 20-х годов к централизованной плановой экономике в стране воцарился повсеместный дефицит... Один рабочий с Урала писал, что в его городе, чтобы купить хлеб, надо было становиться в очередь в час или в два часа ночи, а то и раньше, и ждать почти 12 часов... И хлеб был не единственным товаром, которого не хватало. Ничуть не лучше обстояло дело с другими основными продуктами питания, такими как мясо, молоко, масло и овощи, не говоря уже о промышленных товарах первой

необходимости — соли, мыле, керосине и спичках. Рыба тоже исчезла из продажи, причем даже в тех областях, где был развит рыболовный промысел... Дефицит одежды, обуви и всех потребительских товаров был еще острее — зачастую их просто невозможно было достать... В то время люди ютились в коммунальных квартирах (как правило, одна комната на семью), в общежитиях и бараках... Жилищный кризис в Москве и Ленинграде приобрел такую остроту, что даже обширные связи и государственная должность зачастую не позволяли получить отдельную квартиру¹⁸.

Дэвид Леви отмечает еще один важный момент: советский чиновник или директор магазина, отвечающий за ценообразование или распределение какого-либо товара, *не был заинтересован* в определении его равновесной рыночной цены, поскольку лично он не получал никакой выгоды от увеличения объема продаж. Напротив, устанавливая цены, настолько низкие, что они создавали в магазинах дефицит, и обладая фактическим правом на распределение дефицитных товаров до того, как они попадут на полки магазинов, он мог неофициально оказывать любезность другим, предоставляя доступ к товару, который нельзя было получить иным путем, в обмен на встречную любезность в виде доступа к другим дефицитным товарам. Советский сатирический журнал «Крокодил» проиллюстрировал систему, действовавшую в розничной торговле, с помощью воображаемого объявления в универсаме: «Уважаемые покупатели! В отдел кожаных изделий нашего магазина поступила партия из 500 импортных женских сумочек. Из них 450 куплены работниками магазина. Еще 49 отложены под прилавков согласно предварительным заказам от наших друзей. Одна сумка находится на витрине. Приглашаем вас посетить наш отдел кожаных изделий и купить эту сумку». Другие «утечки» происходили в еще более ранних звеньях цепочки поставок. Так что когда Мизес и Хайек в целях аргументации допускали беспристрастность людей, отвечающих в социалистическом хозяйстве за ценообразование, они тем самым оставляли без внимания одну из ключевых проблем¹⁹.

Необходимость цен на факторы производства

Мизес утверждал, что даже если бы государственные плановики искренне и беспристрастно *хотели* удовлетворить потребительский спрос, а директора социалистических предприятий могли свериться с достоверными потребительскими ценами для определения того, на какой ассортимент товаров существует спрос, то для выяснения того, *как наилучшим образом произвести* потребительские блага, им все равно потребовались бы ориентиры в виде рыночных цен на блага *производственного назначения*. Предположим, что объем Z некоторого вида продукции можно изготовить с помощью разных сочетаний производственных ресурсов $\{U, W, X, Y\}$ в тех или иных количествах. Какой из ряда возможных вариантов минимизирует

издержки производства Z (то есть позволяет избежать ненужных затрат)? Когда директор склада пиломатериалов принимает простое решение о том, какие навесы использовать, брезентовые или пластиковые, эта задача носит не только технический характер. Важны и относительные цены на эти два материала. Когда фермер решает, какое количество каждого типа удобрений использовать в расчете на гектар земли, он учитывает и соотношение цен на различные удобрения. Когда железнодорожная компания решает, где проложить новую линию, имеют значение цены тех или иных участков земли, труда и различных машин, используемых при строительстве мостов и тоннелей.

Мизес следующим образом описывал проблему, с которой столкнется индустриальное «социалистическое общество будущего» в отсутствие рыночных цен на производственные ресурсы:

Там функционируют тысячи и тысячи предприятий... И при непрерывном напоре всех этих процессов экономическое руководство будет дезориентировано. У него не будет возможностей удостовериться, что процесс, необходимый для производства какого-либо блага, не занимает слишком много времени, что труд и материалы не расходуются впустую. Как оно сможет понять, какой из методов производства является наиболее прибыльным?²⁰

Мизес указывал, что полное упразднение рыночных цен возможно лишь тогда, когда социализм победит в мировом масштабе. Что же касается ситуации, сложившейся на 1920 год, то «известный нам социализм существует как некий социалистический оазис, окруженный со всех сторон системой, основанной на свободном обмене и использовании денег». Муниципальная автобусная компания в условиях рыночной экономики *может* быть оценена по критерию прибыльности: мы можем сравнить ее доходы и расходы в денежном исчислении. Аналогичным образом целая социалистическая страна, такая как СССР, может использовать мировые цены в качестве приблизительного ориентира. Она подобна крупной (несомненно, излишне крупной) вертикально интегрированной фирме-конгломерату, действующей в рамках мировой рыночной экономики. Но такое использование мировых цен, естественно, будет невозможно, «в случае если социалистические концерны будут действовать в чисто социалистической среде», то есть если социализм установится в глобальном масштабе²¹.

Производство в условиях «робинзонады» в противоположность специализированному производству и торговле

В социалистической системе плановики сталкиваются с необходимостью принимать решения о том, как распределять задачи и ресурсы между специализированными производственными предприятиями и как управ-

лять ими с наибольшей результативностью. Мизес отмечал, что отдельный индивид, производящий все только для себя и не торгующий с другими, может (более того, вынужден) без использования цен решать, какие производственные планы имеет смысл реализовывать. Литературный персонаж Робинзон Крузо, оказавшись после кораблекрушения на необитаемом тропическом острове, способен сделать рациональный выбор — например, использовать ли тот или иной участок земли для охоты либо земледелия, — непосредственно сравнивая ожидаемые выгоды от этих альтернативных вариантов (за вычетом «издержек в виде затраченных усилий»)²². Крузо может самолично оценить, сколько добычи он может получить от охоты, каков возможный урожай, сколько усилий нужно потратить на охоту, а сколько — на земледелие, и решить, какой вид продовольствия он предпочел бы получать с того или иного участка.

Напротив, производителю, действующему не в изоляции, а в рамках общества и его экономической системы, чтобы решить, чем стоит заняться, нужны цены на производственные ресурсы (факторы производства). Даже при наличии рынка, определяющего цены на потребительские блага, необходим и рынок благ производственного назначения или производственных ресурсов — он сообщает каждому производителю оценки других производителей в отношении различных вариантов использования этих ресурсов. Только рынок благ производственного назначения «дает нам возможность распространить суждения [производителей] о ценности на все блага более высокого порядка». Без рыночных цен на труд, производственные машины, сырье и без определяемой рынком процентной ставки «все сравнительно продолжительные, окольные процессы капиталистического производства превратятся в блуждание во тьме»²³. Самоличной «робинзоновской» оценки без использования цен уже недостаточно. При условии наличия большого числа производителей, «как только происходит отказ от концепции свободно устанавливаемой денежной цены на блага более высоких порядков, рациональное производство становится абсолютно невозможным».

Поскольку же денежные цены на блага более высоких порядков формируются посредством конкурентного торга между владельцами частных предприятий, Мизес добавляет: «Каждый шаг, уводящий нас от частной собственности на средства производства и от использования денег, уводит нас и от рациональной экономики»²⁴.

Какие производственные проекты заслуживают реализации?

Одна из важных посылок аргументации Мизеса состоит в том, что существует много *возможных* способов произвести любое конкретное потребительское благо. Расчет прибылей и убытков с использованием рыночных цен «служит нам путеводителем среди умопомрачительного множества экономических возможностей». К примеру, как следует производить электро-

энергию — построить гидроэлектростанцию или добывать уголь и сжигать его на тепловой электростанции? Каждый из этих проектов является «окольным» (состоит из целого ряда этапов, от чертежа до строительства и эксплуатации) и сложным. В таких случаях «невозможно опираться на туманные оценки, требуются намного более точные расчеты и формирование определенного суждения по практическим экономическим вопросам». Такие точные оценки и суждения обеспечивает только расчет прибыльности, в котором используются рыночные цены на производственные ресурсы (потребляемые факторы производства).

Объясняя, каким образом цены на факторы производства дают возможность применить точный критерий, основанный на прибыли/убытке, Мизес сформулировал один из важных принципов функционирования рыночной экономики:

Расчет, опирающийся на меновую ценность, дает возможность контролировать правильное использование благ. Каждый, кто пожелает произвести расчеты в отношении сложного процесса производства, тут же обнаружит, сработал ли он более экономично, чем другие, или же нет; если он выяснит... что его производство не сможет приносить прибыль, то это будет означать, что другие понимают, как найти лучшее применение тем же самым благам более высокого порядка²⁵.

Например, цена, которую строитель гидроэлектростанции вынужден предложить за бетон, чтобы последний достался ему, а не другим потенциальным пользователям, сигнализирует о ценности бетона при альтернативном использовании. То же самое относится и к другим производственным ресурсам. Если окажется, что при данной цене проект строителя ГЭС не сможет приносить прибыль, то причиной будет то, что его способ использования производственных ресурсов, как можно ожидать, не даст на выходе продукцию, обладающую более высокой ценностью, чем продукция, произведенная при использовании этих ресурсов другими потенциальными покупателями.

Рассмотрим пример двух предпринимателей-конкурентов — Бартона и Джонса. Каждый из них берет в банке заем 20 тыс. долларов, на 10 тыс. покупает бетон, а на остальные деньги нанимает работников. Оба планируют скомбинировать эти факторы производства и продать произведенную продукцию. Из полученных доходов каждый должен будет выплатить банку по 21 тыс. долларов (основная сумма плюс проценты), а оставшиеся деньги сможет оставить себе в качестве прибыли. Бартон строит плавательный бассейн и выручает за него 20 тыс. долларов. Результат — тысяча долларов убытка. Джонс строит теннисный корт, за который ему платят 22 тыс. долларов. Результат — тысяча долларов прибыли. Почему же Бартону приходится платить за бетон 10 тыс. долларов? Если бы он предложил более низкую цену, то этот бетон перекупил бы Джонс и другие предприниматели, готовые заплатить за него рыночную цену в 10 тыс.,

поскольку, по их оценкам, планируемый *ими* способ использования бетона позволит получить продукцию, ценность которой будет выше ценности бетона не менее чем на 11 тыс. долларов, что обеспечит им прибыль. Оказывается, что способ, который выбрал Бартон, добавляет меньше ценности, поэтому он приносит убыток. Тот факт, что Бартон не может получить прибыль при покупке бетона и труда по рыночной цене, свидетельствует, что Джонс и другие понимают, как можно использовать бетон и труд с большей пользой.

Процесс рыночного ценообразования, движимый конкурентным торгом стремящихся к прибыли предпринимателей, назначает цены на производственные ресурсы в соответствии с ожидаемой добавленной ценностью, которую они создают при производстве потребительских благ. Мизес пишет, что, ориентируясь на цены, стремящийся к прибыли предприниматель

использует блага более высокого порядка так, чтобы они давали наибольшую отдачу. Таким образом, все блага более высокого порядка размещаются на шкале оценки в соответствии с существующими социальными условиями производства и потребностями общества²⁶.

Критерий прибыли делает возможным «разделение умственного труда»

Расчет прибыли позволяет иметь в экономике вместо единого центрального планового органа множество субъектов, децентрализованно принимающих производственные решения. Подход, в соответствии с которым практически каждому предоставляется возможность решать, как использовать некоторые редкие производственные ресурсы общества, жизнеспособен в долгосрочной перспективе только при наличии некоей системы выявления и дестимулирования неэкономичных решений. По выражению Мизеса, децентрализация в мире редкости благ «подразумевает своего рода разделение умственного труда, невозможное без некоей системы производственного расчета и без экономии»²⁷. Позднее Хайек будет особо подчеркивать ту мысль, что система цен позволяет обществу использовать фрагменты специализированного производственного знания, рассеянные в умах множества людей.

Суть дела может прояснить аналогия со спортом — по крайней мере для тех, кто знаком с американским футболом. Должна ли футбольная команда, стремящаяся к победе, позволять квотербеку направлять игру в нападении или это должен делать тренер из-за пределов поля? Ответ полностью зависит от того, насколько *результативен* подход, при котором игру направляет квотербек. Команда может оценить эту результативность, используя весьма простой «критерий прибыли»: приводят ли такие действия этого игрока к получению командой большего количества очков?

Почему не годится оценка, основанная на затратах труда?

В аргументации Мизеса была воплощена неоклассическая *теория предельной производительности*, объяснявшая формирование цен на факторы производства. Согласно ей цена производственного ресурса (единицы сырья, машино-часа, часа времени рабочего) на рынке, где предприниматели осуществляют конкурентный торг за него, отражает ценность предельного вклада этого ресурса в выручку от продажи продукции. Социалисты-марксисты в 1920 году придерживались более старой теории цены — классической трудовой теории ценности. Согласно этой теории адекватная цена блага пропорциональна овеществленному в нем необходимому количеству рабочего времени. Если следовать трудовой теории и считать, что социалисты в центральном плановом органе способны определить технически необходимое количество часов рабочего времени, то предпринимательский торг за производственные ресурсы становится излишним. Плановики просто устанавливают соответствующие цены пропорционально необходимому рабочему времени.

Однако Мизес указал на две проблемы, возникающие при «оценке в соответствии с трудом». Во-первых, такая оценка не может объяснить ценность природных ресурсов. Недельные и сезонные колебания цен на нефть невозможно объяснить колебаниями рабочего времени, необходимого для разведки и добычи этого сырья. Во-вторых, труд неоднороден, он имеет качественные различия. В силу этих, а также других причин овеществленное в экономическом благе рабочее время слабо соответствует реальной цене в условиях рыночной экономики, а посему оценка в соответствии с трудом не может заменить рыночное ценообразование. «Трудовая теория ценности» — это ложная теория цены²⁸.

Трудовая теория ценности и связанные с ней проблемы

Трудовая теория ценности, отмечает экономист Дэвид Причитко, представляет собой «краеугольный камень традиционного марксистского экономического учения», сформулированного в главном труде Маркса «Капитал» (1867). Объясняя относительные цены, эта теория, по словам Причитко, утверждает: «Если, например, для изготовления пары ботинок, как правило, требуется вдвое больше времени, чем для пошива брюк, то... конкурентная цена ботинок будет вдвое выше, чем цена брюк»²⁹. Маркс позаимствовал свою теорию ценности у экономистов классической школы, главными представителями которой были Адам Смит, Давид Рикардо и Джон Стюарт Милль. В примере, который приводит Смит в «Богатстве народов» (1776), речь идет не о двух парах брюк за одну пару ботинок, а о двух оленях за одного бобра³⁰. Давид Рикардо открывает первую главу своих «Начал политической экономии и налогового обложения» (1817)

следующим утверждением: «Стоимость товара, или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства»³¹. Джон Стюарт Милль в «Принципах политической экономии» (впервые опубликована в 1848 году, затем книга много раз переиздавалась) выдвинул, по сути дела, аналогичную теорию. «Капитал» Маркса во многом стал «лебединой песней» классической теории цены.

Привлекательность трудовой теории ценности заключалась в том, что она вроде бы объясняла тенденцию приближения цены к затратам. Экономисты классической школы отвергали альтернативную теорию, согласно которой ценность является производной от потребительских предпочтений или спроса, в частности потому, что эта теория, как тогда казалось, порождала следующий парадокс: алмаз гораздо менее важен для жизни человека, чем галлон воды (если бы вам предложили на выбор отказаться от всех алмазов или от всей воды, что бы вы предпочли?), но его рыночная цена намного выше.

Однако при более тщательном анализе трудовая теория ценности оказывается несостоятельной. Одно из направлений ее критики связано с тем, что она не соответствует ключевому экономическому принципу, принявшемуся и Марксом: конкуренция уравнивает норму доходности разных инвестиций. Предположим, что для производства пинты ягод надо затратить десять человеко-часов труда сегодня (нужно найти семена и их посадить; для простоты допустим, что, кроме труда, других ресурсов здесь не требуется), а затем подождать *один* год. Предположим также, что для производства бушеля яблок нужно затратить десять человеко-часов труда сегодня (вложения других ресурсов не требуется), а затем подождать *два* года. Затраты труда одинаковы, но цены на оба продукта в равновесном состоянии *не могут* быть одинаковыми, поскольку это означало бы, что годовая ставка доходности капитала в производстве яблок ниже. Никто не станет инвестировать в двухлетний производственный процесс, который дает при одинаковых затратах не больше выручки, чем однолетний процесс. В состоянии равновесия при положительной ставке процента яблоки должны продаваться дороже, несмотря на равенство затрат труда — иначе их никто не станет выращивать. Рикардо осознавал, что такая проблема существует, но попросту отмахнулся от нее, заявив, что трудовая теория ценности тем не менее верна *в качестве приближения*. Маркс обещал устранить это противоречие в третьем томе «Капитала», но так этого и не сделал. За это его раскритиковал австрийский экономист Ойген фон Бём-Баверк в своей работе «К завершению марксистской системы» (1896).

Неспособность трудовой теории ценности учесть влияние процента (или ожидания) на цену можно проиллюстрировать еще одним примером. Беглое знакомство в интернете с ценами на разные сорта односолодового шотландского виски «Гленlivet» дает следующий результат:

- выдержка 12 лет, крепость 43 градуса, 0,75 литра — 30 долларов;
- выдержка 15 лет, крепость 43 градуса, 0,75 литра — 45 долларов;
- выдержка 18 лет, крепость 43 градуса, 0,75 литра — 62 доллара.

Разумно предполагая, что на приготовление солода, дистилляцию и разлив в бочки всех этих сортов виски «Гленlivet» требуется одинаковое количество человеко-часов и единственное различие в производственном процессе — это время, которое виски выдерживается в бочке, мы приходим к выводу, что такая разница в ценах совершенно не согласуется с чистой трудовой теорией ценности. (Очевидность разницы в ценах на скотч разной выдержки заставляет поражаться, как шотландец Адам Смит мог быть сторонником трудовой теории ценности.) Подобные различия не просто согласуются с равенством нормы доходности, но и *необходимы* для того, чтобы оно имело место.

Самый фундаментальный дефект трудовой теории ценности (и более общей теории ценности, основанной на издержках производства, которую также выдвинул Смит и другие экономисты) состоит в предположении, будто цена блага отражает некое его *внутреннее* свойство, нечто внедренное в него в процессе производства, а не нечто такое, что существует в умах покупателей. Утверждается, что затраты на факторы производства определяют цену продажи, а не наоборот. Первые критики этой теории, например Сэмюэл Бейли (в работе, изданной в 1825 году), указывали, что спрос и редкость блага вместе являются необходимым и достаточным объяснением ненулевой цены (и разрешают «парадокс воды и алмазов»), а затраты труда ни необходимым, ни достаточным объяснением служить не могут. Участки земли с высоким естественным плодородием обладают этим свойством без каких-либо затрат труда, но при этом имеют высокую ценность. Бездарные произведения искусства могут воплощать в себе много часов труда, но на рынке они стоят очень дешево — а то и вообще нисколько. Тем не менее эти критики не смогли полностью сформулировать альтернативную теорию.

Несмотря на общеизвестные проблемы, трудовая теория ценности продолжала преобладать в экономических текстах до тех пор, пока не была выработана более совершенная теория: субъективная теория ценности, или теория предельной полезности. Эту «маржиналистскую революцию» одновременно, но независимо друг от друга произвели в 1871 году Карл Менгер, Уильям Стэнли Джевонс и Леон Вальрас. Менгер писал: «Блага всегда имеют ценность для определенных экономических индивидов, и в то же время эта ценность определяется только этими индивидами». Джевонс добавлял, что ценность труда «должна определяться ценностью продукции, а не ценностью продукции — ценностью труда»³². Иными словами, потребительские блага являются ценными независимо от того, что было затрачено на их производство. Не труд придает ценность потребительским благам — напротив, ценность самого труда определяется его ожидаемым вкладом в производство потребительских благ, оцениваемых независимо от него.

Проблема стимулов при социализме

Как показывает опыт, *еще одной* серьезной проблемой в централизованно планируемой экономике является отсутствие стимулов у работников и управленцев. Неофициальным девизом советских рабочих была поговорка: «Они делают вид, что платят, а мы делаем вид, что работаем». У руководителей предприятий, которые ничего не получают от прибыли, нет стимулов для творческого мышления и даже для серьезных усилий по снижению затрат в рутинных операциях. Мизес утверждал, что проблема экономического расчета носит более фундаментальный характер, поскольку она сохранится, даже если будет решена проблема стимулов:

Но даже если мы на минуту предположим, что... каждый индивид в социалистическом обществе будет трудиться с тем же рвением, что и сейчас в обществе, где он подвергается давлению свободной конкуренции, это не решает проблему измерения результатов экономической деятельности в социалистическом обществе, не дающем возможности производить экономический расчет. Мы не можем действовать экономично, если не в состоянии понять экономичное поведение³³.

На самом деле этот аргумент не доказывает, что проблема расчета более фундаментальна. С таким же успехом можно на минуту предположить, что центральный плановый орган способен устанавливать правильные цены, и заметить, что это не решает проблему того, как заставить рабочих и управленцев напрягать все свои силы. Проблема расчета и проблема стимулов *в равной степени* фундаментальны.

Ответ Оскара Ланге на вызов Мизеса

Свои аргументы Мизес подытожил следующим образом: «Там, где нет свободного рынка, нет и механизма ценообразования, а без механизма ценообразования невозможен экономический расчет»³⁴. Экономист-социалист Оскар Ланге, соглашаясь со вторым его тезисом, отвергал первый.

Ланге — польский экономист, работавший в то время в США, — сформулировал свой ответ Мизесу в ключевой статье «Об экономической теории социализма», опубликованной в 1936–1937 годах двумя частями, где он выдвинул доводы в пользу системы, получившей впоследствии название «рыночного социализма»³⁵. Он начал с признания серьезности вызова, брошенного Мизесом социалистической теории. Ланге иронически заметил, что новое министерство будущего социалистического правительства должно будет поставить Мизесу памятник за его вклад в дело социализма:

У социалистов, несомненно, есть все основания быть благодарными профессору Мизесу, играющему по отношению к их делу роль великого *advocatus diaboli**. Именно его мощный вызов заставил социалистов осознать значение адекватной системы экономического учета как ориентира для аллокации ресурсов в социалистическом хозяйстве. Более того, в основном благодаря вызову, брошенному профессором Мизесом, многие социалисты узнали о самом существовании этой проблемы... В знак признания этой великой заслуги и в качестве напоминания о первостепенной важности надежного экономического расчета статуя профессора Мизеса должна занять почетное место в большом зале Министерства социализации или Центрального планового управления социалистического государства³⁶.

Ланге соглашался с Мизесом в том, что трудовая теория ценности не подходит в качестве ориентира, позволяющего производителям экономичным образом поставлять потребителям то, что те хотят. Маркс, отмечал он, «судя по всему, считал труд единственным видом редкого ресурса, который необходимо распределять между различными способами использования, и хотел решить эту проблему с помощью трудовой теории ценности... Профессор Пирсон и профессор Мизес, несомненно, заслуживают благодарности исследователей этой проблемы за то, что они выявили несостоятельность такого упрощенческого решения». Ланге предложил управлять социалистической экономикой с помощью современной маржиналистской теории, а не марксизма или какой-либо другой разновидности классической школы: «Ограниченность Маркса и Энгельса — это ограниченность экономистов-классиков»³⁷. Если марксисты обещали опрокинуть логику рыночных отношений, то Ланге предлагал следовать ей как можно строже. Рыночная социалистическая экономика превзойдет капиталистическое хозяйство в достижении эффективности в смысле неоклассической модели совершенной конкуренции.

Антимарксистская часть аргументации Ланге в пользу рыночного социализма, естественно, подверглась критике со стороны экономистов-марксистов того времени, прежде всего преподавателя Кембриджского университета Мориса Добба. Последний отвергал то, что считал уступками капиталистическим принципам со стороны Ланге, в частности идею производства, ориентированного на нужды потребителя, а не исходящего из выводов специалистов о том, что нужно производить, а что — нет. Приводя в пример крупнейшую государственную компанию-монополиста в довоенной Великобритании, Добб совершенно искренне задавал риторический вопрос: «Может ли кто-то всерьез утверждать, что количество и характер музыки, транслируемой BBC, должны определяться рыночным механизмом?»³⁸

* Адвокат дьявола (*лат.*).

Оскар Ланге

Оскар Ланге (1904–1965) в 1928 году получил докторскую степень по экономике в Краковском университете. В 1931–1934 годах он преподавал в этом университете статистику и был активным членом Польской социалистической партии. В 1934 году Ланге опубликовал партийный памфлет «Путь к социалистической плановой экономике». Следующие два года он провёл в США, получив исследовательскую стипендию Фонда Рокфеллера. После этого Ланге недолгое время преподавал в Университете Мичигана, Калифорнийском университете в Беркли и Стэнфордском университете. В 1939 году он стал профессором экономики в Чикагском университете, где работал до 1945 года, после чего оставил науку и стал первым послом коммунистической Польши в США, а затем ее представителем в ООН. В 1948 году Ланге вернулся в Польшу и жил там до самой смерти в 1965 году, став депутатом Сейма и высокопоставленным чиновником, занимавшимся централизованным планированием экономики страны.

Ответ Ланге Мизесу

Ланге отвергал утверждение Мизеса: «Там, где нет свободного рынка, нет и механизма ценообразования». Он считал, что социалистическая система тоже может устанавливать и использовать цены. По его мнению, «утверждение профессора Мизеса о том, что социалистическая экономика неспособна решить проблему рациональной аллокации ресурсов, связано с заблуждением в отношении природы цен». Цены — лишь числовые коэффициенты, позволяющие сравнивать разные варианты, «условия, на которых предлагаются альтернативы». Они, несомненно, необходимы, но не обязательно должны иметь своим источником рынок: их может устанавливать и министерство социалистического государства, причем даже более эффективно. Общую логику аллокации ресурсов Ланге рассматривал как математическую задачу:

Экономическая проблема — это проблема выбора между различными альтернативами. Чтобы ее решить, необходимы три вида данных: (1) шкала предпочтений... (2) знание «условий, на которых предлагаются альтернативы», и, наконец, (3) информация о количестве имеющихся ресурсов. При наличии этих данных задача выбора вполне решаема³⁹.

Как социалистическое министерство планирования может получить необходимое знание?

Мизес, по сути дела, отрицал, что знание о правильных коэффициентах, позволяющих сравнивать разные варианты, или об «условиях, на которых

предлагаются альтернативы», даваемое рыночными ценами, может существовать без рынка. Ланге отвечал:

Профессор Мизес это отрицает. Однако тщательное изучение теории цен и теории производства убеждает нас в том, что при наличии данных (1) и (3) «условия, на которых предлагаются альтернативы», определяются в конечном счете техническими возможностями преобразования одного блага в другое, то есть производственными функциями. Управляющие социалистическим хозяйством будут обладать (или не обладать) тем же знанием о производственных функциях, что и капиталисты-предприниматели⁴⁰.

Имея перед собой заданный набор производственных функций, соответствующих производству с наименьшими издержками, мы можем математически рассчитать соответствующие коэффициенты замещения одних товаров другими, что дает правильные относительные цены. Позднее Хайек заметит, что Ланге принимал как аксиому как раз то, что нужно было доказать, поскольку производственные функции, соответствующие наименьшим издержкам, не «заданы» заранее, а систематически выявляются, причем только в условиях конкурентного рынка.

Определение цен на производственные ресурсы в отсутствие рынка

Ланге полагал, что Центральное плановое управление способно устанавливать правильные цены так же, как, по его мнению, это делает рынок, — методом проб и ошибок. Оно может начать с установления произвольной цены, скажем, на цемент. Если в результате возникнет дефицит цемента, то плановое управление повысит эту цену. Если возникнет его избыток, то ее следует снизить. В конечном итоге плановый орган найдет равновесную цену. Ланге пояснял: «Центральное плановое управление зафиксирует эту цену таким образом, чтобы она отвечала объективным условиям равновесия, так же как это делает конкурентный рынок». Он отмечал, что швейцарский экономист Леон Вальрас в своей теории общего равновесия продемонстрировал, что согласованный набор равновесных цен в принципе можно определить с помощью процесса проб и ошибок, или *tâtonnement*⁴¹. В рамках модели социалистической экономики, по Ланге, руководители предприятий будут пассивно принимать цены, установленные Центральным плановым управлением, — точно так же как производители пассивно принимают рыночные цены в вальрасовской модели рыночной экономики с совершенной конкуренцией.

Следует ли из построений Вальраса, основанных на решении системы уравнений, что Центральное плановое управление действительно способно определить правильные цены? Ланге и другие теоретики рыночного социализма утверждали (а Мизес и Хайек оспаривали это утверждение), что

процесс решения уравнений отражает функционирование рынка и плановое управление *может знать* в режиме реального времени, какой именно набор уравнений следует решить так, чтобы при этом полностью учитывались все существующие в экономике вкусы и склонности, производственные функции, соответствующие наименьшим издержкам, и сложившееся распределение ресурсов.

Зачем нужен социализм, если он просто копирует конкурентный рынок?

До этого момента вся аргументация Ланге, по-видимому, состояла в том, что социалистический режим способен воспроизвести то, что и так делает конкурентная рыночная экономика. Почему же он тогда отдавал предпочтение социализму? Ланге задал этот вопрос самому себе и в качестве ответа привел четыре преимущества, присущие, по его мнению, социалистической системе. (1) Она способна перераспределять имеющиеся у людей ресурсы в направлении большего равенства, «так, чтобы достичь максимального общественного благосостояния»⁴². (2) Она может вносить поправки в цены для коррекции внешних эффектов. (3) Она позволяет исключить монопольное ценообразование и тем самым обеспечить большее, чем при рыночной экономике, приближение к идеалу совершенной конкуренции. (4) Наконец, социализм больше способствует техническому прогрессу⁴³.

Говоря о перераспределении, Ланге исходил из того, что экономист может измерить «общественное благосостояние», замерив «полезность» для каждого человека, а затем сложив все полученные оценки. Чтобы максимально повысить общественную полезность как величину, производную от доходов, центральный плановый орган должен уравнивать «предельную полезность дохода» для всех граждан. Так, если Джейн получает больше «полезности» от последнего полученного доллара, чем Джил от своего, нужно забрать этот доллар у Джил и отдать его Джейн и при необходимости повторить эту операцию. Тогда совокупная общественная полезность возрастет до максимального значения.

Таким образом, Ланге пренебрег аргументацией британского экономиста Лайонела Роббинса, который в своей книге «Природа и значение экономической науки», вышедшей в свет тремя годами раньше, указывал на бессмысленность измерения полезности или сравнения полезностей разных людей. «Предельная полезность» в экономической теории потребительского спроса — это лишь порядковый индикатор личных предпочтений индивида. Как таковая предельная полезность дохода индивида представляет собой показатель его предпочтений при выборе между «дополнительным долларом дохода» и «дополнительным временем досуга». Она не является измеримой величиной, и сравнение порядковых показателей предпочтений разных людей лишено смысла. Гедоническая «полезность», или величина «удовольствия за вычетом страдания», о которой

идет речь в утилитаризме и которая, предположительно, поддается изменению и агрегированию для группы людей — тоже нечто иное, не имеющее основания в экономической теории⁴⁴.

Идею использования цен для коррекции внешних эффектов («интернализации экстерналий») — то есть повышения цены, от которой зависят издержки актора, в случае если она меньше социальных издержек от его действия (или снижения цены в случае, если его предельная личная выгода меньше предельной общественной выгоды), — Ланге позаимствовал у британского экономиста Артура С. Пигу. Последний полагал, что в условиях рыночной экономики внешние эффекты можно корректировать с помощью налогов и субсидий, но не объяснил, как измерить величину этих эффектов, чтобы вычислить нужный размер налогов и субсидий. (В главе 13 будет показано, что это очень серьезная проблема.) И Ланге тоже не объяснил, как Центральное плановое управление узнает — или выявит методом проб и ошибок — точную величину внешних эффектов с тем, чтобы соответствующим образом скорректировать цены.

По мнению Ланге, устранение внешних эффектов означает, что «социалистическая экономика не будет подвержена колебаниям экономического цикла». В частности, Центральным плановым управлением будут учитываться все побочные эффекты от закрытия какого-либо предприятия, влияющие на агрегированный объем выпуска⁴⁵.

Что касается монополий, Ланге утверждал следующее:

...Реальная капиталистическая система не является системой с совершенной конкуренцией, в ней преобладают олигополии и монополистическая конкуренция... Реальная капиталистическая система намного лучше описывается построениями г-жи Робинсон и профессора Чемберлина, чем моделями Вальраса и Маршалла. Однако труды последних более полезны для решения проблем социалистической системы⁴⁶.

Здесь он имеет в виду Джоан Робинсон и Эдварда Г. Чемберлина, авторов теорий «несовершенной» и «монополистической» конкуренции — в противоположность вальрасовской теории общего равновесия в условиях совершенной конкуренции и разработанной Маршаллом теории частично конкурентного равновесия. Таким образом, полагал Ланге, хотя с юридической точки зрения социалистическое государство будет обладать законной монополией во всех отраслях, руководители государственных предприятий будут получать указания, выполняя которые они будут вести себя как участники рынка с совершенной конкуренцией.

Ланге признавал, что на ранних этапах своего существования капитализм обеспечил громадный скачок в развитии техники. Но теперь социализм будет больше способствовать прогрессу, поскольку зрелый капитализм сопротивляется любым инновациям, из-за которых может устареть имеющееся производственное оборудование. «Социалисты утверждают, — писал он, — что институты частной собственности на средства производ-

ства и частного предпринимательства... на определенном этапе развития техники... уже не способствуют дальнейшему продвижению вперед, а становятся оковами, мешающими ему» из-за тенденции «удерживать на прежнем уровне ценность ранее сделанных инвестиций». Единственный выход — «отмена частного предпринимательства [*sic*] и частной собственности на капитал и природные ресурсы, по крайней мере в тех отраслях, где такая тенденция преобладает»⁴⁷.

Утверждение Ланге, что капитализм тормозит технический прогресс, напоминает аналогичные аргументы американского экономиста-институционалиста Торстейна Веблена (его взгляды будут рассмотрены в главе 4). Мнение о том, что социализм лучше способствует развитию техники, вряд ли примет всерьез человек, который мог наблюдать, к примеру, полный застой в конструировании автомобилей на автозаводах, находящихся в государственной собственности. Когда в Аргентине были национализированы заводы Форда, последней моделью, которую они выпускали, был «Форд-Фалкон» 1963 года. Один американец, посетивший Буэнос-Айрес двадцать пять лет спустя, в 1988 году, был поражен тем, что большинство машин на улицах по-прежнему имели корпус «Форда-Фалкона» 1963 года. Государственное предприятие, лишённое конкурентов, не имеет особых стимулов к тому, чтобы заниматься рискованными техническими инновациями.

Ответ Мизеса Ланге

Свое мнение о предложениях Ланге Мизес изложил в трактате «Человеческая деятельность», изданном в 1949 году. Если Ланге предполагал, что руководители предприятий, конкурируя за производственные ресурсы, будут действовать *подобно* предпринимателям, стремящимся к прибыли, то Мизес утверждал, что выявление цен за счет децентрализованного торга работает только там, где участники *действительно* стремятся к прибыли, то есть получают материальное вознаграждение за более удачное, по сравнению с другими, участие в торге, а в противном случае несут убытки и могут быть отсеяны. Если на карту не поставлены их личные прибыли и убытки, «конкурентный торг» не будет подлинным: «В спекуляции и инвестиции *играть* невозможно»⁴⁸. Конечно, в социалистической экономике никто не позволит промышленникам и спекулянтам получать прибыль от своих действий (или иметь достаточно большое состояние, чтобы покрывать убытки по заемным средствам), иначе это будет не социализм, а капитализм. Стопроцентное налогообложение прибыли полностью подавит предпринимательство⁴⁹.

Приверженцы рыночного социализма, настаивал Мизес, сосредоточены на малозначительных управленческих решениях уже существующих фирм, оставляя без внимания важнейшие предпринимательские решения, приводящие к созданию и исчезновению фирм. «Именно эти финансовые сделки промултеров и спекулянтов указывают производству те направления, в которых оно удовлетворяет самые насущные потребности потребителей

наилучшим образом»⁵⁰. С точки зрения Мизеса, Ланге упустил из виду значение спекулятивных финансовых рынков в аллокации инвестиций между новыми предприятиями, поскольку он не вышел за пределы вальрасовской модели общего равновесия, где перечень возможных способов производственной деятельности «задан» и технические возможности производства — совокупность всех отображений производственных ресурсов в конечную продукцию — тоже принимаются как «заданное» условие.

Первые критические доводы Хайека в адрес рыночного социализма и ответное письмо Ланге

Хайек дал ответ на аргументы Ланге в пользу рыночного социализма в двух статьях. В первой из них — «Экономический расчет при социализме: конкурентное „решение“» (1940) — он признал работу Ланге шагом вперед по сравнению как с прежней точкой зрения, согласно которой в социалистической экономике возможно планирование производства без экономических ценностных величин и относительных цен, так и с позицией, гласящей, что «цель планирования прежде всего в преодолении результатов конкуренции». Предложение Ланге носит гораздо более утонченный характер: поручить Центральному плановому управлению периодически устанавливать относительные цены с помощью квазирыночного механизма обратной связи, отслеживающего случаи дефицита и затоваривания. Хайек охарактеризовал предлагаемый Ланге механизм ценообразования как более медлительный и громоздкий, чем свободный рынок, где цены корректируются ежедневно. Более того, приказывать производителям рассматривать цены на продукцию и производственные ресурсы как нечто «заданное» или как «константы» — значит, по сути дела, блокировать эффективное производство через устранение соперничества между ними. Последнее проявляется в том, что более эффективные по издержкам производители, стремящиеся расширить свою деятельность или привлечь больше потребителей, предлагают по возможности низкие цены клиентам и по возможности высокие цены продавцам производственных ресурсов. Подобная ценовая конкуренция является главной силой, ведущей «в длинно конкурентной экономике... к снижению издержек до минимально возможного уровня»⁵¹.

Вторая работа Хайека, ставшая ответом сторонникам рыночного социализма, — «Использование знания в обществе» (1945) — стала самой известной его статьей в кругах ученых-экономистов. Социалисты-рыночники вроде Ланге полагают, отмечал Хайек, что кривая издержек для каждого предлагаемого на рынке потребительского или промежуточного блага однозначно определяется ценами на продукцию и производственные ресурсы, использованные при его изготовлении, а также «заданными» производственными функциями (известными наилучшими «рецептами» превращения производственных ресурсов в готовую продукцию). В новой

статье он развил свой контраргумент, кратко изложенный в 1940 году, а именно, что Ланге безо всяких доказательств считал решенным вопрос о том, откуда становятся известны производственные функции, соответствующие наименьшим издержкам. Лучшие рецепты не «заданы» — здесь нет никакой «кулинарной книги», в которую можно заглянуть, — а выявляются в рыночной экономике через соперничество предпринимателей, стремящихся к прибыли. Конкурирующие друг с другом предприниматели экспериментируют с различными производственными, распределительными и организационными методами, которые, как они надеются, окажутся более прибыльными. (Не являются заданными и сами потребительские блага, которые будут производиться: предприниматели экспериментируют, внося изменения в сами продукты, в надежде на то, что потребители вознаградят их за это дополнительными доходами от продаж.) В конечном итоге прибыль и убыток покажут им, оказались ли эти инновации удачными.

Ланге, указывая Хайек, исходит из предположения, что у Центрального планового управления уже есть вся необходимая информация для выбора правильных методов производства. Единственная проблема, с которой оно сталкивается, носит чисто математический характер — необходимо решить вальрасовскую систему уравнений для оптимального набора цен и оптимального количества каждого вида продукции, то есть такого перечня цен и объемов выпуска, для которого «предельные нормы замещения между любыми двумя товарами или факторами должны быть одинаковыми при всех различных вариантах их употребления». Хайек признавал, что подобную математическую задачу можно решить: «Если у нас есть вся релевантная информация, если нам дана система предпочтений и если мы располагаем полным знанием об имеющихся средствах, то оставшаяся проблема носит чисто логический характер». Но подобное решение уравнений, будь то с помощью вычислений или методом проб и ошибок, никоим образом *не есть* решение «экономической проблемы, стоящей перед обществом», поскольку «„данные“, от которых отправляется экономический расчет, никогда не бывают, с точки зрения всего общества, „даны“ какому-то отдельному уму, способному произвести все нужные вычисления, и никогда не могут быть даны подобным образом»⁵². Отдельные знания и интуитивные догадки о более экономичных по издержкам методах производства посещают множество умов в ожидании того, когда рыночный процесс соединит их и подвергнет проверке. Центральное плановое управление *не может* знать всего, что необходимо знать, чтобы сравниться в использовании знания с рынком, поскольку централизованное планирование исключает процесс предпринимательского открытия.

Ключевая информация рассеяна

Рыночная экономика лучше использует имеющиеся у нас релевантные знания о ресурсах и технологиях, утверждал Хайек, поскольку она лучше мо-

билизует информацию, которой владеют разные люди. Каждый владелец бизнеса обладает знанием «особых условий времени и места», которых нет у других:

Экономическая проблема общества — это не просто проблема размещения «данных» ресурсов, если под «данными» понимается то, что они даны какому-то одному уму, сознательно решающему проблему, поставленную перед ним этими «данными». Это, скорее, проблема, как обеспечить наилучшее использование ресурсов, известных каждому члену общества, для целей, чья относительная важность известна только этим индивидам. Или, короче, это проблема использования знания, которое никому не дано во всей его полноте⁵³.

Утверждая, что «управляющие социалистическим хозяйством будут обладать (или не обладать) теми же знаниями о производственных функциях, что и капиталисты-предприниматели», Ланге исходил из того, что *те самые* производственные функции можно найти в некоем «техническом руководстве», имеющемся у чиновников в центре. Однако, возражал Хайек, релевантное знание — не технический вопрос. Одна и та же производственная функция не может подходить всем фирмам в отрасли, даже если они используют одинаковое оборудование, поскольку эти фирмы различаются по местоположению, доступному им сырью и квалификации рабочей силы. Для прибыльной работы производителю на месте необходимо знать, как видоизменить производство по целому ряду параметров, чтобы учесть множество изменчивых локальных факторов, таких как цены и характеристики производственных ресурсов, износ данного конкретного комплекса оборудования, погодные условия и так далее⁵⁴. В нашем мире «экономическая проблема общества заключается прежде всего в быстрой адаптации к изменениям конкретных обстоятельств времени и места»⁵⁵. Для эффективного производства просто следовать техническому руководству и решать оптимизационное уравнение явно недостаточно.

Кто и для кого составляет планы?

Социалисты апеллировали к идее, что планирование лучше, чем отсутствие планирования. Хайек на это отвечал, что спор идет не о планировании как таковом, а о его *централизации*. На деле обсуждаемый вопрос состоит в том, *кто* будет осуществлять планирование.

Планирование в том особом смысле, в каком это понятие употребляется в современных дискуссиях, всегда означает централизованное планирование — управление всей экономической системой согласно одному единому плану. И напротив, конкуренция означает децентрализованное планирование множеством отдельных лиц⁵⁶.

Выбор между этими двумя системами, по мнению Хайека, сводится к тому, какая из них позволяет эффективнее использовать знание, рассеянное среди действующих и потенциальных производителей:

Какая из этих систем обещает быть более эффективной... зависит от того, в каком случае у нас больше шансов преуспеть — при передаче всего знания, которое необходимо использовать, но которое изначально рассредоточено среди множества индивидов, в распоряжение единой центральной власти или при передаче индивидам того дополнительного знания, которое требуется им, чтобы согласовывать свои планы с планами других людей⁵⁷.

Рынок координирует децентрализованные планы с помощью ценовых сигналов

Рыночные цены и обратная связь в виде прибылей и убытков позволяют людям, децентрализованно составляющим производственные планы, координировать их с планами своих потребителей и поставщиков производственных ресурсов. Хайек иллюстрирует это с помощью своего ставшего знаменитым примера с рынком олова. Допустим, месторождение олова истощилось или для этого металла нашли еще одну область применения. В результате купить достаточно олова по прежней цене становится невозможно. Если общество хочет использовать олово только в тех областях, в которых можно получить наиболее ценные результаты в новых, изменившихся условиях, то как вынудить действующих пользователей отказаться использовать олово в областях, где оно приносит наименее ценные результаты? Конкурентный рыночный подход заключается в том, чтобы позволить ценам на олово в ходе конкурентного торга подняться до нового уровня, уравнивающего спрос и предложение, а каждому пользователю — самому решить, какие области и способы использования олова нецелесообразны при новой, более высокой цене. Производители несколько снизят объем продукции, требующей применения олова, а в случаях, когда его можно вообще заменить, перейдут на производство с использованием металлов-заменителей, если этот вариант будет прибыльнее. Поразительным результатом, по словам Хайека, станет то, что

без чьего бы то ни было приказа, когда, вероятно, лишь горстка людей знает... причину, десятки тысяч людей, чьи личности нельзя было бы установить за месяцы расследований, оказываются принуждены употреблять этот материал или сделанные из него продукты более бережно — то есть сдвигаться в правильном направлении⁵⁸.

Сокращение потребления олова в производстве продолжается (потому что повышение цен не прекращается) до тех пор, пока спрос снова не сравняется с предложением. Без какого-либо единого плана производители

децентрализованно жертвуют именно теми способами использования олова, которые имеют наименьшую ценность. Они отказываются от тех способов применения этого материала, которые при повысившейся цене считают неоправданными — и только от них.

В процессе такой адаптации, подчеркивал Хайек, экономится информация. Чтобы понять, что сложившаяся ситуация требует использовать меньше олова, производителям достаточно знать, что цена на него выросла. Таким образом, цены играют роль *сигналов*: «Мы должны смотреть на систему цен как на механизм передачи информации, если хотим понять ее действительную функцию»⁵⁹. Координация посредством ценовых сигналов, а не приказов, позволяет каждому индивиду свободно заниматься любым видом профессиональной деятельности или предпринимательства при условии, что он готов принять те цены, которые предлагает рынок за услуги в этой сфере. Спонтанное разделение труда на специализированные профессии, а значит и наша современная цивилизация, возникли только потому, что человеку «довелось натолкнуться на способ, сделавший ее [цивилизацию] возможной», а именно на координацию посредством системы рыночных цен. Централизованное планирование, напротив, ограничивает «ту степень свободы, с какой индивид может избирать себе занятие и, соответственно, использовать свои собственные знания и мастерство». В последующих работах Хайек подробнее рассматривает те последствия, которые влечет за собой централизованное планирование для свободы личности (см. главу 6).

Корректные цены на средства производства определяются не только ценами на готовую продукцию

Ланге был не единственным экономистом, считавшим, что существование математического решения для вальрасовской модели общего равновесия доказывает осуществимость централизованного планирования. Известный экономист из Гарварда Йозеф Шумпетер, как и Хайек учившийся в Венском университете, но не испытавший влияния Мизеса, считал само собой разумеющимся, что теория Вальраса позволяет решить проблему экономического расчета. На это Хайек заметил, что в своей популярной книге «Капитализм, социализм и демократия» (1942) Шумпетер

доказывает, что для теоретика возможность рационального расчета при отсутствии рынков факторов производства вытекает «из элементарного допущения: потребители, оценивая потребительские товары („запрашивая“), *ipso facto** оценивают и средства производства, участвующие в создании этих товаров». Взятое буквально, такое заявление попросту неверно⁶⁰.

* В силу самого факта (*лат.*).

Цены на средства производства определяются *не только* ценами на продукцию, настаивал Хайек, поскольку любой вид продукции можно произвести разными способами. Знание о местных условиях предложения рассеяно. Средства производства оцениваются не потребителями, а конкурирующими производителями в свете их собственных знаний и интуиции. Наилучшие методы производства не заданы раз и навсегда, их приходится постоянно открывать заново, а для этого нужны конкурентные рынки.

Ланге как практик централизованного планирования

Со временем взгляды Ланге претерпевали эволюцию. В частности, в конце 30-х — начале 40-х годов его позиция стала более умеренной. Хайек отправил Ланге экземпляр своей статьи, написанной в 1940 году, и тот в июле этого же года написал ему письмо, в котором неожиданно выразил несогласие с тем, как Хайек представил его позицию:

Я не предлагаю в качестве практического решения, чтобы цены в реальности устанавливались Центральным плановым управлением. В моей работе эта идея использовалась как методологический прием, чтобы показать, каким образом, даже в отсутствие рынка в институциональном значении этого слова, возможно определение равновесных цен методом проб и ошибок. На практике я бы, конечно, рекомендовал, чтобы цены определялись в условиях полноценного рыночного процесса — там, где это оправданно, то есть если количество покупающих и продающих единиц достаточно велико. Лишь там, где количество этих единиц настолько мало, что возникает олигополия, олигопсония или двусторонняя монополия, я бы поддержал фиксацию цен государственным органом... Хочу также добавить, что, как указывалось в заключительной части моей брошюры, я поддерживаю социализацию предприятий на практике лишь в тех областях, где автоматический процесс рыночной конкуренции не функционирует»⁶¹.

Представленная Ланге модель экономики, где *все* отрасли обобществлены, представляла собой «методологический прием для анализа», который «немало читателей» ошибочно приняли за «непосредственные политические предложения»⁶². Ланге обещал опубликовать работу, где этот вопрос будет прояснен, но не сделал этого.

Умеренно-реформистская тональность письма Ланге стала неожиданностью. Во второй части своей статьи он действительно признавал: «Это не означает, что было бы необходимым или мудрым действием упразднить частную собственность на средства производства в тех областях, где все еще преобладает подлинная конкуренция, то есть в мелкой промышленности и сельском хозяйстве». Однако эти сферы рассматривались как исключение из правил. Распространение «монополий и торговых ограничений» означает, что «важнейшая сфера современной экономической жизни так же

далека от свободной конкуренции, как и от социализма»⁶³. Возврат к мелкому производству и свободной конкуренции экономически невозможен, а любое государственное антимонопольное регулирование неизбежно будет поставлено на службу интересам большого бизнеса, поэтому единственный способ «осуществления общественного контроля над предпринимательством и инвестициями» — «забрать их из частных рук». Государственная собственность на промышленные предприятия — «единственно возможное решение», и переход к социализму должен быть не поэтапным процессом, а «генеральным наступлением на капиталистическую систему»⁶⁴.

Теперь же его позиция приобрела менее радикальный, более реформистский характер. В лекции, прочитанной в 1942 году группе студентов-социалистов в Чикагском университете, Ланге намного четче, чем в своей статье, но вполне в духе письма Хайеку, подчеркнул, что целью социалистов должно быть общественное благосостояние, а это требует более широкого применения принципов рыночной конкуренции. Он заявил: «Нам не нужно упразднить рынок из-за того, что капитализм его искажает, вместо этого следует адаптировать нашу систему таким образом, чтобы рынок действительно выполнял те функции, которые он может и должен выполнять»⁶⁵. В опубликованной в 1943 году статье, в которой он сформулировал свои предложения по проведению реформ в Польше, Ланге, по словам Тадеуша Ковалика, рекомендовал национализировать банки и ключевые отрасли промышленности, но «подчеркивал, что государственный сектор должен всегда сосуществовать с большим частным сектором, включающим и средние предприятия». Экономика страны, по мнению Ланге, должна сохранить «пластичность, гибкость и способность к адаптации, которые может дать только частная инициатива»⁶⁶. Еще одним свидетельством его перехода на более реформистские позиции стала история, произошедшая в 1945 году, когда издатель, собиравшийся опубликовать его статью 1936–1937 годов в виде книги, попросил Ланге переработать ее для нового издания. Ланге отказался на том основании, что «статья эта настолько далека от того, что я написал бы по данному вопросу сегодня, что, боюсь, любая переработка будет представлять собой весьма неудачный компромисс»⁶⁷.

Но затем развитие событий подтолкнуло Ланге на другой путь. В 1945 году он оставил должность профессора Чикагского университета и перешел на службу к контролируемому СССР послевоенному коммунистическому правительству Польши, заняв пост ее посла в США, а вскоре после этого — представителя при ООН. В 1947 году он заявил, что новые плановые хозяйственные системы в странах, находящихся за «железным занавесом», «несомненно, экономически успешны»⁶⁸. В 1948 году он вернулся в Польшу, где стал председателем Экономического совета ПНР. Из его опубликованных заявлений явствует, что он выступал за несколько большую опору на ценовые стимулы, но не за полноценный рыночный социализм. Разумеется, Ланге мог опасаться за свою жизнь в случае, если он выразит слишком резкое несогласие с правящим режимом.

«Одним из самых странных и труднообъяснимых поступков Ланге, — отмечает Ковалик, — стала его апологетическая статья о книге Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“. Но после того как Хрущев осудил Сталина, пишет Ковалик,

Ланге начал играть важную роль в реформаторском движении. Он стал кумиром ревизионистов, провозгласив необходимость демократизации и экономической децентрализации. Однако, что интересно, он не вернулся к своей идее рыночного социализма. Отвергая свои прежние труды, он даже дошел до того, что запретил их публикацию на польском языке. В частных беседах Ланге оправдывал это решение тем, что не хотел поддерживать сторонников «социалистического *laissez-faire*»⁶⁹.

В статье, опубликованной в 1956 году, Ланге, в противоположность высказанной в письме Хайеку рекомендации, «чтобы цены определялись в условиях полноценного рыночного процесса — там, где это оправданно», теперь подчеркивал, что это редко бывает оправданным: «Только в исключительных случаях, в мелкой промышленности, общественной или частной, там, где существует большое количество предприятий, эффективно конкурирующих друг с другом, цены могут свободно определяться рыночным механизмом»; но и в этом случае «в определенной мере необходим контроль со стороны государственной власти»⁷⁰.

В 1957 году в одном из своих выступлений Ланге отстаивал необходимость в период перехода к социализму придерживаться сталинистской модели планирования объемов производства, а не модели рыночного социализма, при котором производители руководствуются ценами: «Мне кажется, сам процесс социальной революции, ликвидирующей один общественный строй и устанавливающей другой, требует, чтобы новое революционное государство централизованно распоряжалось ресурсами, и, следовательно, подразумевает централизованное управление и планирование». Задача ускоренной индустриализации усиливает необходимость «аллокации ресурсов путем административного установления приоритетов». После завершения переходного процесса власти смогут заменить централизованный контроль «новыми методами, основанными на использовании экономических законов»⁷¹. Однако Ланге уже не говорит о социализме как о способе более эффективно реализовать принципы рыночной конкуренции. Даже после окончания переходного периода централизованное планирование будет по-прежнему «активно определять основные пути развития народного хозяйства», включая «распределение капиталовложений между различными отраслями экономики». Чтобы обеспечить «эффективное планирование социалистической экономики... необходимо использовать» как ценовые стимулы, так и количественные задания, хотя соотношение этих методов должно смещаться в пользу первых. При социализме, в отличие от капиталистической экономики, стимулы должны не создаваться потребительскими запросами, а «осознанно формироваться

организованным обществом таким образом, чтобы приводить к желаемому результату»⁷².

В статье, опубликованной посмертно, в 1967 году, Ланге вернулся к обоснованию части своей аргументации, содержащейся в работе 1936–1937 годов. Наблюдая развитие электронно-вычислительной техники, он пришел к предположению, что теперь Центральное плановое управление может устанавливать цены без использования громоздкого метода проб и ошибок, применяя компьютеры для непосредственного решения вальрасовской модели экономики:

Если бы я писал свою статью сегодня, моя задача была бы гораздо проще. Я бы ответил Хайеку и Роббинсу: в чем проблема? Заложим все уравнения в ЭВМ и получим решение меньше чем за секунду. Рыночный процесс с его громоздкими tâtonnements теперь выглядит старомодным. Его, по существу, можно считать вычислительным механизмом доэлектронной эпохи⁷³.

Однако с позиции Хайека главный изъян аргументации Ланге состоит не в вычислительной задаче быстрого решения одновременно заданного набора уравнений. Проблема заключается в том, что заданного набора уравнений просто не существует. Знание методов производства с наименьшими издержками в любой сложной экономической системе не «задано», а должно открываться и постоянно переоткрываться заново в ходе состязательного рыночного процесса, в рамках которого предприниматели проверяют свои догадки о наилучших способах производства.

Разнообразное влияние аргументации Хайека

Критика работ Ланге привела Хайека к выводу, что *общей теории равновесия* в духе Вальраса, в которой все планы (представленные системой уравнений) заранее увязаны, недостаточно для понимания реального функционирования рынков. Он полагал, что предложения Ланге «родились из чрезмерной поглощенности проблемами чистой теории устойчивого равновесия» без учета того факта, что работа реальных рынков «обеспечивает более быстрое и полное приспособление к ежедневно меняющимся условиям», чем цены, которые «декретируются сверху»⁷⁴. Чтобы «формальный аппарат равновесного анализа служил объяснению реального мира», экономистам недостаточно сосредоточиться только на конечном состоянии равновесия, в котором все адаптационные изменения уже завершены; предметом изучения должно стать то, как люди узнают новую информацию и приспособляются к ней⁷⁵. В более поздней работе «Конкуренция как процедура открытия» (1968) Хайек добавил, что мы полагаемся на конкурентный рыночный процесс именно потому, что ни один отдельный наблюдатель не обладает достаточным знанием, чтобы точно определить, какие требуются корректировки и где именно находится новое равновесие.

Экономист Израэль М. Кирцнер под влиянием Мизеса и Хайека подробно разработал тему рыночной конкуренции как процесса открытия в своей книге «Конкуренция и предпринимательство» (1973) и последующих работах.

31 июля 2006 года интервьюер из журнала *New Yorker* спросил у основателя «Википедии» Джимбо Уэйлса, чьи идеи оказали на него влияние. В ответе Уэйлс упомянул Хайека:

«Я во многом человек Просвещения», — сказал Уэйлс. Он вспоминает, как стал размышлять о том, что интернет обещает всем бесплатные знания. Но как это осуществить? Еще студентом он прочел манифест свободного рынка «Использование знания в обществе», написанный Фридрихом Хайеком, где утверждается, что знание отдельного человека по определению частично и истина устанавливается только тогда, когда люди объединяют свои знания⁷⁶.

«Википедия» до некоторой степени напоминает рынок: она децентрализована, у нее нет начальника. Со временем менеджмент «Википедии» изменил правила взаимодействия между пользователями — авторами статей, чтобы эта система в большей степени функционировала подобно рынку: теперь она способствует согласованию позиций, а не бесконечно ходящим по кругу дискуссиям между авторами с разными взглядами.

Экономист Томас Суэлли развил тему хайековского «Использования знания в обществе» в своей книге «Знания и решения» (1980). Позднее в газетной колонке он кратко изложил свои выводы по поводу того, какие последствия распыленность релевантного знания имеет для политических решений:

Если исходить из представления, что самый знающий человек на планете не обладает и одним процентом совокупных знаний человечества, то это полностью ставит крест на социальной инженерии, централизованном экономическом планировании, судейском активизме и бесчисленном множестве других амбициозных концепций... Если ни у кого нет в распоряжении даже одного процента имеющегося в обществе знания, то очень важно, чтобы в отношении оставшихся 99% знания — рассредоточенного среди всего населения в виде крохотных и по отдельности незначительных порций — действовало право свободно использовать их при выработке взаимных договоренностей между самими людьми. Именно эти бесчисленные акты взаимодействия взаимодействуют оставшиеся 99% знания — и порождают новое знание⁷⁷.

Доказывает ли крах советской экономики правоту Мизеса?

После краха советской системы в 1989 году экономист Роберт Хейлбронер — автор популярного труда по истории экономической мысли «Философы от мира сего», называющий себя социалистом, — заметил: «Как оказалось,

Мизес был прав». Но советская экономика была смешанной и представляла собой «островок» в океане мировых рынков, а не чистую или изолированную систему социалистического хозяйства. В СССР были официально разрешены некоторые элементы рынка, например торговля продукцией с личных приусадебных хозяйств, и существовало терпимое отношение к многим разновидностям черного рынка. Советские плановики заимствовали у Запада цены и технологии. Проблемы расчета, с которыми они сталкивались, не обострились внезапно в 1989 году. Изменения произошли в сфере стимулов и политики⁷⁸.

В то же время об убедительности мизесовской критики свидетельствует крах ленинской безрыночной экономики в 1920 году. Попытка Ленина упразднить систему цен привела к массовому дефициту, особенно продуктов питания. Новая экономическая политика 1921 года, допускавшая существование малого частного бизнеса и наемный труд в сельском хозяйстве, стала уступкой необходимости использования рыночных цен как ориентира.

Изменение точек зрения в ходе дискуссии о расчете при социализме

В свое время большинство экономистов считало, что в вопросе о возможности экономического расчета при социализме Ланге и другие сторонники рыночного социализма были правы и что им удалось опровергнуть аргументы Мизеса и Хайека. Классическим описанием этого спора стала статья Абрама Бергсона «Социалистическая экономика» (1948). По мнению Бергсона, Ланге и его предшественникам удалось дать убедительный ответ на теоретический аргумент Мизеса, после чего Хайек прибег к возражениям практического характера. В теории плановикам надо лишь решить вальрасовскую систему уравнений общего равновесия, а эта математическая задача, как мы знаем, является вполне разрешимой:

Когда заданы предпочтения и технологии, ценность средств производства может быть однозначно определена путем вычислений, без вмешательства рыночного процесса. [Центральное плановое] управление... может с легкостью принимать решения об аллокации ресурсов таким образом, чтобы это обеспечивало оптимальную величину благосостояния. Ему надо будет просто решить уравнения⁷⁹.

В отношении практической работоспособности социализма (возможности избежать краха и массового голода) Бергсон приходит к выводу, что «здесь и спорить-то не о чем: разумеется, социализм работоспособен. В этом плане аргументы Ланге, несомненно, убедительны». Что же касается способности социалистической экономики приблизиться к капиталистической по уровню процветания, то этот вопрос он оставлял на суд читателей.

Однако впоследствии Бергсон изменил свое мнение. В постскриптуме к своей обзорной статье, написанном в 1966 году, он отметил, что, как показывает изучение советского социализма,

критики этой системы, как выяснилось, были ближе к истине, чем ее сторонники. Так или иначе, насколько можно судить по советскому опыту, есть основания сомневаться в высокой экономической эффективности социализма⁸⁰.

В статье под названием «Еще раз о рыночном социализме», опубликованной в 1967 году, он усомнился в том, что управленцы в социалистическом хозяйстве, даже получив указания производить максимальный объем продукции с минимальными затратами, смогут когда-либо приблизиться к эффективности. Даже если бы в социалистической системе существовал точный критерий успеха (прибыль/убыток), она столкнулась бы с проблемой создания нужных стимулов для менеджеров, чтобы они стремились к прибыли и избегали убытков. Вспоминая дискуссию об экономическом расчете, Бергсон заметил:

Хайек утверждал, что добиться такого результата было бы непросто. На практике менеджеры, вероятнее всего, будут крайне неохотно брать на себя риск. Может быть, это нельзя считать неизбежным, но построение удовлетворительной системы стимулов сегодня представляется более трудной задачей, чем я считал раньше⁸¹.

Изучая практику планирования в СССР, Бергсон обнаружил, что советская система не соответствует модели Ланге. У плановиков отсутствовал точный критерий успеха, поскольку цены в Советском Союзе были неинформативны, что не позволяло надежно рассчитать прибыли и убытки. В реальности

оценка проектов в СССР по-прежнему сталкивается с ограничениями, и отчасти за это ответственна трудовая теория [ценности]... Таким образом, практически с неизбежностью трактовка самого понятия экономического оптимума, являющегося неотъемлемой частью экономической рациональности, оказывается неполной... Принятие решений в экономике крайне централизовано... При выполнении своих нелегких обязанностей вышестоящие органы на всех уровнях часто оказываются без информации, необходимой для адекватной и своевременной оценки альтернатив, а если такая информация и есть в их распоряжении, они не в состоянии в достаточной степени обработать и переварить ее, чтобы провести такую оценку... Одним словом, рублевая ценовая система не выполняет ту функцию, которую, как указано в любом учебнике, должна выполнять действенная система цен — сообщать надежную информацию о действительной редкости тех или иных благ⁸².

Ныне покойный Пол Самуэльсон — автор, а затем соавтор популярнейшего и много раз переиздававшегося учебника «Экономика» (первое издание вышло в 1948-м, девятнадцатое — в 2009 году), также менял свое мнение о советском социализме. В недавней статье специалисты по истории экономической мысли Дэвид М. Леви и Сандра Дж. Пирт показывают, что в 60–70-х годах Самуэльсон и другие американские авторы учебных пособий по экономике из издания в издание прогнозировали быстрый экономический рост в СССР, даже несмотря на то что приводимые ими самими обновленные данные четко свидетельствовали о завышенности этих оценок в предыдущих изданиях. Так, Самуэльсон включал в каждое из семи изданий своего учебника, выходявших в 1961–1980 годах, график, согласно которому темпы роста производства в СССР превышали соответствующий показатель США, и предсказывал, что примерно через 25 лет эти экономики сравняются. Ему неоднократно приходилось сдвигать этот срок вперед по сравнению с предыдущим изданием, потому что в реальности разрыв между двумя странами не сокращался. В ряде изданий он объяснял низкий фактический рост советской экономики неблагоприятными погодными условиями. Даже в издании учебника, вышедшем в 1989 году, Самуэльсон и его соавтор Уильям Нордхаус отмечали: «Советское народное хозяйство служит зримым доказательством того, что, вопреки прежним представлениям многих скептиков, социалистическая командная экономика способна функционировать и даже успешно развиваться». По-видимому, это «доказательство» основывалось на официальной советской статистике объемов производства, которые, как нам теперь известно, были в ней значительно преувеличены. В издании 1995 года, после падения Берлинской стены и распада СССР, Самуэльсон и Нордхаус сменили тон, назвав советскую плановую экономику «несостоятельной моделью»⁸³.

Падение Берлинской стены и крах СССР заставили и других экономистов изменить свою позицию. Оглядываясь на историю спора об экономическом расчете при социализме, Роберт Хейлбронер заметил: «Ответ Ланге был таким простым и ясным, что многие сочли, что от аргументов Мизеса и Хайека не осталось камня на камне. На деле же, как мы теперь знаем, их доводы оказались абсолютно провидческими». Из книги двух советских экономистов⁸⁴ Хейлбронер взял пример со шкурками крота, использовавшимися для изготовления изделий из малоценной пушнины. Это сырье было в огромном дефиците до тех пор, пока заготовительная цена на него не была резко повышена в административном порядке, в результате чего образовался большой избыток. Кротовые шкурки гнили на складах, пока центральные плановые органы проводили время в раздумьях о том, следует ли скорректировать цену в сторону понижения. Хейлбронер подчеркивает проблему отсутствия у планового органа мотивации к тому, чтобы корректировать цены так, как это представлял себе Ланге:

Важнейшим отсутствующим элементом является не столько «информация», как утверждали Мизес и Хайек, сколько мотивация к действиям

в соответствии с этой информацией. Ведь данные о запасах кротовых шуток четко сигнализировали плановикам, что объем их производства был сначала слишком мал, а затем слишком велик. Но отсутствовало желание — а точнее необходимость — реагировать на сигналы об изменении объема запасов. Капиталистическая фирма реагирует на изменение цен, поскольку в противном случае она понесет убытки. Социалистическое министерство не обращает внимания на изменение объема запасов, поскольку бюрократы усвоили одну истину: бездействие не доставит им столько неприятностей, как действие, если, конечно, бездействие не приведет к полной катастрофе⁸⁵.

Новый консенсус — заключающийся в том, что, говоря о несостоятельности централизованного планирования, Мизес и Хайек были правы и победили в споре, — виден и в утверждении специалиста по экономической истории Дж. Брэдфорда Делонга: «В экономической науке даже либеральные социал-демократы, поддерживающие кейнсианские идеи, признают, что „австрийцы“ в своем давнем теоретическом споре со сторонниками централизованного планирования одержали победу»⁸⁶.

Что делать социалистам теперь, когда их теория развалилась?

Крушение советской модели привело экономиста-марксиста Джона Рёмера к важному признанию, что теперь у социалистов больше нет своего образца совершенной экономики:

Главная проблема для левых сегодня связана с отсутствием теории. Куда нам теперь идти? За какое общество нам стоит бороться? Если мы — интеллектуалы-социалисты — сможем найти какое-то направление, это будет иметь неизмеримую ценность⁸⁷.

Заявление Рёмера, судя по всему, было адресовано тем, кто предан социализму, — пусть даже они не совсем понимают, о каком обществе и о какой экономике идет речь. Если полная отмена частной собственности и рынка приводит к катастрофе, как это случилось при Ленине, а Советский Союз при его преемниках не оправдал ожиданий и в конце концов рухнул, какую форму социализма теперь следует поддерживать? К этому вопросу мы вернемся в главах 7 и 8 при обсуждении фабианского социализма и фашизма.

«Ревущие двадцатые» и австрийская теория экономического цикла

Экономист из Йельского университета Ирвинг Фишер изобрел хитроумную систему для облегчения работы с каталожными карточками — позднее она легла в основу «вращающейся картотеки» Rolodex. В 1925 году, в разгар экономического бума, получившего название «ревущие двадцатые», он продал свою фирму Index Visible Company за круглую сумму. Занявшись спекуляцией акциями, он за несколько лет превратил ее в состояние, оценивавшееся в 10 миллионов долларов (что эквивалентно 132 миллионам в долларах 2011 года). Цены на акции быстро росли, и рыночные позиции Фишера постоянно улучшались. Он приобрел репутацию умелого прогнозиста, специализирующегося на рынке акций. 15 октября 1929 года, выступая на торжественном ужине в Нью-Йорке, Фишер, по сообщению New York Times, заявил аудитории, что цены на акции, по-видимому, вышли на «постоянное высокое плато». Он сказал, что согласен с другим наблюдателем в том, что «рынок сейчас находится на пике и будет там находиться еще несколько месяцев», но добавил: «Вопреки [его] прогнозу, я не считаю, что вскоре, или вообще когда-нибудь, произойдет снижение на 50–60 пунктов от нынешнего уровня». Еще более оптимистично Фишер высказался во время ответов на вопросы, заявив, что ожидает «увидеть в ближайшие месяцы на рынке акций значительно более высокие уровни, чем сегодня»¹.

Через две недели фондовый рынок рухнул. Фишер был разорен, поскольку накопил большие долги, покупая акции на заемные средства. Чтобы выплатить долги, ему пришлось продать свой дом в Нью-Хейвене и переехать к свояченице.

Биржевой крах последовал за спадом в обрабатывающей промышленности, который начался несколькими месяцами ранее. В других промышленно развитых странах также началась рецессия. Экономисты из разных стран, которых эти события, как и Фишера, застали врасплох (хотя, как правило, не довели до разорения), пытались понять, что же случилось. Можно ли было избежать спада или какие-то особенности предшествующего бума обрекали его на неизбежный конец?

За восемь лет, с 1921 по 1929 год, реальный ВВП США вырос на 45 с лишним процентов, увеличившись по сравнению с 1921-м — годом рецессии — с 595,1 до 865,2 миллиарда долларов (в долларах 2000 года). Темп роста реального душевого ВВП в годовом исчислении за этот период составил впечатляющие 3,29% — существенно выше, чем 1,97% за предыдущие сто лет². Бум в разной степени затронул различные отрасли, но особенно сильно он проявился в выпуске продукции производственного назначения. Выпуск чугуна и стали в 1929 году почти втрое превысил уровень 1921 года. В строительстве и станкостроении это превышение было даже больше, чем в три раза. С сентября 1921 года до пикового значения в сентябре 1929 года общий индекс промышленного производства вырос на 96,7%, в два с лишним раза опережая рост производства потребительских товаров. С 1925 по 1929 год выпуск продукции производственного назначения увеличился на 22%, а продукции для конечного потребления — только на 7%³. При этом уровень цен изменился мало: в 1929 году индекс оптовых цен снизился по сравнению с 1922 годом всего на 1,5%.

Предпосылки циклического спада начали формироваться в 1927 году. Молодая Федеральная резервная система, созданная в 1914 году, экспериментировала со своими полномочиями. Она проводила политику экспансии, стремясь стабилизировать оптовые цены, удерживать процентные ставки на низком уровне и тем самым продлить экономический бум. За пять лет — с июня 1922 по июнь 1927 года — показатель денежной массы М2 (сумма всех депозитов плюс наличные деньги вне банковской системы) увеличился на 34%, то есть он рос примерно на 6% в год. Затем в течение полутора лет — с июня 1927 по декабрь 1928 года — он вырос на 10%, то есть на 6,7% в годовом выражении⁴. В период с июля по сентябрь 1927 года федеральные резервные банки снизили учетную ставку с 4 до 3,5%. ФРС увеличивала свой портфель коммерческих векселей и скупала казначейские облигации на открытом рынке⁵. Через несколько лет экономист из Корнеллского университета Гарольд Л. Рид заметил, что «значительно выросшие в первой половине 1927 года покупки резервных банков на открытом рынке и, как следствие этого, понижение кривой дисконтов [то есть процентных ставок] с июля того же года» стали причиной «исключительно быстрого» роста банковского кредитования и «рекордного объема» выпусков корпоративных ценных бумаг, за счет чего финансировалось «исключительно быстрое увеличение массы производственного оборудования в стране»⁶.

Фондовый рынок также отреагировал на расширение кредита: в 1928 году цены акций выросли на 50%, а с января по октябрь 1929 года — еще на 27%. ФРС встревожилась из-за этого необычайного роста и ужесточила денежную политику, повысив учетную ставку (процент, под который она кредитовала банки) с 3,5% в начале 1928-го до 5% к началу 1929 года.

В конце концов бум закончился. В июне 1929 года индекс производства, рассчитываемый ФРС, сначала перестал расти, а затем начал снижаться⁷.

Национальное бюро экономических исследований США датирует завершение фазы экспансии августом 1929 года. Индекс промышленного производства Статистического управления Министерства труда США начал снижаться после сентября. В конце октября рухнул фондовый рынок. В отличие от сильного, но непродолжительного шока, имевшего место в ходе полугодовой рецессии 1920–1921 годов и типичного для предыдущих кризисов, быстрое снижение реальной экономической активности продлилось четыре года — позднее они получили название начального этапа Великой депрессии. К 1933 году реальный ВВП сократился до 635,5 миллиарда долларов (в долларах 2000 года), или на 26,5% по сравнению с пиковым значением 1929 года⁸. Промышленное производство снизилось на 47%. Валовые частные внутренние инвестиции сократились с 16,5 миллиарда долларов в 1929-м до 1,3 миллиарда в 1932 году⁹. Согласно мнению Гарольда Л. Рида, высказанному в конце 1932 года в ретроспективном обзоре экономики, «впечатляющее увеличение» количества производственных зданий, сооружений и оборудования, произошедшее в 1927–1928 годах, по-прежнему оказывало давление на рынок и дестимулировало новые инвестиции: «Производственные мощности увеличились настолько, что после рецессии 1929 года на рынках ценных бумаг стало трудно находить удовлетворительные варианты вложения банковского кредита в проекты модернизации предприятий»¹⁰.

Докейнсianская макроэкономика

Какие объяснения экономисты того времени предлагали для этого бума и последующего спада? Пол Кругман полагает, что до тех пор, пока на помощь не пришел Джон Мейнард Кейнс, им попросту было нечего сказать:

Представители классической экономической теории не предложили ни объяснений причин Великой депрессии, ни решений, направленных на ее преодоление. К середине 30-х годов недовольство экономической ортодоксией уже невозможно было сдерживать¹¹.

Здесь Кругман использует термин «классическая экономическая теория» в таком же своеобразном смысле, как и Кейнс в своей «Общей теории», а именно для обозначения основного течения (мейнстрима) в экономической теории, каким оно было до появления его работы 1936 года, в то время как в общепринятом словоупотреблении это словосочетание обозначает основное течение в экономической теории (представленное такими именами, как Адам Смит, Давид Рикардо и Джон Стюарт Милль), каким оно было до маржиналистско-субъективистской революции 1871 года. Но Кейнс, по крайней мере, признает нестандартность своей терминологии: «Я привык, быть может, в нарушение общепринятого этикета, включать в состав „классической школы“ последователей Рикардо, то есть тех, кто

воспринял и развил дальше рикардианское экономическое учение, включая, например, Дж.Ст. Милля, Маршалла, Эджуорта и проф. Пигу»¹². Если пользоваться стандартным определением, то в списке Кейнса Милль — единственный, кого можно назвать рикардианцем или представителем классической школы. Трое других были не рикардианцами, а *неоклассиками*, поскольку они придерживались маржиналистской теории цены, основанной на субъективной ценности и сфокусированной на индивидуальной оптимизации и рыночном равновесии, а не теории цены Рикардо, основанной на трудовых издержках и сфокусированной на долях факторов производства в распределении. Кейнс своеобразным образом использовал термины «классическая школа» и «рикардианская экономическая теория», подразумевая под этим любые экономические теории, исходящие из гипотезы, что цены и заработная плата, если им ничего не мешает, устанавливаются на уровнях, обеспечивающих равновесие спроса и предложения на рынке, и тем самым дают возможность полностью задействовать все ресурсы.

На самом деле, вопреки мнению Кругмана, и до 1936 года многие ведущие экономисты предлагали свои объяснения бума и спада. Каждое из таких объяснений подразумевало соответствующие решения, если понимать под этим выводы для политики. Так, Людвиг фон Мизес, основываясь на теориях Кнута Викселля и британской денежной школы XIX века, наметил основные контуры денежной теории экономического цикла еще в 1912 году в книге «Теория денег и фидуциарных средств обращения», а затем уточнил и развил ее во втором издании этой книги и в монографии 1928 года¹³. Ф.А. Хайек за несколько лет до биржевого краха 1929 года приступил к разработке более детального варианта теории Мизеса, в котором основное внимание уделялось поведению структуры производства в экономике в ходе экономического цикла. После начала Великой депрессии Мизес, Хайек и другие экономисты австрийской школы (в первую очередь Фриц Махлуп, Готфрид Хаберлер и Лайонел Роббинс) применили эту теорию для объяснения причин кризиса¹⁴. Австрийская теория, как мы увидим далее в этой главе, широко обсуждалась. После публикации книги Хайека «Цены и производство» в 1931 году его анализ причин кризиса (основная идея: мягкая денежная политика удерживала процентные ставки на заниженном уровне, тем самым делая структуру производства перекошенной и неустойчивой из-за непропорционально большой доли производства благ производственного назначения) стал главным конкурентом объяснению Кейнса (основная идея: инвесторы потеряли самообладание, и из-за этого инвестиционные расходы не смогли компенсировать слишком сильное снижение потребительских расходов)¹⁵.

Авторы других докейнсианских теорий денег и экономического цикла предлагали собственные объяснения, и некоторые из них в большей или меньшей степени совпадали с версией Мизеса-Хайека. В Великобритании среди них следует назвать прежде всего Денниса Х. Робертсона, Ральфа Хоутри и Артура Пигу, в США — Ирвинга Фишера, Уэсли Кэла Митчел-

ла, Джекоба Вайнера и Джона Мориса Кларка¹⁶. Кейнс и его последователи нашли бы эти объяснения неполными в тех или иных аспектах, но нельзя утверждать, не греша против истины, будто до «Общей теории» Кейнса ведущим экономистам было нечего предложить на этот счет. Кроме того, за пределами «австрийского» лагеря ведущие экономисты разрабатывали политические рекомендации по борьбе с депрессией, предвосхищавшие те, которые впоследствии ассоциировались с именем Кейнса, — в частности, смягчение денежной политики и увеличение государственных расходов, финансируемое за счет заимствований¹⁷.

Теория экономического цикла Мизеса–Хайека

В «Теории денег и фидуциарных средств обращения» и в монографии 1928 года Мизес модернизировал кредитную теорию экономического цикла, намеченную ранее в общих чертах британскими экономистами в ходе дискуссии середины XIX века о роли Банка Англии в колебаниях деловой активности. Он добавил к ней анализ денежной динамики, заимствованный у шведского экономиста Кнута Викасселя, и теорию капитала и процента, основанную на идеях австрийского ученого Ойгена фон Бём-Баверка. Результатом стала теория экономического цикла как следствия ошибочных инвестиций, порожденных денежными процессами.

Согласно теории Мизеса период бума начинается в тот момент, когда банковская система произвольно расширяет предложение заемных фондов сверх предложения добровольных сбережений, тем самым снижая процентную ставку до уровня ниже равновесного (то есть ниже «естественной процентной ставки» Викасселя). В этом случае под «банковской системой», расширяющей кредит, подразумевается либо центральный банк, не связанный жестко золотым стандартом, либо система коммерческих банков, согласованным образом действующая аналогично такому центральному банку (или следующая его примеру). Мизес отмечал: «Они вступают на рынок в данной ситуации в роли «поставщиков» дополнительного кредита, созданного ими же, чем вызывают снижение ставки процента, которая опускается ниже того уровня, на котором находилась бы без их вмешательства»¹⁸.

Низкая процентная ставка стимулирует новые инвестиционные проекты, а расширение кредита позволяет их финансировать:

Снижение ставки процента стимулирует экономическую активность. Проекты, которые не рассматривались бы как «прибыльные», если бы на процентную ставку не оказали свое воздействие банковские манипуляции, и которые таким образом остались бы невостребованными, превращаются в «прибыльные» и теперь могут быть запущены¹⁹.

Но когда процентная ставка возвращается к равновесному уровню, эта предполагаемая прибыльность исчезает. В той мере, в какой работники

и оборудование оказались вовлечены в деятельность, которая не может далее продолжаться, им приходится искать новое применение:

...Если банки решат вовремя остановить расширение кредита, чтобы предотвратить обвал валюты, и если таким образом бум будет остановлен, то быстро выяснится, что ложное впечатление «прибыльности», созданное расширением кредита, привело к ошибочным инвестициям²⁰.

И напротив, если ничто не остановит расширение кредита, национальная валюта рухнет. Население рано или поздно среагирует на повышение инфляции «бегством» от этой валюты, результатом чего станет ее коллапс, как это случилось в период гиперинфляции в Германии в 20-х годах XX века. Мизес подразумевал — хотя опыт послевоенных лет этого не подтверждает, — что продолжительная инфляция со стабильным темпом (в процентах) представляет собой «путь по лезвию ножа», на котором невозможно удержаться.

Из объяснения Мизеса следует вывод для экономической политики: чтобы не допустить экономического спада, надо не создавать предшествующий ему кредитный бум. Если верить одному рассказу, возможно апокрифическому, после одной из лекций Мизеса слушательница спросила его: «Вы действительно рекомендуете, чтобы после начала депрессии руководители центрального банка не делали ничего?» Мизес ответил: «Мадам, я рекомендую, чтобы они начали ничего не делать гораздо раньше!» Если кредитная экспансия уже началась, Мизес советовал остановить ее как можно скорее. Чем продолжительнее бум, тем сильнее будет крах:

Чем дольше продолжается период кредитной экспансии и чем дольше банки будут медлить с изменением своей политики, тем ощутимее будут последствия ошибочных инвестиций и безоглядных спекуляций, характеризующих периоды бума; и в результате тем дольше будет длиться период депрессии и более неопределенным будет срок восстановления и возврата к нормальной экономической деятельности²¹.

Мизес возлагал вину за неоправданную кредитную экспансию на политическое давление в пользу «дешевых денег», перед которым центральный банк не может устоять. В качестве институциональной реформы, позволяющей решить проблему, он отдавал предпочтение свободной банковской деятельности — денежной системе без центрального банка. Впрочем, он признавал, что распространение центральных банков по всей Европе в предыдущие десятилетия перевело выбор между свободной банковской деятельностью и системой с центральным банком в разряд «вопросов, которые уже давно считаются закрытыми». Свобода банковской деятельности, существовавшая, к примеру, в Шотландии, Швеции, Канаде, Швейцарии и ряде других стран до создания центральных банков, означает систему, в которой конкурирующие друг с другом коммерческие банки

децентрализованно выпускают собственные бумажные деньги (банкноты) и связаны контрактным обязательством обменивать их на золотые или серебряные монеты по требованию держателя.

Сторонники свободной банковской деятельности утверждали, что конкуренция не позволит всем банкам сговориться о скоординированном расширении кредита, а межбанковский механизм взаимного обмена избыточных банкнот и депозитов на металлические деньги помешает чрезмерной экспансии со стороны любой меньшей группы банков. Аналогичный механизм размена на металлические деньги, действующий на международном уровне, будет сдерживать всю систему в целом. В более поздней работе «Человеческая деятельность» Мизес отмечал:

Свободная банковская деятельность является единственным методом предупреждения опасностей, присущих кредитной экспансии. Правда, она не помешает медленному расширению кредита, поддерживаемому в узких границах осмотрительными банками, предоставляющими людям всю необходимую информацию о своем финансовом положении. Но в условиях свободной банковской деятельности расширение кредита со всеми его неизбежными последствиями не сможет развиваться в постоянный — так и хочется сказать «нормальный» — признак экономической системы. Только свободная банковская деятельность гарантирует рыночной экономике защиту от кризисов и депрессий²³.

Хайек в ряде своих работ, начиная с середины 20-х годов XX века и вплоть до «Чистой теории капитала» (1941), добавил к теории Мизеса более детальный анализ того, каким образом снижение процентной ставки ради удешевления кредита провоцирует ошибочные инвестиции в период бума и как эти инвестиции вызывают перекосы в структуре производства, отклоняющие ее от устойчивой равновесной конфигурации²³. В 1932 году Хайек заметил: «В „Ценах и производстве“ и некоторых более ранних публикациях я старался показать, что денежные факторы могут приводить в экономическую систему своего рода неравновесие»²⁴.

Проблема, которую создает искажение процентных ставок, заключается в рассогласовании планов сберегателей и инвесторов. Как иногда писал Хайек, искаженная ставка процента не может уравнивать предложение реального капитала со спросом на него. Искусственно заниженная ставка уже не координирует временную структуру выпуска продукции (в соответствии с которой фирмы строят свои инвестиционные планы: произвести столько-то сейчас и столько-то в те или иные будущие периоды) с временной структурой сбережений и потребления людей в те же будущие периоды. Она слишком сильно смещает инвестиции в пользу «более высоких стадий» производства, то есть проектов в таких отраслях, как горнодобывающая промышленность, тяжелая промышленность и строительство, продукция которых преобразуется в предметы конечного потребления лишь в отдаленном будущем, в результате чего в ближайшем

будущем потребительской продукции производится слишком мало. Суть проблемы Хайек подытоживает следующим образом:

Расширение кредита через механизм учетной ставки [то есть снижения процентных ставок центральным банком] не будет «распределять дополнительные деньги между потребителями и производителями так, чтобы не нарушить первоначальные пропорции», но определенно будет оказывать предпочтение «более высоким» стадиям производства за счет «более низких»²⁵.

«Дезориентация производства» оборачивается «последующим кризисом». Несогласованность между временной структурой инвестиционных планов предпринимателей и временной структурой планов потребителей в отношении сбережений и потребления выявляется в спаде. Он происходит, когда инвестиционные проекты, которые невозможно завершить с прибылью, — поскольку люди не сберегают добровольно сумм, достаточных для финансирования этих проектов по низким процентным ставкам, — наконец признаются нежизнеспособными и прекращаются. Кризис происходит, поскольку «становится очевидно, что ждать отдачи от инвестиций так долго, как сначала казалось оправданным, невозможно»²⁶.

В полном соответствии с данным Мизесом и Хайеком описанием периода бума процентные ставки в США в 1924–1928 годах были сравнительно низкими, в то время как политика ФРС способствовала наращиванию банковских активов и наращиванию выпуска все новых и новых облигаций. Рост банковских активов стал возможным в основном благодаря тому, что ФРС увеличивала резервы банков²⁷. Доходность корпоративных облигаций с начала 1923 до начала 1928 года неуклонно снижалась²⁸.

В 20-х годах XX века экономисты, согласные с австрийской концепцией, а значит, считавшие бум в США порождением чрезмерно экспансионистской денежной политики, не могли не видеть, что долго он продолжаться не может, и должны были прогнозировать надвигающийся крах. И такие прогнозы были. Самое четкое предупреждение прозвучало от шведского экономиста Юхана Акермана, который 1 октября 1929 года написал:

В экономической жизни Америки вот-вот начнется последняя фаза бума, стартовавшего еще в середине 1921 года <...> Нельзя сказать, что в эти годы американская денежная политика способствовала размеренной промышленной экспансии. Под ее прямым или косвенным влиянием сбережения привлекались в спекулятивные инвестиции, которые сейчас начинают демонстрировать свою убыточность²⁹.

Теория Мизеса–Хайека представляла собой в первую очередь теорию «верхней поворотной точки»: ее целью было объяснить, почему бум, основанный на дешевом кредите, неизбежно сменяется крахом³⁰. Поэтому

она давала объяснение кризису 1929 года. Кроме того, она наводила на мысль, что суровость последующего спада будет пропорциональна необычно большой продолжительности бума. О характере рецессии, следующей за крахом, Хайек говорит куда меньше, поскольку в его теории рецессия является периодом, вытекающим из естественной склонности рынка к равновесию. В рамках подхода австрийцев труднее всего объяснить ошибки, совершенные в период бума. Рецессия же представляет собой период, в ходе которого происходит необходимая коррекция. Фирмы, осуществлявшие неоправданные инвестиции, должны свернуть эти проекты, возможно, даже разориться, уволить работников и оставить оборудование простаивать, что приведет к аномальному увеличению уровня безработицы и неиспользуемых производственных мощностей, которое будет продолжаться до тех пор, пока эти работники и оборудование не найдут себе другое, более рациональное и стабильное применение. Чем быстрее экономика скорректирует ставки заработной платы и цены, перераспределит ресурсы, тем короче будет рецессия.

Кейнс не соглашался с самоуравновешивающимся характером сценария рецессии по Мизесу–Хайеку — с идеей о том, что экономика сама способна вернуться к нормальному уровню активности. Для него гипотеза о том, что рыночная экономика все исправит сама, была изъясном, характерным для всех «ортодоксальных» теорий. Поэтому в 1936 году, в предисловии к немецкому изданию «Общей теории», он писал (вновь используя термин «классические» для обозначения теорий, предшествующих его собственной и основанных на идее, что рынок стремится к равновесию с полной занятостью):

Самым важным неортодоксальным анализом на теоретическом уровне были работы Векселя. <...> Но его последователями были в основном шведы и австрийцы, причем последние совместили его идеи со специфически австрийской теорией и тем самым, по существу, вернули их в русло классической традиции³¹.

Теория Хайека *versus* «Трактат о деньгах» Кейнса

Экономист из Гарварда Элвин Хансен в своей рецензии на «Цены и производство» Хайека (1931) кратко охарактеризовал различия между основными идеями этой книги и «Трактата о деньгах» Кейнса (1930) следующим образом:

У Хайека острее атака направлено против денежной инфляции (вынужденных сбережений), в которой он видит источник большинства, если не всех наших затруднений. Из этого следует, что если одержать решительную победу над денежной инфляцией, то можно предотвратить денежную дефляцию. Это прямо противоречит позиции Кейнса, который полагает, что именно меры по недопущению денежной дефляции имеют наивысший приоритет³².

С точки зрения Хайека, причина трудностей — увеличение денежной массы, поскольку оно искажает процентную ставку. «Вынужденные сбережения» в этом случае означают переориентацию экономической активности на увеличение инвестиций и меньший, чем того хотелось бы населению, объем текущего потребления. Это происходит потому, что несоизмерно большая часть прироста денежной массы идет на кредитование бизнеса. С 1930 года серьезной проблемой стало *сокращение* денежной массы, о чем мы подробнее поговорим ниже.

Треугольник Хайека

Теория Хайека связывает инвестиции, производимые в текущий момент, с будущим производством потребительских благ. Эти блага появляются в результате прохождения ряда «стадий» производства, в ходе которых сырье превращается в готовую продукцию. Когда экономика находится в состоянии *межвременного равновесия*, планируемое и фактическое количество потребительских благ (в реальном выражении), возникающих в каждый период времени, равно количеству благ, на которые существует реальный спрос при правильно спрогнозированных ценах и процентных ставках. Хайек изображал межвременную «структуру производства» в экономике с помощью треугольной диаграммы, позаимствованной у британского экономиста XIX века Уильяма Стэнли Девонса (1835–1882). Хайек предложил называть ее «инвестиционным рисунком по Девонсу». Лежащая в основе этой идеи концепция длительного или «окольного» капиталистического производства была разработана австрийскими экономистами XIX века Карлом Менгером и Ойгеном фон Бём-Баверком.

Менгер проводил различие между готовыми к потреблению благами, ценность которых напрямую определяется удовлетворением, приносимым ими здесь и сейчас, и капитальными благами «более высоких порядков», ценность которых имеет опосредованный характер и проистекает из их ожидаемого вклада в производство *будущих* потребительских благ³³. Бём-Баверк писал: «Всякий капитал в силу своей сущности состоит из массы промежуточных продуктов, общим предназначением которых является их превращение в предметы потребления»³⁴. Девонс изображает этот процесс «превращения» в виде треугольника³⁵. Треугольник Девонса-Хайека демонстрирует как временное, так и ценностное измерение капитала.

Хайек изобразил треугольник так, чтобы более ранние стадии (производство благ «более высоких порядков» по Менгеру) располагались выше более поздних. На рисунке 3.1 треугольник развернут на 90°, чтобы показать, что ценность благ, находящихся в процессе производства, увеличивается в будущем (когда мы смотрим вперед), то есть при движении слева направо. Горизонтальная шкала показывает будущее время с момента использования факторов производства до появления конечной

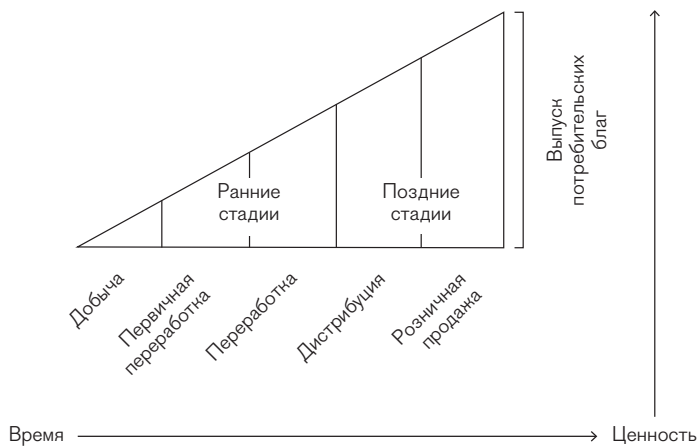

Рисунок 3.1. Условное графическое изображение структуры производства

Источник: Garrison R. *Time and Money*. London: Routledge, 2001

потребительской продукции. Вертикальная ось измеряет в долларах ценность благ, проходящих через каждую стадию процесса производства. Ценность возрастает по мере того, как применение дополнительных факторов производства приближает благо к состоянию, пригодному для потребления. К ранней стадии производства мы можем, например, отнести такие факторы производства, как семена хлопка, услуги рабочих и машин для посева. На более поздней стадии появятся рулоны хлопковой ткани, услуги рабочих и оборудование для раскроя. На последней стадии, непосредственно предшествующей потреблению, окажутся готовые джинсы на полках магазина сети Gap и услуги продавца, жующего резинку в ожидании покупателей и потом продающего им эти джинсы.

Ширина треугольника, соответствующего равновесному состоянию экономики — то есть продолжительность периодов времени между применением факторов производства и потреблением произведенной конечной продукции — зависит от нетерпения людей или, как говорят экономисты, от их «временного предпочтения». Какого количества единиц будущего потребления достаточно, чтобы люди добровольно отказались от одной единицы текущего потребления? В качестве примера *устойчивого в долгосрочном плане* [sustainable] удлинения треугольника (которому он противопоставлял *неустойчивое в долгосрочном плане* [unsustainable] удлинение, характерное для циклического экономического бума) Хайек предлагал читателям представить себе ситуацию, когда нетерпение потребителей уменьшается, следствием чего становится рост объема добровольных сбережений при любом заданном уровне доходности этих сбережений. В терминах спроса и предложения рост сбережений перемещает кривую предложения заемных фондов вправо, что приводит к снижению процентной ставки.

Более низкая процентная ставка означает, что предполагаемая будущая выручка, порождаемая инвестициями, в меньшей степени дисконтируется по отношению к текущим выплатам. Иными словами, это свидетельствует о том, что заемное финансирование продолжительных инвестиционных проектов теперь связано с относительно меньшими издержками по сравнению с предполагаемой будущей выручкой от этих проектов. По мере того как инвесторы иницируют более длительные («окольные») проекты, в экономике увеличивается доля инвестиций в ранние стадии окольного процесса производства по отношению к текущему потреблению — треугольник удлиняется. Технически эти проекты и раньше были вполне осуществимы, но при прежней, более высокой процентной ставке они представлялись невыгодными (текущая дисконтированная ценность будущей отдачи была слишком низкой). Простой пример такого окольного инвестиционного проекта приводит Бём-Баверк — выращивание деревьев ради получения древесины. Представим, что относительная величина годового прироста дерева наиболее высока, когда оно молодо, но со временем рост замедляется. Если процентная ставка составляет 10% годовых, то выгодно срубить каждое дерево, достигшее такого возраста, при котором его прирост в будущем году снизится до 9,99% или ниже (это максимизирует текущую ценность). При ставке в 5% выгодно не трогать дерево, если темп его прироста все еще составляет 9,99%, и подождать с рубкой, пока этот показатель не снизится до 5%.

Почему за бумом следует спад

Согласно австрийской теории проблема неустойчивого в долгосрочном плане бума возникает, когда увеличение денежной массы сдвигает кривую предложения заемных фондов вправо и процентная ставка снижается, как если бы у людей усилилось желание делать сбережения. Инвесторы, как и в вышеприведенном примере с уменьшением нетерпения, иницируют более длительные проекты. Но теперь снижение процентной ставки стимулирует *увеличение* потребления, поскольку неизменная степень нетерпения сочетается с уменьшением издержек, связанных с потреблением (потребительские кредиты стали дешевле, выгоды от сбережения сократились). Поскольку растут и потребление, и «окольные» инвестиции, начинается бум. За счет найма безработных, использования простаивающего оборудования, сверхурочной работы, сокращения запасов и откладывания текущего ремонта экономика порождает такое сочетание уровней потребления и инвестиций, которое невозможно поддерживать длительное время. В недрах бума прорастают семена его гибели — борьба за ресурсы между более длительными процессами производства (то есть инвестициями в потребление в относительно далеком будущем) и более краткосрочными процессами (то есть потреблением сегодня и в ближайшем будущем). Как выразился Фриц Махлуп,

отправной точкой теории Мизеса–Хайека в ее исходном варианте была ситуация полной занятости, и на этой основе можно было утверждать, что инфляция инвестиций будет отвлекать факторы производства от производственных стадий, ближайших к изготовлению потребительских благ, что такое положение не сможет сохраняться долго и что реакция неизбежна³⁶.

Как впоследствии сформулировал Хайек, нехватка реальных сбережений для финансирования более околных инвестиций в конечном итоге порождает «необходимость отказа от инвестиций, поскольку была предпринята попытка сделать капитальное оборудование более „капиталистическим“, чем позволяет размер той части доходов, которую люди хотят забрать себе в виде потребительских благ»³⁷. Кризис наступает тогда, когда инвесторы осознают, что при наличном объеме сбережений невозможно завершить все несоразмерно капиталоемкие проекты, которые они инициировали.

В рецензии на «Цены и производство» Элвин Хансен подытожил изложенную в книге теорию экономического цикла следующим образом:

По мнению Хайека, сущность бума — это удлинение капиталистического процесса производства, вызванное принудительными сбережениями, которые навязываются обществу действиями банков. Возникшее таким образом удлинение производственного процесса не может, как он считает, поддерживаться до бесконечности и с неизбежностью сменится сокращением структуры производства. Утверждается, что это сокращение и есть самая суть депрессии³⁸.

По мнению австрийцев, бурный рост фондового рынка и чересчур амбициозный набор инвестиционных проектов представляют собой симптом периода искусственно удешевленного кредита. Неизбежный возврат процентных ставок к равновесию, завершающий период дешевого кредита, означает, что «мыльный пузырь» цен на активы лопается и инвестиционные проекты, прибыльность которых зависела от продолжающейся дешевизны кредита, завершаются банкротством. В 1932 году в письме в журнал *Economist* Лайонел Роббинс отмечал: «Хотя причины нынешней депрессии разнообразны и сложны, есть немало оснований полагать, что главным фактором, инициировавшим ее, был предшествующий инфляционный бум в Америке и других странах»³⁹.

Итак, согласно сценарию Хайека искусственное удешевление кредита создает ложный бум, «заманивая» инвестиции в нежизнеспособные проекты. Этот неустойчивый и ограниченный во времени бум сменяется кризисом, ведущим к ликвидации и реструктуризации в ходе рецессии. Воздействие цикла «бум — крах» особенно сильно ощущается в тех отраслях, которые наиболее чувствительны к изменениям процентной ставки, — в производстве благ производственного назначения и в строительстве. Банкротства фирм, сопровождающие спад, выявляют скопление

ошибочных инвестиционных решений. Скопление ошибок объясняется одинаковой реакцией предпринимателей на обычно надежный сигнал — а именно движение процентной ставки, — который, однако, в данном случае оказался искаженным денежной экспансией. Ложная процентная ставка побуждает экономику «откусывать» больше, чем она может «проглотить».

Этот сценарий иногда называют «похмельной» теорией рецессии: она следует за периодом мнимого процветания, подпитываемого чрезмерным ростом денежной массы, подобно тому как после, казалось бы, отличной вечеринки, подпитываемой чрезмерным пьянством, наступает похмелье. Эта метафора приобрела такую популярность при объяснении ипотечного кризиса в Америке в 2008 году, что даже президент Джордж У. Буш, по сообщениям, заявил: «Уолл-стрит напился... а мы теперь страдаем похмельем»⁴⁰. Что же касается объяснения цикла «бум — крах» в 20–30-х годах XX века, то австрийцы делали акцент на роли, которую в этой финансовой «пьянке» играл центральный банк, поскольку именно он «подливал в опустевшие стаканы» путем увеличения предложения кредита и снижения процентной ставки.

Хайковская версия коллапса 1929–1933 годов находится в прямом противоречии со сценариями, которые позднее сформулировали Джон Мейнард Кейнс и Милтон Фридман. По мнению Хайека, семена кризиса были посеяны Федеральной резервной системой в период «ревущих двадцатых». Кейнс, напротив, считал, что до 1929 года ФРС действовала правильно. В «Трактате о деньгах» (1930) он отмечал: «Успешное управление долларом со стороны Совета управляющих Федеральной резервной системы с 1923 по 1928 год было триумфом... той точки зрения, что управление наличностью возможно»⁴¹. Депрессия разразилась лишь потому, что спрос на инвестиции рухнул из-за пессимистических «животных эмоций» (*animal spirits**), то есть из-за утраты инвесторами самообладания. Милтон Фридман тоже не видел в политике ФРС до 1929 года никаких ошибок. По его мнению, экономический коллапс случился из-за того, что после 1929 года ФРС допустила резкое сокращение денежной массы.

Политические рекомендации Хайека

Почему Федеральная резервная система в 20-х годах проводила политику денежной экспансии, искажавшую структуру производства? По мнению Хайека, — с которым согласны Филлипс, Макманус и Нельсон, — она проводила эксперимент по стабилизации уровня цен⁴². Согласно другому

* В русском издании это выражение переведено как «жизнерадостность». См.: *Кейнс Дж. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное.* М.: Эксмо, 2007. С. 168. См. также: *Акерлоф Дж., Шиллер Р. Spiritus Animalis, или Как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма.* М.: Юнайтед Пресс, 2010.

объяснению, ФРС пыталась держать процентные ставки на низком уровне, чтобы не привлекать в страну золото из-за рубежа — тем самым она помогала Банку Англии в его усилиях по возврату к золотому стандарту по довоенному паритету. Это вполне совместимо с версией о стабилизации уровня цен, поскольку если бы ФРС удерживала цены в США от падения, то это одновременно препятствовало бы притоку золота в страну. Хайек в предисловии к вышедшему в 1933 году английскому изданию своей книги «Денежная теория и деловой цикл», ссылаясь на шесть статей, опубликованных им с 1925 по 1932 год, утверждал: «Критикой программы „стабилизаторов“, ставшей во многих отношениях главной темой этой книги, я занимаюсь уже много лет»⁴³.

Теория экономического цикла Мизеса–Хайека привела последнего к выводу, что межвременная координация лучше всего обеспечивается при условии постоянства номинальных расходов, или «суммарного денежного потока». В терминах переменных уравнения обмена Ирвинга Фишера ($MV = PQ$) — на нем мы подробнее остановимся в главе 11 — номинальные расходы описываются денежной массой, умноженной на скорость обращения денег, то есть MV . Рекомендация, данная Хайеком в «Ценах и производстве», состояла в следующем: чтобы величина MV оставалась постоянной, денежная масса M должна изменяться так, чтобы компенсировать изменения в скорости обращения денег V ; но если V не меняется, то M должна быть постоянной. Если реальные доходы Q растут, то уровню цен P надо позволить снизиться⁴⁴. Хансен подытожил эту рекомендацию следующими словами:

Таким образом, предложение денег следует поддерживать на постоянном уровне за исключением увеличения или сокращения, необходимого для компенсации... изменений в скорости обращения денег... Одним словом, Хайек выступает не за постоянную величину предложения денег, а за его нейтральность — такую, которая гарантирует отсутствие денежных причин изменения цен⁴⁵.

Хайек отмечал, что гипотетическая мировая финансовая система, в которой денежная масса состояла бы только из золотых монет (а деньги, эмитируемые банками, отсутствовали бы), плохо соответствовала бы его критерию, поскольку золотую денежную массу невозможно *быстро* корректировать для компенсации изменений в скорости обращения денег. Золото накапливается медленно, и происходит это за счет увеличения добычи вслед за повышением его относительной цены. Система, основанная на деньгах, эмитируемых банками, тоже, по его мнению, не соответствовала бы этому критерию в отсутствие центрального банка, оперативно корректирующего любые изменения в объеме выпущенных банками денег, не оправданные изменением скорости обращения. Таким образом, Хайек не был столь твердым сторонником золотого стандарта и свободной банковской деятельности, как Мизес⁴⁶.

Хайек критиковал политику Федеральной резервной системы по стабилизации уровня цен в 1922–1929 годах, поскольку для этого ФРС вынуждена была вливать в экономику денежную массу M для компенсации понижающего воздействия на цены, оказываемого повышением производительности, поскольку последнее вело к увеличению реального объема производства Q . Эти вливания ФРС искажали процентную ставку, уводя ее от равновесной величины, что нарушало координацию между сбережениями и инвестициями. Филлипс, Макманус и Нельсон кратко сформулировали этот вердикт следующим образом:

Особый характер депрессии связан со сверхэластичностью [денежной политики] Федеральной резервной системы и с ее деятельностью как таковой, примером чему может служить эксперимент Совета управляющих ФРС по «управлению наличностью» — деятельностью, направленной против того, что Д.Х. Робертсон называет «непреодолимой тенденцией к падению цен» в послевоенный период, и финансировавшейся с помощью инфляционных мер. За счет упомянутого эксперимента Совету управляющих удавалось удерживать уровень цен необычно долго, но тем самым он непреднамеренно вызвал бум, а затем и депрессию. Иными словами, депрессия стала ценой, которую пришлось заплатить за эксперименты Совета ФРС с «управлением наличностью» в тот период, когда диспропорции, вызванные войной, еще не были скорректированы, а послевоенная дефляция цен не завершилась⁴⁷.

...О бессмысленности стабилизации уровня цен в качестве цели кредитной политики свидетельствует тот факт, что конечным итогом, вероятно, самого масштабного эксперимента со стабилизацией цен в истории стала лишь самая масштабная и тяжелая депрессия⁴⁸.

В растущей экономике цены должны падать

Как уже отмечалось, Хайек еще за несколько лет до краха 1929 года начал критиковать политику стабилизации уровня цен. В книге «Денежная теория и деловой цикл» он сформулировал проблему в теоретических терминах:

Процентная ставка, при которой в условиях растущей экономики количества новых денег, поступающих в обращение, достаточно, чтобы обеспечивать стабильность уровня цен, всегда ниже ставки, обеспечивающей равенство величины доступного для кредитования капитала и текущего объема сбережений в обществе, и таким образом, несмотря на стабильность уровня цен, это делает возможным развитие событий, которое приведет к отходу от равновесного состояния.

Поскольку денежная экспансия увеличивает предложение имеющихся заемных фондов («величины доступного для кредитования капитала»),

процентная ставка падает ниже уровня, на котором она находилась бы в ином случае.

Такого рода сценарий, по мнению Хайека, как раз и описывает события 20-х годов XX века. Федеральная резервная система непреднамеренно поощряла бум двадцатых, нежизнеспособный в долгосрочной перспективе, своими денежными вливаниями, целью которых была стабилизация уровня цен. Тем самым она увеличивала предложение кредита или заемных фондов и тем самым искажала процентную ставку. Хайек подвел итог произошедшему в статье «Судьба золотого стандарта», опубликованной в 1932 году:

Вместо того чтобы позволить ценам медленно снижаться насколько это возможно без нанесения ущерба производству, в обращение закачивались такие объемы дополнительного кредита, что уровень цен в целом стабилизировался... Не имеет значения, служит ли такая инфляция [то есть денежная экспансия] всего лишь стабильности цен или ведет к их повышению. Теперь подтверждено опытным путем то, что было известно в теории: подобная инфляция [то есть денежная экспансия] может также привести к такой дезориентации производства, что в конечном итоге срыв в форме кризиса становится неизбежным⁴⁹.

Теория процента Ойгена фон Бём-Баверка

Концепция Хайека, в соответствии с которой важно позволить инвестициям регулироваться «процентной ставкой, уравнивающей предложение реальных сбережений и спрос на капитал», строилась, как и предшествующая концепция Мизеса, на теории капитала и процента, разработанной австрийским экономистом Ойгеном фон Бём-Баверком и получившей дальнейшее развитие в трудах шведского экономиста Кнута Викселля.

Бём-Баверк стремился объяснить, почему люди выше ценят имеющиеся ресурсы (блага или денежные средства, доступные в настоящий момент), чем будущие (права требования на блага или денежные средства, которые станут доступны позднее). Иными словами, почему будущие блага дисконтируются пропорционально количеству лет, в течение которых их приходится ждать. Согласно теории Бём-Баверка равновесная процентная ставка определяется взаимодействием, с одной стороны, временных предпочтений сберегателей и, с другой стороны, ожидаемых инвесторами доходов от производственных проектов, требующих длительного времени. Если сберегатели предоставляют дополнительные ресурсы, то инвесторы могут увеличить продолжительность производственных проектов, оплачивая труд работников в течение большего количества месяцев. Равновесная процентная ставка (обозначим ее как i) координирует планы сбережений и инвестиций: она высока ровно настолько, чтобы убедить сберегателей отдать в долг последний из одалживаемых долларов (в обмен на $1+i$ будущих

долларов), и достаточно низка, чтобы позволить инвесторам вернуть последний взятый займы доллар вместе с процентным доходом $(1+i)$ будущих долларов) за счет ставшего возможным продления периода производства⁵⁰.

Мизес, Виксель и британская денежная школа

Кнут Висксель переработал и переформулировал теорию капитала и процента Бём-Баверка, придав ей больше ясности⁵¹. В частности, он ввел важное различие между *естественной* ставкой процента — равновесной ставкой, определяемой реальными сбережениями и инвестициями в его пересмотренной версии теории Бём-Баверка, и *рыночной* ставкой процента, которая приблизительно и довольно-таки произвольно определяется банковской системой. Если банковская система (опять же, центральный банк или все коммерческие банки, действующие согласованно) опустит рыночную ставку ниже естественной, количество банковских кредитов, на которые имеется спрос у инвесторов, увеличится и превысит наличный объем сбережений. Банкиры «сами создают деньги, необходимые» для расширения кредита⁵². Ускорение кредитной экспансии повышает темп инфляции. Более высокая инфляция означает, что *реальная* рыночная процентная ставка кредитования падает еще больше (реальная ставка — это номинальная процентная ставка минус уровень инфляции), что стимулирует дальнейший рост спроса на кредиты. Таким образом, этот *кумулятивный процесс* сдвигает денежную систему от равновесия к постоянному расширению кредита и ценовой инфляции. В рамках «чистой системы кредита», никак не связываемой золотыми резервами, расширение продолжается неограниченно: происходит взрывной рост денежной массы. Именно во избежание виксельевского кумулятивного процесса применяемое в сегодняшней денежной политике «правило Тейлора» требует от центральных банков *повышать* реальную процентную ставку при росте инфляции путем увеличения целевого значения номинальной процентной ставки выше уровня инфляции.

В рамках системы, основанной на золотом обеспечении, кумулятивный процесс в конечном итоге ограничивается тем, что процент резервного покрытия в какой-то момент достигает самого низкого уровня, который может позволить себе банковская система. Как позднее указывал Мизес, говоря о «попытке Вискселя [в 1898 году] реабилитировать денежную школу»⁵³, столкновение кумулятивного процесса Вискселя с ограничением, налагаемым конечностью золотых резервов, дало новую формулировку теории экономического цикла, основные черты которой были намечены в XIX веке британскими экономистами, критиковавшими Банк Англии за чрезмерную эмиссию, — представителями школы свободной банковской деятельности и некоторыми авторами, принадлежавшими к денежной школе.

Подобно экономистам школы свободной банковской деятельности Мизес утверждал, что лишь центральный банк обладает возможностями для

чрезмерной эмиссии в значительных масштабах. У децентрализованно действующих банков такой возможности нет, поскольку их ограничивает перспектива быстрого оттока резервов в пользу банков-конкурентов. Хайек, солидаризируясь в этом случае не с Мизесом, а с представителем денежной школы Томасом Джоплином, всерьез рассматривал в качестве возможного сценарий чрезмерной экспансии путем согласованных действий децентрализованных банков, конкурирующих друг с другом: при увеличении спроса на кредиты банки с радостью увеличат свои обязательства, чтобы одолжить больше денег на условиях существующей процентной ставки по кредитам. Однако сценарий Джоплина-Хайека не представляется обоснованным. Они исходят из того, что банки при росте спроса на кредиты не повышают свои процентные ставки по займам, что нелогично, поскольку для каждого отдельного банка дополнительное кредитование связано с издержками, даже если он финансирует эти кредиты за счет создания депозитных требований к самому себе. Банк сталкивается с повышением издержек расширения кредита, поскольку увеличение объема обязательств по депозитам усиливает угрозу его имеющимся резервам⁵⁴.

Критики Банка Англии утверждали, что временами он чрезмерно расширял кредитование, опрометчиво создавая деньги для выдачи займов путем выпуска собственных дополнительных обязательств даже в отсутствие дополнительных резервов, попутно снижая процентную ставку и подпитывая экономический бум до тех пор, пока сокращение золотых резервов не вынуждало его менять курс на противоположный. Эта смена курса вела к резкому сокращению кредитования и к краху основанного на дешевом кредите бума. Как отмечал Мизес, «английская „денежная школа“ уже пыталась объяснить природу бума расширением кредита в результате выпуска банкнот без металлического обеспечения»⁵⁵.

Мизес развил прежние теории в двух направлениях. Во-первых, если большинство прежних британских авторов сосредоточивались на чрезмерном расширении кредита за счет выпуска банкнот, он указал на то, что с таким же успехом «расширение кредитования может возникнуть... в результате открытия избыточных текущих счетов», то есть создания чековых депозитов. Во-вторых, анализ денежной школы «был ограничен ситуацией, в которой кредитование расширялось лишь в одной стране» в условиях международного золотого стандарта, и поэтому экспансия в конечном итоге ограничивалась оттоком золота в другие страны, в то время как Мизес стремился доказать, что даже общемировая экспансия (если теоретически представить себе, что она может осуществляться согласованно) не сможет продолжаться до бесконечности и неизбежно закончится кризисом⁵⁶. С некоторыми модификациями его анализ общемирового случая можно применить и к стране, не присоединившейся к международному стандарту и имеющей собственную декретную валюту. Мизес опирался на идеи Викселля о естественной ставке и кумулятивном процессе: согласованная кредитная экспансия центрального банка может запустить кумулятивный процесс путем уменьшения рыночной процентной ставки ниже

естественной, но, чтобы нивелировать воздействие рыночных сил, восстанавливающее естественную ставку, необходимо будет ускорять кредитную экспансию⁵⁷. Непрерывное ускорение приведет к гиперинфляции, а любая его приостановка спровоцирует кризис.

Денежная школа, школа свободной банковской деятельности и банковская школа

Денежная школа и школа свободной банковской деятельности представляли собой две группы занимавшихся исследованием денег британских экономистов, ведущие спор друг с другом о причинах экономических циклов и о способах избавления от них. Эта полемика продолжалась примерно с 20-х по 50-е годы XIX века⁵⁸. Третья группа — банковская школа — вступила в нее около 1844 года. Законодательной вехой этого периода был Банковский акт премьер-министра Роберта Пиля, принятый в 1844 году, который вводил для Банка Англии правило проведения денежной политики, примерно соответствовавшее тому, за что выступала денежная школа.

Лидерами денежной школы были Сэмюэл Джонс Лойд (позднее получивший титул лорда Оверстона), Роберт Торренс и Джон Р. Мак-Куллох. Они считали, что Банк Англии (в ту пору переживавший процесс становления в качестве центрального банка и обладавший монополией на выпуск банкнот в Лондоне) и провинциальные английские банки (коммерческие банки, действовавшие за пределами Лондона, как правило небольшие) имели возможность чрезмерной эмиссии банкнот — то есть могли временно расширять свои обязательства и кредиты в большей степени, чем допускало условие сохранения равновесия. По мнению этих экономистов, циклические бумы были результатом чрезмерной эмиссии либо со стороны Банка Англии, либо, в большинстве случаев, со стороны провинциальных банков. Чрезмерное увеличение денежной массы вызывало рост цен и тем самым приводило к оттоку золота из страны — этот процесс назывался «механизмом потока цен и металлических денег» (*price-specie-flow mechanism*) под металлическими деньгами подразумевались золотые и серебряные монеты). Кризисы же происходили тогда, когда Банк Англии был вынужден прекращать экспансию и переходить к диаметрально противоположному курсу, чтобы остановить истощение своих золотых резервов. В качестве способа избежать кризисов денежная школа предлагала ввести жесткую монополию на выпуск банкнот, отобрав это право у провинциальных банков и введя определенное правило для единственного оставшегося эмитента (Банка Англии или вновь созданного банка, находящегося в государственной собственности). Это правило — так называемый денежный принцип (*Currency Principle*) — требовало сокращения общей массы банкнот в стране в пропорции один к одному с оттоком золота (и увеличения в той же пропорции с его притоком). В этом случае «механизм потока цен и металлических денег» будет быстро корректировать

«смешанную» денежную массу (состоящую из металлических денег и банкнот), и таким образом она будет вести себя саморегулирующимся образом, как и при системе, основанной только на золотых монетах.

Школа свободной банковской деятельности, лидерами которой были банкир Джеймс Уильям Гилбарт и член парламента Генри Стюарт Парнелл, придерживалась аналогичной теории экономического цикла, связывающей его с кредитной экспансией, однако всю вину за чрезмерную эмиссию она возлагала на Банк Англии. Ее представители убедительно доказывали, что провинциальный банк, действующий в условиях конкуренции и сталкивающийся с перспективой потери резервов через клиринговую систему в пользу соседних банков в случае, если будет расширять выпуск банкнот больше, чем они, слишком жестко ограничен в своих действиях, чтобы быть в состоянии существенно увеличивать эмиссию самостоятельно без дополнительных резервов. В противоположность этому, избыточные банкноты, выпущенные Банком Англии, не предъявляются сразу к размену на металлические деньги, а оседают в резервах провинциальных банков, что подпитывает чрезмерную экспансию в масштабах всей системы. Поскольку, по мнению представителей этой школы, проводить чрезмерную эмиссию может только банк-монополист, а не конкурирующие между собой банки, представители школы свободной банковской деятельности предлагали заменить монополию Банка Англии системой конкурентной эмиссии банкнот («свободной банковской деятельностью» [free banking]) в самом Лондоне. В вопросе о причинах чрезмерной денежной экспансии Мизес стоял ближе к школе свободной банковской деятельности, тогда как Хайек соглашался с позицией денежной школы, в соответствии с которой причиной может быть как центральный банк, так и коммерческие банки.

Банковская школа, лидерами которой были Томас Тук и Джон Фуллартон, не придерживалась денежной теории экономического цикла. Ее представители считали, что ни один банк — даже Банк Англии — не в состоянии породить чрезмерную эмиссию в значительных масштабах, пока его банкноты обмениваются на золото. Одно из их (ошибочных) обоснований идеи невозможности чрезмерной эмиссии для банковской системы — «доктрина реальных векселей» — прочно вошло в экономическую мысль и даже стало доктриной чиновников Федеральной резервной системы, считавших, что в 20-х годах XX века ФРС вовсе не эмитировала слишком много (а в начале 30-х — слишком мало) денег. Вторым, столь же неверным, аргументом школы был «закон оттока» Фуллартона, согласно которому все избыточные банкноты, даже выпущенные Банком Англии, уходят из обращения через возврат кредитов прежде, чем могут быть потрачены на что-либо еще. Доктрину реальных векселей мы более подробно проанализируем ниже. Поскольку искажения, связанные с денежной сферой, изначально исключались, представители «банковской школы» были убеждены, что циклические колебания имеют немонетарное происхождение и вызываются либо шоками в реальном секторе вроде неурожая, либо

необъяснимыми всплесками спекуляции. Они полагали, что институциональное *status quo* вполне удовлетворительно, и не предлагали никаких способов избавления от циклических колебаний, кроме большей осмотрительности со стороны банкиров.

Критика теории Хайека

Теория экономического цикла Хайека вскоре подверглась критике — со стороны Джона Мейнарда Кейнса, Пьеро Сраффы из Кембриджского университета, Николаса Калдора, коллеги Хайека по Лондонской школе экономики (позднее Калдор переехал в Кембридж), и других авторов. В свою очередь, Хайек, Фриц Махлуп из Венского университета (в 1935 году он устроился на работу в Университет Буффало) и другие австрийцы защищали эту теорию. Позднее Калдор подробно описал — естественно, с собственной позиции одного из главных критиков идей Хайека, — как первоначально позитивное восприятие этой теории уступило место нарастающему скепсису:

Поначалу профессор Хайек буквально заморозил научное сообщество экономистов новой теорией колебаний производства, в своей концептуальной основе и в еще большей степени по практическим выводам диаметрально противоположной тогдашнему мейнстриму в денежной теории... Она предполагала наличие в структуре капиталистического производства «глубоко укорененных фундаментальных диспропорций», вызванных в конечном счете теми самыми чисто денежными процессами, которые в те времена превалировали в научных дискуссиях, но не поддающихся адекватному объяснению в терминах этих процессов. По сравнению с «треугольниками», «искаженными ценовыми приращениями» и неоправданным удлинением периодов производства, о которых говорил профессор Хайек, преобладавшая тогда озабоченность уровнями цен и теми или иными действиями банков должна была показаться примитивной и поверхностной.

Такова была первая реакция. Но по зрелом размышлении выяснилось, что эта теория отнюдь не так удовлетворительна в интеллектуальном плане, как казалось поначалу. В первом опубликованном ее изложении, замышлявшемся лишь как набросок (Калдор имеет в виду книгу «Цены и производство». — Л.У.), тут и там признавалось наличие пробелов, но при попытках заполнить эти пробелы они не уменьшались, а увеличивались, и вдобавок возникали новые и неожиданные. В результате нельзя было не прийти к выводу, что основная гипотеза этой теории, что причиной кризисов является редкость капитала, не может быть верной. Эти «зрелые размышления» породили щедрый «урожай» возражений в адрес «Цен и производства» на страницах английских и американских журналов, причем такое количество критики едва ли выдвигалось в ходе экономических дискуссий когда-либо в прошлом⁵⁹.

Как отмечал Калдор в другой статье, эти возражения в основном попадали в одну из двух категорий: (1) аргументы, сводившиеся к тому, что удлинение или укорачивание структуры производства не может быть причиной изменений агрегированного объема производства и занятости в ходе экономического цикла, и (2) аргументы, опровергающие осмысленность теории капитала Джевонса–Бём-Баверка–Викселля и содержащейся в ней идеи о более коротких или более длинных периодах производства, а значит, и полезность этой теории для объяснения экономического цикла⁶⁰.

Свой первый залп по «Ценам и производству» Хайека Кейнс произвел с довольно неожиданной позиции. Отвечая на критическую рецензию Хайека, посвященную его собственному «Трактату о деньгах», Кейнс внезапно переключился на книгу самого Хайека, заявив:

В целом эта работа представляется мне жуткой кашей, одной из самых беспотопковых вещей, что мне приходилось читать. Начиная со страницы 45 вряд ли там найдется хоть один обоснованный тезис <...> Это ярчайший пример того, как, начав с ошибки, самый строгий приверженец логики может оказаться в Бедламе⁶¹.

Коллега Кейнса по Кембриджскому университету Артур Пигу был возмущен такой невежливостью. В 1935 году он описал этот эпизод таким образом:

В ответ автор не стал опровергать критические замечания, а яростно набросился на другую книгу — ту, что написал его критик!.. Это грязная игра!* Метод дуэлянта!⁶²

В своем «Возражении» Хайек заявил, что Кейнс пускает дымовую завесу, уклоняясь от ответа на его критические замечания о «Трактате»:

Вместо того чтобы посвятить свой ответ в первую очередь устранению неясностей, которые я тщательно и подробно перечислил и существование которых он не может отрицать, он отвечает мне огульным обвинением в путанице, причем не в моей критической статье, а в другой работе... Не могу поверить, что господин Кейнс хочет создать впечатление, будто он пытается отвлечь внимание читателя от возражений против его анализа, оскорбляя своего оппонента⁶³.

* Пигу использует метафору из крикета, называя действия Кейнса «body-line bowling». Это тактика, когда команда систематически бросает мяч, целясь не в калитку, а в бэтмена. Она была впервые применена английской сборной против австралийцев во время розыгрыша Кубка Эшес в 1932 году, но вскоре после этого была признана неспортивным поведением и запрещена. Аналогичный прием, называемый «beanball», существует в бейсболе.

Еще через несколько месяцев в научном ежеквартальном издании *Economic Journal*, редактором которого был Кейнс, младший коллега последнего Пьеро Сраффа опубликовал просторную и язвительную рецензию на «Цены и производство». Он писал, что «лабиринт противоречий» в хайековской теории капитала «настолько сбивает читателя с толку, что, дойдя до обсуждения денег, он от отчаянья готов поверить чему угодно». Что касается данного в книге анализа денег, то «очевидно, что методичная критика не оставит камня на камне от логического сооружения, выстроенного доктором Хайеком». Сраффа утверждал, что попытки Хайека найти денежную политику, которая не влияла бы на относительные цены («нейтральные деньги»), тщетны. По его мнению, Хайек пытается сформулировать денежную политику, воспроизводящую свойства бартерной экономики, что невозможно, поскольку в денежной экономике контракты заключаются в терминах денег, а не товаров⁶⁴. Но он превратно истолковывал цель Хайека, которая состояла не в том, чтобы воспроизвести *все* свойства бартерной экономики, а в том, чтобы найти денежную политику, не порождающую рассогласованность между сбережениями и инвестициями. В своем ответе Сраффе Хайек переформулировал свою теорию⁶⁵.

Чтобы дать ответ своим критикам-кейнсианцам и адаптировать свою теорию к условиям Великой депрессии, Хайек в 1939 году написал новую статью «Прибыль, процент и инвестиции», опубликовав ее в одноименном сборнике⁶⁶. В ней он попытался описать другой механизм, который порождал бы экономический цикл австрийского типа — «эффект Рикардо» — без прежних допущений о полной занятости в стартовой точке, о первоначальном импульсе, проистекающем из денежных возмущений, и об ошибках в размещении инвестиций из-за колебаний процентной ставки. У экономистов, обративших внимание на эту статью, она вызвала в основном недоумение: они не могли понять, как она сочетается с тем, что говорится в «Ценах и производстве».

Чтобы ответить на критику теории капитала, которая была лишь схематично обрисована в «Ценах и производстве», Хайек семь лет работал над книгой «Чистая теория капитала», которая вышла в 1941 году. В то время как прежние экономисты занимались теорией капитала лишь в той мере, в какой это было необходимо для объяснения процентных ставок, Хайек стремился создать такую теорию, которая была бы «полезна для анализа денежных феноменов в реальном мире». Иными словами, он попытался более подробно, чем это было возможно в «Ценах и производстве», сформулировать теорию капиталистического производства, которая помогла бы углубить наше понимание экономического цикла. В книге давался детально разработанный анализ производства, требующего затрат времени. Однако Вторая мировая война отвлекла внимание Хайека на другие проблемы, и он прервал этот проект, так и не дописав планировавшийся второй том книги, где он предполагал применить разработанную им теорию капитала к анализу экономического цикла. Рецензент Артур Смитис с иронией заметил в этой связи, что книга Хайека непреднамеренно стала

иллюстрацией того, от чего он предостерегал в своей теории экономического цикла, — проектом, требующим столь разработанных оснований, что реализовать его с прибылью стало невозможно. В дальнейшем ученые, развивавшие австрийскую теорию экономического цикла, в частности Роджер Гаррисон, сочли, что более простая модель из «Цен и производства» более плодотворна⁶⁷.

Способствовали ли Хайек и Роббинс углублению Великой депрессии?

Милтон Фридман, восхищавшийся политической философией Хайека, тем не менее резко критиковал его теорию экономического цикла. В 1999 году он отметил в одном из интервью:

Думаю, австрийская теория экономического цикла принесла миру большой вред. Если оглянуться на 30-е годы XX века, а это ключевой период, то мы увидим, что представители австрийской школы, обосновавшиеся в Лондоне, — Хайек и Лайонел Роббинс — говорили, что надо просто позволить миру самому нащупать следующее дно. Нужно, чтобы он сам себя вылечил. Никто с этим поделаться ничего не может — любые попытки лишь ухудшат дело... Думаю, что поощряя такую политику ничегонеделания в Британии и США, они принесли немалый вред⁶⁸.

Экономисты-кейнсианцы выступали с аналогичными обвинениями. Биограф Кейнса Роберт Скидельски заявил интервьюеру в фильме «Командные высоты», что «Хайек совершенно равнодушно относился к политическим и практическим последствиям ничегонеделания в начале тридцатых и на деле так никогда и не признал свою вину в этом»⁶⁹. Однако упреки в «равнодушии» и в «политике ничегонеделания» не совсем справедливы, и на самом деле Хайек все же «признал свою вину» в том смысле, что публично выражал сожаление по поводу политических рекомендаций, которые он давал в начале 30-х годов⁷⁰.

Для Хайека норма в денежной политике заключалась *не* в том, чтобы «позволить миру самому нащупать следующее дно», и не в пассивной индифферентности к резкой дефляции, вызванной сжатием денежной массы, а, как уже отмечалось, в стабилизации номинальных расходов (MV). За что можно действительно упрекнуть Хайека и Роббинса — так это за то, что они не проявляли последовательности в отстаивании этой политической нормы тогда, когда она была особенно необходима. По понятным причинам они критиковали предложения с помощью инфляции довести уровень цен до прежнего значения, которое невозможно было долго поддерживать (то есть до уровня, не соответствующего фиксированному золотому содержанию доллара), и считали контрпродуктивными различные планы по использованию дешевого кредита для вывода экономики из спада, который,

по их мнению, и был порожден этим дешевым кредитом. Но при этом Хайек, к сожалению, занимал двусмысленную позицию по поводу сокращения номинальных доходов и резкой дефляции в 1929–1932 годах, поскольку считал, что дефляция может принести пользу, «сломав» жесткость цен и заработной платы. В одном из выступлений в 1975 году он выразил сожаление по поводу этой своей ошибки:

Я уж точно не буду отрицать — вернее, сегодня уже ни в коем случае не буду отрицать, — что в этих обстоятельствах денежные контрмеры, целенаправленные попытки поддержать уровень денежного потока, вполне уместны. Здесь, вероятно, следует дать одно пояснение: должен признать, что сорок лет назад, в начале Великой депрессии, я придерживался иного мнения. В то время я считал, что некий непродолжительный процесс дефляции может сломать жесткость заработной платы, которую я полагал несовместимой с нормально функционирующей экономикой. Наверно, мне уже тогда следовало понять, что такой возможности больше нет... Как только появляются первые признаки возможного сокращения совокупного потока доходов, я, несомненно, должен не только сделать все, что в моих силах, чтобы воспрепятствовать этому сокращению, но и заранее объявить, что именно так я и буду действовать, если подобная проблема возникнет⁷¹.

Лайонел Роббинс тоже задним числом сожалел о своих рекомендациях не прибегать к денежной экспансии для обуздания дефляции в 1930–1933 годах.

Тем не менее утверждения, что неудачные (по их собственному признанию) рекомендации Хайека и Роббинса «принесли вред» США, подразумевают, что администрация Гувера и руководство ФРС следовали этим рекомендациям. Однако никаких доказательств этого нет. Политика Гувера в 1929–1932 годах была разработана до публикации «Цен и производства» Хайека (1931) и «Великой депрессии» Роббинса (1934). Кроме того, реакция Гувера на начало Великой депрессии была очень далека от «ничего неделания»⁷². Президент собирал в Белом доме ведущих бизнесменов и настаивал, чтобы они не сокращали заработную плату. Он создал Корпорацию финансирования реконструкции для помощи банкам и промышленным предприятиям за счет дешевых кредитов федерального правительства. Он подписал акт Смута–Хоули о повышении таможенных пошлин. Он добивался резкого повышения расходов из федерального бюджета на строительство. И это далеко не полный список принятых Гувером мер государственного вмешательства в экономику.

Что же касается отказа ФРС от противодействия дефляции после 1929 года и в какой-то степени ее политики экспансии до начала Великой депрессии, то это объяснялось не следованием австрийской теории экономического цикла, а приверженностью чиновников центрального банка доктрине реальных векселей.

Доктрина реальных векселей *versus* австрийская теория экономического цикла

«Реальные векселя» — это краткосрочные переводные долговые расписки, выпускаемые фирмами для финансирования благ, находящихся в процессе производства. К примеру, 1 сентября пекарь, закупая муку, расплачивается с мельником, подписав документ, суть которого состоит в следующем: «Я, пекарь, обязуюсь 1 декабря выплатить 1000 долларов мельнику или лицу, которому он уступит это право». Этот вексель «реален» в том смысле, что им финансируется покупка пекарем материальной ценности — муки. Пекарь сможет расплатиться по векселю через три месяца за счет доходов, полученных от реализации выпечки, изготовленной из этой муки. Мельник может оставить у себя вексель до момента погашения или — если деньги ему нужны раньше — продать его банку. Банк заплатит мельнику несколько меньше тысячи долларов — эта цена отражает текущую дисконтированную ценность векселя. Банк получит от этой покупки процентный доход, ожидая до 1 декабря и получив тысячу долларов от пекаря. (Иными словами, ценность векселя растет по мере приближения срока погашения.)

С «доктриной реальных векселей» ассоциируются по крайней мере две идеи. Первая — ее иногда называют «теорией коммерческого кредита» — представляет собой разумную *рекомендацию по консервативному управлению портфелем коммерческого банка*. Она гласит, что если банк приобретает краткосрочные низкорисковые векселя в свой портфель приносящих доход активов, то они почти наверняка будут погашены в срок и резервы наличности банка автоматически пополнятся. В случае если банк внезапно столкнется с оттоком резервов из-за обмена банкнот на наличность или изъятия вкладов, наличие в портфеле реальных векселей позволит ему легче и быстрее пополнить резервы, чем если бы в портфеле были лишь обычные кредиты, поскольку векселя представляют собой стандартизированные финансовые инструменты, которые проще продать за деньги⁷³.

Второй вариант доктрины реальных векселей (для краткости обозначим его аббревиатурой ДРВ) — тот, который имеет отношение к денежной политике ФРС в 20-х и 30-х годах XX века, — был разработан представителями банковской школы и другими сторонниками Банка Англии в XIX веке в ходе дискуссий о политике последнего. Эта концепция представляет собой ошибочную *рекомендацию по поводу денежной политики*. Она сводится к следующему: если банковская система (то есть центральный банк в тех случаях, когда он ею управляет) будет учитывать (покупать с дисконтом) все предлагаемые к учету настоящие реальные векселя (те, которыми финансируется прохождение материальных благ через процессы производства и распределения) и только их, то она сможет должным образом удовлетворить «потребности делового оборота» в финансировании, но при этом избежит чрезмерной экспансии. Иными словами, банковская система не увеличит денежную массу настолько, чтобы это привело к повышению

уровня цен или (при наличии золотого стандарта) к оттоку золота из страны и угрозе конвертируемости национальной валюты⁷⁴.

В качестве рекомендации для денежной политики у ДРВ есть как минимум два изъяна. На первый еще в 1802 году указал Генри Торнтон, критикуя своих современников, утверждавших, что Банк Англии не может нести ответственность за повышение цен после отмены золотого стандарта, поскольку он ограничивает свои кредитные операции только реальными векселями. Торнтон указывал на то, что ограничение, наложенное на *качество* или *тип* активов, приобретаемых центральным банком, не гарантирует, что его денежные обязательства будут надлежащим образом ограничены *количественно*. Объем реальных векселей, поступающих в банк, не является жестким препятствием для чрезмерной экспансии, поскольку банк может произвольно увеличивать этот объем, учитывая векселя на более выгодных условиях⁷⁵.

Если банковская система действует в условиях золотого стандарта, то обмен на золото (обеспечиваемый межбанковской клиринговой системой расчетов и «механизмом потока цен и металлических денег») приводит в равновесие предложение и спрос на банковские обязательства независимо от типа активов, приобретаемых банками. Для системы с центральным банком, слабо ограниченной конвертируемостью в золото (как это было в случае Федеральной резервной системы в 20–30-х годах XX века), и уж тем более для центрального банка, эмитирующего декретные деньги (как ФРС после 1971 года), ограничение операций по учету векселей одной *категорией* долговых инструментов не ограничивает эмиссию *количественно*.

Вторая серьезная проблема заключается в том, что стабилизация уровня цен и «удовлетворение потребностей делового оборота» — если это означает, что ответом на любой рост спроса на заемные средства становится увеличение предложения таких средств посредством кредитной экспансии, а не повышение процентной ставки, — оборачивается чрезмерной кредитной экспансией. В этом заключалась суть критики Хайека в адрес политики ФРС в 20-е годы. В ДРВ отсутствовало понятие естественной процентной ставки Викселля, которой должна соответствовать учетная ставка центрального банка во избежание деструктивной денежной политики.

Если бы действия ФРС жестко ограничивались золотым стандартом, то после того, как чрезмерное расширение кредита обернулось бы усилением оттока золота, ей пришлось бы быстро повысить учетную ставку, чтобы сохранить свои золотые резервы, и доктрина реальных векселей не смогла бы серьезным образом дезориентировать денежную политику. Но в 1914 году, когда ФРС только начала действовать, разразившаяся в Европе война привела к мощному притоку золота в США. Европейские страны отказались от золотого стандарта, а в межвоенный период последовательного и решительного возврата к нему так и не произошло, что крайне ослабило международный ограничительный механизм потока цен и металлических денег по сравнению с периодом классического золотого стандарта⁷⁶. Поэтому у доктрины реальных векселей (во втором ее варианте)

было достаточно возможностей, чтобы завести денежную политику ФРС не в ту степь.

Некоторые сторонники ДРВ считали, что в 1927–1928 годах ФРС проводила политику чрезмерной экспансии, что создало предпосылки для спада в 1929 году. Может показаться, что эта идея аналогична позиции австрийской школы, но это лишь внешнее впечатление. У двух школ были разные критерии чрезмерности. Если австрийцы считали политику Федеральной резервной системы чрезмерно экспансионистской из-за того, что она искусственно увеличивала объем заемных фондов, что снижало и удерживало рыночную ставку процента ниже уровня естественной ставки, то сторонники ДРВ, как отмечал экономист Дэвид Лейдлер, критиковали политику американского центрального банка за чрезмерную экспансию лишь постольку, поскольку кредиты ФРС предоставлялись не только тем, кто предлагал к учету реальные векселя, но и другим заемщикам, что «подпитывало „спекулятивное инвестирование“ в рынок акций и в нежизнеспособный в долгосрочном плане инвестиционный бум»⁷⁷. Приверженцы ДРВ в ФРС оценивали создание кредита на основе теста, учитывающего лишь категорию активов: приобретение реальных векселей никогда не нарушит нормальное функционирование рынка, а расширение кредита какими-либо другими способами (например, путем приобретения государственных облигаций) обязательно приведет к этому. Подобный *качественный* тест не позволял определить, сохраняется ли правильное соответствие между *объемом* кредитов, предоставляемых банковской системой, и объемом добровольных сбережений, размещенных в банках.

Австрийская теория и доктрина реальных векселей сильно различались и в том, что касается рекомендаций в отношении денежной политики. Именно ДРВ, а не австрийская теория, определяла образ мысли чиновников ФРС (нет никаких данных о том, что книга «Цены и производство» оказывала на них влияние после ее публикации в 1931 году, а до этого такое, естественно, было просто невозможно). Хайковская норма для денежной политики — стабильность номинальных доходов — требовала (пусть даже сам Хайек не всегда этого требовал) экспансионистской денежной политики для компенсации резкого сокращения совокупного номинального дохода в период 1930–1933 годов. Из доктрины реальных векселей, напротив, вытекало, что сокращение денежной массы вполне адекватно сокращению объема реальных векселей, предлагаемых для учета в период спада экономической активности.

Исследователь экономической истории Барри Эйхенгрин установил, что после 1929 года «искренними сторонниками того, чтобы позволить ситуации развиваться естественным путем» были Адольф Миллер, член Совета управляющих ФРС, и руководители федеральных резервных банков Филадельфии и Далласа. Миллер входил в Совет управляющих с момента его создания в 1914 году, а до этого был ученым-экономистом. Свидетельства приверженности Совета управляющих доктрине реальных векселей в тот период, когда Миллер был его членом, можно найти в Десятом

годовом отчете ФРС за 1923 год, где отмечается: «Совет убежден, что не существует опасности того, что кредит будет создаваться и распределяться федеральными резервными банками в чрезмерном объеме, если он будет использоваться только в целях производства»⁷⁸.

Хайек в книге «Денежная теория и деловой цикл» подверг резкой критике предписываемую ДРВ норму, требующую эластичности предложения кредита, за то, что она приводит к выходу из строя «процентных тормозов» экономики, имея в виду уравнивающую тенденцию процентной ставки к повышению при росте спроса на кредиты, ограничивающую инвестиции имеющимся объемом сбережений. Если в мизесовском сценарии типичного экономического цикла центральный банк инициирует бум своими активными действиями по снижению процентных ставок за счет расширения кредита, то Хайек считал, что ФРС *усиливала* уже начавшийся быстрый рост инвестиций, используя расширение кредита для недопущения повышения рыночной процентной ставки до уровня естественной ставки, как это должно было бы произойти, когда растущий спрос на заемные фонды превысил объем добровольных сбережений. Таким образом эластичность кредита сделала возможным запуск новых инвестиционных проектов, которые невозможно было довести до конца, и породила тем самым неустойчивый в долгосрочном плане бум. С точки зрения Хайека, проведение политики, основанной на доктрине реальных векселей, было не просто мелкой ошибкой. Именно это стало главной причиной Великой депрессии, которую переживал мир⁷⁹.

«Новый курс» и институционализм

В октябре 1934 года Рексфорд Г. Тагвелл сидел в отделанной мрамором приемной в Риме в ожидании встречи с премьер-министром Италии, лидером фашистской партии Бенито Муссолини. Этот экономист из Колумбийского университета, ставший одним из главных советников президента Франклина Рузвельта и архитектором «нового курса», с большим интересом следил за экспериментами итальянцев в области экономической политики. За два дня до аудиенции он записал в своем дневнике: режим Муссолини «делает многое из того, что мне кажется необходимым», и вообще он — «самый ясный, четкий и эффективно работающий социальный механизм из всех, что я видел. Он вызывает у меня зависть»¹. Тагвелл был не единственным, кто стремился рационализировать социальную и экономическую систему США. До 1935 года многие прогрессисты вполне могли восхищаться и действительно восхищались некоторыми аспектами фашистской экономической системы, хотя им и претило подавление гражданских свобод в Италии. После того как в 1935 году Муссолини напал на Абиссинию, американцы стали все реже выражать симпатии к его экономической политике, а когда он годом позже заключил союз с Гитлером, все эти восторги и вовсе сошли на нет.

Франклин Рузвельт и модель командной экономики

Франклин Делано Рузвельт вступил в должность президента США дождливым мартовским днем 1933 года, в разгар Великой депрессии. В своей первой инаугурационной речи он заявил, что федеральное правительство должно действовать во время депрессии «так, как мы действуем в чрезвычайных военных условиях». И он не имел в виду нечто абстрактное. Рузвельт предлагал вернуться к мерам командного управления экономикой, применявшимся администрацией Вильсона в годы Первой мировой войны². В рамках политики Вильсона в 1917–1918 годах федеральное правительство применяло по отношению к промышленности нерыночные методы командного управления и контроля. Группа новых федеральных ведомств (Военно-промышленный совет, Продовольственная администрация США, Топливная администрация США и ряд подчиненных им органов) привлекала

бизнес и профсоюзы к деятельности по ограничению конкуренции и планированию производства через посредство промышленных картелей. Тагвелл советовал Рузвельту восстановить эту деятельность в новых формах.

Попытки реализовать аналогичные идеи предпринимались и в других странах мира. В Италии, которую с 1922 по 1943 год возглавлял Муссолини, система картелирования и планирования в виде «корпораций» — советов с участием государства, бизнеса и профсоюзов при руководящей роли государства — получила название корпоративизма, или фашизма³. Позднее слово «фашизм» приобрело сильную эмоциональную окраску и стало ассоциироваться не столько с экономической политикой, сколько с безудержным милитаризмом и подавлением гражданских свобод. Ф.А. Хайек в «Дороге к рабству» (см. главу 6) утверждал, что между этими двумя аспектами существует взаимосвязь: любое государство, пытающееся внедрить централизованное планирование, неизбежно будет скатываться и к политическим репрессиям.

Фашизм как экономическая система представляет собой националистическую форму социализма при сохранении видимости частной собственности. В гитлеровской Германии правящая партия, проводившая фашистскую экономическую политику, называлась Национал-социалистической рабочей партией Германии, или кратко — нацистской партией. При фашизме частная собственность на предприятия номинально сохраняется, но основные инвестиционные и производственные решения принимаются под жестким контролем государства. Партии Муссолини и Гитлера апеллировали к другим слоям населения, нежели марксистские социалистические партии, но все они выступали за контроль государства над экономикой. В 1933 году Хайек подметил сходство гитлеровской версии социализма с другими его вариантами: «Коллективистский и антииндивидуалистический характер германского национал-социализма отнюдь не умеряется тем, что это социализм не пролетариата, а среднего класса, и потому склонен отдавать предпочтение мелким ремесленникам и лавочникам, а предел, до которого он признает частную собственность, несколько выше, чем в случае коммунизма»⁴.

Франклин Рузвельт и NRA

Начало «новому курсу» Рузвельта положили два закона, принятые в 1933 году, — Закон о восстановлении национальной промышленности (NIRA — National Industrial Recovery Act) и Закон о регулировании сельского хозяйства (AAA — Agricultural Adjustment Act). Целью этих мер было восстановление экономического роста и проведение реформ, а средством — усиление контроля федерального правительства над экономикой. В основе новых законов лежала теория, согласно которой защита американских компаний от разрушительной конкуренции поможет им вновь стать прибыльными, в результате чего экономика вернется к процветанию. Управление

национального восстановления (NRA — National Recovery Administration), учрежденное в соответствии с NIRA, занималось объединением различных отраслей экономики в действующие под надзором федеральных властей «кодексные ассоциации» (Code Authorities) — поддерживаемые государством картели, обеспечивавшие сговор фирм-участниц. Эти организации принимали решения, касающиеся установления цен, распределения производственных квот, условий занятости, методов сбыта, а также обеспечивали выполнение этих решений.

Джон Т. Флинн — один из главных тогдашних критиков NRA — охарактеризовал эту систему следующим образом:

NRA обеспечивала, чтобы каждая отрасль в Америке была объединена в отраслевую ассоциацию под руководством федеральных властей. Эти объединения не назывались корпорациями [как в Италии при Муссолини]. Они назывались «кодексными ассоциациями». Но по сути дела это было то же самое. Эти «кодексные ассоциации» могли регулировать производство, количество и качество производимой продукции, цены, методы сбыта и т.д. — и все это под руководством NRA. Это был фашизм. Подобные организации были запрещены антитрестовскими законами. Рузвельт в свое время осуждал Гувера за недостаточно строгое применение этих законов. А теперь он их приостановил и принуждал людей к сговору⁵.

Флинн употребляет здесь термин «фашизм», имея в виду экономическую политику, а не милитаризм и репрессии. Вот как он сам сформулировал это различие: «В те времена фашизм не ассоциировался с антисемитизмом. Этим понятием обозначалась политическая система режима Муссолини»⁶. Судя по процитированному отрывку, Флинн, по крайней мере поначалу, был прогрессистом и поддерживал антитрестовские законы. Он также поддерживал кандидатуру Ф.Д. Рузвельта на выборах 1932 года.

Под эгидой NRA «кодексные ассоциации» разработали около 550 отраслевых кодексов, охватывавших до 80% промышленности. Они поставили под запрет более 1000 методов «нечестной» конкуренции. Как отмечалось в одном из тогдашних исследований Института Брукингса, деятельность NRA по планированию нельзя назвать всеобъемлющей, поскольку эта программа была призвана «действовать в рамках экономики, основанной на прибыли». Поскольку кодексы разрабатывались разными отраслевыми «кодексными ассоциациями», они не обеспечивали «скоординированной корректировки относительных цен»⁷.

Теоретическая база NRA

Впервые Рексфорд Тагвелл предложил создать нечто вроде NRA в своей книге «Промышленная дисциплина и искусство государственного управления», опубликованной в 1932 году, незадолго до того, как он начал ра-

ботать в администрации Рузвельта⁸. После ее выхода один британский рецензент подытожил рекомендации автора следующим образом:

Он предлагает объединить все концерны каждой отрасли в «ассоциацию». Эти картелированные отрасли должны быть в основном самоуправляемыми, но при этом контролироваться неким общенациональным агентством, Советом, обладающим широкими полномочиями. Наряду с государственными чиновниками в осуществлении контроля должны участвовать представители самих отраслей и работников, занятых в них. Эта демократическая диктатура будет заниматься аллокацией капитала, надзирать за условиями труда и при необходимости устанавливать цены и ставки заработной платы. То, что план доктора Тагвелла практически совпадет с политикой президента Рузвельта, становится очевидным при изучении закона о регулировании промышленности (о восстановлении национальной промышленности), принятого в США 16 июня 1933 года. Но лишь время покажет, соответствует ли неосоциализм доктора Тагвелла глубинной философии нынешней американской администрации⁹.

Биограф Тагвелла сообщает, что в качестве участника «мозгового треста», консультировавшего кандидата в президенты Рузвельта, ему

было поручено заниматься восстановлением сельского хозяйства и промышленной кооперацией. По второму вопросу он в качестве решения проблем американской промышленности предложил свои идеи из последней главы «Промышленной дисциплины»... После официального выдвижения кандидатуры Рузвельта Тагвелл... представил меморандум, в котором рекомендовалось создать Национальный экономический совет.

После инаугурации Рузвельта он «активно участвовал в разработке и принятии Закона о регулировании сельского хозяйства и Закона о восстановлении национальной промышленности»¹⁰.

Тагвелл считал, что Великая депрессия была вызвана перепроизводством в промышленности, ставшим результатом близорукой погони за прибылью, и произошедшим вследствие этого затовариванием рынка, чему способствовало отсутствие надзора за экономикой «сверху» для предотвращения подобных проблем. В своем дневнике Тагвелл рассказывает, как он объяснял причины депрессии другим участникам «мозгового треста»:

Я сказал, что наши трудности созданы бизнесменами, и исправить дело можно, только дисциплинировав бизнес. Бизнесмены смогли воспользоваться необычной ситуацией, связанной с повышением производительности во время войны. Издержки снизились, а цены — нет. И ставки заработной платы тоже не выросли. Поэтому имеющиеся у потребителей средства на покупку товаров перестали соответствовать объему производства последних. Часть товаров стало невозможно реализовать. Это вызвало безработицу.

А безработные, естественно, уменьшили свои покупки до минимума. Так была запущена спираль спада¹¹.

А вот как Тагвелл задним числом, в 1948 году, кратко сформулировал тот же вывод о причинах краха 1929 года в научной статье:

Одно из неперенных условий успешного продолжения крупномасштабного производства состоит в том, что покупательная способность потребителей должна быть достаточной для приобретения всего объема выпускаемой продукции. Для поддержания покупательной способности на этом уровне доходы потребителей и сумма цен предлагаемых к продаже товаров и услуг должны быть примерно равными. Но они могут быть равны только в том случае, когда со снижением издержек происходит снижение цен — иначе дополнительная прибыль уходит на создание новых предприятий и увеличение производства. Через какое-то время склады заполняются товарами, на которые нет спроса. Это — весьма сжатое и в силу сжатости неточное описание главных причин того, что случилось в 1929 году. За его рамками, к примеру, остается воздействие огромного объема сбережений, оставшихся «бесплодными» или ушедших на безудержную спекуляцию после 1927 года. Однако в нем подчеркивается тот факт, что к 1929 году производственные возможности намного превысили покупательную способность. Сначала ценовое давление вытеснило с рынка фермеров, затем пришел черед других потребителей, и все это время производство наращивалось гигантскими темпами¹².

Здесь Тагвелл имеет в виду, что конкуренция между фирмами, которая обычно обеспечивает снижение цен в соответствии со снижением издержек и повышение заработной платы в соответствии с повышением производительности труда, по существу, отсутствовала. Сформулированная им доктрина *перепроизводства* (или «недопотребления»), включая и обвинения в адрес бизнесменов, нашла отражение в одном примечательном пассаже из первой инаугурационной речи Рузвельта:

Изобилие у самого нашего порога, но мы не можем воспользоваться его щедрыми дарами в силу их недоступности. Происходит это главным образом потому, что те, кто отвечал за обмен плодами рук человеческих, потерпели провал из-за собственного упрямства и собственной некомпетентности, признали свое поражение и вышли из игры. Деятельность бесчестных менял осуждается судом общественного мнения, люди не приемлют ее ни умом, ни сердцем¹³.

Рецепт Тагвелла и Рузвельта был таков: отобрать принятие решений у бизнесменов и передать его поддерживаемым государством картелям, которые под руководством NRA и AAA будут планировать сокращение производства.

В своем переработанном дневнике Тагвелл отмечал, что своей теорией недопотребления как причины депрессий он обязан отнюдь не Джону Мейнарду Кейнсу: «Больше всех на меня повлиял Дж.А. Гобсон»¹⁴. Гобсон — британский социалист, испытавший влияние марксизма и идей экономиста-институционалиста Торстейна Веблена, — изложил свою теорию депрессий в книгах «Физиология промышленности» (в соавторстве с А.Ф. Маммери, 1889), «Проблема безработных» (1896), своем самом известном труде «Империализм» (1902) и в «Индустриальной системе» (1909)¹⁵. Из марксизма Гобсон позаимствовал концепцию прибавочной ценности — согласно которой работодатель платит работнику меньше, чем ценность произведенного им продукта, и присваивает остаток себе, — которую он применил для разработки теории экономического цикла.

В 1844 году аналогичную идею кратко изложил в одной из своих статей Фридрих Энгельс: модернизация и концентрация производства ведет к повышению производительности труда и росту прибыли, но при этом и к снижению ставок заработной платы. Рабочие, которым недоплачивают, не имеют средств, чтобы скупить постоянно возрастающий объем товаров. Подразумевается также, что капиталисты также не тратят из своих прибылей достаточно много, чтобы компенсировать эту недостачу. Перепроизводство вызывает депрессию: как образно выразился Энгельс, «люди станут умирать с голоду — и именно от избытка»¹⁶. Отметим, что при этом цены на товары почему-то не изменяются и не уравнивают спрос и предложение.

Дэвид Гамильтон кратко сформулировал теорию Гобсона следующим образом:

Незаработанные излишки приводят к неправильному распределению доходов. Неправильное распределение доходов порождает избыток сбережений. Избыток сбережений оборачивается переинвестированием. Переинвестирование, продукт избытка сбережений, означает недостаточную покупательную способность [потребителей]. Это ведет к экономическим кризисам¹⁷.

Империализм Гобсон понимал как метод, с помощью которого капиталистическая экономика экспортирует избыточные сбережения и сбывает лишние товары, по крайней мере в течение некоторого времени¹⁸. В 1933 году, заново формулируя свою теорию, Гобсон делает те же выводы в отношении экономической политики, что и Тагвелл:

Сознательно планируемая экономическая система... не будет проявлять естественной или нормальной тенденции к циклическим колебаниям, приводящей к столь масштабной растрате ресурсов, поскольку большое количество капитала и труда простаивает без дела¹⁹.

Кейнс, разрабатывая собственную, более широко известную, вариацию на тему недопотребления, ставил Гобсону в заслугу способность «пустить смутно и неполно, видеть истину»²⁰. Теорию недопотребления Кейнса и предшествующие ей теории мы рассмотрим в следующей главе.

О теории депрессий Гобсона Тагвелл узнал от Уэсли Клэра Митчелла, его коллеги по Колумбийскому университету и специалиста по экономическим циклам. О положительном отношении самого Митчелла к этой теории можно судить по тому, как он сформулировал «главную экономическую проблему, стоящую сегодня перед человечеством»: «Это проблема создания такой экономической организации, чтобы граждане современного государства могли покупать друг у друга то, что они имеют возможность производить с помощью современных промышленных методов»²¹.

В собственном диагнозе Великой депрессии Тагвелл сочетал теорию Гобсона с дополняющими ее идеями, касающимися «научного управления» и проблем сельского хозяйства²². Попытки преодолеть депрессию через уменьшение того, что Гобсон называл «неправильным распределением доходов» (*maldistribution of income*), можно усмотреть в стремлении «кодексных ассоциаций» NRA повысить заработную плату за счет прибыли в надежде увеличить таким образом совокупный спрос на товары (другой задачей было увеличение «доли пирога», достающейся работникам)²³. Тагвелла беспокоило то, что научное управление, или тейлоризм, — о нем мы подробнее поговорим ниже в этой главе — позволяет резко увеличивать объемы выпуска продукции, а значит, и опасность перепроизводства. В 1924 году, рассуждая о проблемах американского сельского хозяйства, он писал:

Мы больше не убеждены в необходимости какой-либо зависимости от непереворотливых механизмов формирования нерегулируемых цен для сокращения или подстегивания потребления при изменении объемов производства, особенно когда их воздействие на производительные силы столь разрушительно, как мы можем со всей очевидностью наблюдать в сельском хозяйстве²⁴.

В сельском хозяйстве как отдельно взятой отрасли может случиться перепроизводство в том смысле, что урожай окажется настолько велик, что цены на продукцию упадут до уровня, при котором фермеры в этом конкретном году понесут убытки. Тагвелл считал, что эта проблема характерна для бизнеса в целом.

Экономические и правовые проблемы, связанные с NRA и AAA

В качестве средства преодоления депрессии закон о NRA страдал серьезными логическими изъянами. Считалось, что он позволит восстановить прибыльность каждой отрасли за счет ограничения объема продукции, которое привело бы к повышению цен и увеличению доли прибыли в цене,

как это происходит в случае фирмы-монополиста. Действительно, в *одной* отрасли — если объем производства в других отраслях остается неизменным — такое ограничение может привести к увеличению прибыли. Но поскольку условием этого увеличения является ограничение производства, оно не может стимулировать возобновление инвестиций и побуждать к найму дополнительных работников. Ограничение производства означает, что загрузка предприятий и оборудования, как и занятость в отрасли, *сокращается*, а не увеличивается.

Столь же фатальным дефектом была ошибка агрегирования (неправильное перенесение свойств части на целое) — представление о том, что эффект роста прибыли в одной отрасли может реализоваться одновременно во всех отраслях. На деле искусственно завышенные цены в одной отрасли (например, сталелитейной) приведут к росту издержек и, соответственно, к *сокращению* прибыли в тех отраслях, где ее продукция используется в качестве производственного ресурса (например, в автомобилестроении). Если каждая отрасль снижает объемы производства, то логически неизбежным результатом становится уменьшение совокупного объема выпуска, что приводит к обеднению всей экономики, сдерживает рост инвестиций и занятости, а также препятствует экономическому оживлению. Иными словами, монополистическое ограничение производства в одной отрасли может привести к увеличению ее доли в национальном доходе, но не к росту национального дохода в целом. Ограничение же производства во всех отраслях попросту контрпродуктивно. Относительные доли всех отраслей остаются прежними, а весь «пирог» равномерно уменьшается. В 1934 году Джон Мейнард Кейнс точно подметил общий изъян подобной политики: «Каков бы ни был наилучший рецепт от бедности среди изобилия, нам следует отвергнуть любые предложения, требующие, по сути дела, избавиться от изобилия»²⁵. Джордж Терборг из Института Брукингса особо заметил в 1935 году по поводу действий NRA: «Резкое повышение уровня издержек и цен было несвоевременным. Оно привело к нехватке, а не к изобилию»²⁶.

Аналогичный план в аграрном секторе был реализован с помощью Закона о регулировании сельского хозяйства, который тоже нес на себе отпечаток идей Тагвелла. Он предусматривал масштабное сокращение предложения продуктов питания в целях повышения цен на них и (как надеялись его авторы) доходов фермеров. Федеральное правительство скупало урожай, но не выставляло его на рынок, тем самым стремясь поддерживать уровень цен. В 1933 году оно распорядилось забить 6 миллионов молодых свиней, чтобы предложение свинины сократилось и цены на нее выросли. Журнал Time сообщал: «Из-за массового забоя в соответствии с AAA и сильнейшей засухи 1934 года поголовье свиней в США сильно сократилось. В 1933 году, когда поросята впервые удостоились внимания в рамках планового сельского хозяйства Франклина Рузвельта, поголовье мясных свиней исчислялось гигантской цифрой в 84 200 000. В 1935 году оно сократилось до 55 086 000, и цены на свинину сильно выросли»²⁷. Фермерам

платили деньги за изъятие земель из сельскохозяйственного оборота. Подобная политика могла повысить прибыль фермерских хозяйств, но для экономики в целом результат был обратным. Уменьшение количества еды не может увеличить процветание.

Как и следовало ожидать, NRA и AAA препятствовали оживлению экономики. Обобщив статистические данные, Скотт Самнер пришел к следующему выводу:

В первой половине 1933 года промышленное производство росло одновременно с уровнем цен. Однако после принятия кодексов в соответствии с NIRA оно резко сократилось, а цены продолжали повышаться²⁸.

Индекс промышленного производства, рассчитываемый Федеральной резервной системой, за первые семь месяцев 1933 года, до принятия 15 июля кодексов NIRA, увеличился почти на 50%, а за последние пять месяцев года снизился на 18,4%.

В 1935 году Верховный суд США единогласно признал NIRA противоречащим Конституции. Это решение было принято, по словам Флинна, «ко всеобщему облегчению». Исследователь экономической истории Эллис У. Хоули приходит к похожему, но более осторожно сформулированному выводу: к моменту принятия решения Верховным судом «NRA по большей части уже утратила популярность и поддержку». Даже Рексфорд Тагвелл позднее признавал, что деятельность NRA с экономической точки зрения не была успешной²⁹. Верховный суд отменил NIRA на том основании, что он передавал законодательные полномочия Конгресса исполнительной власти. В решении суда говорилось: «Подобное делегирование полномочий неизвестно нашей правовой системе и абсолютно несовместимо с конституционными прерогативами и обязанностями Конгресса». При принятии решения Верховный суд не учитывал экономической порочности этой программы, к тому времени уже признававшейся очень многими. Но, по свидетельствам, после того как решение было зачитано, судья Брандейс сказал одному из юристов, работавших на Рузвельта: «Это конец затей с централизацией, и я бы хотел, чтобы вы пошли и сказали президенту, что мы не позволим его правительству все централизовать»³⁰. В 1936 году Верховный суд принял аналогичное решение о неконституционности AAA, но в 1938 году эта программа была возрождена в виде законодательства о «сохранении плодородия почв», содержащего еще более энергичные меры, направленные на ограничение посевов и поддержание уровня доходов. По сей день она остается основой аграрной политики США.

Институционализм

Главными разработчиками NRA и AAA были экономист Рексфорд Тагвелл и экономист-юрист Гардинер Минз. Эти инициативы поддерживались

другими экономистами, работавшими в рамках интеллектуальной традиции, известной под именем «институционализм». О преобладании институционалистских идей и поддержке американскими экономистами «нового курса» свидетельствует обзор в феврале 1935 года в журнале *Quarterly Journal of Economics* девяти книг, написанных на эту тему. Три из числа рецензируемых книг представляли собой труды, по крайней мере частично принадлежавшие к институционалистскому направлению и написанные экономистами — сторонниками NRA. Еще две работы были написаны социалистами, также выступавшими за «новый курс»³¹.

Максимальное влияние на политику США институционализм оказывал в эпоху прогрессизма и во время «нового курса». Среди видных институционалистов — современников Тагвелла можно назвать таких экономистов, как Кларенс Эйрс (1891–1972), Джон Морис Кларк (1884–1963), Гардинер Минз (1896–1988), который тоже активно сотрудничал с администрацией Рузвельта, и Уэсли Клэр Митчелл (1874–1948). К числу основателей американского институционализма, чьи главные труды были опубликованы до 1920 года, относятся Саймон Паттен (1852–1922), Ричард Т. Эли (1854–1943), Торстейн Веблен (1857–1929), Эдвин Р.А. Селигмен (1861–1939) и Джон Р. Коммонс (1862–1945). Как уже отмечалось в главе 1, Эли и Коммонс пользовались особым влиянием в эпоху прогрессизма.

Сегодня институционалисты считаются неортодоксальной школой, находящейся за пределами мейнстрима экономической науки, но в течение полувека между 1890 и 1940 годами это было не так³². Джеймс Гэлбрейт не соглашается с утверждением, что вся карьера его отца Джона Кеннета Гэлбрейта по необходимости проходила вне мейнстрима из-за его принадлежности к этой школе:

Институционализм, к которому в молодости принадлежал мой отец, и был тогдашним мейнстримом. Дитя философского прагматизма и научного дарвинизма, институционализм объединял таких людей, как Веблен и Коммонс из Висконсинского университета и Эйрс из Техасского университета; он дал нам «новый курс» и, в частности, нынешнюю систему социального обеспечения. Он был связан с историческим направлением в экономической науке, которое находилось под влиянием немцев и представители которого занимали главные посты в Американской экономической ассоциации. АЭА... была создана в 1890-х годах прежде всего для противостояния фритредерским доктринам британской экономической науки XIX века³³.

Впрочем, с утверждением Гэлбрейта о том, что *только* институционализм был американским мейнстримом или преобладающей школой экономической мысли, можно поспорить. Есть основания утверждать, что в первой половине XX века он соперничал за статус мейнстрима в экономической профессии с неоклассической экономической теорией.

Рексфорд Гай Тагвелл (1891–1979) получил степень доктора философии в области экономики в 1922 году в Уортонской школе при Пенсильванском университете, где его научным руководителем был Саймон Паттен. В 1920–1932 годах он преподавал в Колумбийском университете, после чего перешел на работу в администрацию Рузвельта. В 1927 году Тагвелл в составе делегации посетил СССР, и этот визит произвел на него большое впечатление (хотя он упустил возможность встретиться со Сталиным). После возвращения он написал несколько научных статей, где положительно отзывался о советском эксперименте. В ходе предвыборной кампании 1932 года и после нее Тагвелл был одним из главных экономических советников Франклина Делано Рузвельта. Он был видным участником «мозгового треста» Рузвельта, куда входили еще несколько преподавателей Колумбийского университета: политолог Рэймонд Моули, который и сформировал эту группу советников, экономист Адольф О. Берли и правовед Гардинер К. Минз. Современник охарактеризовал «мозговой трест» как «небольшую группу университетских профессоров, имеющую огромное влияние в администрации Рузвельта». К этому он добавлял: «Профессор Тагвелл вращается в высших сферах власти, его влияние весьма обширно, а к его советам неизменно прислушиваются»³⁴.

В 1933 году Тагвелл был назначен заместителем министра сельского хозяйства. Этот пост он занимал, когда участвовал в разработке ключевых экономических мер первого этапа «нового курса» — Закона о восстановлении национальной промышленности и Закона о регулировании сельского хозяйства. Годом позже его повысили до первого заместителя министра. Он побывал в Италии, получил аудиенцию у Муссолини и тоже был впечатлен. В 1935 году, когда была упразднена NRA, Тагвелл возглавил Администрацию по переселению (Resettlement Administration). На этом посту он работал над программой создания «поселений с зеленым поясом», которую описывали как «полуютопический градостроительный проект, ставящий целью строительство с нуля новых самодостаточных городов»³⁵.

Биограф Тагвелла сообщает, что он, еще будучи студентом в Уортонской школе, «усвоил и принял идеи Паттена — неприятие экономистов классической школы, веру в возможность экономики, в которой отсутствует редкость благ („экономики изобилия“), приверженность экспериментальному методу и одобрительное отношение к технологическому развитию»³⁶. Позднее Тагвелл посвятил Паттену 56-страничный некролог в одном из ведущих экономических журналов и стал редактором посмертно изданного сборника его статей³⁷. Кроме того, в Уортонской школе он «познакомился с критикой Вебленом экономистов-классиков, с тейлоризмом, делающим акцент на планировании, а также с институциональным прагматизмом и усвоил их»³⁸.

«Неприятие экономистов классической школы» здесь означает в первую очередь отвержение доктрин свободы международной торговли, *laissez-faire* и саморегулирующейся экономики («невидимой руки»). В октябре

1934 года, делая запись в своем дневнике о произнесенной речи, Тагвелл отметил: «Я сказал без обиняков, что существует много доводов в пользу экономической изоляции, что она пришла всерьез и надолго, и поэтому *laissez-faire* настал конец»³⁹. В более раннем выступлении он был столь же откровенен: «Игра окончена. Тайное стало явным. Никакой „невидимой руки“ нет и никогда не было»⁴⁰.

Саймон Паттен

Саймон Паттен (1852–1922) принадлежал к тому поколению американских студентов, которому приходилось отправляться в Германию для получения докторской степени в области общественных наук и истории, поскольку университеты США в то время таких степеней по этим наукам еще не присваивали. Сам он получил докторскую степень по экономике в Университете Галле в 1884 году. Подобно многим другим, он вернулся из Германии прогрессистом, находящимся под большим впечатлением от идей канцлера Отто фон Бисмарка о «социальном государстве» и «государственном социализме». В 1888–1917 годах Паттен преподавал экономику в Пенсильванском университете. Его главные труды — «Теория социальных сил» (1896) и «Новая основа цивилизации» (1907).

Паттен учил, что до «экономики изобилия» уже рукой подать. Современная эпоха — это время излишков, поэтому традиционный экономический анализ редкости и экономии уже по большей части устарел. Чтобы распространить изобилие, американскому правительству следует, по примеру Бисмарка, ввести благоприятное для рабочих регулирование рынка труда и субсидировать образование. Оно также должно обуздать спекуляцию. Как и многие прогрессисты, Паттен хотел изменить не только государственную политику, но и поведение сограждан. Он призывал ограничить потребительское кредитование, чтобы не допустить безответственного использования ссуд, и запретить продажу алкоголя, чтобы пресечь его безответственное употребление. Он также был сторонником евгеники. В области экономической теории Паттен отвергал классическую экономическую школу, предпочитая более эклектичный подход немецкой исторической школы. Он отдавал приоритет экономическому сотрудничеству перед конкуренцией.

Торстейн Веблен

В течение всей научной карьеры Торстейна Веблена (1857–1929) преследовали скандалы. Он получил степень доктора философии в Йельском университете в 1884 году и после некоторого перерыва в научных занятиях в 1891–1892 годах продолжил изучать экономику в Корнеллском университете. В 1892 году Веблен стал преподавателем экономики в Чикагском

университете, но четырнадцать лет спустя вынужден был уволиться из-за обвинений в «вопиющих случаях супружеской неверности». В 1906 году он устроился в Стэнфордский университет, но через три года был вынужден уйти и оттуда, опять-таки из-за сексуального скандала. В 1911 году Веблен стал лектором в Университете Миссури, где и проработал до ухода в отставку в 1918 году.

Самым известным трудом Веблена стала книга «Теория праздного класса» (1899), где он ввел понятия «демонстративное потребление» и «денежное соперничество». Веблен противопоставлял обычное поведение, которое анализировала неоклассическая экономическая теория, более важным «инструментальным императивам», порождаемым новыми технологиями. В статье «Ограниченность теории предельной полезности» (1909) Веблен подверг резкой критике неоклассическую теорию цены и содержащийся в ней анализ спроса, основанный на понятии предельной полезности, заявив, что она не передает динамику современной экономики: «Для понимания современной экономической жизни первостепенное значение имеет технический прогресс последних двух столетий, в частности развитие промышленных технологий, но теория предельной полезности ничего об этом не говорит»⁴¹.

В книге «Инженеры и система цен» (1921) Веблен утверждал, что бизнесменам свойственно ограничивать производство в целях получения монопольной прибыли, что препятствует техническому прогрессу в промышленности:

Сегодня вопрос о том, не озабочен ли деловой менеджмент капитанов индустрии скорее ее сдерживанием, чем наращиванием ее производственных мощностей, несомненно, остается открытым⁴².

В названии книги отразилась идея Веблена о том, что экономика, «командные высоты» которой контролируются «директоратом промышленности», состоящим из инженеров, была бы более эффективной, чем экономика, направляемая предпринимательской конкуренцией и системой цен. Веблен воображал, что если бы за производство отвечал, как он выразился, «Совет инженеров» (Soviet of Engineers), то он бы сократил расточительство, следуя императивам мастерства и технологичности, а не прибыльности. Планирование, осуществляемое Советом инженеров, положило бы конец монополистическому ограничению производства, безработице и простоям оборудования, а попутно обуздало бы и рекламу. Результатом всего этого стало бы более процветающее общество.

Работы Веблена повлияли на «технократическое движение» — одно из ответвлений прогрессизма, представители которого рассматривали общество как инженерный проект, реализуемый техническими специалистами, который подразумевает централизованное планирование, осуществляемое промышленными инженерами⁴³. Одним из технократов, пользовавшихся большим влиянием в администрации Рузвельта, был Леон

Хендерсон — консультант в NRA, а позднее глава Управления по регулированию цен, где его заместителем стал молодой Джон Кеннет Гэлбрейт. Критик NRA Джон Т. Флинн отмечал, что поскольку это ведомство подключало к процессу планирования также фермеров и бизнесменов, уважая их политическое влияние,

NRA, несмотря на ряд идейных совпадений, не могла полностью устроить технократические группировки, представленные тагвеллами и их учениками. Она оставляла слишком много контроля в руках бизнеса, тогда как те предпочли бы, чтобы этот контроль осуществляли технические специалисты — желательно профессора⁴⁴.

Американский институционализм и немецкий историзм

Первоначально институционалистское направление в США было интеллектуальным детищем немецкой «молодой» исторической школы в экономической науке. Историческая школа, возглавляемая Густавом Шмоллером, в политическом плане оппонировала классическому либерализму, а в методологическом — абстрактному теоретизированию старой классической и новой (сложившейся после 1871 года) неоклассической школ экономической теории. В частности, Шмоллер схлестнулся в остром «споре о методах» (*Methodenstreit*) с австрийским неоклассиком Карлом Менгером.

В 1886 году американский экономист-институционалист Эдвин Р.А. Селлигмен с похвалой отозвался о ведущих экономистах немецкой исторической школы, так как они, по его мнению, предложили «подлинно научную» альтернативу методологии и политическим взглядам «ортодоксальной школы» классической экономической теории. Он характеризовал их подход следующим образом:

Социалисты... выступили с энергичным и действенным протестом против существующих систем... Но новые идеи впервые обрели подлинно научную основу в середине столетия, когда три молодых немецких экономиста — Рошер, Книс и Гильдебранд — заявили о необходимости изучать экономику с точки зрения истории. Они инициировали новое движение, основные принципы которого можно сформулировать следующим образом. 1. Оно отвергает использование исключительно дедуктивного метода и подчеркивает необходимость исторического и статистического анализа. 2. Оно отрицает существование в экономике неизменных естественных законов, привлекая внимание к взаимозависимости теорий и институтов, показывая, что для разных эпох и стран требуются разные системы. 3. Оно отрицает представление о благотворности системы абсолютного *laissez-faire*; отстаивает идею тесной взаимосвязи права, этики и экономики; а также отказывается признавать адекватными научные объяснения, основанные на посылке, что единственным регулятором экономической деятельности являются личные интересы⁴⁵.

Йозеф Шумпетер в «Истории экономического анализа» дал более сбалансированную оценку отличительных черт немецкой исторической школы:

Высокий уровень историографии; широко распространенное уважение к историческим фактам; низкий уровень экономической теории и невнимание к ее ценностям; высшее значение, придаваемое государству, и низкая оценка всего остального⁴⁶.

Характеристика, данная Людвигом фон Мизесом, была более едкой:

Экономическая теория в Германской империи, представленная университетскими профессорами, назначаемыми правительством, выродилась в бессистемное, плохо структурированное собрание различных обрывков знаний, позаимствованных из истории, географии, технических наук, юриспруденции и отчасти политики, одобренное уничижительными замечаниями об ошибках в абстрактных построениях классической школы. Большинство профессоров в своих трудах и курсах с разной степенью усердия занимались пропагандой политики имперского правительства⁴⁷.

Историческая школа отказывалась от разработки экономической теории в пользу детальных описательных исторических исследований, теоретическая основа которых лишь неявно подразумевалась. Позднее экономист Рональд Коуз саркастически заметил: «Без теории их наследие свелось к массе описательного материала, ожидающего теоретического анализа — или пожара»⁴⁸.

Немецкая историческая школа напрямую оказывала влияние на американцев, учившихся в Германии ради получения докторских степеней по экономике. Саймон Паттен учился в университете немецкого города Галле, где незадолго до того преподавал Шмоллер, и влияние исторической школы было весьма сильным. Ричард Т. Эли также начинал учиться в аспирантуре в Галле, где познакомился с Паттеном. Тот представил Эли экономисту Йоханнесу Конраду, который и познакомил молодого ученого с кругом идей исторической школы. Затем Эли перешел в Гейдельбергский университет, где его научным руководителем был ведущий представитель школы Карл Книс, и там же в 1879 году защитил докторскую диссертацию. Позднее в своей автобиографии Эли писал, что именно Книса он «с радостью признает своим *Учителем* — больше, чем кого-либо еще». От Книса Эли усвоил, что «экономика не относится ни к естественным, ни к психологическим наукам, а принадлежит к группе исторических дисциплин, предмет которых — изучение человека в обществе с точки зрения исторического развития последнего»⁴⁹. Вернувшись в США, сам Эли стал учителем Коммонса и Митчелла — а также будущего президента Вудро Вильсона⁵⁰.

В 1885 году, создавая Американскую экономическую ассоциацию как объединение экономистов, не согласных с идеями *laissez-faire*, Эли, Паттен, Селигмен и другие вдохновлялись примером организации, которую

создал в Германии Шмоллер — Союза социальной политики (Verein für Socialpolitik). «Заявление о принципах», принятое при учреждении АЭА, отражало идеи исторической школы не только в утверждении роли «государства как организации, чье конкретное содействие является одним из непрременных условий прогресса человечества», но и в том, что в этом документе содержался призыв к экономистам заниматься «историческим и статистическим изучением реальных условий экономической жизни», а не теоретическими «спекуляциями»⁵¹.

В 1923–1924 годах Ф.А. Хайек провел четырнадцать месяцев в США, в основном в Нью-Йорке. Закончивший незадолго до этого свое обучение в Венском университете и снабженный рекомендательными письмами от экономиста Йозефа Шумпетера, он познакомился со многими из ведущих американских экономистов того времени, в том числе и с видными институционалистами. Хайек побывал на лекциях Уэсли К्लэра Митчелла в Колумбийском университете и, как начинающий теоретик, естественно, был разочарован их нетеоретической направленностью:

Должен признаться, что при моей увлеченности чисто теоретическими вопросами первое впечатление об экономической науке США оказалось разочаровывающим... Имя Уэсли Клар Митчелла, которым только и клялась тогда молодежь, было единственным, которого я не знал, пока не получил рекомендательного письма к нему от Шумпетера... Именно в этот год был опубликован сборник под редакцией Рекфорда Гая Тагвелла «Тенденции в экономической науке», претендовавший на роль программы институциональной школы. Первое, к чему принуждали заезжего экономиста, был визит в Новую школу социальных исследований, где требовалось выслушивать, как Торстейн Веблен саркастически и почти неразборчиво бормочет что-то перед группой восторженных пожилых дам — поразительно неприятное впечатление.

Хайек добавил, что американские работы того времени в сфере денежной теории он счел «удовлетворительными не более, чем результаты эмпирических работ Митчелла, которые ставили больше вопросов, чем давали ответов»⁵².

Институционализм и социализм

Шмоллер и другие представители немецкой исторической школы не были социалистами-марксистами, но поддерживали систему государственных предприятий (железных дорог, телеграфных и телефонных компаний, банков, рудников, предприятий лесного хозяйства, систем энергоснабжения) и поддерживаемых государством картелей, посредством которой правительство Бисмарка контролировало командные высоты экономики. Систему Бисмарка называли «государственным социализмом» — в отличие от

пролетарского социализма Маркса и общинного социализма Оуэна⁵³. Немецких экономистов, которые ее поддерживали, окрестили «катедер-социалистами»*.

Насчет того, следует ли считать социалистом американского экономиста-институционалиста Торстейна Веблена, который в основном критиковал, а не поддерживал теории других, мнения ученых разделились. Хайек причислял его вместе с Гобсоном к представителям «социалистической экономической науки»⁵⁴. Социалист Артур К. Дэвис, специализирующийся на идеях Веблена, называл его социалистом, находящимся «на границе... марксистской традиции, из которой он принимает больше, чем отвергает», но при этом отмечал, что Веблен избегал марксистской терминологии и считал ненаучными прогнозы Маркса о неизбежном развитии исторического процесса. Как и Маркс, Веблен критиковал капиталистический строй, хотя его волновала не столько эксплуатация рабочих, сколько расточительность этой системы. Напротив, Р.Х. Лэндсмен полагает, что Веблен ставил целью не построение социализма, а реформирование капитализма⁵⁵. Положительное отношение Веблена к идее о том, чтобы экономикой руководил директорат инженеров, пожалуй, позволяет характеризовать его как социалиста немарксистского толка. В начале научной деятельности Веблена на него произвел глубокое впечатление изданный в 1887 году утопический роман-бестселлер социалиста Эдварда Беллами «Взгляд назад». На завершающем этапе своей карьеры он сочувственно отзывался о большевистском эксперименте в России.

Ричард Т. Эли поддерживал не только государственный социализм немецкой исторической школы, но и Социальное христианство (Social Gospel) — религиозное общественное движение, считавшее, что христианство должно стремиться к обществу с меньшим уровнем конкуренции и большей степенью равенства⁵⁶. О сфере интересов и взглядах Эли того периода свидетельствуют названия его первых книг: «Французский и немецкий социализм в Новое время» (1883), «Современный американский социализм» (1885), «Социальные аспекты христианства» (1889) и «Социализм: исследование его природы, сильных и слабых сторон, с предложениями по социальным реформам» (1894). В отношении государственного социализма «бисмарковского толка» Эли ставил задачу «осторожно дополнить наше общественное устройство некоторыми сильными чертами социализма, при этом оставляя само это устройство неизменным»⁵⁷. По поводу призывов марксистов к «общественной собственности на материальные средства производства» он писал:

Слабое место экстремистов состоит в том, что они настаивают на всеобъемлющем обобществлении собственности, что сильно вредит их делу. На самом же деле необходимо, чтобы коллективная собственность

* От *Kathedersozialismus* — «социализм кафедры» (нем.).

стала доминирующей — так, чтобы она контролировала все другие формы собственности и удерживала их в узких рамках. Все крупные орудия производства, такие как телеграф, телефон, железные дороги, леса, сельскохозяйственные земли и крупные предприятия перерабатывающей промышленности, должны стать коллективной собственностью; но социализм не означает, что необходимо ограничивать людей в приобретении орудий производства небольших размеров — например, тачек или повозок⁵⁸.

Хотя Эли призывал к коллективной собственности на пахотные земли, он сомневался, что полностью централизованное управление подходит для сельского хозяйства⁵⁹.

Тейлоризм

На Рексфорда Тагвелла глубокое впечатление произвел «тейлоризм» — теория организации производства, основанная на исследованиях Фредерика Уинслоу Тейлора, автора книг «Управление фабрикой» (1903) и «Принципы научного менеджмента» (1911). Тейлор установил, что производительность труда на промышленном предприятии можно повысить путем изучения «рабочих движений и рабочего времени», что позволяет рационализировать все операции таким образом, чтобы рабочие не делали лишних движений. Он писал, что для того, чтобы выявить или разработать наиболее эффективные производственные методы, необходимо «постепенное замещение наукой грубой эмпирии, господствующей во всех областях механического производства»⁶⁰. По мнению Тагвелла, выводы Тейлора подкрепили идею Веблена, что современный монополистический капитализм не использует технологии, позволяющие добиться большего изобилия промышленных товаров.

Некоторые социалисты истолковали работы Тейлора в том смысле, что производительность факторов производства может быть повышена с помощью научных методов не только в условиях капиталистического контроля над предприятиями, но и без него, а следовательно, планирование, распространенное за пределы отдельной фабрики, обеспечит увеличение производительности во всей экономике. Внимание на концепцию Тейлора обратил и Владимир Ленин. В 1914 году он высказал предположение, что плановое хозяйство будущего позволит еще лучше использовать принципы тейлоризма, применяя их не только к отдельной фабрике, но и к организации экономики в целом:

Капитал организует и упорядочивает труд внутри фабрики для дальнейшего угнетения рабочего, для увеличения своей прибыли. А во всем общественном производстве остается и растет хаос... Система Тейлора — без ведома и против воли ее авторов — подготавливает то время, когда пролетариат возьмет в свои руки все общественное производство и назначит свои,

рабочие, комиссии для правильного распределения и упорядочения всего общественного труда. Крупное производство, машины, железные дороги, телефон — все это дает тысячи возможностей сократить вчетверо рабочее время организованных рабочих, обеспечивая им вчетверо больше благосостояния, чем теперь⁶¹.

Насколько грандиозное значение Тагвелл придавал исследованиям Тейлора, можно увидеть из его программной философской статьи «Принцип планирования и институт *laissez-faire*», опубликованной в 1932 году⁶². Тагвелл считал его работы эпохальными — настолько, что именно неспособность экономики в должной мере их учесть привела к Великой депрессии:

Если бы мы следили за ситуацией в промышленности, описывали и анализировали ее так, как должно, мы знали бы, что величайшее экономическое событие XIX века произошло тогда, когда Фредерик У. Тейлор впервые начал изучать с секундомером движения группы навалыщиков на заводе Midvale Steel Company. И когда в 1903 году вышла книга «Управление фабрикой», мы бы поняли, что лет через двадцать мир может оказаться заваленным товарами... Если бы мы смогли разглядеть то, что вытекает из исследований Тейлора, то осознали бы, что неизбежное гигантское увеличение производства забьет все прежние каналы сбыта, затопит механизмы искусственно ограничиваемой торговли, и завершится все это периодом резкой перестройки. Тогда, возможно, удалось бы смягчить страдания, которые люди испытывают сегодня... Когда завалы будут расчищены и наступят годы экономического роста, мы, несомненно, увидим появление этой новой технологии, зрелой и всепроникающей. Неужели мы опять окажемся не готовы к половодью еще более дешевых товаров?⁶³

В размышлениях Тагвелла видно неразрешимое противоречие между утверждением в духе Веблена, что капитализм монополистически ограничивает объемы производства, и тейлористским тезисом, что капитализм приводит к гигантскому росту объема продукции, переполняя собственный рынок⁶⁴. Тем не менее основная политическая линия Тагвелла совершенно очевидна: хватит полагаться на неэффективные рыночные механизмы, необходимо ввести централизованное планирование, чтобы справиться с грядущим изобилием.

Принцип планирования

Тагвелл полагал, что подобно тому, как конкуренция между странами приводит к войнам, конкуренция между фирмами, как показывает Великая депрессия, столь же деструктивна и расточительна: «Война в промышленности так же разрушительна, как и война между государствами», в то время как «порядок и разум лучше авантюристической конкуренции»⁶⁵.

Альтернативой является централизованное экономическое планирование, которое Тагвелл предпочитал называть «общенациональным планированием» (national planning) или просто «планированием». Когда мы будем готовы, отмечал он, мы сможем в этой сфере «извлечь уроки из практического опыта современной России»:

Бедствия последних лет заставляют нас вновь задаться вопросом, как разрешить вековечный парадокс бизнеса: порядок вырастает из конфликтов. Интерес тех из нас, кто разделяет либеральные убеждения, к институтам новой Советской России, постепенно передающийся и озадаченным бизнесменам, привел к распространению в широких кругах общества интереса к «планированию» как к возможному убежищу от хронической незащищенности...⁶⁶

Тагвелл добавлял: «Многие наблюдатели тщательно отслеживают опыт этой страны, который впоследствии может пригодиться и нам», — цитируя при этом собственную статью 1928 года «Экспериментальный контроль в российской промышленности»⁶⁷. В этой статье он отмечал, что хотя советская система пока что не работает с «идеальной эффективностью», она демонстрирует позитивные результаты в том, что касается аллокации оборудования и земельных ресурсов, на основании чего «можно судить о правильности концепции планового управления в целом». Сами русские, сообщал он, убедились, что «при наличии продуманного общенационального плана, охватывающего как промышленность, так и сельское хозяйство, они могут достичь того, что их враги упорно считают невозможным»⁶⁸. Тагвелл надеялся, что в Америке планирование удастся ввести более демократическими методами, чем в России. Несмотря на тот, «вероятно, прискорбный» факт, что в Конституции США «закреплены принципы свободного предпринимательства в духе Адама Смита»,

отнодью не исключено, что через какое-то время... некий... эволюционный процесс приведет нас к той стадии, когда планирование, а значит, и контроль будут считаться нормальными и рутинными атрибутами экономической жизни. С точки зрения рационального мышления это, конечно, менее удовлетворительно, чем революция и построение всего с нуля, как это было в России. Но, возможно, если мы придем к этому путем убеждения и постепенного осознания правильности такой системы, нам удастся избежать некоторых досадных принудительных аспектов российской практики. Ради этого двойного результата стоит набраться терпения⁶⁹.

Многие из тех, предостерегал Тагвелл, кто лишь недавно приобщился к идеям планирования, не осознают, насколько всеобъемлющими должны быть необходимые перемены в экономической практике:

Фундаментальное изменение подходов, новые меры регулирования, пересмотр юридической системы, непривычные ограничения деятельности — все

это необходимо для внедрения планирования. По сути дела, это равносильно тому, что мы наконец откажемся от *laissez-faire*. На практике же это равносильно упразднению «бизнеса». Вот чего требует планирование⁷⁰.

Взамен, обещал Тагвелл, централизованное планирование позволит исправить серьезные изъяны капиталистического общества, к числу которых он относил «резкие контрасты в уровне благосостояния», «иррациональное наделение индивидуальной свободой» и «безудержную эксплуатацию людских и природных ресурсов»⁷¹.

В книге «Промышленная дисциплина и искусство государственного управления» Тагвелл обещал, что планирование даст еще одно преимущество — большую производственную эффективность. Он утверждал — не приводя, впрочем, никаких доказательств, — что, к примеру, в угольной промышленности оно позволит сократить объем используемых производственных ресурсов («рудников, технологического оборудования, машин и бытовых структур») «примерно на треть» без сокращения добычи угля, то есть добиться значительного снижения средних издержек. Об экономике в целом он писал:

Таким образом, можно утверждать, что при наличии системы планирования, распределяющей по конкретным отраслям капиталы, достаточные для производства того количества товаров, которое будет приобретено потребителями по ценам, соответствующим максимальной загрузке мощностей, но не выше, цены могут установиться на уровне ниже нынешнего⁷².

В данном случае Тагвелл, по-видимому, проглядел или отказался признать тот факт, что стремящиеся к прибыли производители угля давно уже ухватились бы за любую реальную возможность добывать тот же объем при меньшем расходе ресурсов. Владельцы фирм, как правило, стремятся производить такое количество товаров, которое будет приобретено потребителями по ценам, покрывающим издержки, но не большее, и подстраивать производственные мощности своих фирм к уровню, который соответствует этому объему продукции (с учетом сезонных и случайных колебаний объемов реализации).

По мнению Тагвелла, с появлением новых производственных технологий «интеграция» промышленности в форме монополий или картелей в целях увеличения масштаба производства дает более эффективный результат, чем конкуренция. Неумолимая экономическая логика интеграции сводит на нет все усилия антимонопольных органов, пытающихся ей противодействовать:

Хотя остановить столь неизбежный процесс нельзя, его можно затруднить и исказить. Если бы сорок или более лет назад мы не занялись столь упорным насаждением конкуренции, у нас сегодня, возможно, уже существовала бы форма организации, подобная немецкой картельной системе⁷³.

Вместо того чтобы бороться с консолидацией, обеспечивающей эффективность, государству следует взять консолидированные отрасли под свой контроль, гарантируя тем самым, что они будут действовать в интересах общества.

Тагвелл предполагал, что общенациональное экономическое планирование будет представлять собой попросту внедрение тейлоризма в большем масштабе:

Общенациональное планирование можно расценивать — не в политическом, а в техническом плане — как естественное распространение и развитие того планирования, которое стало уже привычной чертой современного бизнеса⁷⁴.

Тот факт, что фирмы способны планировать производство на уровне предприятия, а картели — на уровне отрасли, по мнению Тагвелла, служит «достаточным и ясным доказательством того, что общенациональному планированию не препятствуют никакие технические трудности»⁷⁵. Рассматривая планирование в масштабе всей экономики как простое расширение планирования на уровне отдельного предприятия, Тагвелл игнорировал важный тезис Мизеса (см. главу 2) о том, что предприятие представляет собой маленький островок планирования в океане рыночных цен. Сверяясь с ценами на производственные ресурсы и готовую продукцию, предприниматель способен оценить прибыльность своего завода, его сравнительную эффективность в ходе преобразования дорогостоящих ресурсов в еще более ценную продукцию. Что же касается централизованного планирования в масштабе всего народного хозяйства, то оно, напротив, призвано избавиться от использования рыночных цен как ориентира для производства. Похоже, Тагвелл даже не подозревал о проблемах с экономическим расчетом при социализме, которые выявил Мизес двенадцатью годами ранее. Правда, следует отметить, что аргументы, высказанные Мизесом в 1920 и 1922 годах, были малоизвестны в англоязычной экономической литературе до появления переводов его работ (1935 и 1936 годы соответственно)⁷⁶.

Хотя Тагвелл не привел никаких обоснований того, почему не следует полагаться на систему цен, он был абсолютно убежден, что нам незачем опираться на мотив получения прибыли в качестве стимула при управлении предприятиями. Современные экономисты, утверждал он, ссылаясь на коллегу Гардинера Минза⁷⁷,

осознают, что собственность и управление все больше отделяются друг от друга, и из этого нетрудно сделать вывод, что, поскольку прибыль достается только владельцам, контроль, по сути дела, утрачивает связь со своим главным мотивом... Истина состоит в том, что если бы промышленность не могла работать без этого стимула, она уже давно перестала бы работать⁷⁸.

Ну и хорошо, полагал Тагвелл, существуют лучшие способы аллокации инвестиционных капиталов, чем соблазн прибыли:

Надежда на [получение прибыли] побуждает к опасным авантюрам, скорее спекулятивным, чем производительным, и то, на что оказываются направлены эти действия, создает постоянную угрозу безопасности всего общества... Без сомнения, надежда на крупный выигрыш стимулирует своего рода предпринимательство, и если этого выигрыша не будет, определенная форма предпринимательства исчезнет. Вопрос в том, можем ли мы без этого обойтись. Утверждение, что можем обойтись, представляется вполне правдоподобным. Легко видеть, что зрелые отрасли сегодня функционируют без этого, а новые могут возникать и развиваться на основе чистой склонности к высокопрофессиональной деятельности, а не надежды на спекулятивный выигрыш⁷⁹.

Предположение Тагвелла, что на смену мотиву получения прибыли должен прийти дух профессионализма, весьма напоминает идеи Веблена. Оба автора не задумывались по-настоящему над вопросом, как дух профессионализма может заместить критерий прибыли/убытка при оценке того, окупает ли продукция предприятия издержки на ее производство. Экономисты, изучавшие деятельность деловых корпораций в последующие годы, утверждают, что, вопреки гипотезе Берли-Минза об отделении управления от собственности и от мотива прибыли, собственники фирм применяют эффективные и экономичные методы для приведения стимулов, воздействующих на менеджеров, в соответствие с собственным критерием прибыли. Если менеджеры давно существующих фирм, пытающиеся действовать без учета критерия прибыли, не обеспечат нормального уровня доходности, то акционеры их уволят⁸⁰. И это совершенно правильно с точки зрения обеспечения того, чтобы редкие ресурсы тратились на выпуск продукции, имеющей максимальную ценность для потребителей.

Отзвуки критики Тагвелла в адрес «погоны за прибылью» можно уловить в первой инаугурационной речи Рузвельта:

Спасаясь бегством, менялы покинули храм нашей цивилизации. Теперь мы можем вернуть этот храм к древним истинам. Мерой этого возвращения будет служить мера нашего обращения к общественным ценностям, более благородным, чем обычная денежная прибыль⁸¹.

Чтобы ликвидировать разорительное и опасное, по мнению Тагвелла, стремление к прибыли, он рекомендовал «внедрить схему планирования производства» и контроля над инвестициями. В грядущую эпоху планирования, объявил он, охотникам за спекулятивной прибылью вроде Генри Форда не будет позволено самостоятельно решать, где и как подвергать риску инвестиционные средства. Им придется получать одобрение совета по планированию инвестиций:

Новые отрасли промышленности не будут просто появляться сами по себе, как это случилось с автомобилестроением. Прежде чем можно будет

приступить к их созданию, появление этих отраслей должно быть спрогнозировано, обосновано и признано потенциально полезным для всей экономики.

Историк Ральф Рейко саркастически заметил по поводу этой картины будущего, что в ней речь идет об «инновациях, осуществляемых бюрократическим комитетом»⁸².

Наследие институционализма

После 1950 года ведущим наследником идей институционалистов стал возмутитель спокойствия и автор ряда бестселлеров экономист Джон Кеннет Гэлбрейт (1908–2006). Наряду с научной деятельностью он неоднократно занимал высокие государственные посты. Во время Второй мировой войны Гэлбрейт был одним из руководителей Управления по регулированию цен. В 1948 году в качестве чиновника Госдепартамента, надзиравшего за экономической политикой оккупированной Германии, он отверг идею возрождения немецкой экономики путем отмены контроля над ценами и распределением (см. главу 9). В «Теории регулирования цен» (1952) Гэлбрейт выступил за экономическую политику, которая подразумевала отказ от системы свободных цен. В другой книге — «Американский капитализм: концепция уравнивающей силы» (1952) — он утверждал, что сильные профсоюзы создадут противовес большому бизнесу, прежде обладавшему исключительным контролем над экономикой. Гэлбрейт предсказывал, что в будущем американская экономика будет совместно управляться большим бизнесом, мощными профсоюзами и федеральными властями — этот рецепт весьма напоминал корпоративизм NRA. В «Обществе изобилия» (1958), развивая идеи Веблена, он утверждал, что за счет рекламы бизнес создает ложные нужды потребителей там, где их прежде не было. В 1961–1963 годах, будучи послом США в Индии, Гэлбрейт поддерживал переход этой страны к централизованному планированию (см. главу 10). В «Новом индустриальном обществе» (1967), развивая выводы Тагвелла из гипотезы Берли–Минза, он доказывал, что крупные корпорации действуют уже не в интересах прибыли акционеров, а в интересах защищенности и комфорта менеджеров. Его рекомендации в этом вопросе, как и предложения Тагвелла, сводились к усилению роли государства в экономическом планировании.

Великая депрессия и «Общая теория» Кейнса

Джон Мейнард Кейнс познакомился с Джорджем Бернардом Шоу в Кембридже, и после этого в течение нескольких десятков лет они переписывались. Шоу был не только знаменитым драматургом, но и экономистом-любителем (см. главу 7). В январе 1935 года Кейнс писал ему:

Но чтобы понять мое умонастроение, вам следует знать, что я пишу книгу по экономической теории, которая, как я убежден, произведет настоящую революцию в том, как мир мыслит об экономических проблемах — не сразу, конечно, а в течение следующих лет десяти¹.

Прогноз Кейнса оказался на удивление точным. Однако определение, которое он дал своему проекту, — «книга по экономической теории» — несколько вводит в заблуждение. И хотя в конечном итоге его труд был опубликован под названием «Общая теория занятости, процента и денег», Кейнс писал текст по большей части на злобу дня, что отметили многие комментаторы.

Он считал своим долгом разобраться с актуальными вопросами. В статье в память Альфреда Маршалла, написанной в 1924 году, Кейнс заявил, что времена теоретических экономических трактатов прошли и современный экономист должен стремиться к политической актуальности своих исследований: «Следует оставить Адаму Смиту славу создателя объемного труда, а современные ученые-экономисты должны ловить момент, забрасывать публику брошюрами, действовать оперативно, а бессмертие завоевывать лишь случайно, если им вообще это удастся». Биограф Кейнса Рой Харрод приписывал ему убеждение, что «прогресс в экономической науке, вероятно, будет состоять в применении теории для решения практических проблем. Его рекомендация молодым экономистам сводилась к тому, что следует знать назубок труды Маршалла и каждый день внимательно читать Times»².

В 1965 году журнал Time высоко оценил совершенную Кейнсом революцию в образе мыслей всего экономического мира, поместив его портрет на обложку номера и дав передовой статье заголовок «Экономика: теперь мы все кейнсианцы»³. В статье выражалось восхищение успешным, как тогда

казалось, применением макроэкономических идей Кейнса экономистами, на время покинувшими науку и занятыми разработкой экономической политики администрации Линдона Джонсона:

Кейнс и его идеи, хотя они до сих пор вызывают у некоторых раздражение, стали настолько общепринятыми, что превратились как в новую университетскую ортодоксию, так и в краеугольный камень управления экономикой в Вашингтоне... Люди, разрабатывающие в Вашингтоне экономическую политику страны, применили принципы Кейнса не только для того, чтобы избежать резких циклических колебаний, как в довоенные годы, но и для обеспечения феноменального экономического роста, а также для достижения поразительной стабильности цен... По существу, те, кто управляет экономикой из Вашингтона, достигли этих высот, следуя лейтмотиву учения Кейнса: современная капиталистическая экономика не работает автоматически с максимальной эффективностью; достичь этого уровня ей может помочь вмешательство и воздействие государства... В Белый дом идеи Кейнса принесли такие активные экономисты, как Гарднер Экли, Артур Оукен, Отто Экстейн (все они входят в Совет экономических консультантов при президенте), Уолтер Хеллер (бывший председатель Совета), Пол Самуэльсон из Массачусетского технологического института, Джеймс Тобин из Йеля и Сеймур Харрис из Калифорнийского университета в Сан-Диего⁴.

Самым известным подтверждением влияния Кейнса на политику государства стало высказывание президента США Ричарда Никсона, который в 1971 году заявил в одном из интервью: «В экономике я теперь кейнсианец»⁵.

Глубины депрессии

В начале 1933 года после почти четырех лет глубокого спада, когда промышленное производство сократилось в два с лишним раза, американская экономика достигла дна. В течение последующих четырех лет она с трудом карабкалась вверх, но в 1937 году начался новый резкий спад. С мая 1937 по май 1938 года промышленное производство сократилось на треть. Затем вновь началось оживление. К сентябрю 1939 года объем производства вернулся к уровню сентября 1929 года — но целое десятилетие нормального роста было потеряно. Экономисты Гарольд Л. Коул и Ли Э. Оханиан отмечали: «Реальный валовой внутренний продукт в расчете на одного взрослого жителя, который на пике депрессии в 1933 году был на 39% ниже тренда, в 1939 году по-прежнему был на 27% ниже тренда». Лишь в 1942 году объем выпуска в реальном выражении наконец вернулся на линию тренда, сложившуюся до депрессии⁶.

Почему же все 30-е годы американская экономика влачила столь жалкое существование? Ряд исследователей экономической истории возлагают

вину за это на действия правительства, препятствовавшего адаптации рынка и тем самым затягивавшего переход к оживлению. Томас Э. Холл и Дж. Дэвид Фергюсон в 1998 году составили перечень «порочных экономических мер», в который вошли такие шаги администрации Гувера, как тариф Смута-Хоули, введенный в 1930 году, и повышение налогов в 1932 году, а также принятые при администрации Рузвельта и действовавшие в 1933–1935 годах Закон о восстановлении национальной промышленности (NIRA) и Закон о регулировании сельского хозяйства (AAA), налог на заработную плату, введенный в соответствии с Законом о социальном обеспечении 1935 года, а также дальнейшее повышение налогов в 1933, 1934, 1935 и 1936 годах⁷. Другие авторы делают акцент на том, что Гувер пытался поддерживать номинальную заработную плату в условиях падения номинального спроса, а Рузвельт удвоил эти усилия с помощью Закона о регулировании трудовых отношений 1935 года (National Labor Relations Act, NLRA) — результатом всех этих мер стало то, что дороговизна труда лишала людей рабочих мест⁸. Коул и Оханиан, изучавшие NIRA и NLRA, пришли к выводу, что «одним из важных факторов, обусловивших неспособность экономики вернуться к тренду, стала политика картелирования в рамках „нового курса“»⁹.

Милтон Фридман и Анна Дж. Шварц в своей знаменитой книге «Монетарная история Соединенных Штатов», объясняя глубину и затяжной характер Великой депрессии, делали акцент на порочной денежной политике. По их мнению, первоначальный спад был таким глубоким потому, что в 1930–1933 годах денежная масса сократилась на треть. Однако цены и заработная плата не снизились одновременно в той же степени из-за естественной либо вызванной государственной политикой «негибкости» и оказались слишком высокими, чтобы восстановить равновесие на рынках готовой продукции и на рынке труда, что привело к затовариванию и безработице. Авторы указывали, что Федеральная резервная система, изъявшая надзор над банковской системой из рук частных клиринговых ассоциаций и взявшая эту функцию на себя, не смогла сделать то, что делали эти ассоциации в ходе прежних кризисов, а именно поддержать банки, не допустить панического изъятия банковских вкладов и предотвратить столь сильное сокращение денежной массы. В дальнейшем, по их версии, меры, принимавшиеся ФРС, активно препятствовали оздоровлению экономики. В 1936–1937 годах ФРС, обнаружив наличие у банков большого избытка резервов (которые те придерживали на случай «набегов вкладчиков» или оттока депозитов по иным причинам), для «устранения излишков ликвидности» повысила обязательную норму резервирования по банковским депозитам. Чтобы восстановить желательный размер свободных резервов (в случае оттока депозитов обязательные резервы по большому счету бесполезны), банки сократили величину создаваемых депозитов в расчете на доллар резервов. Примерно в это же время, в 1936–1938 годах, Министерство финансов США и ФРС занимались «стерилизацией» притока золота из-за рубежа, то есть компенсацией расширительного воздействия, которое

этот приток обычно оказывает на банковские резервы. Все это в совокупности привело к новому сокращению денежной массы в США, в результате чего оживление сменилось спадом¹⁰.

Диагноз Кейнса

В этом ретроспективном анализе специалистов по экономической истории акцент делается на ошибках властей, усиливавших первоначальный спад и затруднявших оживление. Кейнс предложил совершенно иную версию: рыночная экономика рухнула сама по себе, попала в порочный круг и не могла из него вырваться. Ей была необходима помощь государства. Биограф Кейнса Роберт Скидельски отмечает: «Именно крах в Америке навел его на мысль, что в капиталистической системе должен быть какой-то фундаментальный изъян, из-за которого даже весьма успешно развивающаяся экономика может внезапно обвалиться»¹¹. Свой аргумент о «порочном круге» Кейнс предварительно сформулировал в статье «Великий спад 1930 года», опубликованной в декабре того же года. По его мнению, если боязливая публика сберегает свой доход, сохраняя деньги у себя (тезаврирует их), вместо того чтобы тратить их на потребительские товары или сберегать в такой форме, которая позволяет использовать их для финансирования инвестиций в производственный капитал, то отрасли, производящие как потребительские, так и капитальные блага (такие, как производственное и жилищное строительство, машиностроение, добыча полезных ископаемых), терпят убытки. Банки с неохотой выдают кредиты, а бизнес не склонен инвестировать. Проблемы нарастают как снежный ком:

Если публика не желает покупать [потребительские блага или финансировать инвестиции] ...то... производители всех типов будут, как правило, терпеть убытки, следствием чего станет общая безработица. К этому времени сформируется порочный круг, и в результате действий и ответной реакции на них положение будет постоянно ухудшаться, пока не случится нечто, что переломит эту тенденцию... Таким образом, если я прав, главная причина трудностей — отсутствие новых предпринимательских проектов из-за неудовлетворительного состояния рынка капитальных инвестиций... Нежелание кредиторов выдавать ссуды сопровождается почти таким же сильным нежеланием заемщиков их брать¹².

Затем Кейнс перешел к рекомендациям, как изменение денежной политики могло бы «запустить стартер мировой экономики от внешнего источника тока», хотя он использовал другую автомобильную метафору: в противовес социалистам, требовавшим «замены всего автомобиля», он утверждал, что у капиталистической экономики возникла «проблема с генератором»¹³. Его предложение состояло в том, чтобы ФРС, Банк Англии и Банк Франции «объединили усилия в осуществлении смелого плана по

восстановлению доверия к международному рынку долгосрочных займов; это поможет повсеместно оживить предпринимательскую и иную активность, восстановить цены и прибыли, так что со временем колеса международной торговли снова начнут крутиться»¹⁴.

В статье, опубликованной месяцем позже, Кейнс уже не проводил различия между тезаврированием, порождающим проблемы, и полезной разновидностью сбережений, за счет которой финансируются капитальные инвестиции. Теперь он объявлял проблемой сбережения как таковые:

Сегодня многие люди, желающие блага своей стране, убеждены, будто самое полезное, что они и их ближние могут сделать, чтобы исправить ситуацию, — это сберегать больше, чем обычно... Что ж, в некоторых обстоятельствах это было бы правильно, но в нынешней ситуации, увы, совершенно неверно. Такое мнение прямо противоположно истине — оно абсолютно вредно и ошибочно. Дело в том, что цель сбережений — высвободить труд для его применения в производстве капитальных благ — домов, заводов, дорог, машин и тому подобного. Но если уже имеется большой избыток безработных, которых можно использовать для достижения этой цели, то результатом сбережений станет просто увеличение этого избытка, а значит, и общего числа безработных. Более того, если человек теряет работу по этой или другой причине, снижение его покупательной способности еще больше увеличивает безработицу среди тех, кто мог бы производить товары, которые он больше не может себе позволить купить. И таким образом возникает порочный круг — положение постоянно ухудшается.

Для наглядности Кейнс подкрепил свой довод, что сбережения приводят к сокращению занятости, числовой оценкой величины их воздействия:

Насколько я могу судить, если вы сберегаете пять шиллингов, то один человек лишается работы на день... В конце концов речь идет о простейшем здравом смысле. Если вы покупаете товары, то кто-то должен их изготавливать. А если вы их не покупаете, то магазины не смогут избавиться от товарных запасов, не станут делать новые заказы и кто-то потеряет работу¹⁵.

Как и прежде, Кейнс рекомендовал стимулировать спрос на труд и товары за счет расходов на общественные работы¹⁶. Отметим, что в этом рассуждении дополнительные сбережения никак не стимулируют дополнительные инвестиционные расходы через снижение процентной ставки для заемщиков, берущих кредиты на инвестиции.

Пол Кругман в предисловии к недавнему изданию «Общей теории занятости, процента и денег» свел содержащийся там диагноз причин Великой депрессии и соответствующие политические рекомендации в четыре пункта. Вот они:

1. Экономика стран могут страдать и зачастую страдают от общего недостатка спроса, что ведет к вынужденной безработице.
2. Тенденция экономики к автоматической корректировке недостаточного спроса, если она вообще существует, действует медленно и болезненно.
3. Напротив, меры экономической политики, предпринимаемые государством в целях стимулирования спроса, позволяют быстро сократить безработицу.
4. Иногда наращивания денежной массы бывает недостаточно, чтобы убедить частный сектор увеличить расходы, и эту брешь следует заполнить государственными расходами.

Кругман отмечал в этой связи: «Когда Кейнс выступил с этими идеями, они казались не просто радикальными, но почти невысказанными»¹⁷. Однако на самом деле к 1936 году многие ведущие экономисты, причем отнюдь не радикалы, а даже ученые из Чикагского университета, более склонные поддерживать рыночную экономику, предлагали государству увеличить расходы на общественные работы в целях сокращения безработицы, возникшей в ранний период Великой депрессии¹⁸.

Мнение Кейнса, что крах и отсутствие оживления стали следствием изъянов рыночной экономики и что для оздоровления необходимы государственные расходы в целях стимулирования спроса, было прямо противоположно тогдашней точке зрения Ф.А. Хайека, утверждавшего, что коллапс был результатом изъянов в прежней (чересчур экспансионистской) денежной политике и что для того, чтобы экономика восстановилась, лучше всего предоставить ее самой себе (при условии, что общие принципы денежной политики не будут допускать чрезмерного сжатия денежного потока). Согласно теории Хайека кризис был вызван расширением кредитования, из-за чего объем инвестиций стал превышать общую величину добровольных сбережений, и поэтому государственная политика стимулирования потребительского спроса в ущерб сбережениям способна лишь углубить депрессию. Позднее Фридман и Шварц сформулировали третий диагноз: рецессия не вышла бы за рамки обычного, если бы не резкое сокращение денежной массы после 1929 года. Их рекомендация, сделанная задним числом, акцентировала необходимость восстановления размеров денежной массы.

Можно ли считать Кейнса «изобретателем макроэкономики»?

Подход Кейнса к объяснению причин Великой депрессии привнес в изучение экономики как агрегированного целого ряд новых понятий. Однако заявление Скидельски звучит все же как преувеличение: «Кейнс был подлинным изобретателем макроэкономики. Понятия, связанные с общими характеристиками экономики, которые мы сегодня воспринимаем как данность, такие как валовой внутренний продукт, уровень безработицы

и темпы инфляции, ввел в оборот именно он». На самом деле еще в начале XX века Ирвинг Фишер, опираясь на труды Саймона Ньюкома и более ранних экономистов, разработал количественную теорию денег¹⁹. Теория Фишера включала широкое понятие агрегированной суммы покупок в экономике в реальном выражении (или объема торгового оборота), а реальный валовой внутренний продукт может служить хорошим приближением для этой величины, при том что его легче измерить. Фишер также стремился объяснить темпы инфляции и ее влияние на номинальные процентные ставки. Так что Кейнс не был изобретателем этих понятий. В том же интервью Скидельски признал этот факт: «Еще до Кейнса существовала теория денег — количественная теория денег, которую, пожалуй, можно назвать стартовой точкой макроэкономики»²⁰. Кроме того, как мы отмечали в главе 3, задолго до Фишера, в середине XIX века, британские экономисты, принадлежавшие к банковской школе, денежной школе и школе свободной банковской деятельности, стремились объяснить колебания безработицы и совокупного объема выпуска. Еще раньше объем производства в целом был предметом рассуждений Мальтуса, Рикардо и Сэя — об этом мы расскажем ниже в этой главе.

Скидельски продолжает: «Кейнсу также принадлежит денежная теория производства. Он включил теорию денег в теорию производства и показал, каким образом то, как люди распоряжаются своими деньгами, может повлиять на уровень производства». Однако в «Общей теории» нет теории производства в обычном смысле этого термина — то есть анализа того, как экономика преобразует сырье и труд в готовые товары и услуги. Идея же, что возмущающие воздействия со стороны денежной системы — шоки со стороны спроса и предложения денег — способны вызвать колебания уровня производства, была отнюдь не нова. Это подчеркивал Фишер, о том же писали Хайек и Мизес, а также другие специалисты по теории денег в 20–30-е годы XX века, такие как Деннис Робертсон и Ральф Хоутри, не говоря уж об авторах трудов, вышедших еще в середине XIX века.

Что нового предложил Кейнс

Действительным новшеством в «Общей теории» стало исключение инвестиций, унаследованных от предыдущих периодов (используемых в многостадийном процессе производства, который анализировали Джевонс, Бём-Баверк и Викселль), из теории, объясняющей, чем детерминируется объем выпуска продукции, доступной для потребления. Внимание теперь полностью сосредоточивалось на текущих инвестициях и других текущих расходах (потреблении, государственных расходах, чистой величине покупок, совершаемых из-за рубежа) как факторах, определяющих текущий объем производства. В предисловии к французскому изданию книги, вышедшему в 1939 году, Кейнс кратко охарактеризовал свою новую концепцию следующим образом:

Показано, что в общем и целом фактический уровень производства и занятости зависит не от производственных возможностей и не от уже существующего уровня доходов, а от текущих производственных решений, зависящих, в свою очередь, от текущих инвестиционных решений и нынешних ожиданий в отношении текущего и будущего потребления²¹.

Вместо хайековского межвременного треугольника представления Кейнса о причинах, определяющих текущие доходы в закрытой экономике, представляются в учебниках в виде схемы кругооборота, представленной на рисунке 5.1.

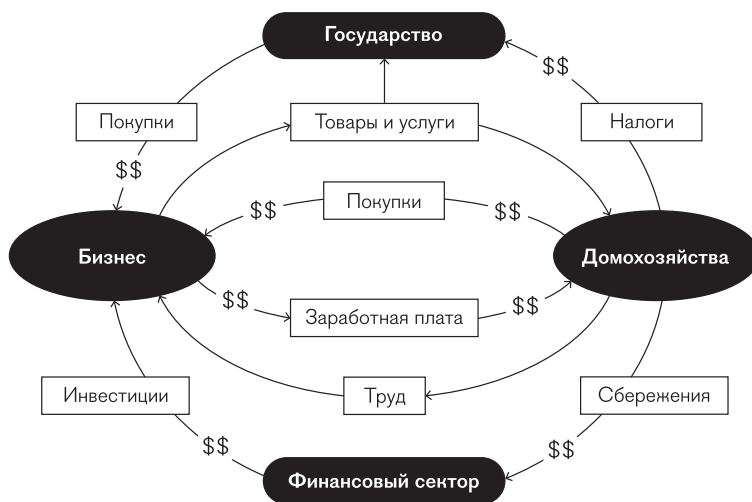

Рисунок 5.1. Кейнсианская схема кругооборота

В кейнсианской модели доходов и расходов, основанной на понятии кругооборота, текущие расходы E (сумма покупок домохозяйств C , покупок бизнесом инвестиционных благ I и государственных закупок G) определяют равновесный текущий объем производства товаров и услуг Y . Уровень расходов (а значит, и равновесный доход) зависит от доли доходов, направляемой на потребительские расходы, — того, что Кейнс называл «склонностью к потреблению». Как объяснял сам Кейнс,

когда нам известна склонность к потреблению и к сбережению (как я это называю), то есть результирующая психологической предрасположенности индивидов в масштабах всего общества к тому или иному способу распоряжения данной величиной дохода, мы можем рассчитать, какой уровень доходов, а значит, производства и занятости, представляет собой равновесие с нулевой прибылью при заданном уровне новых инвестиций...²²

В графическом изображении, как мы видим на рис. 5.2 (хорошо знакомом многим поколениям студентов экономических факультетов), равновесие достигается, когда линия, обозначающая совокупные расходы, пересекается с линией, расположенной под углом 45° (множеством точек, удовлетворяющих условию равновесия $Y = E$). Линия расходов отражает предположение, что C представляет собой линейную функцию от величины $Y - T$ (доходы за вычетом налогов), а I и G «заданы», то есть не зависят от Y и C)²³.

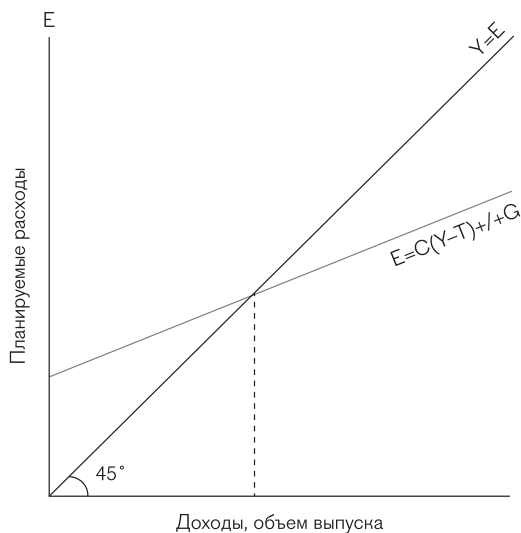

Рисунок 5.2. Кейнсианское равновесие доходов и расходов

Парадокс бережливости

Кейнс воспринимал сбережения как некую утечку в кругообороте. Если люди пытаются сберечь больше, то это уменьшает совокупные текущие расходы, тем самым сокращается уровень производства, и в конечном итоге объем фактических сбережений остается неизменным из-за снижения доходов. Этот результат — заключающийся, по выражению самого Кейнса, в том, что «увеличение склонности к сбережению при прочих равных условиях ведет к сокращению доходов и производства», — получил название парадокса бережливости²⁴. Канал, через который сбережения направляются на финансирование инвестиций, полностью исчезает, и поэтому процентная ставка не может уравновесить сбережения и инвестиции вопреки тому, что утверждала теория процента Бём-Баверка, Викселя, Фишера и Хайека²⁵.

Неявное допущение Кейнса состояло в том, что сберегаемые средства покидают кругооборот, как если бы все они оказывались у сберегателя «в кубышке». Сбережения не поступают в банки и взаимные

инвестиционные фонды, то есть не возвращаются в кругооборот ни через кредиты для финансирования инвестиционных или потребительских расходов, ни через прямое приобретение ценных бумаг, за счет продажи которых финансируются инвестиции. Анализируя равновесие «при заданном уровне новых инвестиций», Кейнс трактует уровень инвестиций так, как будто он не зависит от уровня сбережений. Согласно его рассуждениям, если склонность к сбережению у получателей доходов повышается при заданном уровне инвестиций, то чтобы восстановить равенство между сбережениями и инвестициями, корректироваться в сторону понижения должна не процентная ставка, а доходы, в результате чего величина сбережений возвращается к прежнему значению. На рис. 5.3 при сдвиге функции потребления вниз от C_1 к C_2 первоначальный уровень дохода Y_1 уменьшается до Y_2 . То, что изменение равновесной величины Y оказывается больше первоначального изменения величины расходов (в данном случае это изменение величины C , но то же самое происходит и при изменении I или G), называется эффектом мультипликатора. На этом моменте мы подробнее остановимся в главе 15, когда речь пойдет о дискуссиях по поводу фискальной политики.

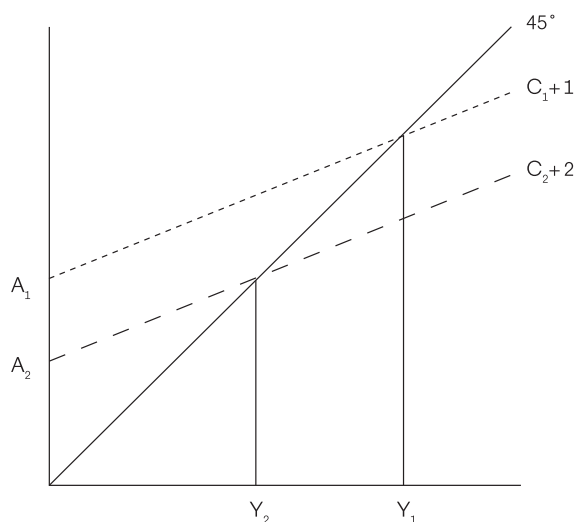

Рисунок 5.3. Сокращение потребительских расходов (сдвиг от C_1 к C_2) уменьшает доходы в еще большей пропорции (с Y_1 до Y_2) — эффект мультипликатора

В «Общей теории» Кейнс приходит к мысли, что в отсутствие полной занятости сбережения даже вредят экономическому росту. Инвестиции положительно зависят от ожидаемых потребительских расходов, а потому «до достижения уровня полной занятости рост капитала вообще не стимулируется слабой склонностью к потреблению [то есть сильной склонностью

к сбережению], а, напротив, сдерживается ею»²⁶. Вскоре Пол Самуэльсон формализовал этот динамический эффект в виде «принципа акселерации», в соответствии с которым объем инвестиций уменьшается в ответ на снижение потребительских расходов и соответственно усиливает само это снижение за счет эффекта мультипликатора. При правильно подобранных функциях отклика результатом становятся регулярные колебания величины Y — синусоида экономического цикла²⁷.

Теория процента, основанная на понятии предпочтения ликвидности

Если процентная ставка не уравнивает рынок ссудного капитала, то в чем же заключается ее роль? В «Общей теории» Кейнса она уравнивает рынок денежных остатков:

Функция процентной ставки состоит в поддержании равновесия, но не между спросом на новые капитальные блага и их предложением, а между спросом на деньги и их предложением — иначе говоря, между спросом на ликвидность и средствами удовлетворения этого спроса²⁸.

В теории Кейнса процент — это не цена в межвременном обмене, не вознаграждение за ожидание и отказ от текущего потребления, а плата за отказ от ликвидности. Согласно стандартной денежной теории, равновесие между предложением денег и спросом на них в условиях закрытой экономики в конечном итоге поддерживается изменением покупательной способности денежной единицы (или, если пользоваться для измерения обратной величиной, изменением уровня цен), а в малой открытой экономике, функционирующей в условиях международного золотого стандарта, — потоками золота, меняющими величину денежной массы (см. главы 11–12). Сам Кейнс не прояснил, каким образом, по его мнению, определяется уровень цен. Кейнсианская экономическая теория в поисках модели формирования этого уровня в конечном итоге остановилась на кривой Филлипса.

Хайек *versus* «Общая теория» Кейнса

В своем анализе теории Хайека Роджер Гаррисон делает весьма уместный акцент на трех диаметральных различиях между «Общей теорией» Кейнса и «Ценами и производством» Хайека²⁹. Первое касается взаимосвязи между потреблением и инвестициями. В соответствии с подходом Хайека она в основе своей представляет собой компромиссный выбор между вариантами. Говоря словами Гаррисона, «потребление и инвестиции представляют собой *альтернативные* варианты использования ресурсов экономики». Сообщество, выращивающее зерно, может либо съесть конкретный бушель

текущего урожая, либо посеять его для получения будущих урожаев. Если ресурсы используются полностью, то это подразумевает, что за одно приходится платить другим, что есть некая «граница производственных возможностей», при движении вдоль которой увеличение потребления означает уменьшение инвестиций и наоборот. Соответственно, рост сбережений (сокращение потребительских расходов) высвобождает ресурсы для увеличения инвестиций. Как некогда удачно выразился Кейнс, цель сбережений — «высвободить труд [из отраслей, производящих потребительские блага] для занятости в производстве капитальных благ — домов, заводов, дорог, машин и так далее». Экономика при этом движется к юго-востоку вдоль границы, изображенной на рис. 5.4. Рост кредитования, не обеспеченный добровольными сбережениями, временно выводит экономику за эту границу, однако это не может продолжаться долго.

Напротив, согласно теории Кейнса потребление C и инвестиции I представляют собой (опять же, в формулировке Гаррисона) «*аддитивные* компоненты расходов частного сектора» ($C + I + G = Y$), не имеющие определенной тенденции к размещению на границе, соответствующей полной занятости. Экономика, как правило, движется по пути, расположенному под прямым углом к этой границе — между точками, обозначенными на рис. 5.4 как «рецессия» и «перегрев экономики». Рост сбережений (сокращение потребления) ведет к сокращению совокупных расходов, подталкивая экономику внутрь границы (или еще дальше внутрь, если она уже находится внутри), где она может находиться до бесконечности в состоянии неполного использования ресурсов. Экономистам, которых «Общая теория» приучила считать, что потребление и инвестиции в нормальных условиях движутся в одном направлении, утверждение Хайека о неизбежности выбора между взаимоисключающими вариантами — когда «увеличение спроса на потребительские блага будет приводить скорее к уменьшению, а не к увеличению спроса на инвестиционные блага» — казалось непонятным и даже, «как представляется, парадоксальным тезисом»³⁰.

Второе важное различие связано с ролью процентной ставки. В теории Хайека процентная ставка уравнивает рынок ссудного капитала, делая величину предложения (то есть сбережений, включая часть чистого дохода, которую фирмы сохраняют у себя для реинвестирования) равной величине спроса (предъявляемого в основном в инвестиционных целях). В докейнсианской макроэкономике существовала вполне стандартная теория ссудного капитала, в частности в форме, разработанной современником и критиком Кейнса Деннисом Х. Робертсоном (1890–1963). В «Общей теории» есть график, описывающий рынок ссудного капитала — кстати, это единственный график в книге, — но его назначение состоит лишь в том, чтобы продемонстрировать в явном виде, что именно из стандартного инструментария Кейнс *отвергает*. Вместо этого он предлагает теорию «предпочтения ликвидности», согласно которой процентная ставка не служит координации сбережений и инвестиций.

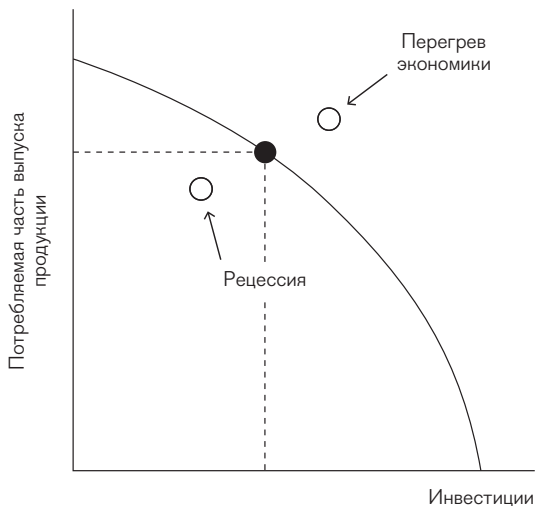

Рисунок 5.4. Граница производственных возможностей между потреблением и инвестициями

Источник: Garrison R. *Time and Money*. London: Routledge, 2001

Хайек, естественно, не был согласен с отсутствием какого-либо рыночного механизма координации сбережений и инвестиций — с идеей, которая присутствовала уже в «Трактате о деньгах» Кейнса. В своем ответе на хайековскую критику «Трактата» Кейнс признал, что его теория не является стандартной теорией рынка ссудного капитала, в которой изменение процентной ставки устанавливает рыночное равновесие между сбережениями и инвестициями:

Мой анализ полностью расходится с этим, и по-другому и быть не может, поскольку, на мой взгляд, сбережения и инвестиции (как я их определяю) могут быть никак не связаны друг с другом, хотя при этом банковская система не лишается «нейтральности» в смысле определения д-ра Хайека. Это может произойти просто из-за того, что люди изменили свою норму сбережений или предприниматели изменили свою норму инвестиций. Вопреки тому, что подразумевает д-р Хайек, в экономической системе нет автоматического механизма, поддерживающего равенство этих двух величин при условии, что эффективное количество денег $[MV]$ остается неизменным [условие нейтральности банковской системы по Хайеку]³¹.

Отвечая Кейнсу в том же номере журнала *Economica*, Хайек упрекнул его в непонимании фундаментальной роли процентной ставки в экономике:

Утверждение г-на Кейнса об отсутствии в экономической системе автоматического механизма, поддерживающего равенство нормы сбережений и нормы

инвестиций... можно с таким же основанием расширить до более общего тезиса о том, что в экономической системе нет автоматического механизма адаптации производства к какому бы то ни было изменению спроса. Я начинаю сомневаться, размышлял ли когда-нибудь г-н Кейнс над функцией процентной ставки в обществе, в котором отсутствует банковская система³².

Третье важное различие связано с тем, что Хайек сосредоточивает внимание на меняющейся структуре капиталистического производства в ходе экономического цикла, а Кейнс — на рынке труда. В основе макроэкономики Хайека лежит капитал. Кейнс же предпочел не уделять внимания капиталу и продолжительному многостадийному производству, неявно подразумевая, что ничего важного не будет упущено, если трактовать производство как мгновенный процесс.

Кейнс *versus* «классическая» экономическая теория

Сам Кейнс считал новаторством то, что он разработал теорию, объясняющую величины совокупного объема производства и занятости в противоположность стандартному микроэкономическому подходу, сосредоточивавшему внимание на объяснении аллокации ресурсов в рамках экономики заданного размера, функционирующей в условиях полной занятости. В предисловии к вышедшему в 1936 году немецкому изданию «Общей теории» он охарактеризовал это как разрыв с «классическим» подходом Альфреда Маршалла:

[Разработанная Маршаллом] теория объема выпуска и величины потребления в целом, в отличие от его теории производства и распределения заданного объема выпуска, так никогда и не была изложена отдельно... Его непосредственные преемники и последователи, несомненно, обходились без нее и, очевидно, не замечали ее отсутствия... Я и сам преподавал эти доктрины, но лишь в последние десять лет осознал их недостаточность. Таким образом, с точки зрения моего собственного мышления и развития, эта книга представляет собой реакцию, отход от английской классической (ортодоксальной) традиции³³.

Как мы уже убедились, анализируя докейнсианские научные школы в главе 3, английская экономическая наука не исчерпывалась микроэкономической теорией Маршалла. Традиция разработки теорий экономического цикла восходит к 30-м годам XIX века и даже к труду Генри Торнтон, вышедшему в 1802 году³⁴. Авторы теорий экономического цикла пытались объяснить, каким образом финансовые или реальные внешние воздействия вызывают колебания величин объема выпуска в целом, то есть почему в экономике чередуются периоды процветания (с полной или даже чрезмерно высокой занятостью работников и загруженностью оборудования)

и депрессии (с массовой безработицей). Сам Кейнс признавал, что и до него экономисты разрабатывали теории депрессии. В «Общей теории» он упоминает теории недопотребления, созданные в XVIII веке Уильямом Петти и Бернардом Мандевилем, в начале XIX века — Томасом Мальтусом и в конце XIX — начале XX века — Дж.А. Гобсоном (о теории Гобсона см. предыдущую главу). На закате научной деятельности Гобсона Кейнс написал ему записку с заверениями, что его «будут помнить как первопроходца в экономической теории», в то время как его критики будут забыты³⁵. Теории недопотребления содержали в себе аналог «парадокса бережливости», поскольку сбережения в них тоже трактовались как «утечка».

Учитывая существование этих двух давних теоретических традиций, было бы неверно утверждать, как это делает Скидельски, воспроизводящий нарисованный самим Кейнсом карикатурный образ истории экономической науки: «[До Кейнса] вопрос о количестве произведенного продукта никогда не обсуждался. Всегда предполагалось, что в экономике существует полная занятость. Кейнс был первым, кто показал, что объем выпуска в экономике в целом может быть меньше потенциально возможного, а экономисты-классики никогда не понимали, как такое может быть»³⁶.

Теория Кейнса отличалась от теорий недопотребления тем, что для него предметом озабоченности был слишком низкий уровень совокупного спроса ($C + I + G$), а не только собственно потребления (C). Кроме того, в отличие от теории Гобсона, теория Кейнса не опиралась на тезис о том, что рабочим систематически недоплачивают.

Мальтус и Сисонди *versus* Рикардо и Сэй в вопросе о недопотреблении

Одним из первых экономистов, сформулировавших теорию недопотребления, был Томас Роберт Мальтус (1766–1834). Мальтус пытался объяснить причины безработицы и депрессии в Британии после периода инфляции, сопутствовавшей наполеоновским войнам. Начал он с бухгалтерского тождества: ценность произведенной продукции = ценность совокупных факторных затрат = заработная плата + рента + прибыль. «Рента» в данном случае — это выплаты землевладельцам, а «прибыль» включает как доход от использования капитального оборудования, так и остаточный доход предпринимателей-капиталистов. Мальтус был озабочен тем, что даже если рабочие тратят всю свою зарплату, а капиталисты инвестируют всю свою прибыль, землевладельцы, возможно, не тратят всю свою ренту (которая, согласно классической теории, должна неизбежно увеличиваться с ростом плотности населения). Недопотребление из-за неполного расходования ренты должно приводить к избытку предложения или «общему заговариванию» произведенной продукцией. Часть этой продукции оказывается невозможным продать по ценам, покрывающим издержки.

Мальтус полагал очевидным, что в краткосрочном периоде может возникнуть общий избыток, пусть даже в конечном итоге рыночные силы его ликвидируют:

Наличие тенденции к устранению избытка или дефицита при естественном ходе событий может служить доказательством того, что этих зол не существует и никогда не существовало, не больше, чем тенденция естественных процессов самоисцеления к избавлению от некоторых недугов без помощи человека — доказательством того, что этих недугов не может быть³⁷.

Аналогичную позицию занимал современник Мальтуса — критик классической экономической теории швейцарец Леонар Симон де Сисмонди (1773–1842). Отталкиваясь от допущения, что за счет прошлогоднего дохода приобретается произведенный продукт текущего года, Сисмонди пришел к выводу, что любое увеличение объема производства по сравнению с предыдущим годом проблематично: заранее определенного дохода будет недостаточно для оплаты дополнительной продукции. Рабочие и капиталисты в отраслях, товары которых остались непроданными, разорятся, а поиски новой работы будут долгими и болезненными. Соответственно, Сисмонди отвергал классическую доктрину, согласно которой увеличение производства всегда благотворно, приводя в качестве примера случаи, когда внедрение нового высокопроизводительного оборудования вытесняет рабочих:

Отдадим себе отчет в препятствиях и трениях социального механизма. Что мы видим?.. Далекие от того, чтобы всегда быть благодетельными, машины приводят к полезным последствиям лишь при условии, если их введению предшествовали рост дохода и вследствие этого рост возможности спроса на новый труд для замененных машинами рабочих... Воздержимся от этой опасной теории равновесия, которое восстанавливается само собой... Правда, со временем некоторое равновесие восстанавливается, но путем невероятных страданий³⁸.

Ответ Мальтусу дал представитель классической экономической теории Давид Рикардо (1772–1823). Начав с того же бухгалтерского тождества «ценность совокупного выпуска продукции = ценность совокупных факторных затрат», Рикардо совместил его с посылкой, что рыночные силы обеспечивают равенство «сбережения = инвестиции», поскольку финансовая система направляет сбережения на кредитование бизнеса. Из этого Рикардо выводит следующее равенство: спрос на потребительские блага (= совокупные факторные затраты минус сбережения) = предложение потребительских благ (= ценность совокупного выпуска продукции минус инвестиции). Таким образом, непроданные товары — результат не общего перепроизводства, а неправильного ассортимента товаров:

Люди могут ошибаться, и могут быть произведены товары, не отвечающие спросу; рынок может быть ими переполнен, они могут не быть проданы по обычной цене, но тогда это называется ошибкой, а не недостатком спроса на продукты... Всякий владелец товара необходимо предъявляет спрос; либо он желает сам потребить товар, тогда нет нужды в покупателе; либо он желает продать свой товар и купить на деньги какой-нибудь другой, который будет потреблен им или использован для будущего производства. Товар, которым он владеет, даст ему другой товар или не даст. Если да, то цель достигнута и товар его нашел рынок. Если нет, то что это доказывает? Что он не сумел приспособить свои средства к этой цели, что он просчитался... Я хотел бы особенно обратить внимание читателя на то, что во все времена специфическим злом является не изобилие товаров, а неправильное приспособление произведенных товаров к нуждам людей. Спрос ограничивается единственно желанием и возможностью покупать. Всякий, кто обладает товарами, имеет возможность потреблять, а так как людям удобно делить между собой занятия, отдельные лица будут производить один товар с целью купить другой³⁹.

Кейнс считал, что Мальтус «убедительно и неопровержимо критиковал великого Рикардо», и отдавал должное его «блестящим прозрениям» в отношении «недостаточности эффективного спроса»⁴⁰. Однако, говоря о споре Мальтуса с Рикардо, он отмечал:

Мальтус не сумел четко объяснить, как и почему эффективный спрос может быть недостаточным или избыточным. Он только ссылался на факты, правда, общеизвестные, и не разработал собственной теории. Рикардо покорила Англию столь же полно, как святая инквизиция покорила Испанию⁴¹.

Тезис Рикардо о том, что совокупный спрос на товары не может не быть равным их совокупному предложению, был еще раньше сформулирован французским экономистом Жаном-Батистом Сэем (1762–1832). Это утверждение получило название «закон рынков Сэя», или просто «закон Сэя». Сэй был последователем Адама Смита, сторонником *laissez-faire* и свободной торговли. Важнейшим трудом этого экономиста стал «Трактат по политической экономии», впервые опубликованный в 1803 году. В 1804 году император Франции Наполеон Бонапарт, проводивший протекционистскую торговую политику, потребовал, чтобы Сэй удалил из книги антипротекционистские фрагменты. Сэй отказался, и Бонапарт запретил переиздание «Трактата». В результате второе издание появилось только в 1814 году, после того как Наполеон отрекся от престола. Позднее Сэй написал «Письма к Мальтусу» (1821), где изложил свои контраргументы по поводу теории недопотребления. В 1831 году Сэй возглавил первую во Франции кафедру политической экономии. Кейнс, критикуя «ортодоксальных» экономистов во второй и третьей главах «Общей теории», упомянул среди них Сэя, а также авторов, давших позднейшие формулировки его закона, — Рикардо и Джона Стюарта Милля.

Закон Сэя основывается на двустороннем характере торговли. Представим себе международную торговлю в мире, где есть только две страны, олицетворяющие собой двух коммерсантов. Если Бразилия может использовать британскую валюту и кредиты в фунтах стерлингов только для покупки британских товаров, то Британия может купить бразильские товары только за счет продажи собственных товаров Бразилии. Британские покупки бразильских товаров соответствуют бразильским покупкам британских товаров. Или, как это сформулировал Сэй: «За продукты заплачено только продуктами». В мире, где существует много стран, Британия может расплатиться с конкретным торговым партнером золотыми или серебряными деньгами, с помощью которых этот партнер купит что-то у третьей страны. Но для Британии золото или серебро, которым она расплачивается, либо представляет собой продукт, произведенный внутри страны (если бы у нее были золотые и серебряные рудники), либо приобретается за счет продажи собственных товаров. Сэй писал:

«Но мы, — возразят мне, — платим за иностранные товары деньгами!» Да, это так, но если наша земля не производит денег, то эти деньги приходится покупать на продукты нашей промышленности, а следовательно, на что бы мы ни покупали заграничные товары — на собственные ли продукты или на деньги, но эти покупки доставляют сбыт национальной промышленности⁴².

Говоря о «сбыте национальной промышленности», Сэй имел в виду, что независимо от того, как расплачиваются британцы, покупки британских товаров другими странами будут равняться покупкам Британией иностранных товаров (включая металлические деньги).

Аналогичным образом в рамках самой национальной экономики предложение товара X подразумевает равный по ценности спрос на другие товары. Если башмачник хочет купить шляпы, он изготавливает башмаки и обменивает их на шляпы (напрямую, используя бартер, или опосредованно, используя деньги). Произведенные и проданные им башмаки финансируют или «создают» его спрос на шляпы. Если он изготовит мало башмаков, то его спрос на шляпы (и другие товары) тоже будет невелик. Поэтому, говорит Сэй, «сбыт для продуктов создается самим производством... спрос на продукты вообще бывает тем живее, чем деятельнее производство». Он предлагает читателю подумать о торговце, живущем в «каком-нибудь уголке Испании или Польши»: даже если у такого торговца нет конкурентов, он «продавал бы все-таки очень мало, потому что там и производят мало», и у потенциальных потребителей в этом месте нет достаточных средств для приобретения его товаров⁴³.

Общепринятая краткая формулировка закона Сэя, о которой упоминал и Кейнс, звучит так: «Предложение рождает собственный спрос». Но это не означает, что предложение башмаков создает спрос именно на башмаки.

Речь идет о другом: предложение башмаков порождает спрос на все *прочие* товары. Аналогичным образом предложение шляп создает спрос на все, кроме шляп. Из этого следует, что, если просуммировать по всем товарам, то предложение товаров рождает спрос на товары: «Общество в целом — более крупный покупатель, пропорционально его средствам на покупки»⁴⁴. Поэтому Сэй отрицал возможность появления общего перепроизводства: «Не вижу причин, по которым продуктов страны в целом может оказаться слишком много, ведь каждый такой продукт дает средства для покупки другого»⁴⁵.

Из закона Сэя следует, что процветание сдерживается не спросом, а производством:

Та отрасль торговли, которая процветает, дает средства купить, а следовательно, доставляет возможность и продать по всем другим отраслям торговли. Наоборот, если какая-нибудь отрасль промышленности или торговли идет вяло, страдают и все остальные⁴⁶.

В противном случае, утверждал Сэй, совокупный экономический рост был бы невозможен:

Иначе каким же образом могло бы быть, что теперь во Франции в один год покупается в 6 и в 8 раз больше предметов, чем покупали в несчастное царствование Карла VI? Это происходит, очевидно, оттого, что теперь производится также в 6 или в 8 раз больше продуктов, чем прежде, и потому, что они продаются в обмен на другие⁴⁷.

Соответственно, правительство, желающее способствовать процветанию страны, должно поощрять предложение товаров, а не спрос на них:

Тот же самый принцип приводит к заключению, что поощрение потребления как такового не приносит никакой пользы коммерции, поскольку трудность заключается в получении средств, а не в стимулировании желания потреблять; но, как мы уже видели, только производство может предоставить такие средства. Поэтому хорошее правительство ставит себе целью стимулировать производство, а дурное правительство — потребление⁴⁸.

В свете сказанного совершенно очевидно, почему Кейнс, придя после 1930 года к мнению, что стимулирование потребления (дестимулирование сбережения) необходимо для возврата к процветанию, не мог не попытаться опровергнуть закон Сэя.

Важная оговорка

Закон Сэя верен, но с учетом одного важного ограничения: если деньги не считаются одним из «товаров», то общий избыток товаров невозможен

только в том случае, если люди не пытаются накапливать деньги (или уменьшать их запас). Сэй утверждает, что при обмене товаров на деньги последние нужны только для приобретения товара:

В самом деле, зачем вам деньги? Не правда ли, затем, чтобы купить на них сырье для вашей промышленности или съестные припасы для вас самих? Из этого вы сами видите, что вам нужны не деньги, а продукты... Нельзя, следовательно, говорить: нельзя продать, потому что мало денег, а надо сказать так: нельзя продать, потому что мало других продуктов⁴⁹.

Но это преувеличение: продажи в целом *могут* быть затруднены в краткосрочном периоде, если имеет место *избыточный спрос на деньги*. Если ваши денежные остатки меньше, чем вам хотелось бы иметь, то вы не потратите всю выручку от продаж, а отложите часть, чтобы величина ваших денежных остатков вновь достигла желаемого уровня. Когда такое поведение приобретает широкое распространение (например, если совокупная денежная масса внезапно и существенно сокращается, как это было в начале Великой депрессии в США), попытки продать больше товаров, а купить меньше, будут оказывать на цены в целом давление в сторону понижения. В долгосрочной перспективе проблема решается за счет корректировки цен. Падение уровня цен позволяет при неизменной денежной массе удовлетворить ранее не удовлетворявшийся спрос на владение запасом покупательной способности в виде денежных остатков — это достигается за счет повышения покупательной способности каждого доллара. Но в краткосрочной перспективе, пока цены не скорректируются, продажи будут затруднены.

Сэй полагал, что необходимости в корректировке уровня цен нет, поскольку любой дополнительный спрос на деньги будет удовлетворен (в экономике, действующей в условиях международного золотого или серебряного стандарта) за счет создания денежных заместителей внутри страны и притока денег из-за рубежа:

В таких случаях товар, служащий посредником и облегчающий заключение сделок, то есть деньги, легко заменяется другими известными в торговом мире способами, а вскоре затем опять притекают деньги, так как монета есть товар, а всякий товар направляется туда, где в нем чувствуется потребность⁵⁰.

Здесь Сэй, судя по всему, принимает как данность, что достаточное увеличение реальной денежной массы происходит практически в одночасье, но так бывает не всегда. Цены могут оказаться «негибкими», и в краткосрочной перспективе продажи товаров уменьшатся. Кроме того, приток денег извне исключен, если страна не придерживается международного денежного стандарта, например если использует собственные, национальные фиатные деньги. В таком случае бремя приспособления к избыточному

спросу на деньги ляжет на уровень цен, который будет вынужден корректироваться в сторону понижения, и серьезная коррекция может потребовать значительного времени.

Кейнс критикует Сэя

Кейнс отвергал закон Сэя не потому, что спрос на деньги может временно оказаться неудовлетворенным, а на более общем основании, полагая, что не существует причины, по которой планы производителей и потребителей были бы согласованы друг с другом. Иными словами, он был не согласен с тезисом Рикардо, что рыночные силы уравнивают сбережения и инвестиции. Он писал:

Со времен Сэя и Рикардо экономисты-классики учили: предложение само порождает спрос... Современная мысль еще глубже увязла в представлении, из которого следует, что если люди не расходуют свои деньги каким-либо одним образом, то они расходуют их иначе... И все-таки те, кто так думает, ошибаются... Суть ошибки — в предположении, будто есть необходимая связь между решением воздержаться от текущего потребления и решением позаботиться о будущем потреблении. В действительности же мотивы, которые определяют последнее, не связаны непосредственно с мотивами, определяющими первое⁵¹.

Здесь Кейнс опять-таки отрицает, что процентная ставка служит координации будущего производства с планируемым потреблением, или инвестиций со сбережениями.

Далее, утверждает он, закон Сэя не может действовать, поскольку он не согласуется с тем, что Кейнс считает наблюдаемым фактом существования «вынужденной» безработицы. Кейнс проводит различие между ней и «фрикционной» безработицей (промежутком времени между увольнением — включением в состав свободной рабочей силы — и устройством на новую работу), а также «добровольной» безработицей (уходом по собственному желанию). По мнению Кейнса, «классическая» теория, представителем которой выступает Пигу, признает лишь фрикционную и добровольную безработицу, не замечая вынужденной. «Вынужденную» безработицу он определял как ситуацию, когда «имеются безработные, которые согласились бы работать за меньшую по сравнению с существующей реальную заработную плату»⁵². Такую ситуацию он считал весьма распространенной, отмечая бесспорный, по его мнению, «факт, что население редко работает столько, сколько оно хотело бы на основе существующей заработной платы»⁵³. Иными словами, существует хронический избыток предложения рабочей силы при существующей рыночной заработной плате, но по какой-то причине безработные не сбивают ее уровень так, чтобы при более низкой заработной плате спрос на рынке уравновесил предложение. Заработная

плата характеризуется «негибкостью» к понижению. Рекомендация Кейнса состояла в том, что эти работники тем не менее в типичном случае будут готовы согласиться на более низкую *реальную* заработную плату, складывающуюся благодаря повышению потребительских цен:

При определенных условиях возможно, что работники в своих требованиях исходят из минимума денежной, а не реальной заработной платы... Работники обычно противятся сокращению денежной заработной платы, но они не прекращают работу всякий раз, когда поднимаются цены товаров, приобретаемых за заработную плату [то есть при росте индекса потребительских цен]⁵⁴.

Кейнс считал, что в 1932 году американские работники были в этом смысле вынужденно безработными: они согласились бы на меньшую реальную зарплату в виде прежней денежной зарплаты при более высоком уровне потребительских цен. Для борьбы с такой безработицей он предлагал повысить потребительские цены путем стимулирования номинального совокупного спроса.

Позднее Хайек отметил, что такой метод может сработать только в том случае, если повышение цен не будет ожидаемым. Если же у работников сложилось ожидание, что потребительские цены повысятся, то они будут требовать повышения денежной заработной платы. По мнению Хайека, сосредоточенность Кейнса на краткосрочных мерах безответственна:

Неудивительно, что г-н Кейнс обнаружил, что его позицию предвосхищали авторы-меркантилисты и талантливые дилетанты: озабоченность поверхностными явлениями всегда отличала первую стадию научного подхода к нашему предмету. Но нельзя без тревоги видеть, что теперь, когда мы уже один раз прошли через процесс систематического анализа сил, определяющих цены и производство в долгосрочном периоде, нас призывают отбросить все это, заменив близорукой философией бизнесмена, возведенной в достоинство науки. И разве не говорят нам, что «поскольку в долгосрочной перспективе все мы мертвы», политика должна руководствоваться исключительно соображениями краткосрочного характера?⁵⁵

Что предлагает «Общая теория»

Итак, теория депрессии, предложенная в книге «Общая теория занятости, процента и денег», включает:

- теорию текущего объема выпуска, объясняющую его величиной доходов и расходов, согласно которой Y определяется величиной $C + I + G$;
- теорию процентной ставки, основанную на понятии «предпочтения ликвидности»;
- теорию безработицы, основанную на идее негибкости заработной платы.

В отличие от прежних теорий денег и экономического цикла, теория Кейнса *не* включает:

- теорию уровня цен;
- теорию развертывания экономического цикла во времени;
- теорию долгосрочной динамики объема выпуска и безработицы;
- теорию инвестиций, производства и роста.

Кроме того, в отличие от более поздних теорий «нового кейнсианства», в ней не было:

- микроэкономического объяснения негибкости заработной платы.

Теория депрессии *versus* теория экономического цикла

Теории недопотребления предлагают объяснение в лучшем случае половины цикла — депрессии или состояния хронической безработицы, — но не периода бума и не динамики чередования бумов и спадов⁵⁶. Когда дела в экономике идут хорошо, о теориях недопотребления мы практически не слышим. Пол Кругман, решивший представить докейнсианские теории экономического цикла на примере работы австрийского экономиста Готфрида Хаберлера «Процветание и депрессия» (1936), утверждает, что Кейнс сделал правильный выбор, занявшись разработкой теории депрессии, а не теории экономического цикла:

Подобно большинству авторов макроэкономических теорий до Кейнса, Хаберлер был убежден, что главное — объяснить экономическую динамику, объяснить, почему за бумом следует спад, а не саму возможность массовой безработицы. И в книге Хаберлера, как и в большинстве работ того времени на тему экономического цикла, намного больше внимания уделяется эксцессам бума, чем механике кризиса... Кейнс же считал своей задачей объяснить, почему экономика временами функционирует, находясь в состоянии, далеком от полной занятости... Вместо того чтобы увязнуть в попытках объяснения динамики экономического цикла, о которой споры ведутся и сегодня, Кейнс занялся вопросом, на который можно дать ответ. И это был вопрос, который больше всего нуждался в ответе: как можно увеличить занятость, если общий спрос — не имеет значения, по какой причине — понизился?⁵⁷

Напротив, Хайек возражал именно против такого подхода, для которого «не имеет значения, по какой причине». Он считал его безответственной погоней за поверхностным решением: «Я не могу не воспринимать все большую сосредоточенность на краткосрочных эффектах... не только как серьезную и опасную интеллектуальную ошибку, но и как измену главному долгу экономиста и как большую угрозу нашей цивилизации»⁵⁸.

Почему теория Кейнса стала популярной

Несмотря на сомнения и возражения ортодоксальных экономистов (зачастую принадлежавших к старшему поколению), теория Кейнса быстро приобрела популярность у молодых ученых, полностью затмив теорию Хайека⁵⁹. Всего через восемь лет после публикации «Общей теории» один экономист изумлялся ее успеху:

Быстрое принятие теории Кейнса очень многими современными экономистами, особенно теми, кто поначалу отнесся к ней весьма критично, вероятно, войдет в историю экономической мысли как нечто из ряда вон выходящее. Тот факт, что новая теория почти во всем противоречит традиционной доктрине, делает ее огромный успех еще более поразительным⁶⁰.

Многие наблюдатели приписывали популярность новой кейнсианской доктрины в кругах профессионалов ее оптимистическому послы — надежде на то, что можно что-то сделать, чтобы ускорить преодоление Великой депрессии. Скидельски отмечал, что Кейнс «дал людям надежду на решение проблемы безработицы» без отказа от свободного общества (в противоположность тому пути, по которому пошли Россия, Италия и Германия), «и с этим была связана необычайная привлекательность „Общей теории“ для многих людей, в том числе многих молодых экономистов». Джон Кеннет Гэлбрейт вспоминал, как он вернулся в Гарвард после обучения у Кейнса в Англии: «Там было это дыхание надежды и оптимизма, и, приехав из Кембриджа, я обнаружил, что очень многие тоже прочли „Общую теорию“»⁶¹.

Диаметрально противоположные рекомендации Хайека и Роббинса в отношении экономической политики — позволить производству и занятости восстановиться самостоятельно по мере того, как банкротства и увольнения высвободят работников и оборудование и им будет найдено более рациональное применение — многими воспринимались как совет, продиктованный отчаянием. В 1933 году один комментатор кратко охарактеризовал различие между позициями Хайека и Кейнса следующим образом:

Дефляционисты, с тревогой всматриваясь в отдаленное будущее, предупреждают нас об ужасных последствиях политики экспансии. Должны ли мы выбирать между нынешней депрессией и следующей, смирившись с мыслью, что, едва появившись на свет, мы начинаем умирать? Г-н Кейнс... решительно выступает за то, чтобы начать что-то делать прямо сейчас⁶².

Милтон Фридман, вспоминая те времена в интервью, которое он дал в 1996 году, по существу согласился с этим мнением. Ученые-экономисты поддержали Кейнса, потому что он предлагал более быстрый выход из депрессии, чем Хайек и Роббинс с их «мрачной» рекомендацией подождать, пока экономика сама себя скорректирует:

В Лондонской школе экономики в 1932–1933 годах преобладала точка зрения... что депрессия — это необходимое лекарство от недугов, накопившихся ранее, и следует дать ей пройти весь путь, чтобы она сама себя исправила. Одним словом, это был очень мрачный взгляд на ситуацию. И когда появился Кейнс и сказал: вот простое объяснение депрессии и способ ее преодолеть — он многих обратил в свою веру⁶³.

В недавно опубликованном докладе экономисты из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Мэтью Н. Люцетти и Ли Э. Оханиан тоже приписывают первоначальный успех «Общей теории» тому, что она «была опубликована в период Великой депрессии, когда шел поиск альтернативных концепций для понимания экономических кризисов». Дальнейший рост влияния этой теории в качестве исследовательской программы в 40–50-х годах XX века они связывают с «развитием эконометрики в области систем одновременных уравнений», в результате чего кейнсианская макроэкономика превратилась в «количественный проект», и с тем, что она явно согласовывалась с экономическими данными послевоенных лет: «В 60-х годах макроэкономический динамический ряд на качественном уровне, казалось, соответствовал сценариям, изложенным в „Общей теории“»⁶⁴.

Кейнсианская теория после Кейнса: модель *IS-LM*

Интеллектуальному триумфу «Общей теории» способствовали энергичные молодые экономисты, формализовавшие ее основные идеи для профессиональной аудитории и популяризовавшие их для студентов и широкой публики. Среди адресованных студентам работ, оказавших наибольшее влияние, следует назвать «Путеводитель по Кейнсу» Элвина Х. Хансена⁶⁵. Из формализаций особого внимания заслуживает написанная в 1937 году статья Джона Хикса «Господин Кейнс и „классики“: попытка интерпретации», где была представлена удобная графическая версия «Общей теории» Кейнса⁶⁶. Работы Хансена и Хикса вместе привели к появлению того варианта кейнсианской макроэкономики, который и сегодня преподается студентам под названием «модель *IS-LM*». Эта модель позволяет одновременно определить объем выпуска и процентную ставку. Кривая *IS* (описывающая равновесие между инвестициями и сбережениями) представляет собой множество точек, соответствующих условию доходы = расходы, или $Y = C + I + G$, где *C* и *I* зависят как от процентной ставки, так и от реальных доходов. Кривая *LM* (описывающая равновесие между предпочтением ликвидности и денежной массой) представляет собой множество точек, в которых спрос на деньги, зависящий от процентной ставки и доходов, равен заданной величине денежной массы. Пересечение кривых дает единственную пару величин объема выпуска и процентной ставки, соответствующую обоим условиям равновесия.

Позднейшие толкователи Кейнса выражают сомнения в том, что модель *IS-LM* действительно отражает то, что он хотел сказать. Аксель Лейонхувуд в работе «О кейнсианской экономике и экономике Кейнса» (1968) авторитетно доказывал, что Кейнс создал изощренную теорию сбоев координации и что модель *IS-LM* ее не передает. Однако понятие сбоев координации гораздо сложнее проиллюстрировать на классной доске. Аллан Мельцер в книге «Денежная теория Кейнса: другая интерпретация» (1988) утверждал, что модель *IS-LM* не отражает идею Кейнса, что если процентная ставка не находится на уровне, близком к нулю, то объем выпуска и занятость слишком низки⁶⁷.

Как бы то ни было, независимо от степени ее соответствия собственным идеям Кейнса, модель *IS-LM* зажила собственной жизнью и стала «рабочей лошадкой» в инструментарии кейнсианского анализа экономической политики. Даже Милтон Фридман в начале 70-х годов воспользовался ее аппаратом для объяснения своих некейнсианских взглядов профессиональной аудитории, состоящей из кейнсианцев⁶⁸. Модель *IS-LM* по-прежнему фигурирует в учебниках среднего уровня по макроэкономике и в билетах университетских выпускных экзаменов по экономической теории, хотя на уровне аспирантуры ее место уже заняли более новые подходы. Легкость, с которой она дает хотя бы какой-то ответ на практические вопросы о взаимосвязях в макроэкономике, обеспечивает ей устойчивое влияние в кругах, где вырабатывается экономическая политика.

Инфляция и кривая Филлипса

Кейнс полагал, что в экономике с неполной занятостью рост спроса приводит к сокращению безработицы, но не к повышению заработной платы и цен. Лишь при достижении полной занятости возникнет инфляция заработной платы и цен. Сгладить угол позволила созданная позднее конструкция, получившая название «кривой Филлипса», в соответствии с которой между инфляцией и безработицей существует обратная взаимосвязь с убывающей отдачей в обоих направлениях. Кривая получила свое название в честь О.У. Филлипса, который в статье 1958 года разместил на графике статистические данные, свидетельствующие об обратной зависимости между годовым уровнем безработицы и годовым темпом роста денежной заработной платы внутри нескольких периодов времени, попадающих в интервал между 1861 и 1957 годами⁶⁹.

В 60-х годах XX века экономисты-кейнсианцы за неимением лучшего способа объяснить уровень инфляции включили в свои модели взаимосвязь, описываемую кривой Филлипса. Согласно их интерпретации этой кривой, повышение цен становится результатом роста напряженности на рынке труда: спрос на труд превышает предложение, что ведет к взвинчиванию заработной платы и тем самым издержек производства, что, в свою очередь, вызывает рост цен. В 1960 году Пол Самуэльсон и Роберт Солоу

трактовали кривую Филлипса как своего рода меню вариантов экономической политики: власти могут добиться меньшего уровня безработицы, порождая более высокий уровень инфляции, или, наоборот, — снижения инфляции, допуская рост безработицы. Разумная политика в этом случае означает выбор точки «наименьшего из зол» на кривой Филлипса⁷⁰.

Данные по США за 1958–1969 годы, казалось бы, подтверждали наличие стабильной обратной зависимости между инфляцией и безработицей, описываемой кривой Филлипса, которую можно использовать при принятии политических решений. Однако уверенность в надежности этого подхода была поколеблена в 70-х годах, когда растущая инфляция сопровождалась *увеличением* безработицы. К этому эпизоду мы вернемся в главе 12.

Экономические теории «Посткейнсианства» и «Нового кейнсианства»

Мейнстримная кейнсианская теория, развивавшаяся Хиксом, Самуэльсоном и многими другими с 1937 года и вплоть до 1970-х годов, — Самуэльсон назвал ее «неоклассическим синтезом» — стремилась сочетать ортодоксальную неоклассическую микроэкономику (анализ, основанный на понятиях оптимизации и равновесия в традициях Вальраса и Маршалла) с неортодоксальными макроэкономическими идеями «Общей теории» Кейнса. Сегодня кейнсианство разделилось на два направления. Представители первого из них — «посткейнсианцы» — предпочитают неортодоксального Кейнса без соединения его с неоклассической микроэкономикой. На посткейнсианцев оказывают влияние не только наиболее радикальные части «Общей теории», но и в разной степени институционализм, марксизм и «неорикардская» экономическая теория, разработанная в 50-х годах давним критиком Хайека Пьеро Сраффой и его последователями. В исследованиях, публикуемых на страницах журнала *Journal of Post Keynesian Economics*, акцент делается на таких темах, как радикальная неопределенность, неспособность центральных банков контролировать денежную массу и неустойчивость финансовой системы.

Представители другой группы, «новые кейнсианцы», стремятся включить понятия кейнсианского типа, такие как негибкость цен и сбой координации, в модели, в остальном основывающиеся на неоклассической микроэкономике. Их исследовательская программа отличается от подхода «новых классиков», критикующих теорию Кейнса, лидерами которых являются Роберт Лукас, Томас Сарджент и Роберт Дж. Барро. Приверженцы новой классической школы еще в начале 70-х годов отвергли концепцию негибкости цен и рыночного неравновесия, считая их инструментами моделирования *ad hoc* с чересчур расплывчатой логикой, и отдали предпочтение более строгим вальрасианским моделям, в рамках которых рынок всегда находится в состоянии равновесия. Грегори Мэнкью объясняет позицию нового кейнсианства, противопоставляя ее позиции новой классики:

Но экономисты новой кейнсианской школы убеждены, что модели, в которых рынок всегда находится в равновесии, не позволяют объяснить краткосрочные экономические колебания, и поэтому отдают предпочтение моделям с «негибкими» ценами и заработной платой. Исходя из этой негибкости заработной платы и цен новые кейнсианские теории объясняют, почему существует вынужденная безработица и почему денежная политика оказывает столь сильное влияние на экономическую активность⁷¹.

В своих исследованиях новые кейнсианцы стремятся дать более строгое объяснение негибкости цен, связывая ее с такими микроэкономическими причинами, как издержки, связанные с корректировкой цен. Впрочем, навешивать ярлык «кейнсианства» на любое признание факта негибкости цен было бы ошибкой. И в теории Хайека негибкость заработной платы и цен является одним из элементов объяснения, почему рецессии не заканчиваются мгновенно; кроме того, она фигурирует в «старых монетаристских» теориях экономического цикла Кларка Уорбертона и Милтона Фридмана (см. главу 12). Некоторые новые кейнсианцы, например тот же Мэнкью, весьма напоминают монетаристов тем, что делают акцент на денежной политике в противоположность фискальной и в целом выступают за то, чтобы командные высоты экономики контролировал рынок, по крайней мере вне сферы денежного обращения и макроэкономической политики. В то же время другие новые кейнсианцы предпочитают более неортодоксальный подход, строя модели, в которых макроэкономика имеет множественные равновесия и может оказаться в ловушке «плохого равновесия» (*inferior equilibrium*) (то есть столкнуться со «сбоем координации»), что опять же требует активного государственного вмешательства для того, чтобы вывести ее из этого состояния.

Вторая мировая война и «Дорога к рабству» Хайека

Весной 1933 года домой к немецкому экономисту Вильгельму Рёпке явились два эсэсовца. Позднее он вспоминал, что эти два члена элитного военнизированного формирования гитлеровской партии выглядели «совершеннейшими громилами». Рёпке был открытым приверженцем классического либерализма, за антинацистские выступления его объявили «врагом нации» и уволили с должности преподавателя Марбургского университета. Другие профессора, также уволенные в рамках программы нацистов по насаждению антилиберальной идеологии в университетах, пообещали перейти на их сторону или держать язык за зубами, чтобы их взяли обратно на работу. Рёпке отказался это сделать. И теперь гитлеровский режим перешел к прямому запугиванию. Когда эсэсовцы заявили Рёпке, что он должен поддержать нацистов, тот «с гневом и презрением» отверг это предложение. После ухода незваных гостей он понял: надо немедленно уезжать из страны¹.

Нацисты приходят к власти

В январе 1933 года лидер Национал-социалистической рабочей партии Германии (нацистской партии) Адольф Гитлер был назначен на пост рейхсканцлера. Первоначально он возглавлял коалиционное правительство, но вскоре сосредоточил всю власть в своих руках. Один из биографов Гитлера отмечает, что тот «ничего не понимал» в экономике². Единственный принцип, которым он, по-видимому, руководствовался при выборе экономической политики, — это усиление власти своего правительства. То же самое можно сказать и о лидере итальянских фашистов Бенито Муссолини.

В статье, написанной Рёпке вскоре после того, как он бежал из Германии в Стамбул, он объединил экономические идеи германского национал-социализма и итальянского фашизма в одну категорию «фашистская экономическая теория». Попытавшись найти в экономической политике фашистов хоть какую-то последовательную логику, Рёпке с явным раздражением констатировал:

Четко определить суть фашистской экономической теории — задача невероятно трудная... Возникает соблазн бросить это дело как безнадежное, махнув рукой на этот экономический дадаизм... Но, пожалуй, именно это отсутствие рациональной последовательности и характеризует фашизм лучше, чем что-либо еще. Фашизм отправился в плавание с минимумом интеллектуального багажа — и гордится этим³.

Дадаизм — художественное течение, представители которого заявляли, что отвергают любые принципы в искусстве. Впрочем, в отличие от нацистов они обладали чувством юмора⁴.

Несмотря на отсутствие связанных представлений о том, за *что именно* выступают национал-социалисты, они однозначно отвергали классический либерализм и свободную рыночную экономику. Рёпке отмечал, что к числу антикапиталистических доктрин того времени относились коммунизм, а также «милитаристский антикапитализм» в Италии и Германии — «антикапитализм с фашистским привкусом, иными словами, антикапитализм, отвечающий антилиберализму в сфере политики». Утверждения марксистов и представителей демократического социализма, что фашизм представляет собой реакционное течение, служащее защите «неограниченного капитализма», Рёпке отвергал как идеологизированные «искажения и ложные интерпретации»⁵. В меморандуме, написанном в 1933 году, Хайек пришел к аналогичному выводу: «Национал-социализм — это подлинно социалистическое движение, основные идеи которого представляют собой конечный продукт антилиберальных тенденций, неуклонно набравших силу в Германии, начиная с завершающего этапа эпохи Бисмарка»⁶. Таким образом, Хайек рассматривал нацизм как порождение доктрин государственного социализма, распространявшихся немецкой исторической школой в экономической теории.

В отличие от коммунизма, отмечал Рёпке, фашизм «не стремится к революционному изменению экономической и социальной структуры общества». Экономическая политика в фашистской Италии и нацистской Германии представляла собой ситуативное «государственное вмешательство, одобренное коллективистской фразеологией», что «на практике ведет к созданию крайне монополизированного интервенционистского общества, украшенного терминологическим и фразеологическим декором, с широким государственным контролем над ценами и капитальными инвестициями, а также масштабным „обобществлением убытков“»⁷. Подобным же образом в 1936 году американский журналист Уолтер Липпман заметил, что «фашистская версия коллективистского принципа» никогда не прорабатывалась с научной точностью, а «была наспех сымпровизирована политическими авантюристами после Первой мировой войны»⁸. Хотя вмешательство правительств Муссолини и Гитлера в экономику не основывалось на сколько-нибудь внятной экономической философии, оно, как мы увидим, следовало собственной встроенной динамике интервенционистской политики. Эта динамика превращала экономическую политику фашистов и нацистов в систему всеобъемлющего государственного контроля над командными высотами экономики.

Интервенционистская динамика нацистской экономической политики

За два года до прихода Гитлера к власти правительство Германии во избежание официальной девальвации рейхсмарки ввело режим валютного контроля, ограничив обмен национальной валюты на иностранную. Гитлер тоже не стал проводить девальвацию. Рационирование иностранной валюты привело к государственному контролю над внешней торговлей. При Ялмаре Шахте, занимавшем пост министра экономики в правительстве Гитлера в 1934–1937 годах, масштаб этого контроля постоянно расширялся. Принятый нацистским режимом в 1934 году «новый план» предусматривал государственный контроль над всеми экспортно-импортными операциями, картелирование промышленности и масштабные проекты общественных работ⁹. Когда ввиду неутешительных результатов Шахт порекомендовал радикально изменить экономический курс, он был освобожден от должности. Его место занял Герман Геринг, которому предстояло возглавить процесс внедрения централизованного планирования в виде четырехлетнего народнохозяйственного плана. Впоследствии нацисты отправили Шахта за решетку за участие в заговоре, целью которого было убийство Гитлера.

Централизация аграрной политики в Третьем рейхе и введение импортных квот привели к дефициту продуктов питания и резкому росту цен. Эти проблемы, которые он сам же и создал, Гитлер использовал в качестве предлога для агрессии в Европе, заявив в одном из меморандумов: «Страна перенаселена и не может себя прокормить за счет собственных ресурсов... Окончательное решение проблемы состоит в расширении жизненного пространства, а также в расширении сырьевой и продовольственной базы нашего народа»¹⁰. Развязывание войны позволило Гитлеру сохранить поддержку народа и свою власть несмотря на весь вред, который его экономическая политика причиняла экономике Германии.

В 1948 году, анализируя нацистскую экономику *post mortem*, немецкий экономист Вальтер Ойкен подчеркивал, что движущей силой неуклонного повышения степени централизованного государственного контроля над германской экономикой была политика полной занятости. Он писал:

После 1936 года экономика Германии все больше становилась объектом централизованного управления и администрирования. Это не было результатом осознанного политического курса на создание новой экономической организации. Скорее это был побочный эффект. Толчок движению в этом направлении дала политика полной занятости, и именно ее осуществление шаг за шагом привело к централизованно управляемой экономике (*Zentralverwaltungswirtschaft*)¹¹.

Согласно объяснению Ойкена, гитлеровская политика полной занятости требовала масштабных проектов общественных работ. Наиболее известным из них стало строительство автобанов. Для финансирования расходов

на эти проекты правительство Германии печатало дополнительные бумажные рейхсмарки, что вело к снижению их ценности. Во всех отраслях начался рост цен¹². Чтобы обуздать ценовую инфляцию, правительство снова вмешалось в экономику, осуществив в 1936 году всеобщее замораживание цен. Контроль над ценами привел к повсеместному дефициту потребительских товаров: деньги у покупателей имелись в изобилии, но они не могли найти продавцов, готовых сбывать товары по искусственно заниженным ценам. Результат:

Цены перестали отражать редкость товаров и услуг на рынке. Такое положение дел стало причиной создания центрального административного аппарата для управления экономикой, надзора за внешней торговлей, распределения важнейших видов сырья, таких как уголь, железо и цемент, для установления приоритетов, выдачи лицензий и т.д.¹³

Германское правительство не осмеливалось отказаться от замораживания цен, поскольку это привело бы к их резкому скачку, что, скорее всего, имело бы следствием брожение среди рабочих, выдвижение требований о повышении заработной платы и рост цен, по которым государство расплачивалось за военную продукцию. Таким образом, «жесткое удержание цен на прежнем уровне и подавление инфляции за счет их фиксации превратилось в догматически реализуемый принцип экономической политики»¹⁴.

Для решения проблемы дефицита потребительских товаров правительство Германии ввело систему рационирования. А чтобы справиться с дефицитом товаров производственного назначения, оно стало объявлять, какие отрасли должны иметь приоритет, и распределять сырье в соответствии с этой системой приоритетов. Ввиду отсутствия стимулов к производству при контролируемых ценах правительство начало выпускать распоряжения, предписывающие фирмам, какое количество продукции они *должны* изготовить. Такова была внутренняя динамика интервенционизма, в результате которой экономика Третьего рейха перешла под полный контроль государства¹⁵. Ойкен отмечал, что эта тенденция усиливалась по мере того, как рейх направлял все больше ресурсов на производство вооружений:

С возрастанием угрозы войны... необходимо было сосредоточить производственные ресурсы в сфере вооружений и взвинтить норму инвестиций... Все больше отраслей промышленности и даже распределение трудовых ресурсов и потребительских товаров переходили под управление центральных плановых органов¹⁶.

Так возникла система централизованного планирования, при которой, в противоположность СССР, «сельскохозяйственные предприятия и заводы по-прежнему принадлежали в основном частным лицам и компаниям», но лишь формально. Реальный контроль номинальных владельцев над

своей собственностью резко ограничивался с помощью «широкомасштабной реквизиции промышленных ресурсов, которые выделялись лишь под конкретные задачи, соответствующие центральному плану»¹⁷.

Исходя из опыта Германии Ойкен пришел к выводу, что концепция рыночного социализма Оскара Ланге (см. главу 2) внутренне непоследовательна: принцип аллокации на основе цен, устанавливаемых в процессе конкурентного торга, вступает в противоречие с принципом централизованного контроля. В процессе планирования того типа, который применялся в Германии, центральный орган сначала решал, к примеру, сколько кожи выделить на производство обуви, а сколько — на изготовление приводных ремней для промышленности. Если позволить производителям этих двух видов продукции конкурировать друг с другом за получение кожи, может оказаться, что приводных ремней будет изготовлено меньше, чем предусмотрено планом. Допускать этого нельзя, поскольку результатом могут стать сбои в работе других отраслей, рассчитывающих на получение определенного количества оборудования с приводными ремнями. Ойкен резюмировал:

Таким образом, центральный административный аппарат не может позволить, чтобы в какой-либо важной области выпуск таких средств производства определялся с помощью ценообразования, но должен сам его определять, что и происходило в Германии... Верить в возможность прилаживания механизма цен к механизму контроля в централизованно управляемой экономике — то же самое, что верить в квадратуру круга... Если контроль отдан механизму цен, то это означает, что центральная администрация отказывается от своих экономических полномочий, а если контроль осуществляет центральная администрация, то цены утрачивают свою направляющую функцию¹⁸.

Принцип суверенитета потребителя, согласно которому ассортимент производимых благ должен определяться потребительским спросом, тоже не смог пережить столкновения с планированием на практике. Плановики облегчали себе задачу аллокации ресурсов, сокращая ассортимент производимых товаров без оглядки на предпочтения потребителей. Тем самым «влияние потребителей сошло на нет»¹⁹.

Вернер Зомбарт и немецкие исторические школы

В главе 4 мы рассмотрели «старую» немецкую историческую школу в экономической теории, лидерами которой были Вильгельм Рошер и Карл Книс, и «молодую» историческую школу во главе с Густавом Шмоллером, а также их влияние на американских экономистов-институционалистов в эпоху прогрессизма и в период «нового курса». Лидером «самой младшей» исторической школы в Германии стал Вернер Зомбарт (1863–1941) — преподаватель Берлинского университета и ученик Шмоллера. В шеститом-

ном труде «Современный капитализм» (1902) Зомбарт изложил критическую историю капитализма в духе «младоисторической» школы с заметным влиянием марксизма. В другой книге — «Евреи и хозяйственная жизнь» (1911) — он связал возникновение капитализма с «предрасположенностью евреев» к предпринимательству, в противоположность идее социолога Макса Вебера о том, что решающую роль в этом сыграл «протестантский дух».

Наиболее непосредственное отношение к нацистской экономической политике имеет работа Зомбарта «Немецкий социализм» (1934). В английском переводе она получила более безобидное название — «Новая социальная философия»²⁰. Книга была настолько милитаристской и пронацистской, что нацистская партия распространяла ее в качестве учебника. Рёпке кратко охарактеризовал ее основной посыл как призыв к «милитаризации всего общества». Своим постепенным превращением из «убежденного марксиста» (как он сам себя называл) в национал-социалиста Зомбарт служил живой иллюстрацией хайкевского тезиса о нацизме как порождении более ранних германских социалистических доктрин. По мнению Рёпке, политические рекомендации из книги Зомбарта могут служить образчиком бессвязности, свойственной фашистской экономической теории:

Путаница достигает апогея, когда те же люди, которые неумоимо критикуют — неважно, справедливо или нет — рационалистический и механистический характер современной индустриализации и урбанизации, упиваются проектами экономического планирования, организации и регламентации. Это одна из многих причин, по которым, к примеру, книга «*Deutscher Sozialismus*» Вернера Зомбарта совершенно нечитабельна²¹.

Доктрины планирования в Великобритании и Америке

Во Второй мировой войне державы оси — Германия, Италия и Япония, экономики которых были в той или иной степени фашистскими, — были противниками и западных союзников, имевших более рыночно ориентированную экономику, и коммунистического СССР. В предвоенные десятилетия страны с рыночной экономикой все больше отходили от *laissez-faire*. В 1935 году Хайек характеризовал британскую экономическую систему как переходную:

Наша нынешняя система, загромажденная попытками частичного планирования и рестрикциями, почти настолько же далека от любой системы капитализма, которую можно было бы рационально защищать, как и от любой последовательной плановой системы... Мы, безусловно, настолько же далеки от капитализма в его чистой форме, насколько и от любой системы централизованного планирования. Мир сегодня — это просто интервенционистский хаос²².

Несколько британских и американских авторов отметили парадоксальность ситуации, когда в ходе войны их экономики двигались в том же направлении, что и экономики их противников.

Еще до Второй мировой войны все больше интеллектуалов в Великобритании и США стали поддерживать усиление контроля государства над экономикой. Ведущие деятели британских «левых» выступали за различные формы социализма и централизованного планирования, в то время как «правые» занимали позицию где-то посередине между свободным рынком и социализмом. Гарольд Макмиллан, парламентарий-консерватор и будущий премьер-министр, в своей книге «Срединный путь», вышедшей в 1938 году, предлагал существенно расширить роль государства в экономике²³.

Многие левые интеллектуалы видели в Советском Союзе образец для будущего. В 1920-х годах Кейнс высмеивал советскую марксистскую теорию. Теперь же, в статье, опубликованной в 1933 году, он расценивал советскую систему как интересный эксперимент в области национальной самодостаточности, хотя его и беспокоило, что доктринерские и чересчур торопливые методы преобразований приводят к некомпетентности и неэффективности²⁴. В 1935 году британские социалисты-фабианцы Сидней и Беатриса Вебб, побывав в СССР, опубликовали книгу «Советский коммунизм: новая цивилизация?». Годом позже Кейнс выступил по радио на BBC с речью, в которой не критически ссылаясь на восторженный рассказ супругов Вебб о советских реалиях. Он сказал:

К настоящему времени новая система достаточно выкристаллизовалась, чтобы ее можно было оценить. Результат впечатляет. Русские новаторы уже миновали не только революционную, но и доктринерскую стадию... Они вовлечены в решение гигантской административной задачи по обеспечению бесперебойной и успешной работы совершенно новой системы социальных и экономических институтов на обширной территории, занимающей шестую часть суши. Методы по-прежнему быстро меняются с учетом накопленного опыта. В действие запущен процесс получения эмпирического знания и эксперимент беспрецедентного масштаба, какой еще никогда прежде не пытались предпринимать беспристрастные администраторы. Между тем супруги Вебб дали нам возможность увидеть, в каком направлении развиваются события и как далеко они уже продвинулись. Это увлекательная работа... Она вызывает у меня сильное желание и надежду, чтобы и мы в нашей стране нашли способ сочетать безграничную готовность к экспериментам с изменениями в политических и экономических методах и институтах, сохраняя при этом традиции и своего рода осторожный консерватизм...²⁵

Кейнс тревожился, что массовая безработица в континентальной Европе послужила питательной средой для идей тоталитаризма и что если государство не прибегнет к прямому вмешательству для сокращения

безработицы, то это может произойти и в Великобритании. Социолог из Лондонской школы экономики Карл Манхейм в работе «Человек и общество в эпоху преобразований» (1940) утверждал, что Великобритания останется свободной страной только в том случае, если для борьбы с безработицей она введет централизованное планирование. Манхейм высказывает кажущуюся парадоксальной мысль: «На высшей стадии свобода может существовать, только если она обеспечивается планированием». В его понимании свобода «состоит не в ограничении полномочий планировщика, а в такой концепции планирования, которая посредством самого плана гарантирует существование важнейших форм свободы»²⁶.

Хотя в США ни одна крупная политическая партия не выступала за социализм, социалистические идеи, как вспоминают Милтон и Роуз Фридман, доминировали в академической среде:

К 1929 году социализм стал преобладающей идеологией в университетах страны. Любимыми журналами интеллектуалов были *New Republic* и *Nation*, а в политике их кумиром был [социалист] Норман Томас²⁷.

В Гарварде профессор экономики Элвин Хансен в 1941 году выразил распространенное в кругах интеллигенции мнение, что вопрос стоит только о выборе политического метода осуществления централизованного планирования: «Возврат к атомистическому устройству невозможен... Перед нами не стоит выбор „план или отсутствие плана“. Выбор стоит лишь между демократическим планированием и тоталитарной регламентацией»²⁸.

Для мобилизации ресурсов в годы Второй мировой войны правительства США и Великобритании взяли под контроль командные высоты экономики. Комитет военно-промышленного производства США (*The U.S. War Production Board*), созданный в 1939 году, еще до вступления страны в войну осуществлял надзор за переориентацией промышленности на выпуск военной продукции²⁹. Один из непосредственных участников этой деятельности позднее рассказывал о неуклюжести этого процесса планирования: «Мы выиграли производственную битву не благодаря, а вопреки нашим усилиям по мобилизации промышленности»³⁰. В годы войны федеральные ведомства контролировали цены и ставки заработной платы, вводили рационирование и распределяли людские ресурсы, включая призыв в армию, но не ограничиваясь им. Производственные «цари» распределяли каучук, нефть, продовольствие и другие материалы. Аналогичные органы контроля над экономикой, опять-таки начиная с 1939 года, создавало и британское правительство.

Задолго до окончания войны прогрессисты и социалисты в Великобритании начали превозносить административно-командный аппарат военного времени в качестве образца для экономической политики, которую предстоит проводить в мирное время. Лейбористская партия в изданной в 1942 году брошюре «Старый мир и новое общество» призывала: «Нельзя допустить возврата к миру бесплановой конкуренции межвоенного

периода, когда интересы привилегированного меньшинства обеспечивались в ущерб общему благу». Вместо этого «прежнюю конкурентную систему должно заменить плановое общество... В качестве необходимой предпосылки реорганизации общества следует сохранить основные элементы системы контроля военного времени в промышленности и сельском хозяйстве, чтобы избежать грызни за прибыль вроде той, которая последовала за предыдущей войной»³¹. В следующей главе мы увидим, как лейбористы, придя к власти после войны, стали воплощать эти идеи в жизнь.

Политические последствия централизованного планирования

Хайек отвергал представление о том, что внедрение централизованного планирования в экономике спасет западные страны от тоталитаризма и что оно необходимо как практическая мера для сохранения политической демократии в обычном понимании этого слова или даже вполне совместимо с ней. В 1937 году в письме американскому интеллектуалу Уолтеру Липпману он писал: «Если бы я только мог заставить моих друзей-„прогрессистов“... понять, что демократия возможна только при капитализме, а коллективистские эксперименты неизбежно ведут к фашизму того или иного сорта»³². Централизованное планирование Хайек рассматривал не как *способ избежать* потери свободы, а как *путь* к этой потере.

Начало его работам, посвященным политическим опасностям, связанным с централизованным планированием, положил меморандум, адресованный Уильяму Бевериджу, — социалисту-фабианцу и директору Лондонской школы экономики, в которой Хайек преподавал. Он пытался разубедить Бевериджа в том, что гитлеровский национал-социализм представляет собой антисоциалистическое движение. Позднее в одном из интервью Хайек вспоминал:

Лорд Беверидж... действительно был убежден, что эти национал-социалисты и капиталисты [в Германии] противодействуют социализму. Поэтому я подготовил для Бевериджа меморандум по этой теме, а затем переработал его в журнальную статью³³.

Эту статью, озаглавленную «Свобода и экономическая система» (1938), в 1939 году Хайек расширил и опубликовал в виде одноименной брошюры³⁴, а затем она была положена в основу его самой известной книги «Дорога к рабству» (1944). По мнению Хайека, «расцвет фашизма и нацизма был не реакцией на социалистические тенденции предшествовавшего периода, а неизбежным продолжением и развитием этих тенденций»³⁵. Подобно другим формам социализма, итальянский фашизм и немецкий национал-социализм (нацизм) представляли собой коллективистские доктрины — антитезу классическому либеральному индивидуализму. Даже если благонамерен-

ные социалисты искренне стремятся сохранить гражданские свободы при централизованном управлении экономикой, «внутренняя логика коллективизма делает невозможным ограничение его пределами некоторой определенной сферы»³⁶.

Хайек рассказывал, что в основу названия «Дорога к рабству» легло высказывание Алексиса де Токвиля, что социализм — это путь к «закрепощению» (*servitude*). («Закрепощение» он заменил «рабством» (*serfdom*), поскольку считал, что так название лучше звучит.) Токвиль (1805–1859) — французский мыслитель, представитель классического либерализма, известный своими глубокими наблюдениями о характере американского общества, высказанными в двухтомной книге «Демократия в Америке» (1835, 1840). Он писал: «Демократия и социализм не имеют между собой ничего общего, кроме одного слова: равенство. Но посмотрите, какая разница: если демократия стремится к равенству в свободе, то социализм — к равенству в рабстве и принуждении»³⁷.

За пределами спора об экономическом расчете при социализме

В ходе спора об экономическом расчете при социализме (см. главу 2) Хайек вслед за Мизесом утверждал, что плановая экономика не позволяет даже приблизиться к тому уровню процветания, который обеспечивает экономика со свободной конкуренцией, направляемая системой цен. Причина заключается в том, что рыночная экономика позволяет людям наиболее полно использовать при аллокации редких ресурсов имеющиеся у них частицы локального знания. В «Дороге к рабству» Хайек утверждал, что внедрение централизованного планирования приводит к серьезным негативным последствиям и в *политической* сфере, так как оно основано на принудительных методах контроля. Поскольку люди стараются избежать контроля и действуют не в соответствии с планом, подход, опирающийся на принуждение, естественным образом ведет к постоянному расширению этого контроля, что убивает политическую свободу. Оно ведет к «рабству» — системе обязанностей и зависимости от центральных плановых органов, аналогичных обязанностям средневековых крепостных и их зависимости от феодалов. У людей в их роли работников, потребителей и, в конце концов, граждан оказывается все меньше свободы выбора.

В ходе дискуссии об экономическом расчете Мизес и Хайек ради того, чтобы сосредоточить аргументацию на главном вопросе, были готовы допустить, что социалистический режим (при котором государство контролирует средства производства) может уважать суверенитет потребителей, то есть стараться производить тот ассортимент товаров и в тех количествах, которые соответствуют их желаниям. Главный аргумент Мизеса и Хайека состоял в том, что *даже если* социалистическая система будет стремиться к этому, она не будет знать, *как* экономично производить то,

чего хотят потребители. В «Дороге к рабству» Хайек отмечал, что на деле у руководителей плановой экономики будет сильный соблазн *не* уважать суверенитет потребителя, а использовать свои полномочия для ограничения набора товаров тем, чего, по их мнению, *следует* хотеть потребителям и производство чего легче планировать. Даже если плановики позволят потребителям выбирать товары из имеющегося ассортимента, они будут ограничивать этот выбор за счет сокращения разнообразия предлагаемых товаров. Независимым предпринимателям больше не будет позволено создавать альтернативные продукты для заполнения ниш потребительского рынка, недостаточно обеспеченных товарами и услугами:

Власти, управляющие экономической деятельностью, будут контролировать... распределение лимитированных средств, необходимых для достижения любых наших целей... этот верховный контролер... должен будет решать, какие цели достойны осуществления, а какие — нет <...> Свобода выбора в конкурентном обществе основана на том, что если кто-то отказывается удовлетворить наши запросы, мы можем обратиться к другому. Но, сталкиваясь с монополией, мы оказываемся в ее полной власти. А орган, управляющий всей экономикой, будет самым крупным монополистом, которого только можно себе представить³⁸.

Поскольку централизованное планирование упраздняет конкуренцию, ограничивающую власть любого производителя, нельзя утверждать, что оно лишь перераспределяет неизменный объем власти из одних рук в другие:

Сосредоточив в руках группы руководящих работников власть, которая прежде была рассредоточена среди многих, мы создаем не только беспрецедентную концентрацию власти, но и власть совершенно нового типа. И странно слышать, что власть центрального планирующего органа будет «не большей, чем совокупная власть советов директоров частных компаний...» [В] конкурентном обществе никто не обладает даже сотой долей той власти, которой будет наделен в социалистическом обществе центральный планирующий орган³⁹.

«Почему к власти приходят худшие?»

В одной из наиболее известных глав своей книги Хайек утверждал, что в рамках системы, где политическая власть контролирует все, наверх прорываются те, кто умеет применять политическую власть. Поэтому то, что во главе СССР, Третьего рейха и фашистской Италии оказались жестокие диктаторы — Сталин, Гитлер и Муссолини, — не было случайностью или следствием простого стечения обстоятельств. Это был предсказуемый результат попыток навязать централизованный план людям, желавшим осуществлять разнообразные собственные планы:

Есть все основания полагать, что худшие проявления существующих ныне тоталитарных систем вовсе не являются случайными, что рано или поздно они возникают при любом тоталитарном правлении. Подобно тому как государственный деятель, обратившийся в условиях демократии к практике планирования экономической жизни, вскоре оказывается перед альтернативой — либо переходить к диктатуре, либо отказываться от своих намерений, так же и диктатор в условиях тоталитаризма должен неминуемо выбирать между отказом от привычных моральных принципов и полным политическим фиаско. Именно поэтому в обществе, где возобладали тоталитарные тенденции, люди нещепетильные, а попросту говоря беспринципные, имеют гораздо больше шансов на успех⁴⁰.

В этой связи Хайек цитирует едкое замечание экономиста Фрэнка Найта: «Вероятность, что у власти при этом окажутся люди, которым противна сама эта власть, приблизительно равна вероятности того, что человек, известный своей добротой, получит место надсмотрщика на плантации»⁴¹.

Трагедия централизованного планирования: непреднамеренные политические последствия

Хайек предупреждал благонамеренных сторонников централизованного экономического планирования (книгу он вполне искренне посвятил «социалистам всех партий»), веривших, как и Кейнс с Манхеймом, будто планирование есть способ *сохранить* основы свободы, что логика такого планирования приведет к результатам, прямо противоположным тем, на которые они рассчитывали:

...Многие, отвергая нацизм как идеологию и искренне не приемля любые его проявления, руководствуются при этом в своей деятельности идеалами, воплощение которых открывает прямую дорогу к ненавистной им тирании... Едва ли кто-нибудь сомневается в том, что мы должны двигаться к социализму... И если люди, чья убежденность является опорой этого движения, начнут разделять сомнения, которые сегодня высказывает меньшинство, разве не отшатнутся они в ужасе от мечты, волновавшей умы в течение полувека, не откажутся от нее? Можно ли представить себе большую трагедию, если мы, пытаясь сознательно решить вопрос о будущем и ориентируясь на высокие идеалы, невольно создадим в реальности полную противоположность того, к чему стремимся?⁴²

Дискуссия об экономическом расчете при социализме привела Хайека к выводу, что централизованное планирование не принесет того процветания, которого хотят люди. А политическая логика говорила ему, что этот провал, скорее всего, приведет не к отказу от планирования, а к еще большим усилиям в этом направлении — усилиям, оставляющим все меньше выбора людям в их роли потребителей, работников и граждан.

Для Хайека «отвергнутый путь» — это индивидуализм и классический либерализм с их основополагающими принципами свободы выбора, верховенства закона и частной собственности. Свобода выбора означает, что «организуя ту или иную область жизнедеятельности, мы должны максимально опираться на спонтанные силы общества и как можно меньше прибегать к принуждению». Верховенство закона — в отличие от верховенства людей, воплощенного в сотрудниках центральных плановых органов с широкими дискреционными полномочиями, — состоит в том, что «правительство ограничено в своих действиях заранее установленными гласными правилами». В том, что касается частной собственности, Хайек подчеркивал важнейшую роль *рассредоточенного* владения имуществом в создании возможностей для конкуренции:

Наше поколение напрочь забыло простую истину, что частная собственность является главной гарантией свободы, причем не только для тех, кто владеет этой собственностью, но и для тех, кто ею не владеет. Лишь потому, что контроль над средствами производства распределен между многими не связанными между собой собственниками, никто не имеет над нами безраздельной власти, и мы как индивиды можем принимать решения и действовать самостоятельно⁴³.

Здесь Хайек увязывает доводы в защиту индивидуализма с концепцией «рассеянного» знания, о котором он говорит и в статье «Использование знания в обществе», опубликованной в 1945 году и рассмотренной нами в главе 2. Индивидуализм, согласно его представлению,

отталкивается от того, что способности человеческого воображения, бесспорно, ограничены, что поэтому любая частная шкала ценностей является малой частицей во множестве всех потребностей общества и что поскольку, грубо говоря, сама по себе шкала ценностей может существовать только в индивидуальном сознании, постольку она является ограниченной и неполной. В силу этого индивидуальные ценностные шкалы различны и находятся в противоречии друг с другом. Отсюда индивидуалист делает вывод, что индивидам следует позволить в определенных пределах следовать скорее своим собственным склонностям и предпочтениям, нежели чьим-то еще, и что в этих пределах склонности индивида должны иметь определяющий вес и не подлежать чьему-либо суду. Именно это признание индивида верховным судьей его собственных намерений и убеждений, признание, что постольку, поскольку это возможно, деятельность индивида должна определяться его склонностями, и составляет существо индивидуалистической позиции⁴⁴.

Как была встречена книга

Быстрый успех «Дороги к рабству» у читающей публики больше всего удивил самого Хайека. Хотя книга адресовалась в первую очередь британской аудитории, в США, по данным издательства Чикагского университета, было продано 300 000 экземпляров. Редакция популярного американского журнала Reader's Digest (тогда его тираж составлял примерно 8,75 миллиона экземпляров!) включила сокращенный вариант «Дороги к рабству» объемом в 20 страниц в апрельский номер 1945 года, а затем получила заказы на миллион с лишним репринтных экземпляров. Журнал Look опубликовал еще более сокращенный вариант на 18 страницах, иллюстрированный комиксами (!), который затем переиздала и распространила большим тиражом корпорация General Motors⁴⁵. В 1945 году Хайек отправился в турне по США, выступая в переполненных аудиториях и эфире радиостанций.

В долгосрочной перспективе влияние книги также оказалось значительным. Историк Джордж Х. Нэш констатировал, что в Америке она послужила объединению «тех, кто считал своим поражением» политические успехи «нового курса» Франклина Д. Рузвельта. При этом он подчеркнул: «Тот факт, что в качестве лидера им пришлось полагаться на профессора-австрийца, свидетельствует о сокрушительности этого поражения и о слабости влияния либертарианской мысли в тогдашней Америке»⁴⁶. Эта книга, появившаяся в тот момент, когда интеллектуальная поддержка рыночной экономики была на спаде, стала катализатором возрождения классической либеральной мысли. Милтон и Роуз Фридман отмечали: «Вышедшая в 1944 году „Дорога к рабству“ Хайека была, пожалуй, первым реальным наступлением на преобладающую идейную позицию»⁴⁷. Журналист Генри Хэзлитт приравнивал книгу по ее значению для классического либерализма к всемирно известному эссе Джона Стюарта Милля «О свободе»⁴⁸. Ее прочли тогда еще молодые Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган (в будущем британский премьер-министр и президент США) — позднее они говорили, что эта книга оказала большое влияние на их образ мысли. В годы холодной войны «Дорога к рабству» распространялась подпольно, в самиздатовских экземплярах, в Восточной Европе, находящейся под контролем СССР. Совет экспертов, собранный консервативным политическим журналом National Review, поставил ее на 4-е место в списке «Ста лучших научных, научно-популярных и документальных книг XX века»⁴⁹.

В 2007 году было опубликовано академическое издание «Дороги к рабству» под редакцией Брюса Колдуэлла. Электронное издание для Kindle, вышедшее в мае 2009 года, стало бестселлером номер один из числа всех книг, выпущенных в этом формате издательством Чикагского университета. Наконец, что еще более примечательно, в 2010 году после часового обсуждения книги в ток-шоу Гленна Бека для кабельного телевидения ее издание в мягкой обложке в течение первых десяти дней июня занимало первое место в списках бестселлеров, продаваемых Amazon и Barnes & Noble.

В 40-х годах XX века первая реакция на книгу со стороны интеллектуалов-прогрессистов и социалистов была, естественно, в основном враждебной. Они рассматривали ее как реакционный выпад против современного мышления, против бесспорного, как они считали, принципа, согласно которому экономика должна находиться под рациональным управлением, осуществляемым экспертами. Позднее Хайек задумчиво заметил: «[Книга] практически полностью дискредитировала меня в профессиональных кругах».

Британский экономист и член Лейбористской партии Барбара Вутон в 1945 году посвятила ей уважительный критический обзор в объеме целой книги, озаглавленной «Свобода в условиях планирования»⁵⁰. Вутон признала «возможность конфликта... между свободой и другими достойными социальными целями», соглашаясь с тем, что централизованное планирование может обернуться ограничением прав потребителей и работников. Честер И. Барнард в рецензии на книгу Вутон, опубликованной в *Southern Economic Journal*, заметил, что, несмотря на критический тон, «она по сути подтверждает тезис Хайека»⁵¹.

Самым резким был отзыв Германа Файнера, опубликовавшего в 1945 году книгу «Дорога к реакции». Она начиналась такой фразой: «„Дорога к рабству“ Фридриха А. Хайека представляет собой самую зловещую за много десятилетий атаку на демократию, осуществленную в демократической стране». Во вполне стандартной манере аргументации Хайека в пользу конституционных ограничений, налагаемых на действия демократического государства ради защиты свободы личности, Файнер усмотрел «чисто гитлеровское презрение к демократическому человеку, идеально сформулированное Хайеком»⁵². На самом деле Хайек, как явствует из его письма Уолтеру Липпману, намеревался *защитить* конституционную демократию от того, что он считал антидемократическими тенденциями, порождаемыми централизованным планированием. В своей книге он четко выразил эту озабоченность:

Если «капитализм» подразумевает существование системы свободной конкуренции, основанной на свободном владении частной собственностью, то следует хорошо уяснить, что только внутри подобной системы и возможна демократия. Если в обществе возобладают коллективистские настроения, демократии с неизбежностью приходит конец... Конфликт между демократией и планированием возникает оттого, что демократия препятствует ограничению свободы и становится таким образом главным камнем преткновения на пути развития плановой экономики⁵³.

Романы британского писателя Джорджа Оруэлла «Скотный двор» (1945) и «1984» (1948), вышедшие вскоре после книги Хайека, ярко показывающие опасность тирании при тотальном государственном контроле, во многом дополняют тезисы Хайека. В собственной рецензии на «Дорогу к рабству» Оруэлл дает ей взвешенную характеристику. Он согласен, что «в своей

негативной части тезис профессора Хайека содержит в себе большую долю истины. Следует неустанно повторять — или как минимум намного чаще, чем это делается, — что коллективизм не демократичен по своей сущности, а, напротив, дает тираническому меньшинству власть, о которой не могли мечтать даже испанские инквизиторы». Однако Оруэлл, веривший в демократический социализм, не принял аргументы Хайека в пользу свободного рынка: «Возврат к „свободной“ конкуренции для огромного числа людей обернулся бы, пожалуй, еще худшей тиранией, чем тирания государства, поскольку она была бы еще более безответственной»⁵⁴.

Кейнс тоже оценил книгу неоднозначно. Его часто цитируемое письмо Хайеку начинается со слов: «По-моему, это великолепная книга... Вряд ли вы стали бы ожидать, что я соглашусь со всеми суждениями об экономике, которые в ней содержатся. Но в моральном и философском плане я согласен буквально со всем, и это не просто согласие, но и глубокое эмоциональное сочувствие». Далее, однако, Кейнс полностью отвергает главный довод Хайека:

Ваша аргументация строится на весьма сомнительном допущении, что планирование не является более эффективным. Однако с чисто экономической точки зрения оно как раз, вероятнее всего, эффективно...

Я бы сказал, что, если исходить из моих идей, вы сильно недооцениваете практическую осуществимость срединного пути. Но как только вы признаете, что крайности неосуществимы и что следует провести черту, вы входите в противоречие с собственными доводами, поскольку вы пытаетесь убедить нас, что стоит хоть на дюйм продвинуться в сторону планирования, мы неизбежно оказываемся на скользкой наклонной плоскости, которая со временем приведет в пропасть.

Поэтому я бы завершил вашу тему совершенно по-другому. Я бы сказал, что нам нужно не отсутствие планирования и даже не меньше планирования, а почти наверняка больше. Но планирование должно осуществляться в обществе, где как можно больше людей — лидеров и тех, кто за ними следует, — полностью разделяет вашу моральную позицию. Умеренное планирование не несет никакой опасности, если те, кто им занимается, верно ориентированы разумом и сердцем по отношению к этому моральному вопросу...

Таким образом, нам, на мой взгляд, нужно не менять наши программы, что на практике привело бы лишь к разочарованию в вашей философии, но, скорее всего, напротив, их расширять... В обществе, которое мыслит и чувствует правильно, можно без какого-либо риска предпринимать даже опасные действия, которые, если бы их осуществляли те, кто мыслит и чувствует неправильно, стали бы дорогой в ад⁵⁵.

Таким образом, Кейнс отверг доводы Хайека, что централизованное планирование неспособно даже приблизиться по эффективности к рынку, что частичное планирование в долгосрочном плане неустойчиво и что политическая программа централизованного планирования обладает не-

устранимо присущей ей динамикой, ведущей в направлении всеобъемлющего контроля, какими бы благонамеренными и «правильно мыслящими» ни были первоначально те, кто осуществляет эту программу. Будучи одним из главных консультантов британского министерства финансов, Кейнс отмахнулся от данного Хайеком объяснения того, почему «к власти приходят худшие».

Кейнс и другие критики обвиняли Хайека в том, что он описывает тенденцию к тирании как неизбежную, — как выразился Кейнс, «стоит хоть на дюйм продвинуться в сторону планирования, мы неизбежно оказываемся на скользкой наклонной плоскости, которая со временем приведет в пропасть», — а подобное мнение явно ошибочно, учитывая, что заигрывания с планированием в Великобритании ни к какой тирании не привели. Хайек возражал, говоря, что он выступил лишь с предостережением, а не с безусловным пророчеством. Он предупреждал, что *если путь к центральному планированию будет пройден до логического конца, то он приведет Великобританию к рабству, как привел Германию и Россию*. В 1977 году, отвечая на вопрос интервьюера: «Двигается ли Великобритания необратимо по дороге к рабству?» — он заметил: «Нет, о необратимости речи не идет. Это недоразумение. „Дорога к рабству“ замышлялась как предостережение: „Если вы не вернетесь на путь истинный, то отправитесь ко всем чертям“. В послевоенные годы Великобритания и другие европейские социальные государства, какой бы тяжелой ни была налоговая нагрузка на их граждан, „встали на путь истинный“ в том смысле, что они отошли от централизованного планирования и в основном передали управление производством обратно в ведение частных предпринимателей и системы цен».

Рецензии на книгу в научных журналах были разноречивы. Йозеф Шумпетер в 1946 году высоко оценил ее на страницах *Journal of Political Economy*. Артур С. Пигу в 1944 году неоднозначно отозвался о ней в *Economic Journal*. Коллега Хайека по Лондонской школе экономики Эван Дарбин в 1945 году опубликовал в том же *Economic Journal* пространную статью-рецензию, где в весьма уважительной форме разъяснял, почему он «и другие сторонники демократического социализма» отвергают «мощный призыв [Хайека] отказаться от нашей веры в институты плановой экономики»⁵⁶. Чарльз Мерриам, занимавшийся планированием во время войны, резко раскритиковал «Дорогу к рабству» в 1944 году в *American Journal of Sociology* (1944)⁵⁷. В 1945 году *American Economic Review* опубликовал рецензии, содержащие противоположные оценки, что было крайне нехарактерно для этого журнала. В «Примечании редактора» пояснялось: «Учитывая идеологический характер книги профессора Хайека и большой интерес к ней, мы сочли целесообразным напечатать две рецензии на нее, написанные с разных точек зрения». Положительный отзыв принадлежал Аарону Дайректору, отрицательный — Эрику Роллу.

Политическая реакция на книгу в Британии

На политической арене лидер консервативной партии Великобритании Уинстон Черчилль в своем предвыборном выступлении 4 июня 1945 года в заостренной форме изложил довод Хайека об опасности социализма для гражданских свобод:

Ни одно социалистическое правительство, руководя всей жизнью и промышленностью страны, не сможет позволить себе допустить свободных, острых или резко сформулированных проявлений общественного недовольства. Ему придется в той или иной форме прибегнуть к созданию гестапо, которое поначалу, несомненно, будет иметь весьма гуманную направленность. Оно будет душить другие мнения в колыбели, пресекать критику, если она поднимет голову, оно сосредоточит всю власть в руках господствующей партии и ее руководства, которые будут, словно величественные горные пики, возвышаться над гигантской бюрократией, состоящей из гражданских служащих — на деле уже не гражданских и не служащих⁵⁸.

На следующий день глава лейбористской партии Клемент Эттли в своем выступлении высмеял заявление Черчилля, назвав его «пересказом из вторых уст научных взглядов австрийского профессора Фридриха Августа фон Хайека, сегодня весьма популярного в консервативной партии и снабжающего ее идеями». Ремарка о «гестапо», которую применительно к Великобритании сочли неумеренным и даже абсурдным преувеличением, возможно, способствовала убедительной победе Эттли над Черчиллем на выборах. В следующей главе мы расскажем, как, придя к власти, лейбористская партия под руководством Эттли приступила к реализации своего варианта социалистической политики.

Послевоенный британский социализм и Фабианское общество

Когда Клемент Эттли повел лейбористскую партию Великобритании на всеобщие выборы 1945 года, где ей предстояло бороться с консерваторами и Уинстоном Черчиллем, пост председателя партии занимал Гарольд Ласки, отношение к которому было неоднозначным. Ласки был политологом, профессором Лондонской школы экономики — его кабинет находился рядом с кабинетом Ф.А. Хайека — и одним из ведущих интеллектуалов-социалистов в стране. Когда в ряде газетных публикаций появились сообщения о вроде бы одобрительных высказываниях Ласки по поводу экономической системы СССР и сталинского правления, Эттли это не понравилось. Победив на выборах с большим преимуществом, новоиспеченный премьер-министр Эттли сообщил журналистам, что политические решения будет принимать он, а не профессор Ласки¹. *New York Times* тут же опубликовала сообщение об этом под ироническим заголовком «Британией не будут управлять интеллектуалы».

После завершения предвыборной кампании профессор Ласки подал в суд на британскую газету *Daily Express*, утверждая, что в ее статьях он был клеветнически обвинен в подстрекательстве к насильственной революции. В ходе процесса Ласки пришлось провести несколько часов на свидетельской трибуне, объясняя содержание своих выступлений и научных работ, поскольку адвокат газеты одно за другим зачитывал его высказывания, по форме свидетельствовавшие о поддержке профессором такой революции. Присяжные, получив от судьи указание, что они могут трактовать слова Ласки в соответствии с их общепринятым смыслом, вынесли вердикт, что клеветы в адрес Ласки не было².

Всеобщие выборы 1945 года

В предвыборном манифесте лейбористской партии 1945 года, озаглавленном «Смотреть в будущее», декларировалось намерение инициировать «учреждение Социалистической республики Великобритания», государства, которое будет «заниматься всеобъемлющим планированием», «твердо и конструктивно управлять всем нашим производственным аппаратом». В случае

победы лейбористов, согласно их программе, «социальные приоритеты» для «плановых инвестиций в важнейшие отрасли, а также в жилье, школы, больницы и общественные центры... будет определять Национальный совет по инвестициям»³. Эти обещания нельзя назвать совершенно новыми. За «общенациональное планирование» в той или иной форме лейбористы выступали по меньшей мере со времен своего предвыборного манифеста 1934 года. А приверженцами «общественной собственности на средства производства» они стали еще в 1918 году⁴. В ходе предвыборной кампании 1945 года партия апеллировала к тому, что планирование во время войны обеспечило победу над врагом. Позднее политик-лейборист Тони Бенн (член парламента с 1950 по 2001 год) кратко выразил суть дела следующим образом: «Мы были убеждены, что если можем заниматься планированием для войны, то сможем делать это и для мира»⁵.

Бенн объяснял, почему кандидат от лейбористов на пост премьер-министра Клемент Эттли отвергал рыночную экономику:

Эттли... видел ужасную нищету, и он сказал: «Взглянем на мир вокруг и спросим себя, в чем причина проблем? Все они вызваны частной собственностью на средства производства, распределения и обмена». И в предвыборном манифесте 1945 года он заявил, что спады в предвоенные годы не были стихийным бедствием; они стали результатом того, что слишком много власти было сосредоточено в руках немногих, которые действовали как государство в государстве, а потому нам надо взять свое будущее в собственные руки»⁶.

Другой представитель лейбористской партии, долгое время (с 1945 по 1979 год) бывший депутатом парламента, — Барбара Касл, чья авторизованная биография получила название «Красная королева», — также считала причиной циклических колебаний в эпоху Великой депрессии отсутствие централизованного планирования в рыночной экономике:

Люди внезапно осознали тот факт, что неограниченная рыночная экономика — это именно то, за что она себя выдает. Никто не знает и не интересуется тем, что делают другие. Все кругом предаются всеобщему разгулу, и вдруг всё начинает рушиться из-за отсутствия централизованного планирования, единого мозга, который управлял бы всем этим... Когда множество людей занимаются этим без оглядки на то, как их действия отражаются на всех остальных, все это не может работать, и оно не сработало, все просто остановилось⁷.

Лейбористы у власти

Касл описывает намерения лейбористов после убедительной победы на всеобщих выборах 1945 года следующими словами: «Мы ставили себе задачу обеспечить, чтобы эта система справедливого распределения, планирования и контроля сохранилась и после войны, и, одержав победу, мы именно

это и сделали». Что касается «справедливого распределения» (то есть государственного рациионирования) и контроля, то это было правдой. Контроль над ценами и рациионирование потребительских товаров сохранялись после войны на протяжении ряда лет. Рациионирование отпуска одежды и мебели было отменено только в 1948 и 1949 годах. Карточки на продукты питания были полностью упразднены лишь в 1954 году; рациионирование угля продолжалось до 1958 года. Лейбористы не просто считали контроль над ценами и рациионирование справедливыми мерами, они видели в этом способ подавления инфляции. В докладе, подготовленном для военного кабинета, желавшего получить рекомендации по поводу экономической политики после войны, А.С. Пигу утверждал, что быстрая отмена контроля над ценами после Первой мировой стала причиной послевоенной ценовой инфляции и экономического цикла «бум — спад — стагнация»⁸.

Кроме того, правительство Эттли оставило в силе введенные в годы войны меры валютного контроля, ограничивая обмен британских фунтов на доллары. Фиксированный курс британской валюты по отношению к американской был слишком высок, чтобы удовлетворить весь спрос на доллары в обмен на фунты без истощения долларовых резервов государства. Валютный контроль на практике приводил к ограничению экспорта финансового капитала и импорта товаров и услуг. К тому же импорт большинства товаров лимитировался квотами. Правительство напрямую распределяло такие материалы, как сталь и древесина. При таком распределении преимущество получали национализированные и экспортные отрасли промышленности, а также государственное жилищное строительство. Контроль над распределением стали сохранялся до 1950 года, а после отмены был вновь введен на короткое время в 1952–1953 годах⁹.

Однако утверждение Касл о сохранении планирования было некоторым преувеличением. В реальности централизованные мероприятия по управлению аллокацией ресурсов в мирное время по аналогии с тем, как это делалось во время войны, так никогда и не были реализованы¹⁰. Впрочем, некоторые лейбористы пытались добиться такого планирования. В правительстве Эттли существовала организованная группа экономистов, называвших себя «госплановцами» (Gosplanners) — по названию советского центрального планового органа — хотя система планирования, за которую они выступали, не была столь всеохватной, как в СССР. Но по своему влиянию они уступали соперничающей группе, которую они называли «термостатовцами» (Thermostatters), — ее лидером был экономист Джеймс Мид, и она отдавала предпочтение кейнсианскому управлению совокупным спросом без детального планирования производства. Сам Мид называл свою фракцию «либерал-социалистами»¹¹.

В 1947 году правительство Эттли все же создало Совет по экономическому планированию (Economic Planning Board), Центральный штаб по экономическому планированию (Central Economic Planning Staff, CEPS) во главе с главным планировщиком (chief planner) и Комитет по инвестиционным программам (Investment Programmes Committee, IPC). Однако Совет представлял

собой лишь консультативный совещательный орган, а CEPS и IPC главным образом занимались государственным бюджетом и государственными предприятиями¹². Их деятельность не привела к «общему вытеснению частного предпринимательства как источника экономических решений», что заявлялось в качестве цели главным теоретиком лейбористской партии в области планирования Эваном Дурбином¹³.

По мнению Стивена Брука, введение всеобъемлющего планирования в экономике частично блокировалось лидерами профсоюзов, представлявшими влиятельную часть лейбористской партии, которые не соглашались с «политикой планирования оплаты труда» в качестве инструмента аллокации трудовых ресурсов. При этом Эван Дурбин отвергал аллокацию труда, не основанную на заработной плате (то есть принудительную)¹⁴. В этом смысле он следовал обещанию, данному в критическом обзоре «Дороги к рабству» Хайека (см. главу 6), что планирование *не* приведет к ограничению выбора для работников и потребителей. Если книга Хайека и сыграла некоторую скромную роль в победе лейбористов (за счет реакции избирателей на нескладное изложение Черчиллем содержащихся в ней аргументов в своих предвыборных выступлениях), то она или ее автор через влияние на Дурбина, коллегу Хайека по Лондонской школе экономики, вероятно, сыграли определенную роль и в сдерживании активности партии по внедрению планирования после прихода к власти.

Лейбористская программа национализации обеспечила правительству Великобритании существенный контроль над командными высотами экономики. При Эттли парламент национализировал черную металлургию, внутренние перевозки (железные дороги, авиацию, грузовые автомобильные компании, каналы), топливно-энергетические компании (угольные, газовые, электроэнергетические) и телекоммуникационную фирму Cable and Wireless. (Телефонная связь к тому времени уже была национализирована и подчинена почтовой службе.) Посредством создания Национальной службы здравоохранения была проведена национализация больниц и большинства других учреждений медицинской помощи. Несмотря на заявление, содержавшееся в предвыборном манифесте лейбористов, что партия «убеждена в необходимости национализации земли и будет действовать в этом направлении», земля национализирована не была. Тем не менее правительство ввело систему «планирования городской и сельской застройки» (Town and Country Planning)¹⁵. Оно также национализировано Банк Англии — правда, он уже давно контролировался государством, лишь номинально находясь в частной собственности, — но не стало этого делать с коммерческими банками. Не перешла в руки государства и сахарная промышленность, чему способствовала популярная рекламно-пропагандистская кампания фирмы Tate & Lyle, в которой рисованный персонаж «мистер Кубик энергично зачеркивал приписанную к названию „Tate“ букву „S“, чтобы оно не превратилось в „State“ [государство]» (см. рис. 7.1)¹⁶.

Национализированные предприятия по образцу созданной в 1927 году British Broadcasting Corporation и компании London Transport были

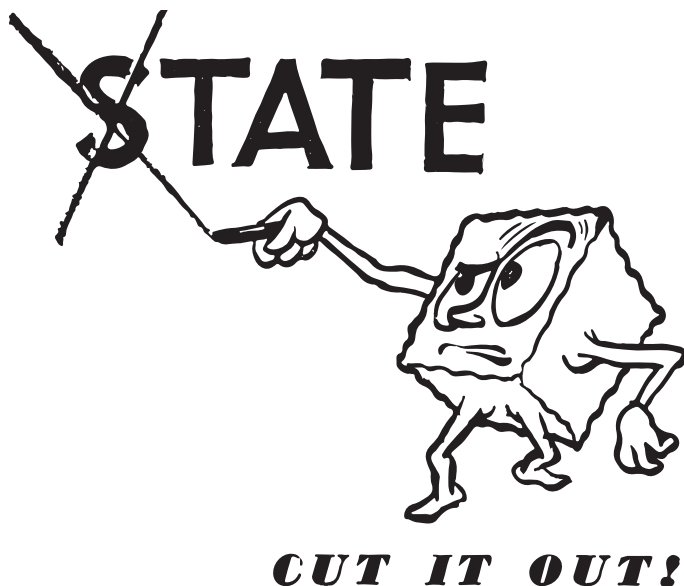

Рисунок 7.1. Мистер Кубик против национализации сахарорафинадной фирмы Tate and Lyle

Источник: Cole G.D.H. Fabianism // Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. by E.R. A. Seligman. London: Macmillan, 1932

преобразованы в государственные корпорации под руководством назначаемых правительством советов управляющих. Всего в этих отраслях было занято до 20% британских наемных работников¹⁷.

Укорененность политики лейбористов в фабианском социализме

Послевоенная лейбористская программа национализации стала плодом многих десятилетий интеллектуальной активности Фабианского общества — движения сторонников демократического социализма, лидерами которого долгое время были Сидней Вебб, Беатриса Вебб и Джордж Бернард Шоу¹⁸. В результате победных для лейбористов выборов 1945 года в парламент было избрано более двухсот членов Фабианского общества. Прилагательное «фабианский», означавшее «постепенный» в противоположность «революционному», было производным от имени Квинта Фабия Максима — римского полководца, стратегия которого состояла в ослаблении вторгшегося в Римскую республику карфагенского войска Ганнибала путем войны на истощение, без генерального сражения. Фабианское общество, объяснял Дж.Д.Х. Коул, один из его лидеров в 30–50-х годах, — придерживалось

«эволюционного и поэтапного подхода» к экономическим реформам, «ожидая, что социализм наступит в результате полной реализации всеобщего избирательного права и представительного правления»¹⁹.

Фабианское общество было основано в 1883 году. Оно откололось от группы социалистов-утопистов, чтобы сосредоточиться на постепенных политических реформах, разработке и пропаганде привлекательных предложений социалистического характера. Годом позже к нему присоединились Сидней Вебб и Бернард Шоу — именно они стали идейными лидерами общества. Первым трудом Фабианского общества, вызвавшим большой общественный резонанс, стал сборник «Фабианские очерки о социализме» (1889), авторами которого были Шоу, Вебб и другие фабианцы. Вскоре у общества появился третий лидер — Беатриса Вебб, в девичестве Поттер, вступившая в его ряды в 1891 году, а годом позже ставшая женой Сиднея. С 80-х годов XIX по 30-е годы XX века общество издало более двухсот «Фабианских трактатов», где широкой публике разъяснялись всевозможные изъяны капитализма и разнообразные преимущества социализма. Вот некоторые характерные названия: «Законопроект о восьмичасовом рабочем дне» (1890. № 9), «Осуществимая на деле национализация земли» (1891. № 12), «Социализм: подлинный и мнимый» (1894. № 51), «Доводы в пользу государственных пенсий по старости» (1899. № 73), «Жилье для народа» (1899. № 76), «Покупка государством железных дорог» (1910. № 150), «Национальная медицинская служба» (1911. № 160). Сегодня общество называет себя «ведущим левоцентристским аналитическим центром Великобритании» и официально аффилировано с лейбористской партией.

Сидней и Беатриса Вебб

Сидней Джеймс Вебб (1859–1947) в 1892 году женился на Марте Беатрисе Поттер (1858–1943) (которую не следует путать с Беатрис Поттер (1866–1943), автором «Сказки о Питере-Кролике» и других детских книг). Детей у них не было. В 1895 году супруги Вебб основали Лондонскую школу экономики и политических наук (London school of Economics and Social Science, LSE), потратив на это около 20 тысяч фунтов стерлингов, пожертвованных Фабианскому обществу. Супруги активно участвовали в политической деятельности Фабианского общества и лейбористской партии. В 1913 году они начали издавать еженедельник *New Statesman*. За пятьдесят лет совместной жизни они написали в соавторстве множество книг, среди которых «История тред-юнионизма» (1894), «Производственная демократия» (1897), «Местное самоуправление в Англии» (в 9 томах, 1906–1929); «Английская политика в сфере законодательства о бедных» (1910); «Кооперативное движение» (1914); «Конституция Социалистической Республики Великобритании» (1920); «Упадок капиталистической цивилизации» (1923); «Методы социальных исследований» (1932); «Советский коммунизм: новая цивилизация?» (1935) и «Правда о Советской России» (1942)²⁰.

В 1900 году Сидней участвовал в создании лейбористской партии. В 1915–1925 годах он работал в аппарате партии, в 1922–1929 годах был депутатом парламента от лейбористов, а в 1929–1931-м входил в лейбористское правительство. Он был одним из авторов устава партии, принятого в 1918 году²¹. Статья IV устава, в которой одобрялась «общественная собственность на средства производства и наилучшая из возможных систем народного администрирования и контроля всех отраслей и услуг», оставалась в силе до 1995 года, пока в конце концов при Тони Блэре не была исключена из устава и заменена другой. Первая часть статьи утверждала приверженность партии социализму. Вторая оставляла открытым вопрос о его конкретной институциональной форме. Спектр возможных вариантов был весьма широк — от муниципальных кооперативов до национализации промышленности. Централизованное планирование в масштабе всей страны по советскому образцу в 1918 году еще не было элементом лейбористской концепции социализма. Эта идея будет взята партией на вооружение лишь в начале 30-х²².

Предвыборный манифест 1918 года под названием «Труд и новый общественный строй» тоже был в основном написан Сиднеем Веббом. Таким образом, как отмечает историк Ричард Тойе, «к концу Первой мировой войны именно фабианцам удалось наложить на лейбористскую партию свой идеологический отпечаток»²³. Манифест содержал подробную программу реформ, состоящую из четырех частей. Во-первых, государство должно гарантировать всем гражданам минимальный уровень личных доходов, то есть «обеспечить каждому члену общества (а не только сильным и способным, родившимся в хорошей семье и удачливым) все атрибуты здоровой жизни и гражданского достоинства как в благополучные, так и в трудные времена». Оно также должно установить максимальную продолжительность рабочей недели в 48 часов, обязать «целенаправленно и систематически бороться с безработицей» с помощью проектов общественных работ и предоставлять страхование на случай безработицы. Во-вторых, манифест призывал к «подлинно научной реорганизации промышленности страны на основе общественной собственности на средства производства и без искажений, вносимых частным стремлением к наживе». Начало обобществлению должна была положить «немедленная национализация железных дорог, шахт и производства электроэнергии», продолжить его должна была национализация «каналов... портов и дорог, почты, телеграфа и, разумеется, крупных пароходств», а затем «при возникновении соответствующих возможностей должен быть осуществлен переход к общественной собственности на землю нашей страны». И вообще, «прочие основные отрасли, особенно те, где сейчас происходит монополизация, следует национализировать по мере возникновения благоприятных возможностей для этого». Национализированные отрасли должны были управляться «с участием организованных рабочих в менеджменте как на местах, так и в центре». В-третьих, время подоходного налога должно быть более тяжелым для лиц, чей доход превышает минимальный уровень. Эта мера должна была быть дополнена «соответствующим прямым налогообложением ценности земли», а именно

обложением «арендной ценности земель более высокого качества, чем наилучшие из обрабатываемых участков (superior to the margin of cultivation)». Что касается налога на наследство, то предлагалось «изменить его ставки, собирать его гораздо строже и серьезно увеличить». В-четвертых, государство должно экспроприировать «избыточное богатство»²⁴.

Манифест лейбористской партии, как отмечает Стэнли Шапиро, был изучен и высоко оценен «буквально всеми прогрессистскими печатными органами» в США, и прежде всего журналом *New Republic*, «посвятившим тексту „Труд и новый общественный строй“ целый выпуск и напечатавшим его текст в качестве специального приложения». Периодические издания американских профсоюзов тоже присоединились к хвалебному хору²⁵. Лейбористский автор Норман Энджелл пропагандировал манифест для американской аудитории в своей книге «Британская революция и американская демократия: разъяснение программ британских лейбористов» (1919).

Помимо книг, написанных совместно с Беатрисой, и участия в сборнике «Фабрианские очерки о социализме» (1889), Сидней был автором трудов «Факты для социалистов» (1887), «Проблемы современной промышленности» (1898) и «Восстановление условий для деятельности профсоюзов после войны» (1917). Он зарабатывал на жизнь литературным и журналистским творчеством (дополнительным источником содержания для него было наследство, полученное Беатрисой), а затем занял должность профессора на кафедре государственного управления LSE, где проработал с 1912 по 1927 год.

Беатриса Вебб без соавторов написала работы «Кооперативное движение в Великобритании» (1891), «Оплата труда мужчин и женщин: должна ли она быть равной?» (1919) и две книги воспоминаний: «Мое ученичество» (1926) и «Наше партнерство» (1948).

Она входила в состав Королевской комиссии по законодательству о бедных (1905–1909) и в этом качестве подготовила вместе с Сиднеем «Особое мнение», в котором содержался призыв увеличить роль государства в помощи беднякам.

Критики отмечали явно наивное «романтическое увлечение» супругов Вебб русским коммунизмом, часто цитируя слова Беатрисы о том, что они «влюбились в Советский Союз»²⁶. В 1932 году они побывали в СССР. Вернувшись на родину, супруги Вебб написали книгу о том, что им показали и рассказали, — она вышла в 1935 году. В своей убийственно критической статье о западных «советофилах» 30-х годов историк Роберт Конквест писал:

Самую печальную известность, разумеется, приобрели дуаины западных общественных наук Сидней и Беатриса Вебб, которые поехали в Россию, увидели советскую систему и написали книгу «Советский коммунизм: новая цивилизация?», которая должна была стать фундаментальным научным трактатом на эту тему. Кстати, второе издание, опубликованное в разгар террора, вышло уже без вопросительного знака в заголовке.

Этот объемистый том ахинеи был по большей части основан на советских официальных документах, принимавшихся авторами на веру. По сути

дела, они были одурачены «потемкинским» бумаготворчеством, сообщавшим о «выборах», «профсоюзах», «кооперативах», статистике, всеми этими документами о мире под названием СССР²⁷.

Говоря о «терроре», Конквест имеет в виду сталинскую кампанию показательных процессов, казней, депортаций в сибирские лагеря и целенаправленно организованного голода²⁸. Всего этого супруги Вебб не заметили. Они хвалили советскую систему здравоохранения и образования, равноправие женщин в СССР. Они предсказывали, что советская «социально-экономическая система планового производства ради общественного потребления» распространится по всему миру. Они продолжили в том же духе в книге «Правда о Советской России» (1942), где выражали поддержку советскому режиму даже после сталинских чисток. Супруги Вебб назвали СССР «самой инклюзивной и эгалитарной демократией в мире», а жесткую диктатуру оправдывали заявлением, что «однопартийной системе нет альтернативы».

Джордж Бернард Шоу

Наибольшую известность Джордж Бернард Шоу (1856–1950) приобрел как драматург, автор пьес «Кандида» (1897), «Человек и сверхчеловек» (1902), «Майор Барбара» (1905), «Пигмалион» (1913) — на ее основе был создан мюзикл «Моя прекрасная леди» — и «Святая Иоанна» (1923). В 1925 году он получил Нобелевскую премию по литературе. Но, несомненно, гораздо больше он написал в качестве выдающегося фабианца, автора памфлетов и книг. В «Критике Маркса с позиций Джевонса» (1885) Шоу популяризировал критику марксистской теории экономистами-неоклассиками Уильямом Стэнли Джевонсом и Филипом Уикстидом, которые убедили его отвергнуть трудовую теорию ценности. О его роли в качестве одного из авторов книги «Фабианские очерки о социализме» (1889) мы уже упоминали. Много лет спустя он опубликовал «Путеводитель по социализму и капитализму для умных женщин» (1923) и «Очерки фабианского социализма» (1932).

Гарольд Дж. Ласки

Гарольд Дж. Ласки (1893–1950), занимавший с 1920 по 1950 год пост профессора политических наук в LSE, в 30-е годы был видным деятелем Фабианского общества и лейбористской партии²⁹. С 1922 по 1936 год он был членом исполнительного комитета Фабианского общества, с 1936 по 1948 год — членом исполнительного комитета лейбористской партии, а в 1945–1946 годах — его председателем. С возрастом взгляды Ласки становились все более радикальными. По словам его ученика и друга Ральфа Милибэнда, «до конца двадцатых Ласки был социалистом-фабианцем, а затем стал считать

себя марксистом»³⁰. В книге «Грамматика политики» (1925) Ласки изложил доводы фабианцев в пользу социализма. Уже в «марксистский период» он опубликовал книги «Свобода в современном государстве» (1930) и «Демократия в кризисе» (1933), в которых утверждал, что интересы корпораций угрожают демократии. Среди его последующих работ следует назвать книги «Размышления о революции нашего времени» (1943) и «Вера, разум и цивилизация» (1944). В рецензии на первую из них экономист Йозеф А. Шумпетер, незадолго до того опубликовавший «Капитализм, социализм и демократию» (1942), иронически отметил «с грустным сочувствием», что «на последних двухстах страницах книги разворачивается битва идеалов и партийных лозунгов с неохотно признаваемыми неопровержимыми фактами». Другой ученый-рецензент назвал книгу «Вера, разум и цивилизация» «исповеданием веры в русскую революцию» и добавил: «Для немарксистов самое тревожное в этой книге — то, что Ласки оправдывает террор в СССР»³¹.

Как и супруги Вебб, Ласки и Шоу были «романтически увлечены» советской системой. В 1942 году в письме к Беатрисе Вебб Ласки одновременно возмущался сталинскими зверствами и оправдывал их:

Я убежден, что главные изъяны — либо результат страха перед внешними силами, либо тяжелые болезни роста, вызванные навязыванием динамики современного индустриального государства отсталому, неграмотному населению. Цена необычайно велика, ошибки, даже преступления, огромны. И все же я верю, что если победа будет достигнута, то через пятьдесят лет выяснится, что эта цена оправданна³².

На деле через пятьдесят лет Советский Союз не только не достиг успеха, но и распался. В своей книге 1943 года Ласки критиковал подавление личных свобод в СССР, но в то же время утверждал, что «подлинный характер» большевизма — это «поиск демократии и свободы». Эти цели будут достигнуты, если только эксперимент «удастся проводить в атмосфере безопасности, избавив его от окружающих „источников напряженности“»³³. Джордж Оруэлл высмеивал Ласки за то, что тот пишет подобную «вредную чушь» об СССР, игнорируя «репрессии, ликвидации, диктатуру меньшинства, подавление критики и т.д.»³⁴.

Восхищение Ласки индустриализацией в СССР повлияло на многих индийцев, учившихся в LSE, которые позднее поддержали усилия премьер-министра Джавахарлала Неру по внедрению в Индии пятилетних промышленных планов советского образца. К этому сюжету мы вернемся в главе 10.

Уильям Беверидж

Еще один влиятельный фабианец, заслуживающий упоминания, — это Уильям Беверидж (1879–1963). С 1919 по 1937 год он был директором (то есть

ректором) LSE, и именно ему Хайек в 1933 году адресовал меморандум, который лег в основу «Дороги к рабству». На начальном этапе своей карьеры, в 1905–1909 годах, Беверидж вместе с Беатрисой Вебб входил в состав Королевской комиссии по законодательству о бедных и написал книгу «Безработица: проблема промышленности» (1909). Его важнейшим трудом, созданным под влиянием фабианских идей, стал доклад «Социальное страхование и связанные с ним услуги» (1942), более известный как «Доклад Бевериджа», — подготовленный в годы Второй мировой войны документ, ставший основой для послевоенных лейбористских реформ «социального страхования», создавших в Великобритании социальное государство. В книге «Полная занятость в свободном обществе» (1944) Беверидж отстаивал кейнсианскую макроэкономическую политику³⁵.

Взгляды фабианцев на экономическую историю

Фабианцы смотрели на конфликт между капитализмом и социализмом иначе, нежели Маркс и Энгельс. Маркс пророчил дальнейшее «обнищание» рабочего класса и считал, что социализм наступит в результате пролетарской революции. Он призывал к отмене частной собственности и установлению «диктатуры пролетариата». В своем представлении, что улучшить жизнь рабочих можно только пройдя через катаклизм, вызванный классовой борьбой, Маркс, судя по всему, руководствовался единственным образцом того, как происходят исторические изменения — Французской революцией. В противоположность этому позиция фабианцев основывалась на опыте ста лет, прошедших после этой революции. Дж.Д.Х. Коул кратко сформулировал ее следующим образом:

Вебб утверждал, что в XIX столетии экономическое положение рабочих улучшилось, продолжает улучшаться и следует ожидать его дальнейшего улучшения. Он рассматривал социальные реформы XIX века (в частности, фабричные законы, законы о горных промыслах, жилье и образовании) как зарождение социализма в рамках капиталистического общества. Законодательство об оплате труда, продолжительности рабочего дня и условиях труда, прогрессивном налогообложении доходов капиталистов он считал инструментами более справедливого распределения богатства и полагал, что последующие шаги к социализму должны состоять в таких социальных реформах, как установление общественной собственности и управления в промышленности и производстве услуг³⁶.

По мнению фабианцев, эти реформы должен был проводить не пролетариат, а специалисты по экономическим и социальным вопросам. Социализм для них означал не мгновенную отмену частной собственности, а постепенный переход к государственной собственности на средства производства.

Фабрианская экономическая теория и рикардианская теория ренты

Отправной точкой для фабрианской экономической теории, как и для марксистской, стала классическая теория распределения, разработанная Давидом Рикардо. Но если Маркс выводил тезис об эксплуатации рабочего класса из трудовой теории ценности, то фабрианцы основывали свой тезис об эксплуатации всех неземлевладельческих классов на рикардианской теории ренты. Джордж Бернард Шоу в лекции, прочитанной в 1913 году, называл свое знакомство с «законом ренты Рикардо» как первое из доказательств своей квалификации в качестве «настоящего политэконома»³⁷.

Согласно объяснению Рикардо, рента, получаемая с более плодородного участка земли, представляет собой плату за доступ к его большей производительности по сравнению с наименее плодородным из используемых участков. Используемые участки «маржинального» качества, или наименее производительные, не приносят ренты, поскольку доступно много таких участков даже при нулевой ренте. Лучшие земли из-за большего плодородия или более удачного расположения дают больше дохода при том же количестве затрачиваемого труда и капитала, а потому их владелец может за них потребовать и получить дифференциальную ренту. Рикардо писал:

Рента — это та доля продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы. <...> Если бы вся земля имела одинаковые свойства, если бы она имелась в неограниченном количестве и была однородна по качеству, то за пользование ею нельзя было бы брать плату, за исключением тех случаев, когда она отличается особенно выгодным положением. Следовательно, рента всегда платится за пользование землей только потому, что количество земли не бесконечно, а качество ее неодинаково, с ростом же населения в обработку поступает земля низшего качества или расположенная менее удобно. Когда с развитием общества поступает в обработку земля второго разряда по плодородию, на земле первого разряда тотчас возникает рента, и величина этой ренты будет зависеть от различия в качестве этих двух участков³⁸.

Теория Рикардо стала предшественницей разработанной впоследствии экономистами-неоклассиками более общей теории доходов от факторов производства (то есть заработной платы, земельной ренты и арендной платы за оборудование), основанной на понятии «предельной производительности».

От теории ренты Рикардо остается всего один небольшой шаг до утверждения, что получающий ренту землевладелец не вносит никакого личного вклада в производство, не считая связанных с затратами мероприятий по улучшению своего участка, которые он мог осуществить. Если соединить эту позицию с нормативным представлением, что владение выгодным по своим природным свойствам участком земли представляет собой

ничем не заслуженное везение, то получится, что землевладелец вообще не заслуживает ничего. Рента от неулущенной земли представляет собой незаработанный доход. Если же речь идет о земельных участках в городах, то практически во всех случаях размер ренты определяется их местоположением. Поскольку земельная рента не является вознаграждением за усилия землевладельца, ее изъятие с помощью налогообложения не повлияет на количество доступных земель, их цену для арендаторов и способы ее использования. Поэтому лейбористская партия в манифесте 1918 года призывала, используя чисто рикардианские формулировки, к прямому налогообложению «арендной ценности земель более высокого качества, чем наихудшие из обрабатываемых участков».

Мыслителем, который сделал такие политические выводы из теории ренты Рикардо и тем самым больше всего повлиял на фабианцев, был Генри Джордж — популярный американский экономист и социальный реформатор. За первые десять лет после выхода его бестселлера «Прогресс и бедность» в 1879 году Джордж трижды побывал в Великобритании с лекционными турне, вызвавшими большой резонанс. Именно после одной из лекций Джорджа в Лондоне в 1882 году у Шоу пробудился интерес к экономическим реформам, а после знакомства с книгой Джорджа он стал социалистом. Вот как вспоминал об этом сам Шоу:

Я услышал человека, произносившего речь, и она изменила весь поток моей жизни... Результатом прослушивания его речи и покупки... «Прогресса и бедности»... стало то, что я... был захвачен великим социалистическим возрождением.

Шоу добавляет, что он «обнаружил, что пятеро из шести, захваченных одновременно со мной, были обращены в новую веру Генри Джорджем»³⁹. Сидней Вебб в 1890 году писал: «Нет никаких сомнений, что именно его книга „Прогресс и бедность“, вышедшая гигантским тиражом, дала толчок к превращению брожения различных влияний в широкое социалистическое движение»⁴⁰.

Генри Джордж

Генри Джордж (1839–1897) перепробовал немало занятий: он был моряком, инспектором на золотых приисках в Калифорнии, работал журналистом в Сан-Франциско и, наконец, в 1879 году написал книгу «Прогресс и бедность», общий тираж которой составил более трех миллионов экземпляров. Его отправной точкой стала теория ренты Рикардо: «Рента с земли определяется излишком производимого этой землей сравнительно с тем, что может быть получено при тех же усилиях с наименее производительных земель, находящихся в употреблении»⁴¹. Из теории Рикардо следовало, что по мере роста численности населения дифференциальная рента

должна повышаться, так как в оборот будут вводиться маргинальные земли все более низкого качества. Для Джорджа в этом был ключ к объяснению причин, по которым бедность сохраняется, несмотря на технический прогресс: «С ростом численности населения повышается ценность земли, и люди, которые ее обрабатывают, должны больше платить за эту привилегию»⁴². В результате все большая доля продукции развивающейся рыночной экономики выкачивается теми, кому повезло быть собственниками земли и природных ресурсов, в виде постоянно растущей рикардианской ренты, особенно связанной с удачным расположением участков вблизи городского центра.

Английский экономист Т.Э. Клифф Лесли оспаривал выводы Джорджа, указывая, что благодаря повышению производительности труда в расчете на одного работника рост численности населения может сопровождаться ростом заработной платы, и в Англии исторически наблюдается *именно такая* картина⁴³. Альфред Маршалл выступил с аналогичным возражением и другими критическими замечаниями⁴⁴. О значении идей Джорджа свидетельствует и длинный перечень других его видных критиков, включающий одного из ведущих американских экономистов-неоклассиков Джона Бейтса Кларка, назвавшего доводы Джорджа тем раздражителем, который побудил его к выработке теории предельной производительности для объяснения величины заработной платы и других видов дохода⁴⁵.

Бернард Шоу с энтузиазмом взял на вооружение критику Генри Джорджем земельной ренты как большого и постоянно растущего вычета из доходов рабочих. В первом абзаце Фабианского трактата № 13 «Что такое социализм» Шоу писал:

Англия сегодня находится в частной собственности... Цена, которую мы должны платить [за землю], повышается вместе с ростом населения: чем больше становится людей, тем выше будут их ценовые предложения в ходе конкуренции друг с другом за жилье и место для бизнеса... После того как выплаты в той или иной форме собственникам всей страны вычитаются из продукта труда рабочих, остаток, идущий на заработную плату, оказывается настолько мал, что если разделить его поровну на все семьи рабочих, каждой из этих долей... не хватит даже на безбедную жизнь, не говоря уже о сбережениях. Тем не менее имущие классы, не прилагая никакого труда, делят между собой достаточно, чтобы обеспечить... богатым семьям [во много раз больший доход]⁴⁶.

Исходя из теории ренты Рикардо, Генри Джордж пришел к выводу, что идеальным налогом, не оказывающим дестимулирующего влияния на производство, следует считать налог на ренту с неулучшенных земель (то есть на цену аренды земли за вычетом той ее доли, которая объясняется расходами на строения или на дорогостоящие меры по улучшению плодородия и доступности участка). В ходе дискуссии, имевшей место в 1887 году, Джордж кратко сформулировал суть своей позиции следующим образом:

Налог, которым облагается продукция, производимая трудом человека, и который затрудняет ее выпуск, приводит к повышению цен на нее, и тот, кто платит этот налог, может таким образом переложить его на плечи потребителя. Но налог на ценность земли такого эффекта не вызывает. Землю не нужно непрерывно предлагать на рынке для удовлетворения спроса. Ее цена всегда представляет собой монопольную величину, и налог на ценность земли распространяется не на все земли, а только на ценные, причем пропорционально этой ценности⁴⁷.

Джордж выступал за замену налогов на заработанный (трудом или предприимчивостью) доход единым налогом на земельную ренту. Поскольку единый налог (при любой ставке ниже 100%) не приведет к сокращению величины предложения земли и не изменит способа ее использования, максимизирующего доход, он не внесет в экономику никаких деформаций. Замена всех налогов одним приведет к тому, что ввиду отсутствия искажений экономика будет процветать, обогащая рабочих. В таком случае общий принцип заключается в том, что чистые общественные издержки, связанные с изъятием заданной суммы налоговых доходов, сводятся к минимуму за счет обложения тех факторов и видов деятельности, которые в наименьшей степени реагируют на налогообложение сокращением. Сегодня этот принцип является стандартной составной частью неоклассической теории государственных финансов.

Идеи Джорджа повлияли не только на фабианцев, но и на американского политика Уильяма Дженнингса Брайана, дважды неудачно участвовавшего в президентских выборах в качестве кандидата от демократической партии. Джорджистская теория послужила источником вдохновения и для создателя настольной игры «Монополия». Сначала он назвал ее «Игрой в земле-владельца», а замысел заключался в том, чтобы продемонстрировать несправедливость получения ренты благодаря счастливой случайности, каковой является владение выгодными участками земли.

Сегодня в США развитием и приложениями теории Джорджа занимается Фонд Роберта и журнал *American Journal of Economics and Sociology*. В Великобритании пропаганду идей Джорджа ведет фонд его имени и журнал *Land & Liberty*, выходящий с 1894 года.

От джорджизма к национализации земли и капитала

По мнению фабианцев, в качестве эквивалентной замены изъятию чистой земельной ренты у частных собственников государство могло бы национализировать всю землю (оплатив только произведенные улучшения), отдавать участки в аренду тем, кто предложит за них максимальную цену, и оставлять у себя все рентные доходы. В ходе первого лекционного турне Джордж, по сообщениям, не поддержал, но и не отверг истолкование британскими социалистами его рекомендаций как идеи национализации зем-

ли. Он допускал, что «налогообложение, по сути дела, представляет собой форму национализации земли»⁴⁸.

Фабянцы распространили рикардianско-джорджистское понятие ренты не только на землю, но также на капитальные блага (заводы, оборудование, материалы) и даже на врожденные таланты, утверждая, что доходы, полученные за счет унаследованного состояния или даже превосходства в способностях, тоже представляют собой «ренту», понимаемую как незаработанный доход, порожденный преимуществами, полученными вследствие случайности. Они были убеждены, что в этих случаях налогообложение или национализация также не приведут к заметному сокращению предложения. Любые сравнительно высокие доходы по большей части представляют собой присваиваемую ренту. Экономист Джордж Стиглер указывал, что на деле лишь немногие капитальные блага обладают тем же свойством, что и недвижимостью, а именно фиксированным количеством, следствием чего является увеличение ренты по мере роста населения. Реакцией на увеличение численности населения и рост спроса может стать, и действительно станет, увеличение производства машин, что будет удерживать цену их аренды на низком уровне. В то же время налогообложение машин приведет к заметному снижению их производства. Утверждение Шоу, будто «и акционер, и землевладелец живут за счет продукта, извлекаемого из их собственности трудом пролетариата», подразумевает, что капитальные блага как таковые непроизводительны и что любые доходы их владельцев представляют собой неоправданные вычеты из доходов работников. Подобные заявления, отмечал Стиглер, «представляют собой попросту марксизм и абсолютно несовместимы с теорией ценности, основанной на понятии предельной полезности, сторонником которой он [Шоу] себя называл»⁴⁹. К этой оценке Стиглера присоединился и экономист-марксист Морис Добб⁵⁰.

Перейдя от поддержки национализации земли, по сути дела, к требованию реальной национализации *всех* средств производства, фабянцы разошлись с Генри Джорджем, который был не социалистом, а сторонником свободного рынка. Джордж признавал, что налогообложение капитальных благ обернется сокращением их предложения, поскольку, в отличие от земли, эти блага представляют собой продукты труда, связанные с издержками. Он выступал за то, чтобы капитальные блага находились в частной собственности у тех, кто их произвел, и выступал против национализации промышленности (за возможным исключением естественных монополий). В работе «Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли» (1886) он решительно отстаивал свободу торговли. Элвуд П. Лоуренс справедливо отмечает: «Один из парадоксов истории идей в XIX веке заключается в том, что американский поборник индивидуализма в духе фронта и свободной торговли Генри Джордж в историю Великобритании вошел как крестный отец британского социализма»⁵¹.

Хотя рикардianская теория предполагала наличие конкурентного рынка редких земельных ресурсов и, как выразился Шоу, конкуренцию людей «друг с другом за жилье и место для бизнеса», и Джордж, и фабянцы

приравнивали частную собственность на землю к монопольным привилегиям, а дифференциальную земельную ренту — к доходам монополистов (которые также превышают их издержки). Фабианцы распространили эту точку зрения на доходы, приносимые капиталом и индивидуальными способностями, отождествляя их с доходами от монополии. Сидней Вебб признавал, что «промышленники действительно конкурируют друг с другом», но тем не менее заявлял, что промышленники «как класс» обладают монопольной властью над рабочими⁵². Поэтому фабианцы утверждали, что подавляющая часть доходов, получаемых не в виде заработной платы, связана, говоря словами Коула, «с владением дифференциальными монополиями». Несправедливость и способы ее исправления были очевидны: фабианцы «настаивали, что эта рента должна принадлежать не монополистам, а обществу в целом... Таким образом, экономическая проблема преподносилась как вопрос социализации монопольных доходов посредством общественной собственности на монополии»⁵³.

Иеремия Бентам

Как мы отметили в главе 1, у ведущих британских экономистов XIX века, начиная с Иеремии Бентама и Джона Стюарта Милля и заканчивая Генри Сиджвиком, Альфредом Маршаллом и Артуром Пигу, можно наблюдать прогрессирующую тенденцию к поддержке все более существенной роли государства в экономике. Фабианская мысль была продолжением этой тенденции.

Иеремия Бентам (1748–1832) был видным политическим философом, реформатором правовой системы и экономистом. Он был чрезвычайно плодовитым автором — при жизни была опубликована лишь небольшая часть его произведений. Посмертно вышедшее в свет собрание «Сочинения Иеремии Бентама» состояло из 11 томов (1843), но даже оно, во избежание скандала, не включало его труды, посвященные религии⁵⁴. Одна из его ранних работ «Защита ростовщичества» (1787)* представляла собой критику с позиций свободного рынка законодательства об ограничении процента по займам максимальным уровнем в 5%, в поддержку которого выступил Адам Смит в «Богатстве народов»⁵⁵.

Во «Введении в основания нравственности и законодательства» (1789) Бентам сформулировал свой знаменитый принцип: «Наибольшее счастье для наибольшего числа людей — основа нравственности и законодательства». Любое действие, любой закон, любая норма морали должны оцениваться исключительно на основе того, способствуют ли они увеличению суммарного счастья. Последнее он определял как удовольствие за вычетом страдания и предлагал анализировать любые политические меры таким

* В дореволюционном русском переводе 1865 года — «Защита лихвы».

образом, как будто эта разность поддается количественному измерению для каждого человека (или даже *животного*, способного испытывать удовольствие и страдание) и суммированию по совокупности всех членов того или иного общества. Этот главный критерий оценки Бентам называл «принципом полезности». Он писал: «Поэтому некоторое действие может называться сообразным с принципом полезности... когда содержащаяся в нем тенденция к увеличению счастья общества больше, чем всякая порождаемая им тенденция к его уменьшению»⁵⁶. Политическая философия, основанная на этом подходе, получила название утилитаризма.

«Полезность» (utility) в понимании Бентама — якобы поддающееся измерению превышение удовольствия над страданием для индивида или общества — не равнозначна «полезности» в современной микроэкономической теории. Последняя представляет собой лишь показатель упорядочения предпочтений отдельно взятого индивида, делающего выбор. Бентамовская полезность должна рассматриваться как измеритель переживаемых ощущений, возникающих у человека как вследствие его собственного выбора, так и независимо от него. В противоположность этому полезность в теории выбора — не измеритель переживаемых ощущений, а аналитический конструкт для характеристики предпочтений, ограниченный контекстом обдумываемого индивидом решения. К сожалению, экономисты-неоклассики, первыми применившие принцип «предельной полезности» для анализа спроса, зачастую смешивали эти два понятия. Одним из первых, кто стал настаивать на их различении, был Вильфредо Парето, который во избежание путаницы предложил называть это понятие теории выбора термином «офелимость», или «удовлетворенность» (ophelimity). Различие между двумя видами «полезности» окончательно прояснил в 1932 году Лайонел Роббинс⁵⁷.

Сложение и вычитание *предпочтений* разных людей не имеет смысла, и, к счастью, в экономической теории для определения индивидуальной и рыночной кривых спроса этого не требуется. Бентаму, напротив, было необходимо суммировать его «меру счастья» по всем индивидам, чтобы на основе этих количественных данных судить о положительном или отрицательном воздействии того или иного закона на совокупное счастье общества. Сегодня во многом похожий подход применяется в *анализе издержек и выгод* (cost-benefit analysis), хотя аналитик при этом должен суммировать по всем индивидам не величину удовольствия за вычетом страдания, а ценность, выраженную в долларах (или их готовность платить за то, что оценивается).

Бентам так и не объяснил, *как* можно измерить счастье. Ни ему, ни кому-либо другому не удалось создать «гедометр» — устройство для определения количества счастья путем считывания мозговой активности. Бентам признавал, что количественное влияние некоторого политического шага — например, перераспределения богатства от богатого человека в пользу бедного — на уровень счастья того или иного индивида можно определить лишь *предположительно*, а не измерить по-настоящему. Но он считал подобные предположения в отношении воздействия политических мер на

разные категории людей оправданными при двух условиях: «Во-первых, если они приближаются к истине больше, чем любые другие утверждения, которыми их можно было бы заменить; во-вторых, если они с меньшим неудобством, чем все остальные, могут быть использованы в качестве основы для законодательства»⁵⁸. Первое условие бессодержательно: если измерение невозможно, то и установить, что один набор количественных допущений приближается к истине больше, чем другой, тоже нельзя. Второе условие равносильно утверждению, что рискованные предположения, даже ложные, оправданы их полезностью для политического аналитика, который их делает.

В одной неопубликованной рукописи Бентам признавал, что суммирование счастья индивидов — это выдумка, лишённая строгого смысла. Но он считал ее необходимой выдумкой, которой нельзя избежать, если надо прийти к определенным политическим выводам:

Тщетны всяческие разговоры о сложении количеств, которые после сложения будут столь же разными, как и до него: счастье одного человека никогда не может быть счастьем для другого, выигрыш одного не есть выигрыш другого. С таким же успехом можно делать вид, что мы складываем 20 яблок и 20 груш: в результате мы получаем не 40 штук чего-то одного, а по 20 штук того и другого, как было и до сложения. Однако эта суммируемость счастья разных субъектов, хоть и кажется выдумкой при строгом рассмотрении, представляет собой постулат, без допущения коего любое политическое рассуждение заходит в тупик⁵⁹.

Аргументацию Бентама в пользу утилитаризма на протяжении многих лет отстаивали, развивали и критиковали бесчисленные философы и экономисты. Исчерпывающая критика ее базовых допущений была предложена экономистом Энтони де Ясаи. Следуя утверждению самого Бентама о яблоках и грушах, де Ясаи отмечает, что с научной точки зрения «агрегировать полезности разных людей, например вычитать из выигрыша одних потери других, — дело настолько же бессмысленное, как вычитание четырех яблок из семи апельсинов»⁶⁰. С этой точки зрения бессмыслица, удобная для аналитика-утилитариста, все равно остается бессмыслицей.

Утилитаризм и экономическая политика

В свое время утилитаризм Бентама воспринимался как радикально демократическая доктрина, как призыв к правительствам уважать материальные интересы основной массы людей, а не традиционные божественные права монархов или прерогативы аристократов-землевладельцев⁶¹. Бентам действительно выступал за всеобщее избирательное право в ту эпоху, когда голосовать могли сравнительно немногие. Но идея, что власть должна служить большинству управляемых, а не некоторым особым интересам,

в 1789 году была уже не нова. Еще до Бентама, в 1776 году, Адам Смит в «Богатстве народов» отстаивал интересы простых людей, критикуя меркантилизм, служащий интересам особых групп. В том же году появилась американская Декларация независимости: Томас Джефферсон и другие вожди Войны за независимость США основывались на давней традиции, представленной британскими антимоноархическими и классическими либеральными авторами и восходящей по меньшей мере к памфлетистам-«левеллерам» 40-х годов XVII века, утверждавшим, что естественное господство каждого над самим собой и своей собственностью имеет приоритет перед властными притязаниями государства. В 80-х годах XVII века знаменитый философ Джон Локк вывел из этого естественного права на управление самим собой тезис, что государство может легитимно осуществлять лишь те полномочия, которые ему добровольно делегируют индивиды для защиты их личности и собственности. В Декларации содержалось утверждение в духе Локка, что люди обладают естественным правом «изменить или упразднить» любое правительство, превысившее ограниченные полномочия, в отношении которых они достигли соглашения⁶².

Основания доктрин Бентама и Локка радикально отличались друг от друга⁶³. В книге «Анархические заблуждения», написанной в 1795 году в ответ на декларации прав, принятые в ходе Французской революции, Бентам вынес свой знаменитый вердикт: «Естественные права — это просто чепуха, а естественные и неотъемлемые права — чепуха риторическая, чепуха на ходулях»⁶⁴. Бентам стремился поставить аргументацию в пользу классического либерализма и *laissez-faire* на более научный фундамент. Но в ходе этого предприятия он заложил основу, на которой будущие утилитаристы, такие как Милль, Маршалл, Пигу и фабианцы, построили аргументацию в пользу государственного вмешательства⁶⁵. С точки зрения Бентама, в число политических мер, максимизирующих полезность, входили всеобщее избирательное право, свободный рынок и сокращение бремени государства. Для фабианцев же их перечень включал всеобщее избирательное право, социализм и рост государства.

Английский юрист и представитель классического либерализма А.В. Дайси объяснял трансформацию утилитаристских политических рецептов тремя факторами, действовавшими в последней трети XIX века: «В период с 1868 по 1900 год произошли три изменения, выдвинувшие на первый план авторитарный аспект бентамовского либерализма. (1) Вера в *laissez-faire* начала ослабевать; как следствие, принцип полезности стал аргументом не в пользу свободы личности, а в пользу абсолютизма государства. (2) Парламент в ходе развития демократии стал органом, представляющим не средние классы, а всю массу домохозяйств; в результате суверенитет парламента теперь стал означать в конечном счете неограниченную власть наемных работников. (3) Административный аппарат Англии был реформирован и усилен. Таким образом был создан механизм для практического расширения деятельности государства, но — в полном соответствии с мудрой испанской пословицей „Чем больше большего, тем меньше

меньшего“ — чем больше становится вмешательство государства, тем меньше свободы оказывается у отдельного гражданина. Тогда-то и стало ясно, что последователи бентамовского утилитаризма выковали оружие, в котором больше всего нуждались социалисты. Таким образом, английские коллективисты унаследовали от своих предшественников-утилитаристов доктрину законодательства, законодательный инструмент и законодательную тенденцию, идеально подходящие для проведения социалистических экспериментов»⁶⁶.

Об ослаблении веры в *laissez-faire* мы уже говорили в главе 1. По существу, фабианцы получили социалистические выводы из утилитаристского анализа, оценив ниже, чем Бентам, способность свободного рынка приносить пользу широким слоям общества, и выше — способность государства достигать того же самого. Более низкой оценки рынка они добились, прежде всего утрируя джорджистскую доктрину о противоречии между интересами наемных работников и других участников рынка, неявно содержащуюся еще в рикардианской теории ренты.

Дж.Д.Х. Коул кратко охарактеризовал противоположность политических целей, для которых Бентам и фабианцы использовали утилитаризм, в следующем высказывании:

Бентам применял свой принцип «наибольшего счастья для наибольшего числа людей» прежде всего как обоснование отмены дурных форм государственного вмешательства. Теперь же фабианцы использовали его для обоснования благих форм этого вмешательства, восхищаясь разрушительной работой ранних последователей Бентама, при этом желая дополнить ее созданием⁶⁷.

Формулировка отлично передает суть этого идеологического конфликта, хотя есть основания предполагать, что фабианцы могли только вынужденно «восхищаться» усилиями прежних последователей бентамовского утилитаризма, направленными на устранение государственного вмешательства в работу рынков.

Джон Стюарт Милль

Джеймс Милль был близким другом Бентама, восторженным утилитаристом и последовательным защитником *laissez-faire*. Он дал домашнее образование своему сыну Джону Стюарту Миллю (1806–1873), который был настоящим вундеркиндом, еще в раннем детстве научившимся читать и говорить на древнегреческом языке и на латыни. Как экономист он больше всего известен своим трудом «Основы политической экономии» (вышел в 1848 году и с тех пор неоднократно переиздавался), представлявшим собой изложение и развитие классической теории Рикардо. В качестве политического философа он прославился защитой одного из вариантов

классического либерализма в книге «О свободе» (1859), в которой, в частности, писал: «...каждый член цивилизованного общества только в таком случае может быть справедливо подвергнут какому-нибудь принуждению, если это нужно для того, чтобы предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей»⁶⁸. Всего через два года в своей книге «Утилитаризм» (1861) он, по-видимому, отказался от такого рода риторики, апеллирующей к правам. В ней он поддержал формулу Бентама: «Действия являются правильными или неправильными в той мере, в какой они соответственно способствуют или препятствуют увеличению счастья. Под счастьем подразумевается удовольствие и отсутствие боли»⁶⁹.

Дж.Ст. Милль между Бентамом и фабианцами

В «Основах политической экономии» Дж.Ст. Милль номинально соглашался с тем, что помимо функции «ночного сторожа» общим правилом для государственной политики по умолчанию должно быть *laissez-faire*, то есть невмешательство. Точнее говоря, он утверждал, что бремя доказательства целесообразности нового акта вмешательства в функционирование рынка должно лежать на том, кто его предлагает. Однако, согласно Миллю, такое доказательство заключалось лишь в демонстрации целесообразности такого вмешательства в утилитаристских терминах, но не в обосновании того, что при этом будут соблюдены моральные ограничения. Он считал, что во многих случаях такое обоснование уже имелось. Таким образом, наиболее важным критерием для него была утилитаристская целесообразность:

К примеру, иногда приходится слышать, что деятельность правительства должна ограничиваться предоставлением защиты от насилия и обмана и что за исключением этих двух случаев люди должны оставаться свободными... Но почему же правительство, то есть коллективная сила народа, должно защищать людей только от насилия и обмана, а не от других зол, если только не потому, что целесообразность защиты в первом случае очевидна?⁷⁰

При этом отец Дж.Ст. Милля был одним из тех, кто утверждал, что государству следует ограничиваться ролью «ночного сторожа», то есть защищать людей от насилия и обмана⁷¹. Локкианский ответ на риторический вопрос Милля заключался в том, что защита от насилия и обмана — это единственная деятельность государства, на которую согласятся люди в естественном состоянии. Милль же считал, что все люди согласятся на гораздо более широкие функции государства.

Прежде всего, утверждал он, никто не возражает против того, чтобы государство чеканило монету. Однако при этом он оставлял без внимания то, что говорили британский политэконом Томас Ходжскин и социальный теоретик Герберт Спенсер. Ходжскин в «Популярной политической

экономии» (1827) и Спенсер в «Социальной статике» (1851) возражали, что чеканка монеты государством представляет собой неоправданную монополию, сопровождаемую неэффективностью и злоупотреблениями, и выступали за конкуренцию частных монетных дворов.

Никто, продолжал Милль, не возражает также против того, что государство устанавливает стандарты мер и весов, занимается «мощением, освещением и уборкой улиц и дорог», ведает гаванями, маяками, дамбами для защиты от моря и строительством набережных. (Здесь он опять же пренебрегает мнением сторонников *laissez-faire*, занимавших иную позицию.) Он заключает:

Приводить примеры можно было бы до бесконечности, не касаясь при этом спорных пунктов. Но и из сказанного достаточно ясно, что общепризнанные функции государственной власти простираются далеко за пределы любых ограничительных барьеров, и функциям этим вряд ли можно найти некое единое обоснование и оправдание, помимо соображений практической целесообразности. Нельзя также отыскать какое-то единое правило для ограничения сферы вмешательства правительства, за исключением простого, но расплывчатого положения о том, что вмешательство это следует допускать исключительно при наличии особо веских соображений практической целесообразности⁷².

Применяя принцип утилитаризма, Милль находил, что доводы о целесообразности являются достаточно убедительными для гораздо более широкого набора функций государства, чем полагал Бентам. Хотя этот набор был уже, чем сегодняшние функции государства, Милль двигался в направлении расширения масштабов и роли последнего. Помимо функций, перечисленных в предыдущем абзаце, он в «Основах политической экономии» поддержал государственное финансирование колонизации (против чего убедительно возражал Адам Смит), помощи бедным, научных исследований и образования. Кроме того, государство должно предоставлять дороги, доки, гавани, каналы, оросительные сооружения, больницы, школы, колледжи и типографии в тех случаях, когда деятельность частных лиц не обеспечивает этих благ в достаточном количестве. Милль также поддерживал законодательно закрепленную за Банком Англии монополию на эмиссию банкнот в Лондоне, против чего возражали многие тогдашние экономисты. Кроме того, он поддерживал налог на наследство, что должно было разрушить передаваемые по наследству состояния аристократии, особенно в виде земельных владений.

От издания к изданию «Основы политической экономии» становились все менее критичными и все больше благосклонными к идее уравнивания богатства. Милль обосновывал желательность перераспределения богатств с позиций утилитаризма, утверждая, что существует ключевое различие между *производством* и *распределением* благ с точки зрения пространства возможностей для законодательного вмешательства:

Законы и условия производства богатства имеют характер истин, свойственных естественным наукам. В них нет ничего, зависящего от воли, ничего такого, что можно было бы изменить. <...> Иначе с распределением богатства. Распределение всецело является делом человеческого учреждения. Как только вещи появляются, люди, порознь или коллективно, могут поступать с ними, как им заблагорассудится⁷³.

Говоря «как только вещи появляются», Милль вроде бы имеет в виду, что количество богатства, производимого людьми, не зависит от того, кому оно достанется — самим производителям или кому-то другому. Но, как явствует из первых двух фраз и как он дальше объясняет, на деле производство богатства отнюдь не подобно дождю. Полное уравнивание доходов — если взять крайний вариант — очень сильно ослабит у всех стимулы к производству. Результаты ваших дополнительных усилий попросту попадут в общий котел и поэтому почти полностью окажутся в руках посторонних. Дестимулирование производства в результате такой политики обернется резким сокращением совокупной величины доходов, доступных для распределения. В более общей формулировке, от того, какая часть произведенного вами продукта, как вы ожидаете, останется у вас, зависит то, сколько времени и усилий вы решите потратить на производство. Милль заключает: «Общество может подчинить распределение богатства любым правилам, какие оно считает наилучшими; но какие практические результаты проистекут из действий этих правил — это должно быть открыто, подобно любым другим физическим или психическим истинам, посредством наблюдения и исследования»⁷⁴.

Тем самым Милль формулирует проблему правильного уровня перераспределения как эмпирический вопрос: превышают ли утилитарные выгоды от перераспределения доходов связанные с ним издержки, порождаемые дестимулированием? В 1935 году Артур С. Пигу утверждал, что профессиональный консенсус среди экономистов выражается ответом: «Да, до определенного уровня», — и этот уровень есть точка максимума чистой выгоды для общества (выраженной в единицах «удовлетворения»):

На первый взгляд, любое сильное неравенство доходов влечет за собой ущерб для общества: девятое по счету блюдо обеда плутократа, несмотря на косвенную выгоду, которую оно может принести его врачу, в целом приносит намного меньше удовлетворения, чем молоко, которым за те же деньги можно было бы обеспечить ребенка из бедной семьи... В этом случае государственное планирование будет пользоваться поддержкой всех гуманных людей. Но тем не менее плановик всегда должен быть начеку. В стремлении улучшить распределение доходов ему не следует своими действиями истощать источники производства этих доходов. Эта проблема стара как мир. Сегодня экономисты, как мне кажется, согласны в том, что налогообложение богатых в пользу бедных можно сделать намного более высоким, чем полагают их предшественники, без серьезного ущерба для производства⁷⁵.

В рыночном обмене, отмечал Милль, доход — это *quid pro quo*, выгода в ответ на встречную выгоду, получаемая за сотрудничество в ходе производства. Размер вашего дохода — это то, что с учетом ваших врожденных способностей (и, добавим, трудовых усилий и инвестиций, вложенных в приобретение навыков, востребованных на рынке) другие участники рынка готовы платить за вашу работу, либо за ее результаты, либо за услуги, которые оказываются с помощью принадлежащих вам активов. Милль отдавал предпочтение большему равенству доходов по сравнению с тем *quid pro quo*, которое предоставляет рыночный обмен, и обосновывал это эгалитаристскими моральными критериями. Если дестимулирующие последствия не слишком велики, то он был согласен с тем, чтобы доходы определялись этими критериями, а не результатами добровольного рыночного обмена с его моральным критерием *quid pro quo*. И Милль хотел, чтобы это его предпочтение обеспечивалось путем принуждения со стороны государства.

В одном месте своей работы «Огюст Конт и позитивизм» (1865) Милль заявил: «Мы вполне согласны» с точкой зрения социалиста Конта, «скрывающей в себе еще больше величия и красоты», в соответствии с которой

моральное право каждого лица на вспомоществование для удовлетворения своих личных потребностей не должно являться вопросом *quid pro quo* по отношению к его деятельности, но зависеть от той доли, которую общество может уделить ему, сообразуясь со справедливыми правами прочих⁷⁶.

Иными словами, то, сколько вы заслуживаете получить, определяется не величиной вашего вклада (согласно оценкам тех, с кем вы имеете дело), а тем, как общество делит между своими членами то, что подлежит разделу. Доли при распределении в обществе должны быть чем-то вроде долей при распределении в семье. Рыночный метод определения дохода недостаточно справедлив, поскольку он не основан на дележе. Милль с неохотой признавал, что, возможно, рынок пока что является лучшей из числа всех имеющихся плохих систем распределения, но был открыт к предложениям по поводу альтернативных систем:

Грубый метод определения той доли продукта, которая возвращается рабочему путем конкуренции на рынке, может являться практической необходимостью, но, конечно, не нравственным идеалом. Его оправдание состоит только в том, что до сих пор цивилизация не могла организовать ничего лучше этого первобытного средства для равномерного распределения богатства. Как бы ни был несовершенен этот метод, однако в настоящее время мы рискуем меньше ошибиться, если предоставим делу установиться само собой, чем если будем стараться установить его искусственно посредством каких-нибудь мер, которые еще не применялись прежде⁷⁷.

На протяжении карьеры Милля «моральный идеал» эгалитарного перераспределения все больше побуждал его пренебрегать апеллирующей

к «практической необходимости» аргументацией в пользу того, чтобы доходы определял рыночный механизм на основе взаимовыгодного обмена. В посмертно изданной «Автобиографии» он дал такое объяснение своей позиции в первых работах:

В то время мои взгляды не простирались далее старой школы экономистов по вопросу о фундаментальном улучшении социальных учреждений. <...> Мысль о том, что можно идти далее в уничтожении... неравенства, — так как несправедливость этого неравенства кроется в том факте, что незначительное число рождается для богатства, а громадное большинство для бедности — казалась мне тогда химерой; однако я надеялся, что результаты всеобщего образования, особенно такого, которое повлечет добровольное ограничение численности народонаселения, сделает более сносной участь бедных. Одним словом, я был демократом, но отнюдь не социалистом.

В более поздних трудах Милля заметно влияние Гарриет Тейлор — социалистки, последовательницы Оуэна, на которой Милль женился в 1851 году после двадцати с лишним лет дружбы. Как отмечал Милль в «Автобиографии», «идеал конечного развития», которому были привержены супруги, «далеко превосходил демократический идеал и определенно позволял относить нас к общей категории социалистов». Если бы можно было найти форму социализма, совместимую с индивидуальной свободой, они с Гарриет, несомненно, сочли бы социалистический подход к распределению привлекательным:

С одной стороны, мы особенно восставали против тирании общества над индивидуумом, которая, по общепринятому мнению, лежит в основании большинства социалистических систем; с другой стороны, мы смотрели вперед в будущее, когда... распределение продуктов труда вместо того, чтобы зависеть, как теперь, от случайного происхождения, будет опираться, с общего согласия, на признанный принцип справедливости. <...> Мы полагали, что социальная задача будущего состоит в согласовании самой широкой индивидуальной свободы действий с правом собственности всех на сырой материал, предоставляемый земным шаром, с равным участием всех в выгодах от общественного труда⁷⁸.

Учитывая все вышесказанное, становится понятно, почему социалисты-фабианцы с огромным уважением относились к Миллю как к утилитаристу, прошедшему большой путь от *laissez-faire* его отца к социализму. Коул писал об этом:

Они считали, что Джон Стюарт Милль находится в промежуточной точке между двумя интерпретациями утилитаризма. Хотя он симпатизировал социализму своего времени, он был слишком укоренен в старых традициях, чтобы полностью перейти в другую веру. Фабианцы считали себя теми,

кто завершает начатую им работу, и таким образом находили дополнительные основания подчеркивать свою преемственность со старой либеральной мыслью⁷⁹.

Именно таким образом слова «либеральная мысль» и «либерализм» в экономической политике постепенно изменили свой смысл: вместо доктрины минимального государства, свободного рынка и свободы торговли — той, которая сегодня называется «классическим либерализмом» или «либертарианством» и которую ее противники называют «неолиберализмом» — они стали означать доктрину усиления роли государства в экономике, ассоциируемую с Фабианским обществом, или, в случае США, с «современным либерализмом» — доктриной «нового курса» Франклина Рузвельта и «великого общества» Линдона Джонсона.

Общество Мон-Пелерен и возрождение экономических идей Смита

В апреле 1947 года в горной швейцарской деревушке на северном берегу Женевского озера немецкий экономист Вальтер Ойкен с нескрываемым наслаждением ел только что очищенный апельсин. Он не видел апельсинов уже много лет. Поездка в Швейцарию на международную встречу трех десятков экономистов и журналистов — приверженцев классического либерализма — стала для него первым путешествием за границу после окончания Второй мировой войны¹. Хотя Ойкен был категорическим противником нацизма, во время войны он оставался в Германии, где из-за централизованного контроля над экономикой апельсины были недоступны (разве что для правящей элиты). И после окончания войны в 1945 году германская экономика по-прежнему управлялась централизованно, но теперь уже оккупационными властями. Из-за проблем с получением у администрации разрешения на выезд из страны Ойкену с трудом удалось попасть в Швейцарию.

Послевоенная идейная атмосфера

В одном из интервью в ноябре 1992 года Милтон Фридман вспоминал об общественных настроениях 40-х и 50-х годов: «В тогдашней атмосфере те из нас, кто верил в свободный рынок, в социально и политически свободное общество, составляли ничтожное, в значительной степени изолированное меньшинство. Влияние коллективизма — экономического, социального, политического — было на подъеме»².

Как мы уже видели, интеллектуальный климат и направленность экономической политики в послевоенной Великобритании отражали влияние шестидесятилетней деятельности Фабианского общества. В 1947 году Фридрих Хайек организовал учредительную конференцию альтернативного общества, влияние которого на экономическую политику, осуществляемое с другого фланга и другими средствами, должно было стать в долгосрочной перспективе сопоставимым.

Хайек создает Общество Мон-Пелерен

В условиях фактического консенсуса в пользу централизованного планирования Хайека беспокоило будущее классического либерализма и свободного общества. Чтобы объединить интеллектуалов, оставшихся приверженными классическому либерализму, в надежде, что они смогут отточить свою аргументацию посредством взаимной конструктивной критики, он пригласил 39 человек (36 участников и троих наблюдателей) на десятидневную конференцию, начало которой было назначено на 1 апреля 1947 года. Они собрались в «Отель-дю-Парк» в швейцарской горной деревне Мон-Пелерен — чтобы туда попасть, надо было проехать мило на фуникулере из города Вева на берегу Женевского озера. К концу встречи участники решили назвать свою организацию Обществом Мон-Пелерен³.

Среди тех, кто приехал на организованную Хайеком конференцию, были двое его бывших коллег из Вены, теперь преподававшие экономику в США (Людвиг фон Мизес и Фриц Махлуп), трое экономистов из Чикагского университета (Аарон Дайректор, Фрэнк Найт и Милтон Фридман), двое экономистов из университетов Лиги плюща (Фрэнк Грэхэм и Джордж Стиглер — последний в 50-х годах, подобно Хайеку, перейдет на работу в Чикагский университет), трое американских журналистов (Джон Дэвенпорт, Генри Хэзлитт, Феликс Морли), основатель и двое участников только что созданного американского Фонда экономического образования (Леонард Рид, Ф.Э. Харпер и В. Орвэл Уоттс), трое французов — экономист Морис Алле, правовед Франсуа Треву и политический философ Бертран де Жувенель, коллега и близкий друг Хайека из Лондонской школы экономики Лайонел Роббинс, еще двое английских экономистов (Стэнли Деннисон и Джон Джукс), историк из Великобритании (Вероника Веджвуд — единственная женщина среди участников), двое философов из Европы (Майкл Полани и Карл Поппер), двое экономистов из Швейцарии (Виллем Раппар и Альбер Унольд) и двое немецких экономистов (Вальтер Ойкен и Вильгельм Рёпке; о них мы подробно расскажем в следующей главе)⁴. Четверо участников (Хайек, Фридман, Стиглер и Алле) позднее стали лауреатами Нобелевской премии по экономике.

Организационные и транспортные расходы взяли на себя швейцарские и американские фонды, стремившиеся поддержать распространение принципов классического либерализма, изложенных в «Дороге к рабству». Джордж Стиглер в письме Милтону Фридману после того, как они получили приглашения на конференцию, пошутил: «Предполагается в апреле на дармовщинку прокатиться в Швейцарию для спасения либерализма». Для тридцатичетырехлетнего Фридмана и тридцатилетнего Стиглера это была первая поездка за границу. Фридман в своих мемуарах отмечал, что она также стала для него «началом активного участия» в общественно-политических делах⁵. В 1995 году он рассказывал интервьюеру:

По-настоящему приобщило меня к политике и привело к написанию «Капитализма и свободы» именно Общество Мон-Пелерен, пусть и косвенно. На первом заседании Общества... я впервые встретился с такими людьми, как Хайек и Роббинс, и познакомился с Европейским континентом того времени. Это расширило мой кругозор в вопросах политики⁶.

Сегодня общество насчитывает уже более пятисот членов. Раз в год оно проводит международную конференцию, а в промежутках — заседания регионального уровня.

В отличие от Фабианского общества Общество Мон-Пелерен (далее — MPS) никогда не издавало трактатов, не примыкало ни к какой политической партии и не пыталось каким-либо иным способом напрямую влиять на общественное мнение и политическое руководство. Оно действует на самой первой стадии интеллектуального производства, стимулируя научные дискуссии и контакты между своими участниками. Задача преобразования теорий в политические исследования и реформаторские предложения выполняется в разных странах многочисленными аналитическими центрами, выступающими за свободный рынок, руководители или сотрудники которых зачастую являются членами MPS. В США старейший из таких центров — Фонд экономического образования, созданный в 1946 году, — как мы уже отмечали, он был представлен на первой конференции MPS. В Великобритании самым влиятельным аналитическим центром, выступающим за свободный рынок, с момента его основания в 1955 году считается лондонский Институт экономических проблем. Его основатель Энтони Фишер, которого в свое время сам Хайек убедил не идти в публичную политику, а сделать своей целью влияние на общественное мнение, любил называть свой проект «Антифабианским обществом»⁷. Первому директору Института Ральфу Гаррису он заявил: «Хочу создать то, что выполнит для лейбористских партий ту же работу, какую Фабианское общество сделало для лейбористов»⁸.

Само MPS остается по большей степени «над схваткой». В интервью 1992 года Фридман так описывал его деятельность:

Первоначальной задачей Общества было распространение философии классического либерализма, то есть идей свободной экономики и свободного общества в социальном и гражданском отношении и с точки зрения прав человека. Думаю, оно внесло важный вклад в выполнение этой задачи. Причем делается это не с помощью пропаганды, а путем предоставления площадки, где единомышленники могут встречаться, обсуждать свои проблемы и разрешать трудности, касающиеся как философии, так и политики⁹.

По сравнению с фабианцами члены MPS отличались большим разнообразием взглядов на философию экономической политики в спектре от консерваторов и сторонников классического либерализма до либертарианцев и анархо-капиталистов. В 1962 году Джон Кеннет Гэлбрейт пошу-

тил по поводу внутренних споров в обществе и его слабого влияния в тот период:

Вскоре после окончания Второй мировой войны довольно большая группа серьезно обеспокоенных ученых из США и Западной Европы собралась на вершине горы в Швейцарии и создала международную организацию для противостояния планированию. Большого влияния она так и не приобрела — отчасти, как мне говорили, из-за идейных разногласий по поводу того, должен ли военно-морской флот находиться в общественной собственности или предоставляться в аренду частным сектором¹⁰.

По словам самих участников, на самом деле в ходе первой встречи разногласия возникали по поводу сельскохозяйственной политики, золотого стандарта, профсоюзов, монополий и распределения доходов¹¹. Экономист Филип Миrowsки, назвав MPS «коллективом неолиберальных мыслителей», недавно заметил, что усилия, предпринимавшиеся Обществом «в течение последних шестидесяти лет, увенчались созданием достаточно связного и действенного набора доктрин, хотя в начале его деятельности и еще какое-то время участникам Мон-Пелерен и их попутчикам было трудно прийти к согласию в отношении идей и политики»¹².

Через 36 лет после замечания Гэлбрейта — когда к власти уже пришли Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган, пала Берлинская стена, энтузиазм по поводу плановой экономики угас, а идеи свободного рынка вновь стали на повестке дня — исследователь интеллектуальной истории Дональд Уинч проявил гораздо больше почтения к влиянию Общества Мон-Пелерен на ход борьбы экономических идей, хотя и справедливо отметил, что о полном торжестве идеалов его участников говорить не приходится:

Трансформация официального экономического мышления властей в результате возрождения рыночной экономической теории и монетаризма в последние двадцать лет по любым меркам представляет собой примечательное событие интеллектуальной и политической жизни. Оно будет одной из важных тем для тех, кто изучает историю экономической политики во второй половине XX века, и через много лет после того, как спадут настроения триумфализма, вызванные «тэтчеровской революцией» и событиями в Восточной Европе. Несомненно, с тех пор как основатель Общества Мон-Пелерен Фридрих Хайек предостерег в своей «Дороге к рабству» о серьезнейшей угрозе коллективизма, члены этой организации, среди которых было не менее семи лауреатов Нобелевской премии по экономике, сыграли видную роль в поддержании жизнеспособности экономического либерализма. В те «мрачные дни» раскола между Востоком и Западом и так называемого послевоенного консенсуса Кейнса-Бевеиджа трудно было представить, что будущее в такой степени, как это имеет место сейчас, будет принадлежать формам капитализма, основанным на свободном рынке, — хотя, если судить по уровню государственных расходов, добиться «сворачивания государства» оказалось более трудным делом¹³.

Другой специалист по истории идей, Ричард Коккет, дает более категоричную оценку, утверждая, что «мир сегодня обязан MPS, наверно, больше, чем любой другой организации интеллектуалов», и добавляет: «Хайек и Общество Мон-Пелерен для XX века — то же самое, что Карл Маркс и Первый Интернационал для XIX»¹⁴.

Основания для создания международной организации сторонников классического либерализма

Во вступительном слове на конференции 1947 года Хайек объяснил причины, по которым он собрал вместе ее участников:

Мне представляется, что эффективные попытки разработки общих принципов либерального порядка осуществимы только внутри группы людей, которые сходятся в основных принципах и которым не приходится на каждом шагу защищать базовые концепции. Но в наше время не только крайне мало число тех, кто в каждой отдельной стране соглашается с базовыми принципами либерализма, но и количество стоящих перед нами задач чрезвычайно велико, и есть огромная нужда опереться на возможно более разнообразный опыт.

Но международная встреча была необходима не только для создания «критической массы», поскольку в любой отдельной стране единомышленников с общими идеалами было мало, но и для сохранения космополитичного (не националистического) характера классического либерализма: «Потребность в международной встрече... мне кажется особенно настоятельной из-за войны», которая «даже в лучших из нас неизбежно пробудила эгоцентризм и национализм, которые плохо согласуются с истинно либеральным подходом к нашим проблемам»¹⁵.

На конференции было принято заявление о целях Общества — его подготовил Лайонел Роббинс, зачитал Хайек и подписали все участники, кроме одного¹⁶, — подтверждающее его приверженность принципам «человеческого достоинства и свободы», «свободы мысли и слова», «верховенства закона», «частной собственности и конкурентного рынка», «рассредоточения власти», «мира и свободы» и «гармоничности международных отношений». В заключение там отмечалось:

Наша группа не намерена заниматься пропагандой. Она не стремится сформировать некую педантичную и ограничительную ортодоксию. Она не связывает себя с какой-либо политической партией. Ее цель состоит исключительно в том, чтобы, способствуя обмену мнениями между людьми, вдохновляемыми определенными общими идеалами и общими концепциями, внести свой вклад в сохранение и совершенствование свободного общества¹⁷.

Классическая либеральная традиция

Стратегическая рекомендация Хайека коллегам-интеллектуалам, разделявшим идеи классического либерализма, отчасти вытекавшая из анализа успехов Фабианского общества, состояла в том, чтобы занять идеалистическую позицию, сформулировать в явном виде «философию социальной политики», создать «теоретическую систему, поднимающую новые проблемы и открывающую новые горизонты», вдохновляющую «утопическую» концепцию свободного общества. В статье «Интеллектуалы и социализм» (1949) он писал:

Успех социалистов должен научить нас тому, что именно их отважный утопизм обеспечил им поддержку интеллектуалов и влияние на общественное мнение, которое ежедневно делает возможным то, что еще вчера казалось недостижимым... Нужно снова внести в работу созидания свободного общества дух интеллектуального приключения и отваги. Нам нужна либеральная утопия, нужна программа, которая не будет ни простой апологией сложившегося порядка вещей, ни разновидностью социалистического безумства; нужен истинно либеральный радикализм, который не пощадит чувствительность властей предрезающих... не будет чрезмерно практичным и не ограничит свои задачи только политически реализуемым¹⁸.

Дух Адама Смита

Когда Хайек говорил о том, что нужно «снова» придать видению свободного общества «дух интеллектуального приключения и отваги», он имел в виду возрождение того энтузиазма, который был характерен для социальных теоретиков классического либерализма в XVIII–XIX веках. Самым влиятельным из основателей традиции классической либеральной политической экономии, в которую Хайек и другие члены Общества Мон-Пелерен хотели вдохнуть новую жизнь, был Адам Смит. Хотя Смита зачастую называют «отцом экономической науки», поскольку он разработал более систематический подход к экономическим вопросам, чем предшествующие авторы, его труды охватывали также сферы моральной философии, истории и юриспруденции. Для современных мыслителей, выступающих за свободный рынок, Смит стал своего рода идеологическим эталоном — к некоторому раздражению исследователей, сосредоточенных на нюансах его собственного мышления.

О связи Общества Мон-Пелерен с идеями Смита четко говорилось на первом утреннем заседании конференции 1947 года в приветственном обращении швейцарского ученого Виллема Раппара, одного из основателей Женевского института международных отношений. Раппар считал целью конференции развитие аналитических и нормативных аспектов учения Смита. В своем выступлении он заявил:

В моем понимании современный экономический либерализм — законное дитя союза двоюродных родственников: всеохватного и в основе своей верного анализа Адамом Смитом экономической жизни его времени и врожденной любви Адама Смита к свободе, конструктивной деятельности и богатству¹⁹.

Адам Смит

Адам Смит (1723–1790) был единственным ребенком в семье; его воспитала овдовевшая мать. Отец его, шотландский таможенный чиновник, умер еще до рождения сына. По сообщениям, в возрасте трех лет мальчика, игравшего перед домом дяди, похитила банда бродяг (иногда их ошибочно называют «цыганами»). К счастью, дядя вскоре заметил отсутствие Адама, разыскал похитителей в близлежащем лесу и забрал у них ребенка²⁰. Подрастком (с 14 до 17 лет) Смит учился в Университете Глазго, где Фрэнсис Хатчесон преподавал ему моральную философию. Получив стипендию на продолжение образования, следующие семь лет он провел в Оксфордском университете. В 1751 году Смит вернулся в Университет Глазго, став преподавателем моральной философии. Первая его книга, «Теория нравственных чувств», вышла в 1759 году. К этому времени он уже закончил первый набросок того, что впоследствии станет его великим трудом в области политической экономии, — этот текст был частью посмертно опубликованных «Лекций по юриспруденции». В 1763–1764 годах Смит путешествовал по Европе в качестве воспитателя Генри Скотта, третьего герцога Баклю. Пока юный герцог бражничал и развлекался, Смит встречался с французскими экономистами — и продолжал писать. После долгого периода созревания в 1776 году в свет появилось «Исследование о природе и причинах богатства народов». Последние 12 лет жизни — как это ни парадоксально в свете его поддержки свободной торговли — Смит занимал должность таможенного комиссара Шотландии, взимая пошлины с внешнеторговых операций.

Адам Смит как интеллектуальный эталон и кумир

Свидетельства сохраняющегося влияния Смита на экономистов и политиков можно найти во множестве разных источников, порой весьма неожиданных. Например, Арнольд Шварценеггер начал свою статью в *Wall Street Journal*, опубликованную меньше чем через две недели после его избрания губернатором Калифорнии, с фразы: «На мои взгляды в экономических вопросах больше всего повлияли двое людей — Милтон Фридман и Адам Смит»²¹. А в 2006 году лондонская *Times* сообщила: «Когда Уоррен Баффет, обладатель второго по величине состояния в мире, пожертвовал благотворительному фонду Билла Гейтса 31 миллиард долларов (16 миллиардов фунтов стерлингов), Гейтс подарил ему свой личный экземпляр

„Богатства народов“»²². Если вас интересует стоимость подаренной книги, то в декабре 2008 года экземпляр ее первого издания 1776 года в хорошем состоянии был продан с аукциона за 63 650 фунтов (98 403 доллара)²³.

Редакция журнала *Time* поместила профиль Адама Смита на обложку номера от 14 июля 1975 года под заголовком «Может ли выжить капитализм?» (в «речевом облачке» в уста Смита были вложены слова «Не списывайте меня со счетов, ребята»). Шестью годами позже (6 июля 1981 года) журналисты *Time* сообщали: «Самый популярный галстук в рейгановском Белом доме имеет узор из миниатюрных камней с профилем Адама Смита — жившего в XVIII веке шотландского экономиста, в чьем „Исследовании о природе и причинах богатства народов“ приводятся классические доводы за то, чтобы государство не лезло в дела бизнеса». На самом деле в этой статье содержащаяся в книге аргументация излагалась с точностью до наоборот. По мнению Смита, в рамках меркантилистской системы, против которой было направлено «Богатство народов», именно государственная политика была той лошадкой, на которой разъезжали охотящиеся за привилегиями бизнесмены.

В марте 2007 года Банк Англии поместил портрет Адама Смита и короткую цитату из «Богатства народов» на новую купюру в 20 фунтов стерлингов. В этой попытке отдать дань уважения ученому крылся никем не замеченный парадокс: Смит критиковал любые монопольные привилегии, в том числе существовавшее в его времена исключительное право Банка Англии на эмиссию банкнот в Лондоне и его окрестностях. В Шотландии тогда не было такого привилегированного банка, и Смит был сторонником тамошней системы конкурентной эмиссии бумажных денег²⁴.

Первая идея «Богатства народов»

Смит начинает «Богатство народов» с тезиса о том, что для благосостояния страны важен не накопленный запас драгоценных металлов (как на протяжении двух столетий утверждали авторы-меркантилисты), а годовой объем производства или «продукт» — поток товаров и услуг, или то, что мы сегодня называем национальным доходом и валовым внутренним продуктом. Именно это производство обеспечивает каждому народу, напрямую или в обмен на импортные товары, «все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года»*. Во времена Смита у Испанского королевства было много золота и серебра, добытого в Новом Свете, но среднестатистический уровень потребления там был ниже, чем в Британии или Нидерландах.

Годовой объем производства товаров и услуг в стране не постоянен, он может увеличиваться. Смит подчеркивал, что процветанию способствует

* *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 65.

разделение труда, или специализация, а также свобода торговли. Специализация возникает вместе с торговлей, поскольку базовая выгода индивиду от специализации на производстве какого-то одного товара ограничивается возможностью обмена этого товара на все остальное, что ему нужно. Так, фермеру выгодно выращивать только оливки лишь в том случае, если он достаточно легко может продать их и купить все прочие блага, которые он желает потреблять. Знаменитый афоризм Смита гласит: «Разделение труда ограничивается размерами рынка». Ограничение государством межрегиональной торговли — пошлины или импортные квоты — приводит к сокращению рынка, тем самым ограничивая разделение труда, а значит, и снижая уровень благосостояния народа.

Люди специализируются и обмениваются исходя из собственных интересов. В одном из наиболее часто цитируемых фрагментов Смит говорит:

Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, но тщетно было бы ожидать ее лишь от их расположения... Не от благожелательности мясника, пивовара или булочника ожидаем мы получить свой обед, а от соблюдения ими своих собственных интересов. Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму, и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах²⁵.

Основная идея здесь не в том, что человек *должен* искать лишь собственной выгоды, а в том, что он выигрывает от того, что мясник, пивовар и булочник ищут *своей* собственной выгоды, поскольку благодаря этому они обслуживают его нужды. Обществом движет не бескорыстная благожелательность, а обмен, основанный на личных интересах: «Никто не хочет зависеть главным образом от благоволения своих сограждан. Даже нищий не целиком зависит от него»²⁶.

Как разделение труда способствует процветанию

Смит считал труд самым важным фактором производства (более того, первая фраза книги, судя по всему, намекает на то, что это — *единственный* фактор). Возможность увеличения объема производства, по его мнению, зависит главным образом от повышения производительности труда за счет углубления специализации:

Величайший прогресс в развитии производительной силы труда и значительная доля искусства, умения и сообразительности, с какими он направляется и прилагается, явились, по-видимому, следствием разделения труда... Получающееся в результате разделения труда значительное увеличение производства всякого рода предметов приводит в обществе, надлежащим образом управляемом, к тому всеобщему благосостоянию, которое распространяется и на самые низшие слои народа²⁷.

Сегодня увеличение выпуска в расчете на час рабочего времени при постоянном количестве капитального оборудования принято относить к категории технологических улучшений. Может показаться, что, акцентируя внимание на повышении производительности труда благодаря углублению специализации, Смит недооценивает значение накопления капитала, то есть увеличения количества инструментов и материалов, используемых в работе. Однако он вскоре добавляет: «Число полезных и производительных рабочих, как это будет выяснено в дальнейшем, зависит везде от количества капитала, затрачиваемого на то, чтобы дать им работу, и от особого способа его употребления»*. Таким образом, накопление капитала тоже играет важную роль в повышении производительности труда, пусть даже этому дается «несколько путаное» объяснение, если использовать слова Эдвина Кеннана из предисловия к изданию «Богатства народов», вышедшему в 1904 году (Смит говорит о численности производительных рабочих, а не о производительности труда одного работника). Важно то, что накопление капитала и правильная аллокация капитальных благ повышает выпуск продукции в расчете на одного работника. В другой своей книге Смит приводит конкретный пример: «Два человека и три лошади с плугом сделают за день больше, чем двадцать человек без него»²⁸.

Знаменитый пример гигантского роста производительности благодаря большей степени разделения труда, который приводит Смит, — это работа булавочной мануфактуры. Во время путешествия по Европе он встречался с великим французским писателем Вольтером и восхищался его трудами, поэтому выбор изготовления булавок в качестве типичного примера производительной отрасли, возможно, не случаен — он приводит на ум следующий фрагмент из сатирической повести Вольтера «Кандид», изданной в 1759 году:

— А вот и труды Академии наук в восьмидесяти томах! — воскликнул Мартен. — Возможно, в них найдется кое-что разумное.

— Безусловно, — сказал Пококуранте, — если бы среди авторов этой чепухи нашелся человек, который изобрел бы способ изготовлять — ну, скажем, булавки. Но во всех этих томах одни только бесполезные отвлеченности и ни одной полезной статьи²⁹.

Смит насчитал «приблизительно восемнадцать самостоятельных операций»**, необходимых для изготовления булавки: надо вытянуть проволоку, выпрямить ее, обрезать, заострить конец, обточить один конец для насаживания головки, в несколько этапов изготовить и насадить саму головку, отполировать булавку, завернуть ее в пакетик и так далее. При наличии

* Смит А. Указ. соч. С. 66.

** Более раннее описание булавочной мануфактуры с разделением процесса производства на восемнадцать операций содержится в «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж.-Л. д'Аламбера, в статье «Булавки» («Épingles»).

всех необходимых материалов и оборудования один человек, последовательно выполняющий все эти операции, как полагает Смит, «едва ли может, пожалуй, при всем своем старании сделать одну булавку в день и, во всяком случае, не сделает двадцати булавок». Он рассказывал, что побывал на булавочной мануфактуре, где работало всего десять человек, но за счет распределения этих операций между рабочими по одной-две на человека «они могли... выработать все вместе... свыше 48 тысяч булавок в день». На одного рабочего таким образом приходилось в день 4800 булавок. Увеличение производительности труда в 240 раз произошло «в результате надлежащего разделения и сочетания различных операций»³⁰.

В примере с булавочной мануфактурой акцент делался на разделении задач в рамках одного предприятия. Смит, однако, отмечал, что рост производительности труда при изготовлении булавок связан и с разделением труда в рамках всей экономики в целом. Человек, подчеркивал он, вряд ли сделал бы одну булавку за год, если бы ему пришлось самому добывать руду, выплавлять железо и так далее ради того, чтобы получить проволоку, которую мануфактура попросту закупает, а производят другие специализированные предприятия³¹. Любой кустарь и предприниматель понимает, что глупо самому изготавливать какие-то вещи для собственного пользования (например, свечи), если их покупка обходится дешевле. Распространяя эту логику простого здравого смысла при принятии решений о покупке или собственном производстве на уровень страны в целом, Смит делает непосредственный вывод в пользу свободы торговли:

Основное правило каждого благоразумного главы семьи состоит в том, чтобы не пытаться изготовлять дома такие предметы, изготовление которых обойдется дороже, чем при покупке их на стороне. Портной не пробует сам шить себе сапоги, а покупает их у сапожника... То, что представляется разумным в образе действий любой частной семьи, вряд ли может оказаться неразумным для всего королевства. Если какая-либо чужая страна может снабжать нас каким-нибудь товаром по более дешевой цене, чем мы сами в состоянии изготовлять его, гораздо лучше покупать его у нее на некоторую часть продукта нашего собственного промышленного труда, прилагаемого в той области, в которой мы обладаем некоторым преимуществом³².

Поскольку специализация и обмен развиваются параллельно, *выгоды от специализации* производства и *выгоды от обмена* изготовленными благами — это одни и те же выгоды, рассматриваемые под разным углом. В рыночном обществе «каждый человек может купить себе любое количество произведений других людей, в которых он нуждается»³³. В главе 14 мы подробнее рассмотрим аргументы Смита в пользу свободной торговли и покажем, как другие представители классической экономической теории (Джеймс Милль, Роберт Торренс, Давид Рикардо) развили концепцию Смита о производственных «преимуществах» как источнике выгод от специализации и обмена.

Намечая тему, которую позднее разовьет Хайек, Смит указывал, что знание о возможностях прибыльного инвестирования децентрализовано. Государственная власть в столице не может знать, какие инвестиции в провинции будут наиболее прибыльными и кто будет частными инвесторами:

Очевидно, что каждый человек, сообразуясь с местными условиями, может гораздо лучше, чем это сделал бы вместо него любой государственный деятель или законодатель, судить о том, к какому именно роду отечественной промышленности приложить свой капитал и продукт какой промышленности может обладать наибольшей стоимостью³⁴.

Но почему мы должны считать, что наилучший вариант для отдельного инвестора является наилучшим и для общества? Разве миллионы индивидов, осуществляя миллионы собственных независимых друг от друга планов ради получения личной выгоды и без координации со стороны центральных властей, не создадут хаос? Нет, отвечал Смит. Мотив стремления к прибыли направляет конкурирующих производителей (уже упоминавшихся мясника, пивовара и булочника) к обеспечению потребителей тем, за что те больше всего готовы платить. Таким образом, деятельность на рынке в личных интересах отвечает и интересам общества. Инвестор, стремящийся получить максимальную (с поправкой на риск) доходность своих вложений, осуществляет инвестиции, производящие наибольшую ценность для общества:

Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это³⁵.

Специалисты по истории идей до сих пор спорят о том, что имел в виду Смит, говоря о «невидимой руке» — в «Богатстве народов» это выражение встречается только в одном месте. Некоторые, подчеркивая его религиозные убеждения, полагают, что он имел в виду, что *действительно* существует некая внешняя направляющая рука, которую невозможно увидеть глазами, — рука Божественного Провидения. Но подавляющее большинство экономистов воспринимает эту фразу как метафору, описывающую процессы формирования порядка в конкурентной рыночной системе. Нет

никакой необходимости в реальной «руке», поскольку сигналы и стимулы рынка побуждают инвестора координировать свое поведение с другими участниками рынка так, *как будто* его действительно направляет невидимая рука. (Парадоксальным образом на логотипе Ассоциации образования в области частного предпринимательства — профессиональной организации экономистов, по большей части разделяющих идеи Смита, — мы видим фотографию *настоящей и вполне видимой* стеклянной руки, поддерживающей стеклянный же земной шар. Впрочем, метафорическую руку, в буквальном смысле невидимую для глаз, никак не поместишь на логотипе.) Рыночные силы формируют упорядоченный и благотворный паттерн деятельности, аналогичный тому, который мы увидели бы, если бы наши действия организовывались неким благим сверхъестественным разумом, помогающим людям добиваться своих целей.

Если Смит говорил о результатах, формируемых «невидимой рукой» (*invisible hand*), то Хайек употреблял выражение «спонтанный порядок» (*spontaneous order*)*. В своей книге «Контрреволюция науки» Хайек выделяет две формы спонтанного порядка, которым экономисты стремятся дать объяснение: *повторяющийся* порядок, например ежедневное установление равновесной рыночной цены на бананы на оптовом рынке фруктов, и *кумулятивный* институциональный порядок, например преобразование бартера в денежный обмен. Но, к сожалению, подобно «невидимой руке», выражение «спонтанный порядок» тоже поддается различным толкованиям. «Спонтанный» здесь не означает, что порядок формируется вне и независимо от человеческих действий (подобно, например, самовозгоранию) — он возникает из множества действий людей, которые тем не менее не направляются сознательно единой волей. Хайек, перефразируя высказывание шотландца Адама Фергюсона, современника Смита, писал о «результатах человеческой деятельности, но не человеческого замысла», и вынес эту фразу в заголовок статьи об истории этого понятия³⁶. К сожалению, эта формулировка не столь компактна и не указывает на то, что результаты оказываются упорядоченными или благотворными для общества.

Смит, несомненно, считал рыночную систему, освобожденную от меркантилистских ограничений, *самоупорядочивающейся*, а не направляемой из-за кулис неким божеством. И результаты этого он, несомненно, полагал благотворными для общества. В «Богатстве народов» он следующим образом противопоставлял меркантилистскую систему свободному, а значит, конкурентному рынку:

Поэтому, поскольку совершенно отпадают все системы предпочтения или стеснений, очевидно, остается и утверждается простая и незамысловатая система естественной свободы. Каждому человеку, пока он не нарушает законов справедливости, предоставляется совершенно свободно преследовать по

* В русских переводах используется также формулировка «стихийный порядок».

собственному разумению свои интересы и конкурировать своим трудом и капиталом с трудом и капиталом любого другого лица и целого класса³⁷.

О благотворных результатах свободы с точки зрения процветания он говорит и в часто цитируемом отрывке из доклада, сделанного в 1755 году:

Чтобы привести государство из самого низкого варварства к высочайшему уровню богатства, требуется, в общем, немного: мир, низкие налоги и сносное отправление правосудия. Все остальное образуется естественным ходом вещей³⁸.

Эту формулировку он расширил в «Богатстве народов», назвав личные интересы движущей силой этого «естественного хода вещей», которая не нуждается в помощи суверена:

Естественное стремление каждого человека улучшить свое положение, если ему обеспечена возможность свободно и беспрепятственно проявлять себя, представляет собой столь могущественное начало, что одно оно не только способно без всякого содействия со стороны довести общество до богатства и процветания, но и преодолеть сотни досадных препятствий, которыми безумие человеческих законов так часто затрудняет его деятельность³⁹.

В том, как Смит использует выражение «естественная свобода», прослеживается влияние более ранних представителей классического либерализма, таких как Джон Локк, и современных ему мыслителей, с которыми он встречался во Франции, в частности А.Р.Ж. Тюрго. Подробнее на источниках идейного влияния на Смита мы остановимся ниже.

Роль государства

Угроза естественной свободе, предупреждал Смит, исходит от государственного деятеля, который, желая всем распоряжаться, «присвоил бы себе власть... которая ни в чьих руках не оказалась бы столь опасной, как в руках человека, настолько безумного и самонадеянного, чтобы вообразить себя способным использовать эту власть»⁴⁰. Такой человек не понимает, что порядок, который он навязывает, не будет способствовать достижению индивидами их различающихся между собой целей, а вступит с ними в конфликт:

Человек, пристрастный к системам... полагает, что различными частями общественного организма можно располагать так же свободно, как фигурами на шахматной доске. При этом он забывает, что ходы фигур на шахматной доске зависят единственно от руки, переставляющей их, между тем как в великом движении человеческого общества каждая отдельная часть целого

двигается по свойственным ей законам, отличным от движения, сообщаемого ей законодателем⁴¹.

Однако Смит не был анархистом, считающим, что государство вообще не должно играть никакой роли, и, вопреки своей репутации, даже не абсолютизировал *laissez-faire*⁴². Он оставлял за государством те функции, которые, по его мнению, содействуют собственным устремлениям граждан, а значит, и богатству страны. Государство должно защищать граждан от внешней агрессии. Оно должно поддерживать гражданский порядок, то есть защищать права собственности, пресекая грабеж и мошенничество, тем самым давая «промышленности то единственное поощрение, в каком она нуждалась, то есть некоторую уверенность в том, что она сможет пользоваться плодами своего труда»*. Защита личности и собственности, по мнению Смита, означает и обязанность государства защищать интеллектуальную собственность (торговые марки, патенты и авторские права) и не допускать негативных экстерналий, таких как инфекционные заболевания и пожары (например, путем обеспечения исполнения строительных кодексов, предписывающих сооружение брандмауэров). Наконец, и это третья функция, государство должно обеспечивать финансирование «таких общественных учреждений и таких общественных работ, которые, будучи, может быть, в самой высокой степени полезными для обширного общества в целом, не могут, однако, своей прибылью возместить расходы отдельного человека или небольшой группы людей; поэтому нельзя ожидать, чтобы частное лицо или небольшая группа частных лиц основывали и содержали их»**. Общая идея, которую здесь артикулирует Смит, — состоящая в том, что некоторые проекты приносят выгоды, в сумме превосходящие издержки на их реализацию, но при этом не могут финансироваться за счет платы за пользование, а значит, соответствующие услуги не могут предоставляться в обычном порядке частным сектором — предвосхищала сегодняшнюю концепцию «общественных благ», на которой мы подробнее остановимся в главе 13.

Смит о деньгах и банках

Смит считал само собой разумеющимся, что чеканка монеты ведет свое происхождение от удостоверения «*публичным* клеймом» на слитках металла их веса и чистоты, и не ставил под сомнение государственное управление монетными дворами. Но что касается выпуска в обращение бумажных денег — банкнот, подлежащих обмену на монеты, — он полагал, что частное предпринимательство в этой сфере, существовавшее в Шотландии

* Смит А. Указ. соч. С. 271.

** Там же. С. 675–676.

в его времена (как и сейчас), дает огромные преимущества. Британское правительство, полагал он, поступило правильно, запретив выпуск бумажных денег малого достоинства (меньше 1 фунта стерлингов в Шотландии) и банкнот, выпускаемых с условием возможной отсрочки их обмена эмитентом на металлические деньги, поскольку в противном случае «нищенские» банкиры (хозяева банков-однодневок) могли бы выпускать свои банкноты в обращение к неудобству публики. (Эти меры он уподоблял предписанию возводить брандмауэры между домами, чтобы предотвратить распространение пожаров.) При наличии подобных ограничений операции по частной эмиссии «с полной безопасностью для публики могут быть оставлены во всех других отношениях совершенно свободными».

Свободная конкуренция между банками-эмитентами дает несколько преимуществ. Во-первых, чем больше децентрализована эмиссия, тем меньше ущерб для общества от краха одного из эмитентов:

При таком разделении всего обращения на большее число самостоятельных частей банкротство одного какого-нибудь банка — что должно иногда случаться при естественном ходе вещей — будет иметь менее тяжелые последствия для публики⁴³.

Во-вторых, чем сильнее конкуренция в банковском секторе, тем более выгодные условия обслуживания счетов предлагаются клиентам:

Свободная конкуренция равным образом заставляет всех банкиров проявлять большую предупредительность в их операциях со своими клиентами, чтобы их соперники не отвлекли этих последних к себе. Вообще, если какая-либо отрасль промышленности и торговли или труда выгодна публике, то чем свободнее и шире конкуренция, тем более выгодными они окажутся для нее⁴⁴.

В-третьих, конкуренция между банками приведет к расширению использования банкнот вместо монет, что обеспечит больший объем банковского кредитования, а значит, и повышение производительности экономики в целом. Средства, полученные за счет эмиссии банкнот, как и средства, полученные за счет привлечения вкладчиков, позволяют банкам финансировать инвестиции, в то время как находящиеся у людей золотые и серебряные монеты во многом являются «омертвленным капиталом». Излишнее золото и серебро можно вывозить за рубеж для обмена на производительное импортное оборудование. Таким образом, замена металлических денег банкнотами позволяет стране «превращать большую часть этого мертвого капитала в капитал активный и производительный, в капитал, производящий что-нибудь для страны»*. Смит считал, что в его время этот процесс замещения металлических денег получающими все большее

* *Смит А.* Указ. соч. С. 330.

распространение банкнотами заметно ускорил экономический рост в Шотландии⁴⁵.

Никаких привилегий бизнесу

Смит отстаивал рыночную конкуренцию, полагая, что это наилучший способ повысить благосостояние среднего гражданина. Как явствует из его критики меркантилизма, он не был поборником интересов бизнеса. (Когда экономист Томас Соуэлл преподавал историю экономических учений, он специально подчеркивал этот факт, обещая поставить высший балл любому студенту, который найдет в «Богатстве народов» хоть один хвалебный отзыв о бизнесменах.) Смит отмечал, что бизнесмены — это «представители того класса, интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его, и который действительно во многих случаях и вводил его в заблуждение и угнетал». Поэтому он относился к ним с подозрением: «Представители одного и того же вида торговли или ремесла редко собираются вместе даже для развлечений и веселья без того, чтобы их разговор не кончился заговором против публики или каким-либо соглашением о повышении цен». Выход он видел не в ограничении их свободы собраний, а в отклонении их просьб об особых привилегиях — таких, как пошлины, квоты, ограничения на вход в ту или иную сферу деятельности, — которые защитили бы их от конкуренции. Предоставление таких привилегий, то есть «ограничение конкуренции... может только давать торговцам возможность путем повышения их прибыли сверх естественного ее уровня взимать в свою личную пользу чрезмерную подать с остальных своих сограждан»⁴⁶.

Мыслители, повлиявшие на Смита: Фрэнсис Хатчесон и Бернард Мандевиль

В своем предисловии к изданию «Богатства народов», вышедшему в 1904 году, Эдвин Кеннан объяснял некоторые либеральные взгляды Смита и его интерес к экономике влиянием Фрэнсиса Хатчесона (1694–1746). В Университете Глазго Хатчесон преподавал Смиту моральную философию — в те времена эта дисциплина включала в себя и экономику. Он был страстным сторонником гражданских прав и свободы вероисповедования, но в меньшей степени — экономической свободы. Хатчесон был одним из первых утилитаристов, написавшим в 1725 году: «Наилучшими являются те действия, которые дают наибольшее счастье наибольшему числу людей, а наимудшими — те, которые аналогичным образом приносят страдания»⁴⁷. Цель Смита — улучшение участи простых людей — была по сути дела той же самой.

В «Системе моральной философии» (1755) Хатчесон обосновывал производственные преимущества специализации и торговли в отечественной промышленности. Однако он не был в этом последователен, отчасти сохраняя приверженность меркантилизму и выступая за национальные протекционистские пошлины, ограничивающие международное разделение труда. По мнению Кеннана, у Хатчесона, в отличие от Смита, отсутствует акцент на самоупорядочивающемся функционировании конкурентного рынка и на личных интересах в качестве движущей силы: «Хотя мы можем считать, что Хатчесон повлиял на Смита в том, что касается общей направленности в сторону либерализма, но нет причин приписывать его влиянию убежденность Смита в благотворном воздействии стремления к личной выгоде на экономику, которая проходит лейтмотивом через „Богатство народов“»⁴⁸.

Кеннан считал «вероятным, ибо большего мы не можем с уверенностью утверждать», что к уважительному отношению к личным корыстным интересам Смита подтолкнуло знакомство с вызвавшим весьма неоднозначную реакцию сатирическим произведением английского философа голландского происхождения Бернарда Мандевиля (1670–1733) «Басня о пчелах» (первое издание — 1714 год, более поздние, дополненные издания, в том числе в Эдинбурге — 1755 и 1772 годы)⁴⁹. В «Теории нравственных чувств» Смит подверг критике Хатчесона за недооценку значения и пользы личных корыстных интересов. В одной из последующих глав он писал о «живом и занимательном, хотя и вульгарном и грубоватом красноречии доктора Мандевиля», утверждавшего, что из частных «пороков», таких как тщеславие и эгоистическая погоня за удовольствием, спонтанно получаются общественно полезные результаты. Смит счел позицию Мандевиля крайним преувеличением (отметив, что «тщеславием» и «пороком» тот называет любое потребление, выходящее за рамки простого выживания), но признавал, что «с виду она... казалась близкой к истине»⁵⁰. Смит полностью отвергал похвалы Мандевиля в адрес мотовства, утверждая, что, напротив, экономия позволяет финансировать накопление капитала и тем самым способствует процветанию.

Произведение Мандевиля первоначально представляло собой поэму на двух десятках страниц под названием «Возроптавший улей, или мошенники, ставшие честными», опубликованную в 1705 году. В последующих изданиях (1714 года и более поздних) он добавил к ней комментарии в прозе и пояснительные диалоги, а также изменил заголовок, который получил большую известность, чем прежний. Улей здесь — весьма прозрачная метафора человеческого общества. Пока пчелы руководствовались тщеславием, улей процветал, но когда они отказались от него, производство сократилось и в улье снова воцарилась бедность. Процветание улья автор описывает такими строками:

В своем стремленье жить богато
Всяк норовил надуть собрата...

Здесь роскошь бедных выручала
Тем, что работу им давала;
Ей гордость в этом помогала;
А зависть и тщеславье тут
Облагораживали труд...

Пороком улей был снедаем,
Но в целом он являлся раем...
Тут и преступница-пчела
Для пользы общества жила⁵¹.

Из басни Мандевиля Смит мог позаимствовать ее главную мысль: для процветания и хорошей организации экономики нужно не *обуздывать* эгоистические страсти людей, а правильным образом *направлять* их.

В произведении присутствуют и некоторые другие идеи, которые позднее мы находим у Смита. В прозаических комментариях Мандевиль подчеркивал значение разделения труда, восхищаясь тем, «какое число людей, какое большое разнообразие профессий и какие разнообразные орудия и навыки должны быть использованы для изготовления самого простого йоркширского сукна»⁵². Критикуя меркантилистов, он утверждал, что импорт не душил отечественную промышленность, поскольку желание получить иностранные товары в обмен на свои стимулирует производство: «Торговля есть обмен, и ни одна страна не может покупать товары других, если у нее нет своих собственных товаров, с помощью которых она может их оплатить»⁵³.

Таким образом, Мандевиль был важным предшественником смитовских представлений о спонтанном порядке, в провокативной форме привлекая внимание к тому факту, что эгоизм индивидов непреднамеренно ведет к благотворным результатам в целом. Ф.Б. Кайе отмечал: «Изложение Мандевилем индивидуалистической позиции, несомненно, было самым блестящим, полным, провокативным и знаменитым — до тех пор, пока Адам Смит в своем „Богатстве народов“ не изложил *laissez-faire* в классической форме»⁵⁴. Смиту выпала задача развить и дополнить отрывочную и сумбурную теорию Мандевиля о том, как на самом деле в человеческом обществе достигаются полезные результаты. Кроме того, ему и последующим поколениям экономистов надо было исправить откровенные ошибки Мандевиля, в том числе связанные с негативным отношением к бережливости и с ложным аргументом, согласно которому даже воровство приносит благо обществу, поскольку дает работу изготовителям замков.

Давид Юм и Адам Фергюсон

Помимо Хатчесона, важный вклад в формирование экономического мировоззрения Смита внесли два других шотландца. В политических и исторических трудах личного друга Смита и известного философа Давида Юма (1711–1776)

содержатся предварительные наброски представлений о спонтанном порядке. Юм утверждал, что традиции общества и сформировавшиеся путем эволюции институты — например, частная собственность, позволяющая решать проблему редкости ресурсов, — воплощают в себе практическую мудрость. В торговле он видел источник экономического развития, а в экономическом развитии — основу цивилизации, мира и счастья.

В статье «О торговом балансе»*, опубликованной в 1752 году в сборнике «Трактаты о политике», Юм успешно опроверг денежную теорию меркантилистов. В ней он объяснил, каким образом количество монеты в стране регулирует само себя посредством процесса, получившего название «механизм „цена — переток звонкой монеты“», или «механизм перетока металлических денег (*price-specie-flow mechanism*)». (Под «металлическими деньгами», или «звонкой монетой», подразумеваются золотые и серебряные монеты.) Смит сослался на Юма и дал краткое изложение его теории в «Лекциях по юриспруденции», а также отчасти опирался на нее в «Богатстве народов». В главе 11 мы подробнее рассмотрим теорию Юма и ее значение.

Адам Фергюсон (1723–1816) в своем труде «Опыт истории гражданского общества» (1767) кое-что позаимствовал из «Теории нравственных чувств» Смита, вышедшей раньше. В свою очередь эта работа Фергюсона повлияла на «Богатство народов». В «Опыте» Фергюсон сформулировал идею спонтанного порядка, которую затем процитировал и перефразировал Хайек: «Даже в так называемый просвещенный век каждый шаг и каждое движение множества людей совершается с прежней слепотой относительно будущего: целые нации спотыкаются о те установления, которые представляют собой несомненное человеческое деяние, хотя и непреднамеренное»⁵⁵. Фергюсон также с необычайной ясностью описал преимущества разделения труда в рамках фирмы: «Всекий предприниматель приходит к открытию, что, расчлняя процесс производства на большее число операций, он получает возможность нанимать больше людей для выполнения этих отдельных операций, а это сокращает его расходы и увеличивает прибыль»⁵⁶.

Физиократы

Путешествуя по Европе в 1763–1764 годах, Смит познакомился с французскими экономистами, входившими в группу так называемых физиократов — это название свидетельствует, что они отдавали предпочтение «власти Природы». Признанным лидером группы во времена континентального турне Смита был Франсуа Кенэ (1694–1774), автор работы «Экономическая

* Русский перевод: Юм Д. О торговом балансе // Вехи экономической мысли. М.: ТЕИС, 2006. Т. 6: Международная экономика. С. 112–123.

таблица» (1758), в которой описывалась модель экономического кругооборота. Физиократы критиковали меркантилизм, господствовавший во французской экономической мысли со времен Людовика XIV и его министра финансов Жана-Батиста Кольбера, и выступали за *laissez-faire*. Одним из главных их идейных предшественников был поборник свободы торговли Венсан де Гурнэ (1712–1759). Исследователь интеллектуальной истории Дэвид Харт пишет: «Считается, что именно Гурнэ придумал фразу „laissez faire, laissez passer“, отвечая на вопрос, какой должна быть экономическая политика государства»⁵⁷. В переводе с французского это означает «дайте людям делать дело, не вмешивайтесь». Более конкретно, политика *laissez-faire* в то время означала ликвидацию внешнеторговых барьеров, предоставленных государством монополий и привилегий, а также цеховых ограничений.

Как и Смит впоследствии, физиократы учили, что богатство, в противоположность тому, что думали меркантилисты, состоит в производстве благ, а не в накоплении золота и серебра. Однако теория физиократов включала в себя и весьма своеобразную доктрину, согласно которой только сельское хозяйство дает чистый продукт (то есть только в этой сфере деятельности ценность произведенной продукции превышает ценность затраченных факторов производства), а потому лишь оно увеличивает богатство. Физиократы отдавали предпочтение *laissez-faire*, считая, что эта политика позволит высвободить производительную силу сельского хозяйства. Промышленность, по их мнению, потребляет ресурсы, имеющие такую же ценность, как и производимая ею продукция, поэтому она не увеличивает богатство, и ее не следует искусственно стимулировать. Размер государства должен быть минимальным, поскольку государство — это паразит, живущий за счет производственного сектора, и его чистый продукт есть величина отрицательная.

Смит считал некоторые элементы физиократии далекими от реальности и в одном месте шутливо заметил, что она «никогда не причинила и, вероятно, никогда не причинит ни малейшего вреда ни в одной части земного шара»*. В то же время он соглашался с мнением Кенэ, что адекватным показателем богатства страны является ее годовой продукт, что некоторые виды труда непроизводительны и лишь истощают производительный сектор, а одной из главных задач экономистов является анализ того, как годовой продукт распределяется между классами общества.

Особенно близко Смит был знаком с Анном Робером Жаком Тюрго (1727–1781), экономистом, находившимся под влиянием физиократии, а впоследствии ставшим государственным деятелем и реформатором. Тюрго был младше Смита на четыре года. В своем «Похвальном слове Венсану де Гурнэ» (1759) — это была дань уважения Тюрго своему покойному наставнику-фритредеру — он критиковал меркантилистские ограничения торговли

* Смит А. Указ. соч. С. 625.

как систему привилегий. Тюрго сформулировал принцип *laissez-faire* в виде политического афоризма: «Хватит того, чтобы государство всегда защищало естественную свободу продавца продавать, а покупателя покупать»*. В «Размышлениях о создании и распределении богатств» (1766) Тюрго существенно изменил и усовершенствовал физиократическую систему. Он признал, что не только сельское хозяйство, но и промышленность может увеличивать ценность, и что ключом к повышению производительности промышленности является накопление капитала за счет сбереженной части годового продукта. В 1787 году последователь Тюрго маркиз Кондорсе писал: «Это эссе можно даже считать зародышем трактата о „Богатстве народов“, написанного прославленным Смитом; к несчастью для человечества, эта работа до сих пор мало известна в Европе»⁵⁸.

Проблема социальной координации

Концепция спонтанной социальной координации Адама Смита по существу выдвигала на первый план исследовательскую программу теоретического и исторического анализа того, как возникает эта координация в рамках большой экономики, в которой взаимодействия осуществляются в основном анонимно. В начале XIX века Давид Рикардо и другие ученые внесли важный вклад в эту программу, разработав теорию сравнительных преимуществ (см. главу 14), которая служит ключом к пониманию того, почему люди обмениваются друг с другом и объединяются в общество, а не живут поодиночке без какого-либо взаимодействия. Из всех экономистов XIX века концепцию Смита в этом отношении больше всех продвинул вперед, приблизив ее к хайкевской, основатель австрийской школы Карл Менгер, опубликовавший два своих главных труда в 1871 и 1883 годах. Смит, Менгер и Хайек каждый по-своему внесли свой вклад в разработку идеи о том, что процветание зависит от способности людей координировать свою экономическую деятельность с другими, незнакомыми им людьми. Как сформулировал эту проблему Смит, «в цивилизованном обществе он [индивид] непрерывно нуждается в содействии и сотрудничестве множества людей, между тем как в течение всей своей жизни он едва успевает приобрести дружбу нескольких лиц»⁵⁹.

Менгер видел в институтах, таких как деньги и рынки, некие рамки, обеспечивающие координацию и сотрудничество между людьми, поэтому в книге «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности» (1883) он переформулировал исследовательскую задачу как поиск объяснения того, как возникают полезные институты: «Как же могут возникать институты, служащие для общественного благополучия

* Тюрго А.Р.Ж. Похвальное слово Венсану де Гурнэ // Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С. Физиократы: Избранные экономические произведения. М.: Эксмо, 2008. С. 537.

и чрезвычайно важные для его развития без *общей воли*, направленной к их установлению?»⁶⁰ Как отмечал экономист Стивен Хорвиц, изучение Менгером благотворных паттернов, возникающих в отсутствие единой воли, по сути дела представляло собой анализ того, как функционирует смитовская «невидимая рука»⁶¹. Хайек, в свою очередь, отмечал, что именно «Исследования о методах» Менгера вдохновляли его в период спора об экономическом расчете при социализме и позже при разработке собственных идей по поводу того, каким образом экономика, состоящая из децентрализованно действующих индивидов, функционирует согласованно в отсутствие единого центра, ответственного за принятие решений.

Менгер критиковал Смита за то, что тот делал упор на разделение труда, и утверждал, что оно не является самым важным источником экономического прогресса. В первобытном племени охотников и собирателей, указывал он, тоже может существовать разделение труда, но при этом племя не становится богатым. В наибольшей степени рост процветания связан с приобретением капитала и особенно с накоплением ноу-хау, необходимых для внедрения сложных методов многостадийного производства:

Количества этих благ, доступные распоряжению людей, находят свой предел только в пределах проникновения людей в причинную связь между вещами и в размере их власти над последними. Прогресс в познании причинной связи предметов с благосостоянием людей и возрастающее подчинение наиболее отдаленных условий этого благосостояния привели людей... к современной ступени их культуры и благосостояния... и можно быть уверенным, что хозяйственный прогресс и в будущем будет определяться указанными успехами⁶².

Позднее Хайек, как и Менгер, будет делать акцент на капиталистическом производстве, в то время как о техническом прогрессе он писал мало.

Карл Менгер

Карл Менгер (1840–1921) родился в Австро-Венгерской империи. В 1859–1863 годах он изучал экономику в Пражском и Венском университетах, работал в Вене журналистом, специализируясь на экономической тематике, а затем вернулся к обучению и в 1867 году получил докторскую степень в области права в Краковском университете. (Прага была одним из крупнейших городов империи, а Краков находился на ее северной окраине.) После этого он продолжил работу в качестве экономического журналиста и одновременно занялсяписанием своего новаторского труда «Основания политической экономии», вышедшего в 1871 году⁶³. После публикации этой книги Менгер в 1873–1876 годах преподавал в Венском университете. Затем он два года был наставником кронпринца Рудольфа, путешествуя с ним по Европе подобно тому, как в свое время Адам Смит сопровождал

молодого герцога Баклю. Лекции Менгера, законспектированные в записных книжках кронпринца с правкой самого Менгера, были позднее обнаружены, переведены и опубликованы на английском языке в 1994 году⁶⁴. Из них видно, что Менгер отнюдь не был оторванным от практических вопросов теоретиком, а его идеи в отношении экономической политики почти полностью совпадали с тем, что предлагал Адам Смит.

В 1879 году Менгер вернулся в Венский университет на должность профессора. В 1883 году он опубликовал книгу «Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности», а годом позже — монографию «Ошибки историцизма в немецкой национальной политэкономии», представляющую собой ответ немецким критикам его предыдущей работы. В 1903 году он ушел в отставку.

Менгеровская теория формирования цен

Менгер разработал теории, описывающие действие «невидимой руки» как для повторяющихся порядков (в первую очередь для формирования рыночных цен на основе субъективных предпочтений), так и для кумулятивных порядков (прежде всего для возникновения денег из бартерного обмена). Согласно его теории формирования цен последние возникают как побочный продукт обмена. Обмен же предполагает взаимную потребность: в примере Менгера индивид А хотел бы иметь лошадь (принадлежащую В) вместо некоторого количества зерна (принадлежащего ему самому); предпочтения же В прямо противоположны. Обмен лошади на зерно позволяет обеим сторонам получить выгоду (с их собственной точки зрения). Еще один взаимовыгодный обмен лошади на зерно возможен, если А предпочитает вторую лошадь некоторому количеству зерна, а В вновь хочет зерна, имея лошадь, и так далее. Реализованная цена последнего обмена — x бушелей зерна за одну лошадь — такова, что при ней обе стороны уже предпочитают не проводить дальнейших обменов. На рынке с двумя участниками устанавливается равенство спроса и предложения. Этот процесс торговли обобщается и для случая рынка со множеством продавцов и покупателей. Никто из участников не стремится к установлению равновесной рыночной цены, но она возникает сама в процессе двусторонних торгов (продавцы лошадей предлагают свои цены за зерно, а продавцы зерна — за лошадью), двигателем которого выступают попытки участников обмена с каждой стороны получить для себя наилучшую возможную цену.

Возникновение денег

Согласно стандартному определению деньги — это любое благо, служащее в качестве общепринятого средства обмена. *Средство обмена* (medium of exchange) — это товар, который индивид принимает в ходе одного обмена,

чтобы отдать за что-то в ходе последующего обмена. Чтобы объяснить, каким образом институциональный паттерн денежного обмена (в отличие от простого бартера) возникает из эгоистических действий индивидов без какого-либо осознанного замысла, Менгер предложил теорию кумулятивного спонтанного порядка. Альтернативный подход, согласно которому деньги были созданы сознательно и целенаправленно (например, придуманы неким мудрым монархом), требует принятия «героической» посылки об изобретательском гении, сумевшем представить себе новый, прежде невиданный институциональный порядок. Подобно тому как «изобретение» английского языка нельзя приписать одному человеку, невозможно представить себе и то, что социальную практику использования денег выдумал некий отдельный индивид.

Адам Смит в «Богатстве народов» (книга I, глава IV «О происхождении и употреблении денег») приходит к мысли, что деньги — спонтанно возникший продукт обмена. Индивиды начали выменивать повсеместно принимаемые товары для последующей покупки того, что им необходимо, тем самым преодолевая трудности, связанные с попытками напрямую обменять свой продукт, когда он нужен лишь немногим продавцам других товаров. Однако Смит так и не описал последовательность шагов, результатом которых стало возникновение общепризнанного средства обмена.

Первая задача теории Менгера состояла в объяснении причин, по которым участник обмена пожелал бы перейти от прямого обмена (услуг или продуктов, произведенных непосредственно в домашнем хозяйстве, на нужные ему потребительские блага) к косвенному (двухшаговой торговой стратегии, когда продукты и услуги сначала продаются в обмен на некий товар-посредник, а затем на него покупается нужное потребительское благо). Проблема с прямым обменом заключается в том, что непросто найти человека, имеющего нужный вам товар и *одновременно* желающего получить предлагаемый вами товар. Представим себе (этот пример не принадлежит Менгеру), что вы привезли на рынок спаржу и хотите приобрести брокколи. Вы находите человека, предлагающего к обмену брокколи, но оказывается, что спаржа ему не нужна. Косвенный обмен позволяет обойти это затруднение. Допустим, вы спрашиваете, что этому человеку нужно, и он отвечает: капуста. Если вы можете обменять спаржу на капусту, то сможете потом отдать ее за брокколи. В рамках этой двухшаговой стратегии *косвенного обмена* средством обмена служит капуста.

В более общем случае, когда вы приходите на рынок, не зная точно, что именно продавцы возьмут в уплату за нужный вам товар, косвенный обмен даст вам то, что вы хотите, с меньшими затратами времени и сил, если средство обмена, которое вы сможете приобрести, обладает большей «продаваемостью» или «обмениваемостью» (Менгер в оригинале использовал немецкий термин *Absatzfähigkeit*), чем ваш первоначальный товар. Лучшая обмениваемость обеспечивается сочетанием более широкой распространенности потребления или большей популярности блага по сравнению с другими — из-за чего большее количество продавцов готово его принять

и поэтому легче найти партнера для обмена — и более низких издержек на его хранение и обмен (благо не является скоропортящимся, его легче перемещать в пространстве, удобнее делить на части, чтобы давать сдачу, а его качество проще оценить, чем в случае других благ). Менгер подводит итог этого рассуждения следующим образом: «Итак, экономический интерес отдельных хозяйствующих индивидов приводит, по мере развития понимания ими этого интереса, без всякого соглашения, без законодательного принуждения, без всяких даже соображений об общественном интересе к тому, что индивиды отдают свои товары в обмен на другие, обладающие большей способностью к сбыту, несмотря на то что для непосредственных целей потребления они в них не нуждаются»⁶⁵.

Второй задачей теории Менгера было объяснение того, почему некая совокупность обменивающихся друг с другом индивидов, поначалу использующих в качестве средств обмена самые разнообразные блага, в конце концов сходится на одном из них как на *общепризнанном*. Ключ к ответу дает то, что мы сегодня назвали бы «сетевым эффектом». Обнаружив возможность косвенного обмена, его участники понимают, что имеет смысл выяснить, какие товары принимает наибольшее количество других обменивающихся людей, чтобы они сами могли принимать и иметь при себе запас сравнительно более обмениваемых товаров для использования в качестве средства обмена. К примеру, чем больше число торговцев на рынке, принимающих в этом качестве соль, тем полезнее будет соль в качестве средства обмена для каждого, кто намерен торговать на этом рынке. Таким образом, популярность средства обмена растет по принципу положительной обратной связи: если я решу принимать соль и использовать ее в качестве средства обмена, число торговцев, принимающих ее, увеличивается на одного, а значит, еще немного увеличивается и ее полезность в этом качестве для других участников рынка. Популярность рождает популярность — до тех пор пока рынок не придет к общепризнанному средству обмена. Поначалу соль, возможно, обладала лишь чуть большей обмениваемостью, чем другие блага, но после того, как все сошлись на ней, эта обмениваемость оказывается *намного* больше по сравнению с другими благами.

Важный вывод из теории Менгера, который он сам подчеркивал особо, состоит в том, что деньги возникают спонтанно. Никакого коллективного решения здесь не требуется:

Происхождение денег (их следует отличать от их вида — металлических денег), как мы видели, совершенно, так сказать, естественное, и поэтому только в очень редких случаях можно свести его к законодательным влияниям. Деньги не установлены государством, они — не продукт законодательного акта, и поэтому санкционирование их государственной властью вообще чуждо понятию денег. Функционирование определенных товаров в роли денег образовалось естественно на почве экономических отношений, без государственного вмешательства⁶⁶.

Потенциальная опасность такой самоусиливающейся популярности — об этом часто говорится в современной литературе о других сетевых благах — заключается в том, что рынок может оказаться «привязан» (locked in) к какому-то конкретному стандарту, и ему трудно будет спонтанно переключиться на другой, технически *более совершенный*. Но, говоря об обмениваемости, Менгер имел в виду не только популярность блага, но и его другие характеристики (легкость транспортировки, делимость, долговечность и т.д.), снижающие издержки при его использовании в качестве передаваемого из рук в руки средства обмена. Делая выбор между различными средствами обмена, участник обмена учитывает эти характеристики как по соображениям собственного удобства, так и потому, что благам, порождающим меньшие транзакционные издержки, отдадут предпочтение при оплате и его потенциальные партнеры по обмену. Таким образом, товар, технически более пригодный на роль средства обмена (порождающий меньшие издержки при использовании), может прийти на смену менее подходящему товару. Менгер привел соответствующий исторический пример: в Древней Греции медь заменила быков в качестве денег, когда из-за урбанизации ее большая компактность, большая легкость оценки ее качества с точки зрения городских жителей и возможность использования мелких порций для небольших сделок оказались важнее, чем популярность быков у селян и возможность перегонять их с одного сельского рынка на другой.

Политические выводы из теории спонтанного порядка

Экономические теории спонтанного порядка, разработанные Смитом, Менгером, Хайеком и другими, учат нас, что взаимовыгодный обмен на децентрализованных рынках и возникающие из него институциональные паттерны способствуют осуществлению целей индивидов. «Анархия рынка» приводит не к хаосу, а к слаженному и благотворному порядку. «Невидимая рука» действительно преумножает богатство народов. На этом уроке основываются практические аргументы в пользу распределенной частной собственности и свободной конкуренции, которые впоследствии развивали члены Общества Мон-Пелерен и другие экономисты-рыночники. Стивен Хорвиц кратко выразил суть дела следующим образом: «В рамках шотландской традиции доводы в пользу свободного рынка, свободы слова и объединений и мира между народами носят консеквенциалистский характер: желательно, чтобы процессам формирования спонтанного порядка было позволено делать свое дело, поскольку эти процессы *работают*; они делают наш мир более процветающим и счастливым, чем возможные альтернативы»⁶⁷.

Консеквенциалистские аргументы в пользу свободного рынка не противоречат аргументам, апеллирующим к естественным правам, которые Смит тоже приводит. В «Богатстве народов» он пишет:

Все достояние бедняка заключается в силе и ловкости его рук, и мешать ему пользоваться этой силой и ловкостью так, как он сам считает для себя удобным, если только он не вредит своему ближнему, значит прямо посягать на эту священнейшую собственность⁶⁸.

И далее:

Запрещение подавляющему числу людей выделять из продукта своего труда все то, что они могут, или затрачивать свой капитал и промышленный труд таким образом, как они считают для себя наиболее выгодным, представляет собою явное нарушение самых священных прав человечества⁶⁹.

Рыночную, или классическую либеральную, позицию, подкрепленную теорией спонтанного порядка, порой называют «консервативной». Но этот ярлык неуместен, если под «консерватизмом» понимать «защиту статус-кво». Адам Смит был одним из ведущих критиков статус-кво своего времени, а именно меркантилизма. Хайек, предвосхищая неверное понимание его защиты классических либеральных идей, снабдил свой трактат по политической философии «Конституция свободы» (1960) послесловием под названием «Почему я не консерватор». А недавно член MPS и лауреат Нобелевской премии по экономике Джеймс М. Бьюкенен опубликовал книгу, озаглавленную «Почему я тоже не консерватор» (2005).

Усилия теоретиков спонтанного порядка, предпринимаемые с целью *понять* экономические и исторические процессы, не означают, что они неизменно *одобряют* любой их результат (то есть статус-кво). Во-первых, стартовая точка процесса формирования порядка может вызывать возражения с нормативной точки зрения. К примеру, если человек признает, что цены уравнивают рынок рабов, это не делает его сторонником рабовладения. Во-вторых, сам процесс может быть безвредным. Он может сопровождаться нарушением смитовской «естественной свободы», моральных ограничений, обусловливаемых уважением к человеку и его честно приобретенной собственности. Особенно это относится к политическим процессам. Для Хайека «дорога к рабству» — это «безвредный» политический процесс, ведущий к явно нежелательному результату, хотя речь и идет о незапланированном «результате человеческой деятельности, но не человеческого замысла». Наконец, Хайек признавал, что эволюция общества может «зайти в тупик» неудачного институционального исхода (неудачность которого определяется по контрасту с реалистичным альтернативным вариантом), который нельзя скорректировать без сознательных и скоординированных (а не спонтанных и постепенных) действий, хотя эти действия не обязательно должно осуществлять государство.

Послевоенное «экономическое чудо» в Германии и ордолиберализм

В июне 1948 года в кабинете Людвиг Эрхарда — немецкого экономиста, занимавшего пост директора Экономического управления Бизонии (британской и американской оккупационных зон в Германии), — зазвонил телефон. Звонил глава американской Военной администрации в Германии генерал Люсиус Клей. В воскресенье 20 июня Эрхард должен был выступить по радио, чтобы рассказать о планируемой денежной реформе, в ходе которой планировалось заменить слабую старую валюту, рейхсмарку, новой немецкой маркой. В аппарате Клея узнали, что помимо этого Эрхард без официального одобрения союзных оккупационных властей намеревается воспользоваться ситуацией, чтобы одним решительным постановлением отменить многие из действовавших тогда мер по контролю над ценами и директив, регулирующих рacionamento товаров. Когда Эрхард взял трубку, генерал Клей сказал: «Профессор Эрхард, мои советники утверждают, что вы совершаете грандиозную ошибку», — на что Эрхард, по его собственным словам, ответил: «Мои советники говорят то же самое»¹.

Тем не менее отмена контроля состоялась, и началось впечатляющее возрождение германской экономики.

Оккупированная Германия, 1945–1948 годы

После Второй мировой войны немецкие города, заводы и железные дороги лежали в руинах, а уцелевшее население испытывало крайнюю нужду. Повсюду был острый дефицит продуктов питания, топлива, воды и жилья. В июне 1945 года разрушенную страну взяли под контроль четыре державы-победительницы (США, Великобритания, Франция и СССР), поделив Германию на четыре зоны оккупации (британская и американская зоны впоследствии были объединены).

К сожалению, оккупационные власти сохранили контроль над ценами, введенный еще нацистским правительством в 1936 году, и поэтому проблема дефицита не была решена — в легальной розничной торговле полки магазинов оставались пустыми. Теперь вместо Третьего рейха

рационализацией потребительских товаров и аллокацией производственных ресурсов с помощью приказов и предписаний в западных зонах оккупации занимались союзники по антигитлеровской коалиции. Людям, для которых официальной продовольственной нормы, составлявшей всего 1000–1500 калорий в день, было недостаточно, чтобы питаться самим и прокормить свои семьи, приходилось обменивать сохраненное личное имущество на еду на черном рынке. Трудности, повседневно создаваемые острым дефицитом, ярко показаны в кинодраме Роберто Росселлини «Германия, год нулевой» (1948), снятой среди развалин послевоенного Берлина.

Новая социал-демократическая партия Германии выступала за сохранение контроля и рационализации. Эрхард же стал противником этих мер. Борьбу потребителей и бизнесменов против режима бюрократического распределения он называл «Der Papier Krieg» — «бумажной войной».

Шоковая терапия Эрхарда

После постановления Эрхарда об отмене контроля дефицит быстро исчез. За несколько недель Эрхард упразднил большинство оставшихся мер контроля над ценами, предписаний об аллокации ресурсов и директив по рационализации, действовавших в англо-американской Бизонии. Контроль над заработной платой был отменен в ноябре. Позднее Эрхард отмечал: «Мне помогло то, что генерал Клей, пожалуй, самая сильная личность среди членов Верховной комиссии, поддерживал меня и прикрывал своим авторитетом мои распоряжения»².

Не все американские чиновники поддерживали действия Эрхарда. Примерно в то же время Джон Кеннет Гэлбрейт, в 1941–1943 годах служивший высокопоставленным начальником в Управлении по регулированию цен, работал в Госдепартаменте США и курировал экономическую политику в оккупированных Германии, Японии, Австрии и Южной Корее. В 1952 году, вскоре после описываемых событий, будет опубликована его книга «Теория регулирования цен». В статье, написанной в 1948 году, Гэлбрейт полностью отверг идею о восстановлении германской экономики посредством дерегулирования:

Последние два года все чаще и все более страстно высказываются утверждения, что, если каким-то образом освободить экономику Германии от регулирования материальных ресурсов и рабочей силы, контроля над ценами и других бюрократических наслоений, то это ускорит ее восстановление... Тем не менее нет ни малейшей возможности добиться оживления в Германии путем такой огульной отмены, и не исключено, что настойчивое повторение этой идеи лишь оттягивает его. Вопрос не в том, должно ли существовать планирование, то есть расстановка приоритетов в реконструкции и восстановлении, в аллокации материальных ресурсов и рабочей силы, в снабжении

товарами первой необходимости и тому подобном; вопрос лишь в том, насколько решительно и эффективно осуществляется это планирование³.

Гэлбрейт ошибался. Широкомасштабные меры Эрхарда по упразднению контроля позволили покончить с дефицитом, и черный рынок исчез. В магазинах вновь появились товары. Как отмечал генерал Клей в письме к коллеге,

чуть ли не в одночасье припрятанные товары перекочевали на прилавки. <...> Туда же переместились товары, накопившиеся на производственных предприятиях. Даже фрукты и овощи с ферм вновь начали продаваться на рынке⁴.

Бартер заменила купля-продажа на немецкие марки. Вновь задымили фабричные трубы, и улицы заполнились грузовиками. Повсюду в городах теперь был слышен шум стройки⁵. Впечатляющий успех реформ сделал их необратимыми. Через несколько месяцев примеру Бизонии последовали во французской зоне оккупации. Затем оккупационные власти радикально снизили предельные ставки налогов.

С июня по декабрь 1948 года промышленное производство в трех западных зонах выросло на 50%. В мае 1949 года три зоны были объединены и была создана Федеративная Республика Германия, обычно называемая просто Западной Германией, а восточная часть страны осталась в качестве Германской Демократической Республики в сфере доминирования СССР. К 1958 году душевой ВВП в Западной Германии увеличился втрое. Эта страна обогнала Францию и Великобританию, хотя получила намного меньше помощи по плану Маршалла. Восточная же Германия вообще осталась далеко позади. Этот период получил название «Wirtschaftswunder» — «экономическое чудо».

Людвиг Эрхард

Людвиг Эрхард (1897–1977) начал приобщаться к идеям свободного рынка благодаря отцу, который был мелким предпринимателем, и продолжил усваивать их от своего преподавателя экономики в коммерческом училище в Нюрнберге, из которого он в 1922 году вышел с бакалаврским дипломом. В 1925 году он получил докторскую степень во Франкфуртском университете, где учился у социолога и экономиста с эклектическими взглядами Франца Оппенгеймера, который известен в первую очередь как автор книги «Государство», опубликованной еще в 1907 году.

Эрхард отказался вступать в нацистскую партию и связанную с ней университетскую организацию, хотя позиции обеих в Нюрнберге были весьма сильны. Это закрыло ему путь к университетской карьере. Он устроился на работу в Институт по изучению конъюнктуры, деловой исследовательский

центр в Нюрнберге, и вскоре стал редактором его изданий. Он подружился с экономистом и социологом Александром Рюстовым, сторонником классического либерализма, и читал распространявшиеся подпольно работы экономистов-рыночников Вильгельма Рёпке и Вальтера Ойкена. Из-за идейных разногласий с директором института, сторонником картелирования и сотрудничества с нацистами, Эрхард в 1942 году уволился и создал собственный научно-исследовательский институт с персоналом из двух человек — его самого и секретаря.

В 1944 году Эрхард по заказу людей, поддерживавших его институт, написал работу о том, какой могла бы быть экономическая реформа в Германии после поражения в войне и, в частности, как можно было бы решить проблемы избыточной денежной массы и чрезмерного долгового бремени, унаследованные от Третьего рейха. В этом докладе, озаглавленном «Kriegsfinanzierung und Schuldenkonsolidierung» («Военные финансы и консолидация долга»), он предлагал провести сокращение денежной массы с пропорциональным уменьшением номинальных сумм долгов, но пока что не шло речи о том, чтобы отменить контроль над ценами. Гитлер в свое время запретил разработку любых подобных планов на послевоенный период. После того как его друг, с которым он состоял в переписке, политик Карл Гёрделер был арестован гестапо и брошен в тюрьму за участие в неудачном заговоре против Гитлера, сам Эрхард стал опасаться ареста, поскольку Гёрделер был автором меморандума, где положительно отзывался о его исследовании. К счастью, этого не случилось⁶.

В апреле 1945 года Эрхард предложил свои услуги американским оккупационным властям, и те привлекли его к работе по восстановлению хозяйства его родного города Фюрт на севере Баварии. В октябре его повысили, назначив министром экономики Баварии. На этом посту он помог избежать полного демонтажа американцами заводов частного концерна BMW в Аллахе и Мильбертсхофене⁷. Позднее в том же году он был назначен председателем Комиссии по денежной реформе. В апреле 1948 года Эрхард стал директором Экономического управления Бизонии и в этом качестве издал в июне знаменитое постановление об отмене контроля. Несколько неожиданное назначение экономиста-рыночника главой управления было счастливой случайностью, а именно результатом торга между соперничающими политическими партиями Бизонии. Эрхард пользовался поддержкой Свободной демократической партии — небольшой партии сторонников классического либерализма, голоса которой были нужны более мощному правоцентристскому Христианско-демократическому союзу (ХДС) для формирования коалиции большинства без участия социал-демократов и коммунистов⁸.

В правительстве вновь образованной Западной Германии, возглавлявшемся канцлером Конрадом Аденауэром из ХДС, Эрхард занял пост министра экономики — в этой должности он проработал с 1949 по 1963 год. Затем он был избран преемником Аденауэра и в течение трех лет занимал должность федерального канцлера. Успех Эрхарда на выборах отражал поддержку политики, обеспечившей «экономическое чудо».

Людвиг Эрхард был политическим предпринимателем, черпавшим идеи, касающиеся экономической политики, из особой немецкой разновидности классического либерализма — течения мысли, известного как «ордолиберализм». Этот термин происходит от названия научного ежегодника *Ordo* (латинское слово, означающее «порядок»). Интеллектуальными же предпринимателями в рамках этой школы были профессор экономики Вальтер Ойкен и профессора юриспруденции Франц Бём и Ганс Гроссман-Дерт⁹. В 1936 году они втроем начали серию публикаций под общим заголовком «*Ordnung der Wirtschaft*» («Экономический порядок») в целях распространения идей классического либерализма во все более враждебной атмосфере. Таким образом ордолиберализм стал осознанным интеллектуальным движением сопротивления национал-социалистическому режиму Гитлера. Во вводной статье трое редакторов серии противопоставляли свои взгляды по-прежнему господствовавшим идеям немецкой исторической школы, лидером которой некогда был Густав Шмоллер (см. главу 4), а в описываемое время — Вернер Зомбарт (см. главу 6). В частности, ордолибералы указывали на отсутствие у исторической школы теоретических оснований и ее «релятивистское приспособленчество» в отношении экономической политики¹⁰. Ойкен в 1940 году писал: «Критиковать Шмоллера — значит критиковать значительную часть экономической доктрины нашего времени»¹¹.

В 1948 году Ойкен и Бём (их партнер Гроссман-Дерт скончался в годы войны) основали журнал *Ordo*. Поскольку эта теоретическая школа сформировалась вокруг Ойкена и Бёма, преподававших во Фрайбургском университете на юго-западе Германии, ее называли фрайбургской. Впрочем, важный вклад в ее деятельность вносили и ученые, не связанные с Фрайбургским университетом, в частности Вильгельм Рёпке.

Помощником и ключевым советником Эрхарда в Экономическом управлении оккупационной администрации был бывший аспирант и докторант Ойкена Леонхард Микш, который сыграл важнейшую роль в реформировании немецкой экономики, — именно он убедил Эрхарда взять на вооружение более прорыночный курс, чем тот предполагал в своем аналитическом докладе 1944 года, а именно соединить денежную реформу с поэтапной отменой контроля над ценами и ратционирования. В январе 1948 года Микш опубликовал статью, где говорил о превосходстве рыночной аллокации над планированием и предупреждал, что плановая экономика является угрозой для демократии. В феврале он написал пространственный меморандум, содержащий призыв к поэтапному восстановлению рыночной системы ценообразования¹². Именно Микш составил проект постановления об освобождении цен¹³. Разумеется, упразднение контроля над ценами и прекращение ратционирования как раз и означали переход от преимущественно командной к преимущественно свободной рыночной экономике. По поводу реформ Эрхард консультировался и с другими ордолибералами — Ойкеном, Рёпке и экономистом Альфредом Мюллер-Армаком.

В 30-х и 40-х годах определенное влияние на ордолибералов оказали работы Ф.А. Хайека, а позднее, с 1962 по 1969 год, он и сам преподавал во Фрайбургском университете. Он также был членом правления Института Вальтера Ойкена — независимого ордолиберального научного центра, расположенного неподалеку от Фрайбургского университета. На завершающем этапе своей карьеры в 1977–1992 годах Хайек снова вернулся во Фрайбург.

Ордолиберализм как теоретическая школа был сосредоточен на поиске подходящих для рыночного порядка «правил игры» и задавался вопросом, какая конституционная структура и правовая система лучше всего позволяют сохранить свободное общество и экономику. Ордолибералы старались понять причины прихода к власти нацистов и крушения Веймарской республики, существовавшей в Германии после Первой мировой войны с 1919 по 1933 год, чтобы выработать конституционные меры, которые предотвратили бы повторение чего-либо подобного. Они делали акцент на двух причинах падения веймарской системы. Первой была гиперинфляция в Германии в 20-х годах, вызванная чрезмерной денежной экспансией, проводившейся Рейхсбанком. Таким образом, ордолибералы подчеркивали необходимость денежной системы, обеспечивающей стабильность покупательной способности национальной валюты. Представители этой школы были убеждены, что действия центрального банка по расширению денежной массы следует сдерживать, но расходились в том, каким образом лучше всего обеспечить достижение этой цели. Фридрих Лутц (в 30-е годы) и Рёпке отдавали предпочтение классическому золотому стандарту, но Ойкен и Эрхард полагали попытки его восстановить безнадежным делом¹⁴. Ойкен был сторонником денег с товарным резервным обеспечением. Микш считал наилучшим вариантом золотой стандарт в сочетании с конкурентной денежной системой, которая исключала бы эмиссионные полномочия центрального банка и требовала бы (как и в предложении Ойкена) сто-процентного резервирования при частной эмиссии денег. Лутц — последний из первоначальных участников Фрайбургской школы, кто оставался в живых после 1950 года, — тоже считал введение золотого стандарта безнадежным делом после Бреттон-Вудской конференции 1944 года и высказывался за независимый центральный банк и систему плавающих валютных курсов. По мнению Адама Гершла, такое разнообразие мнений привело к тому, что ордолиберализм как школа «по большей части так и не смог завершить свой поиск конкретного предложения в отношении идеального и надежного устройства денежной системы»¹⁵. Но каким бы ни было влияние школы на Bank Deutscher Länder (Банк немецких земель), германский центральный банк, созданный в ходе денежной реформы 1948 года, или на его преемника Deutsche Bundesbank, покупательная способность немецкой марки была более стабильной, чем у денежных единиц других центральных банков послевоенной Европы, за исключением швейцарского франка.

Второй причиной падения Веймарской республики, с точки зрения ордолибералов, было преобладание промышленных картелей, которые представляли собой законодательно санкционированные конфедерации

крупных фирм, душившие конкуренцию. В качестве решения этой проблемы ордолибералы предлагали активную антимонопольную политику (подробнее об этом ниже). Как и прежние сторонники классического либерализма, они поддерживали свободу торговли в качестве инструмента стимулирования конкуренции. Но в антимонопольной политике представители этой школы отводили государству более существенную роль, чем либеральные поборники *laissez-faire*. Ордолибералы — или по крайней мере их ученик Эрхард — также соглашались на более широкую систему государственной социальной защиты (государственные пенсии, пособия по безработице и другие социальные трансферты). Предвыборная платформа Эрхарда включала целый пакет мер под общим названием «социальная рыночная экономика» (автором этого термина был Мюллер-Армак), а лозунгом кампании было «Благосостояние для всех».

В поисках подходящих конституционных рамок

Рёпке описывал позицию ордолибералов следующим образом:

[Наша программа] включает в себя меры и институты, наделяющие процесс конкуренции рамками, правилами и механизмами беспристрастного надзора, в которых конкурентная система нуждается точно так же, как и любая игра или состязание, чтобы не превратиться в грубую потасовку. Подлинная, справедливая, бесперебойно функционирующая конкурентная система не может существовать без разумных моральных и правовых рамок и без постоянного надзора за условиями, в которых конкуренция может осуществляться в соответствии с принципами реальной эффективности. Это предполагает способность к зрелым экономическим суждениям у всех ответственных органов и индивидов, а также наличие сильного беспристрастного государства¹⁶.

По словам Виктора Ванберга, недавно ушедшего в отставку профессора экономики из Фрайбургского университета, целью ордолибералов является «создание условий, при которых „невидимая рука“ Смита сможет делать свое дело». Это подразумевает концентрацию на конституционных вопросах:

Парадигма проводимой политики основывается на утверждении, что экономическая политика должна быть направлена скорее на то, чтобы улучшить экономическую конституцию таким образом, чтобы в итоге получилось хорошо функционирующее экономическое устройство, а не на то, чтобы получить конкретные краткосрочные результаты, непосредственно вмешиваясь в экономический процесс¹⁷.

Экономическая политика должна способствовать *координации* экономической деятельности, а не ее *подчинению*.

Стремление ордолибералов влиять на экономику путем определения правил игры вытекало из их обеспокоенности тем, что свободное действие рыночных сил может привести к возникновению нежелательных институтов, в частности картелей. Они подчеркивали, что их программа не равнозначна политике *laissez-faire*, которую Франц Бём, по словам Яна Тумлира, определял как «подход к правовой политике, в рамках которого должно обеспечиваться выполнение всех контрактов, даже тех, которые имеют своей целью ограничение или устранение конкуренции», например ценовых сговоров и картельных соглашений между фирмами¹⁸. В более общем смысле, согласно доктрине *laissez-faire*, для того чтобы все спонтанно возникающее в рыночной экономике имело благотворный характер, достаточно лишь минимальных рамок. Эти минимальные рамки представляют собой, с одной стороны, набор правовых норм, четко определяющих права личности и право собственности, запрещающих принуждение, воровство и мошенничество, а с другой стороны, аппарат, обеспечивающий выполнение этих норм (энфорсмент) и призванный гарантировать, что все трансакции, из которых возникают институты, носят добровольный, а значит, и взаимовыгодный характер. («Анархо-капиталисты» заходят в развитии этой доктрины еще дальше, утверждая, что общество может с пользой для себя приватизировать даже процесс создания и энфорсмента правовых норм.) В качестве аргумента против этой доктрины, которую он приписывал представителям классической экономической науки, Ойкен опять-таки приводит проблему картелей:

Частная собственность, свобода договоров и конкуренция были теми упорядочивающими принципами, при помощи которых надлежало создать хозяйственный порядок. <...> [Экономисты классической школы] верили и надеялись, что при помощи «простой системы естественной свободы» (А. Смит) можно создать хорошо упорядоченное конкурентное хозяйство. <...> Однако те действительные хозяйственные порядки, которые выросли на почве этих [экономических] конституций, постоянно отклонялись от провозглашенных принципов. Во все возрастающих масштабах, например, свобода договоров в промышленности использовалась для того, чтобы ограничить конкуренцию при помощи картельных соглашений. <...> «Простая система естественной свободы», против ожиданий, не привела к созданию порядка, основанного на конкуренции¹⁹.

Здесь Ойкен утверждает, что конкурентные рынки, по выражению Нормана Бэрри, «демонстрируют тенденцию к вырождению, требующую постоянной коррективы»²⁰. Ойкен заключает:

Эта задача [создания дееспособного экономического порядка] ...требует создания дельной «хозяйственной конституции», закрепляющей достаточные принципы порядка. История последнего столетия убедительно доказала, что в современную эпоху эта задача не решается сама собой. Необходимо

обдуманное формирование порядка. Отдельные хозяйственно-политические вопросы — идет ли речь об аграрной, торговой, кредитной, антимонопольной или налоговой политике, законах о хозяйственных обществах или о банкротствах — являются частями одного большого вопроса: как сформировать национальный и международный общий порядок хозяйства, а также соответствующие ему правила игры²¹.

Исходя из этого утверждения, Нильс Гольдшмидт делает вывод о коренном различии между двумя направлениями мысли в экономической политике: «Государство в социальной рыночной экономике выступает в качестве не „ночного сторожа“ (минимального государства), как у либералов — сторонников *laissez-faire*», а «„сильного государства“, достаточно могущественного, чтобы предотвратить опасности, грозящие реально работающему рынку со стороны монополистической власти и стремления к привилегиям»²². Ванберг утверждает, что «сильное государство» в данном случае — это не авторитарный режим, а государство, способное сопротивляться лоббированию групповых интересов.

Разумеется, то, *насколько детальным* должно быть сознательное «формирование» экономической системы, чтобы его можно было считать целесообразным, — это вопрос степени. То же самое относится и к вопросу о том, насколько сильно желательный облик этой системы отличается от ожидаемого паттерна, который может сложиться в рамках *laissez-faire*. Разногласия по этому поводу возникали у ордолибералов не только со сторонниками *laissez-faire*, но и друг с другом — например, Ойкен выступал за меньший масштаб программ перераспределения доходов, чем Мюллер-Армак. В принципе отход Ойкена от *laissez-faire* может быть сведен к серьезным или незначительным практическим разногласиям в отношении политических рекомендаций, касающихся тех или иных конкретных сфер. Тем не менее очевидно, что Ойкен выступал за то, чтобы государство более активно влияло на то, как формируется экономика, чем государство — «ночной сторож».

Чем объяснить расхождение между ордолибералами, которые все-таки отчасти испытали на себе влияние Людвиг фон Мизеса, и сторонниками *laissez-faire*? Возможно, несмотря на декларируемое несогласие с идеями Шмоллера и Зомбарта, Вальтер Ойкен и Франц Бём в какой-то степени попали под влияние институционалистских представлений немецкой исторической школы. Эйрик Фуруботн и Рудольф Рихтер полагают, что «компаративно-институциональный стиль аргументации» Шмоллера и Зомбарта «ведет к теории *хозяйственного порядка* или конституции, разработанной Бёмом (1937), Ойкеном (1950) и другими представителями Фрайбургской школы». Они приходят к выводу, что Ойкен «предложил разработать экономическую морфологию, позволяющую экономистам „точно определить“ формы экономического порядка, реализовавшиеся после промышленной революции, и выяснить, каким образом экономический процесс контролировался этими формами»²³. Подобный подход, в отличие

от применявшегося Смитом и Менгером, не стремится объяснить, каким образом различные исторически сложившиеся институты возникали из рыночного процесса, а рассматривает их как рамки, существующие вне этого процесса и определяющие его результаты. С этим согласен и Хельге Пойкерт: «Подход Ойкена соответствует концепции институционализированных рынков в традициях исторической школы»²⁴. Исследовательская программа, рассматривающая институциональные порядки как рамки, определяющие рыночный процесс, а не порождаемые им, сочетается с нормативной позицией Ойкена, согласно которой обязанность политэконома состоит в разработке конституционного порядка, который даст наиболее привлекательные результаты, а не в том, чтобы принимать все, что так или иначе возникает в рамках *laissez-faire*.

Ванберг предлагает несколько иную интерпретацию: «Критика *laissez-faire* ордолибералами, вероятно, в большей степени обуславливалась их желанием защититься от стереотипных искаженных представлений о классической либеральной доктрине, чем стремлением создать сбалансированную картину либеральной доктрины XIX века». Гораздо большее значение имеет «позитивная часть их идейной программы, а именно аргумент, что адекватная экономическая конституция есть предпосылка эффективно функционирующей рыночной экономики»²⁵.

Вальтер Ойкен

Вальтер Ойкен (1891–1950) был сыном Рудольфа Ойкена — профессора философии из Йенского университета, получившего в 1908 году Нобелевскую премию по литературе. В одной из своих поздних книг отец критиковал социализм за антипатию к свободе, духовности и культуре. В 1914 году Вальтер получил докторскую степень по экономике, а затем после начала Первой мировой войны отправился на фронт, где был ранен. Затем он преподавал в Берлине и Тюбингене, а в 1927 году стал профессором экономики во Фрайбургском университете, где и проработал до конца жизни. В межвоенный период он написал книги «Структурные изменения государства и кризис капитализма» (1932) и «Основы национальной экономики» (1939).

Ойкен пытался организовать сопротивление национал-социализму в германских научных кругах, но без особого успеха. Он смело противостоял действиям ректора Мартина Хайдеггера, ставившим целью изгнание евреев из Фрайбургского университета. В годы Второй мировой войны Ойкен активно участвовал в деятельности антифашистского дискуссионного кружка. Некоторые его участники были позднее арестованы, а самого Ойкена несколько раз допрашивали в гестапо.

Вскоре после окончания войны Ойкен принял участие в первом заседании Общества Мон-Пелерен в Швейцарии. Там он выступил в пользу устойчивой валюты и отмены контроля над ценами и заработной платой, что и реализовал Эрхард в 1948 году.

Вильгельм Рёнке (1899–1966) родился в том же году, что и Ф.А. Хайек. Как и Хайек, он демобилизовался из армии после Первой мировой войны, полный решимости понять, что в мире пошло не так и как его улучшить с помощью реформ, — и открыл для себя труды Людвига фон Мизеса. Позднее Рёнке вспоминал, что знакомство с этими текстами «еще в молодости выработало у меня иммунитет от вируса социализма, носителями которого большинство из нас вернулось с Первой мировой войны». В 1921 году он получил докторскую степень по экономике в Марбургском университете, преподавал в университетах Йены и Граца, а затем, в 1929 году, вернулся в Марбург на должность профессора экономики. Однако всего через четыре года его научная деятельность в Германии завершилась. Через неделю после того как в январе 1933 года Гитлер был назначен рейхсканцлером, Рёнке в своем выступлении назвал национал-социалистическое движение «мятежом против разума, свободы и человечности». Через два месяца, когда гитлеровские власти начали изгонять евреев из немецких университетов, он осудил эту политику. Нацисты лишили Рёнке профессорской должности и направили к нему домой эсэсовских агентов для беседы (с этого эпизода мы начали главу 6), после чего он решил покинуть страну. В 1933–1937 годах он преподавал в Стамбульском университете. В 1937 году Рёнке перебрался в Швейцарию, где недолгое время был коллегой другого такого же изгнанника — Мизеса²⁶.

В числе довоенных работ Рёнке были книги «Кризисы и циклы» (1936*), написанная под влиянием теории экономического цикла Мизеса–Хайека, но с большим акцентом на проблему вторичной дефляции, и «Экономика свободного общества» (1937). В годы войны он написал множество работ о проблемах восстановления мировой экономики и общества, развитие которых сковано было плохой денежной политикой, ограничениями на международную торговлю и коллективистской эрозией человеческого достоинства. За четыре года он опубликовал четыре книги: «Международная экономическая дезинтеграция» (1942), «Общественный кризис современности» (1942), «Моральные основы гражданского общества» (1944) и «Международный порядок и экономическая интеграция» (1945). Людвиг Эрхард однажды сказал, что добыв (подпольно) книги Рёнке в годы войны, он «упивался» ими как «живой водой». Как и Ойкен, Рёнке консультировал Эрхарда в связи с отменой регулирования цен. После войны он написал труд «Гуманная экономика: социальный каркас свободного рынка» (1958). Рёнке продолжал консультировать Эрхарда до конца 50-х годов.

* Книга была издана на английском языке и частично представляла собой перевод работы «Krise und Konjunktur», вышедшей в 1932 году.

Ордолибералы выступали за активную антимонопольную политику в целях сохранения конкуренции в бизнесе, а также за открытость рынка для входа новых отечественных и зарубежных фирм и за то, чтобы суды отказывались осуществлять энфорсмент картельных соглашений о фиксации цен. Они различали полезное соперничество в обслуживании потребителей и вредные практики создания помех для конкурентов. В число таких практик Ойкен включал не только ценовые сговоры, но и установление разных цен другим фирмам и отказ иметь дело с некоторыми из них. Ойкен стремился найти правила, которые запрещали бы все это. В этом ордолибералы расходились с экономистами, выступавшими за *laissez-faire*, которые считают такие практики частью конкурентного рыночного процесса и утверждают, что если при этом не применяется насилие и не происходят гражданские правонарушения (деликты), то они не могут сохраняться долго, не будучи благотворными. В более широком смысле такие экономисты, как Бастиа и Мизес, полагали, что свободного входа на рынок — то есть отсутствия государственных барьеров для конкуренции, таких как монопольные лицензии, импортные квоты, регуляторная и налоговая дискриминация, — достаточно для эффективного функционирования конкуренции в интересах потребителей.

Экономист Разин Салли из LSE утверждает, что в данном случае Ойкен «преувеличивает масштабы возникновения монополий в частном секторе и... недооценивает масштабы создания и поддержки монополий за счет дискриминационных действий государства». К этому Салли добавляет, что призывы к созданию постоянного государственного антимонопольного агентства для мониторинга, дробления фирм и запрета практик, которые оно сочтет монополистическими, — это, «пожалуй, самый нереалистичный и ошибочный аспект научного наследия Ойкена и ранней Фрайбургской школы», поскольку при этом теоретическое понятие «совершенной конкуренции» среди мелких фирм принимается за практически применимый нормативный критерий для экономической политики. Кроме того, Ойкен не видит, что неизбежно дискреционную власть антимонопольного ведомства невозможно сочетать с принципом недискреционного управления в соответствии с общими правилами, который во всех остальных случаях занимает Ойкена в первую очередь²⁷.

Конечно, ордолибералы признавали, что зачастую картели возникают вследствие политики государства. Ойкен писал: «Во многих отраслях германской промышленности картели немедленно исчезнут в случае отмены пошлин». Кроме того, добавлял он, «патентное законодательство неожиданно спровоцировало сильную тенденцию к образованию монополий и способствовало процессам концентрации в промышленности»²⁸.

Сообщается, что у Ойкена и Мизеса на заседании Общества Мон-Пелерен в 1949 году возник спор по проблеме монополий²⁹. Очевидно, причиной разногласий стал тот факт, что Ойкен не разделял мнения Мизеса, что единственной мерой защиты потребителей от монополий должно стать недопущение того, чтобы государство предоставляло монопольные привилегии.

Рентоориентированное поведение

Франц Бём сетовал, что государство «постоянно испытывает искушение соответствовать желаниям множества групп интересов, требующих осуществления [противоречащих друг другу] интервенций»³⁰. Проблема рентоориентированного поведения — лоббирования со стороны групп особых интересов ради получения незаработанных доходов, или «ренты», за счет специальных привилегий — будет существовать до тех пор, пока правительство и законодатели вправе предоставлять такие привилегии. Группы интересов в сфере бизнеса будут при любой возможности добиваться для себя монопольных привилегий, пошлин, ограничительного лицензирования и финансовой помощи государства. Если бы всем, кто стремится к получению ренты, удалось добиться привилегий в ущерб остальным, результатом стал бы полностью протекционистский режим и сокращение реальных доходов всех граждан. Чтобы избежать такого исхода, все группы интересов могли бы договориться о принятии экономической конституции, полностью запрещающей привилегии для кого бы то ни было. Но как сконструировать экономическую конституцию, которая не позволяла бы государству предоставлять привилегии? Подобная постановка проблемы ордолибералами напоминает то, как формулируют свою задачу экономисты школы общественного выбора, идеи которых мы рассмотрим в главе 13.

Ордолиберализм сегодня

Рудольф Рихтер отмечает, что в 60-х годах влияние Фрайбургской школы в Германии ослабло, и ее затмила кейнсианская теория. Интерес к ней начал вновь оживляться в 70-х и 80-х годах в связи с импортом экономической теории общественного выбора и нового институционализма — течений, основная проблематика которых частично совпадает с темами, характерными для ордолиберализма³¹. Ежегодник *Ordo* по-прежнему выходит, и на момент написания этих строк его редактором был Ганс-Отто Леленль, который в качестве ассистента Вальтера Ойкена был ответственным редактором первого выпуска шестьдесят (!) лет назад. Помогает ему многочисленная редколлегия. Институт Вальтера Ойкена, созданный во Фрайбурге в 1954 году, сегодня «продолжает фрайбургскую традицию ордолиберализма», проводя «исследования конституционных и институциональных основ свободной экономики и общества». На интернет-сайте Института это учреждение характеризуется как центр «фундаментальных исследований идей классического либерализма и их институциональной реализации». В частности, «ордолиберальная исследовательская программа стремится найти ответы на вопросы, связанные с международным экономическим порядком и экономической конституцией Европейского союза»³².

Планирование в Индии и экономика развития

В 1958 году во время своего первого посещения Индии британский экономист венгерского происхождения Питер Бауэр, специализировавшийся на экономике развития, очень хотел встретиться с индийским экономистом Б.Р. Шеноем. Последний был известен Бауэру как автор «Особого мнения по меморандуму Экономической экспертной группы», где он подверг критике индийский второй пятилетний план. В 1955 году правительство страны создало для анализа и оценки этого плана Экономическую экспертную группу под председательством министра финансов, в которую были включены ведущие индийские экономисты в количестве двадцати одного человека¹. Двадцать из них подписали меморандум, одобряющий план. Профессор Шеной оказался единственным, кто высказал иную точку зрения. Его «Особое мнение» вызвало раздражение у членов Плановой комиссии Индии, у премьер-министра Джавахарлала Неру, который был инициатором экономического планирования в стране, у его советника П.К. Махаланобиса, составившего проект плана, и даже у чиновников международных организаций по оказанию экономической помощи, в подавляющем большинстве поддерживавших планирование. Шеной стал персоной нон грата в официальных кругах, связанных с разработкой экономической политики. Вскоре Бауэр убедился в этом на собственном опыте. Он вспоминал:

Я нанес визит высокопоставленному сотруднику экономического отдела Верховного Комиссариата Великобритании [в Нью-Дели]. Я спросил его, есть ли у него и его коллег какие-то контакты с Шеноем. Он ответил, что люди здесь слишком заняты, чтобы тратить время на заведомых безумцев. <...> Добавлю, что примерно в это же время я посетил Делийскую школу экономики и Национальный совет по прикладным экономическим исследованиям. Там я тоже обнаружил существенное и зачастую не слишком обоснованное несогласие со взглядами Шеноя, но не увидел ничего подобного тому презрению, которое выказал этот надменный и невежественный чинуша из Верховного Комиссариата².

По какому пути пойдет независимая Индия?

В 1947 году индийцы после долгих десятилетий борьбы под руководством в первую очередь великого Мохандаса Ганди изгнали британских колониалистов. Теперь экономический курс страны определялся в Нью-Дели, а не в Лондоне. Британская колониальная политика включала в себя привязку внешней торговли Индии к монопольным привилегиям и принудительному перераспределению богатства в пользу Великобритании. В противоположность Адаму Смиту, рекомендовавшему покончить с этим перераспределением путем введения свободной торговли между Великобританией и ее колониями, Ганди был сторонником жесткого протекционизма. Его экономическая философия *свадешти* («самостоятельности») состояла в призыве к национальной самодостаточности Индии в том, что касается обеспечения тканями и всем, что только может производиться в стране, даже в тех случаях, когда импортные товары стоят дешевле или имеют более высокое качество³. Он отдавал предпочтение местному производству даже на уровне отдельных деревень, символом чего стала крестьянская прялка, помещенная в центре одного из проектов государственного флага независимой Индии. Но Ганди оставил управление государством на попечение других — он был убит в 1948 году.

У других лидеров борьбы за независимость были самые разнообразные взгляды на экономику. «Пенджабский мученик» Бхагат Сингх восхищался марксизмом. Лидер бенгальских повстанцев Субхас Чандра Бос призывал к некоему сплаву фашизма и коммунизма. Двое ближайших соратников Ганди в руководстве партии Индийский национальный конгресс (ИНК) — Чакраварти Раджагопалачари и Валлабхай Пател — по существу были классическими либералами, отдавая предпочтение рыночной экономике, основанной на распределенной частной собственности. Однако самым видным сподвижником Ганди был Джавахарлал Неру (1889–1964). В 1907–1910 годах он учился в Кембриджском университете, а в 1912 году получил степень доктора права в LSE и там познакомился с социалистическими идеями фабианцев. В Кембридже Неру побывал на лекции Бернарда Шоу о социализме и позднее написал ему письмо, где рассказал об этом, добавив, что чтение трудов Шоу «отчасти сформировало меня таким, каков я сейчас есть». Неру также посещал лекции Кейнса⁴. Начиная с 30-х годов Неру призывал ИНК в целях ускорения развития Индии прибегнуть к индустриализации на основе централизованного планирования⁵. Ганди избрал Неру своим политическим наследником, и тот стал первым премьер-министром новой Индии, занимая этот пост вплоть до своей смерти в 1964 году.

В отличие от послевоенного правительства Германии во главе с Аденауэром и Эрхардом новое правительство Неру отошло от прорыночной политики. Как и британские лейбористы в тот же период, ИНК сохранил введенный в военное время контроль над ценами и рacionamento, а также проводил фабианскую политику национализации транспорта

и добывающей промышленности. Вскоре партия подвергла национализации и страхование, тем самым взяв под контроль один из крупнейших источников инвестиционных средств. Постепенно ИНК распространил государственное доминирование и на другие «командные высоты», зарезервировав за государством исключительное право инвестирования в ряд отраслей тяжелой промышленности. Он пошел даже дальше лейбористской партии, учредив пятилетние планы по советскому образцу, хотя этот вид планирования применялся не к полностью огосударственной, а к смешанной экономической системе⁶. Экономический рост в Индии в период «социализма Неру», как мы увидим ниже, нельзя было назвать впечатляющим. Он стал более динамичным лишь в условиях либерализации экономики, начатой в 80-х годах XX века.

Социализм по Неру

Экономическое мировоззрение Неру, судя по всему, прошло эволюцию от фабианского социализма его молодости до марксистской фазы, начавшейся с его визита в СССР в 1927 году и достигшей апогея примерно в 1936 году, когда он, оказавшись в тюрьме за политическую агитацию, написал свою «Автобиографию». Когда же Неру вошел в руководство ИНК, он вернулся к прагматическому фабианству⁷. В автобиографии Неру писал:

Социализм и коммунизм издавна влекли меня к себе. <...> Я все яснее начал понимать, что насилие является фундаментом нашего стяжательского общества и собственности. <...> При всех своих ошибках Советская Россия преодолела огромные трудности и сделала большой шаг к созданию этого нового строя. В то время, когда остальной мир задышался в тисках депрессии и в некоторых отношениях возвращался вспять, в советской стране на наших глазах созидался новый большой мир⁸.

В той же книге он охарактеризовал свое мировоззрение середины 30-х годов:

Я очень далек от того, чтобы быть коммунистом. <...> Мне не нравится догматизм... Мне не нравится также многое из того, что произошло в России, и особенно чрезмерное применение насилия в обычной обстановке, и все же я все больше склоняюсь к коммунистической философии⁹.

В 1951 году журнал Time критически исследовал фабианские взгляды Неру того периода:

Его реальные творцы — не Вишну и Шива, а крестные родители фабианского социализма — Беатриса и Сидней Вебб... Ближе всего к определению своей идеи практического социализма он подходит, когда говорит

о «демократической республике», в которой основные средства производства принадлежат государству, но немалая часть промышленности остается в частных руках... Он разделяет все эмоциональные представления социалистов о капиталистическом строе. Вследствие этого он, как и социалисты, относится к капитализму с неприкрытой неприязнью, которая усугубляется аристократическим презрением брахмана к касте бания (лавочников). Он говорит о «капиталистической западной цивилизации бания» или о «беспощадной цивилизации» Запада. В противоположность Ганди, он восхищается современными методами производства и хочет привнести их в Индию (например, он объявил, что со временем у Индии появится собственная программа использования атомной энергии). Но, будучи социалистом, он убежден, что капитализм, после всех своих чудес в сфере производства, неизбежно превращает процесс распределения в кровавый и жестокий хаос. Американский капитализм XX века он совершенно не понимает¹⁰.

Джон Кеннет Гэлбрейт, близко познакомившийся с Неру будучи американским послом в Индии, отмечал, что «в центре его мышления находился Ласки» — тот самый профессор LSE, превратившийся из фабианца в марксиста, с которым мы встречались в главе 7. Индия, добавлял Гэлбрейт, — это «страна, испытавшая наибольшее влияние идей Ласки». Историк Рамачандра Гуха приводит слова, сказанные в 50-х неизвестным остряком: «На каждом заседании индийского кабинета одно кресло всегда отводится для призрака профессора Гарольда Ласки»¹¹. Кроме того, на критическое отношение Неру к капитализму, как и на позицию Рексфорда Тагвелла, судя по всему, повлияла теория кризисов и империализма Дж.А. Гобсона, основанная на идее перепроизводства.

Индийского дипломата Шаши Тарура, автора книги «Неру: изобретение Индии» (2003), в одном из интервью спросили, было ли недоверие Неру к свободному предпринимательству обусловлено идеями «фабианского социализма, модными среди индийцев его поколения, получивших образование в Великобритании», и его собственными «аристократическими и интеллектуальными корнями» — то есть, по сути дела, можно ли считать справедливой критику, опубликованную в Time в 1951 году. Тарур ответил:

Будем справедливы к Неру — думаю, можно сказать, что это не было лишь вопросом интеллектуальной моды. Он был искренне убежден, что проблемы бедности и страданий в Индии столь велики, что он не может опираться на людей, мотивированных лишь стремлением к прибыли. Он считал необходимым, чтобы государство играло для народа роль беспристрастного шабаар [матери-отца] и действовало в интересах простого человека, поскольку мотивом государства не является прибыль. Конечно, он не понимал, что в результате вместо бизнесменов он вверяет командные высоты экономики попечению бюрократов. А эти бюрократы лучше справлялись с регулированием застоя и распределением бедности, чем с действительным созданием богатства¹².

В какой степени Неру несет личную ответственность за экономическую политику, подавлявшую рост? Экономист индийского происхождения из Колумбийского университета Джагдиш Бхагвати — к сегодняшнему дню уже убедившийся на опыте, что наилучшие возможности для улучшения экономической ситуации в Индии связаны со свободной торговлей и рыночными реформами, — отвечает на этот вопрос так: «Я виню нас, экономистов, за то, что мы внушили Неру неверные идеи»¹³. Бхагвати, получивший степень бакалавра в Кембридже в 1956 году, а затем продолживший образование в Массачусетском технологическом институте и в Оксфорде, рассказывает о собственном опыте знакомства с прогрессистскими, или социалистическими, идеями по поводу экономической политики, на которые его и многих других молодых индийских экономистов ориентировали в ходе обучения за рубежом:

Позвольте для начала отметить, что ряд экономистов вроде меня и Амартии Сена вернулись с Запада после учебы в Кембридже, Оксфорде и Лондонской школе экономики. Наше обучение шло в русле левых традиций; наши преподаватели были экономистами-радикалами или прогрессистами, чьи убеждения охватывали весь спектр от «чуть левее центра» до абсолютной левизны. Среди них были такие знаменитости, как Никки Калдор и Джоан Робинсон. В основном нам рассказывали о провалах рынка и о том, что в этих случаях не работает и смитовская «невидимая рука»: она указывает неверное направление. Чтобы «невидимая рука» указывала правильный путь, необходимо вмешиваться и корректировать рыночные цены, чтобы они точно отображали реальные общественные издержки. Получив такую подготовку и вернувшись в Индию, мы были запрограммированы на поддержку любых форм государственного вмешательства, поскольку Индия, да и вообще большинство слаборазвитых стран, как тогда казалось, страдали от всевозможных провалов рынка. Я говорю о периоде конца 50-х — начала 60-х... Попросту говоря, сам дух был интервенционистским¹⁴.

Кембриджские преподаватели Николас Калдор и Джоан Робинсон, которых упоминает Бхагвати, были ведущими кейнсианцами и к тому же находились под влиянием марксизма. Ровесник Бхагвати Амартия Сен, ставший в 1998 году Нобелевским лауреатом по экономике, получил степени бакалавра и доктора в Кембридже в 1956 и 1959 годах.

Идея, что для развития бедных стран необходимо государственное планирование и активное вмешательство в экономику, в 50-х и 60-х преобладала не только в Оксфорде и Кембридже, но и пронизывала собой программы аспирантуры по экономике во всех ведущих университетах Запада. Индийские студенты-экономисты, приезжавшие в этот период учиться в аспирантуре на Западе, по возвращении на родину зачастую начинали свою карьеру с работы в аппарате Плановой комиссии Индии или отделе

планирования Индийского статистического института. К примеру, именно в этом отделе трудился Т.Н. Шринивасан, позднее соавтор Бхагвати, защитивший диссертацию в Йельском университете под научным руководством Тьяллинга Купманса¹⁵. Купманс стал одним из лауреатов Нобелевской премии по экономике в 1975 году за разработку теории оптимального использования ресурсов, которая, по его мнению, может применяться как частными предприятиями, так и государственными ведомствами, действующими в условиях координации посредством как системы рыночных цен, так и централизованного планирования¹⁶. Еще один их ровесник, Сукхамой Чакраворти, обучался теориям планирования развития у Яна Тинбергена (Нобелевского лауреата 1969 года, первопроходца эконометрики и директора Центрального планового управления Нидерландов) в Нидерландской школе экономики и у Пауля Розенштейн-Родана и Ричарда С. Экхауса в Массачусетском технологическом институте. Розенштейн-Родан в 1943 году написал важную статью, где излагался аргумент в пользу направляемой государством индустриализации в бедных странах: инвестиции в любой отдельно взятый сектор могут не быть прибыльными, но инвестиции одновременно во многие сектора способны взаимно подкреплять друг друга, и поэтому в совокупности, при соответствующей тщательной координации, они могут оказаться прибыльными¹⁷. В конце настоящей главы мы обсудим связанную с этим аргументом идею «ловушки недоразвития» (underdevelopment trap).

Бывший руководитель центрального банка Индии А. Васудеван однажды заметил, что индийские экономисты, учившиеся за рубежом, «в большинстве своем испытали влияние кейнсианского рецепта преодоления экономической депрессии путем наращивания государственных расходов», а потому поддерживали государственные инвестиции для «поддержания полной занятости». Многие из них «были очарованы историями об успехе советских экспериментов с планированием», в которых «государство создавало тяжелое машиностроение для того, чтобы нарастить производственные мощности в экономике»¹⁸. Эту точку зрения разделяли и индийские экономисты старшего поколения. Как уже упоминалось, двадцать ведущих видных экономистов из двадцати одного, проанализировав второй пятилетний план, высказались в его поддержку.

Западные рекомендации в пользу планирования

Западные советники однозначно поддерживали усилия Неру по внедрению планирования. Джайрам Рамеш, экономист и политик, работавший в Плановой комиссии в 80-х годах, отмечал:

В 50-х годах... рекомендации были таковы: вам нужна модель промышленного роста, направляемого государством, а то, что позднее стало называться командными высотами экономики, должен занимать государственный

сектор. Поэтому черная металлургия, угольная промышленность, станкостроение, производство капитальных благ, все отрасли тяжелой промышленности оказались в государственном, а не частном секторе¹⁹.

Среди ведущих западных экономистов, посещавших Индию и поддерживавших пятилетние планы либо дававших консультации их разработчикам, были Джон Кеннет Гэлбрейт, Николас Калдор, Джоан Робинсон, Тьяллинг Купманс, Оскар Ланге, Пауль Розенштейн-Родан, Ян Тинберген, Рагнар Фриш и Гуннар Мюрдаль. Мюрдаль, шведский экономист-социалист, получивший в 1974 году Нобелевскую премию по экономике вместе с Ф.А. Хайеком, писал в 1956 году, что «крупномасштабное государственное планирование... единодушно поддержано правительствами и экспертами развитых стран». Придерживавшийся другого мнения экономист-рыночник П.Т. Бауэр в ответ на это заметил, что на самом деле западные экономисты поддерживают политику развития на основе планирования вовсе *не единодушно*²⁰.

Поддержка Гэлбрейтом планирования в Индии

В 1956 году Джон Кеннет Гэлбрейт провел в Индии три месяца, консультируя Плановую комиссию. За это время он подружился с Неру и главным архитектором планирования в этой стране П.Ч. Махаланобисом. В 1960 году Гэлбрейт вернулся в Индию в качестве посла США, назначенного президентом Кеннеди, и провел на этом посту два года. Неофициально же он был пропагандистом институционалистских и кейнсианских идей, а также представлений о пользе планирования. Очевидно, Гэлбрейт считал, что пример впечатляющего возрождения германской экономики на основе рынка для Индии неактуален. В серии лекций на тему развития, прочитанных для индийской аудитории, он заверял слушателей:

Менее развитым странам, без всякого сомнения, необходимо планирование. <...> Рынок способен стимулировать и обеспечивать много полезного. Но рынок не позволяет двигаться вперед огромными скачками, когда это необходимо. Подобно тому как он не может отправить человека в космос, он не в состоянии быстро создать сталелитейную промышленность, если до этого ее не было вовсе или ее мощности были невелики. Он также не может быстро создать промышленный комбинат. Но главное, нет никакой уверенности, что он обеспечит такой результат в отстающих странах, где не просто необходимо развитие, но существует насущная потребность в развитии ускоренном. Доверять рынку — значит идти на неприемлемый риск того, что не изменится ничего или изменится слишком мало...

Поэтому в развивающихся странах слово «планирование» уже не вызывает разногласий. Пятилетние планы изобретены в СССР и некогда применялись только там. Но теперь американцы и западноевропейцы без колебаний

собираются вместе, чтобы обдумать, как они могли бы оказать финансовую помощь реализации пятилетних планов в Индии и Пакистане. Если у страны нет целей и программы их достижения, принято считать, что она идет в никуда. И вполне возможно, что так оно и есть²¹.

Согласно рекомендациям Гэлбрейта, на «ранних стадиях развития» Индии в первую очередь следует создать институциональную основу планирования. На последующих стадиях придет время для «детального планирования инвестиций». В рамках «стандартного современного плана развития» государственные плановые органы принимают «решения о наиболее эффективном использовании редких капитальных ресурсов». Оставив без внимания спор об экономическом расчете при социализме, Гэлбрейт не мог даже представить себе какие-либо теоретические аргументы против передачи функции аллокации капитальных ресурсов государству, а не конкурентному рынку: «В том, как решается эта часть задачи планирования, вряд ли можно найти какие-либо серьезные изъяны, по крайней мере в принципе»²².

Именно централизованный план, а не решения потребителей о сбережении, должен давать ответ на главный вопрос: «Сколько нужно изъять из текущего потребления, чтобы обеспечить рост потребления в будущем?» План должен определять и нужный ассортимент потребительских товаров. Согласно рекомендациям Гэлбрейта, последователя Веблена, плановая экономика Индии не должна подражать западным рыночным экономикам в их склонности обслуживать капризы состоятельных людей. Вместо этого «внимание следует сосредоточить на благах, доступных людям с доходом, соответствующим моде распределения — то есть на тех, которые может себе позволить типичная семья»²³. Гэлбрейт говорит так, как будто он ни разу не бывал в западном супермаркете или магазине мелких товаров, продающихся за 5–10 центов, и не видел каталога Sears and Roebuck, где полным-полно товаров для потребителей с наиболее типичным доходом.

Индия последовала совету Гэлбрейта и других западных экономистов и не стала «доверять рынку». Правительство США активно поддерживало планирование в Индии, предоставив ей с 1947 по 1962 год финансовую помощь на 4 миллиарда долларов. Эти доллары позволяли индийцам закупать за рубежом оборудование для планируемого развития тяжелой промышленности. «Трагизм ситуации, — писал в 1963 году Б.Р. Шеной, — заключается в том, что политика Индии в течение последних десяти и более лет порождала хаос, а не рост, и иностранная помощь подпитывала те самые меры, которые были этому причиной»²⁴. Фонд Форда предоставлял гранты на обучение экономистов и статистиков для Плановой комиссии, координируя свои программы с ее членом Питамбером Пантом²⁵. К сожалению, планирование дало тот самый результат, которого Гэлбрейт надеялся с его помощью избежать: в том, что касается экономического развития, не менялось ничего или менялось слишком мало.

В 1950 году Неру для разработки централизованного плана учредил Плановую комиссию. Первый, сравнительно скромный, пятилетний план на 1951–1956 годы основное внимание уделял государственным расходам на инфраструктуру, например на ирригационные системы в сельском хозяйстве, и не предусматривал существенного вмешательства в частную промышленность. Но в 1954 году ИНК официально объявил своей целью «социалистическую модель общества». Отныне инвестиции в промышленность должны были определяться государственными планами. Бауэр дал следующее краткое описание основных особенностей более амбициозного и противоречивого второго пятилетнего плана на 1956–1961 годы:

Главные элементы плана — значительный рост инвестиций, особенно государственных, расширение государственного сектора, существенное увеличение производственных мощностей в промышленности, главным образом в тяжелой, осуществляемое прежде всего государством, финансирование значительной доли государственных расходов за счет эмиссии денег, частичная или полная национализация некоторых видов промышленной и коммерческой деятельности, масштабное субсидирование кустарной промышленности (домашнего производства и ремесел), серьезная финансовая помощь кооперативному движению и участие в нем государства, различные институциональные изменения, в частности земельная реформа в сельской местности, и жесткий контроль над частным сектором, прежде всего с помощью прямых методов²⁶.

Разработчиком второго пятилетнего плана Неру назначил статистика Прасанту Чандру Махаланобиса из Индийского статистического института в Калькутте. Писатель и бывший бизнесмен Гурчаран Дас назвал Махаланобиса «главной фигурой на интеллектуальной арене 50-х годов» и добавил:

Он воплощал собой характерную черту эпохи Неру: стремление привнести в процесс принятия решений рациональность технократов, экономистов и ученых... Сила его интеллекта и личности была такова, что он сосредоточил в своих руках выработку политических мер и стал играть доминирующую роль в процессе планирования²⁷.

По словам самого Махаланобиса, Неру обсуждал с ним экономическое планирование начиная с 1940 года²⁸. Махаланобис и член Плановой комиссии Питамбер Пант (под началом которого в начале 60-х годов работали молодые экономисты Бхагвати и Шринивасан)²⁹ стали главными экономическими советниками Неру. Последний даже присвоил Махаланобису официальное звание «почетного статистического советника правительства Индии».

В 1955 году Махаланобис составил «рамочный проект плана» с акцентом на «ускоренное развитие тяжелого машиностроения, производства тяжелого электрооборудования, черной металлургии, цветной металлургии и энергетики в качестве прочного фундамента экономической самостоятельности»³⁰. Ожидалось, что произведенные сегодня масштабные инвестиции в создание отечественной тяжелой промышленности обеспечат рост производства оборудования для других отраслей национальной промышленности в будущем, что, в свою очередь, на следующем этапе приведет к увеличению выпуска потребительских благ. Любой экономист, знакомый с хайкевской теорией капитала, увидит здесь неявно присутствующее различие более ранних и более поздних стадий производства. Однако ведущий последователь Хайека в Индии Б.Р. Шеной по понятным причинам сетовал, что в стране с нехваткой капитала планируется *чрезмерное инвестирование* (overinvestment) в более ранние стадии (производство оборудования) в ущерб нахождению подходящего баланса между более ранними и более поздними стадиями (производством потребительских благ). Кроме того, Шеной считал, что в Индии, обладающей сравнительным преимуществом в области сельского хозяйства, не следует делать чрезмерного акцента на индустриализации³¹. Выбранный авторами плана набор видов производственной деятельности не соответствовал местным ресурсам и локальному знанию.

В «рамочном проекте» Махаланобиса и официально принятом втором пятилетнем плане декларировалось приоритетное значение тяжелой промышленности. Бауэр, процитировав эти заявления, справедливо заметил: «Стоит обратить внимание, что здесь не упоминаются ни спрос, ни издержки... Это аргументы технического (или военного), а не экономического характера»³².

«Автаркический» характер индустриализации, предусматривавшийся планом Махаланобиса, был отчасти вдохновлен опытом планирования в СССР, а отчасти «моделью Харрода-Домара» — математической формулой экономического роста, выведенной в 40-х годах XX века британским экономистом Роем Харродом и американским экономистом польского происхождения Евсеем Домаром в качестве дополнения к кейнсианской макроэкономике. В рамках модели Харрода-Домара темпы экономического роста пропорциональны отношению инвестиций к объему выпуска (а также пропорциональны производительности этих инвестиций). Бхагвати отмечал огромное влияние модели Харрода-Домара на планирование развития в Индии и других странах. Модель «приводила к мысли, что главная проблема развития решается простым увеличением ресурсов, направляемых на инвестиции». Плановики, как правило, сосредоточивались на увеличении валового объема инвестиционных фондов за счет внутренних накоплений и иностранной помощи, игнорируя необходимость рынка и других механизмов самокоррекции, направляющих эти средства на наиболее производительные инвестиции³³.

Тіме сообщал, что «Махаланобис привлек для помощи своим сотрудникам десять советских экономистов». Однако второй пятилетний план имел своей целью завоевание правительством Неру контроля над командными

высотами экономики не советскими, а фабианскими методами: «Армия, — пояснял он [Неру], — не оккупирует страну, ставя по солдату в каждом уголке и закоулке: пушка, размещенная на холме, позволяет эффективно контролировать окружающую территорию»³⁴. План предусматривал национализацию более десятка отраслей промышленности и ограничение импорта потребительских и производственных товаров.

Количественные рекомендации Махаланобиса для второго пятилетнего плана основывались на упрощенных математических и статистических моделях индийской экономики. Его выкладки опирались не только на модель Харрода–Домара, но и на модель планирования, созданную ранее советским экономистом Фельдманом, а также на *метод «затраты — выпуск»* (или *метод межотраслевого баланса*), разработанный гарвардским экономистом русского происхождения Василием Леонтьевым³⁵. В 1962 году экономист Мартин Бронфенбреннер заметил:

Основные модели планирования развития основаны на тщательно разработанных таблицах «затраты — выпуск» по ведущим отраслям, составленных для американской экономики Василием Леонтьевым, а затем примененных к развивающимся странам, находящимся к западу от железного занавеса, Холлисом Ченнери, а к находящимся к востоку от него — Оскаром Ланге.

Модели Махаланобиса были проще, чем у Леонтьева и других упомянутых экономистов, так как в них экономика была разделена на меньшее количество секторов. Но, как отмечал Бронфенбреннер, «мало найдется формальных моделей развития, которые оказали бы такое же влияние на реальную политику развития в какой бы то ни было стране, как модель Махаланобиса»³⁶.

В своем рамочном проекте Махаланобис исходил из того, что Индия нуждается в тяжелой промышленности для своего развития, но также предполагал, что тяжелая промышленность создает очень мало рабочих мест в расчете на каждый вложенный доллар. По этой причине — а также отчасти для того, чтобы угодить гандиистским настроениям и сельским интересам, — в пятилетнем плане прямые государственные инвестиции в тяжелую промышленность сочетались с государственными субсидиями трудоемким кустарным производствам ради создания новых рабочих мест. К примеру, предлагалось ограничить объем продукции текстильных фабрик и вместо этого увеличить производство тканей на ручных ткацких станках³⁷. Защитить домашнее текстильное производство от конкуренции со стороны производимой с меньшими издержками продукции иностранных предприятий предполагалось при помощи таможенных пошлин. В 1963 году Шеной подытожил практические результаты этой политики для индийских производителей и потребителей текстиля следующим образом:

Но хлопчатобумажная текстильная промышленность, на долю которой... приходится более трети всего промышленного производства Индии,

обременена запутанной системой ограничительных предписаний и регулятивных норм. Рост производства и модернизация текстильных фабрик сдерживаются, причем рост ограничивается очень жестко. Это привело производство тканей в последние четыре года к состоянию, близкому к стагнации. Поскольку население продолжает расти, цены на ткани резко увеличились, что привело к перераспределению доходов в обратном направлении — от потребителей к производителям, получившим монопольные преимущества благодаря действиям государства³⁸.

Метод «затраты — выпуск»

Василий Леонтьев (1906–1999) изучал экономику в Ленинградском университете. Затем он уехал из России и получил докторскую степень в Берлинском университете, где его наставниками были два очень разных экономиста — Вернер Зомбарт, сменивший Густава Шмоллера в качестве лидера немецкой исторической школы, и Владислав Борткевич — статистик, занимавшийся также экономической теорией. На протяжении сорока четырех лет Леонтьев преподавал в Гарварде, а закончил свою научную деятельность в Нью-Йоркском университете. Его наиболее известные труды — «Структура американской промышленности» (1941) и «Метод „затраты — выпуск“ в экономической теории» (1966). В 1973 году он получил Нобелевскую премию по экономике.

Леонтьев неоднократно говорил, что источником вдохновения и прототипом для его метода «затраты — выпуск» стала «Экономическая таблица» Кенэ — досмитовское исследование экономиста-физиократа, о котором мы упоминали в главе 8. В методе Леонтьева математический аппарат матричной алгебры использовался для количественного анализа межотраслевых потоков. Таблицы затрат и выпуска, поясняет Бронфенбреннер, «весьма детально характеризуют взаимозависимость между отраслями как источниками материальных ресурсов (затрат) и производителями продукции (выпуска)»³⁹. С помощью такого анализа можно, к примеру, дать ответ на такой вопрос: насколько больше понадобится стали, электроэнергии и так далее, чтобы увеличить производство автомобилей на 5%, с учетом таких взаимосвязей, как использование электричества в металлургии?

Хотя метод «затраты — выпуск» обеспечивает проверку *сбалансированности* централизованного распределения ресурсов и поэтому начиная с 1950 года используется центральными плановыми органами по всему миру, он не позволяет определить способ наиболее *эффективной* аллокации. Он предполагает, что пропорции затрат — например, расход стали на производство одного автомобиля — фиксированы и равны исторически сложившимся значениям даже при изменении относительных цен на используемые материалы. В эффективной же автомобильной промышленности в случае повышения цены на сталь по сравнению с ее заменителями количество стали, используемой для производства одного автомобиля, уменьшается.

Империя разрешений

Британская империя ушла из Индии, но второй пятилетний план Неру положил начало новому режиму — «империи разрешений» (Permit Raj)*. В условиях планирования объемов выпуска фирмам нужны были специальные разрешения на импорт оборудования, производство новых видов продукции, расширение существующего предприятия или открытие нового. По словам Джайрама Рамеша, это была «многошаговая система лицензирования», в рамках которой «группа мудрецов в правительстве решала, что следует выплавить столько-то миллионов тонн стали, а затем на эти X миллионов тонн распределялись лицензии»⁴⁰. Получившее лицензию металлургическое предприятие могло законным образом произвести ровно столько тонн стали за год, сколько установлено в лицензии, и ни в коем случае не больше. Аналогичные меры контроля были введены и для других основных отраслей промышленности.

Дочь Неру Индира Ганди, занимавшая пост премьер-министра в 1966–1977 и в 1980–1984 годах, еще больше усложнила и ужесточила систему. В 1969 году она национализировала четырнадцать крупнейших банков. Теперь государственные банки выдавали кредиты предприятиям отраслей, определенных в плане в качестве приоритетных, — а также людям из окружения премьер-министра и влиятельным политикам. Рыночная дисциплина не распространялась на этих государственных кредиторов и их заемщиков, если последние не могли выплатить долг из-за неудачного инвестирования полученных средств или изначально не собирались его возвращать. Экономические решения все больше политизировались и бюрократизировались. В результате в Индии, как выразился экономист Мегхнад Десаи, воцарился «ущербный и недоразвитый государственный капитализм», прикрытый видимостью планирования. На практике «в Индии не было плановой экономики; это была экономика, под которую писался план»⁴¹.

Лицензионные ограничения приносили монопольную прибыль защищенным фирмам, которым посчастливилось заполучить лицензию. Неудивительно, что процесс подачи заявок и предоставления лицензий быстро породил взяточничество и коррупцию. Гурчаран Дас детально описал процесс лицензирования, похожий на блуждание в лабиринте, и его результаты:

То, как бюрократия взялась за администрирование системы лицензирования, создало настоящий кошмар для предпринимателей.

Целая армия плохо обученных третьесортных инженеров с низкими зарплатами... не имея ни достаточной и правильно организованной информации, ни четких критериев, отбирали тысячи заявок исходя из ситуативных

* В литературе используется также термин License Raj, «империя лицензий».

соображений. Функционеры низового уровня месяцами и без всякого толка рассматривали заявку во всех деталях, после чего отправляли ее в министерство для одобрения. Министерство тоже тратило несколько месяцев на проверку тех же самых данных, после чего отсылало заявку в межведомственный лицензионный комитет, состоящий из высокопоставленных бюрократов, так же плохо разбирающихся в предпринимательских реалиях и из-за отсутствия продуманной системы приоритетов тоже руководствующимся ситуативными критериями. <...> Получив санкцию министра, инвестор должен был заручиться разрешением комитета по лицензированию товаров производственного назначения на импорт оборудования. Если речь шла о взаимодействии с иностранными фирмами, то нужно было также согласие межведомственного комитета по международным соглашениям. При необходимости получения финансирования от какого-либо государственного финансового института весь этот процесс проверки повторялся заново. Результатом становились гигантские задержки, порой затягивавшиеся на годы, и невероятные возможности для коррупции.

<...> Крупные компании создавали в Дели параллельные бюрократические структуры, следившие за рассмотрением заявок, организовывавшие дачу взяток и добивавшиеся лицензий.

<...> Последствия существования этой системы были трагическими — она душила конкуренцию, предприимчивость и экономический рост, не достигая при этом ни одной из поставленных социальных целей. Она взращивала монополии и поощряла создание производств экономически неоправданных масштабов с использованием второсортных технологий... Таким образом, лицензирование обернулось совершеннейшей катастрофой. Оно вело к росту издержек, потере времени, производству и коррупции, но ничего не давало взамен⁴².

С этим выводом согласен и Васудеван: в Индии «существование дирижистского режима с 1956 до середины 1991 года... породило неэффективность аллокации ресурсов, коррупцию и кумовство»⁴³.

Самым вопиющим примером неэффективности, коррупции и кумовства стало предоставление правительством Индиры Ганди в 1971 году эксклюзивной лицензии — вместе с бесплатной землей, освобождением от налогов и финансированием исследований и разработок — сыну премьер-министра Санджая. Лицензия и субсидии предназначались для производства отечественного дешевого автомобиля. У Санджая не было никакого опыта работы в автомобилестроении, и в 1977 году его фирма Maruti Corporation обанкротилась, так и не изготовив ни одного серийного автомобиля. Только после смерти Санджая в 1980 году дела компании пошли на лад, и она достигла успеха в рамках совместного предприятия с японским автопроизводителем Suzuki.

Вполне предсказуемым результатом контроля над объемом производства и ценами стал расцвет контрабанды и черного рынка. Рамеш рассказывает:

Существовал даже черный рынок цемента. На черном рынке продавались все мыслимые товары — как производственные, так и потребительские. У нас возникла экономика дефицита. Это означало, что кое-кто извлекал ренту из экономики страны. Монополисты обогащались... а потребители страдали⁴⁴.

Черный рынок и контрабанда настолько прочно вошли в жизнь страны, что типичным сюжетом болливудских фильмов в 70-е годы стал конфликт между неподкупным молодым героем (часто его играл суперзвезда Амитабх Баччан) и коррупционерами-контрабандистами, причем кульминационным эпизодом становилась драка на огромном складе контрабандистов, забитом нелегальными товарами.

Бывший министр финансов Паланиашпан Чидамбарам, участвовавший в реформировании системы в 90-х годах, кратко охарактеризовал проблемы «империи разрешений» следующим образом:

Предпринимательство задыхалось, коррупция цвела пышным цветом, эффективность наказывалась, рост тормозился. Из-за этого протекционистского рынка индийский народ получал низкокачественные товары и услуги по очень высоким ценам. Процветали лишь рентополучатели⁴⁵.

Говоря об удушении предпринимательства, Шаши Тарур заметил, что Неру,

конечно, не давал индийским предпринимателям шансов на рост и развитие. Даже те из них, кто сумел еще при англичанах занять довольно важное положение в экономике, — такие, как Тата, Кирлоскар и другие — в период правления Неру находились под сильным давлением. Тата создал успешную авиакомпанию, пользовавшуюся хорошей репутацией... но Неру ее национализировал. Кирлоскар хотел производить автомобили... но Неру контролировал количество выдаваемых лицензий. Да, он предоставил лицензию другому индийскому капиталисту, Вирле, но о широкой конкуренции даже речи не шло⁴⁶.

Медленный рост

В 1960 году реальный душевой доход (ВВП) в Индии равнялся 891 доллару, что составляло чуть больше трех пятых от соответствующего показателя в Южной Корее (1458 долларов). Однако после трех десятилетий слабого роста в условиях «империи разрешений» душевой доход в Индии увеличился всего в два с небольшим раза, в то время как в Южной Корее с ее быстро растущей экспортно-ориентированной экономикой он вырос в 6,5 раз по сравнению со стартовым уровнем. В результате в 1990 году реальный душевой доход в Индии (1898 долларов) не составлял даже одной пятой от соответствующего показателя в Южной Корее (9593 доллара)⁴⁷. Чидамбарам поясняет:

В Индии с подозрением относились к капиталистам, не доверяя такому мотиву, как стремление к прибыли, и всячески старались его зажать, блокировать. Индийские власти считали, что весь рост будет обеспечен государственным планированием... В Корею к концу 80-х уже всюю разворачивалось «экономическое чудо», а индийская экономика была застойной, медленно продвигающейся вперед... Индийским плановикам и в голову не приходило, что у них под носом находится громадный рынок⁴⁸.

Манмохан Сингх — экономист, ставший в 2004 году премьер-министром Индии, — в интервью в 2001 году дал аналогичное объяснение слабому росту в стране до 1991 года:

Если экономика жестко контролируется и отрезана от остального мира бесконечным числом протекционистских барьеров, то ни у кого нет стимулов к повышению производительности и реализации новых идей. Поэтому лицензирование, действовавшее в «империи разрешений», стало громадным препятствием на пути к обеспечению устойчивого роста⁴⁹.

О масштабах протекционизма свидетельствует тот факт, что у Индии отношение импорта к ВВП было самым низким среди стран Азии.

Б.Р. Шеной

Экономист Белликот Рагунат Шеной (1905–1978), автор «Особого мнения» о втором пятилетнем плане, учился в Лондонской школе экономики, где в 1931 году прослушал курс лекций Ф.А. Хайека, позднее опубликованный в виде книги «Цены и производство». Шеной преподавал в университетах Цейлона (ныне Шри-Ланка) и Индии, а затем возглавил отдел денежных исследований в Резервном банке Индии. Позднее он работал представителем страны во Всемирном банке и Международном валютном фонде. В 1954 году Шеной вернулся к преподаванию, став профессором экономики и директором Школы общественных наук в Университете Гуджарата⁵⁰. Шеной опубликовал десятки научных статей — он стал, вероятно, первым индийским экономистом, чью работу напечатал один из ведущих экономических журналов Запада, — и газетных колонок об экономической политике. Свою критику в адрес индийской системы планирования и «империи разрешений» он обстоятельно изложил в книгах «Проблемы экономического развития Индии» (1958) и «Планирование в Индии и экономическое развитие» (1963). Позднее Питер Бауэр отмечал: «Шеной не имел влияния на экономическую политику Индии. <...> Однако, на мой взгляд, он оказал значительное воздействие на поведение и образ мысли индийских экономистов младшего поколения»⁵¹. Среди этих молодых экономистов была его дочь Судха Шеной, которая в 70-е годы одной из первых выступила за либерализацию экономической политики Индии⁵².

Выступая против плана Махаланобиса (и в противоположность тому, что говорил Гэлбрейт в своих лекциях), Шеной в кратком «Особом мнении» отверг форсированную индустриализацию, в ходе которой государство требует от людей больше жертвовать текущим потреблением, чем они предпочли бы добровольно, ради создания промышленности, которая обеспечит будущее потребление. Он возражал против национализации частных компаний: «Эффективное управление деловыми и промышленными корпорациями... лучше всего оставить в руках частных предпринимателей». Шеной также критиковал контроль над ценами и принудительную аллокацию ресурсов: «Свобода в экономике и в системе цен, регулирующей использование и распределение нужных для производства ресурсов, дает огромные преимущества»⁵³. В своих книгах Шеной развивал эти аргументы.

Особое мнение Милтона Фридмана

Милтон Фридман также не разделял общего консенсуса по поводу планирования в Индии. Он побывал в этой стране в 1955 году под эгидой Администрации международного сотрудничества США и подготовил меморандум (датированный ноябрем 1955-го) о втором пятилетнем плане⁵⁴. По имеющимся сведениям, администрация Эйзенхауэра хотела создать противовес многочисленным рекомендациям западных экономистов в поддержку планирования. В меморандуме Фридмана на основании элементарной экономической теории дается прогноз, согласно которому «империя решений» приведет к неэффективности и медленному росту.

Фридман подверг критике акцент Махаланобиса на отношении инвестиций к национальному доходу, отмечая, что решения о конкретных типах инвестиций — например, о соотношении инвестиций в человеческий капитал и в оборудование — более важны, чем решения об их общей величине. Инвестиционная политика Индии, представлявшая собой компромисс между амбициями Неру по поводу создания тяжелой промышленности и пристрастием Ганди к деревенским кустарным промыслам, означала бессмысленную растрату ресурсов на обоих направлениях. Фридман пояснял: «Эта политика создает угрозу, с одной стороны, неэффективного использования капитала, поскольку на одном полюсе он сочетается со слишком малым количеством труда, и, с другой стороны, неэффективного использования труда, поскольку на другом полюсе он сочетается со слишком малым количеством капитала».

Рынок, полагал он, скорее всего, поддержал бы инвестиции в *легкую* промышленность, что подготовило бы почву для последующего развития тяжелой индустрии.

Фридман приводил аргументы (напоминающие доводы Мизеса-Хайека против централизованного планирования) в пользу того, чтобы предоставить рыночному критерию прибыли-убытка определять направления инвестирования:

Заранее невозможно предугадать, какие направления инвестиций окажутся наиболее производительными, — это наглядно демонстрирует факт банкротства очень многих частных предприятий. Отсюда насущная необходимость в гибкой системе, способной легко меняться.

Пытаться направлять инвестиции централизованно с помощью государственных ограничений — значит попусту тратить время бизнесменов, которые все равно найдут способ обойти эти ограничения, а также время государственных служащих, бесконечно пытающихся закрыть лазейки, найденные бизнесменами. Протекционистские тарифы и другие формы фаворитизма в «империи разрешений» порождают неэффективность:

Предоставление [конкретным фирмам] специальных привилегий в форме особенно выгодных займов, гарантированных рынков сбыта, отказа в выдаче лицензий конкурентам, фиксации цен и даже допущения ценового сговора или раздела рынка частными предприятиями просто-напросто поощряет неэффективность и ведет к растрате редких ресурсов. Если государство предоставляет привилегии частной отрасли, то оно неизбежно должно контролировать использование этих привилегий, но это не компенсирует ущерба от фаворитизма, а лишь создает новые источники жесткости и неэффективности.

Фридман также утверждал, что Индия слишком полагается на государственный сектор, то есть применяет стратегию, которая уже обернулась неудачей в тех европейских странах, которые пытались ее применять в послевоенный период. Поскольку у индийского правительства хватает других забот помимо выполнения задач, свойственных частному сектору, «представляется наиболее разумным, чтобы оно избегало заниматься делами, которые можно оставить другим».

Либерализация

Критика индийского планирования Шеном, Фридманом и Бауэром, естественно, не нашла отклика у старшего поколения индийских экономистов, бывших по большей части социалистами, и у молодых экономистов, прошедших за рубежом обучение методам планирования развития. Однако по прошествии некоторого времени молодые экономисты уже не могли игнорировать тот факт, что результаты планирования подтверждают те выводы, к которым приводит анализ Шеноя, Фридмана и Бауэра. Одним из первых среди младшего поколения, кто пересмотрел отношение к индийской политике планирования, был Джагдиш Бхагвати. Хотя он относился с некоторым пренебрежением к стилю аргументации трех упомянутых критиков, факты вынудили Бхагвати согласиться с их основными выводами касательно экономической политики.

Бхагвати стремился разработать детализированную аргументацию в пользу свободной торговли, отмены лицензионных ограничений и проведения других рыночных реформ, лишённую всего того, что он считал наследием идеологии *laissez-faire*. В 1969 году, рецензируя для научного журнала сборник статей Шеноя, он негативно отозвался об «идеологии в Фридмановском [*sic*] духе, вдохновляющей и омрачающей многие его выводы, касающиеся экономической политики в Индии» и заявил, что «общий взгляд» Шеноя на индийскую экономическую политику «содержит серьезные дефекты из-за его антипатии к планированию как таковому». Тем не менее он поставил Шеною в заслугу «интеллектуальную честность» и тот факт, что он указал на проявления неэффективности плановой системы, не замеченные другими⁵⁵. Кроме того, в книге об экономической политике Индии, изданной в 1970 году, Бхагвати и его жена Падма Десаи упомянули Шеноя как представителя ранних критиков второго пятилетнего плана, которые «во многом оказались правы, хотя их аргументы и не были сформулированы убедительно»⁵⁶. Впрочем, в книге Бхагвати и Т.Н. Шринивасана, опубликованной в 1975 году, где авторы выступали за большую свободу внешней торговли и за либерализацию внутреннего рынка Индии, никаких упоминаний о Шеное, Фридмане или Бауэре уже не было⁵⁷.

То ли вопреки, то ли благодаря этим различиям в подходах с ранними критиками планирования две эти книги, написанные Бхагвати в соавторстве, по мнению экономиста Дипака Лала, сыграли большую роль в том, чтобы убедить индийских экономистов пересмотреть свою давнюю приверженность государственному управлению экономикой. В них «содержался детальный эмпирический анализ... показывающий крайнюю неэффективность и коррупцию, порожденные дирижистской плановой системой. Это стало началом конца „планового синдрома“, владевшего умами индийских экономистов на протяжении почти ста лет»⁵⁸.

Первые шаги к либерализации индийской экономики были предприняты во второй половине 80-х годов при Радживе Ганди, сыне Индиры, ставшем главой правительства после ее убийства в 1984 году. К концу деятельности его администрации количество охваченных лицензированием отраслей было сокращено, а некоторые меры контроля над ценами были отменены. Позднее, в начале 1991 года, уже в качестве лидера оппозиции Раджив Ганди заговорил о всеобъемлющем демонтаже «империи разрешений». В этом он следовал советам экономиста Суброто Роя, вдохновлявшегося идеями Адама Смита и Ф.А. Хайека⁵⁹. Но в том же 1991 году, в разгар избирательной кампании, в результате которой он надеялся вернуться к власти, Раджив был убит.

Наследием Раджива Ганди стал манифест ИНК с призывом к реформам, направленным на либерализацию. Реформы стали политически возможны с победой партии на выборах, а вскоре после этого, в связи с валютным кризисом, разразившимся в том же году, они были признаны необходимыми. Новый премьер-министр Нарасимха Рао, пользовавшийся консультациями министра финансов Манмохана Сингха (экономиста, который

возглавит правительство в 2004 году) и государственного министра Министерства торговли П. Чидамбарам, начал реализовывать идеи манифеста. Естественно, кто-то окрестил новую политическую линию «манмоханомикой». Правительство Рао упразднило большинство обязательных лицензионных требований. Оно расширило доступ Индии к импортным товарам и иностранным инвестициям. Рамеш отмечает, что «только после кризиса девяностых мы осуществили смену парадигмы с замкнутой экономики, ориентированной внутрь, на экономику, ориентированную вовне»⁶⁰.

Либерализация продолжалась на протяжении всех 90-х годов XX столетия и в начале нового века. Она привела к ускорению роста. В 50–80-е годы рост реального ВВП Индии составлял в среднем 3,5% в год — это явление получило печальное название «индуистских темпов роста» (*Hindu rate of growth*). (Автором этого выражения был экономист Радж Кришна. Оно представляет собой игру слов: первое слово *secular* в английском термине *secular rate of growth*, означавшем «долгосрочные (вековые) темпы роста», имеет также значение «светский, секулярный».) Эти темпы были намного ниже показателей других азиатских стран и соответствовали повышению реального душевого дохода всего лишь на 1,2% в год. Начиная с 1990 года, реальный среднегодовой рост ВВП постоянно превышал 6%. Что же касается реального душевого дохода, то он теперь стал расти минимум на 4% в год, что в три с лишним раза превосходит прежний показатель.

Два наиболее известных примера успехов индийской экономики после либерализации — это сектор информационных технологий и болливудская киноиндустрия. Мегхнад Десаи указывает, что ни одна из этих сфер не пользовалась приоритетным вниманием государственных плановых органов. IT-индустрия — «это чудо, сотворенное исключительно собственными руками», а Болливуд «совершенно игнорируется государством, но успешен в мировом масштабе». Из этого Десаи делает вывод, что рынок способен сам по себе направлять инвестиции:

Теперь я думаю, что Индия усвоила, что для управления экономикой государство не нужно. Нужно, чтобы государство не вмешивалось в экономику — она сама может собой управлять⁶¹.

Споры в Индии продолжаются

Экономической либерализации в Индии еще нужно пройти немалый путь. В 2005 году Бхагвати связал медленные темпы упразднения контроля с групповыми интересами, возникшими в период «империи разрешений»:

Теперь, когда мы, экономисты, кроме немногих «неандертальцев» из числа левых интеллектуалов (которым всемерно содействует горстка экономистов-популистов вроде Дэни Родрика и Джо Стиглица), согласны с тем, что реформы необходимы, нашим политикам-реформаторам, таким как

премьер-министр [Манмохан Сингх], приходится иметь дело с институтами и интересами, выросшими вокруг старой, дискредитировавшей себя модели. Поэтому, чтобы проводить новые реформы, они вынуждены идти по минному полю⁶².

Экономический обозреватель Сваминатан С.А. Айер в статье под названием «Индийцы добиваются успеха, Индия терпит неудачу», опубликованной в 1999 году, красноречиво объяснил, что реформы продвинулись недостаточно далеко. Айер сопоставил высокие заработки индийцев в Кремниевой долине и вообще на Западе с низким душевым доходом в Индии и задался вопросом: «Почему талантливые индийцы не могут подняться у себя на родине?» Он отметил, что одаренные выходцы из Индии преуспевают в таких странах, как США, где «все люди играют по одним и тем же правилам, все могут свободно осуществлять инновации, и их не душит регулирование». В Индии же им мешает «отсутствие прозрачных правил с надлежащим энфорсментом», а также «„нета-бабу радж“ [политико-бюрократический режим], созданный социалистической политикой», «не затронутый вроде бы проведенной либерализацией». Он приходит к следующему выводу: «Поэтому-то индийцы добиваются успеха в странах, где правят белые, и терпят неудачу на родине. Это самая печальная история нашего века»⁶³.

Экономика развития

Индийский второй пятилетний план оказал немалое влияние на практику планирования в других странах «третьего мира». Согласно преобладавшей в 50-х и 60-х годах XX века *теории* развития, представленной, к примеру, книгой Гуннара Мюрдала «Экономическая теория и слаборазвитые регионы» (1957), развивающиеся страны попадают в «ловушку»: низкие зарплаты ведут к низкому уровню сбережений, это влечет за собой низкий уровень инвестиций, что оборачивается малым количеством инструментов и оборудования, используемых работниками, а это, в свою очередь, увековечивает низкий уровень заработной платы. Пол Самуэльсон поддержал эту концепцию «ловушки недоразвития» во втором издании своего популярного учебника по экономике, вышедшем в 1951 году, где написал, что бедные страны «не способны выбраться из своего незавидного положения, так как производят столь мало, что ничего не могут отложить и направить на формирование капитала, с помощью которого можно было бы повысить их уровень жизни»⁶⁴. Идея «ловушки недоразвития» частично опиралась на модель роста Харрода–Домара, в рамках которой рост экономики ограничен объемом инвестиций. Мюрдаль и другие считали, что активное государственное планирование в целях наращивания инвестиций, финансируемого за счет иностранной помощи, является ключом к ускорению роста в бедных странах.

Французский экономист Эдмон Маленво вспоминал, что применение планирования в экономике слаборазвитых стран в 50-х и 60-х годах «с энтузиазмом поддерживали» ведущие экономисты. Этот энтузиазм особенно проявлялся у специалистов, работавших в новой сфере — *эконометрике* — и рассматривавших экономическую теорию как своего рода инженерию, прикладную науку для количественного прогнозирования и управления народным хозяйством. Одними из первых почетных членов Эконометрического общества стали Леонтьев (в 1939 году) и Махаланобис (в 1949 году).

Маленво поделился воспоминаниями о небольшой по численности недельной конференции, посвященной «эконометрическому подходу к планированию развития». Она состоялась в Ватикане в октябре 1963 года, и ее организатором был статистик Марчелло Болдрини. Участниками конференции были Леонтьев, Махаланобис, основоположник эконометрики Рагнар Фриш (позднее он станет одним из первых лауреатов Нобелевской премии по экономике), Маленво и еще пятнадцать ученых (в том числе будущие нобелевские лауреаты Морис Алле, Трюгве Ховельмо, Тьяллинг Купманс и Ричард Стоун), известные своими достижениями в математической экономической теории и статистическом анализе. Программа конференции, составленная Болдрини, начиналась с заявления о том, что для экономического развития необходимо централизованное директивное планирование, поскольку «невидимая рука» не работает:

Современная экономика крайне сложна, а теория и практика показывают, что свободная игра актов индивидуального выбора, вопреки тому, что считалось раньше, не гарантирует благоприятных результатов для общества.

Если это признать, то становится очевидной необходимость применения соответствующих информационных и контрольных инструментов, а также установления целевых ориентиров для народного хозяйства.

Из этой потребности родилась эконометрика, использующая статистические и математические методы как в теоретических исследованиях экономических явлений, так и в разработке директив для экономической политики и планирования развития⁶⁵.

Позицию, отличную от общепринятой на этом собрании, высказал Алле, ветеран первой конференции Общества Мон-Пелерен, — он «подверг сомнению идею о том, что планирование может принести хоть какую-то пользу»⁶⁶. Сегодня эконометрика занимается статистическими методами изучения экономических феноменов, а не методами планирования развития экономики. Плановикам эконометрика, возможно, нужна в качестве инструмента, но эконометристы, как правило, не считают планирование целью своей работы.

Ввиду неутешительных результатов планирования развития, получившихся впоследствии, заявления вроде процитированных выше слов Бол-

дрини, с неколебимой уверенностью утверждающих очевидную необходимость планирования, сегодня кажутся читателю образцом наивности и гордыни, характерных для ушедшей в прошлое эпохи. Вспоминая о тех днях, Маленко задается вопросом: как объяснить эти ошибки в оценке реальности, бывшие неотъемлемой чертой послевоенной интеллектуальной атмосферы в Европе, — ошибки, признание которых для многих, в том числе для Фриша, оказалось столь болезненным? В своем ответе он ссылается на ту часть истории экономических идей, о которой мы рассказали в предыдущих главах, а также на тот факт, что сторонники планирования воспринимали шведскую и даже советскую модель как истории успеха:

Кейнс дал обоснование для макроэкономической политики; Беверидж разработал амбициозные проекты «социального государства», которые весьма широко заимствовались; опыт военной экономики показал, что деятельность крупных производственных секторов можно планировать; шведская социалистическая модель успешно функционировала; у СССР, как тогда казалось, дела шли хорошо, поскольку он запустил первый искусственный спутник Земли, выпускал сложные виды вооружений, а уровень жизни его граждан быстро повышался; и так далее. В Западной Европе планировщики часто имели опыт работы в государственном секторе и были осведомлены о «провалах государства», но считалось, что последние можно будет скорректировать с помощью более компетентного планирования. По мнению большинства европейских экономистов, вопрос заключался не в том, хорошо ли планирование, а в том, какая его форма является наилучшей⁶⁷.

В качестве примера неадекватного восприятия реальности в те времена Маленко приводит утверждение Рагнара Фриша, сделанное в 1962 году, согласно которому СССР может «позволить Западу упорствовать в его бесплановости — тогда последний быстро начнет отставать экономически и со временем свалится на землю, как перезревшая груша»⁶⁸.

Главным оппонентом «планового консенсуса» и теории «ловушки недоразвития» на пике популярности этих идей в 50–70-х годах был Питер Бауэр. Одна из его наиболее известных книг носит характерное название «Особое мнение о развитии». Представление, что «бесплановость» препятствует экономическому развитию, указывал он, не согласуется с двумя простыми фактами: (1) развитые страны в свое время тоже были слаборазвитыми, но добились нынешнего процветания безо всякого государственного планирования, и (2) в современном мире сравнительно более быстро развиваются те страны, где не применяется планирование развития. По мнению Бауэра, накопление капитала и создание современной инфраструктуры являются не предпосылками, а результатом процесса развития. Ключевое значение имеют правовые и экономические институты — в частности, в наибольшей степени способствуют развитию защищенные права

собственности и среда, благоприятствующая предпринимательству. Вовлеченность государства в экономику чаще создает структурные проблемы, чем устраняет их. Факты свидетельствуют, считал Бауэр, что передача денег от налогоплательщиков богатых стран к правителям стран «третьего мира» (он отмечал, что называть такие трансферты «помощью» — значит исходить из посылки об их заведомой полезности) делает более приятной жизнь этих правителей, но не граждан их стран.

Питер Бауэр

Питер Томас (Петер Томаш) Бауэр (1915–2002) родился в Будапеште. В 30-х годах он изучал экономику в Кембриджском университете. Бауэр приехал в Великобританию, почти не зная английского, но получил диплом с отличием. В Кембридже он слушал лекции Кейнса, а его научным руководителем в течение года была Джоан Робинсон. Позднее в интервью Бауэр рассказывал, что в университете преобладали социалистические взгляды, а Советский Союз пользовался большим уважением, но, благодаря «размышлениям и наблюдениям», сам он своим умом пришел к прорывной позиции⁶⁹. Среди наиболее заметных трудов Бауэра следует назвать книги «Торговля в Западной Африке» (1954), «Экономическая политика Индии и развитие» (1961) и «Особое мнение о развитии» (1972). С 1960 года до ухода в отставку в 1983 году он был профессором Лондонской школы экономики. Бауэр был также членом Общества Мон-Пелерен. В 2002 году он стал первым лауреатом присуждаемой Институтом Катона премии имени Милтона Фридмана за содействие свободе, но скончался за неделю до церемонии награждения. Итог своей научной деятельности Бауэр подвел двумя короткими фразами:

Экономические достижения зависят прежде всего от способностей и установок народа, а также от его социальных и политических институтов. Различиями в этих детерминантах или факторах в основном и объясняется разница в уровне экономических достижений и темпах материального прогресса⁷⁰.

Сегодняшние дискуссии о развитии

Отголоски разногласий Бауэра с его современниками слышны в дискуссиях последнего времени между специалистами по экономике развития об эффективности или неэффективности государственных трансфертов от западных правительств к правительствам бедных стран мира и о том, какую внутреннюю политику следует проводить последним. Двое ведущих участников спора — Джеффри Сакс из Колумбийского университета и Уильям Истерли из Нью-Йоркского университета. Сакс написал книгу

«Конец бедности: экономические возможности нашего времени» (2005)*, где он призывает существенно увеличить трансферты от богатых стран к бедным. Идеи Сакса, по крайней мере в отношении Африки южнее Сахары, напоминают концепцию «ловушки недоразвития»: «Большая часть Тропической Африки находится в ловушке бедности или едва начала из нее выбираться. <...> У крестьянских семей нет или почти нет денежных доходов, что лишает их возможности инвестировать в улучшение своих хозяйств»⁷¹. Истерли — автор книги «Время белого человека: почему попытки Запада помочь остальному миру приносят так много вреда и так мало пользы» (2006). Работа Истерли — это, по сути дела, изложение идей Бауэра на современном материале: с фактами в руках он показывает, что ресурсные трансферты и планирование в лучшем случае неэффективны, а то и деструктивны. В статье, где Истерли сравнивает политические рекомендации, выдвигавшиеся в 2007 году и пятьюдесятью годами ранее, он пишет: «И тогда, и сейчас экономисты, занятые вопросами развития Африки, недооценивают свободный рынок, предлагая вместо этого одну из самых худших идей в истории: государственное управление экономикой, осуществляемое государствами, меньше всего способными ею управлять»⁷².

Почему некоторые страны по-прежнему богаче других?

Естественно, рекомендации экономистов по поводу способов стимулирования экономического роста опираются на их собственные теории о том, что детерминирует темпы этого роста. В 50-х годах Роберт Солоу, отталкиваясь от более ранней модели Харрода-Домара, разработал свою математическую модель роста, оказавшую большое влияние на экономическую теорию. Согласно модели Солоу доход на одного работника в национальной экономике увеличивается при накоплении капитала и совершенствовании технологий. Экономика накапливает капитал за счет сбережений, поэтому межстрановые различия в накоплении капитала объясняются разницей в норме сбережений. Что же касается уровня технологий, то это заданная величина, определяемая вне рамок модели.

Модель Солоу прогнозирует *сближение* уровней доходов в разных странах, поскольку сбережения, независимо от их источника, перетекают в те сферы, где орудия производства наиболее редки, а значит, их дополнительные единицы дают наибольшую отдачу. Страны, где много капитала, будут строить предприятия в странах, где его мало, чтобы воспользоваться более низким уровнем заработной платы (и большей доходностью инвестиций), но тем самым они будут способствовать повышению заработной

* Русское издание: *Сакс Дж.* Конец бедности: Экономические возможности нашего времени. М.: Издательство института Гайдара, 2011.

платы в этих странах (и снижению доходности капитала), то есть выравниванию уровней доходов между странами. Когда те, кто пытался применить модель Солоу, обнаружили, что в реальном мире капиталисты стремятся инвестировать в бедные страны гораздо меньше, чем предсказывалось, многие связали это нежелание с отсутствием там подходящей инфраструктуры (дорог, ирригации, электрических сетей). Они считали само собой разумеющимся, что эта инфраструктура должна создаваться государством, и видели в этом обоснование межгосударственных трансфертов для финансирования необходимых инфраструктурных проектов.

Хотя сейчас Китай и Индия начали догонять богатые страны, в целом сближение уровней доходов в качестве общей закономерности примечательно именно своим отсутствием. Задача объяснить этот феномен стала источником вдохновения для новых исследований в области теории роста, лидерами которых стали Пол Ромер из Стэнфордского университета и Роберт Лукас из Чикагского университета. Ромер изучает факторы, детерминирующие уровень технологического развития вместо того, чтобы следовать Солоу, который трактовал состояние технологий как нечто заданное. Ромер исходит из того, что темпы совершенствования технологий зависят от уровня инвестиций в образование, исследования и разработки. Некоторые страны, если они будут наращивать инвестиции в эти сферы, могут сохранить отрыв от основной группы стран, то есть модель прогнозирует *отсутствие* сближения уровня душевого дохода⁷³. Такие модели также используются в качестве нового обоснования трансфертов в рамках международной помощи — утверждается, что последняя необходима для финансирования инвестиций в образование, исследования и разработки, без которых бедные страны не смогут догнать богатые.

В последние годы сформировалась и альтернативная позиция — в духе Адама Смита и Питера Бауэра, а не Леонтьева, Солоу и Ромера, — согласно которой экономический рост больше зависит от создания адекватных институтов, благоприятствующих предпринимательству, чем от вложения достаточно большого количества ресурсов в образование или инфраструктуру. Первопроходцем этого нового подхода стал исследователь экономической истории Дуглас Норт, один из лауреатов Нобелевской премии по экономике 1993 года. *Институтами* Норт называет «„правила игры“ в обществе», прежде всего права собственности, которые «задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике». В книге «Подъем западного мира» Норт и его соавтор Роберт Томас утверждают: «Факторы, которые мы перечислили (инновации, экономия за счет масштаба, образование, накопление капитала и т.д.), не являются причинами роста — они *и есть* рост»⁷⁴. Различия между странами в экономическом росте в основе своей связаны с принципиально различными системами прав собственности. В контексте экономического роста, как и в контексте дискуссии об экономическом расчете при социализме, защищенные права частной собственности на средства производства являются основой рыночной системы, обеспечивающей

сигналы и стимулы, служащие производителям ориентирами для принятия правильных экономических решений.

В важной работе, развивающей идеи Норта и Томаса, экономисты Дарон Аджемоглу, Саймон Джонсон и Джеймс А. Робинсон приходят к выводу, что сравнительные данные по странам за последние 500 лет подтверждают следующее утверждение: «Для того чтобы существовали стимулы к инвестированию и для экономического успеха в первую очередь необходим набор институтов, обеспечивающих права частной собственности для широких слоев общества, который мы называем *институтами частной собственности*»⁷⁵. В другой работе те же авторы формулируют главную идею этого теоретического направления:

Экономические институты важны, поскольку они влияют на структуру стимулов в обществе. Без прав собственности у индивидов не будет стимулов для инвестиций в физический и человеческий капитал, как и для внедрения более эффективных технологий.

Они отмечают, что хотя эта мысль уже давно известна экономистам (в частности, они упоминают Джона Локка и Адама Смита), тем не менее предстоит еще многое сделать, чтобы объяснить, почему сегодня у одних стран имеются институты, способствующие росту, а у других — нет: «Нам еще далеко до создания работоспособного понятийного аппарата для анализа того, чем именно детерминируются экономические институты и почему в разных странах они различаются»⁷⁶. Таким образом, перед экономистами, продолжающими эту линию исследований, стоит задача выявления культурных, правовых, политических и иных влияний, определяющих развитие таких институтов, как права собственности и рынок. Что же касается политических руководителей и законодателей, то их задача — понять, что можно сделать (помимо очевидных вещей), учитывая текущую ситуацию в стране, чтобы развивать институты, способствующие росту, а не вредить им.

Известный перуанский экономист Эрнандо де Сото утверждает, что одна из главных причин низкого уровня накопления капитала и производительности в слаборазвитых странах — незащищенность права собственности. Скваттер из фавелы, не имеющий возможности получить документ, удостоверяющий право собственности на свой земельный участок, по понятным причинам не станет вкладываться в то, чтобы заменить свою хибару более капитальным строением⁷⁷.

В последние годы ученые-экономисты пытаются найти количественное выражение степени, в которой экономические институты страны дружелюбны по отношению к рынку, составляя ежегодные рейтинги экономической свободы⁷⁸. Статистический анализ взаимосвязи между показателями стран в рейтинге экономической свободы и их уровнями дохода показывает, что более свободные рыночные институты способствуют большему процветанию. Наглядной иллюстрацией этого является контраст между

Западной и Восточной Германией, а также Южной и Северной Кореей. Общая закономерность ясна: страны с более защищенными правами частной собственности и с меньшим числом препятствий, мешающих функционированию рыночной системы, становятся более богатыми, чем страны с жесткими экономическими ограничениями⁷⁹. Такой результат не удивил бы Адама Смита, который писал (эту цитату мы уже приводили в главе 8): «Чтобы привести государство из самого низкого варварства к высочайшему уровню богатства, требуется, в общем, немного: мир, низкие налоги и сносное отправление правосудия. Все остальное образуется естественным ходом вещей»⁸⁰.

Бреттон-Вудс и теория международных денежных отношений

В три часа дня 6 июля 1944 года Джон Мейнард Кейнс принял участие в ежедневном брифинге для прессы, который Гарри Декстер Уайт проводил в отеле «Маунт Вашингтон» горного курорта Бреттон-Вудс в штате Нью-Гемпшир. В этом величественном старом отеле представители 44 стран собрались на конференцию для разработки основ послевоенной мировой денежной системы. Кейнс прибыл в Бреттон-Вудс в качестве председателя британской правительственной делегации. Уайт возглавлял делегацию США. Собравшиеся репортеры особенно жаждали послушать Кейнса — хотя в свой 61 год он физически уже сильно сдал, но по-прежнему сохранял живость интеллекта и оставался мировой звездой экономической политики. В 1942 году он получил титул пэра и теперь именовался лордом Кейнсом.

До Первой мировой войны в условиях международного золотого стандарта и по большей части либерального торгового режима мировая торговля и международные инвестиции процветали. Напротив, 20-е и 30-е годы XX века стали периодом хаоса. Приверженность золотому стандарту сохранялась лишь эпизодически. Правительства разных стран вводили меркантилистские ограничения на торговлю и международные расчеты, провоцируя ответные меры. Некоторые экономисты призывали покончить с финансовым хаосом путем восстановления классического золотого стандарта¹ — но Кейнс был не из их числа. Еще в «Трактате о денежной реформе» (1924) появляется его знаменитый афоризм: «золотой стандарт является только варварским пережитком»². Вместо золотого стандарта Кейнс отдавал предпочтение фиатному стандарту, «регулируемому таким образом, чтобы поддерживать стабильность определенного индекса цен»³. Если Хайек и другие авторы видели в золотом стандарте спонтанно сформировавшуюся конституционную систему, полезность которой состоит в ограничении возможностей денежной политики, то Кейнс на брифинге в Бреттон-Вудсе уподобил его диктатору с неограниченной властью. Золотой стандарт, заявил он собравшимся журналистам, не должен больше обладать «тиранической властью над миром». Задачей конференции было свести роль золота к положению «монарха, власть которого ограничена конституцией»⁴.

Конференция в Бреттон-Вудсе

К началу Бреттон-Вудской конференции европейские страны антигитлеровской коалиции (особенно Великобритания) были сильно обременены долгами, а запасы золота в их казначействах и центральных банках сильно истощились. Они пытались найти новую институциональную структуру, которая позволила бы продолжать международные расчеты, используя меньшее количество золота. Бреттон-Вудское соглашение сделало основные европейские валюты размениваемыми не на золото, а лишь на американский доллар, принявший на себя роль основной международной резервной валюты, которую другие центральные банки могли обменивать на золото. (Самим гражданам США согласно правилам, введенным в период Великой депрессии, было по-прежнему запрещено обменивать банкноты Федеральной резервной системы на золото и даже владеть монетарным золотом.) Обменные курсы по отношению к доллару были привязанными (*pegged*), то есть фиксированными в каждый текущий момент, но корректируемыми при необходимости. Для надзора за функционированием системы соглашение предусматривало беспрецедентный шаг — создание специальной межгосударственной организации под названием Международный валютный фонд.

Большое влияние на участников Бреттон-Вудской конференции оказали представления Кейнса о преимуществах системы, которая, в отличие от классического золотого стандарта, ослабила бы ограничения, налагаемые последним на денежную и фискальную политику государств. Многие вдобавок были зачарованы его личностью. Один американский участник конференции, директор по исследованиям Федеральной резервной системы Э.А. Голденвейзер, вспоминал:

В Бреттон-Вудсе самой выдающейся личностью был лорд Кейнс. Он выделялся сразу в двух аспектах — тем фактом, что он был, разумеется, одним из самых блестящих представителей человечества как мыслитель и как оратор, умеющий влиять на людей, но также и тем, что он был самым худшим на свете председателем⁵.

Кейнс возглавлял Комиссию II — рабочий орган конференции, занимавшийся подготовкой статей соглашения, касавшихся Международного банка реконструкции и развития (позднее он стал называться Всемирным банком). Дин Ачесон, бывший в то время исполняющим обязанности государственного секретаря США, сообщает некоторые подробности того, как Кейнс выполнял функции председателя:

Кейнс... знает весь этот текст вдоль и поперек, поэтому если кто-то говорит: «Раздел 15-С», — то ему известно, что там содержится; но прежде чем вы успеете заглянуть в текст, найти раздел 15-С и понять, о чем там идет речь, он говорит: «Никаких возражений не слышу», — и раздел принимается⁶.

Председателем Комиссии I был Гарри Декстер Уайт, глава американской делегации и помощник министра финансов в администрации Рузвельта. Комиссия Уайта разрабатывала статьи о Международном валютном фонде — институте, который должен был сыграть ключевую роль в восстановлении международного режима валютных курсов и расчетов. Именно Уайт, стремясь создать предпосылки для одобрения работы конференции Конгрессом и общественностью, организовывал (и, как правило, единолично проводил) ежедневные брифинги для прессы, начинавшиеся в 3 часа дня, и как раз в одном из таких брифингов 6 июля принял участие Кейнс.

Система, разработанная на Бреттон-Вудской конференции, опять-таки в отличие от классического золотого стандарта, предоставляла больше возможностей для проведения кейнсианской денежной и фискальной политики. Центральные банки получали большую свободу для осуществления денежно-кредитной экспансии, когда сочтут это нужным, а министерства финансов могли легче сводить бюджет с дефицитом. Впрочем, эта система не соответствовала проекту международной денежной реформы, составленному самим Кейнсом. Вместо предоставления золоту или обмениваемому на него американскому доллару функции урегулирования торговых балансов Кейнс хотел зафиксировать курсы национальных валют, привязав их к новой глобальной фиатной резервной валюте под названием «банкор», которая должна была служить международным расчетным средством через счета, администрируемые Международным расчетным союзом. Его предложение не понравилось Уайту и другим членам американской делегации и, как они уверяли, уж точно не встретило бы одобрения в Конгрессе США, которому предстояло ратифицировать соглашение.

Во время войны американское государство стало главным кредитором своих европейских союзников. Об отношении британской делегации к тому, как американцы пользовались полученным за счет этого рычагом влияния, чтобы играть первую скрипку на переговорах о послевоенном валютно-финансовом устройстве, свидетельствует стишок, который, говорят, был популярен в те годы у британских чиновников:

Раз Кейнсу в Вашингтоне
Шепнул лорд Галифакс:
«Все деньги — в Белом доме,
Но все мозги — у нас»⁷.

Лорд Галифакс с 1941 по 1946 год был британским послом в США.

19 июля, меньше чем через две недели после упомянутого выше брифинга, сильно переутомившийся Кейнс вдруг упал на лестнице отеля «Маунт Вашингтон»: у него случился микроинфаркт. Три дня спустя он нашел в себе силы, чтобы выступить с оптимистичным заключительным словом на Бреттон-Вудской конференции, но по прошествии 21 месяца в апреле 1946 года очередной инфаркт стал для него роковым. Гарри Декстер Уайт умер в августе 1948 года, пережив один за другим два инфаркта после

выступления в комитете Конгресса в ответ на обвинение в передаче государственных секретов США советским агентам⁸. Система валютных курсов, созданная в Бреттон-Вудсе, двигаясь от кризиса к кризису, худо-бедно просуществовала около двадцати лет, но в 1971 году приказала долго жить, став жертвой крайне мягкой денежной политики США в 60-е годы и собственных внутренних противоречий. Однако Международный валютный фонд, хотя первоначальная цель его создания ушла в прошлое вместе с Бреттон-Вудской системой, существует до сих пор.

Как действовал международный золотой или серебряный стандарт

Сегодняшнее столкновение экономических идей по поводу фиксированных и плавающих валютных курсов, а также в целом государственной политики в отношении системы международных расчетов, представляет собой продолжение шедших в прошлые столетия споров о золотом и серебряном стандарте. Экономисты классической школы и большинство представителей неоклассического направления в экономической науке вплоть до Первой мировой войны придерживались теории, основанной на трудах Давида Юма и Адама Смита, согласно которой золотой стандарт автоматически регулирует объем денежной массы в стране или регионе, включая банкноты, эмитируемые банками и обеспеченные драгоценными металлами. Юм и Смит отвергали меркантилистскую доктрину о том, что процветание страны измеряется ее запасом металлических денег, золотых и серебряных монет (*specie*), и в целях роста благосостояния правители должны использовать ограничительные и поощрительные меры для увеличения этого запаса. В лекции, прочитанной в 1827 году, один из видных последователей Смита и Юма, английский экономист классической школы Нассау Сениор высмеял «этот удивительный памятник человеческой нелепости, меркантилистскую теорию или, иными словами, мнение о том, что богатство состоит в золоте и серебре и что оно может до бесконечности преумножаться путем принуждения к их ввозу и препятствования вывозу. Эта теория привела и по-прежнему приводит к большему злу и большему числу бедствий и войн, чем все другие ошибки вместе взятые»⁹.

Меркантилисты беспокоились, что в отсутствие государственного контроля слишком много драгоценных металлов будет утекать из страны за рубеж. Чтобы страна могла привлечь и сохранить у себя достаточное количество металлических денег, королю следует поощрять экспорт (который ведет к притоку золотых и серебряных монет), но препятствовать импорту или даже запрещать вывоз монет за границу для его оплаты. Пережитки меркантилистского образа мысли существуют и сегодня — в частности, превышение экспорта над импортом принято называть «положительным» торговым балансом. Юм опроверг меркантилистскую денежную доктрину в эссе «О торговом балансе», вошедшем в его «Политические рассуждения»

(1752), показав, каким образом рыночные цены и потоки металлических денег надлежащим образом регулируют количество денег в стране, так что не требуется никакого вмешательства монарха. Его теория, описывающая этот саморегулирующийся процесс, получила название «механизм „цена — переток звонкой монеты“», или «механизм перетока металлических денег» (price-specie-flow mechanism).

Юм предложил читателям простой мысленный эксперимент. Представим себе, что каждый англичанин, проснувшись поутру, обнаруживает, что половина серебряных монет, имевшихся у него вчера, вдруг исчезла. Имея на руках меньше денег, чем хотелось бы, все теперь стараются меньше тратить и больше продавать. Товары по вчерашним ценам никто не покупает. Продавцы в Англии начинают снижать цены, а в континентальной Европе цены остаются без изменений. В результате англичане сокращают импорт ставших относительно более дорогими континентальных товаров и увеличивают экспорт собственных товаров на континент. Серебро, которым покупатели с континента оплачивают этот увеличившийся чистый приток товаров, поступает в Англию. Этот приток денег продолжается до тех пор, пока запасы серебра в Англии не будут восполнены, и в результате цены в стране восстановят свой паритет с континентальными. Напротив, если количество монет вдруг удвоится, это приведет к повышению цен в регионе по сравнению с ценами вне его и вызовет отток золота и серебра из региона, который будет продолжаться до тех пор, пока давление на местные цены в сторону их роста не сойдет на нет. После этого равновесие восстановится и отток прекратится.

Позднее Нассау Сениор кратко изложил рассуждение Юма следующим образом:

Общий баланс, сложившийся против некоторой страны, вскоре так истощит ее запас драгоценных металлов, а значит приведет к такому снижению цен, что ослабит и постепенно устранил всякие ее побуждения к покупке иностранных товаров, одновременно усиливая мотивацию других стран к приобретению ее товаров. Предположения, будто можно бесконечно покупать, не продавая, продавать, не покупая, или даже покупать больше, чем продавать, или продавать больше, чем покупаешь, в равной мере иррациональны¹⁰.

Таким образом, меркантилисты были неправы: для того чтобы не допустить истощения запасов золота и серебра в стране вследствие торговли, королю не нужно вводить законодательные ограничения. Приток и отток драгоценных металлов сами уравновешивают друг друга и сами себя ограничивают — они прекращаются, как только у людей на руках оказывается такая сумма металлических денег, какую они считают для себя желательной. Отток является одновременно и симптомом, и корректором избытка денежной массы и относительно высокого уровня внутренних цен. Каждая унция экспортируемого драгоценного металла сокращает предложение денег в стране, уменьшает избыток денежной массы и ослабляет поддержку

высокого уровня цен. Распределение серебра и золота между странами (и внутри отдельной страны) — это саморегулирующийся порядок.

Во времена Юма полновесная монета была не единственным видом денег. Для внутренних трансакций в Англии и Шотландии чаще всего использовались выпускаемые банками бумажные банкноты и чековые банковские счета, подлежащие обмену на серебро или золото. Адам Смит в своих «Лекциях по юриспруденции» изложил юмовскую теорию цен и перетока металлических денег¹¹. В самих «Лекциях», а затем в «Богатстве народов» (книга II, глава 2) он развил ее применительно к ситуации, когда наряду с металлическими деньгами в стране ходят обеспеченные драгоценными металлами бумажные деньги, эмитируемые конкурирующими коммерческими банками. Смит пришел к выводу, что если страна участвует в международном металлическом стандарте, то количество смешанных денег тоже регулируется само собой, поскольку любой избыток банкнот будет обмениваться на драгоценные металлы, и это породит отток последних из страны. Для экономики с заданным объемом годового продукта, полагал он, необходимо лишь определенное количество денег для обращения этого продукта. Если банки выпускают чрезмерное количество банкнот, то этот излишек переполнит «каналы обращения». Он «не может найти применения внутри страны», поэтому будет направлен за границу в обмен на товары и услуги. Анализ Смита в данном случае несколько поверхностен, и, как заметил Генри Торнтон в своем знаменитом труде по денежной теории, вышедшем в 1802 году, в нем отсутствует «ценовая» часть юмовского механизма перетока металлических денег¹².

Смит утверждал, что введение банкнот увеличивает богатство страны именно потому, что они вытесняют металлические деньги, и «большая часть» золота и серебра, отправляемого за рубеж, «почти неизбежно» используется, чтобы «приобретать добавочные запасы материалов, орудий производства и продовольствия», предназначенных «для промышленного употребления»¹³. Таким образом, банкноты позволяют стране обменять значительную часть «мертвого груза» золота и серебра на производительные капитальные блага.

Сторонники конкурентной эмиссии банкнот в Великобритании, в частности представители школы свободной банковской деятельности, выступавшие в ходе дискуссий 30-х и 40-х годов XIX века против монопольных привилегий Банка Англии, следовали по пути Смита. Они усилили его политическую позицию в пользу свободной конкуренции в банковской сфере, подробно объяснив, что в условиях конкурентной эмиссии любой банк, выпустивший слишком много банкнот, быстро утратит свои резервы, которые перейдут к банкам-соперникам. Конкуренция ограничивает чрезмерную эмиссию эффективнее, чем монополия центрального банка на выпуск банкнот¹⁴.

После продления в 1844 году действия хартии Банка Англии свобода банковской деятельности почти не обсуждалась, но большинство экономистов по-прежнему были согласны с теорией Юма–Смита о денежном

саморегулировании в условиях золотого стандарта. В лекции, прочитанной в 1869 году, профессор политической экономии из Оксфорда Бонами Прайс назвал «опровержение Смитом меркантилистской теории» аргументацией «самого убедительного порядка», которую не должны оставлять без внимания авторы, пишущие на финансовые темы. Он еще раз изложил аргументацию о саморегулировании денежного обращения следующим образом:

Количество банкнот в обращении подчиняется тем же законам, которые определяют количество монет. Оно регулируется спросом публики, а этот спрос определяется количеством, которому общество может найти применение, то есть количеством, реально используемым для покупок и платежей, включая и банковские резервы... Любые попытки выпустить в обращение дополнительную сумму банкнот окажутся бесплодными, так как люди тут же предъявят излишки обратно в банк для оплаты. <...> [Золотые] соверены и банкноты — это товары... Единственная их важная черта, как и у всех товаров, — это хорошее качество: соверены должны изготавливаться из чистого золота и быть полновесными, а банкноты размениваться на золото по первому требованию¹⁵.

Делая акцент на немедленной конвертации излишка банкнот в металлические деньги, Прайс пренебрег аргументом школы свободной банковской деятельности о том, что этот процесс действует *сразу* только в том случае, если эмитент окружен конкурентами. Его формулировка создает впечатление, что даже Банк Англии с его монопольными привилегиями не может осуществлять чрезмерную эмиссию даже в краткосрочном периоде.

Главное уточнение теории Юма-Смита, которое добавили последующие авторы, — это включение финансовых потоков золота в процесс саморегулирования. Золото будет перетекать из регионов с низкими процентными ставками туда, где ставки выше, поскольку те, кто формирует предложение финансовых ресурсов, хотят получать как можно большую доходность. Чрезмерное предложение денег в регионе приведет к утечке золота не только «юмовским маршрутом» через повышение региональных цен по мере того, как люди будут тратить избыточные денежные остатки, но и через снижение процентных ставок из-за того, что люди будут отдавать избыточные денежные остатки *в долг*. И напротив, избыточный спрос на деньги будет привлекать золото за счет низких цен и высоких процентных ставок.

Автоматически уравнивающийся характер денежной массы в стране в условиях международного золотого стандарта был основанием для положительного в целом отношения к этой системе большинства экономистов и обычных граждан до Первой мировой войны. Вторым аргументом в пользу золотого стандарта было то, что он сдерживал государственные расходы: если государственные облигации нужно гасить золотом, а не чем-то таким, что государство может напечатать в любом количестве, то его расходы ограничиваются той суммой, которую можно покрыть за счет текущих и будущих налоговых поступлений¹⁶. Великий историк экономической

мысли Йозеф Шумпетер кратко сформулировал ортодоксальную точку зрения и объяснил, почему после войны она попала в немилость, ссылаясь на классическую либеральную политическую идеологию и последующий отказ от нее:

«Автоматическое» золотомонетное обращение является неотъемлемой частью экономики *laissez-faire* и свободной торговли. Оно связывает процентные ставки и уровни цен каждого государства с процентными ставками и уровнями цен всех других государств, чья экономика основана на золотом стандарте. Оно чутко реагирует на государственные расходы и... в целом на все те меры, которые нарушают принципы экономического либерализма. Вот почему золотой стандарт так непопулярен теперь, но был столь желанным в буржуазную эру. Золотой стандарт накладывает на правительства или чиновничий аппарат значительно более мощные ограничения, чем критика со стороны парламента¹⁷.

Когда центральные банки стали целенаправленно выдвигать себя на роль важных игроков на этой арене — этот процесс происходил постепенно, и его инициатором был Банк Англии в 30-х годах XIX столетия, — золотой стандарт утратил часть своего автоматизма. Когда руководители центральных банков поняли, что могут ускорять, замедлять и даже оборачивать вспять потоки золота в стране, фактические потоки стали зависеть от политики центральных банков. В 30-х годах XIX века представители школы свободной банковской деятельности первыми заметили, что объем обмениваемых на золото денег в условиях государственной монополии на денежную эмиссию и золотые резервы уже не регулировался сам собой автоматически в той мере, в какой это было прежде.

Когда споры в Великобритании по поводу ратификации нового статуса Банка Англии в качестве центрального банка завершились законодательным решением 1844 года, предметом дискуссий стал выбор банком ставки ссудного процента (или дисконтной ставки при покупке ценных бумаг). Посредством процентных ставок банк мог, сознательно или непреднамеренно, препятствовать юмовской самокоррекции в случае изменений спроса на золото и его предложения. В частности, он мог помешать тому, чтобы начавшийся отток золота уменьшил завышенную денежную массу и снизил уровень цен внутри страны до мирового уровня, — для этого он мог повысить процентные ставки, чтобы вызвать компенсирующий финансовый приток золота из-за рубежа. В лондонском Сити был популярен афоризм (часто приписываемый Уолтеру Бэджоту): «Ставка в 5% привлечет золото с континента, а ставка в 7% привлечет его даже с Луны». И, напротив, банк мог помешать тому, чтобы приток золота повысил внутренние цены до мирового уровня, путем его «стерилизации», то есть абсорбции в собственные запасы, не позволяя таким образом увеличивать внутреннюю денежную массу, или путем снижения ссудного процента, создавая таким образом компенсирующий отток и тем самым задерживая самокоррекцию.

Количество и ценность денег в мире при золотом или серебряном стандарте

Отдельная страна способна увеличить свои запасы золота или серебра за счет международных платежей, но мир в целом сделать этого, очевидно, не может. Динамика общемирового количества монетарного золота и серебра тоже была предметом экономического анализа и дискуссий. Нассау Сениор (1790–1864), первый профессор политической экономии в Оксфордском университете, представил прямой анализ металлических денег на основе понятий спроса и предложения в книге «Три лекции о ценности денег», опубликованной в 1840 году, но основанной на курсе лекций, прочитанных в Оксфорде в 1829 году.

В начале первой лекции Сениор указал на противоречие в «Основаниях политической экономии» Джона Стюарта Милля. С одной стороны, Милль (вслед за Адамом Смитом и Давидом Рикардо) учил, что относительная цена любого товара определяется относительной величиной издержек его производства. С другой стороны, он высказал предположение, что относительная цена (или покупательная способность) металлических денег определяется отношением совокупных денежных расходов к совокупному объему товаров, ни словом не упомянув об издержках производства денег¹⁸. Чтобы быть последовательным, указал Сениор, Милль должен был бы заявить, что равновесная покупательная способность унции драгоценного металла, используемого в качестве денег, равна предельным издержкам ее производства, то есть издержкам добычи этого металла на «самом бедном прииске... работающем без убытка»¹⁹. Количество существующих металлических денег (монет и слитков) нельзя считать попросту заданным природой; оно, как и количество любого другого товара, изготавливаемого людьми, определяется силами спроса и предложения.

Сениор объяснял, что общее количество монетарного золота в мире будет адаптироваться (посредством добычи и чеканки) к величине совокупного спроса, то есть к общей сумме денежных остатков, которые хотят держать у себя отдельные пользователи денег. Сумму денег, которую желает держать типичный индивид, Сениор принял равной величине, кратной недельному доходу — то есть она равна арифметическому произведению дохода индивида на желаемое отношение денежного остатка к доходу («средняя доля ценности дохода, оставляемая, как правило, каждым индивидом у себя в виде денег»). Затем Сениор перешел к различным факторам, влияющим на это желаемое отношение. В состоянии равновесия совокупный запас золота, извлеченного из недр, будет равен величине спроса на него для применения в качестве денег *плюс* величине спроса на него для использования в неденежных целях или в форме «позолоты» (plate), то есть для украшения, например для декоративных позолоченных подсвечников.

Для анализа того, как относительная цена золота определяется издержками его производства в простых условиях, Сениор предложил аудитории

представить себе изолированное сообщество, использующее золото как деньги и как декоративный металл. В нем золото «добывается путем промывки аллювиальных россыпей без использования дорогих машин и квалифицированного труда», поэтому единственный вид издержек производства — это затраты рабочего времени. Если допустить, что отдача от масштаба постоянна, то количество добытого золота «всегда пропорционально затраченному труду». Поскольку можно добыть любое количество золота с постоянными издержками — иными словами, кривая предложения абсолютно горизонтальна, — в долгосрочном периоде относительная цена золота одна и та же при любом уровне спроса. (Краткосрочные изменения относительной цены в случае внезапных колебаний спроса возможны, поскольку для корректировки объемов добычи золота и восстановления нормальной цены требуется время.) Без учета краткосрочных колебаний унция золота будет обмениваться на количество человеко-часов, необходимых для ее производства, а на прочие товары — пропорционально часам труда, затраченного на их производство:

В этих условиях издержки производства золота всегда будут одинаковыми, а его ценность, выраженная в единицах труда, или, иными словами, количество труда, которое можно купить за определенную сумму в золоте, — всегда будет соответствовать издержкам его производства, за исключением коротких промежутков времени, когда из-за внезапного увеличения или уменьшения спроса его текущее предложение ненадолго станет избыточным либо недостаточным. При таких обстоятельствах ценность всех прочих вещей будет определяться сопоставлением издержек их производства с издержками производства золота²⁰.

Из этого следует, что цены товаров, указываемые в единицах золота, будут вдвое выше, если промывка станет давать в сутки вдвое больше золота:

Очевидно, что если дневной труд старателя на приисках даст 34 грана золота, то для любого акта обмена понадобится вдвое больше денег, чем необходимо при дневном объеме добычи в 17 гранов.

Сениор сформулировал условия, обеспечивающие равновесие, то есть равенство между наличным и желаемым запасом золота, а затем проанализировал процесс возврата к равновесию после изменения спроса и предложения, нарушившего первоначальное равновесие. Условия равновесия касаются как переменных запаса (количество унций золота, имеющегося и желаемого в определенный момент времени), так и переменных потока (количество дополнительных унций, желаемых и произведенных в течение года). Если численность населения сообщества, доходы и вкусы людей постоянны, то единственным источником нового спроса становится износ имеющегося запаса денег и позолоты. Для сохранения равновесия необходимо, чтобы добыча золота лишь восполняла потери от этого износа.

Изменение спроса или предложения отклоняет ценность золота от значения, соответствующего долгосрочному равновесию, но последнее восстанавливается после соответствующей корректировки потоков и запасов. Вот как Сениор анализирует рост спроса на немонетарное золото в стране, населенной преимущественно протестантами:

Теперь представим себе, что изменение моды внезапно вызвало повышение спроса на декоративное золото. Это может быть, к примеру, введение католических богослужебных обрядов и распространение убежденности в том, что будет достойным делом украсить каждый алтарь золотыми подсвечниками²¹. Этот спрос можно удовлетворить отчасти за счет переплавки в подсвечники имеющегося немонетарного золота и некоторой доли запаса денег, а отчасти за счет использования на эти цели всего вновь добываемого золота, которое в ином случае частично применялось бы в качестве денег. Поскольку общее количество денег уменьшится, среднее количество денег у каждой семьи тоже неизбежно сократится. За каждую покупку будет предлагаться меньшая его часть, все цены (кроме цены декоративного золота) упадут, а денежные доходы всех людей, кроме золотодобытчиков, уменьшатся. Это, разумеется, приведет к тому, что в добычу золота будет привлекаться намного больше труда, и так будет продолжаться до тех пор, пока прежний запас денег не восстановится.

Иными словами, рост спроса на золото временно повышает покупательную способность унции этого металла, пока это повышение, увеличивающее прибыль от золотодобычи, не вызовет увеличение объема золота, достаточное, чтобы вернуть его покупательную способность к долгосрочному уровню, определяемому затратами труда на его добычу. В течение этого интервала времени более высокая покупательная способность унции золота будет приводить к сокращению количества унций, требуемого для использования в качестве денег, а значит, часть монетарного золота высвободится для изготовления золотых изделий. В противоположной ситуации — при сокращении спроса на золотые изделия, избыток золота по его изначальной ценности приведет к снижению его ценности и падению добычи, и одновременно к росту количества унций, требуемого для его использования в качестве денег, до тех пор пока избыток не устранится за счет износа и ценность унции не повысится до нормального уровня. Аналогичная последовательность событий будет наблюдаться и при увеличении или сокращении спроса на монетарное золото.

Описанные результаты показывают, каким образом золотой стандарт в долгосрочной перспективе стабилизирует покупательную способность денег (или обратную ей величину — уровень цен) в случае изменений спроса — характерное свойство, которое, естественно, постоянно подчеркивали сторонники золотого стандарта. Металлический стандарт служит «якорем» для уровня цен. Этот стабилизирующий эффект не зависит от классической трудовой теории ценности, на которую опирался Сениор. Он сохраняется и при переходе к современной теории цен.

Изолированное сообщество Сениора было микрокосмом нашего мира: на этом примере он доказывал, что количество и покупательная способность металлических денег являются саморегулирующимися в мировом масштабе. В долгосрочном периоде относительная цена золота возвращается к фундаментальному уровню, заданному его издержками производства. В первом примере, рассмотренном Сениором, издержки производства постоянны, но затем он разобрал и более правдоподобную ситуацию растущих предельных издержек. Когда золотые рудники и золотоносные жилы различаются по богатству руды и легкости ее добычи, первыми разрабатываются самые богатые и доступные из них. По мере того как добыча золота продолжается, наименее затратные его источники истощаются и приходится переходить ко все более бедным или глубоко залегающим рудам. Поэтому из года в год издержки на добычу унции золота повышаются. В этом случае, когда затраты на единицу произведенного золота уже не постоянны, а определяются совместно с объемом добычи, а объем добычи, в свою очередь, зависит от спроса, классическая или основанная исключительно на издержках производства теория ценности неприменима²². Та же логика относится и к добыче серебра.

Эффект истощения, действующий сам по себе, обеспечивает тенденцию к повышению покупательной способности золота и серебра, а это означает общее снижение цен при золотом или серебряном стандарте. В истории периоды снижения цен в условиях металлического стандарта случались редко и были слабо выраженными. На больших отрезках времени эффект истощения компенсировался техническим прогрессом в добыче — настолько, что исторический тренд темпов инфляции при золотом и серебряном стандарте был очень близок к нулю²³.

Насколько серьезной проблемой была инфляция из-за открытия новых месторождений золота?

После открытия крупных месторождений золота в Калифорнии в 1848 году и аналогичного открытия в Австралии тремя годами позже, что привело к значительному росту золотодобычи, анализ золотого стандарта с точки зрения спроса и предложения превратился в важный практический вопрос. В одном из первых прогнозов французский экономист Мишель Шевалье утверждал, что новые поступления золота из Калифорнии и Австралии сократят его покупательную способность вдвое за время жизни одного поколения (то есть мировой уровень цен увеличится в два раза). В 1863 году Уильям Стэнли Джевонс при изучении того, что фактически имело место за прошедший период, создал один из первых взвешенных ценовых индексов, используя для этого данные о ценах на сырье. Он подсчитал, что измеренный таким образом уровень цен за предшествующие 15 лет повысился всего на 9–15%, то есть темп инфляции составил менее 1% в год. Он спрогнозировал «постепенное и плавное» кумулятивное по-

вышение уровня цен на 30% за 30 лет, воздействие которого он охарактеризовал как «почти незаметное»²⁴.

В 1872 году Уолтер Бэджот, редактор журнала *The Economist* и весьма авторитетный специалист в области банковского дела и финансов, составил собственный индекс цен на промышленные товары. Он выяснил, что покупательная способность золота снижалась в период с 1849 по 1864 год, затем некоторое время была постоянной, а после этого начала повышаться. После 1864 года приток золота из Калифорнии и Австралии уже не превышал темпов общемирового экономического роста и связанного с ним увеличения спроса на металлическое золото. К 1871 году уровень цен практически вернулся к показателю 1849 года.

Реконструкция показателей периода золотой лихорадки на основе временного ряда американского индекса потребительских цен (*Consumer Price Index*) — современного стандартного измерителя уровня цен — показывает, что в течение десяти лет, когда в Калифорнии добывалось больше всего золота, кумулятивный рост уровня цен в США составил всего 8,8% — индекс увеличился с 7,41 в 1849 году до 8,06 в 1859 году (значение индекса за 1982–1984 годы принято за 100), а среднегеометрический годовой темп инфляции не достигал и 1%²⁵. Если использовать в качестве приближенного измерителя мировой золотой инфляции за более длительный период британский временной ряд индекса розничных цен (*Retail Price Index*, за 100 принято значение индекса за 1913 год) — американские цены после 1860 года для этого не подходят, поскольку с начала Гражданской войны и до 1879 года там действовал не золотой, а бумажно-долларовый стандарт, — то кумулятивное повышение уровня цен с 1849 года до пика в 1867 году составит 26%, то есть среднегодовые темпы инфляции будут равны 1,3%. После 1867 года цены начали медленно снижаться. Таким образом, даже самые впечатляющие в истории открытия месторождений золота порождали меньшую инфляцию, чем самые низкие ее значения, достигнутые в рамках фиатных денежных систем после 1971 года.

Биметаллизм

Юридически в США на протяжении большей части XIX века действовал биметаллический стандарт. В статутном праве доллар определялся как конкретная масса серебра (371,25 грана) и одновременно золота (23,22 грана после 1837 года). Таким образом, соотношение между двумя металлами было равно примерно 16 к 1 при использовании их в качестве законного платежного средства (*legal tender*) — то есть при выплате долларовых долгов судебная система приравнивала 16 унций серебра к одной унции золота. Другой великой державой, где в XIX веке практиковался биметаллизм, была Франция, в которой соответствующее соотношение составляло 15,5 к 1.

Первоначальным мотивом введения биметаллизма было стремление обеспечить взаимный обмен полновесных монет большого и малого но-

минала. Если золото стоило, допустим, в 16 раз дороже серебра, то его было неудобно использовать для небольших платежей. Представьте себе золотую монету достоинством в 10 центов — она должна была бы весить в 16 раз меньше, чем серебряный десятицентовик, и просто затерялась бы в кармане среди мелкого сора. Монетный двор США никогда не чеканил золотые монеты номиналом меньше одного доллара (в 1895–1900 годах это было эквивалентно по покупательной способности примерно 25 долларам 2011 года). Напротив, серебряные монеты плохо подходили для крупных платежей, так как они весили в 16 раз больше золотых такого же номинала (сто долларов серебром весили бы около 6 британских фунтов, то есть 2,7 килограмма; такую ношу с собой таскать не будешь)³⁶. В США номинал серебряной монеты самого большого достоинства составлял один доллар. Таким образом, монеты большой ценности чеканились из золота, а меньшей — из серебра. Благодаря одновременному хождению золотых и серебряных долларов можно было обменять пять серебряных монет номиналом в 1 доллар на одну пятидолларовую золотую монету и наоборот, что обеспечивало единство монетной системы.

Для удобства взаимного размена требовался фиксированный обменный курс полновесных золотых и серебряных монет. И именно с этим фиксированным курсом была связана главная проблема биметаллизма. Если соотношение между золотыми и серебряными долларовыми монетами устанавливается равным 16 к 1 и они являются законным платежным средством на неограниченные суммы, то когда обменный курс на мировом рынке отклоняется от соотношения 16 к 1, установленное законом соотношение для находящихся в обращении монет перестает соответствовать обменному курсу, сложившемуся в мире. И тогда тот из двух металлов, чья покупательная способность на мировом рынке выше, исчезнет с внутреннего рынка.

Рассмотрим конкретный пример. Заемщик может выплатить американскому кредитору долг в 100 долларов как золотыми, так и серебряными долларовыми монетами. Если установленное законом соотношение равно 16 к 1, а мировой обменный курс изменился и теперь составляет 15 к 1 (серебро на рынке стало более ценным), то установленный законом внутренний курс золота оказывается завышенным. Должник поступил бы глупо, если бы выплатил долг серебром. Внутри страны 16 унций серебра при выплате долга по-прежнему равны 1 унции золота, но на мировом рынке за них можно получить больше, чем унция золота. Иными словами, за сто долларов серебром можно купить столько импортных товаров, сколько можно было бы купить лишь на 106,67 золотых долларов. Если экспорта серебра из США на мировой рынок (и закупок золота для замены серебряных долларов однодолларовыми золотыми монетами) недостаточно для повышения мирового обменного курса до 16 к 1, то полновесные серебряные монеты будут вывозиться из страны, пока не исчезнут из внутреннего обращения.

Некоторые экономисты, например президент Массачусетского технологического института Фрэнсис А. Уокер, разработали остроумную аргументацию в пользу *международного* биметаллического стандарта — системы,

в рамках которой все страны договариваются использовать одинаковое соотношение для взаимного размена серебра и золота. Уокер утверждал, что мировой рыночный обменный курс серебра на золото стабилизируется на уровне этого соотношения, по крайней мере в ситуации умеренных изменений предложения и спроса на эти металлы для немонетарного использования, поскольку будет иметь место тенденция к замене серебра золотом в обращении, когда ценность серебра повышается, и наоборот²⁷. Однако как раз в то время, когда Уокер писал свой труд, возможности для такой замены одного металла другим в обращении сокращались практически до нуля, поскольку во внутреннем обороте золотые монеты вытеснялись банкнотами.

Феномен, когда недооцененные по официальному курсу монеты вымываются из оборота, в то время как переоцененные остаются, известен под названием закона Грешема. Общепринятая формулировка этого закона звучит так: «Плохие деньги вытесняют хорошие». В некоторых случаях эпитеты «плохие» и «хорошие» действительно уместны. К примеру, когда король присваивает статус законного платежного средства по номиналу порченной монеты (которая «плоха», потому что содержание серебра в ней понижено), все старые полновесные («хорошие») монеты того же номинала будут переплавляться или вывозиться из страны. Феномен вытеснения из обращения старых полновесных монет порченной монетой был известен еще в античные времена — настолько хорошо известен, что Аристофан в своей комедии «Лягушки» (405 год до нашей эры) пошутил, что точно так же «порченные» политики вытесняют «хороших»:

Часто кажется, что город граждан и сынов своих,
И достойных и негодных, ценит совершенно так,
Как старинную монету и сегодняшний чекан.
Настоящими деньгами, неподдельными ничуть,
Лучшими из самых лучших, знаменитыми везде
Среди эллинов и даже в дальней варварской стране,
С крепким, правильным чеканом, с пробой верной, золотой
Мы не пользуемся вовсе. Деньги медные в ходу,
Дурно выбитые, наспех, дрянь и порча, без цены²⁸.

Однако к ситуации, когда переоцененное по установленному законом курсу золото вытесняет недооцененное серебро, термины «плохие деньги» и «хорошие деньги» не подходят. В золоте как таковом ничего «плохого» нет, как и в серебре ничего «хорошего», и если переоцененным окажется, наоборот, серебро, то оно вытеснит золото.

Закон Грешема был хорошо известен классикам политической экономии. Давид Рикардо отмечал, что он действует в Великобритании в условиях биметаллизма:

Итак, оказывается, что, пока каждый из этих двух металлов мог одинаково служить законным средством для уплаты долгов любых размеров, мы были

подвержены постоянной перемене в нашей главной стандартной мере ценности. Исключительно в зависимости от изменений в относительной ценности двух металлов таковой бывало иногда золото, иногда серебро. И всякий раз, когда один из этих двух металлов переставал быть стандартной мерой ценности, он переплавлялся и извлекался из обращения, так как ценность его в слитках была выше его ценности в монете²⁹.

Когда закон Грешема работает на вытеснение серебра, возникает дефицит монет малых номиналов, которые прежде делались из этого металла. Золотые монеты могут занять их место вплоть до некоторого нижнего предела номинала, при котором практически возможно использование столь мелких монет, но для совсем мелкого размена требуется другое средство. Одним из таких средств является чеканка *неполновесных* серебряных монет для хождения по номиналу. Поскольку на мировом рынке монеты оцениваются по содержанию драгоценного металла, сильно истертые или иным образом ставшие достаточно неполновесными серебряные монеты — оцениваемые в качестве законного платежного средства в соотношении 1:16 или еще ниже по отношению к золоту в ситуации из нашего предыдущего примера — останутся в обращении внутри страны, если их будут принимать по номиналу. Но если мировая цена на серебро продолжит расти, то даже истертые серебряные монеты будут постепенно исчезать. В результате дефицита монет малого достоинства возникает проблема с расчетами и с выплатой сдачи.

По мере всеобщего распространения обеспеченных драгоценными металлами банкнот возникло и постепенно стало рассматриваться в качестве стандартного более долговременное решение проблемы. Оно заключалось в отказе от серебряных монет малого достоинства и внедрении вместо них «жетонных» или «символических» монет и банкнот, обмениваемых на золото. При использовании таких монет и банкнот для сдачи и мелких расчетов монометаллический золотой стандарт решал проблему сохранения в обороте денег любого достоинства, а заодно и проблему износа полноценных серебряных монет.

Биметаллизм и инфляционизм

Умеренная общемировая дефляция после 1867 года объяснялась динамичным экономическим ростом. Мировое производство товаров и услуг быстро увеличивалось — быстрее, чем добыча золота. Тем не менее в США популистские группы, представлявшие интересы рабочих и фермеров, утверждали, что при небольшой инфляции экономическое процветание — по крайней мере, в случае рабочих и фермеров — было бы еще большим. В США конца XIX века биметаллизм стал предметом широких политических дискуссий — не в качестве средства обеспечения разменной монеты, а в качестве механизма создания инфляции (или предотвращения

дефляции). Относительная ценность серебра на мировом рынке уменьшалась. В 1830 году коэффициент 16 к 1 был близок к мировому рыночному обменному курсу, но к началу XX века серебро настолько подешевело, что этот курс составлял 30 к 1. Если бы Монетный двор США предоставил такую возможность, люди завалили бы его дешевым серебром. При неограниченной чеканке серебряных монет в соотношении 16 к 1 и нулевой комиссии за чеканку появилась бы возможность получать неограниченную прибыль от арбитража за счет Монетного двора. Первый шаг: обменять на мировом рынке одну унцию американских золотых монет на 30 унций серебра. Второй шаг: отчеканить на монетном дворе США 16 унций серебра и получить таким образом количество серебряных долларов, эквивалентное внутри страны 1 унции золотых монет. Третий шаг: оставить себе прибыль. Чистый выигрыш составляет 14 унций серебра, из которых можно начеканить монет, а монеты потратить на что угодно. Эту операцию можно было бы повторять до бесконечности. Чтобы избежать больших убытков и оттока золотых монет, Монетный двор в 1873 году прекратил чеканить серебряные доллары, что, по сути дела, означало введение в США монометаллического золотого стандарта. Сторонники серебра назвали это «преступлением 1873 года»³⁰.

Когда Уильям Дженнингс Брайан, выдвигавшийся кандидатом в президенты от Демократической партии в 1896, 1900 и 1908 годах, призывал в ходе кампании 1896 года к «свободной и неограниченной чеканке серебра в соотношении 16 к 1», он, по сути дела, утверждал, что наводнение экономики дешевыми серебряными долларами принесет процветание. Ортодоксальные экономисты отвергли эту идею, но популисты ее поддержали. Популярность такой политики в сельскохозяйственном поясе страны можно объяснить ее разовым эффектом: инфляция *действительно* обесценила бы значительную часть долгов фермеров (в ущерб их кредиторам).

В своей речи при выдвижении кандидатом в президенты в 1896 году Брайан прибег к знаменитой риторической фигуре, уподобив предполагаемое воздействие золотого стандарта на рабочих и фермеров распятию Христа: «Вам не надеть на чело труда терновый венец, вы не распнете человечество на золотом кресте». Метафора с распятием была отсылкой к утверждениям антисемитов о том, что в казни Христа виноваты евреи. Это был намек на то, что в условиях золотого стандарта международные финансы контролируются банкирами-евреями и что именно их следует винить в страданиях рабочих. Политическая карикатура в популистском журнале *Sound Money* говорила о том же самом в открытую: на ней был изображен босс Республиканской партии Марк Ханна (с президентом Маккинли в кармане сюртука), надевающий терновый венец на страдающего человека, на котором написано «Труд», распятого на кресте с надписью «золото». Ханна стоял на плечах бородатого человека с огромным носом, на рукаве которого красовалась надпись «Ротшильд» (в знак того, что он представляет еврейскую банкирскую династию Ротшильдов) и более мелким шрифтом — «владелец большей части золота в мире»³¹.

Оппозицию биметаллизму в США возглавлял экономист Дж. Лоуренс Лафлин из Чикагского университета. Изложив в своей книге закон Грешема, а также процитировав Аристофана и Рикардо, он привел аргумент, что на практике биметаллизм «невозможен в течение сколько-нибудь долгого времени, поскольку стоит одному из металлов упасть на рынке чуть ниже установленного законом соотношения, как другой металл будет вытеснен из обращения, и на деле в стране будет действовать лишь один из сменяющих друг друга монометаллических стандартов — то золотой, то серебряный». Он обвинял биметаллистов, выступающих за свободную и неограниченную чеканку серебра, в недостойном стремлении перераспределить богатство посредством инфляции в пользу владельцев серебряных рудников за счет налогоплательщиков, а также в пользу должников за счет кредиторов: «Движение, навязывающее Соединенным Штатам Америки серебро при нынешнем соотношении 1:16... действует в интересах владельцев серебряных рудников и бесчестных заемщиков, желающих расплатиться с долгами более дешевой платежной единицей в ущерб чести нашей страны и доверию к ней»³². Конгресс после принятия законов, содержащих уступки группам интересов, связанным с серебряным лобби (закон Бланда-Эллисона, закон о покупке серебра), все же ввел в стране законом о золотом стандарте 1900 года монометаллический золотой стандарт.

Предложения Маршалла и Фишера о модификации золотого стандарта

Чередование периодов роста и падения цен в XIX веке, хотя эти колебания и были невелики по современным меркам, беспокоило Альфреда Маршалла. Он выступал против чисто бумажного, или фиатного, денежного стандарта по политико-экономическим основаниям: государство, наделенное полномочием эмитировать деньги, будет им злоупотреблять ради финансирования чрезмерных расходов. Но его тревожило и то, что монометаллический — обычный золотой или серебряный — стандарт слишком уязвим к колебаниям уровня цен, связанным с внезапными изменениями предложения, подобными калифорнийской золотой лихорадке. Он выступил с новаторским предложением о политике, направленной на сокращение колебаний уровня цен при сохранении некоей разновидности металлического стандарта. В рамках маршалловского «симметаллического» стандарта банкноты должны были бы обмениваться на некоторое заданное количество унций золота *плюс* некоторое заданное количество унций серебра. Предлагалось даже чеканить монеты, состоящие из золотой середины, окруженной серебряным кольцом. Идея состояла в диверсификации риска, связанного с изменениями спроса и предложения на рынке каждого из этих драгоценных металлов. Представим себе, что «двадцатидолларовая» монета содержит на десять долларов золота и на десять долларов серебра по текущему курсу. В этом случае золотая лихорадка, снижающая

покупательную способность золота на 10%, сократит покупательную способность такой монеты или двадцатидолларовой банкноты, подлежащей обмену на такую монету, всего на один доллар. При обычном же золотом стандарте ценность монеты и банкноты уменьшилась бы на два доллара.

Ирвинга Фишера тоже заботила проблема колебаний покупательной способности денег из-за изменений спроса на золото и его предложения. В книге «Стабилизация доллара» (1920) он изложил собственное остроумное предложение: Федеральной резервной системе следует варьировать содержание золота в долларе так, чтобы стабилизировать его покупательную способность по отношению к товарам и услугам. В качестве примера того, как мыслилось практическое функционирование «компенсированного доллара», допустим, что спрос на золото внезапно повышается по отношению к предложению таким образом, что его покупательная способность по отношению к товарам (измеряемая количеством стандартных товарных корзин в расчете на унцию золота) должна увеличиться на 5%. Соответственно, на 5% понизится уровень цен, измеряемый в долларах с постоянным содержанием золота (количество долларов в расчете на товарную корзину). Согласно предложению Фишера, ФРС должна была бы компенсировать изменение уровня цен — то есть стабилизировать количество долларов, необходимых для покупки товарной корзины, — немедленно понизив содержание золота в долларе на 5%.

Схема Фишера, представленная в таком виде, порождает серьезную проблему: если люди сочтут, что такое понижение золотого содержания доллара будет осуществлено в день публикации очередного индекса потребительских цен, они тут же постараются получить от ФРС максимум золота по текущему обменному курсу, возможно даже больше, чем у нее имеется в наличии. Позднее другие авторы предлагали способы модификации системы таким образом, чтобы не допустить возникновения этой проблемы³³.

Контраст между «симметаллической» реформой Маршалла и «компенсационной» реформой Фишера отражает более фундаментальное различие. Маршалл хотел сохранить преимущества, связанные с единством мировой денежной системы, особенно ее независимость от колебаний обменных курсов между денежными единицами отдельных стран. Фишер же готов был смириться с колебаниями обменных курсов доллара с валютами других стран ради достижения стабильности уровня долларовых цен в США. Эта дилемма возникает потому, что в некоторых случаях сокращение покупательной способности американского доллара по отношению к товарам может быть отчасти связано с повышением мировых цен на товары, которые американцы сравнительно активно потребляют, или с повышением внутренних цен на товары, не являющиеся предметом международной торговли (*non-traded goods*), вроде жилья или стрижки в парикмахерской. Увеличение содержания золота в долларе США для компенсации подобных изменений, не затрагивающих в той же степени другие страны, будет означать повышение золотого содержания доллара по отношению к другим

национальным валютам (канадскому доллару, мексиканскому песо, британскому фунту и так далее) и поэтому потребует изменения обменных курсов.

Обменные курсы валют при классическом золотом стандарте

Когда две денежные единицы приравниваются, например, к 2 и 3 граммам золота соответственно, их обменный курс не может сильно отличаться от соотношения 3:2. До Первой мировой войны один американский доллар определялся как 0,048 унции чистого золота (или наоборот, одна унция равнялась 20,67 доллара США). В то же время один британский фунт стерлингов приравнивался к 0,233 унции чистого золота (обычно использовалось обратное соотношение в терминах монетного золота, содержащего 91% чистого золота: одна унция золота приравнивалась к 3,17,10¹/₂ британского фунта, то есть к 3 фунтам, 17 шиллингам и 10¹/₂ пенсам; в одном фунте стерлингов было 20 шиллингов, а в шиллинге 12 пенсов). Эти определения в терминах золотого содержания подразумевали фиксированный обменный курс между долларом и фунтом стерлингов: в Великобритании фунт мог конвертироваться в 0,233 унции чистого золота, а в США эти 0,233 унции чистого золота могли конвертироваться в 4,86 доллара. Таким образом, при арбитражных операциях обменный курс между долларом и фунтом стерлингов фиксировался как £1 = U.S.\$4,86, плюс-минус издержки на доставку золота из одной страны в другую.

Между странами, валюты которых были подобным образом привязаны к золоту, потоки этого металла (если им не препятствовали центральные банки) поддерживали международное равновесие именно таким образом, как это описывал Юм³⁴. Постоянное движение потоков золота, вызванное разницей цен, не позволяло внутренним ценам на товары, являющиеся предметом международной торговли, в какой-либо стране сильно отклоняться от мировых цен в сторону понижения или повышения, и таким образом не возникало нужды в болезненной корректировке цен в форме серьезной инфляции или дефляции.

Первая мировая война и период после нее

Во время Первой мировой войны правительства Великобритании, Франции, Германии и других воюющих стран Европы приостановили действие золотого стандарта, чтобы иметь возможность печатать деньги для финансирования военных расходов. В отсутствие обмена валюты на золото отток последнего уже не сдерживал денежную экспансию государства. В свою очередь, значительное увеличение денежной массы неизбежно оборачивалось существенным повышением уровня внутренних цен. К концу войны

покупательная способность британского фунта стерлингов, французского франка, немецкой марки и других валют значительно снизилась. Соответственно, их рыночный обменный курс по отношению к золоту сильно упал в сравнении с довоенным паритетом.

Банк Англии во время войны и в первые годы после нее напечатал столько денег, что индекс стерлинговых розничных цен увеличился в два с лишним раза. В результате страна оказалась перед трудным выбором. Чтобы вернуться к полноценному обмену фунта стерлингов на золото при поддержании удвоившегося уровня цен, потребовалась бы значительная девальвация — снижение содержания золота в фунте стерлингов в два раза. Доверие к фунту было бы подорвано, и пропорционально этому ослабли бы позиции Лондона в качестве одного из мировых финансовых центров. Альтернативный вариант — возврат к довоенному паритету — потребовал бы болезненной пятидесятипроцентной дефляции цен. Великобритания, несмотря на предостережения Кейнса по поводу тяжелых последствий такого шага, выбрала второй путь. К моменту, когда Черчилль в 1925 году восстановил прежний паритет, экономика страны прошла лишь небольшую часть дефляционного пути. Поскольку покупательная способность фунта стерлингов еще не восстановилась, в Великобритании на золотую монету можно было купить намного меньше товаров, чем в других странах. Начался масштабный отток золота из страны. Меркантилистские ограничения на международные расчеты и даже помощь Федеральной резервной системы США, понизившей в 1927 году процентные ставки в США, чтобы привлечь финансовые потоки в Лондон, не смогли остановить это обескровливание. Когда золотые резервы Банка Англии сократились настолько, что приостановка размена бумажных денег на золото стала неизбежной, Великобритания в 1931 году отказалась от прежнего курса. К этому моменту стерлинговые цены все еще были на 45% выше уровня 1913 года³⁵. Кейнс писал в одной из лондонских газет: «Мало найдется англичан, которые не порадуются, что мы избавились от золотых оков. Мы почувствовали, что у нас наконец освободились руки, чтобы действовать разумно»³⁶. Впрочем, мало нашлось и таких англичан, которые порадовались тому, что на валютном рынке фунт стерлингов немедленно рухнул на 30%.

С такими же трудностями сталкивались и другие страны, поэтому за таким шагом Великобритании последовала целая волна отказов от золотого стандарта и девальваций. В результате 20-е и 30-е годы XX века стали не периодом возврата к классическому золотому стандарту, а десятилетиями финансового хаоса. Лиланд Игер охарактеризовал преобладающую денежную политику того времени следующим образом:

Во второй половине 20-х годов золотой стандарт, по сути дела, был не более чем декорацией. Он сопровождался крайними мерами экономии золота. <...> Он включал в себя нейтрализацию или компенсацию внешнего влияния на внутреннюю денежную массу, доходы и цены. Встроенные в золотой

стандарт методы поддержания равновесия через платежный баланс были в основном разрушены без замены какой-либо альтернативой... Поскольку корректирующие платежный баланс механизмы, связанные как с доходами и ценами, так и с обменными курсами, больше не действовали, дисбалансы накапливались либо временно облегчались паллиативными мерами, а не корректировались постоянно³⁷.

В годы Первой мировой войны и после нее значительные объемы золота перетекали из Великобритании и стран континентальной Европы в США. Руководство недавно созданной Федеральной резервной системы, которая начала свою деятельность в 1914 году, часто принимало решение «стерилизовать» этот приток, то есть не давало ему увеличивать внутреннюю денежную массу и банковский кредит, а тем самым и повышать уровень цен, хотя подобные корректировки являются той частью юмовского процесса, которая обеспечивает остановку притока и восстановление равновесия в международных расчетах. Джон Вуд отмечает, что имеющиеся данные указывают на то, что имела место «нейтрализация потоков золота со стороны ФРС в период с 1920 по 1932 год, за исключением двух лет — 1926-го и 1931-го — когда увеличивались и запасы золота, и объемы кредитования со стороны ФРС»³⁸. Таким образом, США тоже нарушали «правила игры» довоенного золотого стандарта. В 1932 году экономист Лайонел Д. Эди утверждал, что автоматическое функционирование золотого стандарта в США завершилось с созданием ФРС:

Закон о Федеральной резервной системе разорвал прямую связь между золотыми резервами и объемом кредита и тем самым автоматически отключил главную функцию золотого стандарта. <...> Сегодня золотой стандарт у нас не действует... и так продолжается уже какое-то время. <...> Пора признать, что механизм федерального резерва не является автоматическим самокорректирующимся устройством, поддерживающим функционирование золотого стандарта³⁹.

Соответственно, хаос 20-х и 30-х годов XX века в денежной сфере был следствием не классического самокорректирующегося золотого стандарта довоенного образца, а независимой друг от друга денежной политики центральных банков, осуществлявшейся в рамках «золотодевизного» (или «золотовалютного») стандарта (gold-exchange standard).

В цикле лекций, опубликованном в 1937 году под заглавием «Денежный национализм и международная стабильность», Ф.А. Хайек отстаивал преимущества автоматически действующего золотого стандарта, в рамках которого национальные центральные банки не манипулируют процентными ставками для стерилизации международных потоков золота и не устанавливают препятствующих им количественных ограничений. Межстрановые потоки золотых резервов не заслуживают своей репутации как чего-то по определению деструктивного, утверждал Хайек. Они не обязательно

провоцируют инфляционный бум в стране, в которую золото притекает, и сжатие кредита в стране, из которой оно утекает. Такие последствия они вызывают лишь там, где банковская система заканчивается на государственной границе. Банковские системы стали национально обособленными из-за запрета на открытие зарубежных филиалов банков, а также потому, что во всех странах единственным держателем золотых резервов стал центральный банк. Эта искусственная система единого резерва стала причиной того, что на национальном уровне предложение банковского кредита увеличивалось при притоке золота и уменьшалось при оттоке⁴⁰.

Золотые оковы?

В последние годы некоторые экономические историки предлагают иной взгляд на этот вопрос, объясняя проблемы международной денежной системы межвоенного периода тем, что золотой стандарт ограничивал действия центральных банков. Именно эти ограничения имел в виду Барри Эйхенгрин, когда назвал свою книгу «Золотые оковы» (1992), подразумевая процитированную несколькими абзацами выше фразу Кейнса, оказавшую существенное влияние на последующую дискуссию⁴¹. Для защитников золотого стандарта его положительная роль заключается в том, что он устанавливает на пути *чрезмерной* денежной эмиссии барьеры, обусловленные обязательством обменивать банкноты на золото по фиксированному паритету, но Эйхенгрин утверждает, что в годы Великой депрессии именно золотой стандарт не позволял центральным банкам поддерживать *адекватную* величину денежной массы внутри стран. По его мнению, сокращение денежной массы и дефляция произошли потому, что у центральных банков, подчинявшихся золотому стандарту, не было возможности скомпенсировать это сокращение. Аналогичной позиции придерживается и Питер Темин:

ФРС сокращала денежную массу в условиях процветания в 1928 году, чтобы остановить отток золота; то же самое она делала и в 1931 году, в условиях депрессии. Следование золотому стандарту вынуждало Федеральную резервную систему дополнительно ослаблять экономику в разгар Великой депрессии [в 1936–1937 годах]⁴².

Эйхенгрин и Темин рассматривали действия ФРС как пример подчинения диктату золотого стандарта — в противоположность точке зрения, представленной Эди и Игером, согласно которой дискреционные действия ФРС противоречили золотому стандарту. По логике Юма и вопреки мнению Темина, страна, где снижаются цены, сталкивается с притоком, а не оттоком золота, поэтому трудно понять, каким образом золотой стандарт может вынуждать центральный банк такой страны к действиям, усиливающим депрессию.

Однако в логику Юма вполне вписывается ситуация, когда резкий рост спроса на золото в большой стране (например, из-за массового изъятия вкладов из банков и из-за опасений, что оно будет продолжаться) приводит к снижению внутренних цен и вследствие этого к оттоку золота из других стран, придерживающихся золотого стандарта. Эйхенгрин утверждал, что коллапс банковской системы и дефляция в США в начале 30-х годов действительно обернулись оттоком золота из других стран, в результате чего Великая депрессия распространилась и на них. Он настаивал, что международный золотой стандарт не только передал «импульс дестабилизации от США остальному миру», но и «объясняет неспособность денежных и фискальных властей принять компенсирующие меры после начала Великой депрессии». Золотой стандарт «представлял собой связывающее ограничение, мешающее политическому руководству предотвращать банкротство банков и сдерживать распространение финансовой паники. В силу всех этих причин международный золотой стандарт стал ключевым фактором, придавшим депрессии мировой масштаб». Чтобы добиться экономического оживления, «нужно было избавиться не только от золотого стандарта, но и от *этоса* золотого стандарта», препятствовавшего проведению политики денежной экспансии⁴³. Однако специалисты по экономической истории Майкл Д. Бордо, Эхсан У. Чоудри и Анна Дж. Шварц в своем исследовании оспаривают утверждение Эйхенгрин, что у ФРС не хватало золотых резервов для проведения такой денежной политики⁴⁴.

Книгу Эйхенгрин положительно оценил в своей рецензии Бен Бернанке, который в то время был экономистом в Принстонском университете, а позднее стал председателем Федеральной резервной системы. Однако в той же рецензии он отметил, что жесткость или мягкость денежной политики определялись «осознанными действиями ФРС». «Высокая доходность облигаций и акций привлекала в США золото, однако ФРС, преследуя собственные цели в отношении внутренней денежной политики, стерилизовала этот приток» начиная с 1928 года. Ричард Х. Тимберлейк, критикуя Эйхенгрин, утверждал, что подобные действия ФРС означали, что «бал правит не золотой стандарт, а центральный банк».

Тимберлейк задает риторический вопрос: если международный золотой стандарт «обернулся таким мировым бедствием в 1929 году и после него, то почему его изъяны не проявились раньше»? Он полагает, что нелогично винить золотой стандарт — систему, отлично работавшую в довоенный период, когда центральные банки были *менее* активны (или их просто не существовало, как, например, в США), — в бедственных результатах, к которым привела межвоенная система, вместо того чтобы возлагать ответственность за это на осознанно проводившуюся политику центральных банков⁴⁵.

Аллан Мельцер особо подчеркивает, что в годы Первой мировой войны уровень стерлинговых цен в Великобритании вырос по отношению к уровню долларовых цен в США. После войны ФРС и Банк Англии не позволили механизмам золотого стандарта скорректировать этот дисбаланс.

В отсутствие девальвации фунта стерлингов соотношение двух уровней цен должно было неизбежно скорректироваться:

Чтобы золотой стандарт действовал так же автоматически, как до Первой мировой войны, необходима была либо дефляция в Великобритании, либо инфляция в США. Для достижения этого долгосрочного результата требовались краткосрочные изменения, на которые ни одна из двух стран не желала пойти. <...> То, что получилось в итоге, было провалом управляемой системы, действовавшей в условиях несогласованности целей двух сторон⁴⁶.

Большую роль в подрыве международного золотого стандарта сыграл и Банк Франции. Проведя глубокую девальвацию, Франция поначалу привлекла большое количество золота. При нормальном действии золотого стандарта приток золота приводит к увеличению внутренней денежной массы и, вследствие этого, к повышению уровня цен, и более высокие внутренние цены кладут конец этому притоку. Банк Франции стерилизовал приток золота, то есть не позволил ему увеличить внутреннюю денежную массу, и продолжал поглощать золото, поступающее из других стран, намного превысив естественный предел. Поглощение Францией большого количества золота оказывало на цены в других странах давление в сторону понижения⁴⁷.

Несмотря на эти доказательства неправомерных действий со стороны центральных банков, на конференции в Бреттон-Вудсе все были согласны с тем, что наилучший способ устранить противоречие между золотым стандартом и деятельностью центральных банков состоит в том, чтобы изобрести новую систему, которая *меньше* ограничивала бы центральные банки в проведении той или иной политики внутри собственных стран и в то же время координировала бы их политику обменных курсов через посредство международной организации.

Крах Бреттон-Вудской системы: «золотое окно» закрывается

С самого начала Бреттон-Вудская валютная система имела в своей основе три противоречащие друг другу цели. Во-первых, она была призвана восстановить фиксированные обменные курсы по аналогии с золотым стандартом. Во-вторых, она должна была дать центральным банкам больше свободы в проведении независимой национальной денежной политики. Наконец, ее целью было восстановление свободной торговли и международной мобильности капитала. В совокупности эти цели были несовместимы друг с другом: только двух из трех можно было достичь одновременно. Например, при фиксированном обменном курсе британской и французской валюты и свободной торговле, обеспечивающей беспрепятственное движение товаров и платежей через Ла-Манш, уровни цен в Великобритании и Франции должны быть согласованными. На фунт стерлингов нельзя купить меньше

товаров, чем на то количество франков, которое можно обменять на фунт по фиксированному курсу, поскольку иная ситуация спровоцирует корректирующий арбитраж. Однако независимая денежная политика означает независимость уровней цен в каждом государстве. От одной из трех целей приходится отказываться. Поэтому три цели Бреттон-Вудской системы получили у экономистов прозвище «невозможная троица».

На первом этапе существования Бреттон-Вудской системы была принесена в жертву цель обеспечить свободу торговли и мобильность капитала. Во второй половине 40-х годов и в течение большей части следующего десятилетия европейским странам было разрешено сохранять валютный контроль, действовавший в военное время. На брифинге для прессы в Бреттон-Вудсе, о котором мы упоминали в начале главы, один из репортеров указал Кейнсу на его непоследовательность: «Здесь считается, что предназначение Фонда — ликвидировать валютные ограничения, но в вашем выступлении подчеркивалось, что Фонд позволит каждой стране контролировать весь капитал». Ответ Кейнса не снял этой двусмысленности: «Цель Фонда — как можно скорее ликвидировать валютные ограничения. Она предусматривает, что движение капиталов неизбежно будет контролироваться, и это действительно важнейшее условие»⁴⁸.

Когда в 1958–1960 годах страны наконец начали отменять свои меры валютного контроля, стабильность обменных курсов начала рушиться. Система двигалась кое-как от кризиса к кризису, поскольку по большей части инфляционистские центральные банки истощали свои долларовые резервы. Не желая ужесточать денежную политику, центральные банки обращались к Международному валютному фонду, чтобы одолжить резервы. Когда и эти резервы истощались, они снова обращались к МВФ — на этот раз за разрешением провести девальвацию национальной валюты по отношению к доллару. Франция провела девальвацию в 1957-м и 1958-м, Канада в 1962-м, Великобритания и Дания в 1967 году, а затем в 1969 году снова пришел черед Франции. Тем временем центральные банки, проводившие сравнительно менее инфляционную политику, вынуждены были осуществлять ревальвацию (повышать обменный курс национальной валюты по отношению к доллару), чтобы не импортировать долларовую инфляцию. Германия провела ревальвацию в 1961-м и 1969-м, Нидерланды в 1961-м, Швейцария и Австрия в 1971 году. К концу Бреттон-Вудской эры страны с более низкой инфляцией начали отказываться от системы привязки валютных курсов и вводить плавающий (в сторону повышения) курс своих валют по отношению к доллару: Канада сделала это в 1970-м, Германия и Нидерланды — в 1971 году⁴⁹.

Как показывают ревальвации и введение плавающих курсов в 1969–1971 годах, Бреттон-Вудскую систему в конечном итоге погубила инфляционная политика страны с ключевой валютой — Соединенных Штатов Америки. В 60-х годах платежный баланс США был устойчиво дефицитным. При классическом золотом стандарте нетто-платежи американских граждан и фирм европейским контрагентам автоматически покрывались

бы оттоком золота. Но при Бреттон-Вудской системе нетто-платежи американцев европейцам приносили европейским фирмам американские доллары, те меняли их на национальную валюту в центральном банке, передавая доллары ему, а тот, в свою очередь, имел *возможность* обменять их на золото. Правительство США активно старалось помешать европейским центральным банкам воспользоваться этой возможностью, побуждая правительства соответствующих стран постоянно держать долларовые активы (как правило, долларовые казначейские облигации США). Тем не менее в 60-х годах из Америки постоянно уходило золото. В 1968 году администрация Линдона Джонсона пыталась остановить этот отток, вводя ситуативные торговые и финансовые ограничения. Но, несмотря на это, золотые резервы США продолжали уменьшаться. В конце концов в 1971 году, когда эти резервы должны были полностью истощиться уже через несколько месяцев, преемник Джонсона Ричард Никсон «закрыв золотое окно», нарушив публично принятое страной обязательство обменивать доллары на золото по фиксированному курсу. После непродолжительных и неудачных попыток снова «склеить» разрушенную систему фиксированных курсов началась эра плавающих курсов.

Обычно считается, что инфляция и утечка американского золота были связаны с дефицитом федерального бюджета из-за войны во Вьетнаме. Однако фундаментальной причиной оттока золота была проводившаяся ФРС политика денежной экспансии и порожденная ею ценовая инфляция (подробнее об этом в следующей главе). По мере того как доллар терял покупательную способность внутри страны, из-за фиксированного обменного курса импортировать товары становилось выгоднее (а экспортировать труднее). Импорт превышал экспорт, а разница должна была оплачиваться либо золотом, либо долларовыми долговыми инструментами, например казначейскими облигациями США. Европейским центральным банкам в конце концов надоело накапливать эти долговые расписки, и они стали менять долларовые излишки на золото. Финансировать дефицит бюджета США за счет эмиссии денег не было необходимости, и в реальности печатный станок покрывал лишь небольшую его часть. Денежная экспансия была вызвана в первую очередь попытками снизить уровень безработицы за счет кейнсианского управления совокупным спросом.

Мировой валютный режим после 1971 года

Экономист Банка Италии Филиппо Чезарано дал прекрасное краткое описание впечатляющей кумулятивной трансформации денежных институтов за последние сто лет и той роли, которую сыграло в этом развитие идей в отношении экономической политики:

На протяжении XX века денежная система пережила эпохальные перемены. Связь денег с тем или иным товаром была разрушена, что уничтожило

главную характеристику системы со времен чеканки первых монет и произвело разрыв в эволюции денежных институтов. Эта трансформация стала результатом постепенного процесса, растянувшегося во времени с начала Первой мировой войны и вплоть до отмены конвертируемости доллара 15 августа 1971 года, ставшей лишь официальным признанием уже существующего положения дел. Движущей силой перехода от товарного стандарта к фиатным деньгам стало взаимодействие тяжелейших шоков межвоенного периода с прогрессом в области денежной теории, сыгравшим важнейшую роль в разработке новых денежных институтов⁵⁰.

С последней фразой Чезарано можно поспорить. Экономисты, выступавшие против перехода к фиатным деньгам, конечно, не согласились бы назвать подкреплявшие его изменения в области денежной теории — распространение кейнсианских и других идей, направленных против золотого стандарта, — *прогрессом*. Критики центральных банков также отметили бы, что «тяжелейшие шоки» межвоенного периода были *шоками, вызванными дискреционной политикой*, и классический золотой стандарт позволил бы их избежать. Эти шоки, как и переход к фиатным деньгам, были бы невозможны без предшествующего им распространения такого института, как центральные банки. Не обладающий привилегированным положением частный коммерческий банк не может на законном основании нарушать свои контрактные обязательства по обмену банкнот на золото, а центральный банк, защищенный суверенитетом государства, может это делать. Дефолт того или иного коммерческого банка не приводит к возникновению фиатных денег, а окончательный отказ центрального банка от золота приводит именно к этому. Таким образом, процессу трансформации во многом способствовало ослабление сопротивления институту центрального банка.

После 1971 года, когда золото окончательно перестало сдерживать ФРС, началась «Великая инфляция» семидесятых. К ней мы вернемся в следующей главе, но уже сейчас необходимо отметить исторический контраст между уровнем инфляции в условиях золотого стандарта и фиатных денег. В исследовании, охватившем несколько десятилетий и большую выборку стран, экономисты из Федерального резервного банка Миннеаполиса Артур Ролник и Уоррен Вебер установили, что при фиатном стандарте «рост денежной массы и инфляция выше», чем при золотом или серебряном стандарте. В частности, они пишут: «Средние темпы инфляции для наблюдений, относящихся к фиатному стандарту, составляют 9,17% в год, для наблюдений, относящихся к товарному стандарту, — 1,75% в год». Полученное среднее значение инфляции при фиатном стандарте не есть результат влияния нескольких крайних случаев. При расчете средних значений инфляции (более конкретно — средних геометрических) Ролник и Вебер целенаправленно исключили случаи гиперинфляции (которая возникла лишь при фиатных деньгах). Они также отмечают: «Каждая страна из нашей выборки в период действия фиатного стандарта переживала более высокий уровень инфляции, чем в период товарного стандарта».

Питер Бернхольтц из Базельского университета сообщает: «Исследование примерно 30 валют показывает, что с 1700 года ни одна валюта, которой свободно манипулировали правительство или центральный банк страны, не обеспечивала стабильность цен в течение хотя бы 30 лет подряд»⁵¹.

Хотя рост денежной массы при фиатном стандарте в принципе может быть таким же медленным, как и рост запасов золота при золотом стандарте (или даже медленнее), на практике такого никогда не наблюдалось. Алан Гринспен, много лет занимавший пост председателя ФРС, рекомендовал контролировать предложение фиатных денег таким образом, чтобы оно имитировало поведение этого показателя при золотом стандарте. В 2001 году, отвечая на вопрос во время слушаний в Конгрессе, Гринспен сказал: «Господин председатель, если у вас фиатная валюта, а это вопрос законодательный, то нормально функционирующий центральный банк будет стараться во многих случаях имитировать то, что происходило бы при золотом стандарте». В частности, как и в условиях золотого стандарта, центральный банк должен сдерживать рост массы фиатных денег, и ему не следует «заниматься накачкой ликвидности до бесконечности»⁵². Однако при Гринспене среднегеометрический уровень инфляции составлял 3,3% в год, что почти вдвое больше вычисленного Ролником и Вебером среднего показателя для товарного стандарта в 1,75%⁵³.

По сравнению с классическим золотым стандартом, Бреттон-Вудская система давала центральным банкам больше возможностей для проведения дискреционной денежной политики. Ее крах в 1971 году лишь расширил эти возможности. Аллан Мельцер отмечает: «Гибкость, позволяющая правительству менять политику... имеет свою цену: ожидания по поводу проводимой в будущем политики меняются, и связанная с ней неопределенность увеличивается»⁵⁴. Одним из индикаторов повышения степени неопределенности при переходе к фиатным деньгам стало исчезновение облигаций сроком на 50 лет, подобных тем, которые корпорации выпускали в XIX веке при золотом стандарте. В целом средний срок погашения новых корпоративных облигаций существенно сократился⁵⁵.

Великая инфляция и монетаризм

В статье, опубликованной в журнале Newsweek 2 января 1970 года, Милтон Фридман с энтузиазмом приветствовал состоявшееся неделей раньше назначение своего бывшего университетского преподавателя и научного руководителя Артура Бернса председателем Совета управляющих Федеральной резервной системы. Он назвал Бернса «первым человеком из числа когда-либо назначавшихся председателем Совета, который обладает нужной для этой должности квалификацией». В 1969 году при предшественнике Бернса уровень инфляции в США достиг 5,5% в год, в то время как ее средний уровень за 1952–1965 годы составлял менее 1,5%. Исследования Фридмана убедили его, что инфляцию, то есть в среднем постоянный рост денежных цен на товары, вызывает слишком быстрое увеличение денежной массы, в результате на каждую типовую товарную корзину приходится все большее количество долларов. В качестве главы центрального банка Бернс мог контролировать количество денег в американской экономике. Фридман призывал его сделать рост денежной массы «настолько низким, чтобы избежать повторения инфляции»¹.

Но всего через несколько месяцев Фридман оказался перед выбором: продолжать открыто и честно высказывать свое мнение или сохранить дружеские отношения с Бернсом. В своем новом качестве председателя ФРС Бернс в публичных выступлениях стал объяснять инфляцию не предшествующей денежной политикой, а факторами давления со стороны издержек, на которые центральный банк повлиять не в состоянии. В июле 1971 года Бернс заявил на слушаниях в Конгрессе: «Законы экономики уже не работают так, как раньше. Несмотря на значительную безработицу в нашей стране, темпы роста заработной платы не понизились. Несмотря на большое количество незагруженных мощностей в промышленности, цены на товары продолжают быстро повышаться». Для борьбы с этой инфляцией якобы нового типа он рекомендовал ввести на федеральном уровне контроль федерального правительства над ставками заработной платы и ценами, что, по мнению Фридмана, было все равно что пытаться лечить жар путем разбивания термометра.

В мае 1970 года Фридман отправил Бернсу написанное от руки письмо с критикой его аргументов и предлагаемых им мер. Бернсу это не

понравилось, и в их личных отношениях наступило полное охлаждение³. Эти разногласия стали известны широкой публике, когда Фридман начал критиковать заявления Бернса в своих лекциях, статьях и интервью для прессы. На заседаниях Американской экономической ассоциации в декабре 1971 года он процитировал выступление Бернса в Конгрессе и опроверг его утверждения. Изучив соответствующие данные, Фридман установил, что на самом деле инфляция, как и всегда, представляла собой реакцию на рост денежной массы. Дела в экономике идут плохо потому, что ФРС во главе с Бернсом проводит «неразумную и дестабилизирующую денежную политику, которая во многом является результатом применения ошибочных экономических теорий»³. Трудно представить себе более жесткий, в рамках профессионального этикета, выговор ученика бывшему наставнику.

Денежная политика США в послевоенные годы

Во время Второй мировой войны целью денежной политики США было обеспечение дешевого кредита федеральному правительству. В 1942 году ФРС официально приняла на себя обязательство обеспечить Министерству финансов возможность занимать деньги под низкий процент: не более 0,375% по краткосрочным казначейским векселям и не более 2,5% по долгосрочным облигациям. Для этого ФРС постоянно увеличивала предложение заемных средств, вливая в экономику вновь создаваемые деньги. Возникшее в результате давление на цены в сторону их повышения (на каждую типовую товарную корзину претендовало все большее количество долларов) сдерживалось с помощью контроля над ценами и заработной платой, который осуществляло Управление по регулированию цен (существовало с 1941 по 1947 год). В 1951 году, когда началась Корейская война, уровень инфляции вновь подскочил, и контроль над ценами был восстановлен под эгидой Управления по стабилизации цен (существовало с 1951 по 1953 год). Чтобы снизить инфляционное давление, вызываемое денежной политикой, Министерство финансов США и ФРС в 1951 году заключили «Соглашение», дававшее последней независимость в проведении собственной денежной политики без привязки к потребностям Минфина в заимствованиях⁴.

После заключения Соглашения ФРС поддерживала умеренные темпы роста денежной массы, сравнительно мало снижавшие покупательную способность доллара. На протяжении последующих четырнадцати лет среднегодовые темпы инфляции потребительских цен составляли менее 1,5%. Но в середине 60-х годов самоограничению ФРС пришел конец. В течение двух десятилетий, начиная с 1965 года, годовой темп инфляции уже ни разу не падал ниже 1,5%. В семилетний период с 1966 по 1972 год включительно среднегодовой темп инфляции превышал 4%. В течение следующих семи лет, с 1973 по 1979 год, инфляция в среднем составляла более 8%,

а в 1979 году измерялась уже двузначным числом. Еще два года она держалась на уровне более 10%, достигнув пиковой величины 13,6% в 1980 году. По аналогии с Великой депрессией историки назвали этот период «Великой инфляцией»⁵.

В Великобритании и других странах инфляция выросла еще сильнее. В течение семи из восьми лет (в период с 1974 по 1981 год включительно) уровень британской инфляции измерялся двузначным числом и дважды достигал пиковых значений — 24,2% в 1975-м и 18% в 1980 году⁶.

Многим экономистам поначалу было трудно понять природу этой инфляции. Тогдашние кейнсианцы придерживались на этот счет разнообразных теорий немонетарной инфляции. Однако ни одна из них не позволяла объяснить, почему уровень инфляции повышается и, что особенно важно, почему он остается высоким даже в период рецессии, когда имеет место высокая безработица и спад производства. Для них, как и для Артура Бернса, сочетание роста инфляции с безработицей и наличием простаивающих мощностей означало, что «законы экономики не работают» привычным образом.

Этот пробел попытались заполнить Милтон Фридман и «монетаристская» школа, предложившие обновленный вариант «количественной теории денег», которую правильнее было бы называть количественно-денежной теорией уровня цен⁷. Главный тезис количественной теории заключается в том, что увеличение номинальной денежной массы (M) при прочих равных условиях вызывает пропорциональный рост уровня цен (P). Если в обмен на заданный объем благ предлагается больше долларов, то и каждая единица благ покрывает большее количество долларов. Более быстрое расширение M вызывает ускорение роста P , то есть повышение темпов инфляции. Монетаристы, в отличие от тогдашних кейнсианцев, подчеркивали, что рост M контролируется центральным банком, а значит именно последний несет ответственность за устойчивую инфляцию, какой бы она ни была.

При классическом золотом стандарте колебания уровня инфляции были настолько небольшими, что таких объяснений не требовалось. Рост денежной массы, как мы показали в предыдущей главе, не определялся решениями центральных банков, а порождался относительно стабильной добычей золота. Количественная теория вышла на первый план лишь тогда, когда Федеральная резервная система уже перестала мириться с тем, чтобы остатки золотого стандарта сдерживали ее шаги по увеличению долларовой массы (говоря об остатках золотого стандарта, мы имеем в виду ее обязательство обменивать доллары на золото по \$35 за унцию, действовавшее в рамках Бреттон-Вудской системы). Когда президент Никсон в 1971 году окончательно отменил ограничение, связанное с золотом, он исходил из рекомендаций в том числе и Фридмана. Последний надеялся, что золото может быть заменено *более жестким* контролем над долларовой массой. Но вскоре стало ясно, что эти надежды не оправдались. Денежная масса и ценовая инфляция продолжали расти.

В октябре 1979 года ФРС под руководством нового председателя Пола Волкера, стремясь восстановить свою подмоченную инфляцией репутацию, объявила об изменении денежной политики. Если бы ФРС следовала монетаристскому рецепту борьбы с инфляцией, то она должна была бы поддерживать небольшой и стабильный рост денежной массы. В знак признания этих идей журналисты назвали новую политику ФРС «монетаристским экспериментом», хотя на деле она не соответствовала рекомендациям монетаристов. Рост денежной массы теперь находился в центре внимания ФРС, и она его замедлила, но он оставался неустойчивым и определялся дискреционными действиями. В 1983 году Фридман отметил: «Риторика денежных властей действительно была монетаристской, но их политика такой не была — или, если судить менее строго, была такой лишь отчасти»⁸. После ужесточения денежной политики ФРС понадобилось несколько лет, чтобы изменить ситуацию, но в 1982 году инфляция наконец снова стала меньше 10%. После десяти лет снижения темпов инфляции в 1993–1994 годах она (впервые с 1964–1965 годов) два года подряд была ниже 3%. На протяжении восемнадцатилетнего периода с 1993 по 2010 год включительно среднегодовая инфляция потребительских цен в США составляла 2,5%.

Милтон Фридман

Милтон Фридман (1912–2006) получил степень бакалавра в Ратгерском университете, где его преподавателем был Артур Бернс. Сам Фридман говорил о своей «склонности к эмпирике» следующее: «[Она] не связана с Чикаго. Откуда она у меня появилась, я точно не знаю, но сильное влияние на этот факт, несомненно, оказал Артур Бернс». Что же касается самого Бернса, то на его эмпирическую ориентацию заметно повлияла учеба в Колумбийском университете, где его преподавателем был Уэсли Клар Митчелл⁹. В 1933 году Фридман получил степень магистра в области экономики в Чикагском университете, где его преподавателями были Джекоб Вайнер, Фрэнк Найт и Генри Саймонс. После работы в Вашингтоне в течение некоторого времени — в Комитете по национальным ресурсам во время Великой депрессии и в Министерстве финансов в годы войны — в 1946 году он защитил докторскую диссертацию в Колумбийском университете, причем его научным руководителем снова был Артур Бернс. Осенью того же года Фридман вернулся в Чикагский университет, заняв место ушедшего на пенсию Вайнера, и преподавал там в течение тридцати одного года. В 1977 году он стал почетным профессором Гуверовского института при Стэнфордском университете и проработал там почти тридцать лет — вплоть до своей кончины в 2006 году.

Фридман сочетал в себе качества блестящего ученого и публичного интеллектуала и пользовался большим уважением за вклад как в ранние, так и в поздние стадии процесса интеллектуального производства. В числе его книг специального характера, за которые он в 1976 году получил

Нобелевскую премию по экономике, были «Эссе по позитивной экономической науке» (1953), «Количественная теория денег: новая формулировка» (1956), «Теория потребительской функции» (1957), «Монетарная история Соединенных Штатов, 1867–1960 годы» (1963, в соавторстве с Анной Дж. Шварц) и «Оптимальное количество денег и другие статьи» (1969). В числе работ Фридмана по более актуальным дискуссионным вопросам экономической политики следует назвать следующие: «Программа достижения денежной стабильности» (1960), «Капитализм и свобода» (1962*), регулярная колонка в Newsweek с 1966 по 1983 год, десятисерийная телепередача на PBS и одноименная книга «Свобода выбирать» (1980, в соавторстве с Роуз Д. Фридман) и трехсерийная передача на PBS и одноименная книга «Тирания статус-кво» (1984). Членство в Обществе Мон-Пелерен, по словам самого Фридмана, пробудило у него интерес к анализу политических проблем с позиций классического либерализма. В статьях, выступлениях (в том числе на телевидении), а также в качестве члена Президентской комиссии по переходу к полностью добровольческим вооруженным силам (1969–1970) Фридман боролся за отмену воинской повинности, в качестве одного из основателей созданной в 1993 году Национальной коалиции за изменение политики в сфере наркотиков — за декриминализацию наркотиков, а в рамках деятельности Фонда Фридмана, созданного в 1996 году, — за введение школьных ваучеров и свободу выбора школы учеником и его родителями. Вместе с женой Роуз он написал мемуары под названием «Двое счастливицков» (1999).

Фридман и Шварц о Великой депрессии

К количественной теории денег Фридман пришел в ходе совместной с Анной Дж. Шварц работы над «Монетарной историей Соединенных Штатов». Работа над книгой началась в 1948 году¹⁰. Инициатором создания научного коллектива в составе Фридмана и Шварц стал не кто иной, как Артур Бернс, возглавлявший в то время Национальное бюро экономических исследований. Их книга, опубликованная в 1963 году, вызвала беспрецедентный интерес научного сообщества к монетаристской альтернативе кейнсианской макроэкономической теории. Свои выводы Фридман и Шварц кратко суммировали следующим образом:

На протяжении детально исследованного почти столетнего периода мы обнаружили, что:

1. Изменения поведения объема денежной массы были тесно связаны с изменениями экономической активности, денежного дохода и цен.

* Последнее по времени русское издание: *Фридман М.* Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2016.

2. Взаимосвязь между монетарными и экономическими изменениями была в высокой степени стабильной.

3. Монетарные изменения часто характеризовались независимым происхождением; они не были просто отображением изменений в экономической активности¹¹.

Особое внимание экономистов привлек анализ Фридманом и Шварц причин Великой депрессии. Центральная глава, посвященная этой теме, была переиздана отдельно в мягкой обложке под названием «Великое сжатие». По мнению Фридмана и Шварц, ключевым фактором, обусловившим глубину депрессии, было резкое сокращение количества денег в 1930–1933 годах¹². Показатель денежной массы M2 между пиком экономического цикла в августе 1929 года и низшей точкой падения в марте 1933 года уменьшился на треть. Однако снижение цен отставало от сокращения денежной массы, что создавало дефицит реальной покупательной способности, тянувший вниз производство и занятость.

Сокращение денежной массы в 1930–1933 годах было вызвано несколькими волнами «набегов на банки» (массового изъятия вкладов). Фридман и Шварц подчеркивали, что у ФРС были все необходимые инструменты, чтобы компенсировать сжатие денежной массы, и именно так она и должна была сделать в своем качестве «кредитора последней инстанции», но не сделала. Они приписывали бездействие ФРС близорукости, отсутствию опыта и внутренним политическим интригам. В более поздних работах по истории ФРС, принадлежащих перу Аллана Х. Мельцера и Ричарда Х. Тимберлейка, в качестве основной причины подчеркивалась приверженность ее руководителей доктрине реальных векселей (ее мы обсуждали в главе 3). Отчасти сжатие денежной массы было связано с тем, что банки выдавали меньше кредитов и держали резервы на сравнительно более высоком уровне, чтобы быть готовыми к возможным в будущем ситуациям массового изъятия вкладов. Фридман и Шварц отмечали, что ФРС еще больше усилила сжатие, повысив в 1931 году учетную ставку, стремясь стимулировать банки к тому, чтобы они держали меньше избыточных резервов. В 1936 и 1937 годах ФРС в попытке абсорбировать накопленные банками избыточные резервы повысила норму обязательного резервирования, что имело аналогичный сжимающий эффект. То, что руководство центрального банка не осознавало последствий собственных действий, становится очевидным из объяснения, которое дала ФРС по поводу этого шага: «Повышая резервные требования, Совет управляющих не намеревался менять политику денежного смягчения, которую Система проводила с момента начала депрессии»¹³. О каком смягчении могла идти речь, недоумевали монетаристы, если в течение первых четырех лет депрессии денежная масса быстро сокращалась?

Диагноз причин Великой депрессии, поставленный Фридманом и Шварц, явно отличался как от точки зрения Хайека, так и от версии Кейнса. Хайек объяснял спад резким прекращением неустойчивого и недолговечного бума, созданного ФРС, когда она искусственно удешевляла кредит в период

до 1929 года. Фридман, напротив, считал ее политику до 1929 года превосходной. Если бы денежная политика позволила предотвратить сжатие М2, спад не превысил бы масштабов обычной рецессии. Кейнс, со своей стороны, приписывал спад резкому сокращению инвестиций по причине пессимистических «животных эмоций», то есть из-за того, что у инвесторов не хватило выдержки. По мнению же Фридмана и Шварц, инвестиции и потребительский спрос в 1930–1933 годах продолжали сокращаться в основном из-за того, что ФРС допустила резкое сжатие денежной массы.

Были ли Фридман непоследователен или нечестен в своем объяснении Великой депрессии?

Экономист и обозреватель *New York Times* Пол Кругман, получивший в 2008 году Нобелевскую премию по экономике, утверждал, что между историческим анализом «Великого сжатия», проделанным Фридманом и Шварц, и теми политическими выводами, которые Фридман позднее сделал из этого эпизода, имеет место логическая несогласованность. Фридман и Шварц связывали масштабы денежного сжатия с тем, что в период между 1930 и 1933 годами ФРС не выполнила свою функцию кредитора последней инстанции. Иными словами, ФРС сделала слишком мало. Однако в своих популярных работах Фридман внушал, что Великая депрессия стала результатом провала государственной политики в целом — в том смысле, что депрессия не была бы столь глубокой, если бы ФРС вовсе не существовало. Кругман заявил, что «эти позиции противоречат друг другу», а вторая из них в свете первой представляет собой проявление «интеллектуальной нечестности»¹⁴.

Чтобы понять, действительно ли они противоречат друг другу, следует задаться вопросом: что бы, по мнению Фридмана, произошло, если бы на сцене отсутствовала ФРС? Он прекрасно знал, что до принятия закона о Федеральной резервной системе при возникновении финансовой паники в США ответом на нее становились действия региональных клиринговых ассоциаций частных коммерческих банков¹⁵. Точка зрения Фридмана и Шварц заключалась в том, что ФРС, национализировав роль кредитора последней инстанции и другие функции клиринговых ассоциаций, меньше сделала для смягчения паники 1930–1933 годов, чем делали эти ассоциации в аналогичной ситуации в 1907 и 1893 годах — и чем они, с большой вероятностью, сделали бы, если бы все еще функционировали в 1930–1933 годах. Таким образом, экономика пострадала бы меньше, если бы ФРС не была создана вовсе. Такая позиция полностью совместима с точкой зрения, что, *учитывая факт* национализации Федеральной резервной системой функции кредитора последней инстанции, ее неспособность справиться с этой функцией принесла вред. Если же не считать существование ФРС изначально заданным фактом, то сочетание признания этого вреда с мнением, что создание ФРС привело к тому, что паника в 1930–1933 годах

оказалась более глубокой, чем при альтернативном варианте, состоявшем в сохранении частных клиринговых ассоциаций, нисколько не является логически непоследовательным и тем более интеллектуально нечестным.

Критика Фридманом кейнсианской теории

Фридман ставил кейнсианству в упрек игнорирование теоретических аргументов и исторических фактов, свидетельствующих, что инфляция связана с чрезмерным ростом денежной массы, а депрессия — с ее сокращением. Опираясь на эмпирические данные, он оспаривал точку зрения, что фискальная политика — размер дефицита федерального бюджета — оказывает существенное влияние на колебания объемов выпуска в экономике. Но он разделял свойственный кейнсианскому подходу дух макроэкономического агрегирования. В 1965 году журнал *Time* в статье, посвященной кейнсианской экономической теории, привел слова Фридмана «Мы все теперь кейнсианцы» и даже вынес их в заголовок. Через несколько недель Фридман разъяснил свою позицию в письме к редакции: «Цитата верна, но вырвана из контекста. Насколько я помню, этот контекст был таким: „В некотором смысле мы все теперь кейнсианцы, в другом же смысле уже никто не является кейнсианцем“. И вторая часть фразы не менее важна, чем первая»¹⁶. Позднее он изложил ту же мысль более подробно: «Мы все используем кейнсианский язык и инструментарий, но никто из нас уже не согласен с первоначальными кейнсианскими выводами»¹⁷. А в 1969 году *Time* привел еще одно высказывание Фридмана: «Кейнсианская теория не работает»¹⁸. Еще через несколько лет он добавил: «На мой взгляд, теория Кейнса — это теория правильного типа в силу ее простоты, сосредоточенности на нескольких важнейших количественных показателях и потенциальной плодотворности. Я был вынужден отвергнуть ее не по перечисленным основаниям, а потому, что считаю, что она противоречит опыту»¹⁹. Вместо кейнсианства он предложил новый вариант количественной теории денег.

Количественная теория денег

Классическую формулировку количественной теории денег дал Ирвинг Фишер в своей книге «Покупательная сила денег» (1911). В изложении Фишера главным элементом теории было бухгалтерское тождество под названием «уравнение обмена», еще раньше (в 1885 году) введенное Саймоном Ньюкомбом²⁰. В простейшем варианте Фишера уравнение выглядит следующим образом: $MV = PT$, где M — денежная масса, V — годовая «скорость обращения» денег, P — уровень цен, T — индекс годового объема трансакций. Скорость обращения — это среднее число раз, когда денежная единица переходит из рук в руки в ходе трансакций в течение года. Она определяется как отношение PT к M , то есть уравнение обмена

истинно в силу определения V . Произведение MV — это совокупная долларовая величина расходов в течение года. Произведение PT — это совокупная долларовая ценность проданных благ и услуг. Таким образом, уравнение выражает бухгалтерское тождество: сумма расходов покупателей равна сумме выручки продавцов. Это полезное тождество, поскольку оно дает нам бухгалтерскую рамку, с помощью которой мы можем проверить непротиворечивость той или иной каузальной (то есть описывающей причинно-следственные связи) макроэкономической теории.

Фишер также предложил расширенный вариант уравнения: $MV + M'V' = PT$, где M' — это сумма вкладов до востребования, а V' — скорость обращения вкладов до востребования. Для лучшего измерения P Фишер собрал данные о M и M' , оценил V и V' и разработал теорию индексов. Имея готовый измеритель национального дохода, но не имея способа измерения совокупного объема трансакций в экономике, который по логике должен включать все — от сделок на финансовом рынке до распродаж ненужной утвари в домашнем гараже, — позднейшие авторы, разрабатывавшие количественную теорию денег, модифицировали это уравнение. Они заменили T совокупной суммой покупок *вновь произведенных* товаров и услуг, или, иными словами, национальным доходом в реальном выражении, обозначив его как Q или y . Соответственно, они изменили понятие скорости обращения денег, перейдя от «скорости обращения денег в трансакциях» (transactions velocity) к «скорости обращения денег в кругообороте доходов» (или просто «скорости обращения доходов») (income velocity), но по-прежнему обозначая ее V .

Чтобы построить объяснительную теорию на основе уравнения обмена, количественная теория денег добавляет к нему утверждения о причинно-следственных связях (каузальные утверждения). Исследователь истории экономической мысли Марк Блауг изложил три главные каузальные утверждения количественной теории в следующих формулировках²¹:

(1) Независимое изменение номинального количества денег M вызывает уравновешивающее изменение уровня цен P . M детерминируется факторами, не охватываемыми теорией (то есть является «экзогенной» величиной); P детерминируется в рамках теории (является «эндогенной» величиной).

(2) Желаемое отношение денежных остатков к доходу (желаемая величина M/Py , что подразумевает концептуальное различие *равновесного* значения V и его *текущей измеренной* величины) определяется реальными факторами, независимыми от номинального количества денег (за исключением возможных переходных эффектов при изменении M). Ирвинг Фишер мыслил в терминах измеренной скорости обращения, но его современник Альфред Маршалл в Кембриджском университете работал с величиной k , равной желаемому отношению M/Py , иногда называемому «кембриджским k ».

(3) Величина реального дохода y определяется реальными факторами, не зависящими от номинального количества денег (опять-таки за исключением возможных переходных эффектов при изменении M).

Сочетание этих трех утверждений имеет следствием главный теоретический результат количественной теории: в долгосрочном периоде (после завершения всех переходных процессов) и при прочих равных условиях (в предположении отсутствия протекающих параллельно долговременных изменений V или y) уровень цен P пропорционален номинальному количеству денег M . Деньги «нейтральны» в долгосрочном периоде, то есть изменение M не приводит к долговременным изменениям реальных переменных, таких как V или y .

Добавив к этой теории утверждение, что колебания скорости обращения денег, как правило, невелики (поскольку реальный денежный спрос представляет собой стабильную функцию нескольких мало изменяющихся переменных), авторы количественной теории приходят к ее главному *эмпирическому предсказанию*: при изменении количества денег уровень цен будет меняться пропорционально ему. Соответственно, средние темпы инфляции будут зависеть от изменения средних темпов роста денежной массы. В 1952 году, выступая на слушаниях в Конгрессе, Фридман назвал стабильность скорости обращения денег мостом между самоочевидностью уравнения обмена и предсказательной силой количественной теории:

Я убежден, что количественное уравнение может быть обосновано не только как трюизм, но и как одно из немногих эмпирически корректных обобщений, которые экономической науке удалось сделать на основании данных многовекового опыта. Конечно, скорость обращения денег варьируется на коротких временных интервалах. Но все дело в том, что эти колебания, особенно колебания скорости обращения доходов, в целом относительно невелики. Насколько мне известно, ни одно другое уравнение, сформулированное в экономической науке, не обладает такой предсказательной силой, как этот простой трюизм²².

Годовой рост денежной массы в США (измеряемый денежными агрегатами $M1$ и $M2$) служил довольно точным инструментом прогнозирования годового показателя инфляции вплоть до 80-х годов XX века, когда колебания годовых показателей скорости обращения денег увеличились. С тех пор прогнозы стали давать большую ошибку. Тем не менее более быстрый рост денежной массы по-прежнему коррелирует с более высокими темпами инфляции при усреднении по десятилетиям и при сравнении разных стран²³.

Ирвинг Фишер

Ирвинг Фишер (1867–1947), как уже упоминалось в главе 3, заработал небольшое состояние как изобретатель, приумножил его в разы, торгуя на бирже, а затем потерял в октябре 1929 года. Кроме того, он был одним из авторов книги-бестселлера о самосовершенствовании «Как жить: здоровая жизнь по правилам современной науки» (1915, в соавторстве с Э.Л. Фи-

ском). В этой книге он рекомендовал вегетарианство и занятия физкультурой. В других, не столь безобидных, работах Фишер, как мы отмечали в главе 1, выступал за евгенику и сухой закон. Однако значение фигуры Фишера в столкновении экономических идей связано не с этим, а с его вкладом в экономическую теорию, особенно в теорию денег и процента.

Фишер изучал математику в Йельском университете. Он остался там же писать докторскую диссертацию по математической экономике и в 1891 году первым в истории этого университета получил степень доктора философии по экономическим наукам. Диссертация была опубликована в виде книги под названием «Математическое исследование теории ценности и цен» (1892) и в ней для анализа потребительских предпочтений был применен один из ранних вариантов инструментария «кривых безразличия». Фишер остался в Йельском университете профессором экономики и проработал там 43 года, уйдя в отставку в 1935 году. В работе «Прирост ценности капитала и процент» (1896) он прояснил разницу между реальной (то есть включающей поправку на инфляцию) и номинальной процентной ставкой. Сегодня мы называем «уравнением Фишера» базовое утверждение о том, что номинальная процентная ставка равна сумме реальной процентной ставки и инфляционной премии (примерно равной ожидаемому уровню инфляции), из которого следует, что рост инфляции означает повышение номинальной процентной ставки. В книге «Природа капитала и дохода» (1906) он провел различие между понятием капитала как запаса и понятием дохода как потока, а также изложил базовую концепцию экономики финансов — дисконтирование будущих платежей для определения их текущей ценности.

Еще одна работа Фишера — «Ставка процента» (1907) и ее дополненный вариант «Теория процента» (1930) — представляет собой синтез неоклассической теории процента, осуществленный на основе теоретических построений австрийского экономиста Ойгена фон Бём-Баверка, шведского экономиста Кнута Викасселя и менее известного канадского экономиста Джона Рэя. В рамках модели Фишера равновесная процентная ставка определяется сочетанием межвременных предпочтений (степени нетерпения людей) и межвременных возможностей трансформации благ (отдачи от долговременных инвестиций). В 1941 году Ф.А. Хайек назовет изложение Фишера «формально неопровержимым»²⁴. Фишеровские понятия дохода и межвременной оптимизации легли в основу позднейшей теории Милтона Фридмана, согласно которой потребительские расходы зависят от «постоянного дохода» (permanent income), в противоположность преобладавшей тогда кейнсианской точке зрения, что они изменяются в зависимости от эфемерного текущего дохода²⁵.

Фишер развил количественную теорию денег в книге «Покупательная сила денег» (1911*). Он указал на Саймона Ньюкомба и Дж.Ст. Милля как на авторов более ранних вариантов изложения ее основных идей.

* Первое русское издание — 1916 год, второе — 2001-й.

В работе «Составление индексов» (1922) Фишер разработал теорию конструирования индекса общего уровня цен и других подобных индексов, а также наблюдения за ними. Кроме того, он написал две важные статьи по проблемам экономического цикла — «Деловой цикл — это прежде всего „танец доллара“» (1923) и «Теория Великих депрессий, основанная на дефляции долга» (1933)²⁶. После Ирвинга Фишера, но до Милтона Фридмана некоторые американские экономисты использовали количественную теорию в качестве основы для анализа уровня цен и экономического цикла — задним числом их стали называть «старыми монетаристами». Среди них были такие выдающиеся исследователи, как Гарри Ганнисон Браун, Герберт Дж. Дэвенпорт, Артур Марджет и Кларк Уорбертон. В Великобритании сторонниками количественной теории в межвоенный период были Альфред Маршалл (о нем мы расскажем ниже в настоящей главе), молодой Джон Мейнард Кейнс, Деннис Х. Робертсон, Ральф Хоутри и Артур С. Пигу²⁷.

Как далеко в прошлое уходит количественная теория?

Некоторые специалисты по истории экономической науки приводят в качестве одной из первых формулировок количественной теории денег эссе Джона Локка «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения ценности денег» (1692). Локк писал его в эпоху серебряных монет, а не фиатных денег. Хотя он не составил уравнение обмена, по существу он говорил о наличии пропорциональности между номинальным количеством денег (M) и уровнем цен (P) при официальном изменении содержания серебра в номинальной денежной единице. Схожую аргументацию развивал Бернардо Даванцати в своих «Чтениях о монете» (1588). К примеру, если монетный двор страны изымает из обращения существующие шиллинги, расплавляет их, а затем чеканит из этого металла вдвое больше шиллингов, каждый из которых содержит вдвое меньше серебра, чем старый шиллинг, результатом будет удвоение шиллинговых цен.

Подобное изменение весового содержания драгоценного металла в денежной единице было единственным полностью экзогенным способом изменить номинальное количество денег M (исчисляемое в шиллингах) при серебряном стандарте, который мог привести к уравновешивающему пропорциональному изменению уровня цен P . Прочие изменения количества денег в стране не являются независимыми от уровня цен. Локк признавал, что в ответ на изменение спроса на деньги или их предложения торговцы ввозят в страну и вывозят из нее серебряные монеты, тем самым эндогенно изменяя количество денег в стране (позднее этот вопрос более детально разберет Юм).

Джеймс Милль, как мы отмечали в предыдущей главе, попытался разработать количественную теорию покупательной способности серебра, но Нассау Сениор указал на то, что к товарным деньгам эта теория не может применяться напрямую. В мировом масштабе, пояснил Сениор, количество

и покупательная способность серебра совместно определяются рыночным предложением (добычей) и спросом (для денежного и неденежного использования). В отличие от обладающего дискреционными полномочиями центрального банка, который может выпустить в обращение столько фиатных денег, сколько пожелает, работающие ради прибыли частные поставщики серебряных денег не могут не реагировать на их покупательную способность: горнорудным компаниям выгодно разрабатывать более сложные месторождения для наращивания годовой добычи серебра только в том случае, если покупательная способность его унции высока²⁸. Таким образом, теоретические рассуждения, начинающиеся с экзогенного изменения количества денег M , неприменимы к системе товарных денег кроме того случая, который проанализировал Локк. Количественная теория не подходит для анализа *эндогенных* изменений M и P , вызванных изменением кривых общемирового предложения или спроса на серебро и золото. Экзогенное воздействие в виде открытия крупного месторождения серебра, увеличивающее его предложение, снизит покупательную способность этого металла, но, поскольку существует немонетарный спрос на серебро, уровень цен в единицах серебра не будет строго пропорционален объему денежной массы, как это следует из количественной теории.

Количественная теория в изложении Маршалла

Альфред Маршалл, прославившийся разработкой привычного для сегодняшних экономистов инструментария кривых спроса и предложения, предложил и свой вариант количественной теории в терминах спроса и предложения. Формулировка Маршалла альтернативна варианту Фишера, но выводы у них совпадают. В соответствии с «кембриджским методом денежных остатков» Маршалла, уровень цен определяется сочетанием номинального предложения денег и реального спроса на них. Реальный спрос на деньги — это желание *держат* у себя некоторый запас готовой к расходованию покупательной способности в среднем в течение года. Если допустить, что ожидаемый объем расходов репрезентативного индивида равен его годовому доходу, который обозначается y , а денежный запас, который он у себя держит, пропорционален расходам, то реальный спрос на деньги (m^D) можно выразить простым уравнением $m^D = ky$, где y — это доход опять-таки в реальном выражении. Переменная k в этом уравнении обозначает долю годового дохода, которую индивид стремится в среднем сохранять у себя в виде денежных остатков. Величина k зависит от индивидуальных особенностей человека, институциональных факторов и рыночных цен — в первую очередь от дохода или богатства индивида, от удобства оплаты наличными по сравнению с другими способами, такими как покупка в кредит, от выгодности хранения денег по сравнению с процентами, которые можно получать от неденежных активов, и от ожидаемого уровня инфляции (которая действует как налог на хранение денег). В 60-х и 70-х годах XX века

экономисты приложили немало усилий, чтобы эмпирически оценить чувствительность спроса на деньги к доходам, процентным ставкам и другим факторам.

Чем выше уровень цен в долларах, тем пропорционально больше количество долларов, которое каждому индивиду необходимо держать у себя, чтобы иметь желаемый объем покупательной способности. Таким образом, *номинальный* спрос на деньги (M^D) можно выразить формулой $M^D = kPy$. (Заглавные буквы обозначают номинальные переменные, строчные — реальные.) Денежное равновесие требует, чтобы величина номинального спроса равнялась величине номинального предложения. Когда центральный банк по собственному произволу принимает решения о количестве фиатных денег, величину предложения можно считать независимой от уровня цен (что, как мы только что отметили, невозможно в случае с металлическими деньгами, поставляемыми коммерческими добывающими компаниями). Тогда мы можем составить уравнение номинального предложения: $M^S = M$. В равновесии величина предложения равна величине спроса: $M^S = M^D$. Подстановкой получаем $M = kPy$, что преобразовывается в $P = M/ky$. Без использования формул это утверждение можно переформулировать так: равновесный уровень цен определяется отношением номинальной денежной массы к реальному спросу на деньги. Из этого напрямую вытекает пропорциональность P по отношению к M при прочих равных условиях (то есть при постоянных k и y). Сам Маршалл сформулировал это так: «Люди желают держать определенный объем своих ресурсов... в денежной форме, и при условии, что все остальное остается неизменным, существует прямая зависимость между объемом наличных денег и уровнем цен, так что при увеличении одной величины на десять процентов другая тоже увеличивается на десять процентов»²⁹.

Монетаризм

Для исследовательской программы Милтона Фридмана и его коллег, ставившей своей задачей заново обосновать количественную теорию теоретически, применить ее к эмпирическим данным и сформулировать соответствующие выводы для экономической политики, швейцарский экономист Карл Бруннер придумал название «монетаризм». Оно закрепилось, несмотря на протесты самого Фридмана: «Лично мне не нравится термин „монетаризм“. Я бы предпочел говорить просто о количественной теории денег, но от того, что нам навязывает обычай, избавиться невозможно»³⁰. Одной из первых вех этой программы стала статья Фридмана «Количественная теория денег: новая формулировка» (1956). Важный вклад в монетаристские исследования внесли также соавторы Фридмана, особенно Анна Дж. Шварц; его аспиранты в Чикагском университете и коллега-преподаватель из того же университета Гарри Джонсон; Карл Бруннер из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и его студент и соавтор Аллан Мельцер из Университета Карнеги–Меллон; экономисты, работавшие в штате Федерального

резервного банка Сент-Луиса, и другие американские и европейские экономисты³¹. Позднее в Великобритании термин «монетаризм» стал использоваться в другом смысле, что вызвало определенную путаницу: его стали употреблять противники премьер-министра Маргарет Тэтчер в качестве уничижительного ярлыка для всей ее экономической политики.

Монетаристы добавили к количественной теории Фишера–Маршалла следующее:

(1) статистические исследования связи уровня цен с денежной массой, а также, соответственно, темпов ценовой инфляции с темпами денежной экспансии;

(2) эмпирические оценки изменения реального денежного спроса в зависимости от таких переменных, как богатство и доход, инфляционные ожидания и процентные ставки;

(3) кейнсианское описание «передаточного механизма» между деньгами и реальной экономикой: изменение денежной массы ведет к изменению номинального совокупного спроса на блага в основном через прямое влияние избыточных или недостаточных денежных остатков на расходы («деньги прожигают дырку в ваших карманах»), а не через процентную ставку;

(4) акцент на избыточности или недостаточности денежной массы в качестве главной причины циклических бумов и спадов — в противоположность фискальной политике и автономным изменениям в объеме инвестиций, на которых делали акцент кейнсианцы;

(5) гипотеза о «естественном уровне безработицы» — формализация и проверка гипотезы о самонастройке экономики, согласно которой цикличность уровня безработицы и реальных доходов представляет собой паттерн, в соответствии с которым возмущения, порождаемые денежными шоками, сменяются возвращением к нормальной ситуации.

Инфляция, процентные ставки и деловой цикл: кейнсианцы *versus* монетаристы

Кейнсианцы 60-х и 70-х годов объясняли инфляцию разнообразными причинами, имеющими в основном немонетарный характер. В популярном учебнике по экономике Гарднера Экли, вышедшем в 1961 году, перечислялись следующие причины или типы инфляции: «давление спроса», «давление издержек», «смешанная инфляция спроса и издержек» и «инфляция ценовых надбавок». Другие авторы выделяли произвольное повышение «регулируемых цен» и самоподдерживающуюся «спираль зарплат и цен»³². Вскоре в кейнсианские модели была включена и кривая Филлипса, связывающая высокую инфляцию с низкой безработицей. Однако после 1969 года кейнсианские авторы столкнулись с аномалией, когда инфляция и безработица одновременно оказались высокими. Согласно их интерпретации кривой Филлипса рост безработицы должен свидетельствовать о слабом спросе на труд; последний, сдерживая рост заработной платы,

должен приводить к ослаблению давления повышающихся издержек на цены, результатом чего должна быть низкая инфляция.

Монетаристы, напротив, могли с полным правом заявить: мы же вас предупреждали! Уровень инфляции с середины 60-х до середины 80-х годов весьма четко следовал за темпами роста денежной массы, подтверждая тем самым предсказания количественной теории. Низкая инфляция второй половины 80-х годов, не сопровождавшаяся высокой безработицей, дала новое подтверждение количественной теории и опровержение наличия какой-либо постоянной обратной зависимости между ними, описываемой кривой Филлипса. Мало у кого из экономистов оставались сомнения в том, что центральные банки реально способны контролировать инфляцию, контролируя рост денежной массы, и что это не приводит к необратимому повышению безработицы. В 1967–1968 годах, за несколько лет до распада, казалось бы, стабильной кривой Филлипса, Фридман и Эдмунд Фелпс из Колумбийского университета в своих статьях независимо друг от друга объяснили, почему в долгосрочном периоде инфляция и безработица *не* связаны друг с другом. Как только высокая инфляция станет ожидаемой, повышение заработной платы в долларах перестанет вводить в заблуждение людей, ищущих работу, и они перестанут сокращать время поиска, так что отношение их количества к общей численности рабочей силы вернется к нормальному уровню. Как отметил Дж. Брэдфорд Делонг, «интеллектуальное влияние монетаризма достигло апогея, когда прогноз Милтона Фридмана и Эдмунда Фелпса о том, что стабильная краткосрочная кривая Филлипса распадется, оказался сделанным как раз вовремя, чтобы экономическая история 70-х годов впечатляюще его подтвердила»³³.

Процентная ставка играла в макроэкономических теориях монетаристов меньшую роль, чем в теориях кейнсианцев и австрийской школы. В кейнсианских учебниках 70-х годов увеличение денежной массы воздействует на доходы в той мере, в какой оно ведет к снижению процентной ставки, вызывающему рост инвестиций (возможно, слабый), который, в свою очередь, через эффект мультипликатора влияет на совокупный доход. По мнению же монетаристов, равновесная реальная процентная ставка определяется предложением сбережений и спросом на инвестиции, как объяснял Ирвинг Фишер. Реальная процентная ставка — немонетарный феномен. Необратимое изменение уровня номинального предложения денег в конечном итоге не влияет на реальную процентную ставку, поскольку оно оказывает долгосрочное воздействие только на другие номинальные переменные. Любое снижение процентных ставок из-за денежной экспансии, вызванное созданием избыточного предложения денег, которое имеет побочным следствием увеличение предложения заемных средств, носит преходящий характер и с точки зрения монетаризма не имеет макроэкономических последствий. В отличие от австрийских описаний экономического цикла, монетаристы не считают, что снижение рыночной процентной ставки ниже равновесного уровня вызывает какую-либо цепную реакцию в экономике.

Кейнсианцы, как правило, связывали спады в экономике с нестабильностью инвестиций или потребительского спроса. Монетаристы, напротив, обычно объясняли их неадекватной денежной политикой, которая создает избыточный (неудовлетворенный) спрос на деньги. Центральный банк может создать избыточный спрос на деньги либо сокращая денежную массу (или позволяя банкам или публике сокращать M , как это было в 1930–1933 годах, хотя с помощью денежной политики вполне можно было бы обеспечить ее стабильность), либо проводя на протяжении многих лет экспансионистскую денежную политику и задавая тем самым такую инфляционную траекторию для цен, что замедление роста номинальной денежной массы (ниже темпов, с которыми обычно повышаются цены) приводит к падению реальной денежной массы (M/P).

Кейнсианцы выделяли негибкость цен и заработной платы в качестве основной причины, по которой падение номинального спроса на товары ведет к сокращению занятости и реального объема выпуска. Монетаристы утверждали, что цены и заработная плата могут адекватно корректироваться (и действительно корректируются) так, чтобы достичь равновесия, хотя Фридман и его предшественники признавали, что эта корректировка не происходит мгновенно. На самом деле «старая монетаристская» идея постепенной корректировки достаточно близка к представлениям современного так называемого «нового кейнсианства» о важной роли, которую играет негибкость цен. Напротив, экономисты «новой классической» школы 80–90-х годов XX века придерживались позиции, что для строгой спецификации макроэкономических моделей необходимо исходить из того, что равновесные цены и заработная плата всегда пробивают себе дорогу³⁴.

Кейнсианцы рекомендовали правительству проводить активную контрциклическую политику мерами как фискальной, так и денежной политики, применяя стимулирование всегда, когда экономика не использует полностью весь свой потенциал. Эти рекомендации вытекали из интерпретации Кейнсом Великой депрессии как доказательства того, что без корректирующей политики экономика будет хронически недоиспользовать свой потенциал, поскольку рыночные силы самокоррекции слишком слабы, чтобы быстро исправить ситуацию. Напротив, в предложениях монетаристов по поводу экономической политики предпочтение отдавалось *правилам* денежной политики, а не активному вмешательству. Главная задача лиц, принимающих политические решения, — не навредить или, по выражению Фридмана, не допустить, чтобы деньги стали «главным источником экономических затруднений»³⁵. Аргументы монетаристов в пользу отказа от чрезмерной активности были связаны с фридмановским анализом более длительного исторического периода: «активистская» денежная политика на практике скорее усиливала, чем ослабляла экономические колебания. Рекомендация Фридмана: чтобы как можно меньше навредить, центральный банк должен проводить денежную политику умеренной и стабильной денежной экспансии — причем он должен принять на себя официальное обязательство следовать такой политике, чтобы люди могли знать, чего им ожидать³⁶.

Монетаристская теория экономического цикла отводила денежной политике некоторую *потенциальную* сферу деятельности, направленной на смягчение рецессии, но монетаристская интерпретация истории свидетельствовала, что этот потенциал не реализовался на практике и, вероятно, не будет реализован, если только центральный банк по своей способности к прогнозированию не превзойдет тех, кто принимает решения в частном секторе. Его потенциальный вклад можно прояснить в терминах уравнения обмена $MV = Py$. Представим себе, что скорость обращения денег (V) падает. Центральный банк может предотвратить падение номинальных совокупных расходов (MV), своевременно и в достаточной мере увеличив денежную массу. Эта мера может быть благотворной, поскольку такое падение (если оно не является полностью ожидаемым и не компенсируется одновременным снижением цен) влечет за собой затоваривание и соответствующее сокращение заказов в промышленности. В последнем случае экономика скатится в рецессию, и реальный объем выпуска сократится ниже нормального уровня. Для успеха контрциклической политики необходимо, чтобы центральный банк стабилизировал MV , компенсируя изменение V своевременным и правильно рассчитанным по величине изменением M ³⁷.

Однако, предостерегал Фридман, на практике успешно проводить контрциклическую политику невозможно, если центральный банк не может точно предсказать изменение скорости обращения денег и в результате изменяет рост денежной массы в неподходящее время или на неправильную величину. Изменения в росте денежной массы влияют на номинальные доходы, по знаменитому выражению Фридмана, «с большим и непостоянным лагом». Если ФРС принимает меры лишь тогда, когда рецессия или инфляция уже наступила, то ее действия почти наверняка будут предприняты не вовремя. Несвоевременная или ошибочная в количественном отношении денежная политика, чередующая периоды стимулирования и периоды сдерживания деловой активности, усиливает, а не смягчает отклонения экономики в обе стороны от состояния полной занятости, и такое усиление колебаний, как установил Фридман, действительно имело место в истории денежной политики ФРС. В прошлом периоды замедления роста денежной массы не были периодами стабильности номинальных доходов, когда денежная политика служит компенсации чрезмерного роста скорости обращения денег (как это предполагает успешная стабилизационная политика). Напротив, они приводили экономику к рецессии.

Правила для денежной политики

Фридман редко ограничивался рекомендациями ФРС по поводу того, насколько быстро ей следует увеличивать денежную массу в текущей ситуации или на каком уровне (следуя ее обычной технике таргетирования) ей следует установить процентную ставку на межбанковском рынке. Он сосредоточивался на общей картине: совершенствование методов

и конституционные реформы режима принятия политических решений. За время своей карьеры он последовательно разработал три главные рекомендации (не считая домонетаристского предложения, сформулированного в 1948 году, о привязке увеличения денежной массы к дефициту государственного бюджета). В работах «Программа достижения денежной стабильности» (1960) и «Капитализм и свобода» (1962) Фридман сформулировал правило экономической политики, сделавшее его знаменитым: установить медленный и постоянный по величине темп роста достаточно широкого показателя денежной массы M_2 на ежемесячной основе таким образом, чтобы обеспечить нулевой средний уровень инфляции. Иногда он говорил, что цель этого правила — заменить Комитет по операциям на открытом рынке ФРС (Federal Open Market Committee, FOMC) роботом. В статье «Оптимальное количество денег», опубликованной в 1969 году, Фридман представил технические аргументы в пользу теоретической желательности умеренной дефляции (примерно на 2% в год), в результате которой номинальная процентная ставка по краткосрочным безрисковым облигациям равнялась бы нулю — это означало бы сокращение до нуля альтернативных издержек, связанных с хранением фиатных денег, и их равенство нулевым издержкам производства таких денег. Но в своих популярных работах он никогда не продвигал эту идею. В 1984 году и в работах последующего периода Фридман призывал попросту заморозить те обязательства ФРС, которые представляют собой деньги, то есть ввести правило нулевого роста для узкого денежного агрегата M_0 . Такое правило, по существу, не позволяло бы ФРС проводить какую бы то ни было денежную политику, и FOMC можно было бы упразднить. Рассмотрим каждое из этих трех предложений более подробно.

В период, когда большинство экономистов отдавало предпочтение статус-кво — активной денежной политике в целях макроэкономической стабилизации, а традиционная альтернатива (по крайней мере, в рамках Общества Мон-Пелерен) заключалась в возврате к более строгому классическому золотому стандарту, Фридман обозначил третью позицию: прямое, то есть без использования золотого якоря, ограничение эмиссии бумажных денег центральным банком.

Почему же без золота? Фридман утверждал, что заставить центральный банк обеспечить бумажные деньги драгоценным металлом, находящимся в его сейфах, — это излишне затратный способ ограничения эмиссии. По его оценке, при стопроцентном обеспечении M_2 золотыми резервами затраты ресурсов для поддержания чистого золотого стандарта в условиях нормального экономического роста составят 2,5% национального дохода³⁸. Более того, в такой большой экономике, как американская, где международная торговля и трансграничные потоки инвестиций относительно малы, преимущества фиксированного обменного курса (обеспечиваемого международным золотым стандартом) тоже невелики по сравнению с недостатками, являющимися следствием колебаний количества денег внутри страны в зависимости от внешнего предложения денег и шоков со стороны спроса.

Зачем отказываться от стабилизационной политики? По мнению Фридмана, она просто не работает: «Не теория, а опыт продемонстрировал... что денежная политика не является эффективным инструментом непосредственного перехода к полной занятости и экономическому росту»³⁹. Экономика не может постоянно находиться в состоянии неполной занятости; точно так же невозможно постоянно ее поддерживать в состоянии выше уровня полной занятости. Никакой обратной зависимости между инфляцией и безработицей в долгосрочной перспективе не существует. Напротив, как утверждал Фридман вместе с Эдмундом Фелпсом, корректировка зарплатных ожиданий у людей, занятых поисками работы, восстанавливает «естественный уровень» безработицы после всех отклонений. Экспансионистская денежная политика может раздуть величину любой номинальной переменной (уровня цен, номинальных доходов, обменного курса). Но поливание экономики бумажными деньгами не может необратимо сократить безработицу или стегнуть рост. Оно может *временно отклонить* реальные переменные от их естественного уровня, но подобные отклонения отнюдь не благотворны⁴⁰.

Фридмановский рецепт 1960 года — медленный и постоянный по величине рост денежной массы — иногда называют «правилом k процентов», подчеркивая тем самым стабильность темпов этого роста (k должен быть постоянно). Поскольку это правило означает отказ от попыток компенсировать колебания в скорости обращения денег, лучше всего для таргетирования подходит денежный агрегат с наиболее стабильной скоростью обращения. Имевшиеся к 1959 году данные указывали на то, что самой стабильной скоростью обращения обладает агрегат М2 (наличность на руках у людей плюс денежные остатки на чековых счетах плюс денежные остатки на сберегательных счетах). Какой должна быть величина k ? В качестве ориентира Фридман предложил значение, соответствующее долгосрочной нулевой инфляции — например, для экономики, в которой реальный доход в долгосрочном периоде растет на 3%, а скорость обращения денег уменьшается на 1% в год, это значение будет составлять 4%. Однако он подчеркивал, что соглашение о постоянстве темпов роста денежной массы важнее, чем точная величина этих темпов или выбор конкретного денежного агрегата.

Чтобы М2 рос на 4% в год, ФРС должна увеличивать М0 (агрегат, который она напрямую контролирует, поскольку он состоит исключительно из банкнот самой ФРС и резервных депозитов банков) на 4%, плюс-минус корректировки М0, необходимые для компенсации колебаний отношения М2 к М0. Чтобы облегчить контроль над ростом М2, Фридман выдвинул три важные идеи. Во-первых, отменить размен долларов на золото — канал, через который зарубежные центральные банки способны сокращать или увеличивать М0 в США. Во-вторых, прекратить практику выдачи ФРС кредитов банкам по их запросам — то есть перекрыть канал, через который банки могут увеличивать М0 по собственной инициативе. Закрытие «дисконтного окна» не позволило бы ФРС по собственному произволу сужать резервы конкретным банкам, которые она сочтет заслуживающими таких кредитов. Тем самым у ФРС не осталось бы той возможности, которую она

использовала в ходе финансового кризиса 2007–2008 годов, за что подвергалась резкой критике — помогать банкам «слишком большим, чтобы обанкротиться» и иным фаворитам (в том числе и небанковским финансовым компаниям), даже неплатежеспособным, и отказывать в помощи другим банкам. Такое ограничение не лишило бы ФРС способности обеспечивать дополнительные резервы банковской системе в целом в периоды высокого спроса на них, поскольку она могла бы предоставлять эти резервы через покупку казначейских облигаций США. Дополнительные банковские резервы, образующиеся за счет покупки облигаций, могли бы предоставляться банкам, кредитоспособность которых подтверждает рынок межбанковских кредитов, а не распределяться дискреционными решениями ФРС. В-третьих, предвосхищая реформу, осуществленную ФРС в октябре 2008 года, Фридман рекомендовал ей выплачивать конкурентоспособные проценты на банковские резервы, которые у нее хранятся. Если процентная ставка по резервам будет отражать процентную ставку по казначейским облигациям, которые банки тоже держат в своем портфеле, то альтернативные издержки (упущенная выгода) от хранения резервов в ФРС не будут меняться при колебаниях доходности этих облигаций. В результате желательное для банков отношение резервов к депозитам М2 не будет изменяться и ФРС станет легче воздействовать на М2 путем операций, контролирующих количество резервов.

В 1981 году, после того как в течение двадцати с лишним лет Фридман рекомендовал ФРС медленный и постоянный по величине рост денежной массы, он выступил с лекцией по приглашению, в которой он высказал свои мысли о том, почему ФРС игнорировала его советы. Он отметил, что когда Конгресс потребовал от ФРС объявлять целевые значения роста денежной массы и каждые полгода отчитываться о том, насколько ей удалось им соответствовать, ФРС стала предоставлять широкие и меняющиеся целевые *интервалы* по пяти *разным* денежным агрегатам, отказываясь брать на себя обязательства по конкретной траектории роста одного конкретного агрегата. Фридман предположил, что ФРС настаивала на своих дискреционных полномочиях варьировать рост денежной массы в широких пределах потому, что собственный бюрократический интерес чиновников центрального банка состоит в отсутствии подотчетности⁴¹.

Поскольку ожидать от ФРС жесткого самоограничения в денежной политике было бесполезно, Фридман с 1984 года начал предлагать упразднить дискреционную политику на корню. Он рекомендовал заморозить денежную базу М0 и попросту ликвидировать Комитет по операциям на открытом рынке, что было бы специальным частным случаем «правила *k* процентов». Для учета сезонных и иных изменений в желании людей иметь у себя наличные деньги (эти колебания меняют отношение М2 к М0) он предложил снова разрешить коммерческим банкам эмиссию наличных банкнот. В своей книге, вышедшей в 1960 году, Фридман поддерживал государственную монополию на выпуск денег на том основании, что частная эмиссия банкнот неизбежно сопровождается повсеместным

мошенничеством, но в 80-х годах он обратил внимание на новые исторические исследования, свидетельствующие об обратном, и изменил свою точку зрения⁴². Конечно, как отметил недавно автор статьи в *University of Chicago Magazine*, «Фридман отнюдь не был каким-нибудь последователем Айн Рэнд, кричащим, что ФРС следует упразднить»⁴³. Но начиная с 1984 года он *действительно* потихоньку продвигал практические доводы о целесообразности упразднения комитета ФРС по денежной политике.

Хотя должностные лица ФРС никогда не были сторонниками обязательства о медленном и постоянном по величине росте денежной массы, другие экономисты в инфляционные 70-е годы прониклись симпатией к этой идее. Однако в 80-х годах энтузиазм по поводу строгого «правила k процентов» иссяк, поскольку скорость обращения агрегатов M_1 и M_2 стала намного менее стабильной. Теперь связывание рук ФРС, чтобы она не могла компенсировать колебания скорости обращения, повлекло бы за собой увеличение нестабильности совокупных расходов. Беннет Маккаллум предложил модифицированное «правило k процентов», в соответствии с которым темпы роста денежной массы не поддерживаются на постоянном уровне, а корректируются в соответствии с формулой, компенсирующей изменения в тренде измеряемой скорости обращения⁴⁴. Тому, что измеряемая скорость обращения отклонилась от прежней траектории, вероятно, способствовало дерегулирование процентных ставок по банковским депозитам. Если это так, то банковская реформа, которую поддерживал Фридман, парадоксальным образом подорвала основания для реформы денежной политики, за которую он же выступал ранее.

Теория экономического цикла: австрийцы *versus* монетаристы

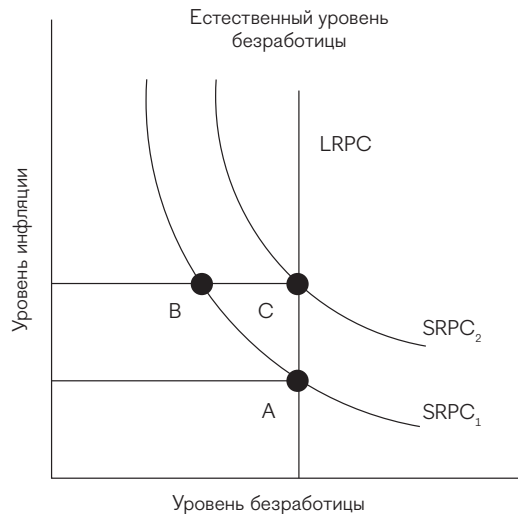
Авторы докейнсианских денежных теорий, такие как Виксель, Мизес и Хайек (см. главу 3), объясняли деловой цикл «бум — спад» рассогласованностью планов сбережения и инвестирования. Центральные банки могут своими действиями вызвать такие расхождения, поскольку побочным следствием их действий по вливанию и изъятию денег становится отклонение рыночной процентной ставки от «естественного» уровня, который координирует желаемые сбережения с желаемыми инвестициями. Монетаристы (в том числе их предшественники, такие как Ирвинг Фишер, и преемники — сторонники новой классической теории, такие как Роберт Э. Лукас-мл.), соглашаясь с тем, что главным источником неприятностей являются центральные банки, смотрят на передаточный механизм делового цикла по-иному. Они оставляют без внимания движение процентных ставок на том эмпирическом основании (при том что их данные носят довольно-таки неполный характер), что денежная политика не в состоянии сдвинуть процентную ставку с естественного уровня достаточно далеко и надолго, чтобы это серьезно повлияло на инвестиции. Вместо этого главным источником потрясений они считают несоответствие количественного спроса на денежные

остатки и их предложения. Избыточное предложение денег приводит к тому, что расходы оказываются выше ожидаемой величины (а избыточный спрос на деньги — к тому, что они оказываются ниже ее), и тем самым, ввиду негибкости заработной платы или неадекватного восприятия реальной величины предлагаемой заработной платы, воздействует на занятость таким образом, что реальные доходы отклоняются от естественного уровня.

В 1968 году Фридман кратко разъяснил, каким образом денежная экспансия может вызвать временный рост занятости и объемов выпуска по мере того, как расходование избыточных денежных остатков увеличивает номинальный спрос на товары и услуги, что, в свою очередь, воздействует на рынок труда:

Поскольку цены на продаваемые товары обычно реагируют на неожиданный рост номинального спроса быстрее, чем цены на факторы производства, получаемая реальная заработная плата снижается, хотя реальная заработная плата, которую работники ожидали получить, увеличивается, так как работники неявно оценивают предлагаемую заработную плату исходя из прежнего уровня цен. В действительности именно одновременное снижение реальной заработной платы *ex post*, с точки зрения нанимателей, и повышение ее *ex ante*, с точки зрения наемных работников, и создает возможность увеличения занятости⁴⁵.

Рост занятости в период бума можно изобразить так, как показано на рисунке 12.1 — как переход из точки *A* в точку *B* на краткосрочной кривой Филлипса.

LRPC — долгосрочная кривая Филлипса;
SRPC₂ — первоначальная краткосрочная кривая Филлипса;
SRPC₁ — смещенная краткосрочная кривая Филлипса

Рисунок 12.1. Долгосрочная и краткосрочная кривая Филлипса

Фридман добавлял, что «эта ситуация временная», поскольку «восприятие адаптируется к реальности». Краткосрочная кривая Филлипса смещается вверх, возвращая рынок от неестественно низкого уровня безработицы в точке *B* к естественному уровню безработицы в точке *C*. Подчеркивая временный характер таких изменений занятости и объемов выпуска, Фридман еще раз подтвердил положение количественной теории, в соответствии с которым реальные переменные в долгосрочном периоде не зависят от номинального количества денег. Джон Гэрли удачно сформулировал общую позицию Фридмана в виде афоризма «Деньги — это завеса. Но когда завеса колыхается, реальное производство задыхается»⁴⁶.

«Маршаллианец» Фридман *versus* «вальрасианец» Лукас

Фридман в своем подходе к денежной теории следовал Маршаллу, а не Вальрасу⁴⁷. Иными словами, он не построил свое объяснение цикличности на рынке труда в явную конструкцию общего равновесия, в рамках которой оптимизация и равновесие всегда пробивают себе дорогу. Это сделал Роберт Э. Лукас-мл. в серии известных статей 70-х годов. Получив докторскую степень в Чикагском университете в 1964 году, Лукас пришел в этот университет в качестве преподавателя в 1974 году, всего за три года до того, как его покинул Фридман, и в этом смысле стал его преемником в качестве ведущего специалиста по денежной теории на факультете. Лукас разработал математически более строгое доказательство монетаристского тезиса о том, что денежная политика, будучи нейтральной в долгосрочном периоде, в краткосрочном плане может оказывать деструктивное воздействие. Когда в 1998 году интервьюеры Брайан Сноудон и Говард Р. Вейн задали Лукасу вопрос: «Чем вас не устраивал методологический подход Фридмана?» — он ответил: «Мне нравится математика и теория общего равновесия. Фридману они не нравились. По-моему, он упустил свой шанс (*смах*)»⁴⁸.

Наследие монетаризма

«Новая классическая» макроэкономическая теория, разрабатывавшаяся в 70-х и 80-х годах XX века Лукасом и другими, начиналась как сильная форма монетаризма. Ради математической строгости она отбросила то, что ее авторы считали пустой болтовней о рынках, находящихся не в равновесии, и о ситуативном «трении» при установлении цен и ставок заработной платы. Модели общего равновесия оказались трудно совместимыми с идеей о том, что шоки со стороны предложения денег способны порождать экономические циклы. В конце концов, если экономика работает без трения, а ожидания рациональны, то что мешает людям, заметив изменения в величине денежной массы, немедленно скорректировать соответствующим

образом цены и тем самым нейтрализовать всякие реальные последствия номинальных изменений? В эмпирическом отношении попытки количественно оценить значение монетарных шоков с помощью моделей новой классической теории дали, по словам Лукаса, следующий результат: «Невозможно приписать влиянию монетарных шоков больше четверти вариативности реальных переменных в послевоенный период. По крайней мере, никто не нашел способ это сделать»⁴⁹. Исследовательская программа новых классиков в сочетании с этим негативным эмпирическим результатом породила идею, что колебания вокруг долгосрочного тренда экономического роста (термин «циклы» к ним уже нельзя применять) должны в основном представлять собой реакцию на реальные, а не денежные шоки. Ведущую роль в разработке «теории реального делового цикла» сыграли Финн Кюдланд и Эдвард К. Прескотт, чьи совместные исследования были отмечены Нобелевской премией в 2004 году.

А что же стало с монетаризмом старой школы? В то время как аналитические положения монетаризма, такие как гипотеза о естественном уровне безработицы и объяснение инфляции на основе количественной теории денег сегодня признаются большинством экономистов, их политические рекомендации в виде «правила k процентов» в основном отвергнуты в пользу предложений о таргетировании уровня инфляции. Аналитические дискуссии сместились в сторону споров между новыми классиками и новыми кейнсианцами. И уж совсем парадоксально то, что по некоторым вопросам монетаристы старой школы оказались по одну сторону баррикад с новыми кейнсианцами⁵⁰. В частности, новые кейнсианцы в большей степени, чем новые классики, готовы согласиться с тем, что (1) циклические бумы и спады представляют собой неравновесные отклонения от долгосрочного тренда экономического роста, а не изменения самого этого тренда; (2) отклонения от макроэкономического равновесия не исчезают мгновенно, так как корректировочные лаги и трение имеют значение; (3) денежная политика способна ослабить или усилить циклические колебания. В то же время новые классики разделяют точку зрения монетаристов старой школы, что анализ макроэкономической политики, чтобы быть полезным, должен сосредоточиваться на свойствах альтернативных правил или режимов формирования политики, а не на том, как реагировать на самые последние флуктуации⁵¹.

Разрастание государства: общественные блага и общественный выбор

В 1959 году Рональд Коуз пришел в дом Аарона Дайратора в Чикаго на весьма необычный званый ужин. И хозяин, и прочие гости представляли собой самые сливки сообщества экономистов Чикагского университета — там были и Милтон Фридман, и Джордж Стиглер, и Арнольд Харбергер, и Джон Макги, и еще пятнадцать ученых. Коуз, деликатный британец, работавший профессором экономики в Виргинском университете, приехал в Чикаго, чтобы выступить в университете с докладом. В своей статье о регулировании радиовещания Федеральной комиссией по связи, которую незадолго до этого опубликовал *Journal of Law and Economics*, Коуз привел аргумент, который «чикагцы» сочли интересным, но ошибочным. Ужин был организован для того, чтобы дать Коузу возможность, о которой он сам попросил, убедить скептиков в правильности своего довода.

В опубликованной статье Коуз утверждал, что в конкурентной рыночной экономике акторы могут добиться эффективной аллокации ресурсов даже тогда, когда осуществляемые по соседству друг с другом виды деятельности вступают в конфликт — то есть, говоря на современном жаргоне, «интернализировать негативные экстерналии» с помощью взаимно согласованных побочных платежей. Например, если врачу мешает принимать пациентов шум с соседней кондитерской фабрики, то он и хозяин фабрики могут договориться об эффективном согласовании своих графиков работы. При этом рынок не только может достичь *некоторой* эффективной аллокации ресурсов, но достигнет *одной и той же аллокации* независимо от того, каким образом закон первоначально наделяет правами участников спора (например, встает ли он на сторону врача или кондитера) или, наоборот, на какую из сторон возлагает ответственность за убытки, причиненные конфликтом, — в предположении, что трансакционные издержки пренебрежимо малы и все участники стремятся к максимизации прибыли. Стиглер назвал это утверждение «теоремой Коуза». В случае потенциального создания взаимных помех радиовещательными фирмами — это было главной темой статьи Коуза, опубликованной в 1959 году, — система торгуемых прав частной собственности на различные радиочастоты позволит конкурирующим вещателям избежать наложения волн одинаковой длины и достичь эффективного сочетания форматов станций (новости, беседы,

различные виды музыки). Не требуется никакого централизованного распределения лицензий.

Будучи редактором *Journal of Law and Economics*, Дайректор предложил Коузу убрать из статьи «теорему Коуза», но тот стоял на своем, и Дайректор в конце концов согласился на ее публикацию в первоначальном виде. Одним словом, все необходимые предпосылки для дискуссии после застолья были в наличии. Джордж Стиглер вспоминал об этом вечере:

Мы резко возражали против этой «ереси». Больше всех говорил, как обычно, Милтон Фридман. Он же, опять-таки как обычно, выполнял основную часть мыслительной работы. После двухчасового спора соотношение голосов изменилось с двадцати против Коуза и одного за него на двадцать один за Коуза. Какая потрясающая дискуссия! Потом я очень сожалел, что нам не хватило проникательности записать ее на пленку¹.

Воспоминания самого Коуза об этом вечере, которыми он поделился в интервью в 1997 году, совпадают с версией Стиглера, хотя в восприятии человека, которому приходилось отстаивать свою позицию, время, очевидно, шло быстрее. Ему показалось, что дискуссия продолжалась час, а не два:

Я сказал, что хочу получить возможность обсудить, в чем моя ошибка. Аарон Дайректор устроил встречу у себя дома. Там были сам Дайректор, Милтон Фридман, Джордж Стиглер, Арнольд Харбергер, Джон Макги — все чикагские «звезды», и они пришли, чтобы наставить меня на путь истинный. Они хорошо ко мне относились, но считали, что я неправ. Я изложил свою точку зрения, а затем они стали задавать мне бесконечные вопросы. Большинство вопросов задавал Милтон, но и остальные участвовали. <...>

Для меня это было изнурительно. Не знаю, приходилось ли вам беседовать с Милтоном Фридманом, но спорить с ним нелегко. Он очень умен. Он человек абсолютно справедливый, но ни одного промаха вам не простит. Он постоянно на вас давит. Но когда все это закончилось — не знаю сколько времени прошло, может час, — я понял, что устоял, а значит, победил. Если даже Милтон не отправил вас в нокаут за несколько раундов, значит, у вас все в порядке².

Дискуссия за ужином стала катализатором написания статьи на соответствующую тему — главным образом именно за нее Коуз в 1991 году получил Нобелевскую премию по экономике. После того как Коуз одолел своих критиков в споре на званом ужине, его попросили более детально изложить свою аргументацию в письменной форме. Результатом стала статья «Проблема социальных издержек». Как справедливо отмечает Коуз в своей автобиографии, написанной для Нобелевского комитета, за ней «сразу же последовал большой успех. Она вызвала и продолжает вызывать много дискуссий. Более того, вероятно, она является самой цитируемой статьей во всей современной экономической литературе»³.

Разрастание государства в послевоенный период

В США после демилитаризации по окончании Второй мировой войны федеральный бюджет составлял около 14% национального продукта. За следующие шестьдесят лет эта цифра увеличилась наполовину — примерно до 22%. В 2009 году, в основном из-за сокращения ВВП в результате рецессии 2007–2009 годов, доля бюджета федерального правительства составила 24,7% (показатель предыдущего года — 20,7%). В течение последующих двух лет медленного оживления она оставалась на уровне, близком к 24%. За тот же шестидесятилетний период доля ВВП, приходящаяся в США на бюджеты штатов и местные бюджеты, выросла в два с лишним раза — с примерно 4 до 9%. Просуммировав федеральный бюджет, бюджеты штатов и местные бюджеты, мы увидим, что доля консолидированных государственных расходов в ВВП США по сравнению с первыми послевоенными годами существенно увеличилась: примерно с 18 до 31%⁴. В Великобритании государство после войны контролировало 39,3% и более, а в последнее время — 44,1% ВВП⁵.

Признание факта этого роста не означает, что мы изначально исходим из того, что государство чрезмерно разрослось, или имеет идеальный размер, или по-прежнему слишком мало. Мнения экономистов по этому вопросу расходятся. Джон Кеннет Гэлбрейт в «Обществе изобилия» (1958) утверждал, что государство в США, учитывая уровень доходов частных лиц и урбанизацию, слишком мало: при «изобилии частных благ» страна и ее города «погрязли в бедности, если говорить об общественных услугах». Стоит отметить, что как раз в то время, когда Гэлбрейт писал эти строки (с 1950 по 1957 год), отношение государственных расходов на уровне штатов и муниципалитетов (без учета трансфертов, то есть прямого бюджетного перераспределения доходов) к частным расходам (ВВП минус государственные расходы) выросло на 26%. Эти суждения сохранились и в переработанном юбилейном издании книги (вышедшем к сорокалетию ее первого выхода в свет), хотя с 1957 по 1997 год отношение расходов государства к частным расходам выросло еще на 30%. Те же данные можно представить и по-другому: реальные (то есть с поправкой на инфляцию) государственные расходы штатов и муниципалитетов с 1950 по 2009 год увеличились в 9,7 раза, а частные расходы — в 5,2 раза⁶.

Впрочем, размер бюджета не дает полной картины расширения масштабов государства. Государственное регулирование воздействует на аллокацию экономических ресурсов и требует расходов частных фирм на выполнение соответствующих норм, и эти расходы не отражаются в государственном бюджете. Косвенным измерителем масштабов регулирования, осуществляемого федеральными властями США, является объем «Федерального реестра» (Federal Register) — официального журнала, в котором публикуются принятые и предлагаемые к принятию подзаконные акты федеральных ведомств. Первый «Федеральный реестр», опубликованный в 1936 году при Франклине Рузвельте, имел объем 2060 страниц, а «Федеральный реестр» за 2010 год включает в себя более чем 80 тыс. страниц.

В послевоенный период разрабатывались две основные экономические теории государственного сектора, ставящие перед собой двойную задачу объяснения реального и нахождения оптимального размера государства, — это теория *общественных благ* (public goods) и теория *общественного выбора* (public choice). После краткого представления мы подробно расскажем о них ниже.

Теория общественных благ, первопроходцем которой был Пол Самуэльсон, рассматривает государство как добросовестного исполнителя, нанятого гражданами для предоставления тех желаемых ими благ и услуг, которые в силу своих особенностей не могут быть произведены рыночной экономикой в достаточном количестве. Налогоплательщики ограничивают сферу деятельности государства теми функциями, которые они готовы оплачивать. Государство разрастается, когда у общества возникает спрос на более широкую сферу его активности. Экономисты, пытающиеся объяснить разрастание государства изменением спроса налогоплательщиков, обычно полагают, что спрос на общественные блага увеличивается не пропорционально реальным доходам, а в растущей пропорции, и именно поэтому государство растет быстрее, чем частный сектор экономики⁷.

Теория общественного выбора, основателями которой были Джеймс М. Бьюкенен и Гордон Таллок, исходит из того, что от государственных программ люди часто не только выигрывают, но и проигрывают, то есть существуют налогоплательщики, для которых налоговое бремя превышает получаемую ими выгоду. (Милтон Фридман называл выигрывающих от такой активности государства «железным треугольником», сторонами которого являются группы интересов, бюрократы и выборные должностные лица⁸.) Представим себе, к примеру, что из-за квоты на импорт автомобилей средняя цена машины увеличивается на две сотни долларов. Повышение цены ложится бременем на потребителей, но выгодно местным автопроизводителям. Совокупная величина ущерба, который несут потребители, превышает выгоду, получаемую автопроизводителями (потенциальные покупатели машин, которые вынуждены отказаться от этой идеи из-за более высоких цен, несут ущерб, но производители не получают от этого выгоды в виде дополнительных доходов), но тем не менее проигравшие не способны заблокировать это политическое решение, потому что выигравшие более влиятельны. С этой точки зрения размеры государства определяются борьбой между налогоплательщиками и группами, получающими привилегии от государства. Последнее разрастается, потому что его бенефициары находят способы переиграть налогоплательщиков с их интересами.

Конечно, вопрос о надлежащих размерах государства уже не первое столетие занимает политических теоретиков. Профессора политологии и философии часто предлагают студентам написать доклад, в котором сравнивались бы точки зрения Томаса Гоббса и Джона Локка, Александра Гамильтона и Томаса Джефферсона, Джона Ролза и Роберта Нозика. Для экономиста же естественно начинать с Адама Смита.

Какую роль должно играть государство в экономике?

В «Богатстве народов» (книга V, глава 1) Адам Смит оставлял за государством три функции: оборону страны, отправление правосудия и общественные работы. Последняя функция по существу совпадает с производством общественных благ, определяемых так, как это принято в современной экономической науке. Смит писал:

Третьей и последней обязанностью государя или государства является основание и содержание таких общественных учреждений и таких общественных работ, которые, будучи, может быть, в самой высокой степени полезными для обширного общества в целом, не могут, однако, своей прибылью возместить расходы отдельного человека или небольшой группы людей; поэтому нельзя ожидать, чтобы частное лицо или небольшая группа частных лиц основывали и содержали их⁹.

Лежащий в основании этой формулировки принцип состоит в том, что государству следует вступать в игру (если этого не сделали частные предприниматели) для финансирования производства всякого блага, затраты на которое меньше, чем его ценность для общества. Если общественная ценность блага есть сумма всего того, что все пользователи готовы заплатить за пользование им, то почему частные предприниматели не желают производить имеющее такую ценность благо, чтобы получить от этого прибыль? Должен существовать какой-то барьер, мешающий им в реальности взимать за него суммы, близкие к тем, которые пользователи готовы платить. Если сформулировать проблему таким образом, то напрашивается вопрос: каким таким свойством должно обладать благо или услуга, чтобы для предпринимателей было невозможным взимание достаточной платы за него с пользователей по их доброй воле? Адам Смит не исследовал этот аспект проблемы, но представил очевидные, по его мнению, примеры таких благ: дороги, гавани, мосты, каналы, почта. У этого списка есть одна интересная особенность: ни одно из указанных благ, по-видимому, не соответствует принципу, лежащему в основании данного подхода. Все пять перечисленных благ можно успешно предоставлять пользователям на платной основе. В частности, операторы, занимающиеся эксплуатацией дорог, каналов и мостов, — будь то частные или государственные — взимают плату за проезд по ним. Владельцы гаваней берут плату за стоянку кораблей. Почтовые отделения доставляют письма и посылки за деньги.

Смит также считал необходимыми некоторые формы государственного регулирования, например строительный кодекс, предписывающий сооружать брандмауэры между соседними зданиями, чтобы помешать распространению пожаров. Поддерживал он и ограничения, которые, по его мнению, должны были играть аналогичную роль в банковском секторе, предотвращая эффекты перетекания.

Анализ вопроса о надлежащей роли государства в рамках неоклассической экономической теории можно считать дальнейшим развитием критерия, примененного Смитом для случая общественных работ. Отказываются ли частные предприниматели предоставлять определенное благо, даже если (предположим) суммарная готовность бенефициаров заплатить за него превышает затраты? Если это так, то рынок не позволяет реализовать все потенциальные выгоды от производства и обмена. Результат, который дает рынок, неэффективен. Какие-то возможности остаются неиспользованными. Если производство блага можно профинансировать за счет точно выверенных налогов так, чтобы ни одному гражданину не пришлось платить в виде налога большую сумму, чем соответствует его внутренней готовности платить за это благо, то финансируемое из налогов производство блага может принести чистую выгоду каждому налогоплательщику-пользователю. Рядовой налогоплательщик Джонс, по его собственной оценке, получает от этого блага больше выгоды, чем выплатит в виде налога. Конечно, он предпочел бы получить благо вообще не платя налог, но в соответствии с его предпочтениями все же лучше, если все платят этот налог ради предоставления блага, чем если никто налогом не облагается, но и благо не предоставляется.

Используемая здесь в качестве нормативного эталона ситуация, в которой реализуются все выгоды от добровольного обмена, получила название «Парето-эффективности» или «Парето-оптимальности» — по имени итальянского экономиста Вильфредо Парето. Если частные транзакции не могут обеспечить Парето-эффективность при предоставлении блага или услуги, то говорят, что имеет место «провал рынка» (*market failure*). Ключевое утверждение теории общественных благ состоит в том, что в ряде важных случаев, а именно когда речь идет об общественных благах, государство в принципе способно приблизить ситуацию к Парето-эффективности (его действия могут быть *Парето-улучшающими*). Для государства существует роль, с которой согласится *каждый из нас*, в том числе налогоплательщики, которые будут ее финансировать. Для каждого человека выгода равна издержкам или превышает их, поэтому если кому-то в результате и не становится лучше, то никому уж точно не становится хуже — именно с его собственной точки зрения. Согласно этой теории, если дело доходит до предоставления общественных благ, то, по выражению философа и экономиста Дэвида Шмидца, «все мы *хотим*, чтобы государство заставило каждого из нас вносить свой вклад и тем самым сделало нас богаче»¹⁰.

Эта краткая схема аргументации теории общественных благ поднимает ряд вопросов, на которых мы подробнее остановимся ниже. Но одно серьезное возражение возникает сразу при взгляде на эти доводы с позиций теории общественного выбора: различие существует не только между идеальным и реальным рынком, но и между идеальным и реальным государством. Наличие *потенциального* Парето-улучшения, которого можно достичь с помощью государства, не гарантирует, что оно *будет реализовано*, когда

государство предпримет соответствующие действия на практике. Мы не должны вести себя подобно пресловутому судье на музыкальном конкурсе, который, услышав небезупречное исполнение песни первым конкурсантом, присваивает приз второму, даже не прослушивая его. «Провал государства» может привести к еще худшим последствиям, чем «провал рынка».

Вильфредо Парето

Вильфредо Парето родился в 1848 году. Он изучал математику и инженерное дело в Турине, затем руководил железной дорогой и сталелитейным заводом. Экономическая наука привлекла внимание Парето, когда ему было за сорок — уже после того, как он стал автором памфлетов, в которых страстно отстаивал классический либерализм. Он подружился с другим либералом, итальянским экономистом Маффео Панталеони, и тот познакомил его с экономической теорией. Имея математическое образование, Парето стал сторонником математической теории общего равновесия Леоны Вальраса. Он быстро обучался и, несмотря на отсутствие формального академического статуса, вскоре начал публиковать профессиональные статьи в ведущем итальянском экономическом журнале. По рекомендации Панталеони Вальрас в 1893 году, ко всеобщему удивлению, избрал Парето своим преемником на кафедре экономики Лозаннского университета.

Две выдающиеся работы Парето по экономике — это трехтомник «Курс политической экономии» (1896–1897), по сути дела представляющий собой конспекты его лекций в Лозаннском университете, и «Руководство по политической экономии» (1906). Во второй работе давалось наиболее систематическое на тот момент изложение неоклассической теории цен, построенное вокруг понятий индивидуальной оптимизации и рыночного равновесия. Посредством производства и рыночного обмена индивид максимизирует «удовлетворенность», или «офелимость» (*orphelimity*) (получает наиболее предпочтительную для себя комбинацию благ), с учетом того, какой набор благ у него имелся первоначально. Термином *офелимость* Парето обозначал порядковый (ординальный) показатель, отражающий шкалу предпочтений индивида и обычно называемый «полезностью». Вводя новый термин, Парето стремился избежать путаницы между понятием полезности, применяемым в *теории выбора* в рамках экономической науки, и *гедонической* полезностью, определяемой как «удовольствие за вычетом страдания», о которой шла речь в утилитаризме Иеремии Бентама.

При идеальном рыночном равновесии реализуются все потенциальные выгоды от обмена, а значит, реализуется полная эффективность в использовании ресурсов. То, что мы называем «Парето-оптимальностью», он сам характеризовал как состояние максимальной офелимости:

Мы скажем, что члены коллектива достигают в некотором состоянии максимальной офелимости, если... любое, сколь угодно малое, отклонение от этого

состояния неизбежно приводит к увеличению офелимости для одних индивидов и ее уменьшению для других, что устраивает одних, но не устраивает других.

Если этот оптимум не достигнут, то остаются возможности обмена по взаимному согласию, в результате реализации которых некоторые участники обмена могут выиграть без того, чтобы кто-либо другой проиграл.

Еще при жизни Парето (он умер в 1923 году) его идеи оказали серьезное влияние на теорию полезности американского экономиста Ирвинга Фишера. Однако его посмертное влияние оказалось намного большим после того, как Лайонел Роббинс в книге «Природа и значение экономической науки» (1932) наконец убедил экономистов, что ординальная (порядковая) полезность, описывающая предпочтения в современной теории цен, — она же офелимость в терминах Парето — совершенно отлична от кардинальной (числовой) полезности бентамовского утилитаризма (величины испытываемого удовольствия). Джон Хикс (лауреат Нобелевской премии по экономике 1972 года) и другие молодые теоретики, в том числе Оскар Ланге, Абба Лернер и Пол Самуэльсон (нобелевский лауреат 1970 года), вновь открыли для себя и развили теорию цен Парето и, используя его понятие оптимальности в качестве эталона, создали «новую экономическую теорию благосостояния». В частности, Самуэльсон разработал теорию провалов рынка для того, чтобы достичь Парето-оптимальности в случае общественных благ.

Теория общественных благ

Самуэльсон считал теорию общественных благ ключом к формулированию «теории оптимальных общественных расходов», поскольку она «вводит в явном виде важнейшие внешние взаимозависимости, без которых не может обойтись ни одна теория государства». В своих новаторских статьях «Чистая теория общественных расходов» (1954) и «Графическое представление теории общественных расходов» (1955) Самуэльсон определил общественные блага, или «коллективные потребительские блага», как блага, характеризующиеся несоперничеством в потреблении, то есть такие, «которые все пользуются сообща, в том смысле, что потребление каждым индивидом такого блага не приводит к уменьшению потребления этого блага каким-либо другим индивидом»¹¹.

Стандартный пример блага, для которого характерно несоперничество в потреблении, — это чистая информация, например полезная теорема или рецепт. Если я пользуюсь теоремой Пифагора или рецептом шоколадного кекса, это никак не сокращает возможности для их использования другими. (Напротив, я не могу съесть шоколадный кекс и одновременно отдать его другому. Кекс — это пример блага, характеризующегося *соперничеством* в потреблении.) Несоперничество свойственно и радиотрансляции: если я слушаю передачу, это не уменьшает количество радиосигнала, доступное

другим. Поскольку радиовещание в Северной Америке и в Европе носит в основном коммерческий характер, этот пример показывает, что блага с несоперничеством в потреблении могут по крайней мере в некоторых случаях предоставляться частными предпринимателями — в данном случае путем объединения радиовещания с рекламой. «Общественный» характер блага в смысле экономической теории не зависит от того, предоставляют ли его в данный момент государственные органы.

Вторая важная характеристика, обычно ассоциируемая с общественными благами, — это *неисключаемость из потребления*: если такое благо предоставляется кому-либо, то невыгодно предотвращать его потребление теми, кто за него не платит. К примеру, экономически неоправданно (а в настоящее время и технически невозможно) восстанавливать озоновый слой только над теми домами, владельцы которых платят за это, а над остальными оставлять «озоновые дыры». В системе противоракетной обороны тоже невозможно оставлять «окна», через которые ракеты будут поражать объекты недвижимости, принадлежащие только тем, кто за нее не заплатил.

Блага, обладающие свойством несоперничества, как правило, одновременно обладают и неисключаемостью. Например, очень трудно без больших затрат выявить и заставить платить обычного пользователя эфирного радио- или телевидения, поскольку он находится у себя дома за закрытыми дверями и ничего не забирает у других. Но дешевое обнаружение — это технический вопрос, и даже в случае с эфирным радиовещанием оно, в принципе, возможно. Для финансирования вещания ВВС британское правительство облагает ежегодным налогом всех, кто пользуется телевизором, и обеспечивает принуждение к его уплате с помощью патрульных фургонов, оборудованных мощными антеннами, которые, предположительно, способны обнаруживать электромагнитное излучение от телевизора, который работает в закрытом помещении¹³. Конечно, это нельзя назвать настоящей платой за пользование, поскольку вносить ее должны все владельцы телевизоров независимо от того, сколько часов в день они смотрят ВВС и смотрят ли вообще.

Несмотря на наличие бесплатного государственного радио- и телевидения в Великобритании и других странах, частные предприниматели финансируют коммерческое эфирное вещание, объединяя его с рекламой, и разрабатывают новые технологии, позволяющие предоставлять радио- и телеведательные услуги без рекламы (и с тем содержанием, которое предпочитают многие зрители) за счет взимания платы с пользователей и исключения тех, кто не платит. Если абонент кабельного телевидения перестанет за него платить, его кабельное соединение отключат. Абонент спутникового телевидения в аналогичном случае перестанет получать обновления кодов доступа, с помощью которых декодируется сигнал. Таким образом, кабельным и спутниковым телекомпаниям, а также спутниковым радиокомпаниям удастся эффективно отсекать неплательщиков, хотя и для них обнаружение и пресечение пиратского доступа к своим сигналам остается предметом постоянной заботы.

В целом возможность исключения потенциальных «безбилетников» с меньшими затратами с помощью новых технологий учета подрывает аргументы в пользу налогового финансирования общественных благ, апеллирующие к идее провалов рынка и ссылающиеся на устаревшие технологии. Фред Э. Фолдвари и Дэниел Б. Клейн пишут по этому поводу:

Большая часть аргументов по поводу провалов рынка сводится к утверждениям, что механизмы «невидимой руки» блокируются теми или иными транзакционными издержками. Если с помощью новых технологий эти издержки сокращаются — за счет того, что облегчается взимание платы с пользователей, определение и энформент прав собственности, уход с рынка и использование заменителей, сбор информации, гарантирование качества и безопасности, доступ на рынок и конкуренция — то «невидимая рука» действует более эффективно¹³.

Фолдвари и Клейн издали сборник статей, в которых показывается, как новые технологии учета позволяют шире использовать пользовательскую плату и принципы частной собственности в сферах, которые традиционно финансировались за счет налогов и регулировались государством, таких как морское рыболовство, маяки, автодороги, парковки на обочинах и обеспечение чистоты воздуха.

Некоторые экономисты проводят различие между «чистыми общественными благами» — благами, обладающими свойством несоперничества в потреблении, для которых одновременно не существует эффективных по затратам методов исключения неплательщиков, — и «клубными благами», которым тоже свойственно несоперничество в потреблении, но в отношении которых исключение практически целесообразно, вроде спутникового телевидения или загородных клубов без доступа посторонних. В этом случае у нас появляется матрица типов благ размером 2×2 .

Типы благ	Исключаемость	Неисключаемость
Соперничество в потреблении	<i>Частные блага</i> Рыбный полуфабрикат	<i>Ресурсы общего пользования</i> Рыба в океане
Несоперничество в потреблении	<i>Клубные блага</i> Передача о рыбалке по спутниковому телевидению	<i>Общественные блага</i> Передача о рыбалке по эфирному телевидению

Проблема «безбилетника», ценообразование и провалы рынка

Если благо предоставляется всем без исключения, то тот, кто его производит, может попросить о пожертвованиях. Американские радиостанции, существующие при поддержке слушателей, хорошо известны частыми

кампаниями по сбору средств. С эгоистической точки зрения лучший для любого слушателя образ действий — «проехаться без билета», то есть не вносить пожертвования. Но если *все* будут такими «безбилетниками», то некому будет покрывать издержки производства. В предельном случае, пишут в своем учебнике Пол Самуэльсон и Уильям Нордхаус, «производство [таких благ] частным образом в необходимых количествах невозможно, так как выгоды настолько широко распределяются среди населения, что ни у одного предприятия или потребителя не будет возможности для организации производства этого блага и возмещения своих затрат». Уже в следующем абзаце они дают политическую рекомендацию: «Производство общественных благ в необходимых количествах усилиями частных предпринимателей обычно невозможно, поэтому правительство должно содействовать увеличению их выпуска». Ричард Масгрейв выражается еще более откровенно: «Государство должно вмешаться, и требуется принуждение»¹⁴.

Если благо со свойством несоперничества в потреблении обладает исключаемостью («клубное благо»), то его можно не предоставлять неплательщикам, что позволяет производителю побуждать тех, кому оно нужно, платить за него и тем самым финансировать его предоставление. Но любая положительная (ненулевая) цена в этом случае, утверждал Самуэльсон, означает, что потребляется *слишком мало* этого блага. Если предельные социальные издержки от добавления еще одного бенефициара равны нулю ввиду несоперничества в потреблении этого блага, то положительная цена блокирует потенциальную чистую выгоду для общества. Выгода, получаемая дополнительным пользователем, может быть реализована даром. К примеру, на территории, уже охваченной орбитальным ретранслятором, дополнительные получатели сигнала (если они сами платят за свои приемники) не накладывают никакого бремени ни на провайдера, ни на других пользователей. Если же спутниковый радиосигнал доступен только за установленную помесечную абонентскую плату, то чистые социальные выгоды остаются нереализованными: существуют потенциальные слушатели спутникового радиовещания, готовые заплатить какую-то сумму (то есть их потенциальная выгода превосходит нулевые издержки провайдера на то, чтобы позволить им слушать передачи), но их исключают, так как они не готовы платить абонентскую плату, которая представляется им слишком высокой. В таком случае, согласно критериям Самуэльсона, рынок не способен реализовать все потенциальные выгоды от обмена. Благо не предоставляется или предоставляется в недостаточном количестве, хотя потенциальные пользователи (при гипотетическом исключении неплательщиков) *будут готовы* покрыть издержки на его предоставление им.

Критики аргументации Самуэльсона указывали, что мотивированная прибылью частная фирма, предоставляющая услуги спутникового или кабельного телевидения и радио за абонентскую плату, естественно, *захочет избежать* подобного недостаточного охвата. Она с удовольствием увеличила бы свою выручку без дополнительных производственных издержек

и тем самым получила больше прибыли, если бы могла это сделать, привлекая дополнительных абонентов, готовых заплатить некоторую ненулевую сумму, хотя бы и меньшую, чем установленный абонентский тариф. Если такой метод окажется экономически оправданным, то фирма будет брать оплату с каждого клиента на индивидуальной основе по тарифу, соответствующему максимальной сумме, которую тот готов заплатить. Тем самым она приблизится к охвату аудитории, оптимальному по Самуэльсону. В общем случае, если частные фирмы могут без чрезмерных затрат взимать таким образом множественные цены за свои услуги, то рынок будет эффективно предоставлять общественные блага¹⁵.

Но если такая система будет для фирмы экономически неоправданной, если ей придется снижать тариф для *всех* абонентов из-за того, что затраты на идентификацию тех, кто готов платить полную сумму, окажутся слишком велики, то она столкнется с проблемой «выявления спроса». Критики указывали, что с аналогичной проблемой сталкивается и государство при калибровке налогов в соответствии с готовностью каждого индивида платить за услугу, а это необходимо делать, если оно надеется избежать ухудшения положения части налогоплательщиков¹⁶.

Общественные блага и внешние выгоды

В своей теории общественных благ Самуэльсон развил логические следствия из проблемы *экстерналий*, в свое время выявленной еще Генри Сиджвиком и Альфредом Маршаллом и более тщательно разработанной Артуром С. Пигу. Согласно определению Пигу, благо предоставляет *внешние выгоды*, или позитивные экстерналии, когда его потребление одним человеком приносит выгоду другим, которые не обязаны за это платить. Общественное благо — это крайний вариант блага, не имеющего первоначального бенефициара, то есть такого, у которого есть лишь внешние бенефициары. В общем случае некое положительное количество благ с экстерналиями может быть произведено частными лицами, но отсутствие компенсации провайдерам за внешние выгоды, которые они предоставляют, приводит к провалу рынка, а именно к его неспособности предоставить благо в *достаточном* количестве. Возьмем немного легкомысленный пример: раритетный автомобиль-кабриолет в прекрасном состоянии вызывает радостные улыбки у прохожих и водителей. Возможно, эти внешние бенефициары захотели бы заплатить за то, чтобы эта машина проехала по дороге еще одну милю, сумму, превышающую предельные издержки ее проезда по этому отрезку дороги. Но если они не бросают купюры и чеки на заднее сиденье автомобиля (монеты тут не подойдут — они могут попортить тщательно восстановленную краску и обивку), у владельца кабриолета не будет стимула нести соответствующие затраты, и выгоды в виде любования зрелищем красивой машины в движении будут обеспечены в недостаточном количестве¹⁷.

Артур Сесил Пигу (1877–1959) учился в Кембриджском университете у Альфреда Маршалла, сменил его во главе кафедры политической экономики в 1908 году и занимал этот пост в течение 35 лет. В книгах «Богатство и благосостояние» (1912) и «Экономическая теория благосостояния» (1920*) он подчеркивал разницу между частной выгодой, внешними и общественными выгодами (последние равны сумме частных и внешних выгод). Отрицательную выгоду, или ущерб (например, загрязнение окружающей среды), он назвал издержками и таким образом ввел параллельное различие между частными и социальными издержками. (Таким образом, Коуз в заголовке своей статьи «Проблема социальных издержек» использовал терминологию Пигу.) Пигу учил, что при наличии экстерналий рынок не может достичь эффективности и государство в принципе может скорректировать провалы рынка, или «интернализировать экстерналии», с помощью правильно подобранных налогов (чтобы препятствовать излишнему производству товаров с внешними издержками) и субсидий (чтобы способствовать увеличению производства товаров с внешними выгодами). Налоги, корректирующие негативные экстерналии, сегодня обычно называют «пигувианскими налогами». Известный автор учебников по экономике Грегори Мэнкью в своем блоге награждает членством в «клубе Пигу» выдающихся защитников таких налогов, в частности налога на выбросы углекислого газа.

В книге «Богатство и благосостояние» Пигу приводит в качестве примера позитивной экстерналии рост отдачи при увеличении масштабов производства в отрасли (когда каждая фирма, наращивающая выпуск продукции, способствует снижению средних издержек всех фирм отрасли). Аналогичным образом падение отдачи (когда каждая фирма, наращивающая выпуск продукции, способствует *повышению* средних издержек для всех фирм в отрасли) он рассматривал как пример негативной экстерналии. Соответственно, он предлагал облагать налогом отрасли с падающей отдачей и субсидировать отрасли с растущей отдачей, чтобы добиваться эффективного уровня выпуска продукции. Естественно, реализация такой программы означала бы существенное усиление роли государства. Экономист-социалист Дж.А. Гобсон с энтузиазмом отмечал, что тем самым Пигу отказался от идеи опоры на свободную конкуренцию за пределами немногих отраслей с постоянной отдачей при увеличении масштабов производства (где наращивание выпуска продукции той или иной фирмой никак не влияет на средние издержки других фирм)¹⁸.

Пигу не отождествлял реальное государство с идеальным. Он предупреждал, что государственное управление на практике и в теории — это не одно и то же, и делал вывод, что вопрос о том, способствуют ли действия

* Русское издание — 1985 год.

государства улучшению результата, даваемого рынком, носит эмпирический характер и должен изучаться отдельно в каждом конкретном случае¹⁹. Тем не менее обычно «в сухом остатке» из работ Пигу выносятся именно доводы в пользу того, что государство способно решать проблему экстерналий с помощью налогов и субсидий.

Другие неудачные примеры

Подобно Адаму Смигу с его каналами и мостами, последующие кабинетные ученые-экономисты тоже приводили примеры общественных благ и экстерналий, не выдерживающие эмпирической проверки. Кембриджский экономист Джеймс Мид (1907–1995, нобелевский лауреат 1977 года) для иллюстрации идеи о внешних выгодах, не обеспечиваемых рынком в достаточном количестве, привел пример с непреднамеренным опылением плодовых деревьев пчелами, которых разводят ради меда. Рынок не создает достаточных стимулов для содержания пчел, утверждал он, поскольку пчеловод не получает компенсации за побочные выгоды, которые он создает для окрестных садоводов. Таким образом, рынок не обеспечивает эффективного результата. Чтобы добиться социального оптимума, утверждал Мид, государству следует субсидировать пчеловодов. Однако Стивен Чунг в статье, опубликованной в 1973 году под названием «Басня о пчелах» (прямо отсылающим к названию поэмы Мандевилля, о которой мы говорили в главе 8), сообщил, что, согласно его исследованиям, на практике пчеловоды и садоводы регулярно договариваются о взаимном оказании услуг, доставляя на грузовиках ульи в сады. Выгоды от опыления интернализируются, и нет оснований подозревать, что в описываемом случае имеет место провал рынка²⁰.

Пол Самуэльсон в изданиях своего учебника-бестселлера «Экономика», вышедших начиная с 1961 года, вслед за Миллем и Пигу, использовавшими тот же пример, высказывает предположение, что сигнал маяка, на который ориентируются проходящие мимо корабли, представляет собой общественное благо, оказывающее услугу со свойством несоперничества в потреблении, которую невозможно финансировать, взимая плату с пользователей. В ответ на это Рональд Коуз в статье «Маяк в экономической теории», вышедшей в 1974 году, указал, что в прошлом многие маяки на деле финансировались за счет платы за пользование, взимаемой с судовладельцев начальниками портов или некоммерческими организациями. Дэвид Э. ван Зандт скорректировал аргументы Коуза, отметив, что частные маяки, о которых тот говорил, не были «чистыми» частными предприятиями, в отношении которых роль государства сводилась лишь к надзору за соблюдением контрактов. Маяки получали государственные лицензии и опирались на государственный энфорсмент сбора платы с судовладельцев, не согласившихся вносить ее на основании контракта²¹.

Со времен статей Чунга и Коуза многие другие экономисты приводили примеры того, как на протяжении истории человечества множество разнообразных благ и услуг, вопреки распространенному представлению о том, что они по своей природе являются общественными благами или что выгоды от них носят в основном внешний характер, предоставлялось частными предпринимателями. К числу таких примеров, в частности, относятся чеканка монеты, платные дороги, тушение пожаров, образование, разграничение прав собственности на землю и разрешение земельных споров²².

Рональд Коуз

29 декабря 2010 года Рональду Коузу исполнилось 100 лет. «В детстве, — рассказывал он в своем автобиографическом очерке для Нобелевского комитета, — у меня были слабые ноги, что делало необходимым (или тогда это считалось необходимым) носить на ногах ортезы. В результате меня отдали в муниципальную школу для детей с физическими недостатками». Затем он окончил обычную среднюю школу и получил высшее образование в Лондонской школе экономики (LSE), где в 1932 году стал бакалавром по специальности «коммерция». Во время учебы в LSE он прослушал лекционный курс Ф.А. Хайека, который был позднее опубликован в виде книги «Цены и производство», но намного большее влияние на него оказал семинар, который вел профессор Арнольд Плант. «Плант, — писал Коуз, — познакомил меня с „невидимой рукой“ Адама Смита. От него я узнал, каким образом система ценообразования может координировать конкурентную экономическую систему»²³.

После недолгого преподавания в Данди и Ливерпуле Коуз в 1935 году стал преподавателем LSE. Его вышедшая в 1937 году статья «Природа фирмы»*, оказавшая большое влияние на экономическую науку, основывалась на исследовании, которое он выполнил еще на последнем курсе в LSE. В 1951 году Коуз получил докторскую степень в Лондонском университете. В том же году он переехал в США, где до 1958 года преподавал в Университете Буффало, а в 1958–1964 годах — в Виргинском университете. Через несколько лет после фурора, произведенного им среди экономистов Чикагского университета за ужином у Аарона Дайратора, Коуза пригласили на работу на юридический факультет этого университета, где он стал преемником Дайратора на посту редактора *Journal of Law and Economics* и преподавал с 1964 по 1982 год. В 1991 году Коуз получил Нобелевскую премию по экономике**.

* Рус. пер.: Коуз Р. Природа фирмы // Он же. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. С. 36–57.

** Рональд Коуз умер 2 декабря 2013 года, уже после выхода английского издания настоящей книги, в возрасте 102 лет.

В статье «Федеральная комиссия по связи» (1959), положения которой он защищал на ужине в Чикаго, и в последующей более известной работе «Проблема социальных издержек» (1960), Коуз изложил новую, неожиданную точку зрения: проблема экстерналий не носит технического характера, она в первую очередь связана с правами собственности. Пигу ошибался, говорил Коуз:

В этой статье рассматриваются те действия деловых фирм, которые оказывают вредное влияние на других. Стандартный пример — фабрика, дым которой отрицательно влияет на соседей. Экономический анализ такой ситуации обычно велся в терминах несовпадения частного и социального продукта фабрики, при этом экономисты большей частью следовали подходу, который развил Пигу в «Экономической теории благосостояния». Этот анализ, похоже, приводил большинство экономистов к заключению, что было бы желательным сделать собственника фабрики ответственным за ущерб, наносимый дымом; либо обложить владельца фабрики налогом. <...> Я убежден, что предлагаемые способы действия непригодны в том смысле, что их результаты вовсе не всегда будут благоприятны, а может быть, они будут благоприятны довольно редко²⁴.

Экстерналии, утверждал Коуз, возникают там, где права собственности взаимодействующих сторон плохо определены или защищены. Там, где права собственности можно четко определить и гарантировать их соблюдение, экстерналии интернализируются в процессе сделок между собственниками. Если взять тему, которую Коуз поднимает в своей статье 1959 года, то на заре радиовещания проблема экстерналий — помех, которые создавали друг другу радиостанции, вещающие на одних и тех же или соседних частотах, — возникала из-за отсутствия прав собственности на радиочастоты:

На самом деле следовало тревожиться о том, что на эти редкие радиочастоты не было установлено никаких прав собственности. <...> Если бы прав собственности на землю не существовало, так что пользоваться земельным участком мог бы каждый, ясно, что это вызвало бы путаницу и ценовой механизм не смог бы работать в силу того, что здесь не существовало бы прав собственности, которые можно было бы приобрести. <...> Система частного предпринимательства не может функционировать должным образом, пока не будут установлены права собственности на ресурсы, и, когда это сделано, тот, кто хотел бы использовать ресурс, должен заплатить собственнику за его приобретение. Хаос исчезает, и что должно сделать государство, так это, конечно же, создавать правовую систему для установления прав собственности и разрешения споров²⁵.

В 1959 году Федеральная комиссия по связи (Federal Communications Commission, FCC) считала идею установления и продажи прав на вещательные частоты абсолютно неприемлемой. Сегодня же это стало крупным источником бюджетных поступлений в США и других странах. С 1994 года FCC провела десятки аукционов по продаже участков радиочастотного спектра, и совокупная выручка от этих операций превысила 50 миллиардов долларов. Британское правительство в 2000 году получило от продажи прав на частоты для мобильной связи третьего поколения 22,5 миллиарда фунтов стерлингов. Теоретики, разработавшие правила таких аукционов, удостоились Нобелевской премии по экономике — Уильям Викри в 1996-м, Леонид Гурвич, Эрик Маскин и Роджер Майерсон — в 2007 году.

Коузовский анализ прав собственности применим и к другим проблемам, связанным с экстерналиями, — например, к проблемам чрезмерной эксплуатации пастбищных земель, находящихся в общем пользовании (так называемая трагедия общедоступности, или трагедия общин [the tragedy of commons]), и загрязнения воды²⁶. Если река или озеро не принадлежит никому или находится в общем владении, то многочисленные пользователи относятся к водоему как к бесплатной сточной канаве для отходов. Если же водоем находится в частной собственности, то владелец имеет юридическое право прекратить сброс химических отходов в воду, объявив их деликтом, посягательством на принадлежащую ему территорию. Те, кто хочет заниматься деятельностью, сопряженной со сбросом жидких отходов в частный водоем, должны заплатить владельцу за соответствующее разрешение (или, говоря юридическим языком, приобрести *вещный сервитут* — ограниченное право пользования). Владелец продаст вещный сервитут только в том случае, если это для него экономически оправданно, то есть он будет позволять сброс сточных вод и других вредных веществ лишь до тех пор, пока это не начнет препятствовать более ценным, с точки зрения владельца, способам пользования водоемом. Вот примечательный пример такого рода сделок: Национальное Одюбоновское общество продало одной нефтяной компании тщательным образом ограниченные права на эксплуатацию газовых скважин на территории своего водно-болотного орнитологического заповедника Рейни в Луизиане²⁷.

Коуз признавал, что там, где права собственности трудно определить или защитить, существует практический предел для использования их в качестве инструмента решения проблемы экстерналий. Пример простого решения с помощью прав собственности — это когда дым от одной фабрики мешает землевладельцу, чей участок расположен с подветренной стороны, пользоваться своим имуществом и получать от него выгоду. Намного сложнее применить подход, основанный на правах собственности, в ситуации, когда выхлопы тысяч автомобилей распространяются в воздухе над тысячами земельных участков. Представьте себе, что у вас есть четко определенное право собственности, которое дает возможность с помощью суда пресекать выбросы загрязняющих агентов в воздушное пространство над вашим участком. На кого вы подадите в суд, если речь идет

об автомобильных выхлопах? На всех водителей в радиусе ста миль с условием, что ущерб должен оцениваться в соответствии с выхлопами каждого из их автомобилей? Если речь идет о смешанных выбросах в разных количествах из тысяч или миллионов источников, то проследить посягательства на собственность до каждого источника, а тем более рассчитать ущерб от каждого из них и провести переговоры о возмещении — дело крайне затратное. Коуз пишет:

Если в [конфликте] участвует большое количество людей, аргументация в пользу института частной собственности ослабляется, а в пользу общего регулирования — усиливается. Пример ситуации, требующей подобного регулирования, который обычно приводят экономисты, опять-таки вслед за Пигу — это загрязнение воздуха дымом. Разумеется, если бы существовал всего лишь один источник дыма и ущерб наносился единственному человеку, не возникло бы никаких дополнительных трудностей: ситуация ничем бы не отличалась от рассмотренного выше случая с вибрацией [пример с кондитерской фабрикой и врачом]. Однако когда ущерб наносится многим людям и существует несколько источников загрязнения, достичь удовлетворительного решения рыночным путем значительно труднее. Когда передача прав должна происходить путем рыночных сделок, осуществляемых большим количеством людей или действующих совместно организаций, то процесс переговоров может быть таким трудным и долгим, что сделает такую передачу практически невозможной. Может оказаться не столь просто даже призвать к соблюдению прав в судебном порядке. Выяснение того, кто же вызвал беспокойство, может потребовать затрат. <...> Практическое значение может иметь то, что работа рынка станет обходиться слишком дорого³⁸.

В качестве проблемы, обусловленной большим числом участников, которая возникает в отсутствие частной собственности (то есть в условиях «трагедии общедоступности»), можно рассматривать антропогенное глобальное потепление, вызываемое выбросами двуокиси углерода. Как пишет экономист Томас К. Шеллинг (нобелевский лауреат 2005 года): «Поскольку атмосферой никто не владеет, ни у кого нет достаточных стимулов, чтобы принимать во внимание изменения, которые происходят в ней из-за выбросов углекислого газа. Кроме того, эти выбросы приводят к одним и тем же последствиям независимо от того, в каком месте на земле они происходят»³⁹. Поскольку с обеих сторон участвует большое число людей, решение в духе Коуза — можем ли мы установить и обеспечить энфорсмент прав собственности так, чтобы действия других не приводили к потеплению климата у нас? — в спорах даже не рассматривается. Вместо этого споры идут о целесообразности различных государственных ограничений и пигувианских налогов, прежде всего о системе торгуемых квот на выбросы (об установлении их суммарного разрешенного объема) или налоге (установлении цены) на выбросы углекислого газа.

Независимо от того, кто устанавливает разрешенный уровень присутствия загрязняющего агента — частные собственники, продающие вещный сервитут, или государство, — задача максимизации ценности совокупного выпуска всего того, что люди ценят (включая также состояние участков и объектов окружающей среды), остается одной и той же, по крайней мере теоретически. Она заключается в уравнивании предельных социальных издержек от снижения уровня загрязнения (то есть потерь в объеме выпуска, получаемого в результате деятельности, которая наносит ущерб окружающей среде) и предельных социальных выгод.

Вернемся к простому примеру с двумя участниками — кондитерской фабрикой, которая своим шумом мешает врачу пользоваться находящимся поблизости от нее кабинетом для приема пациентов. Представим себе, что достаточная звукоизоляция кабинета обходится слишком дорого и наиболее дешевый способ ослабить воздействие шумового загрязнения — это попросту сократить время работы фабрики либо приемной врача. Оптимум достигается тогда, когда чистая выручка от производства кондитерских изделий, потерянная от сокращения рабочего дня на фабрике на один час, равна по величине чистой выручке от услуг врача, которая будет потеряна при сокращении его приемных часов на один час. Как определить сравнительную ценность этих двух видов деятельности? Если транзакционные издержки не являются запретительно высокими, ориентиром для нас могут служить рыночные сделки. Если правовая система дает врачу право принимать решение по поводу уровня шумового загрязнения, но чистая выручка от произведенной за один час кондитерской продукции больше, чем от часа приема пациентов, то для владельца фабрики прибыльным решением будет покупка у врача вещного сервитута, позволяющего предприятию генерировать шум в течение дополнительного часа, по цене, которую врач сочтет выгодной. Если владелец фабрики не покупает это право, то можно сделать вывод, что дополнительный час производства кондитерских изделий не приносит достаточного выручки, чтобы перекупить этот час у врача, который готов согласиться на сумму не меньшую, чем величина чистой выручки от дополнительного часа приема пациентов.

Если подобные сделки блокируются транзакционными издержками (в том числе в ситуациях с большим числом участников, о чем говорил Коуз) или правовая система не разрешает куплю-продажу вещных сервитутов, то очевидного способа выяснить степень готовности сторон платить не существует. Мы оказываемся посреди океана без надежного компаса. В случае изменения климата, отмечает Шеллинг, важный «аргумент заключается в том, что нашей природной среде может быть нанесен сильный ущерб. Именно в этом суть политических дебатов о парниковом эффекте, но это именно тот предмет, который никто по-настоящему не понимает. Трудно понять, как можно установить ценность того, что подвергается риску, и даже определить, что именно подвергается риску»³⁰. Например, в случае с атмосферным озоном существуют лишь косвенные методы предположительной оценки того, сколько люди готовы платить за уменьшение содержания озона на одну

единицу, такие как телефонные опросы о расходах людей на улучшение самочувствия в периоды высокой концентрации озона³¹.

Что же касается другой стороны, а именно промышленности, загрязняющей окружающую среду, то многих экономистов привлекает вариант торговли квотами на выбросы (в противоположность неторгуемым предписаниям о сокращении выбросов для каждой фирмы) как способ создания рынка, в рамках которого выбросы сокращаются предприятиями, способными сделать это с наименьшими издержками. Другие полагают, что такой же результат принесет углеродный налог (carbon tax), взимаемый с выбросов парниковых газов³². Однако ни тот, ни другой способ не решает проблему установления оптимального уровня (или оптимальной цены) выбросов, поскольку не позволяет выявить степень готовности людей платить за их сокращение.

Проблема побуждения индивидов к тому, чтобы они честно сообщали о максимальной степени своей готовности платить за благо, обладающее свойством неисключаемости, называется «проблемой выявления спроса»³³. Если у государства не существует метода решения проблемы выявления спроса, причем такого, который в принципе не может быть применен частными предпринимателями, то вывод Самуэльсона и Нордхауса о том, что «производство общественных благ в необходимых количествах усилиями частных предпринимателей обычно невозможно, поэтому правительство должно содействовать увеличению их выпуска», представляет собой заключение, логически не вытекающее из посылок. В отсутствие способа извлечения необходимой информации о готовности платить не может быть никакой уверенности, что вмешательство государства приблизит нас к экономической эффективности.

Джозеф Колт указывает, что природа общественных благ, состоящая в их свойствах несоперничества в потреблении и неисключаемости, блокирующих выявление спроса и тем самым препятствующих эффективному предоставлению этих благ рынком, в равной мере препятствует и их эффективному предоставлению государством. Если предприниматели не могут побудить пользователей сообщить, сколько те гипотетически готовы заплатить, поскольку не существует эффективного по издержкам способа исключения неплательщиков, то и у сборщиков налогов точно так же нет методов, позволяющих побудить налогоплательщиков к сообщению правдивой информации о том, сколько те готовы отдать в рамках схемы «добровольного налогообложения», в соответствии с которой с них потом будет взиматься налог. Если предоставление некоего блага частным сектором считается неэффективным из-за проблемы выявления спроса, то неэффективным следует считать и его предоставление государством. Блага и услуги, порождающие провал рынка, в силу самого этого факта будут порождать и провал государства, то есть его неспособность достичь Парето-эффективности³⁴.

Если просто заставлять людей платить независимо от их согласия, то это все равно не позволит выявить их готовность платить добровольно. Таким образом, налогообложение не помогает решить проблему выявления

спроса. Оно лишь меняет ее знак. Если рынок разрушается «безбилетничеством», то вы не можете приобрести услугу, даже если вы и достаточное количество других людей готовы заплатить за нее цену, покрывающую издержки. Если же применяется налогообложение, то вы платите за услугу, даже если она вам не нужна. Финансирование гипотетического общественного блага за счет налога, превышающего сумму, которую готов заплатить за него конкретный индивид, ухудшает положение этого индивида. Оно не дает Парето-улучшения по сравнению с результатом, которого достигает рынок.

Все сказанное не означает, что проблема выявления спроса в отсутствие реальных трансакций может служить основанием для того, чтобы вообще ничего не делать с проблемой загрязнения атмосферы или другими экстерналиями, затрагивающими большое число людей. Статус-кво не имеет никаких привилегий в качестве эталона. В силу самой логики проблемы выявления спроса мы не можем знать, является ли ничегонеделание Парето-оптимумом по критерию потенциальной готовности платить.

Поскольку в таких случаях критерий Парето не может помочь, экономисты, занимающиеся теорией благосостояния, разработали менее жесткий *критерий эффективности Калдора–Хикса*, который, в отличие от критерия Парето, не требует тщательной калибровки налогов таким образом, чтобы ничье положение не ухудшалось, а лишь дающий ответ на вопрос, обеспечивает ли конкретная программа налогообложения и государственных расходов общее превышение совокупной общественной выгоды над совокупными общественными издержками⁹⁵. Но в случае с предоставлением общественных благ — поскольку мы по-прежнему неспособны измерить готовность индивида платить, а совокупная общественная выгода должна измеряться сложением готовности всех индивидов платить — у нас все равно нет возможности проверить утверждение, что увеличение количества предоставляемого блага, финансируемое за счет налогов, приближает нас к экономической эффективности по сравнению с количеством, предоставляемым рынком.

Перераспределение доходов как общественное благо

Разрастание государства в послевоенную эпоху во многом было связано с наращиванием программ перераспределения, или трансфертов, финансируемых за счет налогов: пенсионных программ вроде американской Social Security, систем медицинского страхования, таких как Medicare и Medicaid, пособий по безработице и временных пособий для нуждающихся семей. В рамках таких программ государство напрямую передает реципиентам средства на их расходы. Поскольку оно не приобретает ресурсы и не нанимает работников для оказания общественных услуг, его перераспределительная деятельность, казалось бы, не попадает в область теории общественных благ. Однако экономист Лестер Туроу в широко цитируемой

статье утверждал, что если налогоплательщики готовы платить за изменение распределения доходов, например за их более равное распределение, то достижение предпочитаемого ими распределения доходов посредством финансируемых налогами трансфертов *следует рассматривать* как предоставление общественного блага. Он поясняет:

Распределение доходов само по себе может быть аргументом в индивидуальной функции полезности. Это возможно потому, что распределение доходов сопряжено с экстерналиями. Предотвращение преступлений и обеспечение социальной и политической стабильности может зависеть от сохранения узкого распределения доходов или распределения доходов, не имеющего нижнего хвоста. Или, к примеру, люди могут просто хотеть жить в обществе с конкретным распределением доходов и экономической власти.

Ссылаясь на определение, сформулированное Самуэльсоном в 1954 году, Туроу утверждал, что изменение распределения доходов в направлении более желательного соответствует критериям чистого общественного блага — несоперничеству в потреблении и неисключаемости. Соответственно, в данном случае имеет место и проблема «безбилетника»:

Каждый индивид в обществе сталкивается с одним и тем же распределением дохода. Никого нельзя лишить выгод, связанных с конкретным распределением дохода. Мое потребление тех или иных выгод от него не соперничает с вашим потреблением. Одним словом, распределение доходов соответствует всем критериям чистого общественного блага. Исключение невозможно, потребление носит несоперничающий характер, каждый индивид должен потреблять одно и то же количество блага. При этом возникают те же самые проблемы. Каждый индивид лично заинтересован в сокрытии своих предпочтений в отношении желательного для него распределения дохода, чтобы не платить оптимальную долю необходимых трансфертов.

Аргумент Туроу имеет чисто теоретический характер. Разумеется, чтобы гарантировать, что результатом той или иной программы финансируемого налогами перераспределения доходов станет Парето-улучшение, лица, принимающие политически решения, должны не просто *предполагать*, что налогоплательщики в целом готовы что-то заплатить за изменение в распределении («Само по себе распределение дохода не только *может быть* аргументом в индивидуальной функции полезности», — пишет Туроу [курсив мой. — Л.У.]), но и *выяснить* реальную степень готовности каждого налогоплательщика платить. Выяснению реальной степени готовности платить, признавал Туроу в конце своей статьи, препятствует проблема выявления спроса: «Можно представить себе попытки измерить индивидуальные предпочтения по поводу распределения доходов, но они сталкиваются с известными проблемами выявления предпочтений, характерными для всех общественных благ»³⁶.

Предложенная Туроу трактовка вопроса о распределении доходов иллюстрирует адаптивность аргументации, основанной на понятии общественного блага. Ее можно применить к любому изменению рыночного исхода, которое, как *предполагает* аналитик, обеспечило бы выгоды без соперничества в потреблении, за которые индивиды были бы готовы платить, если бы им не мешала проблема «безбилетника». Выгоды не обязательно должны носить материальный характер. Теория общественных благ и экстерналий исходит из посылки, что индивид потребляет общественное благо (или пользуется внешней выгодой) *пассивно*. Распределение доходов, согласно Туроу, входит в качестве аргумента в индивидуальную функцию полезности, поэтому правильное перераспределение просто-напросто одаривает индивида выгодой. Его выгода от изменения распределения доходов становится результатом всего лишь *знания* о некоем обстоятельстве, и нет необходимости, чтобы она каким-либо образом проявлялась. Отсутствие каких бы то ни было доказательств того, что люди готовы платить за изменение, с готовностью приписывается проблеме «безбилетника».

Как мы *узнаем*, что индивиды готовы платить достаточно, чтобы покрыть издержки на предоставление предполагаемого общественного блага? Если мы видим, что благо не производится, это еще не значит, что транзакционные издержки или проблема «безбилетника» не позволяет делать то, что следовало бы сделать. Возможно, по мнению тех, на кого легло бы бремя соответствующих издержек, данное благо просто не стоит того, чтобы его производить. Мы не знаем, что имеет место на самом деле, и по внутренней логике данного конструкта знать *не можем*. Таким образом, идея Туроу, что перераспределение дохода представляет собой общественное благо, хорошо иллюстрирует опасность, связанную с гибкостью аргумента об общественном благе в отсутствие механизма выявления спроса. Без какого-либо метода проверки предположений в отношении готовности других людей платить, утверждение, что нечто «представляет собой общественное благо, предоставляемое в недостаточном количестве», может быть применено к бесконечному множеству вещей — вместе с требованием, что это делает оправданным принуждение налогоплательщиков к оплате его предоставления. Из множества утверждений об общественных благах невозможно отсеять лишнее, оставив только те блага, предоставление которых государством действительно принесет кому-то выгоду, не нанося ущерба остальным⁸⁷.

Общественный выбор и проблема рентоориентированного поведения

Помимо проблемы выявления спроса, существуют и другие основания сомневаться в том, что налогообложение и государственное финансирование действительно позволяет повысить благосостояние некоторых, не обременяя при этом никого. Корпус экономических идей, известный как теория общественного выбора, представляет собой анализ функционирования

политических институтов, в котором используются стандартные неоклассические экономические понятия обусловленного личным интересом рационального выбора (оптимизации) и равновесия. Джеймс М. Бьюкенен, получивший в 1986 году Нобелевскую премию как инициатор этого направления исследований, называл этот подход «политикой без романтики». Теория общественного выбора включает в себя объяснительную и рекомендательную составляющую — последняя носит название «конституционной политической экономии». Неудивительно, что два ведущих журнала, связанных с этим направлением, носят названия Public Choice («Общественный выбор») и Constitutional Political Economy («Конституционная политическая экономия»).

В своей объяснительной части теория общественного выбора предупреждает нас, что индивиды могут использовать полномочия государства для проталкивания программ, отвечающих групповым интересам, или демонстрировать «рентоориентированное поведение» (rent-seeking)*, добиваясь выгод для одних за счет других. Если мы без всякого романтизма предположим, что эгоизм, создающий проблему «безбилетника», господствует и на политической арене, то это подразумевает готовность облагать налогами других ради собственной выгоды. Как выразился Джозеф П. Колт, «если у индивидов есть возможность безнаказанно не платить — либо путем „безбилетничества“ в случаях, когда рыночная система пытается предоставить общественное благо, либо заставляя платить других с помощью государственного принуждения, — то, как правило, можно ожидать, что они так и поступят»³⁸.

Если, по словам Уильяма Ф. Шугарта, «процессы коллективного принятия решений позволяют большинству навязывать свои предпочтения меньшинству»³⁹, то перераспределение от одних людей к другим может осуществляться путем голосования большинства. Голосуя за программу, предусматривающую трансферт, законодательный орган может и не представлять интересы большинства граждан. Если речь идет о вопросе, по которому большинство налогоплательщиков плохо организовано, то хорошо организованная группа с особыми интересами может использовать правдоподобно звучащие аргументы (и взносы в предвыборные кампании политиков), чтобы убедить парламентариев предоставить ей монопольные привилегии или обложить налогом все население ради выгоды этой группы. Это особенно вероятно в тех случаях, когда выгоды сконцентрированы, а бремя настолько широко распределено между всеми гражданами, что они его почти не замечают. Здесь опять можно привести пример с квотой на импорт, которая незаметно увеличивает цену каждого приобретаемого автомобиля, или с государственными компенсациями фермерам за сокращение посевов.

* В русскоязычной литературе используются также варианты перевода этого термина как «присвоение ренты», «погоня за рентой», «поиск ренты» и т.п.

Избиратели, руководствующиеся рациональными личными интересами, ведя себя как «безбилетники» по отношению к гражданской бдительности со стороны других, неспособны блокировать программы, реализующие рентоориентированное поведение. Попытки отдельного индивида противостоять ему — например, когда Петр ведет лоббистскую деятельность против государственной программы, перераспределяющей ресурсы в пользу Павла за счет тысячи людей, подобных Петру, — обладают теми же характеристиками, что и усилия индивида по предоставлению общественного блага: выгоду почти полностью получают другие, не платя за это никакой компенсации, и поэтому другие, скорее всего, будут «безбилетниками», а усилия на политическом рынке будут предприниматься в недостаточном количестве⁴⁰. Ограничение функций государства эффективными действиями само представляет собой деятельность, обладающую характеристиками общественного блага. Тем самым теория общественного выбора обращает теорию общественных благ против ее же сторонников или как минимум против тех из них, кто пытается сделать из понятий общественного блага и экстерналии вывод, что критерий эффективности оправдывает более чем минимальную сферу и масштаб деятельности государства.

Рентоориентированное поведение — это игра с отрицательной суммой. Бенефициары не только получают трансферты за счет остальных граждан, но и сам процесс лоббирования впустую растрчивает ресурсы. В широко цитируемой статье Гордон Таллок указывал, что потери ресурсов в ходе конкуренции за монопольные привилегии могут превышать потери из-за неправильной аллокации ресурсов, которая является следствием монопольных цен и объемов выпуска, складывающихся в результате этой конкуренции⁴¹. Через призму теории рентоориентированного поведения, отмечал Бьюкенен,

современные политические процессы во многом можно трактовать как рентоориентированную деятельность. Политика лоббирования узких интересов ради получения поддержки соответствующих групп электората (*pork-barrel politics*) в США — лишь наиболее очевидный пример. Значительная часть роста трансфертного сектора государства лучше всего объясняется поведением политических акторов, борющихся за поддержку избирателей с помощью обещаний дискриминационных трансфертов⁴².

Очевидно, что теория общественного выбора дает совершенно иной взгляд на перераспределение доходов государством, чем подход Лестера Туроу, рассматривающий эту деятельность как общественное благо.

Проблемы, связанные с провалами государства, заставляют сторонников теории общественного выбора усомниться в том, что предоставление государству полномочий по налогообложению и дискреционному вмешательству на практике дает лучший результат по сравнению с рынком — будь то по критерию Парето или по менее жестким критериям Калдо-

ра-Хикса и утилитаризма — даже если теоретически такие полномочия были бы эффективным способом предоставления общественных благ в мире, управляемом всеведущим государством, состоящим из ангелов.

Экономист Дональд Уиттмен подверг критике теорию провалов государства в условиях состязательной демократии на том основании, что выборы, как можно ожидать, не позволят государству проявлять активность больше, чем хочет среднестатистический избиратель. Брайан Каплан ответил на это, что аргументы Уиттмена основаны на допущении, что избиратели собирают объективную информацию о государственных программах и их последствиях, тогда как на деле ни у кого из них нет стимулов этим заниматься, поскольку каждый знает, что его голос не будет решающим. Вместо этого избиратели голосуют в соответствии с собственными систематически ошибочными представлениями о том, как устроен наш мир, — что приводит к весьма плачевным результатам⁴³.

Конституционализм

Вехой в развитии конституционной политической экономии стала книга Бьюкенена и Таллока «Расчет согласия» (1962). Позднее Бьюкенен заметил в одном из интервью: «На меня оказал влияние шведский экономист Викселль, который говорил: если хотите усовершенствовать политический процесс, совершенствуйте правила, совершенствуйте структуру. Не ожидайте, что политики изменят свое поведение. Они ведут себя в соответствии с собственными интересами». Бьюкенен и Таллок рассматривали проблему разработки рамок экономической политики как проблему ограничения функций государства набором действий, которые в совокупности обеспечивают улучшение по Парето (то есть теми действиями, с которыми потенциально согласится каждый гражданин). Как позднее сформулировал Бьюкенен, они задалась вопросом: «Как люди, выступая в качестве избирателей, налогоплательщиков и бенефициаров, могут быть уверены, что в конечном итоге их акты обмена с государством принесут им чистую выгоду? Что вся политическая игра будет игрой с положительной суммой?» Своим предшественником авторы называли шведского экономиста Кнута Викселля, который еще в 90-х годах XIX века озаботился тем, что коалиция большинства в парламенте может предоставить выгоды тем, кто с ней связан, в ущерб всем остальным. Бьюкенен и Таллок отнеслись все-таки к выводу Викселля, что «правило принятия решений большинством голосов действует таким образом, что конечные результаты оказываются неэффективными и несправедливыми»⁴⁴.

Викселль полагал, что лишь полное единогласие может гарантировать, что вновь принимаемые меры будут Парето-улучшающими. Во многом аналогично Коузу, считавшему, что в случаях, когда речь идет о большом количестве людей, издержки на ведение переговоров могут стать запрети-тельно высокими, Бьюкенен и Таллок отвечали на аргумент Викселля, что

строгое единогласие при принятии каждого закона в большой демократической стране является требованием, реализация которого сопряжена со слишком большими издержками. Требование единогласия блокирует даже предоставление тех общественных благ, которые выгодны почти всем. Они предложили взамен правило квалифицированного большинства (согласно которому принятие того или иного решения требует, чтобы оно было одобрено, например, двумя третями или тремя четвертями голосов), которое на основании утилитаристских критериев они считали предпочтительным по сравнению с единогласием и простым большинством. Позднее Бьюкенен описывал их выводы следующим образом:

Можно согласиться с применением правил принятия решений меньшим числом голосов, чем полное единогласие, или даже правил простого большинства в отношении решений, принимаемых в рамках обычного политического процесса, но лишь при условии, что существует общий консенсус по поводу «конституции» — исчерпывающего набора рамочных правил, устанавливающих границы того, что можно и чего нельзя делать в ходе обычного политического процесса. Таким образом, анализ, проведенный в «Расчете согласия», дал возможность включить реформаторский посыл Викселля в пользу квалифицированного большинства, или сверхбольшинства, в политический процесс на уровне конституционных норм, допуская при этом применение правила простого большинства в рамках конституционных ограничений. В каком-то смысле весь анализ, содержащийся в нашей книге, можно интерпретировать как формализацию структуры, которую имел в виду Джеймс Мэдисон, когда он разрабатывал Конституцию США⁴⁵.

Когда в 1986 году Бьюкенен получил Нобелевскую премию по экономике, один журналист назвал его «святым покровителем денежных конституций, пределов налогообложения, конституционных поправок о сбалансированности бюджета и тому подобного»⁴⁶. Сегодня, поскольку Бьюкенен и Таллок заново отстроили теоретическую аргументацию в пользу конституционализма отцов-основателей США с его идеей ограничения полномочий государства, их можно назвать «святыми покровителями» конституционалистского крыла консервативно-либертарианского «Движения чаепитий».

Возвращаясь к началу главы, мы видим, что теорию общественного выбора можно назвать применением подхода Коуза к вопросу о роли государства. В том, что касается благ с низкими рыночными трансакционными издержками, мы можем полагаться на то, что рыночный механизм обеспечит результаты, близкие к эффективным. В отношении же благ с высокими трансакционными издержками и проблемой выявления спроса приходится взвешивать, что хуже — несовершенство рынка или несовершенство государства. Предоставление благ государством, как правило, связано с проблемой получения информации и проблемой рентоориентированного поведения, которые препятствуют достижению эффективности и могут

вдобавок обернуться ограничением свободы. В результате Коуз, Бьюкенен и Таллок вынуждены исходить из классической либеральной презумпции в пользу рыночного подхода. Однако эта презумпция опровержима: в отношении некоторых благ и услуг, говорят они, нам не избежать необходимости серьезно взвешивать на конституционной либо законодательной стадии общие выгоды и издержки как государственного, так и рыночного подхода — при всем неизбежном несовершенстве любых методик такого взвешивания, которые мы способны сконструировать⁴⁷.

Свободная торговля, протекционизм и дефицит торгового баланса

В 1999 году Милтона Фридмана пригласили выступить перед Комиссией США по изучению внешнеторгового дефицита. На слушания он пришел в галстук с изображениями профилей Адама Смита, что стало причиной такого диалога:

Член Комиссии д'Амато: Доктор Фридман, я хочу занести в протокол, что на вас галстук с изображением Адама Смита.

Г-н Фридман: Да, как вы знаете, Адам Смит был первым, кто сказал, что интерес потребителя — всегда покупать то, что он может купить дешевле всего. И еще, как вы помните, он говорил, что когда бизнесмены собираются за ужином, чаще всего речь идет о заговоре против потребителей.

Член Комиссии д'Амато: Думаю, Адам Смит был бы доволен, что вы сегодня надели этот галстук. А вопрос у меня такой... как, на ваш взгляд, Адам Смит отнесся бы к ВТО [Всемирной торговой организации]?

Г-н Фридман: По моему мнению, для нас наилучшая политика из возможных — в одностороннем порядке снять наши внешнеторговые ограничения¹.

Снижение пошлин, рост торговли

Логика введения свободной торговли в одностороннем порядке, то есть независимо от политики других государств, наглядно выражается афоризмом, приписываемым экономисту Джоан Робинсон: «Даже если ваш торговый партнер загромождает камнями собственную гавань, чтобы воспрепятствовать входу торговых судов, вы не станете богаче, если начнете засыпать камнями вход в собственную гавань». В нашем мире, где большинство правительств не следуют этой логике, — очевидно, полагая, что они чем-то поступают, позволяя отечественным потребителям и бизнесменам приобретать товары и услуги без искусственных препон, и поэтому должны получать что-то взамен, — многосторонние соглашения могут дать им возможность сохранить лицо при совместном снижении пошлин и ликвидации других торговых барьеров². Всемирная торговая организация была создана в 1995 году в качестве общей площадки для выработки

и энфорсменты торговых договоров, охватывающих более 150 ее стран-участниц. Она стала преемницей менее формального клуба стран под названием Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ). ГАТТ появилось в 1947 году: тогда в это объединение вошли 23 страны, но с годами их число увеличилось. На Бреттон-Вудской конференции обсуждался вопрос об учреждении «международной торговой организации» в дополнение к Всемирному банку и Международному валютному фонду, но Конгресс США тогда не поддерживал эту идею³.

В послевоенные годы либерализация торговли привела к значительному сокращению среднего уровня ввозных пошлин — примерно с 40% в 1947 году до нынешних примерно 5% в развитых странах. (В менее развитых странах пошлины в среднем выше, но тоже снижаются.) В результате либерализации все бóльшая доля товаров и услуг на пути к потребителям пересекает государственные границы. Для США объем международной торговли товарами и услугами (среднее арифметическое импорта и экспорта) в 1970 году составлял всего 6% ВВП, а в 2008 году — уже около 15%. Для Канады этот показатель вырос с 21 до 35%, для Австралии — с 13 до 25%⁴. Тенденция ко все большей глобализации, которая, как мы отмечали в главе 1, преобладала до Первой мировой войны, возобновилась.

Свободная торговля и ее критики

Экономисты сравнительно редко спорят по поводу свободы торговли. Исходя из того, что любой добровольный обмен обе стороны считают выгодным для себя (иначе по крайней мере одна из сторон отказалась бы от сделки), а международная торговля представляет собой добровольный обмен (между участниками из разных стран), из этого следует, что международную торговлю обе стороны считают выгодной для себя. Подавляющее большинство ученых-экономистов согласно с тем, что барьеры на пути международной торговли препятствуют процветанию. В ходе одного научного опроса профессионалов-экономистов спросили, согласны ли они со следующим утверждением: «Пошлины и импортные квоты, как правило, снижают общее экономическое благосостояние». 71,3% респондентов выбрали вариант ответа «в целом согласен», 21,3% — «согласен с оговорками» и только 6,5% — «в целом не согласен»⁵.

Современных сторонников протекционизма можно разделить на две категории. Некоторые из них выражают интересы бизнеса или профсоюзов, старающихся не позволить зарубежным соперникам вести конкурентную борьбу за отечественного потребителя, — например, это имеет место в случае, когда генеральный директор Ford Motor Company выступает против снижения пошлин на импорт автомобилей в США или когда президент международного профсоюза United Steelworkers призывает к принятию закона, по которому при проведении государственных закупок

преимущество должно отдаваться продукции отечественных производителей. В своей книге «Поп-интернационализм», опубликованной в 1997 году, Пол Кругман заметил, что авторы многих бестселлеров, предлагающих протекционизм в международной торговле в качестве панацеи, не пытаются «оспорить точку зрения экономистов», а «пишут так, будто ее вовсе не существует». В этих текстах читатель не найдет *«ничего»* о теории международной торговли, какой она известна экономистам, начиная с Рикардо». Вместо этого в таких книгах «теоретическую основу, используемую для обсуждения международной торговли, составляют выдумки самих авторов или, чаще всего, заимствования из военной или деловой стратегии»⁶.

Возьмем один недавний пример. Ведущий ток-шоу Лу Доббс в своей книге «Америка на экспорт» (2004) выразил озабоченность «нашей усиливающейся зависимостью от других стран в том, что касается как сырья, так и готовой продукции», высоко отозвался об импортных квотах и призвал к «мораторию на ауторсинг». При этом Доббс заявил, что не считает себя «ни фритредером, ни протекционистом», а просто выступает за «государственную политику сбалансированной торговли»⁷.

Профессор экономики Дональд Будро из Университета Джорджа Мейсона — сторонник свободной торговли. Он встретился с Доббсом за кулисами телестудии перед записью дискуссии о торговой политике. По рассказу Будро, у них состоялся следующий диалог⁸:

Лу Доббс (*представляется*): Привет. Я Лу Доббс. Рад познакомиться.

Дон Будро (*пожимает Доббсу руку*): Привет. Дон Будро. Тоже рад знакомству.

Лу Доббс: Что ж, мы здесь должны поспорить о преимуществах свободной торговли. Но кто против свободной торговли?

Дон Будро (*слегка ошеломленно*): Ну, вообще-то, вы.

Лу Доббс: Почему вы так считаете?

Дон Будро: Я читал вашу книгу.

Лу Доббс (*очень громко, чтобы все присутствующие в гримерке его слышали*): Вы идиот!

Критика меркантилизма Адамом Смитом

История споров о свободной торговле и протекционизме в экономической науке хорошо представлена в книге Дугласа А. Ирвина «Против течения: история идеи свободной торговли» (1996). «С тех пор как Адам Смит изложил свои знаменитые аргументы в пользу свободы торговли в „Богатстве народов“, — пишет Ирвин, тезис о том, что свободная торговля больше способствует процветанию страны, чем протекционистская политика, «неоднократно выдержал проверку со стороны экономистов»⁹. Джагдиш Бхагвати, процитировав Смита, весьма точно заметил: «Одна из самых давних

и в то же время самых поразительных истин, открытых экономической наукой, — это тот факт, что протекционизм в торговле вредит той стране, которая к нему прибегает»¹⁰.

Система доводов Смита в защиту свободной международной торговли была направлена против высказывавшихся в его время аргументов в пользу ограничений, накладываемых на импорт и расчеты. До выхода «Богатства народов» в 1776 году эти идеи и рекомендации — ныне известные под названием доктрины меркантилизма — господствовали в экономической теории в течение двухсот лет. Меркантилисты выступали за политику, направленную на обогащение привилегированных купцов (отсюда название этой доктрины) и усиление власти государства. Юморист Пи Джей О’Рурк, вдобавок между делом занимающийся исследованием истории идей, дал колоритное, но точное описание того, против чего выступал Смит:

Меркантилизм... представлял собой беспорядочное скопище регулирующих торговлю норм, пошлин и налогов, ставшее результатом политики групповых интересов, торговли влиянием и сделок в парламенте в сочетании с общими неверными представлениями о деньгах, потоках капитала и государственных финансах¹¹.

Главная ошибка меркантилистов состояла в том, что они приравнивали процветание к накоплению золотых и серебряных монет, что вело к политике запретов на вывоз металлических денег. Чтобы обеспечить «благоприятный» торговый баланс (ситуация, при которой в страну поступает больше монет, чем вывозится; отметим, что употребление слова «благоприятный» неявно подразумевает ошибочное условие, предполагающее, что нам выгоднее отдавать, а не получать более ценные товары), они выступали за поощрение экспорта готовой продукции и введение пошлин и запретов для ограничения импорта любых товаров, кроме сырья, которое отсутствует в стране. В своих «Лекциях по юриспруденции» Смит полностью отверг подобные торговые ограничения как глупые препятствия, мешающие взаимовыгодной торговле:

При малейшем размышлении нелепость такого регулирования станет очевидной. Любая торговля, которая имеет место между двумя странами, должна по необходимости быть выгодна им обоим. Сама цель коммерции состоит в обмене ваших товаров на те, которые вы считаете более подходящими для вас. Когда двое людей обмениваются, этот обмен, несомненно, приносит выгоду обоим. <...> То же самое происходит и между двумя странами. Товары, которые английские купцы хотят ввезти из Франции, для них, несомненно, ценнее, чем то, что они за эти товары отдадут¹².

Теоретики меркантилизма одновременно были сторонниками колониализма — учреждения заморских территорий и управления ими таким образом, чтобы ограничения и налоги на их торговлю приносили прибыль

привилегированным торговцам из метрополии и доходы короне. Одним из важных ограничений такого рода, введенных незадолго до публикации «Богатства народов», стал принятый британским парламентом в 1773 году «Чайный закон», предоставлявший Ост-Индской компании монополию на продажу чая в североамериканские колонии. Согласно Навигационному акту и некоторым другим законам, как отмечал Смит, американским колониям было разрешено экспортировать определенные «перечисленные товары» только в Великобританию, и их импортные и экспортные поставки могли осуществляться только на британских судах¹³. Целью всего этого было обогащение английских купцов (путем принуждения американцев к пользованию их посредничеству) и судовладельцев (путем блокирования конкуренции со стороны более эффективных, в основном голландских, перевозчиков).

Смит утверждал, что вся колониальная система с сопутствующими административными и военными расходами ложится ненужным бременем на среднего британского подданного. И это инвестиции с отрицательной отдачей: «Великобритания ничего, кроме убытка, не получает от своего господства над колониями»¹⁴. Если бы Великобритания отказалась от бремени, связанного с управлением своими торговыми партнерами и их защитой, она могла бы получать выгоду от заморской торговли. Колониальная система выгодна лишь немногим купцам, пользующимся привилегиями, и то лишь потому, что они в состоянии переложить административные и военные расходы, а также издержки в виде упущенной выгоды от расширения торговли на плечи своих соотечественников:

Основание обширных владений с единственной целью создать народ, состоящий из потребителей, может с первого взгляда показаться проектом, подобающим нации лавочников. Однако он совсем не пригоден для нации лавочников, а чрезвычайно пригоден для нации, правительство которой находится под влиянием торгашей. Такие, и только такие, государственные деятели способны воображать, что найдут какую-либо выгоду в расточении крови и денег своих сограждан для создания и сохранения подобных владений. Скажите лавочнику: «Купи мне хорошее поместье, и я всегда буду покупать в твоей лавке свое платье, хотя бы даже мне пришлось платить несколько дороже, чем при покупке в других лавках», — вы не встретите с его стороны особенной готовности принять ваше предложение. Но если другое лицо купит вам такое поместье, то торговец будет очень благодарен вашему благодетелю, если тот обяжет вас покупать нужное вам платье в его лавке.

Такова была ситуация с американскими колониями: «лавочники и другие торговцы» Англии, которые несли лишь ничтожную часть бремени расходов на колонизацию, «обратились к парламенту с петицией, чтобы земледельцы Америки на будущее время были принуждены к торговле исключительно с ними»¹⁵.

Сравнительные преимущества и хлебные законы

Аргументы Смита в пользу свободной торговли основывались на простой логике выбора между собственным производством и покупкой на стороне: «Если какая-либо чужая страна может снабжать нас каким-нибудь товаром по более дешевой цене, чем мы сами в состоянии изготовлять его, гораздо лучше покупать его у нее на некоторую часть продукта нашего собственного промышленного труда, прилагаемого в той области, в которой мы обладаем некоторым преимуществом»¹⁶. Протекционистские меры — пошлины и квоты на импорт — мешают нам удовлетворять свои нужды максимально дешево посредством торговли и тем самым снижают уровень нашего благосостояния. Смит писал:

Ограничением при помощи высоких пошлин или абсолютным воспрещением ввоза из-за границы таких продуктов, которые могут производиться внутри страны, более или менее обеспечивается монополия внутреннего рынка для отечественной промышленности, занятой их производством¹⁷.

Если бы в отсутствие пошлин и квот импортные товары были дешевле, это бы означало, что ограничения приводят к более высоким ценам. (В любом другом случае это бы просто ничего не значило.) Повышение цен выгодно отечественным производителям товаров, конкурирующих с импортными, но наносит ущерб потребителям. Протекционистская политика снижает общее процветание, поскольку направляет имеющийся в стране труд, который является редким ресурсом, на «изготовление предмета, который может быть куплен дешевле, чем произведен им самим. Стоимость его годового продукта, несомненно, более или менее понизится, когда он таким образом отвлекается от производства товаров, обладающих большей стоимостью по сравнению с товаром, на изготовление которого он направляется»¹⁸. То же самое относится к другим редким ресурсам, в частности к капиталу.

Смит без особого оптимизма оценивал шансы на переход Великобритании к режиму свободной торговли, понимая, что у тех, кому протекционизм выгоден, есть мощная мотивация и средства для его сохранения:

Конечно, ожидать восстановления когда-нибудь полностью свободы торговли в Великобритании так же нелепо, как ожидать осуществления в ней «Океании» или «Утопии». Этому непреодолимо препятствуют не только предрассудки общества, но и частные интересы многих отдельных лиц, которые еще труднее одолеть.

Он подчеркивал, с каким «усердием и единодушием... владельцы мануфактур противятся всякому закону, могущему привести к увеличению числа их конкурентов на внутреннем рынке»¹⁹.

Со временем доводы Смита в пользу свободной торговли оказали свое убеждающее воздействие, но не смогли сразу же пересилить лоббистское

влияние бенефициаров протекционизма. В 1815 году британский парламент усилил защиту отечественного сельского хозяйства от иностранной конкуренции, установив высокие барьеры на пути импорта зерна. «Хлебные законы» (употребляется также термин «хлебный закон») запрещали ввоз иностранного зерна («хлеба») в Великобританию, если цены на отечественное зерно не находятся на очень высоком уровне. Позднее законодательство несколько изменилось: была введена скользящая импортная пошлина, которая уменьшалась только в том случае, если цена на зерно сильно выросла. Так или иначе, эти законы были выгодны землевладельцам, поскольку они блокировали конкуренцию со стороны зарубежных поставщиков зерна, тем самым повышая цену на отечественное зерно, а вместе с ней и величину арендной платы за британские сельскохозяйственные угодья. Высокая цена на зерно наносила ущерб потребителям, особенно беднякам, а сокращение той части доходов потребителей, которая оставалась на покупку непищевых товаров, вредило промышленникам и ремесленникам.

Смит утверждал, что свобода торговли способствует процветанию страны, поскольку подталкивает ее производителей к специализации на тех видах продукции, по которым они имеют «некоторое преимущество». После Смита представители классической экономической теории усилили логику его аргументации, разработав то, что сегодня называется теорией *сравнительных преимуществ*. Хотя аргументация Смита не зависит от трудовой теории ценности, после прочтения «Богатства народов», в контексте его теории ценности, основанной на производственных издержках, может создаться впечатление, что если «чужая страна может снабжать нас каким-нибудь товаром по более дешевой цене», например пшеницей, то это обязательно означает, что там на производство бушеля пшеницы тратится меньше человеко-часов и машино-часов, чем у нас. Теория сравнительных преимуществ демонстрирует, что возможности для взаимовыгодной торговли и специализации *не зависят* от наличия у другой страны подобного «абсолютного преимущества» при производстве тех товаров, которые мы из нее импортируем, а у нашей страны — абсолютного преимущества при производстве тех товаров, которые мы в нее экспортируем. Возможности для взаимовыгодной торговли между двумя странами в общем случае существуют, даже если наша или другая страна способна производить *оба* товара с меньшими материальными затратами.

Джеймс Милль в 1814 году заметил, что у страны имеется два способа получения зерна: можно производить его у себя с помощью труда отечественных работников (при условии, что все виды производственных затрат сводимы к труду) или использовать тот же труд для производства других товаров, которые можно обменять на иностранное зерно. Более выгодный метод производства (при выборе между прямым и опосредованным) — это тот, который дает нам больше зерна при одинаковых трудозатратах или то же самое количество зерна при меньших трудозатратах:

Если мы ввозим [хлеб], то мы должны платить за то, что импортируем, вывозом продукта, полученного за счет части нашего труда. Но почему не использовать наш труд, чтобы вырастить этот хлеб у нас в стране? Ответ таков: потому что мы произведем больше хлеба в форме товаров, в обмен на которые сможем купить хлеб за границей, чем в случае, если используем этот труд на выращивание хлеба у себя. <...> Таким образом, закон, препятствующий ввозу хлеба, приведет лишь к одному — на производство продовольствия для страны необходимо будет затрачивать большую часть ее труда, чем в противном случае²⁰.

Этот «непрямой способ анализа торговли», как назвал его Ирвин, означает мышление в терминах возможности взаимного замещения альтернативных видов отечественной продукции (зерна и экспортных товаров). Если ресурсы, необходимые для производства в своей стране одного бушеля зерна, можно использовать, скажем, для изготовления пяти ярдов сукна, то мы называем эти пять ярдов издержками производства бушеля зерна, «выраженными в сукне». Далее необходимо сравнить внутренние издержки производства зерна, выраженные в сукне (пять ярдов на один бушель) с мировой ценой, по которой мы можем обменять сукно на зерно. Нам выгодно производить сукно на экспорт и менять его на зерно, если (и только если) мы можем купить у другой страны зерно за меньшее количество сукна (включая транспортные издержки).

Любой другой стране необходимо производить такие же расчеты. Как ни странно, из этого следует, что вопрос об абсолютном преимуществе (в какой стране на производство ярда сукна и бушеля зерна требуется меньше человеко-часов) оказывается не имеющим отношения к делу. Возможность выгодного обмена нашего сукна на иностранное зерно требует лишь того, чтобы в нашей стране издержки производства зерна, выраженные в сукне, были выше, чем в соответствующем иностранном государстве, а не того, чтобы у нас тратилось меньше человеко-часов на ярд сукна или у них — на бушель зерна. Если в другой стране издержки производства и поставки зерна в нашу страну, выраженные в сукне, составляют меньше пяти ярдов за бушель (например, четыре ярда), то нам выгодно специализироваться на производстве сукна и менять его на зерно, произведенное в этой стране, а ей — наоборот. Другая страна обладает *сравнительным* преимуществом в производстве зерна (ее издержки производства, выраженные в сукне, меньше), а мы, соответственно, — *сравнительным* преимуществом в производстве сукна. В рамках этой двусторонней модели, где цена, которую мы платим, является предметом соглашения между двумя странами, любая цена выше четырех и ниже пяти ярдов за бушель устраивает обе стороны, поскольку мы готовы платить любую цену ниже пяти ярдов, а другая сторона готова согласиться на любую цену выше четырех ярдов.

Принцип, согласно которому взаимовыгодная торговля основывается на сравнительных, а не абсолютных преимуществах, еще в 1815 году сфор-

мулировал Роберт Торренс в «Опыте о внешней торговле хлебом». Там Торренс привел такой пример: Англии выгодно покупать зерно в Польше, хотя в Англии земля более плодородна (в смысле количества бушелей, полученных при заданных затратах труда и капитала) тогда, когда урожай зерна в Англии стóбит на мировом рынке меньше, чем количество английского сукна, произведенное при тех же затратах труда и капитала. Давид Рикардо в «Началах политической экономии и налогового обложения» (1817) и Джеймс Милль в статье о колониях, написанной для энциклопедии (1818), завершили формулирование этого принципа, предложив напрямую сравнивать пропорции замещения одного товара другим в двух странах. В знаменитом примере Рикардо Англии выгодно менять свое сукно на португальское вино, поскольку она обладает сравнительным преимуществом в производстве сукна, хотя Португалия имеет абсолютное преимущество в производстве обоих товаров²¹.

Несмотря на этот прогресс, отмечает Ирвин, в ходе споров о «хлебных законах» экономисты-фритредеры продолжали опираться «на более простой, интуитивно понятный аргумент об эффективности, связанной с абсолютными преимуществами (например, говоря, что Польша — источник зерна, производимого с самыми низкими издержками)», где «издержки» понимались как материальные затраты, а не ценность непродуцированной альтернативной продукции²². Различие между абсолютным и сравнительным преимуществом было некоей тонкостью, без которой фритредеры, как правило, могли обходиться.

Эффективным методом разоблачения интеллектуальной бессодержательности позиции протекционистов была сатира. Популярный французский экономист Фредерик Бастиа в порядке *reductio ad absurdum* написал в 1845 году воображаемое «Прошение производителей свечей» в Национальное собрание Франции. Оно начиналось так:

Милостивые государи!

Вы на правильном пути. Вы отвергаете абстрактные теории; изобилие продуктов, дешевизна вас мало занимают. Вы озабочены в основном судьбой производителя. Вы хотите освободить его от внешней конкуренции, сохранить национальный рынок для национальной промышленности.

Далее воображаемые авторы прошения предлагали законодателям «прекрасную возможность» развить эту политику. Они должны защитить французских производителей свечей от нечестной конкуренции со стороны «иностранный соперника», который вредит их бизнесу, «наводняет светом *национальный рынок* по ценам баснословно низким», — а именно солнца. Средством избавить отечественные свечи от нечестной конкуренции со стороны иностранного солнечного света должно стать ограничение импорта: «Мы нижайше просим вас издать закон, который предписал бы запереть все окна, стеклянные крыши, ставни, затворы, створы, форточки — словом, заткнуть все отверстия, дыры, щели и трещины, через

которые солнечный свет обыкновенно проникает в дома в ущерб... прекрасным продуктам [свечной] промышленности...» Ограничения, введенные против солнца, позволят создать новые рабочие места: «Прежде всего, если вы преградите, насколько возможно, доступ естественному свету; если вы таким образом создадите потребность в искусственном освещении, то какая только промышленность во Франции не получит тогда благотворного поощрения?» Если для изготовления свечей потребуется больше сала, то будет развиваться животноводство. Если будет потребляться больше растительного масла для светильников, то расширится выращивание оливок. Рост потребности в китовом жире поощрит китобойный промысел и судостроение. Парижские производители золоченых подсвечников также будут процветать.

Свечные фабриканты Бастиа дальновидно предвосхитили возражения против их плана с позиций смитовского фритредерства и дали на них ответ:

Скажете ли вы нам, что если мы выиграем от этого покровительства, то Франция ничего не выиграет, потому что расходы падут на потребителя?

На это мы ответим вам: «У вас нет больше права ссылаться на интересы потребителя. Во всех случаях, когда его интересы сталкивались с интересами производителя, вы всегда отдавали его в жертву последнему. Вы поступали так ради поощрения промышленности, ради увеличения занятости. По той же самой причине вы и теперь должны поступить точно так же».

Прямой запрет на бесплатный солнечный свет, указывали свечные фабриканты, не менее осмыслен, чем введенный Францией запрет на ввоз апельсинов из Португалии на том основании, что они дешевле французских. Португальцы могут продавать свои апельсины вдвое дешевле, чем французы, только лишь потому, что их сады в изобилии получают бесплатный солнечный свет, а французам необходимо использовать искусственный обогрев и нести соответствующие издержки. Таким образом, «если из-за *полударовщины* вы решаете отвергнуть конкуренцию, то каким же образом полная *даровщина* может побудить вас признать эту конкуренцию?»²³

Массовая агитация против хлебных законов, основанная на политической экономии Смита

Выражая несогласие народа с «хлебными законами», Общество шеффилдских ремесленников против хлебного налога приняло декларацию, опубликованную в 1833 году, которая повторяла смитовские формулировки в отношении монополии и его критику в адрес землевладельцев, поддерживавших «хлебные законы» в стремлении добиться привилегий для себя. В декларации подчеркивалось, что эти законы, из-за которых цены на хлеб

повысились, уменьшили реальные доходы промышленников и рабочих. Они представляли собой «акт национального самоубийства — ограничение обмена промышленных товаров на зерно», что равносильно «ограничению доступа к предметам первой необходимости и жизненным благам». Из этого следовало, что «нынешние хлебные законы, позволяющие нескольким тысячам земельных рантье [землевладельцам] превращать потери всех во временную, но в конечном итоге убийственную выгоду для себя, разрушают все, что ценно для нас, людей». Авторы декларации клялись: «Мы будем всеми имеющимися в наших руках законными средствами бороться против этого ужасного антиприбыльного законодательства, то есть хлебных законов, и не оставим наших усилий до тех пор, пока монополия на товар первой необходимости не будет полностью упразднена»²⁴.

Декларация была опубликована в получившем широкое распространение поэтическом сборнике против «хлебных законов» (да-да, именно так!) неким Эбенизером Эллиотом, который в следующем томе назвал себя «певцом свободной торговли»²⁵. В лучшем — с точки зрения экономического содержания — стихотворении Эллиота подчеркивалось, что «хлебные законы» не только ведут к бедности производителей и потребителей ради обогащения землевладельцев, но и разрушают национальный доход, поскольку ведут к бессмысленному расточительству:

Пирог и налог

«Отдавай, отдавай!» — кричат они,
Те властные люди, кто
Взяли наш пирог и ввели налог,
Превративший его в ничто.

Все меньше размеры пирога,
Ведь прибыль упала, но
Лендлорду земля оплатит сполна
Его новое Ватерлоо²⁶.

Наш хлеб — с отрубями по их вине,
Картошку есть предлагают мне,
И, стыд презревши, лендлорд хитрит,
Говоря, что голодный сыт.

...

Прошу у дьявола одного —
Пусть он заберет к себе того,
Кто взял наш пирог и ввел налог,
Превративший его в ничто²⁷.

Помимо Общества шеффилдских ремесленников против хлебного налога и других местных объединений, в стране действовала и более крупная организация — Лига против хлебных законов. Основанная семью манчестерскими предпринимателями в 1838 году, Лига быстро создала сотни отделений по всей стране. Ее лидерами были Ричард Кобден и Джон Брайт, они разъезжали по всей Англии, выступая с речами в поддержку свободной торговли и полной отмены «хлебных законов». В 1841 году Кобден был избран в парламент и вскоре проявил себя как талантливый полемист. В одной газете, выступавшей за сохранение «хлебных законов», с сожалением отмечалось, что в парламенте «английские землевладельцы, потомки доблестных нормандских рыцарей, ежатся под ударами манчестерского торговца». Кобден часто подчеркивал, что «хлебные законы» ведут к перераспределению богатства от большинства (то есть потребителей) к меньшинству (землевладельцам), а в одном выступлении заметил: «Если бы наш свод законов вдруг попал на Луну, один, без всяких исторических комментариев, то его было бы вполне достаточно, чтобы жители Луны поняли, что он представляет собой произведение сеньоров-землевладельцев»²⁸.

Премьер-министр Роберт Пиль был против отмены «хлебных законов», но и на него действовала сила доводов Кобдена и очевидное бедственное положение людей из-за высоких цен на зерно — и это в то время, когда на покупку хлеба уходила значительная часть бюджета бедной семьи. В 1843 году в ходе парламентских дебатов он был вынужден признать логичность доводов Смита в пользу одностороннего введения свободной торговли: «Я вынужден сказать, что в наших интересах — покупать товары дешево, независимо от того, поступают ли так же другие страны»²⁹. Обнищание народа вследствие «хлебных законов» приобрело катастрофический характер во время Ирландского картофельного голода 1845 года. Пиль, вопреки позиции большинства в его собственной партии тори, перешел в лагерь противников «хлебных законов», и в 1846 году они были отменены парламентом. Успех Лиги против хлебных законов, сумевшей добиться их отмены всего за восемь лет агитации, один историк расценил как свидетельство силы экономических идей, «показавшее, чего можно добиться с помощью такого оружия, как красноречие и разум, если оно оказывается в руках талантливых, просвещенных, добродетельных и смелых людей»³⁰. Позднее немецкие социалисты, сами того не желая, воздали должное Кобдену и Брайту, приклеив идеям свободной торговли и *laissez-faire* ярлык «манчестеризма»³¹.

Аргумент о защите неокрепших отраслей и его опровержение Смитом

Пожалуй, самый давний довод о необходимости исключений из принципа свободы торговли — это *аргумент о защите неокрепших отраслей*

(infant industry argument)*, сформулированный еще в меркантилистских трудах середины XVII века и до сих пор имеющий хождение. Современный экономист-гетеродокс Чхан Ха-Джун из Кембриджского университета, поддерживающий этот аргумент, объясняет метафорический смысл слова «неокрепшие» следующим образом: «Подобно тому, как ребенка надо вырастить, прежде чем он сможет претендовать на высококвалифицированную работу, отрасли промышленности в развивающихся странах следует ограждать от конкуренции более качественной зарубежной продукции, пока они не „повзрослеют“. Им нужно обеспечить таможенную защиту, субсидии и другую помощь, пока они овладевают передовыми технологиями и создают эффективные организации»³².

Сторонники аргумента о защите неокрепших отраслей призывают к введению временных пошлин и квот для поощрения и защиты отечественных фирм, начинающих работу в новой сфере, где они еще не в силах противостоять конкуренции со стороны «зрелых» иностранных производителей, но есть основания ожидать, что, будучи какое-то время под защитой, они научатся снижать издержки и тем самым превратятся в эффективные фирмы, вносящие вклад в благосостояние страны. Джон Стюарт Милль считал, что аргумент о защите неокрепших отраслей представляет собой теоретически обоснованную оговорку к аргументации в пользу свободной торговли; позднее его позицию поддержал Генри Сиджвик, на чем мы остановимся в следующем разделе³³. В XVIII–XIX столетиях, когда Англия шла в авангарде общемировой индустриализации, этот аргумент служил теоретическим обоснованием протекционистской политики в странах, стремившихся догнать ее, создав собственную обрабатывающую промышленность. Среди наиболее видных сторонников этого аргумента следует назвать американца Александра Гамильтона, чьи выступления относятся примерно к 90-м годам XVIII века, и немца Фридриха Листа, получившего известность в 40-х годах XIX века.

Адам Смит отвергал аргумент о защите неокрепших отраслей, поскольку тот не отвечал его базовому критерию экономической оправданности собственного производства по сравнению с покупкой на стороне. Смит привел важный довод: чтобы вложение ресурсов в защиту неокрепшей отрасли промышленности было оправданным, ее будущая доходность должна быть равной или превышать доходность альтернативных инвестиций. Он признавал, что преимущество развитой страны по издержкам в том или ином производстве может быть связано не с ее природными ресурсами, а с более передовыми технологиями, которыми другая страна при

* В русскоязычной литературе нет устоявшегося перевода этого термина. При его передаче на русском языке применительно к отраслям используются эпитеты «младенческие» (преимущественно в дореволюционной литературе), «новые», «развивающиеся», «перспективные», «молодые», «нарастающие», «зарождающиеся», «формирующиеся» и т.п. Здесь выбран вариант, передающий антропоморфизм иностранного термина, а также то, что аргумент, о котором идет речь, нередко используется применительно к отраслям, уже вышедшим из «младенческого» возраста.

определенных затратах может научиться. Но если на период обучения требуется защита пошлинами, утверждал Смит, то получаемая со временем отдача от прохождения этого обучения не будет оправдывать первоначальных издержек. Стимулируемые пошлинами инвестиции в неокрепшую отрасль промышленности отвлекают капитал от других отраслей, где отдача была бы больше. Смит подразумевал, что если ожидаемая доходность инвестиций в неокрепшую отрасль равна обычной отдаче от альтернативных инвестиций или превосходит ее, то частным инвесторам не нужны пошлины. Они с радостью выделяют необходимые средства на покрытие отрицательного чистого денежного потока, генерируемого отраслью в первые годы, как это происходит с любыми инвестициями, обещающими покрыть эти расходы за счет будущей нормальной или более высокой доходности.

В то же время чистые потери, порождаемые пошлинами, сокращают совокупный реальный доход страны и тем самым замедляют накопление ее капитала. Таким образом, даже если после многолетней защиты от внешней конкуренции неокрепшая отрасль станет жизнеспособной, тем не менее с учетом альтернативных издержек в виде отвлечения капитала и чистых потерь, порождаемых самой пошлиной, «отсюда вовсе не следует, что общая сумма промышленного труда, или дохода страны, может быть каким-либо образом увеличена при помощи подобных мероприятий». Производство переориентируется и в целом сокращается, но никак не прибавляется. Аргумент о защите неокрепшей отрасли не выдерживает проверку критерием экономической оправданности собственного производства по сравнению с покупкой на стороне: «Поскольку одна страна обладает такими преимуществами [в производстве], а другая лишена их, для последней всегда будет выгоднее покупать у первой, а не производить самой»³⁴.

Доводы Александра Гамильтона против свободной торговли

Александр Гамильтон, еще до того как стал первым в истории министром финансов США, полностью отверг аргументацию Смита в пользу свободной торговли. В 1781–1782 годах, незадолго до окончания Войны за независимость США, он опубликовал серию из шести статей с рекомендациями по поводу характера будущего государства, в которое должны объединиться тринадцать американских штатов. В пятой статье этой серии он отверг свободу торговли на том основании, что ни одна из тогдашних развитых стран мира ее не практиковала:

Есть такие, кто утверждает, что торговля будет сама себя регулировать и не следует наделять ее преимуществами в виде поощрений или ограничений со стороны государства. Такие люди воображают, что нет необходимости в общей направляющей силе. Это один из тех спекулятивных парадоксов, которые пользуются у нас влиянием вопреки повсеместной практике и здравому

смыслу наиболее просвещенных наций. Ему противоречат многочисленные установления и законы, существующие во всех странах для блага торговли, усилия, предпринимаемые для взращивания отдельных отраслей и препятствования другим, известные преимущества, получаемые благодаря этим мерам, и очевидные бедствия, которые принесет их прекращение, и он должен быть отвергнут каждым, кто знаком с историей коммерции.

Затем Гамильтон повторил меркантилистский лейтмотив — страна должна экспортировать больше, чем импортирует, — и тут же переключился на тему неокрепших отраслей:

Одной из главных целей политики страны должно быть сохранение благоприятного для нее торгового баланса. Людская алчность часто проявляется в поиске путей, вредящих этому балансу, чему правительство должно быть способно воспрепятствовать действительными мерами. С другой стороны, существует возможность открытия новых источников, которые, при всех громадных трудностях первоначального развития, в конце концов сторицей вознаградят за все усилия и расходы на их доведение до совершенства. Такое предприятие часто может превосходить силу влияния и размеры капиталов отдельных людей, и тогда ему требуется немалая поддержка за счет как доходов, так и властных полномочий государства³⁵.

Став министром финансов в кабинете президента Джорджа Вашингтона, Гамильтон в 1791 году представил Конгрессу «Доклад о мануфактурах». Очевидно, что он прочитал «Богатство народов»³⁶. Смит в 1776 году резонно полагал, что Америка может покупать промышленные товары дешевле, чем изготавливать их, и для нее это разумный путь. Свой доклад в 1791 году Гамильтон начал с неявной полемики со Смитом: «Целесообразность поощрения промышленников в Соединенных Штатах, еще недавно считавшаяся весьма спорной идеей, сегодня, по всей видимости, признается всеми»³⁷. Далее он изложил аргумент о защите неокрепших отраслей в качестве обоснования необходимости протекционизма в торговле и субсидирования обрабатывающей промышленности.

Гамильтон вновь вернулся к смитовскому «тезису, что промышленность, если предоставить ее самой себе, естественным образом найдет путь к самому полезному и прибыльному применению», из которого «делается заключение, что промышленники без помощи правительства „повзрослеют“ так быстро, как того потребует естественное положение вещей и интересы общества». Теперь он отвергал этот тезис, в основном потому, что «превосходство, уже обретенное странами, развивавшими и совершенствовавшими ту или иную отрасль промышленности», а также «вознаграждения и денежные выплаты, коими другие государства одаривают» своих промышленников, свидетельствуют, что для «достижения успеха» любой новой отечественной отрасли промышленности «очевидным образом необходимо вмешательство и помощь собственного правительства»³⁸. Однако

неспособность выжить без субсидий и целесообразность этих субсидий — вещи разные. В данном случае Гамильтон безо всяких доказательств исходит из положительного ответа на вопрос, желательно ли вкладывать ресурсы налогоплательщиков в отечественную обрабатывающую промышленность, если импортные промышленные товары можно получить дешевле, — хотя именно в наличии или отсутствии таких доказательств и состоит суть дела. По существу, он так и не ответил на аргумент Смита, состоящий в том, что если для создания отечественных заводов и фабрик нужны субсидии или торговые ограничения, то эти заводы и фабрики — бессмысленная и убыточная затея.

Доводы Фридриха Листа в пользу защиты неокрепших отраслей

«Доклад о мануфактурах» Гамильтона оказал большое влияние на Фридриха Листа, которого Ирвин назвал, «несомненно, самым популярным поборником протекционизма в странах, переживающих индустриализацию» и добавил, что изданная в 1841 году книга Листа «Национальная система политической экономии» «приобрела в протекционистских кругах тот же статус, что „Богатство народов“ у фритредеров»³⁹. Немецкий экономист Фридрих Лист, предшественник немецкой исторической школы, считал, что обрабатывающая (фабрично-заводская) промышленность представляет собой особый случай. Свои доводы в пользу стимулирования неокрепших отраслей промышленности он основывал не на абстрактной экономической теории, которую презирал, а исключительно на примерах из истории. Опыт истории, по его мнению, демонстрирует, что развитие обрабатывающей промышленности имеет ключевое значение для «развития цивилизации, материального благосостояния и политического могущества каждой нации», а в странах, подходящих на роль промышленно развитых, протекционизм — ключ к такому развитию. Лист, по его словам, верил в свободу торговли, но только при обеспечении одинаковых условий: «Для того чтобы действие свободы торговли было естественным, необходимо, чтобы оставшие нации посредством искусственных мероприятий поднялись до той же степени развития, какой достигла искусственным образом Англия»⁴⁰.

В своей критике аргумента о защите неокрепших отраслей Адам Смит, по мнению Листа, «не обращает внимания на влияние фабрично-заводской промышленности на внешнюю и внутреннюю торговлю, на цивилизацию и могущество нации и на поддержание ее независимости, а равно и на вытекающую отсюда способность к приобретению материальных богатств». Он считал, что доходы от защиты неокрепшей обрабатывающей промышленности с легкостью окупят издержки, «что если протекционные меры вызывают временную потерю материальных богатств, то эта потеря во сто крат вознаграждается производительными силами и способностью к приобретению меновых ценностей; следовательно, эта потеря является лишь

воспроизводительной затратой нации»⁴¹. Восторженное, но ничем не подтвержденное заявление Листа о «стократной» отдаче многие экономисты не сочли убедительным ответом Смигу. Не называя его по имени, Фритредер Генри Джордж высказал предположение, что подобные аргументы Листа связаны с ошибочным представлением о направленности причинно-следственных связей в историческом развитии. Обрабатывающая промышленность, естественно, «развивается вместе с ростом народонаселения и накоплением богатства», но было бы ошибкой «вообразить, будто мануфактуры увеличивают народонаселение и богатство», как ошибкой было бы предполагать, что, поскольку в больших городах есть великолепные оперные театры, маленький городок может ускорить собственное развитие, построив на деньги налогоплательщиков великолепный, но убыточный оперный театр⁴².

Теоретический аргумент Генри Сиджвика и некоторые современные работы

Указание на теоретическую возможность более изощренного варианта аргумента о защите неокрепших отраслей дал философ-утилитарист и политэконом Генри Сиджвик из Кембриджского университета. Его «Принципы политической экономии» (1883) стали важным соединительным мостиком между «Основами политической экономии» Джона Стюарта Милля (1848) и «Основами экономической науки» Альфреда Маршалла (1890). Одну из глав Сиджвик посвятил аргументации в пользу того, что «временные протекционистские меры, хотя их применение и не рекомендуется на практике, могут при определенных обстоятельствах быть обоснованы в абстрактной экономической теории».

Абстрактный теоретический вариант аргумента о защите неокрепших отраслей, предложенный Сиджвиком, неявно апеллировал к проблеме провалов рынка при наличии позитивной экстерналии в виде обучения. Социальная отдача от инвестиций в неокрепшую отрасль, утверждал он, может с избытком компенсировать издержки, «но нельзя ожидать, что первоначальные затраты, которые потребовались бы для создания отрасли в отсутствие защиты от внешней конкуренции, в конечном итоге окажутся прибыльными для частных капиталистов, которые их предприняли». (Как мы отмечали в предыдущей главе, Адам Смит признавал, что в случае, например, мостов и каналов такая проблема расхождения между социальной и частной отдачей действительно существует.) Частные предприниматели не могут получить полностью все выгоды, «если трудности, связанные с созданием отрасли, таковы, что после их преодоления ее основателями они больше не будут возникать у других или будут возникать, но в гораздо меньшей степени»⁴³. Иными словами, отечественные производители-имитаторы могут выступить в роли «безбилетников», воспользовавшись всем тем, чему научились первопроходцы, что приведет к быстрому снижению

цен на производимые отраслью товары, и тем самым первопроходцы будут лишены должного вознаграждения за издержки, связанные с обучением методом проб и ошибок. Временная защита неокрепшей отрасли пошлинами может в принципе скорректировать эту экстерналию и повысить благосостояние страны.

Сиджвик изложил свои доводы весьма сжато. Он оставил на долю будущих теоретиков задачу объяснения того, почему отечественные производители-имитаторы могут бесплатно обучиться опыту отечественных же первопроходцев, но неспособны так же бесплатно научиться у иностранных производителей, против которых и направлены протекционистские меры. Он не учитывал и то соображение, на которое позднее указали другие экономисты, что в подобном гипотетическом случае целевые субсидии могут быть сопряжены с меньшими чистыми потерями, чем защита пошлинами. В сценарии Сиджвика также в полной мере присутствует общая проблема нефальсифицируемости утверждений о наличии провалов рынка. В силу самой природы обсуждаемой гипотетической ситуации у самого благонамеренного правительства не может быть четкой информации об издержках и отдаче, необходимой, чтобы «выбрать победителей» из множества неокрепших отраслей промышленности, жаждущих защиты. Сиджвик осознал наличие проблемы общественного выбора, состоящей в том, что ведущие себя оппортунистически фирмы будут стремиться получить защиту пошлинами и сохранить ее навсегда независимо от последствий для общества в целом. Именно поэтому он писал, что применение временных протекционистских мер «не рекомендуется на практике».

В последние десятилетия Пол Кругман и другие специалисты в области теории международной торговли, используя модели несовершенной конкуренции и возрастающей отдачи от масштаба в отечественной промышленности, построили аналогичные гипотетические примеры, показывающие, что в принципе за счет протекционистской политики повышение благосостояния страны возможно. Как и Сиджвик до него, Кругман предостерег против трактовки этих моделей в качестве руководства для практической политики, поскольку обоснованиями протекционизма можно легко злоупотребить. В статье, опубликованной в 1987 году, он отмечал: «Свободная торговля не ушла в прошлое, но... ее статус изменился с оптимума на разумное практическое правило». Или в другой формулировке: «Проведение максимально последовательной политики свободной торговли с исключениями, принимаемыми лишь под сильнейшим давлением, может быть, и не является оптимальным вариантом с точки зрения теории, но, скорее всего, станет лучшим вариантом из тех, что доступны для страны»⁴⁴. Позднее в своем блоге в *New York Times* Кругман в том же ключе заметил, что «правильный аргумент» против протекционизма формулируется «в терминах политической экономии. <...> Если мы все перейдем к протекционизму, то это разрушит все давшиеся большими усилиями достижения семидесяти лет торговых переговоров — и, наверно, понадобится не одно десятилетие, чтобы потом этого Шалтая-Болтая собрать»⁴⁵.

Протекционизм ради свободы торговли?

В последние годы приводятся доводы в защиту протекционистской политики, связанные с возможностью ее использования в качестве козыря на переговорах. Рассуждение выглядит примерно так: столкнувшись со страной, отказывающейся снизить торговые барьеры для наших товаров, мы можем принудить ее к сотрудничеству, пригрозив в ответ повысить *наши* барьеры против *ее* товаров. Если нужно продемонстрировать ответственность этой угрозы, то можно и на самом деле повысить эти барьеры. Иными словами, чтобы убедить торгового партнера не загораживать камнями вход его гавань, нам, возможно, придется загромождать камнями вход в собственную. Рассуждая в таком духе, Пол Кругман в 2009 году высказался в поддержку законопроекта сенатора Карла Левина об установлении карательных пошлин против китайского импорта в США до тех пор, пока Пекин не повысит до желаемого уровня обменный курс своей валюты — юаня. (В блогосфере это вызвало споры, насколько эта позиция сочетается с прежним отрицательным отношением Кругмана к протекционизму.) Кругман считал, что Китай намеренно занижает курс юаня к доллару, создавая тем самым аналог высоких пошлин на американские экспортные товары в сочетании с субсидированием собственных экспортеров⁴⁶.

Милтон Фридман, выступая в Конгрессе, высказался против подобной стратегии заваливания входа в гавань камнями и привел в качестве обоснования практические соображения:

Если вы прибегаете к подобным действиям по принципу взаимности — «Мы повредим себе, чтобы повредить вам и заставить вас изменить свои правила», — то это не работает таким образом. Это создает лишь еще большее противодействие изменению правил. Нам следует заботиться о себе. Нам следует прежде всего думать о собственном бизнесе. <...> Если другая страна — в данный момент это Япония — возводит барьеры против американских товаров, то это вредит самой Японии. Ну и нам тоже вредит. Но зачем увеличивать этот ущерб, возводя барьеры против их товаров? Это повредит им, но повредит и нам. <...> Наилучший способ добиться открытия рынков других стран для нас — это показать им пример⁴⁷.

Свидетельствует ли внешнеторговый дефицит об изъянах свободной торговли?

Создание Комиссии США по изучению торгового дефицита, перед которой Фридман выступал в 1999 году, было следствием озабоченности тем, что большую часть послевоенного периода у США наблюдался «дефицит платежного баланса», или «дефицит счета текущих операций» в международной торговле. Долларовая стоимость товаров и услуг, импортированных страной, превышала долларовую стоимость товаров и услуг, которые

она экспортировала. Согласно базовым принципам бухгалтерского учета каждая покупка сопровождается ее оплатой. «Внешнеторговый дефицит», или «отрицательное сальдо торгового баланса», означает, что импорт товаров и услуг не полностью покрывается экспортом товаров и услуг. Существуют два других способа оплаты этой разницы: экспорт валюты и экспорт финансовых требований.

Совокупный дефицит счета текущих операций США за 2005–2009 годы составил 3,3 триллиона долларов. Лишь небольшая доля этого дефицита — около 3,5% — финансировалась за счет экспорта банкнот Федеральной резервной системы⁴⁸. Внутри единой международной валютной зоны, такой как еврозона, потоки резервных денег играют важную уравнивающую роль, как это происходило в прошлом при золотом стандарте за счет механизма перетока металлических денег, который мы рассмотрели в главе 11. У США сегодня общая валюта существует лишь с несколькими официально и неофициально «долларизованными» зонами. В условиях плавающего валютного курса со всеми другими странами мира покупка американцами, например, вина у итальянского винодела приводит не к буквальному оттоку долларов в Италию, а к их обмену на евро на международном валютном рынке, производимому либо импортером, либо экспортером, так как винодел в конечном итоге хочет получить именно евро. Движение обменного курса уравнивает стоимость общих объемов предложения и спроса долларов для обмена на евро и другие валюты.

Остальные 96,5% дефицита торгового баланса США соответствовали прочему экспорту финансовых инструментов, а именно продажам долговых расписок (государственных и корпоративных облигаций) и прав собственности на активы, остающиеся в стране (корпоративных акций, правовых титулов на недвижимость). Дефицит счета текущих операций при плавающем валютном курсе зеркально отражает профицит счета движения капитала. Экономические силы, создающие международные финансовые потоки (зарубежные заимствования), можно рассматривать как основные двигатели этого процесса, а внешнеторговый дефицит — лишь как побочный эффект или симптом. Когда иностранцы желают приобрести в США больше финансовых требований, чем американцы — за рубежом, это повышает ценность доллара при обмене на другие валюты, что оборачивается сравнительной дороговизной американских экспортных товаров на мировом рынке и отрицательным внешнеторговым балансом Соединенных Штатов Америки.

Хорошо это или плохо для экономики региона либо страны — быть чистым заемщиком? Этот вопрос вполне аналогичен вопросу о том, хорошо или плохо быть чистым заемщиком для отдельной семьи. Здесь все зависит от того, зачем берутся кредиты. Заимствование ради прибыльных инвестиций (доходы от которых больше, чем процентные выплаты по займу) способствует будущему процветанию, но заимствование ради убыточных инвестиций или текущего потребления дает обратный эффект. Если финансовый капитал течет в регион потому, что там существуют особенно

привлекательные возможности для инвестирования, то соответствующий дефицит торгового баланса свидетельствует о хороших перспективах будущего экономического процветания. Но если экономика страны в течение долгого периода занимает за рубежом большие суммы денег только для финансирования деятельности национального государства, которое поддерживает хронический бюджетный дефицит, то это совсем другая история. Приток капитала в этом случае финансирует государственные расходы, которые, как правило, означают потребление соответствующей части текущего выпуска продукции (или перераспределение ее в пользу потребления), а не ее прибыльное инвестирование. (Проекты, направленные на формирование капитала, составляют лишь небольшую часть расходов правительства страны.) Тогда соответствующий внешнеторговый дефицит указывает на то, что проводимая политика наносит ущерб будущему процветанию⁴⁹.

Выступая перед Комиссией по изучению торгового дефицита, Фридман отметил, что введение пошлин и квот для сокращения дефицита счета текущих операций не только повредит процветанию, но и не достигнет заявленной цели. Поскольку пошлины не сокращают потребности государства в займах и не увеличивают объем сбережений, осуществляемых населением страны, они не уменьшат объемы внешних заимствований, а значит, не снизят и соответствующий дефицит внешнеторгового баланса⁵⁰. Таким образом, независимо от наличия протекционистских пошлин страна может демонстрировать «синдром двойного дефицита»: хронически высокий внешнеторговый дефицит, подпитываемый хронически высоким дефицитом государственного бюджета. Экономике бюджетного дефицита мы рассмотрим в следующей главе.

От приятного дефицитного финансирования к неприятному долговому кризису

В ноябре 2010 года экономист Георгиос С. Тавлас из Банка Греции делал доклад на конференции в Вашингтоне. Свое выступление он предварил саркастической ремаркой: «Приятно вновь оказаться в США — сейчас больше, чем когда-либо, я чувствую себя здесь как дома». Затем он сделал паузу. Поняв шутку, слушатели рассмеялись — нервно. Чтобы смысл сказанного дошел абсолютно до всех, Тавлас продолжил: «Нечасто мне приходится бывать в стране, бюджетный дефицит которой напоминает мне о нашем, греческом»¹.

Кризис суверенного долга в Греции и Ирландии

В Греции кризис суверенного долга разразился осенью 2009 года. Поскольку бюджетный дефицит страны превысил 13% ВВП, а общий объем долга достиг 113% ВВП, государственные облигации Греции приобрели статус «мусорных» (*junk bonds*), то есть бумаг с высоким риском (и, соответственно, высокой доходностью). В апреле 2010 года рыночная процентная ставка по греческим государственным облигациям с двухлетним сроком погашения превысила 12%, поскольку рынок оценивал вероятность дефолта как весьма высокую². При таких ставках по займам греческие налогоплательщики оказались в *долговой ловушке* (*debt trap*). Когда государство рефинансирует свой долг по процентным ставкам, превышающим темпы роста экономики, долг увеличивается быстрее ВВП за счет одного лишь обслуживания этого самого долга, в результате чего отношение долга к ВВП постоянно повышается, премия за риск дефолта, включаемая в процентную ставку, тоже растет, и обслуживание долга поглощает все большую долю ВВП. Если государство не сократит бюджетный дефицит до такого уровня, чтобы его доля в ВВП не превышала темпов роста последнего, или не получит большую финансовую помощь извне, то полная выплата долга становится невозможной.

С аналогичным фискальным кризисом осенью 2010 года столкнулась Ирландия: доходность по ее государственным облигациям с десятилетним сроком погашения превысила 8%. Повысились и проценты по облигациям

Португалии и Испании, в связи с чем возникли опасения, что они станут следующими странами, которые достигнет кризис рефинансирования³. Чтобы не допустить немедленного дефолта, то есть невыплаты процентов в срок, правительство Греции в мае и правительство Ирландии в ноябре 2010 года согласились с условиями предоставления пакетов экстренной финансовой помощи, выделяемых Европейским союзом, Европейским центральным банком и МВФ. В мае 2011 года аналогичный пакет помощи был предоставлен правительству Португалии. В июле 2011 года Греция получила второй «спасательный» пакет. В октябре того же года был одобрен новый «большой план» (Grand Plan), согласно которому банки-держатели государственных облигаций Греции «согласились» на потерю 50% основной суммы долга, что представляло собой фактически масштабный дефолт⁴.

Тем временем в Азии чистый долг правительства Японии к концу 2010 финансового года достиг впечатляющей величины, равной 181% ВВП. Отношение долга к ВВП продолжало расти, и в 2010 и 2011 годах новые государственные заимствования составляли почти половину бюджетных расходов. Процентные ставки по японским государственным облигациям оставались низкими, но в апреле 2010 года заместитель министра финансов Японии Йосихико Нода признал: «Если они начнут расти, возникнет риск краха государственных финансов страны»⁵.

Вскоре озабоченность стали вызывать и тенденции в государственных финансах США, хотя доходность по американским облигациям тоже пока что оставалась низкой — менее 2% по пятилетним облигациям. В 2009 и 2010 финансовых годах дефицит федерального бюджета достиг рекордного для мирного времени уровня — 10 и 9% ВВП соответственно, а ожидаемый дефицит в 2011 году оценивался в 10%⁶. Размеры заимствований, производимых федеральным правительством в 2009–2010 годах, составляли соответственно 60 и 49% от суммы валовых частных сбережений в стране. Всего за пять лет, с середины марта 2006 по середину марта 2011 года, долларовая сумма федерального долга на руках у публики (*federal debt held by the public*) выросла *вдвое* — с 4,8 до 9,6 триллиона долларов. Отношение долга к ВВП достигло 62% — впервые с первых послевоенных лет этот показатель превысил половину ВВП⁷. При этом официальный долг федерального правительства — это лишь вершина айсберга. В 2009 году автор статьи на *Forbes.com* сообщил, что, по некоторым оценкам, если прибавить к нему долги правительств штатов и местных властей, а также государственных компаний, таких как *Fannie Mae* и *Freddie Mac*, то «суммарный государственный долг в настоящее время будет составлять 141% ВВП. <...> Если добавить к этому не обеспеченную фондированием часть программ социальной защиты [программы пенсионного страхования *Social Security* и программы медицинского страхования *Medicare, Medicaid*], то мы получим величину 840% ВВП»⁸.

Заметная часть прироста федерального долга США в 2007–2010 годах носила циклический характер, то есть была связана с глубокой рецессией,

которая привела к сокращению доходов федерального бюджета и автоматически повлекла за собой некоторые дополнительные расходы. Но значительная часть прироста долга объясняется не циклическими, а «структурными» причинами, о чем свидетельствует тот факт, что за последние четыре десятилетия федеральный бюджет США тридцать шесть раз сводился с дефицитом, а федеральные расходы превышали доходы даже в 2007 году, на пике экономического бума.

Структурный дефицит федерального бюджета правительства будет расти и дальше. Согласно «альтернативному финансовому сценарию» Бюджетного управления Конгресса США, обнародованному в июле 2010 года, — в соответствии с исходными допущениями которого налоговые поступления будут оставаться на уровне 19% ВВП (что немного превосходит средний показатель за последние десятилетия), а «выплаты врачам в рамках Medicare со временем будут расти», как это было и раньше — общий прогноз оказывается неутешительным:

К 2020 году долг будет равен примерно 90% ВВП. Впоследствии растущий дисбаланс между доходами и непроцентными расходами в сочетании со спиралью роста затрат на обслуживание долга быстро доведет федеральный долг до уровня, который будет невозможно поддерживать. К 2025 году долг на руках у публики превысит исторический максимум, составляющий 110% ВВП, а к 2035 году достигнет примерно 180% ВВП.

Если добавить к этому предположение, что в будущем ежегодные ассигнования «будут составлять ту же долю ВВП, что и в 2010 году», то есть около 25% (это означает, что ежегодный дефицит бюджета составит 6% ВВП), то долг будет расти еще быстрее, и «к 2020 году долг на руках у публики достигнет величины почти 100% ВВП»⁹.

Эти предсказания по поводу быстро накапливающегося американского государственного долга приобрели особенно зловещий характер в свете недавних исследований экономистов Кармен Рейнхарт и Кеннета Рогоффа, предупреждающих, что уровень долга выше 90% ВВП коррелирует с существенным снижением реальных темпов экономического роста. На основании своего межстранового сравнительного анализа они приходят к выводу, что хотя «при отношении государственного долга к ВВП ниже порогового уровня 90% ВВП взаимосвязь между долгом и ростом реального ВВП слаба», тем не менее «при значении этого показателя выше 90% медианные темпы роста сокращаются на 1%, а средние темпы роста падают еще сильнее»¹⁰.

Это вызвало озабоченность у некоторых представителей американской общественности, а также у одного федерального ведомства и одного рейтингового агентства. Новые программы федеральных расходов (спасение от банкротства компаний финансового сектора и автомобильной промышленности, субсидии привилегированным фирмам в рамках программы «стимулирования экономики», расходы на здравоохранение) и лавинообразный

рост долга сыграли существенную роль в возникновении в 2009–2010 годах протестного «Движения чаепитий», выступавшего против бюджетной политики, которую оно считало безответственной. В своем докладе, опубликованном в июле 2010 года, Бюджетное управление Конгресса предупредило, что «растущий уровень федерального долга приведет и к увеличению вероятности внезапного бюджетного кризиса, в ходе которого инвесторы утратят доверие к способности правительства контролировать бюджет, и из-за этого правительство лишится возможности осуществлять заимствования по приемлемым процентным ставкам»¹¹. То, что случилось в Греции, Ирландии и Португалии, может произойти и в США. На то, что стоимость заимствований может возрасти, указывает беспрецедентный шаг рейтингового агентства Standard and Poor's в августе 2011 года, когда оно снизило рейтинг долговых обязательств Минфина США с уровня AAA, на котором они находились долгое время¹².

Кейнсианский вызов ортодоксальной теории государственных финансов

Экономисты давно уже спорят о выгодах и издержках бюджетного дефицита и государственных заимствований. После Второй мировой войны разгорелся спор между кейнсианскими и «ортодоксальными» взглядами на фискальную политику. После победы фискального кейнсианства дискуссия затихла, но в 70-е годы, когда вызов кейнсианству бросили монетаристы и представители новой классической школы, разгорелась с новой силой. Даже многие экономисты-кейнсианцы стали скептически оценивать практическую полезность фискальной политики по сравнению с денежной политикой в качестве средства макроэкономической стабилизации, учитывая ту медлительность, с которой конгрессы и парламенты корректируют государственные расходы и налоги. После начала глубокой рецессии 2007–2009 годов кейнсианцы резко оживились, и сегодня спор продолжается. За увеличение дефицитного финансирования расходов в ходе рецессии и после нее выступали современные представители кейнсианской теории государственных финансов, интеллектуальные наследники Джона Мейнарда Кейнса и его толкователей Элвина Хансена и Аббы Лернера, считавших, что если уровень безработицы высок, то это значит, что государственные расходы и долг слишком малы¹³. Их оппоненты, современные представители новой классической теории и австрийской школы — интеллектуальные наследники Давида Рикардо, Милтона Фридмана и Ф.А. Хайека. Они оспаривают доводы кейнсианцев и обеспокоены тем, что ускоренное разрастание государства, финансируемое быстрым ростом долгов государственного сектора, будет подавлять инвестирование и реальный рост¹⁴.

Классическую, или «ортодоксальную», экономическую точку зрения кратко выражает старая максима Адама Смита: «То, что представляется ра-

зумным в образе действия любой частной семьи, вряд ли может оказаться неразумным для всего королевства»*. Принципы разумного государственного заимствования аналогичны принципам разумного заимствования для отдельной семьи. Адам Смит и Жан-Батист Сэй учили, что подобно тому, как семья, чтобы процветать, должна избегать потребительских расходов, превышающих доходы, правительство, желающее процветания своей стране, должно избегать расходов, превышающих налоговые поступления, оставляя частному сектору ресурсы для инвестирования. Заимствование и накопление долгов несет в себе опасность, отмечали они. Страна, которой во все большем объеме приходится выплачивать высокие проценты, может разориться, как и отдельная семья. Таким образом, государственный бюджет, как и семейный, должен быть сбалансированным, за исключением чрезвычайных обстоятельств¹⁵.

Кейнс в своей «Общей теории» (1936) не делал особого акцента на фискальной политике, но уже вскоре после этого Элвин Хансен в книге «Фискальная политика и деловые циклы» (1941) и Абба П. Лернер в книге «Экономическая теория контроля» (1944) сформулировали следствия для нее из кейнсианской модели доходов и расходов¹⁶. Видный экономист-кейнсианец Джеймс Тобин из Йельского университета (1918–2002, нобелевский лауреат 1981 года) так оценивал влияние Хансена, который был его преподавателем в Гарвардском университете:

Элвин Хансен никогда не был близок к президентам и политикам и не занимал крупных государственных постов. Тем не менее ни один американский экономист не сыграл такой важной роли, как он, в исторической смене направленности макроэкономической политики США, происходившей с 1935 по 1965 год. Будучи главным идейным лидером победы кейнсианства, Хансен внес важнейший вклад в «фискальную революцию в Америке»¹⁷.

В соответствии с точкой зрения Хансена–Лернера, или «фискального кейнсианства», дополнительные государственные расходы не конкурируют за редкие ресурсы с фактическими частными расходами кроме как в ситуации полной занятости. Но полная занятость достигается редко. Из этого следует, что ортодоксальный принцип сбалансированности бюджета в обычных условиях ошибочен. Рассматривая дефицит как инструмент управления совокупным спросом, Хансен недвусмысленно отвергал любые рекомендации, требующие сбалансированности государственного бюджета:

Если принять принцип, согласно которому финансовые операции правительства должны рассматриваться исключительно как инструменты

* Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 444.

экономической и государственной политики, то понятие сбалансированного бюджета при любом его определении не может играть никакой роли в формировании этой политики¹⁸.

Лернер также утверждал, что в рамках системы дефицитного финансирования для достижения полной занятости в кейнсианском духе (этот подход он назвал «функциональными финансами») «нет места *принципу* сбалансированности бюджета, но существует долгосрочная *тенденция* к тому, чтобы бюджет балансировал автоматически»¹⁹.

Джесси Беркхед в 1954 году подробно разъяснил, как «фискальное кейнсианство» ниспровергло принципы ортодоксальной фискальной политики:

Кейнсианская атака на классические принципы бюджетирования и государственных финансов была логическим продолжением кейнсианской атаки на представление о том, что экономика тяготеет к равновесию с полной занятостью. Если существуют неиспользуемые ресурсы, которые частный сектор не желает или не может задействовать, то государство может найти им применение с помощью дополнительных государственных расходов, которые не обязательно должны соответствовать дополнительным государственным доходам. Ортодоксальные финансовые правила следует отбросить так же, как и саму ортодоксальную экономическую теорию²⁰.

Беркхед кратко и точно формулирует неортодоксальный подход Хансена и Лернера к государственным расходам:

Экономическая деятельность в государственном секторе не «питается за счет» частной экономической активности; это независимый сектор, производящий товары и услуги. Государственные расходы, финансируемые за счет создания долга, повышают уровень национального дохода независимо от производительности активов, которые могут быть приобретены²¹.

Далее Беркхед перечисляет некоторые из соответствующих изменений, которые «фискальное кейнсианство» внесло в представления профессионалов и широкой общественности о государственном бюджете:

В условиях преобладания кейнсианства есть основания полагать, что обеспечение сбалансированности государственного бюджета будет рассматриваться как устаревшая политическая цель. Многие другие докейнсианские представления о государственных финансах уже выброшены за борт. Сегодня редко приходится слышать, что один доллар государственных расходов приводит к соответствующему сокращению частных расходов на один доллар, или что государственные расходы не могут повысить уровень национального дохода, или что мы никогда не достигнем полной занятости с помощью такого инструмента, как государственные расходы²².

Действительно ли бюджетный дефицит — почти всегда приятная вещь?

Стандартное изложение теории фискального кейнсианства содержится в учебнике «Государственные финансы» (1964), написанном видным экономистом-кейнсианцем Отто Экстайном, профессором экономики в Гарвардском университете и членом Совета экономических консультантов в администрации Линдона Джонсона. В качестве реверанса в сторону ортодоксальной теории Экстайн признал, что бюджетный дефицит может быть основанием для тревоги, если он возникает в условиях полной занятости, когда он способен приводить к повышению процентных ставок и вытеснять частные инвестиции, в результате чего производственный потенциал экономики со временем снижается²³. Но, к счастью, писал он в 1973 году, «такая ситуация в США в мирное время складывается редко»²⁴.

Экстайн проводил различие между мирным и военным временем на том основании, что война приводит к резкому увеличению государственных расходов. В рамках стандартного неоклассического анализа при резком увеличении расходов дефицит бюджета — разумная мера. Чистые экономические издержки от налога при повышении его ставки увеличиваются более чем пропорционально увеличению ставки, поэтому выравнивание налоговых ставок во времени уменьшает бремя этих издержек. Сглаживая налоговые ставки, дефицит бюджета сокращает совокупные чистые экономические потери, так как обеспечивает возможность избежать резкого роста этих ставок, необходимого для обеспечения сбалансированности годовых бюджетов при большом увеличении расходов. В то время, когда Экстайн работал над своей книгой, две трети государственного долга США приходились на займы, взятые еще во время Второй мировой войны.

Адам Смит, напротив, не рассматривал динамику государственных расходов во времени как нечто заданное. В частности, он беспокоился по поводу склонности государства тратить слишком много денег из-за ведения ненужных и чересчур продолжительных войн. Заимствование облегчает властям задачу преодоления сопротивления общества ведению войн, предостерегал он, а потому способствует ненужным расходам, истощающим капитал и ведущим к обеднению страны. Если бы правительство было вынуждено финансировать ведение войны исключительно за счет текущих налогов, то ее издержки ощущались бы сильнее, и поэтому «войны по общему правилу заканчивались бы гораздо быстрее и затевались бы не столь опрометчиво»²⁵. Аналогичные доводы приводил и Давид Рикардо²⁶.

Согласно кейнсианской модели доходов и расходов, в период неполной занятости дефицит бюджета является благом. Экстайн поясняет:

Как же обстоит дело с долгами, возникшими в периоды безработицы?

В этом случае реальное бремя расходов, финансируемых за счет дефицита, остается ограниченным даже в то время, когда эти расходы производятся.

В противном случае ресурсы оставались бы неиспользуемыми, а это означает, что при осуществлении этих расходов не происходит отказа от производства какой-либо продукции в частном секторе. Напротив, производство, скорее всего, увеличится из-за эффекта мультипликатора, порождаемого первоначальными государственными расходами. Таким образом, в подобной ситуации увеличение государственного долга приводит к росту производства и с большой вероятностью — к увеличению инвестиций и более быстрому общему экономическому росту²⁷.

Здесь Экстайн исходит из предположения, что в отсутствие полной занятости редкость ресурсов не является действующим ограничением и дефицитное финансирование расходов не является просто бесплатной раздачей. Этот аргумент, судя по всему, подразумевает, что аномально высокая степень незанятости ресурсов равномерно распределена по всем их видам: если все ресурсы в экономике не используются полностью, то ни один из них не является редким.

В 2009 году Пол Кругман сформулировал аналогичную позицию в своем блоге в *New York Times*, используя вместо «полной занятости» выражение «нормальные условия»:

Почему, собственно, мы считаем, что бюджетный дефицит — это плохо?

Стандартный ответ сводится к двум причинам, то есть называются два способа, которыми дефицит бюджета сегодня может привести к снижению нашего благосостояния в будущем. Вот они:

(1) Фискальная нагрузка (*fiscal burden*): нынешний дефицит означает увеличение будущего долга, который надо будет обслуживать за счет повышения налогов и/или сокращения расходов на другие, предположительно, более желательные цели.

(2) Вытеснение (*crowding out*): прибегая к дефицитному финансированию, государство конкурирует с частным сектором за инвестиционные ресурсы, поэтому дефицит вытесняет частные инвестиции, что снижает потенциальные темпы роста.

В нормальных условиях все это звучит вполне разумно. Но сейчас мы не живем в нормальных условиях. Мы попали в ситуацию, когда экономика оказалась в глубокой депрессии, а денежная политика... [перестала быть действенной, что] ослабляет аргумент (1) и по существу превращает аргумент (2) в собственную противоположность.

...В тех условиях, с которыми мы сталкиваемся сегодня, главной детерминантой инвестиций бизнеса является состояние экономики, о чем свидетельствует резкое сокращение их величины [в ходе рецессии 2007–2009 годов]. Это, в свою очередь, означает, что все, что улучшает состояние экономики, в том числе фискальные стимулы, ведет к росту инвестиций и тем самым повышает ее будущий потенциал.

Иными словами, в нынешних условиях дефицитное финансирование не вытесняет (*crowding out*), а стимулирует (*crowding in*) инвестиции. Можно

даже утверждать: самое худшее, что мы способны сегодня сделать для будущих поколений, — это *не* допускать достаточно существенного бюджетного дефицита²⁸.

Споры о том, в какой степени государственные расходы приводят к росту или, наоборот, снижению национального дохода, мы проанализируем ниже в связи с кейнсианским понятием «мультипликатора».

В отличие от ортодоксальной точки зрения, согласно которой государственный бюджет должен быть сбалансированным, за исключением чрезвычайных обстоятельств вроде резкого роста расходов в военное время, фискальное кейнсианство учит, что бюджет должен быть сбалансирован лишь тогда, когда экономика находится в состоянии полной занятости, и быть профицитным только в ситуации, когда уровень полной занятости превышен.

В первые годы правления администрации Дуайта Д. Эйзенхауэра в США Беркхед сетовал, что этот урок не был усвоен:

Практическое влияние кейнсианской теории на бюджетные концепции и процедуры в США по существу равно нулю. У нас по-прежнему доминирует приверженность сбалансированному бюджету, подкрепляемая риторикой и аргументами представителей классической экономической теории²⁹.

Апогей прямого влияния кейнсианства на экономическую политику США наступил при администрациях преемников Эйзенхауэра — Джона Ф. Кеннеди (1961–1963), Линдона Б. Джонсона (1963–1969) и Ричарда М. Никсона (1969–1974). Известные представители фискального кейнсианства перебрались из университетов и аналитических центров в Совет экономических консультантов. Сам Элвин Хансен еще в 1957 году ушел на пенсию, но среди этих советников было несколько его бывших студентов из Гарварда (Джеймс Тобин, Кермит Гордон, Отто Экстайн, Пол У. Маккракен) и один бывший коллега (Джеймс Дьюзенберри). Другие — в том числе Уолтер Хеллер, Гарднер Экли, Артур М. Оукен и Герберт Стайн — стали приверженцами фискального кейнсианства под руководством иных наставников. Администрации Кеннеди–Джонсона и Никсона более или менее официально приняли кейнсианскую позитивную точку зрения на дефицитное финансирование. Никсон объявил себя «кейнсианцем в экономике», отстаивая бюджетные расходы, оплачиваемые за счет дефицита. Герберт Стайн (1916–1999), участвовавший в работе Совета экономических консультантов при Никсоне, впоследствии предложил оценивать влияние Кейнса на его членов на основании принадлежности к тому или иному поколению:

В том, что касается отношения к Кейнсу, лучший ориентир — это год рождения членов совета. Те, кто родился до 1915 года, не были кейнсианцами. Родившиеся в 1915–1940 годах были кейнсианцами или сильно

склонялись в этом направлении. Для тех же, кто родился после 1940 года, кейнсианство было второстепенным и ненадежным инструментом, пригодным для использования в некоторых случаях, но неприменимым к серьезным проблемам³⁰.

Кто несет долговое бремя?

В своем анализе Экстайн по большей части исходил из того, что государственный долг является внутренним, то есть его держатели — это домохозяйства и фирмы в самих США, так что можно было бы сказать, что «мы должны сами себе». В этом случае при условии полной занятости предоставление в распоряжение государства дополнительных ресурсов, финансируемое за счет долга, означает одновременное сокращение потребления (или инвестирования) ресурсов теми резидентами страны, которые приобретают новые облигации своего государства. В этом смысле бремя дополнительных расходов, финансируемых за счет государственного долга, ощущается немедленно. В последующий же период налоги, которыми государство облагает гражданина Петра, чтобы выплачивать проценты и основную сумму долга по государственным облигациям, находящимся у гражданина Павла, не оборачиваются сокращением потребления в масштабе страны (не считая чистых экономических потерь от налогообложения), но лишь перераспределяют потребление от Петра в пользу Павла. Аналогичным образом Беркхед утверждал, что выплата процентов нерезидентам может быть «серьезной статьей расходов» для властей *города*, «но такого рода „затратность“ не относится к федеральному правительству США. В данном случае выплачиваемые проценты не „уходят за границу“; вместо этого имеют место трансферты в рамках национальной экономики»³¹.

Однако внутреннее финансирование государственного долга уже не является адекватным приближенным описанием ситуации в США и крупных странах Европы. По данным Бюджетного управления Конгресса, в конце 2010 года лишь 53% государственного долга США находилось на руках у внутренних кредиторов; остальные 47% держали иностранные резиденты. Крупнейшими иностранными держателями были центральные банки и частные финансовые посредники в Китае, Японии и Великобритании³². Экстайн признавал, что привлечение займов из-за рубежа — практика, которую он считал характерной для развивающихся стран, — позволяет увеличить потребление в стране в первоначальный период, но лишь ценой соответствующего сокращения потребления налогоплательщиков в последующие периоды, когда процентные платежи и возврат основной суммы долга будут уходить за границу.

Начиная с 1958 года Джеймс М. Бьюкенен критикует кейнсианцев и их акцент на общенациональном уровне агрегирования («мы» должны «сами себе») даже в том, что касается внутреннего долга. Кейнсианская

фискальная теория отрицает тот факт, что бремя, связанное с текущим использованием ресурсов государством (в условиях полной занятости), с помощью внутреннего заимствования может быть «передвинуто вперед», то есть переложено на плечи следующего поколения. Бьюкенен утверждал, что на деле налогоплательщики последующих периодов несут бремя, связанное с использованием ресурсов государством в первом периоде, даже если покупатели облигаций находятся внутри страны. Покупатели облигаций, такие как Павел, то есть отказывающиеся от распоряжения ресурсами в течение первого периода, делают это добровольно, демонстрируя, что они предпочитают распоряжаться большим количеством ресурсов в будущем благодаря получению процентов вдобавок к основной сумме долга. Поэтому утверждать, что они несут это бремя, было бы неправильно. Бремя предшествующих расходов государства ложится не на покупателей облигаций и не на «всех нас», а на Петра и других будущих налогоплательщиков.

С точки зрения Бьюкенена, есть все основания утверждать, что дефицитное финансирование расходов на любые проекты, не приносящие большой выгоды будущим поколениям, ложится на эти поколения несправедливым бременем. Томас Джефферсон не зря говорил, что «принцип, согласно которому деньги расходуются в расчете на то, что расплачиваться за это придется потомкам... — не что иное как крупномасштабное мошенничество по отношению к грядущим поколениям»³³. Напоминая об идее Адама Смита, что принципы государственного заимствования аналогичны принципам заимствования, применимым к отдельной семье, Бьюкенен и его соавтор Ричард Вагнер отмечали, что «кейнсианцы поставили смитовскую аналогию с ног на голову», утверждая, будто стремление балансировать бюджет всегда, за исключением чрезвычайных обстоятельств, благоразумное для человека и семьи, нельзя считать разумной политикой, если так решит поступать государство³⁴.

Бюджетное ограничение для государства и стимулы к заимствованию

В своей книге «Демократия в дефиците», вышедшей в 1977 году, Бьюкенен и Вагнер оспорили кейнсианскую идею, что дефицитное финансирование — это однозначное благо (в условиях неполной занятости) и что оно не ложится бременем на будущие поколения (даже при полной занятости). Они утверждали, что кейнсианские рекомендации в отношении фискальной политики, сформулированные так, как будто они предназначены для просвещенных монархов, при их осуществлении выборными чиновниками приводят к непреднамеренным последствиям:

Кейнсианская экономическая теория развязала руки политикам, устранила действенное ограничение их обычных appetитов. Вооруженные

кейнсианской проповедью, политики могут тратить и тратить деньги без видимой необходимости повышать налоги³⁵.

В качестве альтернативы Бьюкенен и Вагнер предлагали вернуться к «классической теории государственного долга», на практике означающей поддержку «квазиконституционной нормы, требующей строгой сбалансированности бюджета»³⁶.

Исходным пунктом теории фискальной политики является бюджетное ограничение для государства. Каждый доллар, который государство тратит в течение финансового года, поступает из одного из трех источников: налоговых доходов, займов и эмиссии денег. Можно сформулировать это положение в виде простого бухгалтерского тождества, которое мы будем использовать и далее в этой главе. В течение каждого финансового года выполняется равенство:

$$G = T + \Delta D + \Delta M,$$

где G — это государственные расходы, T — обычные налоговые доходы, ΔD — изменение величины государственного долга (Δ — символ приращения, D — долг) на руках у частного сектора, а ΔM — изменение количества выпущенных государством денег, находящихся на руках у частного сектора (состоящего из наличных денег и остатков на счетах коммерческих банков в центральном банке). Включение денежной эмиссии означает, что тождество учитывает и операции центрального банка как одной из структур государственной власти. Все переменные измеряются в долларах в год. Если исходить из допущения, что уровень государственных расходов и темп эмиссии денег являются фиксированными величинами, то, как отмечают Бьюкенен и Вагнер, «теория государственного долга сводится к сравнению последствий налогообложения и выпуска государственных долговых обязательств»³⁷.

Бьюкенен и Вагнер указывают, что «если индивид берет деньги в долг, он несет за это личную ответственность». Понимание того, что долг придется выплачивать самому заемщику и никому другому, причем с процентами, сдерживает чрезмерное заимствование на потребительские расходы³⁸. Авторы книги утверждают, что стимулы, воздействующие на государство в связи с заимствованиями, носят иной характер. Бремя государственных заимствований ляжет на будущих налогоплательщиков, то есть не на тех людей, кто принимает сегодня решение взять в займы и израсходовать. Избиратели, чья доля в текущем налоговом бремени больше, чем ожидаемая ими доля в будущем налоговом бремени, склонны отдавать предпочтение государственным заимствованиям перед ростом налогов в текущем периоде. Это смещение в сторону заимствований характерно даже для избирателей с большим горизонтом планирования, если они ожидают, что к моменту уплаты будущего налога они перейдут в категорию налогообложения с более низкими ставками или умрут (не передав

по наследству имущества, позволяющего покрывать будущие налоговые требования) либо что их доля бремени станет меньше из-за роста населения. Таким образом, для демократического государства стимулы к отказу от чрезмерного и безответственного заимствования будут более слабыми, чем для отдельной семьи³⁹.

По существу, утверждали Бьюкенен и Вагнер, выбор избирателей и политиков в отношении фискальной политики оказывается близоруким. Раньше эту тенденцию сдерживала фискальная ортодоксия, но фискальное кейнсианство предоставило ей полный простор⁴⁰. Поскольку, согласно кейнсианской теории, бремя долга не может быть переложено на последующие поколения, она подорвала прежние моральные ограничения, которые сдерживали чрезмерные заимствования. Утверждая, что бюджетный дефицит позволяет увеличить национальный доход и даже стимулировать частные инвестиции в условиях неполной занятости, кейнсианство размыло представление о том, что «не бывает бесплатных обедов», которое служило ограничением по издержкам. Результатом стали чрезмерные государственные расходы с точки зрения будущих налогоплательщиков, на которых лягут все издержки, но они не получают от этого никаких выгод.

Рикардианская эквивалентность

Чтобы более детально проанализировать кейнсианский тезис о том, что фискальная политика способна стимулировать экономику к повышению реального выпуска продукции в условиях неполной занятости, а также и возражения против него, необходимо дать ясное описание того, как действует фискальная политика. Экономисты посвятили большое количество усилий обсуждению соотношения налогообложения и долга в предположении, что государственные расходы и объем денежной эмиссии денег постоянны.

Вариант 1: При заданном уровне государственных расходов правительство заменяет часть текущих налоговых доходов выпуском новых долговых инструментов. В терминах бюджетного тождества G постоянно, T уменьшается, ΔD увеличивается на некоторую сумму, ΔM постоянно.

Ниже мы рассмотрим и варианты, когда государственные расходы увеличиваются.

Представление о том, что сочетание налогов и новых заимствований в варианте 1 приведет к увеличению реального производства в экономике, основано на двух утверждениях: текущие расходы служат ограничением объема выпуска, а снижение налогов увеличивает расходы частного сектора. Оба утверждения напрямую вытекают из простой кейнсианской модели доходов и расходов ($C + I + G = Y$), которую мы рассмотрели в главе 5. Частные потребительские расходы (C) увеличиваются вместе с величиной

доходов за вычетом налогов (чистых доходов), которая повышается благодаря снижению налогов. В варианте 1 по определению считается, что величина частных инвестиционных расходов (I) задана экзогенно, а величина государственных расходов (G) постоянна. В рамках более сложной модели IS-LM, основанной на работах Элвина Хансена и британского экономиста Джона Хикса (1904–1989, нобелевский лауреат 1972 года), увеличение государственного долга может привести к некоторому сокращению инвестиционных расходов за счет повышения реальной процентной ставки, из-за чего объем инвестиционных расходов, на которые предъявляется спрос, снижается. Государственные заимствования «вытесняют» некоторую долю частных инвестиций. Но, как правило, сокращение инвестиционных расходов лишь частично нейтрализует рост потребительских расходов вследствие снижения налогов. Кроме того, как предполагают некоторые кейнсианцы, воздействие заимствований на реальную процентную ставку можно ослабить за счет политики денежной экспансии⁴¹.

По мере усложнения макроэкономической теории в десятилетия, последовавшие за публикациями Хансена и Лернера, утверждение, что рост дефицита бюджета в варианте 1 стимулирует производство в реальном выражении, стало вызывать сомнения. В опубликованной в 1952 году статье, посвященной следствиям из макроэкономической теории, в рамках которой «владение активами оказывает прямое влияние на эффективный спрос», то есть расходы индивида зависят от его богатства, Джеймс Тобин отметил, что «включение процентных государственных долговых обязательств в чистые частные балансы и совокупное частное богатство» порождает следующий парадокс:

Как может общество, просто запустив механизм заимствования у самого себя, создать у себя же ложное впечатление, будто оно стало богаче? Разве дополнительные налоги, необходимые для выплаты процентов, не снижают ценность прочих компонентов частного богатства?⁴²

Иными словами, почему увеличение количества казначейских облигаций США на руках у публики внутри страны должно считаться увеличением чистого богатства, если соответствующие будущие налоговые обязательства полностью перекрывают ценность этих активов? Ведь *мы должны сами себе*. В финансовых терминах текущая ценность будущих дополнительных налогов в точности равна текущей ценности новых облигаций. Когда Министерство финансов выпускает облигацию, ее цена на аукционе — это одновременно и сумма, которую берет в долг государство, и текущая ценность, которую аукционный рынок присваивает будущему потоку обещанных платежей по ней. А поток платежей, обещанных держателям облигаций, в точности равен потоку будущих обязательств налогоплательщиков.

Если исключить казначейские облигации из чистого богатства, то можно предположить, что переход к более низким налогам и большей величи-

не долга, как предусматривает вариант 1, не будет действенным способом увеличения расходов домохозяйств, по крайней мере через канал влияния на их богатство. Однако Тобин продолжил выкладки и предложил объяснение того, почему воздействие будущих налогов на то, как индивиды оценивают свой уровень богатства, и на их текущие расходы может быть лишь частичным, а рост государственного долга может стимулировать расходы через другие каналы.

В учебнике, опубликованном в 1962 году, Мартин Дж. Бейли подверг более детальному критическому разбору вопрос о том, повысит ли совокупные расходы дефицит, предусматриваемый вариантом 1. Отметив, что текущая ценность дополнительного государственного заимствования эквивалентна текущей ценности соответствующего потока будущих дополнительных налоговых обязательств, он указал, что если налогоплательщики захотят подготовиться к дополнительным будущим обязательствам путем сбережения за счет снижения налогов достаточной суммы, чтобы полностью эти обязательства выплатить, то им придется сберегать всю сумму, полученную за счет сокращения налогов. Таким образом, переход от налогообложения к заимствованиям никак не изменит текущие расходы домохозяйств:

Если будущие налоговые обязательства, порождаемые дефицитным финансированием, спрогнозированы точно, то уровень, на котором установлены совокупные налоговые поступления, не имеет значения; поведение общества будет в точности таким же, как и в случае, когда бюджет по-прежнему будет оставаться сбалансированным.

В сноске Бейли привел важное обобщение этого рассуждения: «Тот же аргумент применим, если не ожидается, что долг будет погашаться [то есть если долг будет рефинансироваться до бесконечности], если типичное домохозяйство планирует сохранять неизменным свое состояние с определенным потенциалом получения чистого дохода за вычетом налогов, при том же самом наборе доступных альтернатив и при заданном текущем материальном положении»⁴³.

Парадокс Тобина и описанная Бейли возможность нейтральности дефицита не привлекли большого внимания в момент публикации. Утверждения, что новые государственные заимствования влекут за собой будущие налоговые обязательства с той же текущей ценностью, а налогоплательщики, сберегающие достаточно средств, чтобы выполнить эти обязательства, нейтрализуют снижение налогов, обеспечиваемое дополнительными заимствованиями, оказалось в центре внимания профессионалов-экономистов в 1974 году благодаря Роберту Дж. Барро (тогда он работал в Рочестерском университете, а сейчас преподает в Гарвардском университете). Название своей статьи, вызвавшей немало дискуссий, Барро сформулировал в виде вопроса: «Являются ли государственные облигации чистым богатством?» — и дал на него отрицательный ответ⁴⁴. Он показал, что

нейтральность дефицита по Бейли — это не просто некая возможность, но что ее можно вывести из посылки об оптимизирующем поведении в рамках модели, в которой горизонт планирования налогоплательщиков простирается так же далеко в будущее, как и порожденный дополнительным долгом поток налоговых платежей.

Для получения результата, изложенного Барро, не требовалось, чтобы все налогоплательщики жили дольше, чем продолжается соответствующий поток налоговых платежей, при условии что каждое домохозяйство планирует оставить имущество в наследство или иным способом передать богатство наследникам, и оно устанавливает размер этого наследства таким образом, чтобы оно давало определенный доход после уплаты налогов (как предполагалось у Бейли). Барро выводил этот план передачи имущества из допущения о том, что домохозяйства отдают предпочтение выравниванию доходов между поколениями (он назвал это предпочтение «межпоколенческим альтруизмом»). Как он сформулировал позднее, в рамках его подхода «домохозяйства капитализируют всю последовательность ожидаемых будущих налогов и тем самым осуществляют эффективное планирование с неограниченным временным горизонтом»⁴⁵. Барро использовал модель «с перекрывающимися поколениями», представлявшую собой развитие модели, предложенной в 1958 году Полом Самуэльсоном для описания межпоколенческой налогово-перераспределительной системы, подобной системе пенсионного обеспечения Social Security⁴⁶.

Джеймс М. Бьюкенен тут же указал, что результат Барро давным-давно был сформулирован экономистом классической школы Давидом Рикардо. Дальновидные домохозяйства с оптимизирующим поведением, отмечал Рикардо, отреагируют на увеличение будущих налогов сбережением сумм, достаточных, чтобы они сами и их наследники могли эти будущие налоги уплатить, а поэтому выбор государства между текущими или будущими налогами есть выбор между равноценными альтернативами. Бьюкенен прокомментировал это так: «Основная идея аргумента Барро подтверждает теорему Рикардо, согласно которой налогообложение и выпуск государственных облигаций приводят по существу к эквивалентным результатам»⁴⁷. После этого тезис Рикардо–Бейли–Барро получил то название, которое дал ему Бьюкенен — «рикардианская теорема эквивалентности», или просто «рикардианская эквивалентность».

Из рикардианской эквивалентности следует, что переход от текущего налогообложения к государственному заимствованию — увеличение объема государственного долга — не влияет на процентную ставку. Сумма, оставшаяся у налогоплательщиков в результате сокращения налогов, полностью сберегается и идет на покупку нового долга. Таким образом, подобная смена политики не вытесняет инвестиции и не увеличивает потребительские расходы. Она не ведет к увеличению чистых внешних заимствований и потому не воздействует на дефицит торгового баланса.

В статье «Опыт о системе фундированных государственных займов», написанной для приложения к изданию «Encyclopedia Britannica» 1820 года,

Давид Рикардо остановился на вопросе о том, как финансировать резко возросшие государственные расходы во время войны. В качестве иллюстрации он принял величину расходов равной 20 миллионам фунтов стерлингов, а процентную ставку — 5% годовых. Он рассмотрел три варианта финансирования: (а) увеличение собираемых налогов на 20 миллионов фунтов стерлингов в том же году, (б) заимствование путем выпуска бессрочных облигаций и увеличение раз и навсегда собираемых налогов на 1 миллион фунтов стерлингов в год для выплаты процентов (и только процентов) по долгу, и (в) заимствование путем выпуска облигаций с 45-летним сроком погашения и увеличение собираемых налогов на 1,2 миллиона фунтов стерлингов в год в течение 45 лет для выплаты процентов и основной суммы долга. Используя более привычные термины, государство может оплатить расходы наличными, взять бессрочную ссуду с выплатой только процентов, которая будет пролонгироваться до бесконечности, или взять ссуду с 45-летним сроком погашения. Текущая ценность налоговых платежей во всех трех вариантах одинакова (20 миллионов фунтов). Соответственно, рассуждал Рикардо, «с точки зрения экономии между этими способами нет действительной разницы, ибо 20 млн ф. ст., уплаченные сразу, 1 млн, уплачиваемый ежегодно, или 1200 тыс. ф. ст., уплачиваемые в течение 45 лет, представляют совершенно одинаковую стоимость». Нагрузка на репрезентативного налогоплательщика (в данном примере она принята равной 1/20000 общего бремени, то есть 1000 фунтов стерлингов) одинакова, даже если сам он этого не осознает:

Трудно было бы убедить человека, имеющего 20 тыс. ф. ст. или какую-либо другую сумму, что постоянная уплата 50 ф. ст. в год столь же обременительна, как и единовременный налог в 1 тыс. ф. ст. У него имеется смутное представление, что 50 ф. ст. в год будут уплачиваться потомством, а не им самим; если, однако, он оставляет свое состояние сыну и оставляет его обремененным таким постоянным налогом, то какая же разница между 20 тыс. ф. ст., обремененными налогом, и 19 тыс. ф. ст., свободными от него? Такой аргумент о возможности возложить на потомство уплату процентов по нашему долгу или возможности облегчить его от части этого бремени приводится часто весьма сведущими в других отношениях людьми, но мы признаемся, что считаем его несостоятельным⁴⁸.

Эквивалентностью в терминах текущей ценности аргументация Рикардо не ограничивалась. Как указал в своем ответе Барро и Бьюкенену Джеральд П. О’Дрисколл — мл., Рикардо утверждал, что типичный налогоплательщик на деле *не* считает три метода финансирования эквивалентными для себя, а каким-то образом надеется уклониться от полной выплаты своей доли отложенных налогов. Как раз перед процитированным выше отрывком Рикардо отмечал: «Мы слишком расположены думать, что обременительность войны определяется лишь теми суммами, которые мы должны платить, собирая налоги, пока она идет, и не принимаем во внимание

возможную продолжительность таких налогов». Многие налогоплательщики близоруки. Поэтому Рикардо не считал, что три метода финансирования эквивалентны по своим политико-экономическим последствиям⁴⁹. Он утверждал, что поскольку налогоплательщики менее чувствительны к издержкам на войну, если последние оплачиваются за счет заимствований, долговое финансирование позволяет избранному налогоплательщиками правительству тратить больше. Рикардо предпочитал финансирование исключительно за счет текущих налогов, чтобы расходы на войну ощущались полностью и налогоплательщики оказывали давление на правительство, чтобы оно в полной мере их учитывало:

Когда гнет войны дает о себе знать сразу же без всякого смягчения, мы станем менее склонными легкомысленно ввязываться в дорогостоящий конфликт, а раз ввязавшись в него, мы скорее захотим покончить с ним, если только этот конфликт не связан с борьбой за национальные интересы большого значения⁵⁰.

Бьюкенен и Вагнер разделяли точку зрения Рикардо, что эквивалентность в терминах текущей ценности в условиях демократии не означает политической эквивалентности, поскольку восприятие будущих налогов несовершенно. Рикардианская теорема эквивалентности «неприемлема» в качестве описания реального поведения, поскольку она требует от налогоплательщиков большей информированности и дальновидности, чем это, с их точки зрения, оправданно. Бьюкенен и Вагнер также подвергли сомнению идею о том, что понятие полного межпоколенческого альтруизма точно описывает поведение реальных налогоплательщиков в том, что касается сбережений. Если по одной из этих причин сегодняшние налогоплательщики не полностью учтут налоги будущих периодов, то «замена финансирования за счет текущих налогов государственными заимствованиями приведет к снижению „ощущаемой цены“ государственных благ и услуг» и тем самым к увеличению величины спроса. Подобный эффект очевиден во всех случаях, когда «увеличение будущего налогообложения, порождаемое с государственным долгом, не приводит к давлению избирателей [на законодателей], сопоставимому с тем, к которому приводит увеличение текущего налогообложения»⁵¹. Сам факт того, что избранные политики предпочитают заимствования повышению налогов, говорит о том, что эти два метода политически не эквивалентны. Было бы ошибкой предполагать, что динамика расходов остается неизменной при смене метода финансирования, поскольку переход к финансированию за счет заимствований повышает политическую привлекательность дополнительных расходов.

Другие экономисты в ответ на статью Барро выдвинули ряд дополнительных возражений против рикардианской эквивалентности, которые он впоследствии свел воедино. Главными из них были «конечная продолжительность жизни», которая имеет значение в той степени, в какой

межпоколенческие трансферты не являются всеобщим явлением; «несовершенство частных кредитных рынков», вследствие чего ставки дисконтирования, из которых исходят налогоплательщики, оказываются выше процентной ставки по государственным займам; «неопределенность в отношении будущих налогов и других переменных», что опять же ведет к более высокой ставке дисконтирования, применяемой налогоплательщиками; «и искажающая природа налогообложения как такового». Барро, в свою очередь, утверждал, что в реальном мире отклонения от эквивалентности, «скорее всего, незначительны» по величине — за исключением искажающих эффектов (то есть чистых экономических издержек) налогообложения. (Его критики, со своей стороны, возражали, что «имеющиеся статистические данные являются в лучшем случае неоднозначными» в том, что касается рикарданской эквивалентности⁵².) Поскольку, как отмечал Барро, люди будут перераспределять свою деятельность во времени от периодов с высокими налоговыми ставками к периодам с низкими, «вариации в ожиданиях по поводу момента» будущего повышения налогов, вызванного увеличением государственного долга, могут изменять «распределение трудовых усилий и потребления во времени»⁵³.

Аргументы самого Рикардо в пользу *неэквивалентности* Барро назвал теоретическим «промахом». Ограничиваясь рассмотрением варианта 1, в котором график расходов во времени является заданным, он проигнорировал аргументы Бьюкенена и Вагнера о том, что дефицитное финансирование в условиях демократии ведет к росту государственных расходов. Свои выводы Барро кратко сформулировал следующим образом:

Рикарданская теорема эквивалентности равносильна утверждению, что фискальное воздействие государства полностью описывается графиком его расходов во времени. При заданном графике расходов никакие изменения во временной структуре налогов — в частности, порождаемые бюджетным дефицитом — не оказывают на экономику какого-либо воздействия первого порядка. Эффекты второго порядка возникают по разным причинам, среди которых, как я показал, наибольшее значение имеет искажающее влияние налогов. Эти соображения приводят к мысли, что ставки налогов на трудовые доходы и потребление следует выравнять во времени⁵⁴.

Рекомендация Барро в отношении выравнивания налоговых ставок отсылает к стандартному неоклассическому рецепту, согласно которому государству следует прибегать к дефицитному финансированию при резком росте расходов или снижении доходов во избежание более высоких чистых экономических издержек от повышения ставок налогообложения. При резком отклонении в противоположную сторону оно должно прибегать к профициту бюджета. Утверждение Барро по поводу фискального воздействия наводит на мысль, что тем, кто хочет ограничить размеры государства, нужно стремиться сдерживать его расходы, а не налоговые доходы или государственный долг по отдельности.

В 80-х годах XX века был предложен не связанный с кейнсианством довод в пользу снижения налогов при любом заданном уровне государственных расходов. Его авторами стала группа экспертов по экономической политике, идеи которой получили название «экономики предложения» (supply-side economics) — по контрасту с кейнсианством, делавшим акцент на спросе⁵⁵. Это название отражало тот факт, что авторы, выступавшие с позиций экономики предложения, время от времени заявляли, что возрождают идейное наследие экономистов классической школы, таких как Жан-Батист Сэй. Последний, как отмечалось в главе 5, подчеркивал, что устойчивый экономический рост связан с увеличением предложения товаров и услуг, а не наращиванием совокупного спроса: «Трудность заключается в получении средств, а не в стимулировании желаний потреблять... Поэтому хорошее правительство ставит себе целью стимулировать производство»⁵⁶.

Цель фискальной политики, по мнению сторонников экономики предложения, состоит не в снижении налоговых *доходов* федерального правительства, а в позитивном стимулирующем воздействии снижения налоговых *ставок* на совокупное предложение. Разница между налоговыми доходами и налоговыми ставками сводится к простой арифметике: налоговый доход — это ставка налога, умноженная на налогооблагаемую базу. К примеру, если ставка налога на джин составляет 4 доллара за бутылку, то налоговый доход в долларах в год составляет эту сумму, умноженную на количество бутылок, проданных за год. Сторонники экономики предложения делали основной упор на элементарном утверждении, являющемся следствием стандартной теории спроса и предложения: при снижении налоговой ставки растет налоговая база. При ставке в 2 доллара за бутылку ее цена, включающая налог, снизится, а значит, будет продано больше бутылок. (Кто-то станет употреблять больше этого напитка, кто-то перейдет с «паленого» джина на легальный.) Из этого следует, что хотя ставка налога снизится вдвое, пропорционального уменьшения налоговых доходов не произойдет. Они могут даже увеличиться. В примере с джином эти доходы повысятся, если объемы продаж легального джина столь сильно зависят от цены, что в конечном счете будет продано в два с лишним раза больше бутылок, чем при прежней ставке. В такой ситуации от снижения ставки налога выигрывают все: бремя для налогоплательщиков в расчете на бутылку уменьшается, а доходы казны увеличиваются.

Движение сторонников экономики предложения за применение этой логики к подоходному налогу возглавили экономист Артур Лаффер и журналист Джуд Ванниски. Кривая Лаффера — получившая свое название благодаря Ванниски, описавшему, как Лаффер наскоро набросал ее на салфетке во время встречи за ужином в вашингтонском ресторане, — демонстрирует эту возможность двустороннего выигрыша, изображая простую зависимость между налоговыми доходами и ставками⁵⁷. Если налоговая

ставка равна нулю, то доходы отсутствуют. С ее повышением налоговые доходы растут, но с каждым новым ее приращением они увеличиваются все меньше и меньше. При некотором достаточно высоком уровне ставки налога рост доходов прекращается, а затем они начинают уменьшаться. Если налоговые доходы откладывать по вертикальной оси, а ставку — по горизонтальной слева направо, то кривая налоговых доходов выглядит наподобие арки «Ворота Запада» в Сент-Луисе: она возрастает, становясь все более пологой, достигает максимума, а затем начинает убывать.

В экономике, находящейся правее точки максимума на кривой Лаффера для подоходного налога, сокращение ставки этого налога приносит выигрыш обеим сторонам: оно стимулирует достаточный рост приносящей доходы деятельности, чтобы снижение ставки «окупилось для бюджета». Аргумент о двустороннем выигрыше приводился некоторыми сторонниками экономики предложения в поддержку снижения ставок подоходного налога, которое было предложено президентом Рональдом Рейганом в 1981 году.

Другие экономисты признавали такую теоретическую возможность, но считали более вероятным, что США на самом деле все еще находятся на возрастающем сегменте кривой Лаффера для подоходного налога. Вопрос о том, насколько предложение труда и капитала действительно отреагирует на снижение ставок личного и корпоративного подоходного налога, был чисто эмпирическим. Исходя из имеющихся эконометрических оценок чувствительности предложения рабочей силы к уровню чистой заработной платы (то есть за вычетом налогов), критики сомневались, что 10-процентное сокращение ставки подоходного налога стимулирует увеличение величины предложения труда больше чем на 1–2%, в то время как для того, чтобы это снижение налога окупилось для бюджета, было необходимо увеличение на 10%. В числе этих критиков был Мартин Фелдстайн, занимавший при Рейгане пост председателя Совета экономических консультантов (Council of Economic Advisers, CEA), — он был сторонником рейгановского снижения налоговых ставок, несмотря на вероятное сокращение доходов, поскольку считал необходимым уменьшить чистые экономические издержки налогообложения и тем самым улучшить состояние экономики страны⁵⁸. Как отмечали в своем ретроспективном исследовании Уильям Нисканен (тоже входивший в CEA при Рейгане) и Стивен Мур, на деле оказалось, что после рейгановского сокращения налогов «в 80-е годы произошел взрывной рост бюджетного дефицита... В 1981 году дефицит составлял 101 миллиард долларов (в долларах 1987 года), или 2,7% ВВП. В 1983 году он достиг пикового значения в 236 миллиардов долларов, или 6,3% ВВП». Нисканен и Мур отвергли предположение, что политическое руководство страны приняло всерьез аргументы о «молочных реках и кисельных берегах», основанные на кривой Лаффера:

Сторонники экономики предложения прогнозировали, что предлагавшееся ими сокращение налогов окупится для бюджета. Это с самого начала было вздором, поскольку надежные данные однозначно указывали, что реакция на сокращение налогов в виде увеличения доходов составляет 35 центов на доллар. <...> Один из главных и самых стойких мифов рейганомики состоит в том, что Белый дом будто бы полагался на безумные представления экономики предложения о воздействии сокращения налогов на доходы. Администрация Рейгана никогда не считала, что снижение налогов окупится для бюджета⁵⁹.

В исследованиях, посвященных предложению труда, давались более высокие оценки реакции (в процентах) на сокращение подоходного налога в долгосрочной перспективе, но и этого было недостаточно, чтобы такое сокращение в общем случае окупалось для бюджета в терминах текущей ценности. Согласно предположению Джеймса Д. Гуортни, тот факт, что долгосрочная реакция на снижение налоговых ставок оказывается больше, чем краткосрочная, означает, что политика стимулирования предложения больше подходит для поощрения роста в долгосрочной перспективе, чем для борьбы с рецессией⁶⁰.

Гуортни привел полезный и простой пример, демонстрирующий, что чувствительность предложения труда к снижению ставки подоходного налога не следует считать одинаковой для всех ступеней налоговой шкалы и что она естественным образом оказывается самой большой у налогоплательщиков, чьи заработки облагаются по самым высоким ставкам. Для налогоплательщика, облагаемого подоходным налогом по ставке 75%, ее сокращение на треть, до 50%, означает, что из последних 100 заработанных долларов он сохранит 50, а не 25 — это стопроцентное увеличение чистого заработка на каждый полученный до выплаты налога доллар, и оно вдвое увеличивает стимул для дополнительного заработка. И напротив, для налогоплательщика, чьи доходы облагаются по ставке 15%, ее сокращение на треть, до 10%, увеличивает его чистую зарплату до 90 вместо 85 долларов из последней сотни заработанных долларов. Таким образом, чистый заработок этого налогоплательщика увеличивается всего на 5,9%. То есть можно ожидать, что сокращение высоких ставок налогообложения для самых высокодоходных групп приведет к меньшему процентному снижению налоговых поступлений (то есть позволит приблизиться к окупаемости для бюджета или даже достичь ее), чем аналогичное сокращение низких ставок. Прямым следствием этого является то, что если высокие и низкие ставки подоходного налога сокращаются в одинаковой пропорции, то налогоплательщикам, чьи доходы облагаются по высоким ставкам, придется оплачивать большую долю новых налоговых поступлений в бюджет. Именно к такому результату и привело рейгановское сокращение налогов⁶¹.

Кейнсианский мультипликатор

Как было оговорено выше, рикардянская эквивалентность относится к варианту 1. Если она выполняется, то соотношение текущих налогов и государственного долга (будущих налогов) не влияет на формирование совокупного дохода. Однако из этой эквивалентности не следует, что уровень государственных расходов не имеет значения. Говоря словами Барро, «рикардянский анализ применим к изменениям бюджетного дефицита и налогообложения при заданном паттерне государственных расходов; в частности, этот подход согласуется с реальными эффектами изменений в уровне и распределении во времени государственных закупок и услуг»⁶².

Рассмотрим еще два варианта:

Вариант 2: Государство увеличивает расходы, финансируя их исключительно за счет текущих налогов. В рамках бюджетного тождества G увеличивается, T увеличивается, а ΔD и ΔM остаются постоянными.

Вариант 3: Государство увеличивает расходы, финансируя их исключительно за счет новых заимствований. G увеличивается, ΔD увеличивается, а T и ΔM остаются постоянными.

Согласно рикардянскому анализу, различия между вариантами 2 и 3 *не имеют* значения и воздействие дополнительных государственных расходов на национальный доход будет одним и тем же, независимо от того, как они финансируются — за счет налогов или наращивания долга.

Величина влияния государственных расходов обычно выражается формулой $\Delta Y/\Delta G$ — отношением изменения валового внутреннего продукта или национального дохода ΔY к изменению государственных расходов ΔG . Это отношение известно тем, кто изучает кейнсианскую модель доходов и расходов, под названием «мультипликатор». Мультипликатором (то есть множителем) оно называется потому, что для определения конечного изменения Y необходимо умножить исходное изменение G на это отношение: $\Delta Y = \Delta G \times (\Delta Y/\Delta G)$. В принципе мультипликатор может быть положительным числом, нулем или отрицательным числом.

Во времена доминирования подхода Хансена–Лернера считалось само собой разумеющимся, что мультипликатор принимает не просто положительное значение, а значения больше 1, как это подразумевает кейнсианская модель доходов и расходов. В 80–90-х годах, когда влияние фискального кейнсианства сошло на нет и стал набирать силу скептицизм новой классической школы по поводу самой возможности активного использования государственных расходов для улучшения макроэкономических результатов, о мультипликаторе подзабыли. Но в ходе рецессии 2007–2009 годов разговоры о положительном мультипликаторе возобновились и споры о его величине активизировались.

В 2009 году экономисты из администрации Обамы использовали большие оценочные значения мультипликатора для проталкивания предложений

администрации об увеличении государственных расходов ради «стимулирования» экономики. По оценке председателя президентского Совета экономических консультантов Кристины Ромер и главного экономиста в Управлении делами вице-президента США Джареда Бернштейна, разработанный администрацией пакет решений об увеличении государственных расходов должен был иметь мультипликатор 1,6⁶³. Мультипликатор, равный 1,0, означает, что государственные расходы — это «бесплатный обед»: совокупный доход возрастает на всю величину государственных расходов, поэтому не требуется никакого сокращения частных доходов. Мультипликатор 1,6 — это даже больше, чем «бесплатный обед», о чем писали Отто Экстайн и Пол Кругман (об их рассуждениях мы говорили выше в этой главе): каждый дополнительный доллар государственных расходов увеличивает совокупный доход на 1,6 доллара, где 60 центов составляет рост доходов частных лиц.

Впрочем, в период рецессии в сообществе профессиональных экономистов не произошло полного возврата к фискальному кейнсианству. Нобелевский лауреат 2011 года Томас Сарджент не принял всерьез выкладки Ромер и Бернштейна, охарактеризовав их как «упрощенный расчет, игнорирующий все, что мы узнали за последние 60 лет макроэкономических исследований». И добавил: «Следовало сказать президенту Обаме, что существуют обоснованные причины сомневаться в том, что пакеты бюджетных стимулов способствуют процветанию, и есть серьезные исследователи-экономисты, которые по-прежнему в этом не убеждены»⁶⁴. Роберт Дж. Барро также высмеял эти оценки, назвав их «шаманскими мультипликаторами» (Voodoo Multipliers). Представим себе, писал он, что государство расходует деньги на строительство моста, и мультипликатор превышает 1,0. Тогда

в рамках этого сценария государственные расходы оказываются хорошим делом, даже если мост ведет в никуда или если нанятые государством работники просто роют ямы, а затем их засыпают. Таким «бесплатным обедом» гордился бы сам Чарльз Понци*. Если все и правда обстоит так, то зачем на этом останавливаться, выделив на дополнительные государственные закупки всего один триллион?

Кейнсианская модель доходов и расходов, лежащая в основе положительных оценок мультипликатора,

неявно предполагает, что государство лучше, чем частный рынок, умеет направлять неиспользуемые ресурсы на производство полезных вещей. Недействованный труд и капитал можно использовать фактически с нулевыми социальными издержками, но частный рынок каким-то образом оказывается неспособным это увидеть. <...> Намного более правдоподобная исходная точка — это мультипликатор, равный нулю.

* Знаменитый «строитель» финансовых пирамид.

Что касается эмпирической стороны дела, то Барро еще раньше установил, что мультипликатор для закупок правительства США, не связанных с военными нуждами, в период с 1942 по 1978 год «статистически незначимо отличается от нуля»⁶⁵. Если мультипликатор близок к нулю, то это не означает, что неиспользуемых ресурсов нет. Это скорее свидетельствует о том, что весь вклад, который вносят дополнительные государственные расходы в измеренную величину выпуска продукции, независимо от того, задействуются ли при этом неиспользуемые ресурсы, перекрывается сокращением чистых доходов, вытеснением инвестиций и дестимулирующим воздействием порождаемых дополнительными расходами текущих либо будущих налогов. Текущие и будущие налоги обусловлены бюджетным ограничением для государства при условии неизменности денежной политики.

Предложения о значительном увеличении государственных расходов в качестве реакции на рецессию звучали и в Европе. В докладе, подготовленном в 2010 году, экономисты из Европейского центрального банка Тобиас Цвик и Фолькер Виланд применили изохронные модели «динамического стохастического общего равновесия» для оценки «воздействия... запланированного увеличения государственных расходов... так как предполагается, что расходы продемонстрируют максимальный кейнсианский мультипликационный эффект». Модели, подобные тем, что они использовали, называются (не совсем точно) «новыми кейнсианскими». «Кейнсианство» здесь представлено предположением о «негибкости цен и заработной платы», хотя это допущение не в меньшей степени присутствует в построениях Милтона Фридмана и Ф.А. Хайека. «Новизна» состоит в посылке об оптимизирующем поведении, которое проявляют дальновидные и информированные домохозяйства и фирмы, ожидания которых согласуются с тем, что предсказывает модель. Когда Цвик и Виланд таким образом оценили величину мультипликатора, то обнаружили, что результаты абсолютно не соответствуют прогнозам традиционного бюджетного кейнсианства в духе Хансена-Лернера по поводу мультипликационного эффекта:

В рамках базового сценария новые кейнсианские модели не подтверждают наличия традиционного кейнсианского мультипликационного эффекта. Реализация европейских планов увеличения расходов приведет к сокращению расходов частного сектора на потребительские и инвестиционные цели. Домохозяйства и фирмы сокращают расходы в ожидании будущего налогового бремени и повышения процентных ставок⁶⁶.

У государства есть соблазн избавиться от долга с помощью инфляции

Теперь рассмотрим ситуацию, когда государство пользуется возможностью получить дополнительные доходы благодаря своим полномочиям по осуществлению денежной эмиссии. Адам Смит отмечал, что с древнейших

времен правители, обремененные долгами, прибегали к порче монеты. Порча — это, к примеру, сокращение вдвое содержания серебра в дукате, чтобы из того количества серебра, которое уходило на один старый дукат, отчеканить два новых. Чтобы новая монета была такого же размера, как и прежняя, в сплав добавляется неблагородный металл, скажем медь или олово. Таким образом монархи получали дополнительное количество монет для выплаты долга, хотя на деле кредитор получал лишь половину причитающегося ему серебра. Смит кратко охарактеризовал эту практику следующим образом:

Ибо во всех странах мира, как я полагаю, скупость и несправедливость государей и государственной власти, злоупотреблявших доверием своих подданных, постепенно уменьшили действительное содержание металла, первоначально содержавшееся в их монетах. <...> Посредством таких операций государы и правительства получали, как казалось, возможность уплачивать свои долги и выполнять свои обязательства при помощи меньшего количества серебра, чем требовалось бы без такой подделки. Однако это была только видимость, ибо их кредиторы фактически оказывались обманутыми и лишились части того, что им следовало получить⁶⁷.

Еще за 400 лет до Смита практику порчи монеты систематически проанализировал и осудил епископ Николай Орем⁶⁸.

Отказ от серебряного и золотого денежного режима и появление выпускаемых государством бумажных (фиатных) денег, не подлежащих обмену на драгоценные металлы, естественно, не положили конец практике дополнительной эмиссии и расплаты с кредиторами государства менее ценной денежной единицей, чем та, в которой брался заем. Для финансирования расходов во время Второй мировой войны федеральное правительство США занимало деньги столь активно, что к 1946 году отношение федерального долга к ВВП достигло 130%. Однако к 1970 году оно снизилось до 40%. Знаменатель этой дроби — номинальный ВВП — является произведением реального ВВП на уровень цен. Отчасти снижение отношения долга к ВВП было связано с ростом реального ВВП, но также во многом и с инфляцией, то есть с повышением уровня цен. С 1946 по 1970 год уровень цен вырос в два с лишним раза, что увеличило ВВП, измеренный в долларах, но не повлияло на количество долларов, которое государство было должно по ранее выпущенным казначейским облигациям. Кредиторы, купившие облигации с тридцатилетним сроком погашения в 1946 году, из-за инфляции потеряли более половины реальной ценности основной суммы долга⁶⁹.

Снижение ценности денежной единицы ослабляет реальное бремя любого имеющегося долга, деноминированного в этой единице. Таким образом, рост государственного долга усиливает у государства стимул к раскручиванию инфляции. В условиях фиатного денежного режима центральный банк может «монетизировать» государственный долг, скупая казначейские

облигации на создаваемые им деньги. Эта операция означает изъятие у публики части долга, приносящего процентный доход. Но, что еще более важно, денежная экспансия приводит к инфляции, которая, если она не является ожидаемой, размывает реальную ценность долговых обязательств, остающихся на руках у людей. В терминах бюджетного ограничения для государства $G = T + \Delta D + \Delta M$ имеем

Вариант 4: Государство проводит денежную эмиссию для выкупа долговых обязательств у публики. G и T остаются постоянными, ΔD уменьшается, а ΔM увеличивается на ту же сумму.

Министерство финансов может параллельно скупке долга центральным банком выпустить новые облигации на ту же сумму для финансирования дополнительных расходов, как это происходит в варианте 3: G увеличивается, ΔD увеличивается, а T и ΔM постоянны. Если операции, описываемые в вариантах 3 и 4, объединить, то чистый результат будет следующим: G увеличивается, ΔM увеличивается на ту же сумму, а T и ΔD не меняются. Новые государственные расходы финансируются за счет увеличения количества эмитированных государством денег. Хотя центральный банк не печатает банкноты в буквальном смысле и не передает их министерству финансов для расходования, результат получается таким же. Один доллар эмитированных денег финансирует расходы точно так же, как один доллар обычных налоговых поступлений. Доход государства от эмиссии денег имеет техническое название «сеньораж» — оно происходит от феодальных представлений о том, что монополия на чеканку монеты и получение доходов от нее — прерогатива сеньора⁷⁰. Поскольку увеличение денежной эмиссии ведет к росту инфляции, ее использование для оплаты счетов государства называется также «инфляционным финансированием». Добавим финансирование расходов за счет сеньоража к списку наших вариантов:

Вариант 5: Государство эмитирует новые деньги для финансирования новых расходов. G увеличивается, ΔM увеличивается на ту же сумму, а T и ΔD остаются постоянными.

Важным примером подобного прямого финансирования государственных расходов за счет эмиссии денег стала покупка федеральным правительством США в 2008/09 году ценных бумаг, обеспеченных ипотечными кредитами, на 1,25 триллиона долларов — эта беспрецедентная операция получила название «количественное смягчение 1» (Quantitative Easing 1, QE1). Средства на нее не были выделены Конгрессом, Федеральная резервная система произвела эту скупку за свой счет, попросту создав «из воздуха» 1,25 триллиона долларов.

В первой половине 80-х годов XX века группа экономистов, работавших тогда в Университете Миннесоты и в Федеральном резервном банке Миннеаполиса, — Томас Дж. Сарджент, Нил Уоллес и Престон Миллер — четко указала на потенциальную взаимосвязь между ростом государственного долга и инфляционным финансированием, которая должна стать предметом озабоченности. Их основная идея заключалась в том, что возможность финансирования государственных расходов за счет заимствования рано или поздно достигнет своего предела, в результате чего эмиссия денег останется единственным способом покрытия продолжающегося бюджетного дефицита. Инфляцию, которая возникнет в результате, уже невозможно будет остановить без фискальной реформы: «денежные власти вынуждены эмитировать деньги», чтобы удовлетворить потребность в бюджетных доходах⁷¹.

В вызвавшей немало дискуссий статье «Кое-какая неприятная монетаристская арифметика», опубликованной в 1981 году, Сарджент и Уоллес предложили читателям подумать о фискальном и денежном режиме, в рамках которого фискальные власти (например, Конгресс) заранее объявляют график будущего бюджетного дефицита. Преобразовав выражение для бюджетного ограничения, мы увидим, что величине бюджетного дефицита ($G - T$) должна соответствовать сумма новых заимствований и роста денежной массы:

$$G - T = \Delta D + \Delta M.$$

Иными словами, бюджетный дефицит подразумевает некое сочетание долгового и инфляционного финансирования.

Чтобы выяснить пределы долгового финансирования, Миллер и Сарджент в 1984 году определили G как расходы, не связанные с обслуживанием долга, а ΔD как поступления от заимствования *за вычетом* расходов на обслуживание долга (то есть на выплату процентов и основной суммы долга). Из обычной возрастающей кривой предложения заемных средств следует, что реальный процентный доход, которого требуют покупатели облигаций (кредиторы), при прочих равных условиях повышается вместе с объемом государственного долга. Тогда величина ΔD в конечном итоге упирается в потолок по причинам, аналогичным кривой Лаффера. При некотором достаточно большом значении отношения долга к ВВП выпуск новых облигаций становится бессмысленным (ничего не остается на увеличение государственных расходов), поскольку рынок требует все более высокого процента, что увеличивает расходы на обслуживание всего долга (по мере его рефинансирования) на величину, равную всей сумме новых заимствований. В этой ситуации покрывать сохраняющийся дефицит можно только за счет инфляционного финансирования.

Чтобы избежать столь «неприятного» исхода, советовали Сарджент и Уоллес, необходимо контролировать динамику дефицита. Их предложение состояло в том, чтобы денежные власти заранее объявляли о своих

планах будущего увеличения денежной массы, тем самым ограничивая допустимую величину дефицита в последующие годы. Альтернативным способом эффективного ограничения роста M может быть переход от фиатных денег к товарным. Сарджент в одном из интервью дал следующий комментарий:

Вспомним, что при золотом стандарте отношение долга к ВВП или бюджетного дефицита к ВВП законодательно не ограничивалось. Эту задачу решали кредитные рынки и ограниченность практических возможностей, имеющихся у правительства. Если страна хотела придерживаться золотого стандарта, то должна была сохранять сбалансированность бюджета в терминах текущей ценности. Если ваш бюджет не сбалансирован в терминах текущей ценности, то рано или поздно — причем скорее рано — вы столкнетесь с бегством от вашей валюты. Таким образом, в XIX веке и в начале XX века до Первой мировой войны причиной, по которой все важнейшие страны Запада поддерживали более или менее сбалансированный бюджет, было их решение придерживаться золотого стандарта⁷².

В данном случае Сарджент, по-видимому, подразумевает, что валюту, размениваемую на золото, эмитирует центральный банк соответствующей страны, и он же подвергается спекулятивной атаке. На деле в период классического золотого стандарта до Первой мировой войны многие страны, например США, Канада и Австралия, не имели центрального банка, и там существовала децентрализованная система частной эмиссии банкнот. Более общее описание дисциплинирующего механизма должно выглядеть так: если бюджет страны не сбалансирован в терминах текущей ценности (то есть расходы не уравниваются текущими налогами или заслуживающими доверия обязательствами по взиманию будущих налогов), то международный рынок облигаций установит для ее бумаг высокую надбавку за риск дефолта, которую необходимо будет оплачивать золотом, что в конечном итоге сделает невозможным дальнейшее долговое финансирование.

Почему же аналогичный дисциплинирующий механизм не ограничил Грецию, которая не имела возможности печатать евро для погашения своих облигаций, подобно тому как страна, придерживающаяся золотого стандарта, не могла «печатать» золото? Почему участники международного рынка облигаций не ввели раньше более высокую надбавку за риск для греческих бумаг? Очевидно, покупатели суверенных долговых обязательств Греции делали ставку на готовность Европейского центрального банка напечатать достаточно евро, чтобы выручить греческое правительство (или на то, что на помощь ему придет Европейский союз). Какое-то время казалось, что расчет держателей облигаций оправдывается. Напротив, при золотом стандарте не существовало возможности выручать через чужие обремененные долгами страны, и поэтому он более действенным образом ограничивал моральный риск, связанный с чрезмерными заимствованиями.

Некоторые критики сочли, что сценарий Сарджента и Уоллеса притянут за уши. Так, в 1984 году Майкл Дарби утверждал, что их модель «в качестве ориентира для понимания денежной политики в США страдает серьезными изъянами». В рамках их модели страна оказывается в «неприятной» зоне, когда реальная доходность по государственным облигациям превышает темпы роста экономики. Как указал Дарби, реальная доходность по казначейским облигациям и векселям США в 1926–1981 годах в среднем составляла около 1% в год, а темпы экономического роста в стране — около 3% в год. Дефицит финансировался новыми заимствованиями без существенного повышения реальной доходности и без того, чтобы поступления от облигационного финансирования подходили близко к «потолку». Таким образом, фискальная политика никогда не связывала руки денежным властям, и они могли выбирать темпы эмиссии денег независимо от величины дефицита⁷³. Можно сказать, что США оставались в зоне комфорта.

В своем ответе Дарби Миллер и Сарджент подчеркнули, что реальная доходность по государственным облигациям не является раз и навсегда заданной величиной, а повышается вместе с реальной величиной долга или с отношением долга к ВВП. Из приведенных Дарби данных за прошлые годы не следует, что реальная доходность по государственным облигациям США не может когда-нибудь превысить темпы экономического роста, если отношение долга к ВВП достаточно сильно вырастет (собственно, и сам Дарби не отрицал такой теоретической возможности, но считал, что для текущего момента она неактуальна). Кроме того, они отметили еще два долгосрочных эффекта, способствующих приближению «неприятностей» по мере увеличения отношения долга и ВВП: (1) сокращение частного капитала и реальных доходов по мере того, как государственные заимствования вытесняют инвестиции; рост ВВП замедляется и дефицит по отношению к ВВП растет; (2) по мере роста доходности по облигациям реальный спрос на денежные остатки снижается, и тем самым сокращается и налоговая база для сеньоража в реальном выражении. Словно предвидя, что произойдет в Греции и Ирландии четверть века спустя, они предупреждали, что резкое увеличение размера бюджетного дефицита может вытолкнуть «приятную» экономику в «неприятную» зону, где реальная доходность по государственным облигациям превышает темпы экономического роста в стране, а отношение долга к ВВП начинает неограниченно расти⁷⁴.

Позднее Сарджент с помощью своей «неприятной арифметики» даст объяснение причин кризиса государственных финансов в Греции и Ирландии. Несмотря на правила Европейского центрального банка, запрещающие странам ЕС иметь крупный дефицит бюджета или наращивать отношение долга к ВВП до больших значений,

ряд стран на экономической периферии Европейского союза — в частности, Греция — нарушали эти правила настолько откровенно и убедительно, что им стала угрожать неприятная арифметика. Красноречивым свидетельством

этого стал неуклонный рост отношения долга к ВВП в этих странах. Конечно, модель неприятной арифметики позволяет им некоторое время его наращивать, но если это продолжается слишком долго, то в конце концов вы столкнетесь с суверенным долговым кризисом⁷⁵.

Время покажет, возникнет ли долговой кризис в США, Великобритании и других странах, и если да, то как скоро. Но каждый, кто наблюдает за событиями в Греции и Ирландии и видит, что в его собственной стране государственный долг растет, имеет веские основания рассматривать неприятный сценарий кризиса суверенного долга как все более вероятный.

Введение

- ¹ *Stigler G.* The Economist as Preacher // *The Essence of Stigler* / Ed. by K.R. Leube, Th. Gale Moore. Stanford, CA: Hoover Institution Press, 1986. P. 305.
- ² Interview with Quentin Tarantino // *Guardian*. 1998. January 5.
- ³ *Hayek F.A.* The Intellectuals and Socialism // *Idem.* Studies in Philosophy, Politics and Economics. New York: Simon & Schuster, 1969. P. 179 [*Хайек Ф.А.* Интеллектуалы и социализм // Он же. Капитализм и историки. Челябинск: Социум, 2012. С. 230]. Название моей книги подсказано этой фразой Хайека.
- ⁴ *Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money. London: Macmillan, 1936. P. 383 [*Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 340].
- ⁵ *Pareto V.* The Mind and Society / Ed. by A. Livingston, trans. by A. Bongiorno, A. Livingston. New York: Harcourt Brace, 1935. Vol. 1. P. 168.
- ⁶ *Stigler G.* Op. cit. P. 308–309.
- ⁷ *Mering O. von.* Some Problems of Methodology in Economic Thought // *American Economic Review*. 1944. March. Vol. 34. Part I. P. 97.
- ⁸ Критический анализ роли интеллектуалов и воздействия их идей см.: *Sowell T.* Intellectuals and Society. New York: Basic Books, 2010.
- ⁹ *Buchanan J.M., Wagner R.E.* Democracy in Deficit. San Diego: Academic Press, 1977. P. 6. Наиболее влиятельным гарвардским экономистом, применявшим и популяризовавшим кейнсианские идеи в послевоенный период, был Элвин Хансен (подробнее см. главу 15).
- ¹⁰ The Commanding Heights Episode One: The Battle of Ideas. См. расшифровку видео: [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/minitext/tr_show01.html].
- ¹¹ *Ibid.*
- ¹² *Balaam D.N., Veseth M.* Introduction to International Political Economy / 2nd ed. New York: Prentice-Hall, 2001. P. 69.
- ¹³ *Hayek F.A.* Introduction // *Idem.* Capitalism and the Historians. Chicago: University of Chicago Press, 1954 [*Хайек Ф.А.* Капитализм и историки]; *Idem.* Law, Legislation, and Liberty. Chicago: University of Chicago Press, 1973. Vol. 1. P. 62 [*Он же.* Право, законодательство и свобода. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 80].

Глава 1

- ¹ *Skidelsky R.* John Maynard Keynes. London: Macmillan, 1983. Vol. 1. P. 165–166 [*Скидельски Р.* Джон Мейнард Кейнс, 1883–1946: Экономист, философ, государственный деятель. М.: Московская школа политических исследований, 2005. Т. 1. С. 201].
- ² *Hayek F.A.* Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue / Ed. by S. Kresge, L. Wenar. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 47–48. Автор двух «наихудших» экономических текстов Хайек называет только по фамилии — Грюнцль и Йенч. Возможно, он имел в виду следующие книги: *Grunzel J.* Grundriss der Wirtschaftspolitik. Vienna: Hölder, 1909–1910; *Jentsch C.* Grundbegriffe und Grundsätze der Volkswirtschaft. Leipzig: Grunow, 1895.
- ³ «Fear the Boom and Bust» и «Fight of the Century», авторы — Джон Папола и Расс Робертс. Ролики размещены в интернете на сайте [econstories.tv]. Первый из них набрал более 800 000 просмотров в течение месяца после публикации на YouTube в январе 2010 года. В июле 2011 года их число достигло 2,5 миллиона, а количество просмотров второго ролика, опубликованного в апреле 2011 года, превысило миллион.
- ⁴ Подробное хронологическое описание карьеры Кейнса см. на сайте: [www.maynardkeynes.org/keynes-career-timeline.html]. Его наиболее авторитетной биографией является трехтомный труд: *Skidelsky R.* John Maynard Keynes. London: Macmillan, 1983–2000. Vol. 1–3 [*Скидельски Р.* Указ. соч.]. Существует и сокращенный, однотомный вариант этой книги, опубликованный нью-йоркским издательством Penguin в 2005 году.
- ⁵ *Yergin D., Stanislaw J.* The Commanding Heights: The Battle for the World Economy. New York: Simon & Schuster, 2002. P. 40. Блумсбери — фешенебельный район Лондона.
- ⁶ Свои любовные связи Кейнс фиксировал в тайных дневниках. Некоторые подробности можно узнать из приложения «A Key for the Prurient: Keynes's Loves, 1901–15» к книге: *Moggridge D.E.* Maynard Keynes: An Economist's Biography. London: Routledge, 1992.
- ⁷ Научную биографию Хайека см.: *Caldwell B.* Hayek's Challenge. Chicago: University of Chicago Press, 2004. См. также: *O'Driscoll Jr. G.P.* Eco-

nomics as a Coordination Problem: The Contributions of Friedrich A. Hayek. Kansas City: Sheed Andrews & McMeel, 1977; *Steele G.R.* The Economics of Friedrich Hayek. New York: St. Martin's Press, 1993. Воспоминания самого Хайека см.: *Hayek F.A.* Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue / Ed. by S. Kresge, L. Wenar. Chicago: University of Chicago Press, 1994.

⁸ Второй женой Хайека стала его кузина Элен, предмет его подростковой влюбленности. Многие годы они переписывались, а в 1946 году снова встретились в Вене. Весенний семестр 1951 года Хайек провел в Университете Арканзаса, чтобы воспользоваться либеральным законом о разводе, действовавшим в этом штате. Подробнее о разводе Хайека см.: *Ebenstein A.* Hayek's Journey: The Mind of Friedrich Hayek. New York: Palgrave Macmillan, 2003. P. 123.

⁹ *Hayek F.A.* The Denationalisation of Money / 2nd ed. London: Institute of Economic Affairs, 1978 [*Хайек Ф.А.* Частные деньги. М.: Институт национальной модели экономики, 1996]; *Idem.* The Fatal Conceit: The Errors of Socialism / Ed. by W.W. Bartley III. Chicago: University of Chicago Press, 1988 [*Он же.* Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. М.: Новости, 1992].

¹⁰ *Keynes J.M.* The End of Laissez-Faire // *Idem.* Essays in Persuasion. New York: W.W. Norton, 1963. P. 312 [*Кейнс Дж.* Конец *laissez-faire* // Он же. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 379–380].

¹¹ *Ibid.* P. 318–319 [Там же. С. 383].

¹² *Keynes J.M.* A Short View of Russia // *Idem.* Essays in Persuasion. P. 299–300 [*Кейнс Дж.* Беглый взгляд на Россию // Там же. С. 916].

¹³ Важнейшие авторы, представляющие это направление, — Мюррей Ротбард и Дэвид Фридман; см.: *Rothbard M.N.* For a New Liberty / Rev. ed. New York: Collier, 1978 [*Ротбард М.* К новой свободе. М.: Новое издательство, 2009]; *Friedman D.D.* The Machinery of Freedom. Chicago: Open Court, 1989. Первая треть известной работы Роберта Нозика по политической философии «Анархия, государство и утопия» посвящена опровержению идей анархо-капиталистов; см.: *Nozick R.* Anarchy, State, and Utopia. New York: Basic Books, 1974 [*Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008]. Идеи сторонников и критиков этой точки зрения изложены в книге: *Anarchy and the Law* / Ed. by E.P. Stringham. Oakland, CA: Independent Institute, 2007.

¹⁴ *Keynes J.M.* The Collected Writings of John Maynard Keynes / Ed. by E. Johnson, D. Moggridge. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. Vol. 27. P. 387.

¹⁵ *Idem.* The General Theory of Employment, Interest, and Money. London: Macmillan, 1936. P. 377–378 [*Кейнс Дж.* Общая теория занятости, процента и денег // Он же. Общая теория занятости, процента и денег. С. 336–337].

¹⁶ *Ibid.* P. 376 [Там же. С. 335]. Аллан Мелтцер подчеркивает, что «Кейнс с середины 1920-х годов выступал за государственное руководство инвестиционными процессами», и расценивает «Общую теорию» как попытку Кейнса теоретически обосновать это давно сложившееся мнение (*Meltzer A.H.* Keynes's Monetary Theory: A Diffe-

rent Interpretation. New York: Cambridge University Press, 1988).

¹⁷ *Keynes J.M.* Am I a Liberal? // *Idem.* Essays in Persuasion. P. 333.

¹⁸ *Leonard T.C.* Eugenics and Economics in the Progressive Era // *Journal of Economic Perspectives.* 2005. Autumn. Vol. 19. P. 207.

¹⁹ Подробнее о биографии Эли и его влиянии см.: *Rader B.G.* The Academic Mind and Reform: The Influence of Richard T. Ely in American Life. Lexington: University Press of Kentucky, 1966. «Заявление о принципах» АЭА цит. по: *Bateman B.W., Kapstein E.B.* Between God and the Market: The Religious Roots of the American Economic Association // *Journal of Economic Perspectives.* 1999. Fall. Vol. 13. № 4. P. 253. Об институционализме и его немецких корнях мы расскажем в главе 4.

²⁰ *Moss D.A.* Socializing Security: Progressive Era Economists and the Origins of American Social Policy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996; *Chasse J.D.* The American Association for Labor Legislation: An Episode in Institutional Policy Analysis // *Journal of Economic Issues.* 1991. September. P. 799–828.

²¹ *Ely R.T.* Introduction // Adams H.C. et al. Science Economic Discussion. New York: Science Co., 1886. P. v–x; The Past and Present of Political Economy / Johns Hopkins University Studies in Historical and Political Science. Baltimore: Johns Hopkins University, 1884.

²² *Sidgwick H.* Principles of Political Economy / 2nd ed. London: Macmillan, 1887. P. 487–488. В главе 14 мы рассмотрим аргументы Сиджвика о свободе торговли как теоретическом исключении.

²³ О роли утилитаризма Бентама в падении популярности идей *laissez-faire* у британских экономистов после Адама Смита см.: *Frankel Paul E.* Moral Revolution and Economic Science: The Demise of Laissez-Faire in Nineteenth-Century British Political Economy. Westport, CT: Greenwood Press, 1979. В главе 7 мы уделим больше внимания этому сюжету.

²⁴ Данные современных опросов, свидетельствующие о том, что позицию *laissez-faire* сегодня поддерживает лишь незначительное количество экономистов, и обсуждение, почему ее распространность зачастую преувеличивается, см.: *Klein D.B., Stern Ch.* Is There a Free-market Economist in the House? The Policy Views of American Economic Association Members // *American Journal of Economics and Sociology.* 2007. April. Vol. 66. P. 309–334.

²⁵ *Krugman P.* Who Was Milton Friedman? // *New York Review of Books.* 2007. February 15. Vol. 54. № 2 (www.nybooks.com/articles/19857). Подобную характеристику Кейнса как первого критика экономической теории, выступающей с позиций свободного рынка, трудно совместить с другим, более поздним, утверждением самого Кругмана: «Правые всегда считали экономическую концепцию Кейнса левой доктриной, хотя на самом деле она ничего общего с левизной не имеет». См.: *Krugman P.* Bombs, Bridges, and Jobs // *New York Times.* 2011. October 30.

²⁶ *Keynes J.M.* The End of Laissez-Faire [*Кейнс Дж.* Конец *laissez-faire.* С. 375]; *Idem.* Alfred Marshall, 1842–1924 // *Economic Journal.* 1924. Vol. 34. P. 352 [*Он же.* Альфред Маршалл, 1842–1924 //

Он же. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2007. С. 36]. В главе 13 мы рассмотрим аргументы Кейнса-Пигу по поводу «провалов рынка».

²⁷ *Taylor F.M.* The Guidance of Production in a Socialist State // *American Economic Review*. 1929. March. Vol. 19. P. 1–8.

²⁸ Выдающаяся роль Милля связана с его книгой «Принципы политической экономии», впервые увидевшей свет в 1848 году и ставшей основным учебником по экономической теории (только при жизни автора она выдержала семь изданий и в дальнейшем еще не раз переиздавалась). Маршалл, судя по всему, имел в виду, что в каждом очередном издании книги Милль отводил государству все большую роль и все меньше критиковал социализм. Подробнее об идеях Бен-тама и Милля мы расскажем в главе 7.

²⁹ *Marshall A.* The Social Possibilities of Economic Chivalry // *Economic Journal*. 1907. March. Vol. 17. P. 17–19.

³⁰ *Ibid.* P. 22–25.

³¹ *Ibid.* P. 12.

³² *Rockoff H.* By Way of Analogy: The Expansion of the Federal Government in the 1930s // *The Defining Moment: The Great Depression and the American Economy in the Twentieth Century* / Ed. by M.D. Bordo, C. Goldin, E.N. White. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. 133, 125, 126, 134.

³³ *Fisher I.* Why Has the Doctrine of Laissez Faire Been Abandoned? // *Science*. 1907. January 4. Vol. 25. № 627. P. 18, 20.

³⁴ Томас Леонард приводит расистские и «евгенические» высказывания целого ряда экономистов-прогрессистов, в том числе Ирвинга Фишера, Джона Р. Коммонаса, Саймона Паттена и Френсиса Э. Уокера, а также социалистов-фабианцев Сиднея и Беатрисы Уэбб. См.: *Leonard T.C.* Eugenics and Economics. P. 207–224. См. также: *Idem.* American Economic Reform in the Progressive Era: Its Foundational Beliefs and Their Relation to Eugenics // *History of Political Economy*. 2009. Spring. Vol. 41. P. 109–141. Деннис Сьюэлл добавляет в список приверженцев евгеники Джона Мейнарда Кейнса и фабианца Уильяма Бевериджа, см.: *Sevell D.* How Eugenics Poisoned the Welfare State // *Spectator*. 2009. November 25 [www.spectator.co.uk/2009/11/how-eugenics-poisoned-the-welfare-state/].

³⁵ *Fisher I.* Why Has the Doctrine of Laissez Faire Been Abandoned? P. 22. Возможно, Фишер не знал, что до того, как во время Гражданской войны частная чеканка монеты была запрещена, в США существовало порядка двадцати частных монетных дворов, чеканивших золотые и серебряные монеты и пользовавшихся хорошей репутацией. Кроме того, вопреки его скептическому отношению к частным полицейским услугам, сегодня в США количество частных охранников превосходит численность полиции.

³⁶ *Ibid.* P. 27.

³⁷ *Fisher I.* A Statistical Method for Measuring “Marginal Utility” and Testing the Justice of a Progressive Income Tax // *Economic Essays Contributed in Honor of John Bates Clark*. New York: Macmillan, 1927. Другие экономисты (например, Оскар Ланге, см. главу 2) впоследствии применяли то же допущение об убывающем прираще-

нии счастья, отождествлявшемся ими с понятием «предельной полезности» в экономической теории, в качестве аргумента в поддержку перераспределения богатства ради максимального увеличения совокупной «социальной полезности». Напротив, Лайонел Роббинс доказывал, что экономическая теория ничего не говорит о сравнительной интенсивности счастья у разных индивидов. Термин «предельная полезность» в экономической теории не связан с счастьем, и нельзя суммировать или сравнивать предельную полезность, относящуюся к разным людям (*Robbins L.* The Nature and Significance of Economic Science. London: Macmillan, 1932).

- ³⁸ Увлекательное описание последствий изобретения телеграфа см. в книге: *Standage T.* The Victorian Internet. New York: Berkeley, 1999. Захватывающий рассказ об изобретении радиосвязи Маркони на сюжетном фоне расследования реального дела об убийстве см. в книге: *Larson E.* Thunderstruck. New York: Crown, 2006.
- ³⁹ *Keynes J.M.* The Economic Consequences of the Peace. New York: Harcourt, Brace, and Howe, 1920. P. 10–12 [*Кейнс Дж.* Экономические последствия Версальского мирного договора // Он же. Общая теория занятости, процента и денег. С. 468–469].
- ⁴⁰ Цит. по: The Commanding Heights Episode One: The Battle of Ideas; стенограмма доступна на сайте: [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/minitext/tr_show01.html].
- ⁴¹ Из всех многочисленных томов, опубликованных Комиссией, гипотеза об ослабляющем влиянии регулирования и предложения о дерегулировании как средстве решения проблемы наиболее четко были изложены в книге: *Noyes A.D.* History of National-Bank Currency. Washington, DC: Government Printing Office, 1910. Об анализе, лежавшем в основе концепции дерегулирования, и о ее политической непопулярности см.: *Selgin G., White L.H.* Monetary Reform and the Redemption of National Bank Notes, 1863–1913 // *Business History Review*. 1994. Summer. Vol. 68. P. 205–243. Об американских сторонниках *laissez-faire* в банковской сфере в конце XIX века см.: *Selgin G., White L.H.* Laissez-Faire Monetary Theorists in Late Nineteenth Century America // *Southern Economic Journal*. 1990. January. Vol. 56. P. 774–787.
- ⁴² Обзор имевших место в нескольких странах дискуссий о сравнительных достоинствах центрального банка и свободы банковской деятельности см. в книге: *Smith V.* The Rationale of Central Banking. Indianapolis: Liberty Press, 1990 [*Смит В.* Происхождение центральных банков. М.: Институт национальной модели экономики, 1996].
- ⁴³ См.: *Higgs R.* Crisis and Leviathan. Oxford: Oxford University Press, 1987. Ch. 7 [*Хиггс Р.* Кризис и Левиафан. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2010. Гл. 7].
- ⁴⁴ *Toye R.* The Labour Party and the Planned Economy, 1931–1951. Woodbridge, UK: Boydell Press, 2003. P. 20–21.
- ⁴⁵ См.: *Prychitko D.* Marxism and Market Processes // *The Elgar Companion to Austrian Economics* / Ed. by P.J. Boettke. Cheltenham: Edward Elgar, 1994. P. 516.

- ⁴⁶ Выступление Джошуа Муравчика на симпозиуме «Socialism: What Happened? What Now?» 1 мая 2000 года; стенограмма доступна на сайте: [web.archive.org/web/20040312050602/www.socialdemocrats.org/MayDayTranscript.html].
- ⁴⁷ Об этих экспериментах см.: *Harrison J.F.C.* *Quest for the New Moral World: Robert Owen and the Owenites in Britain and America*. New York: Scribner, 1969; *American's Communal Utopias* / Ed. by D.E. Pitzer. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997. Фундаментальная работа об английском утопизме: *Armytage W.H.G.* *Heavens Below: Utopian Experiments in England, 1560-1960*. London: Routledge and Kegan Paul, 1961.
- ⁴⁸ *Muravchik J.* *Socialism*. См. также: *Idem.* *Heaven on Earth: The Rise and Fall of Socialism*. San Francisco: Encounter Books, 2002. P. 342.
- ⁴⁹ *Marx K., Engels F.* *The Communist Manifesto // The Two Narratives of Political Economy* / Ed. by N. Capaldi, G. Lloyd. Hoboken, NJ: John Wiley, 2011. P. 397 [*Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Они же. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 438].
- ⁵⁰ *Ibid.* P. 399 [Там же. С. 443].
- ⁵¹ *Ibid.* P. 403 [Там же. С. 442].
- ⁵² *Marx K.* *Capital*. New York: Modern Library, 1906. P. 92. Цит. по: *Boettke P.* *The Political Economy of Utopia* // *Idem.* *Calculation and Coordination*. New York: Routledge, 2001. P. 109 [*Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 90]. Бёттке в своей статье прослеживает преемственность между интеллектуальным проектом Маркса и политическим проектом Ленина. См. также: *Boettke P.* *The Political Economy of Soviet Socialism: The Formative Years, 1918-1928*. Boston: Kluwer Academic, 1990. P. 66-69.
- ⁵³ *Lenin V.I.* *Speech at the Unveiling of a Memorial to Marx & Engels (7 November 1918)* // *Idem.* *Collected Works*. Moscow: Progress Press, 1972. Vol. 28. P. 165 [*Ленин В.И.* Речь при открытии памятника Марксу и Энгельсу 7 ноября 1918 г. // Он же. Полное собрание сочинений / 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 37. С. 169].

Глава 2

- ¹ *Lenin V.I.* *Message of Greetings to the Bavarian Soviet Republic* // *Idem.* *Collected Works* / 4th English ed. Moscow: Progress, 1972. Vol. 29. P. 325-326 [www.marxists.org/archive/lenin/works/1919/apr/27.htm] [*Ленин В.И.* Приветствие Баварской советской республике // Он же. Полное собрание сочинений / 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 38. С. 321].
- ² Цит. по: *Boettke P.J.* *The Political Economy of Soviet Socialism: The Formative Years, 1918-1928*. Boston: Kluwer Academic, 1990. P. 31 [*Бруцкус В.* Социалистическое хозяйство: Теоретические размышления по поводу русского опыта. М.: Стрелец, 1999. С. 15].
- ³ *Ibid.* P. 65. [По-видимому, имеется в виду постановление ВСНХ «О порядке ведения расчетов между национализированными предприятиями и Советскими учреждениями» от 30 августа 1918 года (см.: [istmat.info/node/31045]). Как следует из названия и текста постановления,
- речь в нем идет лишь о переводе в безличную форму расчетов между государственными предприятиями и учреждениями в целях усиления централизованного контроля над хозяйственным оборотом. Нигде в тексте не говорится, что целью этой меры является упразднение денег в ближайшем или отдаленном будущем. Скорее всего, ошибка появилась в цепочке многократного цитирования, так как Питер Бёттке ссылается не на оригинал документа, а на книгу Юджина Залески, также не содержащую ссылки на оригинальный документ, а ссылающуюся на франкоязычную работу 1955 года (*Zaleski E.* *Planning for Economic Growth in the Soviet Union, 1918-1932*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1971). Впрочем, Залески корректно указывает, что в постановлении речь шла именно о расчетах между государственными организациями, хотя интерпретирует эту меру как первый шаг к отмене денег. Тем не менее это не означает, что большевики не думали об упразднении денег. Этот вопрос активно обсуждался во внутрипартийных дискуссиях в 1919-1920 годах; см., например: *Бухарин Н.* *Экономика переходного периода*. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1920. Гл. 9.
- В частности, гиперинфляция того времени трактовалась Бухариным как движение в направлении «самоотрицания» денег. — *Ред.*]
- ⁴ *Hirschliefer J.* *Economic Behavior in Adversity*. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 15.
- ⁵ Цит. по: *Gregory P.* *Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to the First Five-year Plan*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 99 [*Троцкий Л.Д.* Новая экономическая политика и перспективы мировой революции // Он же. Сочинения. Основные вопросы пролетарской революции. М.: Госиздат, 1925. Т. 12. С. 316-317].
- ⁶ Общий обзор событий того периода см. в книге: *Boettke P.J.* *The Political Economy of Soviet Socialism*. P. 63-111; *Hirschliefer J.* *Op. cit.* P. 15-23.
- ⁷ О периоде нэпа см.: *Ball A.M.* *Russia's Last Capitalists: The Nermens, 1921-1929*. Berkeley: University of California Press, 1990.
- ⁸ *Polanyi-Levitt K., Mendell M.* *The Origins of Market Fetishism — Critique of Friedrich Hayek's Economic Theory* // *Monthly Review*. 1989. June. Vol. 41. P. 11-32.
- ⁹ См.: *Caldwell B.* *Hayek's Challenge*. Chicago: University of Chicago Press, 2004. P. 116.
- ¹⁰ *Mises L. von.* *Economic Calculation in the Socialist Commonwealth* / Trans. by S. Adler // *Collectivist Economic Planning* / Ed. by F.A. Hayek. London: Routledge, 1935. P. 87-130; *Idem.* *Socialism: An Economic and Sociological Analysis* / Trans. by J. Kahane. Indianapolis: Liberty Fund, 1981 [*Мизес Л. фон.* Социализм: Экономический и социологический анализ. М.; Челябинск: Социум, 2016].
- ¹¹ *Hayek F.A.* *Foreword* // *Mises L. von.* *Socialism*. P. xix [Там же. С. 3].
- ¹² Когда в 1922 году в Венском университете открылась вакансия профессора экономики, занять ее, в виду своих научных достижений, бесспорно должен был Мизес. Хайек считает, что он не был назначен на эту должность в первую очередь из-за своих антисоциалистических

- взглядов, так как большинство преподавателей были социалистами (см.: *Hayek F.A.* Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue / Ed. by S. Kresge, L. Wenar. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 59).
- ¹³ Подробнее о Менгере мы расскажем в главе 8.
- ¹⁴ Краткий обзор научного наследия Мизеса см. в статье: *Hart D.* Ludwig von Mises, Money, and the Fall and Rise of Classical Liberalism in the 20th Century // *Literature of Liberty*. 1982. Autumn. Vol. 5. P. 3–6 [www.econlib.org/library/Essays/LtrLbrty/msEdBib1.html]. Подробное описание деятельности Мизеса в межвоенный период см.: *Ebeling R.M.* The Economist as the Historian of Decline: Ludwig von Mises and Austria between the Two World Wars // *Globalization: Will Freedom or World Government Dominate the International Marketplace?* / Ed. by R.M. Ebeling. Hillsdale, Mich.: Hillsdale College Press, 2002. P. 1–68. Подробную биографию ученого см.: *Hülsmann J.G.* Mises: The Last Knight of Liberalism. Auburn, AL: Mises Institute, 2007 [*Хюльсманн Й.Г.* Последний рыцарь либерализма: Жизнь и идеи Людвига фон Мизеса. М.; Челябинск: Социум, 2013].
- ¹⁵ Этой дискуссии посвящена книга: *Lavoie D.* Rivalry and Central Planning: The Socialist Calculation Debate Reconsidered. Cambridge: Cambridge University Press, 1985; краткий обзор см.: *Levy D.M., Peart S.J.* Socialist Calculation Debate // *New Palgrave Dictionary of Economics* / Ed. by S.N. Durlauf, L.E. Blume / 2nd edition. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- ¹⁶ В период с 1980 по 2007 год Швеция занимала места от 18-го до 40-го из числа более чем 140 стран, включенных в сводный рейтинг Индекса экономической свободы. Ее рейтинг был более высоким по таким параметрам, как правовая система и защищенность прав собственности, твердые деньги и свобода торговли, и более низким по размеру государства и масштабам государственного регулирования. См.: *Gwartney J., Lawson R. et al.* Economic Freedom of the World: 2009 Annual Report // *Economic Freedom Network*, 2009. P. 171 [www.fraserinstitute.org/studies/economic-freedom-of-the-world-2009-annual-report].
- ¹⁷ *Mises L. von.* Economic Calculation in the Socialist Commonwealth. P. 91.
- ¹⁸ *Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 42–47.
- ¹⁹ *Levy D.* The Bias in Centrally Planned Prices // *Public Choice*. 1990. Vol. 67. № 3. P. 213–226.
- ²⁰ *Mises L. von.* Economic Calculation in the Socialist Commonwealth. P. 106 [*Мизес Л. фон.* Социализм: Экономический и социологический анализ. С. 104–105].
- ²¹ *Ibid.* P. 104–105 [Там же. С. 104].
- ²² *Ibid.* P. 97 [Там же. С. 97].
- ²³ *Ibid.* P. 101.
- ²⁴ *Ibid.* P. 104.
- ²⁵ *Ibid.* P. 97–98.
- ²⁶ *Ibid.* P. 107 [Там же. С. 105].
- ²⁷ *Ibid.* P. 102.
- ²⁸ *Ibid.* P. 112–116.
- ²⁹ *Prychitko D.L.* Marxism // *The Concise Encyclopedia of Economics* / Ed. by D.R. Henderson. Indianapolis: Liberty Fund, 2008. P. 337.
- ³⁰ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. by R.H. Campbell, A.S. Skinner, W.B. Todd. Indianapolis: Liberty Classics, 1981. P. 65 [web.archive.org/web/20081230144640/http://oll.libertyfund.org/?option=com_staticxt&staticfile=show.php%3Ftitle=220&Itemid=27] [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 103]. Смит считал, что чистая трудовая теория ценности относится к «первоначальному и малоразвитому обществу», где отсутствует капитал, а земля не является редким благом.
- ³¹ *Ricardo D.* The Principles of Political Economy. London: John Murray, 1817 [www.econlib.org/library/Ricardo/ricP1.html] [*Рикардо Д.* Начала политической экономики и налогового обложения: Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 82].
- ³² *Menger C.* Principles of Economics. New York: New York University Press, 1976. P. 146 [*Менгер К.* Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 158]; *Stanley Jevons W.* The Theory of Political Economy. London: Macmillan, 1871. P. 160–161.
- ³³ *Mises L. von.* Economic Calculation in the Socialist Commonwealth. P. 120.
- ³⁴ *Ibid.* P. 111.
- ³⁵ *Lange O.* On the Economic Theory of Socialism: Part One // *Review of Economic Studies*. 1936. October. Vol. 4. P. 53–71; *Idem.* On the Economic Theory of Socialism: Part Two // *Review of Economic Studies*. 1937. February. Vol. 4. P. 123–142. Среди других важных работ, ставших вкладом в теорию рыночного социализма, следует упомянуть следующие: *Taylor F.M.* The Guidance of Production in a Socialist State // *American Economic Review*. 1929. March. Vol. 19. P. 1–8; *Dickinson H.D.* Price Formation in a Socialist Community // *Economic Journal*. 1933. June. Vol. 43. P. 237–250; *Lerner A.P.* Economic Theory and Socialist Economy // *Review of Economic Studies*. 1934. Vol. 2; *Idem.* The Economics of Control. New York: Macmillan, 1940. Статьи Ланге и Тэйлора были переизданы в сборнике: *On the Economic Theory of Socialism* / Ed. by В.Е. Lippincott. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1938.
- ³⁶ *Lange O.* On the Economic Theory of Socialism: Part One. P. 53.
- ³⁷ *Ibid.* Part Two. P. 138. «Профессор Пирсон» — это Николас Герард Пирсон (1839–1909), предвосхитивший некоторые аргументы Мизеса в своей статье, вышедшей в 1902 году на нидерландском языке. Она была переведена на английский под названием «Проблема ценности в социалистическом обществе» и опубликована в сборнике: *Collectivist Economic Planning*. P. 41–86.
- ³⁸ *Dobb M.* On Economic Theory and Socialism: Collected Papers. London: Routledge, 1953. P. 73.
- ³⁹ *Lange O.* On the Economic Theory of Socialism: Part One. P. 54. Для этого необходимо решить математическую задачу условной максимизации.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 55.
- ⁴¹ Ланге ссылался на французское издание (1926) книги: *Walras L.* Elements of Pure Economics. London: Routledge, 2003. «Tâtonnement» (*щуп.*) означает «искать на ощупь».
- ⁴² *Lange O.* On the Economic Theory of Socialism: Part One. P. 55.

- ⁴³ Ibid. Part Two. P. 123.
- ⁴⁴ *Robbins L.* The Nature and Significance of Economic Science. London: Macmillan, 1932. Об утилитаризме мы подробнее поговорим в главе 7.
- ⁴⁵ *Lange O.* On the Economic Theory of Socialism: Part Two. P. 126.
- ⁴⁶ Ibid. P. 127.
- ⁴⁷ Ibid. P. 128, 130–131.
- ⁴⁸ *Mises L. von.* Human Action / 3rd rev. ed. Chicago: Henry Regnery, 1966. P. 709 [*Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность. Челябинск: Социум, 2005. С. 663].
- ⁴⁹ Ibid. P. 708–709 [Там же].
- ⁵⁰ Ibid. P. 707–708 [Там же. С. 662–663].
- ⁵¹ *Hayek F.A.* Socialist Calculation: The Competitive “Solution” // *Economica*. 1940. May. Vol. 7. P. 125–149; переиздано в работе: *Idem.* Individualism and Economic Order. Chicago: Gateway, 1972 [*Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 223, 234].
- ⁵² *Hayek F.A.* The Use of Knowledge in Society // Individualism and Economic Order. P. 77. Перепечатано из: *American Economic Review*. 1945. September. Vol. 35 [Там же. С. 93–94].
- ⁵³ Ibid. P. 77–78 [Там же. С. 94]. *Data (лат.)* — даяния, дары. Интересные рассуждения о значении хайковского понятия «рассеянного знания» см. в статье: *Phelps E.S.* *Mastroeconomics for a Modern Economy* // *American Economic Review*. 2007. June. Vol. 97. P. 543–561.
- ⁵⁴ Ibid. P. 82 [Там же. С. 100].
- ⁵⁵ Ibid. P. 83 [Там же. С. 101].
- ⁵⁶ Ibid. P. 79 [Там же. С. 95].
- ⁵⁷ Ibid. [Там же. С. 95–96].
- ⁵⁸ Ibid. P. 87 [Там же. С. 105].
- ⁵⁹ Ibid. P. 86 [Там же. С. 104. Две нижеследующие цитаты см.: Там же. С. 106, 107].
- ⁶⁰ Ibid. P. 90 [Там же. С. 108].
- ⁶¹ *Lange O.* Oskar Lange’s Letter to Hayek, 31 July 1940 // *Idem.* Economic Theory and Market Socialism: Selected Essays of Oskar Lange / Ed. by T. Kowalik. Aldershot, UK: Edward Elgar, 1994. P. 298.
- ⁶² Ibid. P. 298–299.
- ⁶³ *Lange O.* On the Economic Theory of Socialism: Part Two. P. 132.
- ⁶⁴ Ibid. P. 133, 136.
- ⁶⁵ *Lange O.* The Economic Operation of a Socialist Society: I [1942] // *Idem.* Economic Theory and Market Socialism. P. 306.
- ⁶⁶ *Kowalik T.* Introduction // *Lange O.* Economic Theory and Market Socialism. P. xxi.
- ⁶⁷ Ibid. P. xxii.
- ⁶⁸ *Lange O.* The Practice of Economic Planning and the Optimum Allocation of Resources // *Idem.* Economic Theory and Market Socialism. P. 170.
- ⁶⁹ *Kowalik T.* Oskar Lange’s Market Socialism: The Story of an Intellectual-Political Career // *Why Market Socialism? Voices from Dissent* / Ed. by F. Roosevelt, D. Belkin. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1994. P. 150–151.
- ⁷⁰ *Lange O.* How I See the Polish Economic Model // *Idem.* Economic Theory and Market Socialism. P. 330.
- ⁷¹ *Lange O.* Role of Planning in Socialist Economy // *Idem.* Economic Theory and Market Socialism. P. 342–344.
- ⁷² Ibid. P. 344–348.
- ⁷³ *Lange O.* The Computer and the Market // *Economic Theory and Market Socialism*. P. 361.
- ⁷⁴ *Hayek F.A.* Socialist Calculation: The Competitive “Solution”. P. 131–132 [*Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. С. 225].
- ⁷⁵ *Hayek F.A.* Economics and Knowledge // *Individualism and Economic Order*. P. 55 [Там же. С. 67].
- ⁷⁶ *Schiff S.* Know It All // *New Yorker*. 2006. July 24 [www.newyorker.com/fact/content/articles/060731fa_fact].
- ⁷⁷ *Sowell T.* Presumptions of the Left // *Townhall.com*. 2007. May 16 [townhall.com/columnists/ThomasSowell/2007/05/16/presumptions_of_the_left].
- ⁷⁸ См.: *Caplan B.* Is Socialism Really “Impossible”? // *Critical Review*. 2004. Vol. 16. P. 33–52; а также: *Boettke P.J., Leeson P.T.* Still Impossible after All These Years: Reply to Caplan // *Critical Review*. 2005. Winter. Vol. 17. P. 155–170. См. также другие комментарии в этом номере журнала и ответ Каплана.
- ⁷⁹ *Bergson A.* Socialist Economics. Перепечатано: *Idem.* *Essays in Normative Economics*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1966. P. 234.
- ⁸⁰ *Bergson A.* Socialist Calculation: A Further Word // *Idem.* *Essays in Normative Economics*. P. 238.
- ⁸¹ *Bergson A.* Market Socialism Revisited // *Journal of Political Economy*. 1967. October. Vol. 75. P. 658.
- ⁸² *Bergson A.* The Economics of Soviet Planning. New Haven, CT: Yale University Press, 1964.
- ⁸³ *Levy D.M., Peart S.J.* Soviet Growth and American Textbooks: An Endogenous Past // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2011. April. Vol. 78. P. 110–125; *Samuelson P.A., Nordhaus W.D.* *Economics* / 13th ed. New York: McGraw-Hill, 1989. P. 837; 15th ed. New York: McGraw-Hill, 1995. P. 714. На изменение в тексте Самуэльсона и Нордхауса после распада СССР указывает Марк Скоузен в статье: *Skousen M.* The Perseverance of Paul Samuelson’s Economics // *Journal of Economic Perspectives*. 1997. Spring. Vol. 11. P. 148.
- ⁸⁴ *Shmelev N., Popov V.* The Turning Point. New York: Doubleday, 1989 [*Шмелев Н., Попов В.* На переломе: Экономическая перестройка в СССР. М.: АПН, 1989. С. 225–226].
- ⁸⁵ *Heilbroner R.* Socialism // *Concise Encyclopedia*. P. 468.
- ⁸⁶ *DeLong J.B.* Seeing One’s Intellectual Roots: A Review Essay on James Scott’s Seeing like a State // *Review of Austrian Economics*. 1999. November. Vol. 12. P. 257–264.
- ⁸⁷ *Roemer J.* Socialism’s Future: An Interview with John Roemer // *Imprints*. 1998. Vol. 3. № 1. P. 23; цит. по: *Schmidtz D.* When Justice Matters // *Ethics*. 2007. Vol. 117. № 3. P. 437.

Глава 3

- ¹ Fisher Sees Stocks Permanently High // *New York Times*. 1929. October 16, доступно онлайн через ProQuest Historical Newspapers: The New York Times (1851–2007). Наблюдателем, на которого ссылался Фишер, был Роджер У. Вэбсон, предсказывавший крах. Убежденность Фишера в выходе экономики на более высокое плато была отчасти связана с тем, что тогда еще действовал сухой закон, сторонником которого он был

- (см. главу 1). Он полагал, что трезвость приводит к повышению производительности труда рабочих. В его книге «Крах фондового рынка — и что будет дальше» была глава под названием «Выгоды от сухого закона» (*Fisher I. The Stock Market Crash — and After*. New York: Macmillan, 1930).
- ² Реальный ВВП рос на 4,79% в год, тогда как в XX веке в целом — 3,32% в годовом исчислении. См.: *Officer L.H., Williamson S.H. Annualized Growth Rate and Graphs of Various Historical Economic Series* [MeasuringWorth.Com].
- ³ Данные об индексе промышленного производства взяты из отчета «Federal Reserve Board Statistical Release G.17, Industrial Production and Capacity Utilization» (без учета сезонных колебаний) [www.federalreserve.gov/Releases/g17/table1_2.htm]. Все остальные цифры приводятся в работе: *Phillips C.A., McManus T.F., Nelson R.W. Banking and the Business Cycle: A Study of the Great Depression in the United States*. New York: Macmillan, 1937. P. 123–127, 194.
- ⁴ Board of Governors of the Federal Reserve System, Banking and Monetary Statistics, 1914–1941. P. 34 [fraser.stlouisfed.org/publications/bms].
- ⁵ *Friedman M., Schwartz A.J. A Monetary History of the United States, 1867–1960*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. P. 288 [*Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных Штатов, 1867–1960*. Киев: Ваклер, 2007. С. 283].
- ⁶ *Reed H.L. Reserve Bank Policy and Economic Planning* // *American Economic Review*. 1933. March. Vol. 23. Supplement. P. 112.
- ⁷ *Meltzer A.H. Money and Monetary Policy: An Essay in Honor of Darryl Francis* // *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*. 2001. July–August. P. 28.
- ⁸ В ходе самого серьезного спада после Великой депрессии с октября 2007 по май 2009 года ВВП США снизился всего на 3,7%.
- ⁹ Gross Private Domestic Investment (GPDIA), U.S. Department of Commerce, Bureau of Economic Analysis [research.stlouisfed.org/fred2/data/GPDIA.txt].
- ¹⁰ *Reed H.L.* Op. cit. P. 112.
- ¹¹ *Krugman P. Who Was Milton Friedman?* // *New York Review of Books*. 2007. February 15. Vol. 54. № 2 [www.nybooks.com/articles/19857].
- ¹² *Keynes J.M. The General Theory of Employment Interest and Money* // *Idem. The Collected Writings of John Maynard Keynes* / Ed. by E. Johnson, D. Moggridge. London: Macmillan, 1973. Vol. 7. P. 3, n. 1 [*Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег*. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 42, примеч. 1].
- ¹³ *Mises L. von. The Theory of Money and Credit* [1912; 2nd German edition, 1924; with additional essay added to 1953 American edition] / Trans. by H.E. Batson. Indianapolis: Liberty Fund, 1981 [*Мизес Л. фон. Теория денег и fidуциарных средств обращения* // Он же. Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2012. С. 7–528]; *Idem. Monetary Stabilization and Cyclical Policy* / Trans. by V. Bien Greaves // *Idem. On the Manipulation of Money and Credit* / Ed. by P. L. Greaves, Jr. Dobbs Ferry, NY: Free Market Books, 1978 [*Мизес Л. фон. Стабилизация ценности денег и циклическая политика* // Он же. Теория эконо-
- номического цикла. Челябинск: Социум, 2012. С. 1–111].
- ¹⁴ *Machlup F. The Stock Market, Credit and Capital Formation* / Trans. by V.C. Smith. London: William Hodge, 1940; *Haberler G. Money and the Business Cycle* // *Gold and Monetary Stabilization* / Ed. by Q. Wright. Chicago: University of Chicago Press, 1932. P. 43–74 [*Хаберлер Г. Деньги и экономический цикл* // Мизес Л. фон. Теория экономического цикла. С. xi–xxx]; *Robbins L. The Great Depression*. London: Macmillan, 1934. Чуть позже (в 1937 году) вышла еще одна работа, содержащая новые эмпирические данные, подтверждающие применимость австрийской теории бума и спада: *Phillips C.A., McManus T.F., Nelson R.W.* Op. cit.).
- ¹⁵ *Keynes J.M. The Great Slump of 1930 and Economy: (i) Saving and Spending* // *Idem. Essays in Persuasion*. New York: W.W. Norton, 1963. P. 135–156.
- ¹⁶ О теории Фишера см.: *Sumner S. Price-level Stability, Price Flexibility, and Fisher's Business Cycle Model* // *Cato Journal*. 1990. Vol. 9. № 3. P. 719–727.
- ¹⁷ Подробный обзор предлагавшихся в 1929–1936 годах политических рекомендаций экономистов мейнстрима по борьбе с депрессией см. в книге: *Davis J.R. The New Economics and the Old Economists*. Ames: Iowa State University Press, 1971.
- ¹⁸ *Mises L. von. The Austrian Theory of the Trade Cycle* // *Idem. The Austrian Theory of the Trade Cycle and Other Essays* / Compiled by R.M. Ebeling. Auburn, AL: Mises Institute, 1996. P. 2 [*Мизес Л. фон. Австрийская теория экономического цикла* // Он же. Теория экономического цикла. С. 157].
- ¹⁹ *Ibid.* [Там же].
- ²⁰ *Ibid.* P. 3 [Там же. С. 159].
- ²¹ *Ibid.* P. 5–6 [Там же. С. 162].
- ²² *Mises L. von. Human Action* / 3rd ed. Chicago: Henry Regnery, 1966. P. 443 [*Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории*. Челябинск: Социум, 2005. С. 414].
- ²³ О фундаментальном сходстве и некоторых втростепенных различиях между теориями цикла Мизеса и Хайека см. статью: *Garrison R.W. Overconsumption and Forced Saving in the Mises-Hayek Theory of the Business Cycle* // *History of Political Economy*. 2004. Summer. Vol. 36. P. 323–349.
- ²⁴ *Hayek F.A. von. Money and Capital: A Reply* // *Economic Journal*. 1932. June. Vol. 42. P. 238.
- ²⁵ *Ibid.* P. 245.
- ²⁶ *Ibid.* P. 241, 247.
- ²⁷ Поскольку у банковского баланса две стороны, увеличение активов банков (кредитование и покупка ценных бумаг) по существу равно увеличению их обязательств. Последнее, в свою очередь, примерно равно приросту денежной массы M2 минус увеличение количества металлических денег в обращении. Приблизительно две трети прироста M2 в 1921–1929 годах может быть объяснено увеличением банковских резервов. Само же это увеличение было вызвано по большей части ростом обязательств ФРС и в меньшей степени притоком золота в США. Оставшаяся треть была связана с увеличением отношения банковских обяза-

тельств к резервам — в первую очередь из-за того, что ФРС снижала обязательную норму резервирования.

- ²⁸ *Hall T.E., Ferguson J.D.* The Great Depression: An International Disaster of Perverse Economic Policies. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 7. Fig. 1.3.
- ²⁹ Цит. по: *Phillips C.A., McManus T.F., Nelson R.W.* Op. cit. P. 147.
- ³⁰ См.: *Garrison R.W.* Op. cit.
- ³¹ *Keynes J.M.* The General Theory of Employment Interest and Money. P. xxxiii. Теорию Викселя о «кумулятивном процессе» отхода от равновесия мы рассмотрим позднее.
- ³² *Hansen A.H.* Untitled review of Prices and Production by Friedrich A. Hayek // *American Economic Review*. 1933. June. Vol. 23. P. 333. В соответствии с терминологией своего времени Хансен называл «денежной инфляцией» и «денежной дефляцией» то, что мы сейчас определяем как рост и сокращение денежной массы. Хорошо это или плохо, но в современной терминологии понятия «инфляция» и «дефляция» относятся к колебаниям уровня цен.
- ³³ *Menger C.* Principles of Economics. New York: New York University Press, 1976. Ch. 3 [mises.org/Books/Mengerprinciples.pdf] [*Менгер К.* Основания политической экономии. Гл. 3 // Он же. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005]. Капитальные блага называются также «промежуточными благами», «средствами производства» и «нетрудowymi факторами производства». Именно эти блага, по мнению Мизеса (см. главу 2), невозможно рационально распределить в условиях социалистической экономики.
- ³⁴ *Böhm-Bawerk E. von.* The Positive Theory of Capital / Trans. by W. Smart. London: Macmillan, 1891. P. 106 [files.libertyfund.org/files/283/0183_Bk.pdf] [*Вём-Баверк О. фон.* Капитал и процент. Челябинск: Социум, 2010. С. 185].
- ³⁵ *Jevons W.S.* The Theory of Political Economy / 3rd ed. [1st ed., 1871]. London: Macmillan, 1888. Ch. 7 [www.econlib.org/library/YPDBooks/Jevons/jvnPE.html].
- ³⁶ *Machlup F.* Op. cit. P. 194–195.
- ³⁷ *Hayek F.A.* A Comment [on Nicholas Kaldor, “Professor Hayek and the Concertina-Effect”] // *Economica* (New Series). 1942. November. Vol. 9. P. 384.
- ³⁸ *Hansen A.H.* Op. cit. P. 332.
- ³⁹ Цит. по: *Wakatabe M.* Was the Great Depression the Watershed of Macroeconomics? The Impact of the Great Depression on Economic Thought Reconsidered. 2005. P. 21. Working paper.
- ⁴⁰ “Wall Street Got Drunk,” Bush Says at Private Event // *Reuters.com*. 2008. July 23 [uk.reuters.com/article/uk-usa-bush-wallstreet/wall-street-got-drunk-bush-says-at-private-event-idUKN2330503720080723].
- ⁴¹ Цит. по: *Phillips C.A., McManus T.F., Nelson R.W.* Op. cit. P. 179.
- ⁴² См.: *Ibid.* P. 176.
- ⁴³ *Hayek F.A. von.* Monetary Theory and the Trade Cycle. London: Jonathan Cape, 1933. P. 16–17.
- ⁴⁴ Анализ представлений Хайека о денежной политике и их эволюции см. в статье: *Selgin G.* Hayek versus Keynes on How the Price Level Ought to Behave // *History of Political Economy*. 1999. Vol. 31. P. 699–722; *White L.W.* Hayek’s Monetary Theory and Policy: A Critical Reconstruction // *Journal of Money, Credit and Banking*. 1999. Vol. 31. P. 109–120.
- ⁴⁵ *Hansen A.H.* Op. cit. P. 332.
- ⁴⁶ *White L.H.* Why Didn’t Hayek Favor Laissez Faire in Banking? // *History of Political Economy*. 1999. Winter. Vol. 31. P. 753–769.
- ⁴⁷ *Phillips C.A., McManus T.F., Nelson R.W.* Op. cit. P. 5–6, 176. Индекс оптовых цен в США даже после резкого падения на 37% в 1920–1922 годах оставался на 30% выше средней величины в 1914–1916 годах. Данные об индексе взяты из книги: *Meltzer A.H.* A History of the Federal Reserve. Chicago: University of Chicago Press, 2003. Vol. 1: 1913–1951. P. 111, table 3.6.
- ⁴⁸ *Phillips C.A., McManus T.F., Nelson R.W.* Op. cit. P. 176.
- ⁴⁹ *Hayek F.A.* The Fate of the Gold Standard // *Money, Capital, and Fluctuations: Early Essays* / Ed. by R. McCloughry. Chicago: University of Chicago Press, 1984. P. 129.
- ⁵⁰ В 1912 году Мизес придерживался этой теории, но к 1924-му отказался от нее и в момент написания «Человеческой деятельности» (1949) уже отстаивал теорию процента, основанную исключительно на временном предпочтении, которая объясняет формирования процентной ставки без ссылок на более высокую физическую производительность правильным образом выбранных более длительных процессов.
- ⁵¹ Общий обзор научного наследия Викселя см. в книге: *Uhr C.G.* Economic Doctrines of Knut Wicksell. Berkeley: University of California Press, 1960.
- ⁵² *Wicksell K.* The Influence of the Rate of Interest on Prices // *Economic Journal*. 1907. June 17. P. 214.
- ⁵³ *Mises L. von.* The Austrian Theory of the Trade Cycle. P. 3 [*Мизес Л. фон.* Австрийская теория экономического цикла. С. 156].
- ⁵⁴ Подробнее см.: *White L.H.* Why Didn’t Hayek Favor Laissez Faire in Banking?
- ⁵⁵ *Mises L. von.* The Austrian Theory of the Trade Cycle. P. 1 [*Мизес Л. фон.* Австрийская теория экономического цикла. С. 155].
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 1–2 [Там же. С. 155–156].
- ⁵⁷ Интересный анализ вопроса, в каких случаях Мизес соглашался с рассуждениями Викселя, а в каких — отходил от него, см. в статье: *Bellofiore R.* Between Wicksell and Hayek: Mises’ Theory of Money and Credit Revisited // *American Journal of Economics and Sociology*. 1998. October. Vol. 57. P. 531–578.
- ⁵⁸ Этот раздел основывается на главе 5 моей книги: *White L.H.* Free Banking in Britain / 2nd ed. London: Institute of Economic Affairs, 1995.
- ⁵⁹ *Kaldor N.* Professor Hayek and the Concertina-Effect // *Economica* (New Series). 1942. November. Vol. 9. P. 359.
- ⁶⁰ *Idem.* Capital Intensity and the Trade Cycle // *Economica* (New Series). 1939. February. Vol. 6. P. 40.
- ⁶¹ *Keynes J.M.* The Pure Theory of Money. A Reply to Dr. Hayek // *Economica*. 1931. November. Vol. 34. P. 394. Ведалом называлась лондонская лечебница для душевнобольных.

- ⁶² Цит. по: *Caldwell B.* Introduction // *The Collected Works of F.A. Hayek* / Ed. by B. Caldwell. Chicago: University of Chicago Press, 1995. Vol. 9. P. 28.
- ⁶³ *Hayek F.A.* A Rejoinder to Mr. Keynes // *Economica*. 1931. November. Vol. 34. P. 398.
- ⁶⁴ *Sraffa P.* Dr. Hayek on Money and Capital // *Economic Journal*. 1932. March. Vol. 42. P. 42–53.
- ⁶⁵ *Hayek F.A.* Money and Capital: A Reply. P. 237–249.
- ⁶⁶ *Hayek F.A.* Profits, Interest, and Investment. London: Routledge, 1939. P. 3–71.
- ⁶⁷ Здесь я заимствую текст из моего предисловия к изданию «Чистой теории капитала» Хайека. См.: *Hayek F.A.* *The Pure Theory of Capital* / Ed. by L.H. White. Chicago: University of Chicago Press, 2007.
- ⁶⁸ *Epstein G. Mr. Market* [Interview with Milton Friedman] // *Hoover Digest*. 1999. № 1 [www.hoover.org/research/mr-market].
- ⁶⁹ Интервью с лордом Робертом Скидельски см. здесь: [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/minitext/int_robertskidelsky.html].
- ⁷⁰ Этот и следующий разделы во многом основаны на моей статье: *White L.H.* Did Hayek and Robbins Deepen the Great Depression? // *Journal of Money, Credit, and Banking*. 2008. June. Vol. 40. P. 751–768.
- ⁷¹ *Hayek F.A.* A Discussion with Friedrich A. von Hayek. Washington, DC: American Enterprise Institute, 1975. P. 5, 12.
- ⁷² См.: *Rothbard M.N.* America's Great Depression. Los Angeles: Nash, 1972. Ch. 7–12 [Ротбард М. Великая депрессия в Америке. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012. Гл. 7–12].
- ⁷³ См.: *Glasner D.* The Real-Bills Doctrine in the Light of the Law of Reflux // *History of Political Economy*. 1992. Fall. Vol. 24. P. 867–894.
- ⁷⁴ *Laidler D.* Misconceptions about the Real Bills Doctrine: A Comment on Sargent and Wallace // *Journal of Political Economy*. 1984. February. Vol. 92. P. 153.
- ⁷⁵ *Thornton H.* An Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain / Ed. by F.A. Hayek. London: George Allen and Unwin, 1939. P. 252–253 [files.libertyfund.org/files/2041/Thornton_1410_Bk.pdf].
- ⁷⁶ *Meltzer A.H.* A History of the Federal Reserve. Vol. 1: 1913–1951. P. 83ff.
- ⁷⁷ *Laidler D.* Meltzer's History of the Federal Reserve // *Journal of Economic Literature*. 2003. November. Vol. 41. P. 1263.
- ⁷⁸ *Eichengreen B.* The Keynesian Revolution and the Nominal Revolution: Was There a Paradigm Shift in Economic Policy in the 1930s? // UC Berkeley working paper. 1999. March. P. 12. Отчет ФРС за 1923 год цит. по: *Humphrey T.M.* The Real Bills Doctrine // *Federal Reserve Bank of Richmond Economic Review*. 1982. Vol. 68. P. 11. Подробнее о взглядах Миллера см.: *Timberlake Jr. R.H.* Gold Standards and the Real Bills Doctrine in U.S. Monetary Policy // *Independent Review*. 2007. Vol. 11, особенно с. 239–243. Дополнительные сведения о приверженности ФРС доктрине реальных векселей см.: *Idem.* Monetary Policy in the United States: An Intellectual and Institutional History. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 259–283; *Wheelock D.C.* The Strategy and Consistency of Federal Reserve Monetary Policy, 1924–1933.

- Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 111; *Meltzer A.H.* A History of the Federal Reserve. P. 76, 138–139, 263–256, 322; *Laidler D.* Meltzer's History of the Federal Reserve.
- ⁷⁹ *Hayek F.* Monetary Theory and the Trade Cycle. P. 179–180.

Глава 4

- ¹ Записи от 20 и 22 октября 1934 года: *Tugwell R.G.* The Diary of Rexford G. Tugwell: The New Deal, 1932–1935 / Ed. by M.V. Namorato. New York: Greenwood Press, 1992. P. 138–139.
- ² Вольфганг Шивельбуш в книге «Три „новых курса“» приводит другие заявления милитаристского характера из речи Рузвельта и отмечает: «Когда архитекторы „нового курса“ говорили об опыте войны, они имели в виду Первую мировую войну» (*Schivelbusch W.* Three New Deals: Reflections on Roosevelt's America, Mussolini's Italy, and Hitler's Germany, 1933–1939. New York: Picador, 2006. P. 40–41).
- ³ Параллели между экономической политикой Муссолини и Рузвельта проводятся в таких современных работах как: *Schivelbusch W.* Op. cit.; *Goldberg J.* Liberal Fascism. New York: Doubleday, 2007 [*Гольдберг Дж.* Либеральный фашизм. М.: РидГрупп, 2012].
- ⁴ *Hayek F.A.* Nazi-Socialism // *Idem.* The Road to Serfdom: Text and Documents, the Definitive Edition. Chicago: University of Chicago Press, 2007. P. 247. О том, как Муссолини из социалиста-марксиста превратился в социалиста-националиста, см. в книге: *Muravchik J.* Heaven on Earth: The Rise and Fall of Socialism. San Francisco: Encounter Books, 2002. Ch. 6.
- ⁵ *Flynn J.T.* The Roosevelt Myth. New York: Devin-Adair, 1948. P. 43.
- ⁶ *Ibid.* P. 78–79.
- ⁷ *Charles L., Dearing Ch.L., Homan P.T., Lorwin L.L., Lyon L.S.* The ABC of the NRA. Washington, DC: Brookings Institution, 1934. P. 38.
- ⁸ *Tugwell R.G.* The Industrial Discipline and the Governmental Arts. New York: Columbia University Press, 1932.
- ⁹ *Hopkins W.S.* Review of The Industrial Discipline and the Governmental Arts by Rexford G. Tugwell // *The Economic Journal*. 1933. September. Vol. 43. P. 501–502. Схематическое описание проекта центрального планового органа — Совета США по интеграции промышленности — и подчиненных ему ассоциаций по интеграции отраслей см. в работе: *Tugwell R.G.* The Industrial Discipline and the Governmental Arts. P. 212–216.
- ¹⁰ *Idem.* The Diary of Rexford G. Tugwell: The New Deal, 1932–1935. P. 5–6. «Промышленная кооперация» в этом случае означает картелирование и корпоративизм.
- ¹¹ *Ibid.* P. 290–291.
- ¹² *Tugwell R.G.* The New Deal in Retrospect // *Western Political Quarterly*. 1948. December. Vol. 1. P. 376.
- ¹³ *Roosevelt F.D.* First Inaugural Address // *Idem.* Great Speeches / Ed. by J. Grafton. Mineola, NY: Dover, 1999. P. 30 [Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша, 1789–2001. М.: Стратегия, 2001. С. 364–365]. Эту речь для Рузвельта готовил

- коллега Тагвелла по «мозговому тресту» Рэймонд Моуди, см.: *Houck D.W., Nocasian M.* FDR's First Inaugural Address: Text, Context, and Reception // *Rhetoric and Public Affairs*. 2002. Winter. Vol. 5. P. 649–678.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 291. Влияние теории Гобсона на Тагвелла отмечал Малкольм Резерфорд (*Rutherford M.* American Institutionalism and Its British Connections // *European Journal of the History of Economic Thought*. 2007. June. Vol. 14. P. 291–323). Резерфорд также указывает, что первоначально Торстейн Веблен «в своем анализе экономических депрессий неоднократно ссылался на идеи Гобсона, касающиеся недопотребления».
- ¹⁵ Анализ идей Гобсона в формате целой книги см.: *Allett J.* New Liberalism: The Political Economy of J.A. Hobson. Toronto: University of Toronto Press, 1981. Для собственной автобиографии Гобсон выбрал название «Исповедь экономиста-еретика» (*Hobson J.A.* Confessions of an Economic Heretic. London: George Allen and Unwin, 1938).
- ¹⁶ *Muravchik J.* Op. cit. P. 70 [Энгельс Ф. наброски к критике политической экономики // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения / 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 563].
- ¹⁷ *Hamilton D.* Hobson with a Keynesian Twist // *American Journal of Economics and Sociology*. 1954. April. Vol. 13. № 3. P. 274. Далее Гамильтон сравнивает и противопоставляет друг другу теории депрессии Гобсона и Кейнса.
- ¹⁸ Ленин в предисловии к книге «Империализм как высшая стадия капитализма» признавал влияние Гобсона на свою собственную критику империализма. См.: *Lenin V.I.* Imperialism: The Highest Stage of Capitalism. New York: International, 1939 [Ленин В.И. Полное собрание сочинений / 5-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 27].
- ¹⁹ *Hobson J.A.* Underconsumption: An Exposition // *Economica* (old series). 1933. November. Vol. 42. P. 409 (там же «Ответ» Э.Ф.М. Дурбина).
- ²⁰ *Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money. London: Macmillan, 1936. P. 367 [Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 332].
- ²¹ Цит. по: *Tugwell R.G.* The Diary of Rexford G. Tugwell: The New Deal, 1932–1935. P. 342.
- ²² *Ibid.* P. 291.
- ²³ Об усилиях NRA по повышению заработной платы см. замечания Джорджа Терборга в работе: *Hutchins R.M. et al.* NRA Examined // *American Economic Review* (Supplement, Papers and Proceedings). 1935. March. Vol. 25. P. 2.
- ²⁴ *Tugwell R.G.* The Problem of Agriculture // *Political Science Quarterly*. 1924. December. Vol. 39. P. 555. Обвинительный вердикт Тагвелла в отношении *laissez-faire* в сельском хозяйстве см. также в статье: *Tugwell R.G.* Farm Relief and a Permanent Agriculture // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1929. March. Vol. 142. P. 271–282.
- ²⁵ *Keynes J.M.* Poverty in Plenty: Is the Economic System Self-Adjusting? // *Idem.* The Collected Writings of John Maynard Keynes / Ed. by E. Johnson, D. Moggridge. London: Macmillan, 1973. Vol. 13. P. 485–492; цит. по: *The Elgar Dictionary of Economic Quotations* / Ed. by Ch.R. McCann, Jr. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2003. P. 89.
- ²⁶ Комментарий Терборга: *Hutchins R.M. et al.* Op. cit. P. 2.
- ²⁷ Livestock: Rising Birthrate // *Time*. 1939. July 10.
- ²⁸ *Sumner S.* Price-Level Stability, Price Flexibility, and Fisher's Business Cycle Model // *Cato Journal*. 1990. Winter. Vol. 9. P. 723.
- ²⁹ *Flynn J.T.* Op. cit. P. 46; *Hawley E.W.* The New Deal and the Problem of Monopoly. New York: Fordham University Press, 1995. P. 130; *Tugwell R.G.* The New Deal in Retrospect. P. 381–382.
- ³⁰ Цит. по: *Shlaes A.* The Forgotten Man: A New History of the Great Depression. New York: HarperCollins, 2007. P. 243.
- ³¹ *Rogin L.* The New Deal: A Survey of the Literature // *Quarterly Journal of Economics*. 1935. February. Vol. 49. P. 325–355. Работы институционалистов, о которых идет речь: *Adams A.B.* Our Economic Revolution. Norman: University of Oklahoma Press, 1933; *Berle Jr. A.A. et al.* America's Recovery Program. New York: Oxford University Press, 1934 (сборник лекций, среди авторов которых были Рексфорд Г. Тагвелл и другие чиновники администрации Рузвельта); *Columbia University Commission, Economic Reconstruction*. New York: Columbia University Press, 1934 (в числе авторов этого сборника были Уэсли К. Митчелл и Джон Морис Кларк). Работы социалистов: *Beard Ch.A., Smith G.H.E.* The Future Comes. New York: Macmillan, 1933; *Soule G.* The Coming American Revolution. New York: Macmillan, 1934.
- ³² См.: *Rutherford M.* The Institutional Movement in American Economics, 1918–1947: Science and Social Control. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Автор детально исследует историю институционализма, включая и влияние институционалистов на различные аспекты «нового курса». См. также: *Idem.* Institutional Economics: Then and Now // *Journal of Economic Perspectives*. 2001. Summer. Vol. 15. P. 173–194; *Idem.* Institutional Economics at Columbia University // *History of Political Economy*. 2004. Spring. Vol. 36. P. 31–78.
- ³³ *Galbraith J.* Hip Heterodoxy and the History of Economics // TPM Café Blog. 2007. May 29 [web.archive.org/web/2008101114242/www.tpmcafe.com/blog/bookclub/2007/may/29/hip_heterodoxy_and_the_history_of_economics].
- ³⁴ *Hopkins W.S.* Review of The Industrial Discipline and the Governmental Arts by Rexford G. Tugwell. P. 500.
- ³⁵ *Rexford G.* Tugwell // Teaching Eleanor Roosevelt / Ed. by A. Black, J. Hopkins et al. Hyde Park, NY: Eleanor Roosevelt National Historic Site, 2003 [erpapers.columbian.gwu.edu/rexford-g-tugwell-1891-1979]. Подробный и сочувственный анализ идей Тагвелла и политики «нового курса» см. в работе: *Sternsher B.* Rexford Tugwell and the New Deal. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1964.
- ³⁶ *Namorato M.V.* Rexford G. Tugwell: A Brief Sketch // *Tugwell R.G.* The Diary of Rexford G. Tugwell: The New Deal, 1932–1935. P. 2.
- ³⁷ *Tugwell R.G.* Notes on the Life and Work of Simon Nelson Patten // *Journal of Political Economy*. 1923. April. Vol. 31. P. 153–208; *Patten S.N.* Essays in Economic Theory / Ed. by R.G. Tugwell. New York: A.A. Knopf, 1924.

- ³⁸ *Namorato M.V.* Op. cit. p. 2.
- ³⁹ *Tugwell R.G.* The Diary of Rexford G. Tugwell: The New Deal, 1932–1935. P. 137.
- ⁴⁰ Цит. по: *Sternsher B.* Op. cit. P. 13.
- ⁴¹ *Veblen T.* The Limitations of Marginal Utility // Journal of Political Economy. 1909. November. Vol. 17. P. 621 [*Веблен Т.* Ограниченность теории предельной полезности // Вопросы экономики. 2007. № 7. С. 86–98].
- ⁴² *Idem.* The Engineers and the Price System. New York: B.W. Huebsch, 1921. P. 31.
- ⁴³ О технократическом движении см.: *Akin W.E.* Technocracy and the American Dream: The Technocrat Movement, 1900–1941. Berkeley: University of California Press, 1977.
- ⁴⁴ *Flynn J.T.* Op. cit. P. 79. Флинн отмечал влияние Веблена на Тагвелла и технократов (*Ibid.* P. 155–157).
- ⁴⁵ *Seligman E.R.A.* Continuity in Economics // Adams H.C., Ely R.T. et al. Science Economic Discussion. New York: Science Co., 1886. P. 18–19. Эта работа воспроизведена в сборнике: *Seligman E.R.A.* Essays in Economics. New York: Macmillan, 1925.
- ⁴⁶ *Schumpeter J.A.* History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press, 1954. P. 812. Цит. по: *Moss D.A.* Socializing Security. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. P. 15 [*Шюмпетер Й.* История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 3. С. 1070].
- ⁴⁷ *Mises L. von.* The Historical Setting of the Austrian School of Economics. New Rochelle, NY: Arlington House, 1962. P. 23.
- ⁴⁸ *Coase R.H.* The New Institutional Economics // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1984. Vol. 140. P. 230. Подробнее о немецкой исторической школе и ее доктринальных корнях см.: *Caldwell B.* Hayek's Challenge. Chicago: University of Chicago Press, 2004. Ch. 2. О влиянии школы в США см.: *Dorfman J.* The Role of the German Historical School in American Economic Thought // American Economic Review (Papers and Proceedings). 1955. May. Vol. 45. P. 17–28.
- ⁴⁹ *Ely R.T.* Ground under Our Feet. New York: Macmillan, 1938. P. 43–44.
- ⁵⁰ О влиянии Эли на Вильсона см.: *Pecquet G.M., Thies C.F.* The Shaping of a Future President's Economic Thought: Richard T. Ely and Woodrow Wilson at "The Hopkins" // Independent Review. 2010. Fall. Vol. 15. P. 257–277.
- ⁵¹ О жизни и влиянии Эли см.: *Rader B.G.* The Academic Mind and Reform: The Influence of Richard T. Ely in American Life. Lexington: University Press of Kentucky, 1966. Заявление АЭА цит. по: *Bateman B.W., Kapstein E.B.* Between God and the Market: The Religious Roots of the American Economic Association // Journal of Economic Perspectives. 1999. Fall. Vol. 13. P. 253.
- ⁵² *Hayek F.A.* The Economics of the 1920s as Seen from Vienna // *Idem.* The Collected Work of F.A. Hayek / Ed. by P. Klein. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Vol. 4. P. 36–37 [*Хайек Ф.А.* Судьбы либерализма в XX веке, М.: ИРИСЭН, 2009. С. 47, 49]. О контактах Хайека с Митчеллом см.: *Caldwell B.* Introduction //
- Hayek F.A. The Collected Work of F.A. Hayek. Vol. 13. P. 21–24.
- ⁵³ Доброжелательное описание политики Бисмарка американцем-современником см. в работе: *Howe F.C.* Socialized Germany. New York: Charles Scribner's Sons, 1915. Ее критический ретроспективный анализ см. в работе: *Ebeling R.* Austrian Economics and the Political Economy of Freedom. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2003. Ch. 7.
- ⁵⁴ *Hayek F.A.* The "Paradox" of Saving // Profits, Interest, and Investment. London: Routledge, 1939. P. 199.
- ⁵⁵ *Davis A.K.* Thorstein Veblen Reconsidered // Thorstein Veblen: Critical Assessments / Ed. by J.C. Wood. London: Routledge, 1993. Vol. 1. P. 99; *Landsman R.H.* The Philosophy of Veblen's Economics // Thorstein Veblen: Critical Assessments. P. 116.
- ⁵⁶ Об отношениях Эли с движением Социального христианства см.: *Bateman B.W., Kapstein E.B.* Op. cit. P. 249–258.
- ⁵⁷ *Ely R.T.* Socialism: An Examination of Its Nature, Its Strength and Its Weakness, with Suggestions for Social Reform. New York: Thomas Y. Crowell & Co., 1894. P. 256.
- ⁵⁸ *Ibid.* P. 9–10.
- ⁵⁹ *Ibid.* P. 220–221.
- ⁶⁰ *Taylor F.W.* The Principles of Scientific Management. New York: Harper and Brothers, 1911. P. 25 [*Тейлор Ф.У.* Принципы научного менеджмента. М.: Контроллинг, 1991. С. 20].
- ⁶¹ *Lenin V.I.* The Taylor System — Man's Enslavement by the Machine // *Idem.* Collected Works. Moscow: Progress Press, 1972. Vol. 20. P. 152–154 [*Ленин В.И.* Система Тейлора — порабощение человека машиной // Он же. Полное собрание сочинений. Т. 24. С. 371]. Анализ «советского тейлоризма» см. в работе: *Socor Z.A.* Soviet Taylorism Revisited // Soviet Studies. 1981. April. Vol. 33. P. 246–264.
- ⁶² *Tugwell R.G.* The Principle of Planning and the Institution of Laissez Faire // American Economic Review. 1932. March. Vol. 22. P. 75–92. До этого Тагвелл подчеркивал значение тейлоризма в качестве инструмента повышения производительности труда (*Idem.* Industry's Coming of Age. New York: Harcourt, Brace, 1927. P. 30–32, 120–128). Другие последователи тейлоризма — члены Тейлоровского общества — не имели такого политического влияния в период «нового курса».
- ⁶³ *Tugwell R.G.* The Principle of Planning and the Institution of Laissez Faire. P. 86–87.
- ⁶⁴ Хочу поблагодарить Эмми Шлэс за то, что она обратила мое внимание на этот момент.
- ⁶⁵ *Ibid.* P. 75, 84.
- ⁶⁶ *Ibid.* P. 78, n. 7; P. 75.
- ⁶⁷ *Tugwell R.G.* Experimental Control in Russian Industry // Political Science Quarterly. 1928. June. P. 161–187.
- ⁶⁸ *Ibid.* P. 172.
- ⁶⁹ *Tugwell R.G.* The Theory of Occupational Obsolescence // Political Science Quarterly. 1931. June. Vol. 46. P. 224.
- ⁷⁰ *Idem.* The Principle of Planning and the Institution of Laissez Faire. P. 76.
- ⁷¹ *Ibid.*

- ⁷² *Tugwell R.G.* The Industrial Discipline and the Governmental Arts. P. 204.
- ⁷³ *Idem.* The Principle of Planning and the Institution of Laissez Faire. P. 77.
- ⁷⁴ *Ibid.* P. 76.
- ⁷⁵ *Ibid.* P. 78.
- ⁷⁶ Давая обзор «характера и истории проблемы» и «состояния дискуссии» в 1935 году, Хайек упомянул всего четыре публикации на английском языке, вышедшие до 1932 года (см.: *Collectivist Economic Planning* / Ed. by F.A. Hayek. London: Routledge, 1935 [*Хайек Ф.А.* Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 145–216]). Р.Дж. Хоутри не ссылается на Мизеса и не распознает как таковую проблему экономического расчета, но признает, что в социалистическом хозяйстве, в котором необходимо «заменить независимого торговца функционером», имеются проблемы со стимулами (см.: *Hawtrey R.G.* The Economic Problem. London: Longmans, 1926. P. 339). Мне не удалось найти экземпляр книги Джона Боудена «Условия общественного благосостояния», которая, как отмечал Хайек, была мало известна в свое время и остается таковой сегодня (*Bowen J.* Conditions of Social Welfare. London: C.W. Daniel, 1926). В короткой статье Фреда Тейлора Мизес не упоминается и ничего не говорится о проблеме экономического расчета (*Taylor F.M.* The Guidance of Production in a Socialist State // *American Economic Review*. 1929. March. Vol. 19. P. 1–8). У. Ропер ссылается на книгу Мизеса, вышедшую в 1922 году, и расмагнривает его главный аргумент, связанный с проблемой ценообразования (*Roper W.C.* The Problem of Pricing in a Socialist State. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1931), но Тагвелл вполне мог не обратить внимания на эту недавно вышедшую (на тот момент) и небольшую (71 страница) студенческую работу, опубликованную лишь потому, что она получила премию.
- ⁷⁷ *Means G.C.* The Separation of Ownership and Control in American Industry // *Quarterly Journal of Economics*. 1931. November. Vol. 46. P. 68–100. Позднее Адольф Берли и Гардинер Минз в книге «Современная корпорация и частная собственность», во многом следуя идеям Веблена, изложили свой знаменитый тезис о «разделении собственности и управления» (*Berle A.A., Means G.C.* The Modern Corporation and Private Property. New York: Macmillan, 1932).
- ⁷⁸ *Tugwell R.G.* The Principle of Planning and the Institution of Laissez Faire. P. 79.
- ⁷⁹ *Ibid.* P. 82.
- ⁸⁰ Из числа известных работ на эту тему следует упомянуть *Jensen M.C., Meckling W.H.* Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs, and Ownership Structure // *Journal of Financial Economics*. 1976. Vol. 3. P. 305–360; *Fama E.F., Jensen M.C.* Separation of Ownership and Control // *Journal of Law and Economics*. 1983. Vol. 26. P. 301–325.
- ⁸¹ *Roosevelt F.D.* First Inaugural Address [Инаугурационные речи президентов США от Джорджа Вашингтона до Джорджа Буша. С. 364–365].
- ⁸² *Raico R.* FDR — the Man, the Leader, the Legacy, Part 11 // *Freedom Daily*. 2001. February [www.ff.org/explora-freedom/article/fdr-man-leader-legacy-part-11].
- ¹ *Keynes J.M.* The Collected Writings of John Maynard Keynes / Ed. by E. Johnson, D. Moggridge. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. Vol. 14. P. 492.
- ² *Keynes J.M.* Alfred Marshall, 1842–1924 // *Idem.* The Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. 10. P. 199 [*Кейнс Дж.М.* Альфред Маршалл // Маршалл А. Основы экономической науки. М.: Эксмо, 2007. С. 32]; *Harrod R.F.* The Life of John Maynard Keynes. London: Macmillan, 1951. P. 324.
- ³ [www.time.com/time/covers/0,16641,19651231,00.html].
- ⁴ The Economy: We Are All Keynesians Now // *Time*. 1965. December 31 [www.time.com/time/magazine/article/0,9171,842353-1,00.html]. Подробнее о влиянии рекомендаций Кейнса по поводу фискальной политики см. главу 15.
- ⁵ *Reeves R.* President Nixon: Alone in the White House. New York: Simon & Schuster Paperbacks, 2001. P. 295.
- ⁶ *Steindl F.G.* What Ended the Great Depression? It Was Not World War II // *Independent Review*. 2007. Fall. Vol. 12. P. 180–181; *Cole H.L., Ohanian L.E.* New Deal Policies and the Persistence of the Great Depression: A General Equilibrium Analysis // *Journal of Political Economy*. 2004. August. Vol. 112. P. 779–781.
- ⁷ *Hall T.E., Ferguson J.D.* The Great Depression: An International Disaster of Perverse Economic Policies. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 71–73, 105, 122–126, 128–129, 144–145, 147.
- ⁸ *Gallaway L., Vedder R.* Out of Work: Unemployment and Government in Twentieth-Century America. New York: Holmes and Meier, 1993.
- ⁹ *Cole H.L., Ohanian L.E.* Op. cit. P. 779.
- ¹⁰ *Friedman M., Schwartz A.J.* A Monetary History of the United States. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. Ch. 7, 9 [*Фридман М., Шварц А.И.* Монетарная история Соединенных Штатов, 1867–1960. Киев: Ваклер, 2007. Гл. 7, 9].
- ¹¹ *Skidelsky R.* Commanding Heights, интервью [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/minitext/int_robertskidelsky.html].
- ¹² *Keynes J.M.* The Great Slump of 1930 // *Idem.* Essays in Persuasion. New York: W.W. Norton, 1973. P. 142–144. Эту аргументацию с использованием более специальной терминологии Кейнс изложил в «Трактате о деньгах» (*Idem.* A Treatise on Money. London: Macmillan, 1930), опубликованном в том же месяце.
- ¹³ *Keynes J.M.* The Great Slump of 1930. P. 139.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 146.
- ¹⁵ *Keynes J.M.* Economy: (i) Saving and Spending // *Idem.* Essays in Persuasion. P. 151–152. Нигде в этой статье Кейнс не разъясняет, какими статистическими данными и расчетами обоснована его цифра «пять шиллингов».
- ¹⁶ *Ibid.* P. 153. Точно так же Кейнс выступил за общественные работы, оплачиваем за счет бюджетного дефицита, в серии из четырех газетных статей, позднее изданных в виде сборника: *Keynes J.M.* The Means to Prosperity. London: Macmillan, 1933.
- ¹⁷ *Krugman P.* Introduction // *Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

- ¹⁸ См.: *Davis J.R.* The New Economics and the Old Economists. Ames: Iowa State University Press, 1971; *Barber W.J.* From New Era to New Deal: Herbert Hoover, the Economists, and American Economic Policy, 1921–1933. New York: Cambridge University Press, 1985. Краткий обзор предложений чикагских экономистов по поводу финансирования государственных расходов за счет бюджетного дефицита в начале 30-х годов см.: *Ebeling R.M.* Monetary Central Planning and the State, Part 22: The Chicago School Economists and the Great Depression // *Freedom Daily*, 1998. October [www.ff.org/explore-freedom/article/monetary-central-planning-state-part-22-chicago-school-economists-great-depression].
- ¹⁹ Идеи Ньюкома и Фишера, а также количественную теорию денег мы рассмотрим в главе 12.
- ²⁰ *Skidelsky R.* Commanding Heights, интервью.
- ²¹ *Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money // *Idem.* The Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. 7. P. xxxiii.
- ²² *Ibid.*
- ²³ Как утверждает Пол Кругман в процитированном ранее предисловии, этот график впервые появился в учебнике Пола Самуэльсона «Экономика» в 1948 году.
- ²⁴ Предисловие к французскому изданию: *Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money // *Idem.* The Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. 7. P. xxxiii.
- ²⁵ О противоположности взглядов Кейнса и «викселианцев» на теорию процента см.: *Leijonhufvud A.* The Wicksell Connection // *Idem.* Information and Coordination. New York: Oxford University Press, 1981.
- ²⁶ *Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money // *Idem.* The Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. 7. P. 372–373 [*Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 332].
- ²⁷ *Samuelson P.A.* A Synthesis of the Principle of Acceleration and the Multiplier // *Journal of Political Economy*, 1939. Vol. 47. P. 786–797. О вкладе Элиана Хансена и Роя Харрода в разработку модели Самуэльсона см.: *Vesomi D.* Harrod, Hansen, and Samuelson on the Multiplier-Acceleration Model: A Further Note // *History of Political Economy*, 2003. Vol. 35. P. 305–322. Однако при небольшом изменении параметров модели колебания в экономике становятся либо усиливающимися до бесконечности, либо затухающими до нуля.
- ²⁸ Предисловие к французскому изданию: *Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money. P. xxxiv.
- ²⁹ *Garrison R.* Time and Money. London: Routledge, 2001.
- ³⁰ Такими словами Том Уилсон (*Wilson T.* Capital Theory and the Trade Cycle // *Review of Economic Studies*, 1940. June. Vol. 7. P. 169) отреагировал на высказывание Хайека в книге: *Hayek A.F.* Profits, Interest, and Investment. London: Routledge, 1939. P. 3.
- ³¹ *Keynes J.M.* The Pure Theory of Money: A Reply to Dr. Hayek // *Economica*, 1931. November. Vol. 34. P. 393.
- ³² *Hayek F.A.* A Rejoinder to Mr. Keynes // *Economica*, 1931. November. Vol. 34. P. 401.
- ³³ *Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money // *Idem.* The Collected Writings of John Maynard Keynes. Vol. 7. P. xxv.
- ³⁴ *Thornton H.* An Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain [1802] / Ed. with an introduction by F.A. Hayek. London: George Allen and Unwin, 1939 [*Торнтон Г.* Исследование о природе и действии бумажного кредита в Великобритании. М.: Директ-Медиа, 2007].
- ³⁵ *MacLachlan F.* J.A. Hobson and the Economists // *Journal of Post Keynesian Economics*, 2002–2003. Winter. Vol. 25. P. 298. Маклахлен также отмечает, что Кейнс «написал разгромную рецензию на одну из книг Гобсона и... несет ответственность за отказ опубликовать как минимум одну его статью в *Economic Journal*».
- ³⁶ *Skidelsky R.* Commanding Heights, интервью.
- ³⁷ *Malthus T.R.* Definitions in Political Economy [1827] / New ed. with notes by J. Cazenove. London: Simpkin and Marshall, 1853. P. 73–74.
- ³⁸ *Sismondi J.S. de.* New Principles of Political Economy, 1819. Vol. 1. P. 220–221; цит. по: *Gide Ch., Rist Ch.* A History of Economic Doctrines / 2nd English ed., trans. by R. Richards. Boston: D.C. Heath, 1948. P. 193–194 [*Жид Ш., Рист Ш.* История экономических учений. М.: Экономика, 1995. С. 150–151]. По оценке Жюда и Эрикса, «невозможно представить себе что-нибудь более неясное, чем рассуждения, с помощью которых Сисмонди пытается доказать возможность общего перепроизводства. [Противоположное] положение успешно защищали против Сисмонди Мак-Куллох, Рикардо и Ж.Б.Сэй» (*Ibid.* P. 190, 191 [Там же. С. 147–148]).
- ³⁹ *Ricardo D.* Notes on Malthus's Principles of Political Economy [1820] // *Idem.* The Works and Correspondence of David Ricardo / Ed. by P. Sraffa. Indianapolis: Liberty Fund, 2004. Vol. 2. P. 305–306 [*Рикардо Д.* Примечания к книге г-на Мальюса «Начала политической экономии, рассмотренные с точки зрения их практического приложения» // Он же. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 517–518]. Детально спор Мальюса и Рикардо рассматривается в работе: *MacLachlan F.* The Ricardo-Malthus Debate on Underconsumption: A Case Study in Economic Conversation // *History of Political Economy*, 1999. Fall. Vol. 31. P. 563–574.
- ⁴⁰ *Keynes J.M.* The Commemoration of Thomas Robert Malthus (II) // *Economic Journal*, 1935. Vol. 45. June. P. 230–234.
- ⁴¹ *Idem.* The General Theory of Employment, Interest, and Money. P. 32 [*Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. С. 64–65].
- ⁴² *Say J.-B.* A Treatise on Political Economy; or the Production, Distribution, and Consumption of Wealth / Ed. by C.C. Biddle, trans. by C.R. Prinsep from the 4th French ed. Philadelphia: Lippincott, Grambo & Co., 1855. P. 139 [*Сэй Ж.-Б.* Трактат по политической экономии // Он же. Трактат по политической экономии; Бастиа Ф. Экономические софизмы. Экономические гармонии. М.: Дело, 2000. С. 45, 48].
- ⁴³ *Ibid.* P. 133, 139, 137 [Там же. С. 43, 49, 47].
- ⁴⁴ *Ibid.* P. 144.
- ⁴⁵ *Say J.-B.* A Treatise on Political Economy; or the Production, Distribution, and Consumption of

- Wealth / 1st ed. 1803; цит. по: *Idem*. An Economist in Troubled Times: Writings Selected and Translated by R.R. Palmer. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1997. P. 76.
- ⁴⁶ *Idem*. A Treatise on Political Economy; or the Production, Distribution, and Consumption of Wealth / Ed. by C.C. Biddle, trans. by C.R. Prinsep from the 4th French ed. Philadelphia: Lippincott, Grambo & Co., 1855. P. 135 [Там же. С. 46].
- ⁴⁷ *Ibid*. P. 133 [Там же. С. 43–44].
- ⁴⁸ *Ibid*. P. 139 [Там же. С. 150].
- ⁴⁹ *Ibid*. P. 133 [Там же. С. 43–44]. Тот же аргумент звучит в приведенной выше длинной цитате из Рикардо.
- ⁵⁰ *Ibid*. P. 134 [Там же. С. 44].
- ⁵¹ *Keynes J.M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money. P. 18, 20–21 [*Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. С. 54, 56–57].
- ⁵² *Ibid*. P. 289 [Там же. С. 269].
- ⁵³ *Ibid*. P. 7 [Там же. С. 45].
- ⁵⁴ *Ibid*. P. 8–9 [Там же. С. 46–47].
- ⁵⁵ *Hayek F.A.* The Pure Theory of Capital. Chicago: University of Chicago Press, 2007. P. 368.
- ⁵⁶ В главе 12 мы проанализируем точку зрения Милтона Фридмана, согласно которой такой фокус эмпирически оправдан, поскольку рецессия и оживление — это все, что мы можем наблюдать в истории (то есть бум не может быть выше тренда), а значит, только их и нужно объяснять.
- ⁵⁷ *Krugman P.* Introduction.
- ⁵⁸ *Hayek F.A.* The Pure Theory of Capital.
- ⁵⁹ Сомнения и возражения ряда экономистов (бывших по большей части старше Кейнса) по поводу его теории представлены в сборнике: *Critics of Keynesian Economics* / Ed. by H. Hazlitt. Princeton, NJ: D. Van Nostrand, 1960. Существенная критика со стороны двух более молодых экономистов — современников Кейнса (родившихся, как и Хайек, в 1899 году) содержится в книгах: *Hutt W.H.* The Theory of Idle Resources. London: Jonathan Cape, 1939; *Margel A.W.* The Theory of Prices. New York: Prentice-Hall 1942. Vol. 2.
- ⁶⁰ *Mehring O. von.* Some Problems of Methodology in Modern Economic Theory // *American Economic Review*. 1944. March. Vol. 34. P. 87.
- ⁶¹ *Skidelsky R.* Commanding Heights, интервью; *Galbraith J.K.* Commanding Heights, интервью [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/minitexto/int_johnkennethgalbraith.html].
- ⁶² *Grant A.T.K.* Review of The Means to Prosperity by J.M. Keynes and End the Crisis! by Felix Somary // *International Affairs*. 1933. July. Vol. 12. P. 548.
- ⁶³ Цит. по: *Hetzl R.* The Contributions of Milton Friedman to Economics // *Federal Reserve Bank of Richmond Economic Quarterly*. 2007. Winter. P. 9.
- ⁶⁴ *Luzzetti M.N., Ohanian L.E.* The General Theory of Employment, Interest, and Money after 75 Years: The Importance of Being in the Right Place at the Right Time (= NBER Working Paper. 2010. December. № 16631).
- ⁶⁵ *Hansen A.H.* A Guide to Keynes. New York: McGraw-Hill, 1953.
- ⁶⁶ *Hicks J.R.* Mr. Keynes and the “Classics”; A Suggested Interpretation // *Econometrica*. 1937. April. Vol. 5. P. 147–59 [*Хикс Дж.Р.* Господин Кейнс и «классики»: попытка интерпретации // Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. С. 343–355].
- ⁶⁷ *Leijonhufvud A.* On Keynesian Economics and the Economics of Keynes. New York: Oxford University Press, 1968; *Meltzer A.H.* Keynes's Monetary Theory: A Different Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
- ⁶⁸ *Friedman M. et al.* Milton Friedman's Monetary Framework: A Debate with His Critics / Ed. by R.J. Gordon. Chicago: University of Chicago Press, 1974.
- ⁶⁹ *Phillips A.W.* The Relation between Unemployment and the Rate of Change of Money Wages in the United Kingdom, 1861–1957 // *Economica*. 1958. November. Vol. 25. P. 283–299.
- ⁷⁰ *Samuelson P., Solow R.* Analytical Aspects of Anti-Inflation Policy // *American Economic Review*. 1960. May. Vol. 50. P. 177–194.
- ⁷¹ *Mankiw N.G.* New Keynesian Economics // *Henderson D.* Concise Encyclopedia of Economics [www.econlib.org/library/Enc/NewKeynesianEconomics.html].

Глава 6

- ¹ *Röpke W.* The Solution of the German Problem. New York: G.P. Putnam's Sons, 1947. P. 59–60.
- ² *Kershaw I.* Hitler, 1889–1936: Hubris. New York: Norton, 2000. P. 448.
- ³ *Röpke W.* Fascist Economics // *Economica* (New Series). 1935. February. Vol. 2. P. 86.
- ⁴ Например, французский дадаист Марсель Дюшан создал одну из своих знаменитых работ (L.H.O.O.Q., 1919), пририсовав к портрету Моны Лизы усы и эспаньолку. Из эксцентричных арт-объектов Дюшана два были посвящены теме финансов: нарисованный от руки чек на 115 долларов на имя его дантиста, выписанный на бланке мифической нью-йоркской компании The Teeth's Loan & Trust Company Consolidated (Tzanck Check, 1919), и пронумерованная серия литографий и коллажей, изображающих облигации на предъявителя, на которых помещены фото намывленной головы Дюшана и печать для юридических документов (снимок сделал другой дадаист — Ман Рей). Облигации были якобы выпущены некоей фирмой для финансирования изобретенной художником системы для игры в рулетку (Monte Carlo Bond, 1924). Кстати, облигация за номером 1 на аукционе в 2010 году была продана за миллион с лишним долларов. Подробнее см.: *Velthuis O.* Duchamp's Financial Documents: Exchange as a Source of Value // *Tout-Fait: The Marcel Duchamp Studies Online Journal*. 2000. May. Vol. 1. № 2 [www.toutfait.com/issues/issue_2/Articles/velthuis.html].
- ⁵ *Röpke W.* Fascist Economics. P. 94, 86, 88.
- ⁶ *Hayek F.A.* Nazi-Socialism // *Idem*. The Road to Serfdom: Text and Documents, The Definitive Edition / Ed. by Bruce Caldwell. Chicago: University of Chicago Press, 2007. P. 245–248.
- ⁷ *Röpke W.* Fascist Economics. P. 91.
- ⁸ *Lippmann W.* The Good Society. New York: Grosset & Dunlap, 1943. P. 57.
- ⁹ *Willgerodt H.* Planning in West Germany: The Social Market Economy // *The Politics of Planning:*

A Review and Critique of Centralized Economic Planning / Ed. by A.L. Chickering. San Francisco: Institute for Contemporary Studies, 1976. P. 61.

¹⁰ Hitler's Memorandum on the Four-Year Plan // The Nazi Germany Sourcebook: An Anthology of Texts / Ed. by R. Stackleberg, S.A. Winkle. London: Routledge, 2002. P. 197–198 [Анатомия войны: Новые документы о роли германского монополистического капитала в подготовке и ведении Второй мировой войны. М.: Прогресс, 1971. С. 132].

¹¹ *Eucken W.* On the Theory of the Centrally Administered Economy: An Analysis of the German Experiment: Part I / Trans. by T.W. Hutchison // *Economica* (New Series). 1948. May. Vol. 15. P. 79. В главе 9 мы подробнее остановимся на идеях Ойкена и Рёпке и на той роли, которую они сыграли в экономической политике послевоенной Германии.

¹² О денежной политике Германии в этот период см.: *Hetzel R.L.* German Monetary History in the First Half of the Twentieth Century // *Federal Reserve Bank of Richmond Economic Quarterly*. 2002. Winter. Vol. 88. P. 1–35.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Ibid.* P. 92.

¹⁵ Теоретический анализ интервенционистской динамики см. в работе: *Hagel J. III, Grinler W.E.* From Laissez-Faire to Zwangswirtschaft: The Dynamics of Interventionism // *Advances in Austrian Economics* / Ed. by P. Kurrild-Klitgaard. Bingley, UK: Emerald Group, 2004. Vol. 8: The Dynamics of Intervention: Regulation and Redistribution in the Mixed Economy. P. 59–86.

¹⁶ *Ibid.* P. 79.

¹⁷ *Ibid.* P. 80. Свидетельство из первых рук о контроле нацистов над экономикой см. в книге: *Reimann G.* The Vampire Economy: Doing Business under Fascism. New York: Vanguard Press, 1939.

¹⁸ *Ibid.* P. 94; *Eucken W.* On the Theory of the Centrally Administered Economy: An Analysis of the German Experiment: Part II / Trans. by T.W. Hutchison // *Economica* (New Series). 1948. August. Vol. 15. P. 190.

¹⁹ *Ibid.* P. 183.

²⁰ *Sombart W.* A New Social Philosophy / Trans. by K.F. Geiser. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1937.

²¹ *Röpke W.* Fascist Economics. P. 99.

²² *Hayek A.F.* The Nature and History of the Problem // *Collectivist Economic Planning* / Ed. by F.A. Hayek. London: Routledge, 1935. P. 23–24 [Хайек Ф.А. Экономический расчет при социализме (I): Характер и история проблемы // Он же. Индивидуализм и экономический порядок. Челябинск: Социум, 2011. С. 164].

²³ *Macmillan H.* The Middle Way. London: Macmillan, 1938. См.: *Caldwell B.* Hayek's Challenge. Chicago: University of Chicago Press, 2004. P. 232–238.

²⁴ *Keynes J.M.* National Self-Sufficiency // *Yale Review*. 1933. June. Vol. 22. P. 755–769.

²⁵ *Keynes J.M.* The Collected Writings of John Maynard Keynes / Ed. by D. Moggridge. London: Macmillan, 1982. Vol. 28. P. 333–334.

²⁶ Цит. по: *Caldwell B.* Hayek's Challenge. P. 234.

²⁷ *Friedman F., Friedman R.D.* The Tide in the Affairs of Men // Freeman. 1989. April. Vol. 39 [fee.org/articles/the-tide-in-the-affairs-of-men].

²⁸ *Hansen A.H.* Fiscal Policy and Business Cycles. New York: W.W. Norton, 1941. P. 47.

²⁹ Подробнее о мобилизации американской экономики в годы Второй мировой войны см.: *Koistinen P.A.C.* Arsenal of World War II: The Political Economy of American Warfare, 1940–1945. Lawrence: University Press of Kansas, 2004.

³⁰ Цит. по: *Novick D.* Review of Industrial Mobilization for War: History of the War Production Board and Predecessor Agencies, 1940–45 // *American Economic Review*. 1948. June. Vol. 38. P. 447–448.

³¹ National Executive Committee of the Labour Party // *The Old World and the New Society: A Report on the Problems of War and Peace Reconstruction*. London: Transport House, n.d. P. 3–4; цит. по: *Caldwell B.* Introduction // Hayek F.A. *The Road to Serfdom: Text and Documents, The Definitive Edition*. P. 12.

³² Цит. по: *Best G.D.* Introduction // Lippmann W. *The Good Society*. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 2005. P. xxxi. В данном случае словом «фашизм» Хайек обозначает не только корпоративистскую экономическую политику, но и тоталитарную политическую систему, враждебную гражданским свободам.

³³ *Hayek F.A.* Hayek on Hayek: An Autobiographical Dialogue / Ed. by S. Kresge, L. Wenar. Chicago: University of Chicago Press, 1994. P. 102. Этот меморандум под названием «Нацистский социализм» («Nazi-Socialism») опубликован в издании: *Hayek F.A.* *The Road to Serfdom: Text and Documents, The Definitive Edition*. P. 245–248.

³⁴ Статья и брошюра в качестве глав 8 и 9 вошли в издание: *The Collected Works of F.A. Hayek*. Chicago: University of Chicago Press, 1997. Vol. 10.

³⁵ *Hayek F.A.* *The Road to Serfdom: Text and Documents, The Definitive Edition*. P. 59 [Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005. С. 33].

³⁶ *Hayek F.A.* *Nazi-Socialism*. P. 247.

³⁷ Цит. по: *Hayek F.A.* *The Road to Serfdom: Text and Documents, The Definitive Edition*. P. 77 [Хайек Ф.А. Дорога к рабству. С. 50].

³⁸ *Ibid.* P. 126–127 [Там же. С. 106–107].

³⁹ *Ibid.* P. 165 [Там же. С. 149–150]. В сноске Хайек приводит источник цитируемой фразы: *Lippincott B.E.* Introduction // Lange O., Taylor F.M. *On the Economic Theory of Socialism* / Ed. by B.E. Lippincott. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1938. P. 35.

⁴⁰ *Ibid.* P. 158 [Там же. С. 142].

⁴¹ *Ibid.* P. 170 [Там же. С. 155].

⁴² *Ibid.* P. 59–60 [Там же. С. 33–34].

⁴³ *Ibid.* P. 136 [Там же. С. 116].

⁴⁴ *Ibid.* P. 102 [Там же. С. 78–79].

⁴⁵ Данные взяты из предисловия к «Дороге к рабству»: *Caldwell B.* Introduction. P. 1, 19. Лондонский Институт экономических проблем выложил в интернет сокращенные варианты, изданные Reader's Digest и Look (с комиксами), см.: [www.iea.org.uk/sites/default/files/publications/files/uplbook43pdf.pdf]. Тогдашнее руководство General Motors, решившее как можно шире ознакомить общественность с предостережением Хайека об опасности государ-

ственного контроля над средствами производства, несомненно, пришло бы в ужас, если бы узнало, что в 2009 году их компания продает контрольный пакет акций федеральному правительству, а аббревиатуру ее названия будет неофициально расшифровывать как «Government Motors».

⁴⁶ *Nash G.H.* Hayek and the American Conservative Movement. 2004. April 3 [www.isi.org/lectures/text/pdf/hayek4-3-04.pdf]. P. 11.

⁴⁷ *Friedman F., Friedman R.D.* The Tide in the Affairs of Men.

⁴⁸ *Hazlitt H.* New York Times Book Review // New York Times. 1944. September 24.

⁴⁹ См.: [web.archive.org/web/20080229023112/www.nationalreview.com/100best/100_books.html]. Следует отметить, что сам Хайек считал себя приверженцем классического либерализма и поборником свободы, а не консерватором или защитником статус-кво. См. заключительный раздел главы 8.

⁵⁰ *Wootton B.* Freedom under Planning. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1945.

⁵¹ *Barnard C.* Untitled review of Freedom under Planning by Barbara Wootton // Southern Economic Journal. 1946. January. Vol. 12. P. 290.

⁵² *Finer H.* The Road to Reaction. Boston: Little, Brown, 1945. P. ix, 210. В издании книги Файнера, вышедшем в 1946 году, слово «зловещая» было заменено на «неуместная», а «гитлеровское презрение» — на «гитлеровское пренебрежение».

⁵³ *Hayek F.A.* The Road to Serfdom: Text and Documents, The Definitive Edition. P. 110 [*Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. С. 88].

⁵⁴ *Orwell G.* Review of The Road to Serfdom by F.A. Hayek, etc. // Idem. The Collected Essays: Journalism and Letters / Ed. by S. Orwell, I. Angus. Boston: Nonpariel Books, 2000. Vol. 3. P. 118.

⁵⁵ *Keynes J.M.* The Collected Writings of John Maynard Keynes / Ed. by D. Moggridge. London: Macmillan, 1980. Vol. 27: Activities, 1940–1946. P. 385–388.

⁵⁶ *Durbin E.F.M.* Professor Hayek on Economic Planning and Political Liberty // Economic Journal. 1945. December. Vol. 55. P. 357.

⁵⁷ Позднее, в 1945 году, Мерриам в двойной рецензии на страницах American Political Science Reviewer высоко оценил книги Вугон и Файнера, критиковавших Хайека.

⁵⁸ Цит. по: *Holmes R.* In the Footsteps of Churchill. New York: Basic Books, 2005. P. 278. Аудиозапись речи Черчилля: [news.bbc.co.uk/hi/english/static/vote2001/in_depth/election_battles/1945_camp.stm].

Глава 7

¹ Неофициально Эттли отчитал Ласки, направив ему записку со словами: «Было бы хорошо, если бы вы некоторое время воздержались от высказываний».

² *Johnson D.* Minds Both Absent and Present // New York Sun. 2006. May 16 [www.nysun.com/arts/minds-both-absent-and-present/32793].

³ Let Us Face the Future: A Declaration of Labour Policy for the Consideration of the Nation // London, 1945 [www.fordham.edu/halsall/mod/1945_labour-letsusface.html].

⁴ *Toye R.* The Labour Party and the Planned Economy, 1931–1951. Woodbridge, UK: Boydell Press for the Royal Historical Society, 2003. P. 1, 70.

⁵ *Stone-Lee O.* The Wartime Battle for Welfare? // BBC News Web site. 2005. July 25 [news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/4713041.stm].

⁶ *Benn T.* Commanding Heights, интервью [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/minitext/int_tonybenn.html].

⁷ *Castle B.* Commanding Heights, интервью [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/minitext/int_barbaracastle.html].

⁸ Исследование Пигу, завершено в виде книги: *Pigou A.C.* Aspects of British Economic History, 1918–1925. London: Macmillan, 1947.

⁹ *Chick M.* Industrial Policy in Britain 1945–1951: Economic Planning, Nationalisation and the Labour Governments. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 2–3.

¹⁰ О промышленной политике в Великобритании в годы войны и после ее окончания, а также методах ее осуществления см.: *Edgerton D.* Warfare State: Britain, 1920–1970. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. Ch. 2.

¹¹ *Toye R.* Op. cit. P. 187–189. В 1977 году за свои исследования в области теории международной торговли Мид получил Нобелевскую премию.

¹² Ibid. P. 16.

¹³ Цит. по: Ibid. P. 5.

¹⁴ *Brooke S.* Problems of “Socialist Planning”: Evan Durbin and the Labour Government of 1945 // Historical Journal. 1991. September. Vol. 34. P. 687–702.

¹⁵ См.: *Tichelar M.* The Labour Party, Agricultural Policy and the Retreat from Rural Land Nationalisation during the Second World War // Agricultural History Review. 2003. Vol. 51. P. 209–225.

¹⁶ О кампании с «мистером Кубиком» см.: *Wilson H.H.* Techniques of Pressure — Anti-Nationalization Propaganda in Britain // Public Opinion Quarterly. 1951. Summer. Vol. 15. P. 225–242.

¹⁷ *Yergin D., Stanislaw J.* The Commanding Heights: The Battle for the World Economy. New York: Simon & Schuster, 2002. P. 26.

¹⁸ Ibid. P. 23.

¹⁹ *Cole G.D.H.* Fabianism // Encyclopedia of the Social Sciences / Ed. by E.R.A. Seligman. London: Macmillan, 1932. P. 46–49 [web.archive.org/web/20080119011941/http://www.wcmcl.org.uk/group/fabianism.htm].

²⁰ О раннем этапе карьеры супругов Вебб см.: *Harrison R.* The Life and Times of Sidney and Beatrice Webb, 1858–1905. London: Macmillan, 2000.

²¹ *Cole G.D.H.* A History of the Labour Party from 1914. London: Routledge, 1948. P. 44.

²² Ibid. P. 54, 56; *Toye R.* Op. cit. P. 25, 28, 70–71.

²³ Ibid. P. 12. О влиянии Фабианского общества на более раннем этапе см.: *McBriar A.M.* Fabian Socialism and English Politics, 1884–1918. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.

²⁴ Все цитаты из манифеста «Труд и новый общественный строй» приводятся по Приложению I из книги: *Angell N.* The British Revolution and the American Democracy: An Interpretation of British Labour Programmes. New York: B.W. Huebsch, 1919. P. 297–324.

- ²⁵ *Shapiro S.* The Passage of Power: Labor and the New Social Order // Proceedings of the American Philosophical Society. 1976. Vol. 120. December 29. P. 470.
- ²⁶ Цит. по: *Cole M.* Beatrice Webb. New York: Harcourt Brace, 1946. P. 198. Маргарет Коул была женой Дж.Д.Х. Коула.
- ²⁷ *Conquest R.* Liberals and Totalitarianism // New Criterion. 1999. February. Vol. 17. P. 4–13.
- ²⁸ См.: *Conquest R.* The Great Terror: A Reassessment. New York: Oxford University Press, 1990 [Конквест Р. Большой террор. Рига: Ракетниекс, 1991]. По оценке Конквеста, сталинские репрессии и аграрная политика, приведшая к массовому голоду, унесли 13–15 миллионов жизней.
- ²⁹ Об интеллектуальной биографии Ласки и его взаимодействии с Кейнсом и Хайеком см.: *Hoover K.R.* Economics as Ideology: Keynes, Laski, Hayek, and the Creation of Contemporary Politics. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2003.
- ³⁰ *Miliband R.* Harold Laski's Socialism // Socialist Register. 1995. Vol. 31 [socialistregister.com/index.php/srv/article/view/5660/2558].
- ³¹ *Schumpeter J.A.* Review of Laski's Reflections on the Revolution of Our Time // American Economic Review. 1944. March. Vol. 34. P. 161–164; *Wilson F.G.* Review of Laski's Faith, Reason, and Civilization // American Political Science Review. 1944. December. Vol. 38. P. 1224–1225.
- ³² Цит. по: *Hoover K.R.* Op. cit. P. 138.
- ³³ *Laski H.J.* Reflections on the Revolution of Our Time. London: Frank Cass, 1968. P. 265–266.
- ³⁴ *Orwell G.* The Collected Essays: Journalism and Letters / Ed. by S. Orwell, I. Angus. Boston: Non-pariel Books, 2000. Vol. 3. P. 142n.
- ³⁵ Резко критическую рецензию Хайека на эту книгу см. в сборнике: *The Collected Works of F.A. Hayek* / Ed. by B. Caldwell. Chicago: University of Chicago Press, 1995. Vol. 9. P. 233–236.
- ³⁶ *Cole G.D.H.* Fabianism.
- ³⁷ *Stigler G.* Bernard Shaw, Sidney Webb, and the Theory of Fabian Socialism // Idem. Essays in the History of Economics. Chicago: University of Chicago Press, 1965. P. 269. Вторым пунктом он назвал знакомство с «законом ценности Джевонса».
- ³⁸ *Ricardo D.* On the Principles of Political Economy and Taxation / 3rd ed. London: John Murray, 1821. Ch. 2 [Рикардо Д. Начала политической экономики и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 112–114].
- ³⁹ Цит. по: *Jones P.d'A.* Henry George and British Socialism. New York: Garland, 1991. P. 183–184. См. также: *Henderson A.* George Bernard Shaw: Man of the Century. New York: Appleton-Century-Crofts, 1956. P. 215; цит. по: *Stigler G.* Essays in the History of Economics. P. 269, n.
- ⁴⁰ Цит. по: *Jones P.d'A.* Op. cit. P. 121.
- ⁴¹ *George H.* Progress and Poverty. Garden City, NY: Doubleday, 1912 [www.econlib.org/library/YPDBooks/George/grgPP12.html] [Джордж Г. Прогресс и бедность. М.: Татьяна день, 1992. С. 119].
- ⁴² Цит. по: *Schwartzman J.* Henry George and the Single Tax // An Anthology of Single Tax Thought / Ed. by K.C. Wenzel. Rochester, NY: University of Rochester Press, 1997. P. 276.
- ⁴³ *Leslie T.E.C.* Essays in Political Economy / 2nd ed. London: Longmans, 1888. P. 151–152; цит. по: *Newton B.* The Impact of Henry George on British Economists, I: The First Phase of Response, 1879–82; Leslie, Wicksteed and Hobson // American Journal of Economics and Sociology. 1971. April. Vol. 30. P. 183.
- ⁴⁴ *Newton B.* The Impact of Henry George on British Economists, II: The Second Phase of Response, 1883–4; Marshall, Toynbee and Rae // American Journal of Economics and Sociology. 1971. July. Vol. 30. P. 320–322.
- ⁴⁵ *Clark J.B.* The Distribution of Wealth. New York: Macmillan, 1899. P. viii [Кларк Дж.В. Распределение богатства. М.: Экономика, 1992. С. 19].
- ⁴⁶ *Shaw G.B.* What Socialism Is, Fabian Tract 13. London: Fabian Society, 1890.
- ⁴⁷ Henry George and the Socialists: A Debate // Standard. 1887. October 29 [web.archive.org/web/2010062022 0953/www.cooperativeindividualism.org/george_socialist_debate.html].
- ⁴⁸ *Lawrence E.P.* Uneasy Alliance: The Reception of Henry George by British Socialists in the Eighties // American Journal of Economics and Sociology. 1951. October. Vol. 11. P. 62–63.
- ⁴⁹ *Stigler G.* Essays in the History of Economics. P. 277. Высказывание Шоу цит. по: Ibid. P. 276.
- ⁵⁰ *Dobb M.* Bernard Shaw and Economics // G.B.S. 90: Aspects of Bernard Shaw's Life and Work / Ed. by S. Winsten. London: Dodd Mead, 1946.
- ⁵¹ Ibid. P. 61.
- ⁵² *Webb S.* Problems of Modern Industry. London: Longmans, 1898. P. 237; цит. по: *Stigler G.* Essays in the History of Economics. P. 279.
- ⁵³ *Cole G.D.H.* Fabianism.
- ⁵⁴ Это собрание сочинений находится в свободном доступе в Online Library of Liberty [http://oll.libertyfund.org/titles/bentham-works-of-jeremy-bentham-11-vols].
- ⁵⁵ Недавняя работа на эту тему: *Persky J.* Retrospectives: From Usury to Interest // Journal of Economic Perspectives. 2007. Winter. P. 227–236.
- ⁵⁶ *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation. Oxford: Clarendon Press, 1907. Ch. 1. Para. VI [www.econlib.org/library/Bentham/bnthPML1.html].
- ⁵⁷ *Robbins L.* An Essay on the Nature and Significance of Economic Science / 3rd ed. New York: New York University Press, 1984. Более подробный анализ понятия желанности (или orhelnimity) и теории благосостояния Парето-Роббинса см. в главе 13.
- ⁵⁸ *Bentham J.* Theory of Legislation, цит. по: *Stigler G.* The Development of Utility Theory // Idem. Essays in the History of Economics. P. 71.
- ⁵⁹ Бентам, рукопись без названия, цит. по: Ibid. P. 72, n. 10.
- ⁶⁰ *Jasay A. de.* More Nonsense on Stilts: Mr. Bentham Is At It Again // Library of Economics and Liberty. 2003. April 24 [www.econlib.org/LIBRARY/Columns/y2003/JasayBentham.html].
- ⁶¹ *Medema S.G., Samuels W.J.* The History of Economic Thought: A Reader. London: Routledge, 2003. P. 180.
- ⁶² О влиянии Локка и других авторов на общественную мысль в американских колониях см.: *Vailyn B.* The Ideological Origins of the American Revolution. Cambridge, MA: Belknap Press, 1992 [Вейлин В. Идеологические истоки американской революции. М.: Новое издательство, 2010].

- ⁶³ Этот контраст отмечал Томас Ходжскин и критиковал позицию Бенгтама в вопросе о правах с радикально локкианских позиций. См.: *Hodgskin T. The Natural and Artificial Right of Property Contrasted*. London: B. Steil, 1832 [files. libertyfund.org/files/323/0419_Bk.pdf].
- ⁶⁴ *Bentham J. Anarchical Fallacies: Being an Examination of the Declarations of Rights Issued during the French Revolution* // *Idem. The Works of Jeremy Bentham* / Ed. by J. Bowring. Edinburgh: William Tait, 1843. Vol. 2.
- ⁶⁵ См.: *Paul E.F. Moral Revolution and Economic Science: The Demise of Laissez-Faire in Nineteenth-Century British Political Economy*. Westport, CT: Greenwood Press, 1979.
- ⁶⁶ *Dicey A.V. Lectures on the Relationship Between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century*. London: Macmillan, 1919. P. 310 (пагинация моя).
- ⁶⁷ *Cole G.D.H. Fabianism*.
- ⁶⁸ *Mill J.S. On Liberty* // *Idem. The Collected Works of John Stuart Mill* / Ed. by J.M. Robson. Toronto: University of Toronto Press, 1977. Vol. 18. P. 223 [*Мишель Дж.С. О свободе* // Антология мировой либеральной мысли. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 350].
- ⁶⁹ *Mill J.S. Utilitarianism* // *Idem. The Collected Works of John Stuart Mill* / Ed. by John M. Robson. Toronto: University of Toronto Press, 1985. Vol. 10. P. 210 [*Мишель Дж.С. Утилитаризм*. Ростов-на-Дону, 2013. С. 45].
- ⁷⁰ *Mill J.S. The Principles of Political Economy (Books III-V and Appendices)* // *Idem. The Collected Works of John Stuart Mill* / Ed. by J.M. Robson. Toronto: University of Toronto Press, 1965. Vol. 3. P. 800 [*Мишель Дж.С. Основы политической экономики с некоторыми приложениями к социальной философии*. М.: Эксмо, 2007. С. 814].
- ⁷¹ *Mill James Government* // *Supplement to the Encyclopedia Britannica*. London: J. Innes, 1825.
- ⁷² *Mill J.S. The Principles of Political Economy. Books III-V and Appendices*. P. 803-804 [*Мишель Дж.С. Основы политической экономики*. С. 817-818]. Принцип, сформулированный в работе «О свободе», — «единственная цель», ради которой государство может «правомерно» применять принуждение к индивидам, состоит в «предотвращении нанесения вреда другим людям» — по-видимому, представляя собой как раз такой «ограничительный барьер».
- ⁷³ *Mill J.S. The Principles of Political Economy with Some of Their Applications to Social Philosophy. Books I-II* // *Idem. The Collected Works of John Stuart Mill* / Ed. by J.M. Robson. Toronto: University of Toronto Press, 1965. Vol. 2. P. 199-200 [*Мишель Дж.С. Основы политической экономики*. С. 269].
- ⁷⁴ *Ibid.* P. 200 [Там же. С. 270].
- ⁷⁵ *Pigou A.C. Economics in Practice*. London: Macmillan, 1935. P. 121-122.
- ⁷⁶ *Mill J.S. Auguste Comte and Positivism* // *Idem. The Collected Works of John Stuart Mill*. Vol. 10. P. 340-341 [*Мишель Дж.С. Огюст Конт и позитивизм*. М.: ЛКИ, 2002. С. 126-127].
- ⁷⁷ *Ibid.* P. 341 [Там же].
- ⁷⁸ *Mill J.S. Autobiography* // *Idem. The Collected Works of John Stuart Mill* / Ed. by J.M. Robson,

J. Stillinger. Toronto: University of Toronto Press, 1981. Vol. 1. P. 239 [*Мишель Дж.С. Автобиография: История моей жизни и убеждений*. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. С. 205-207].

⁷⁹ *Cole G.D.H. Fabianism*.

Глава 8

- ¹ О том удовольствии, с которым Ойкен лакомясь апельсином, написал в своих воспоминаниях другой участник конференции — американский экономист Джордж Стиглер. См.: *Stigler G. Memoirs of an Unregulated Economist*. New York: Basic Books, 1985. См. также: *Kaza G. The Mont Pelerin Society's 50th Anniversary* // *Freeman*. 1997. June [fee.org/articles/the-mont-pelerin-societys-50th-anniversary].
- ² Interview with Milton Friedman // *Federal Reserve Bank of Minneapolis (Region)*. 1992. June [www.minneapolisfed.org/publications/the-region/interview-with-milton-friedman].
- ³ Макс Хартуэлл сообщает, что Хайек предложил название «Общество Актона-Токвиля» в честь живших в XIX веке либералов лорда Актона и Алекса де Токвиля. Однако некоторые участники конференции предпочли бы назвать общество в честь других мыслителей (Адама Смита, Эдмунда Берка), а Фридман полагал, что в названии должны быть отражены его принципы, а не чьи-то имена. Дискуссия ни к чему не привела, и тогда немецкий экономист Карл Брандт, покинувший нацистскую Германию в 30-х годах и с тех пор преподававший в Стэнфордском университете, предложил нейтральный вариант с географическим названием (*Hartwell M. A History of the Mont Pelerin Society*. Indianapolis: Liberty Fund, 1995. P. 43-44).
- ⁴ Список участников, программа конференции и проект Заявления о целях общества опубликованы в виде Приложений 2-1, 2-2 и 2-3 в книге Хартуэлла (*Ibid.* P. 45-50).
- ⁵ *Friedman M., Friedman R.D. Two Lucky People: Memoirs*. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. 158-159.
- ⁶ *Doherty B. The Best of Both Worlds: Milton Friedman Reminisces about His Career as an Economist and His Lifetime "avocation" as a Spokesman for Freedom* // *Reason*. 1995. June.
- ⁷ Это высказывание Фишера приводится в книге: *Cockett R. Thinking the Unthinkable: Think-Tanks and the Economic Counter-Revolution, 1931-1983*. London: Fontana Press, 1995. P. 134. Книга Коккета содержит информативный рассказ об идеях и политическом влиянии Института экономических проблем, а также других либерально-рыночных аналитических центров Великобритании.
- ⁸ Цит. по: *Blundell J. Waging the War of Ideas* / 2nd ed. London: Institute of Economic Affairs, 2001. P. 17.
- ⁹ Interview with Milton Friedman.
- ¹⁰ *Galbraith J.K. Economic Development in Perspective*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. P. 31.
- ¹¹ *Friedman M., Friedman R.D.* Op. cit. P. 160-161; *Stigler G.* Op. cit. P. 145.
- ¹² *Mironowski P. Postface: Defining Neoliberalism* // *The Road from Mont Pelerin: The Making of the*

- Neoliberal Thought Collective / Ed. by Ph. Mirowski, D. Plehwe. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2009. P. 417–418. Подробнее о некоторых спорах внутри Общества см. в других главах сборника.
- ¹³ *Winch D.* Review of A History of the Mont Pelerin Society by R.M. Hartwell // *English Historical Review*. 1998. June. Vol. 113. P. 803–804. Семь упомянутых Уинчем нобелевских лауреатов — это четверо участников первой конференции плюс трое экономистов, вступивших в общество позднее: Гэри Беккер, Джеймс М. Бьюкенен и Рональд Коуз. Впоследствии восьмым лауреатом стал Вернон Смит.
- ¹⁴ *Cockett R.* Secret Society for World Freedom // *Sunday Times*. 1997. April 13.
- ¹⁵ *Hayek F.A.* Opening Address to a Conference at Mont Pèlerin // *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. London: Routledge, 1967. P. 149–150 [*Хайек Ф.А.* Судьбы либерализма в XX веке. М.: ИРИСЭН, 2009. С. 285–286].
- ¹⁶ Заявление о принципах Общества не стал подписывать Алле. Находясь под влиянием Генри Джорджа, он отвергал принцип частной собственности на землю. В MPS Алле вступил несколько лет спустя.
- ¹⁷ *Hartwell M.* Op. cit. P. 41–42.
- ¹⁸ *Hayek F.A.* The Intellectuals and Socialism // *Studies in Philosophy, Politics and Economics*. P. 190, 194 [*Хайек Ф.А.* Интеллектуалы и социализм // Он же. Капитализм и историки. Челябинск: Социум, 2012. С. 258, 257].
- ¹⁹ Цит. по: *Cockett R.* Secret Society for World Freedom. P. 111. Надо полагать, использованная Раппаром метафора не означает, что он и в буквальном смысле был сторонником зачатия детей близкими родственниками.
- ²⁰ *Stewart D.* Account of the Life and Writings of Adam Smith, LL.D. / Ed. by I.S. Ross // *Adam Smith, Essays on Philosophical Subjects* / Ed. by W.P.D. Wightman, J.C. Bryce. Indianapolis: Liberty Fund, 1982. P. 269–270.
- ²¹ *Schwartznegger A.* My Economic Policy // *Wall St. Journal*. 2003. September 24.
- ²² *Rozenberg G.* £20 Reward for the Father of Free Trade // *Times*. 2006. October 30 [www.thetimes.co.uk/article/pound20-reward-for-the-father-of-free-trade-7tmg6nmdv26].
- ²³ См.: [www.sothebys.com/app/live/lot/LotDetail.jsp?lot_id=159509444].
- ²⁴ При этом Смит, как ни странно, воздерживался от открытой критики монополии Банка Англии, которая логично вытекала из его взглядов. См.: *West E.G.* Adam Smith's Support for Money and Banking Regulation: A Case of Inconsistency // *Journal of Money, Credit and Banking*. 1997. February. № 29. P. 127–134.
- ²⁵ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. by R.H. Campbell, A.S. Skinner, W.B. Todd. Indianapolis: Liberty Classics, 1981. P. 26–27 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 76–77].
- ²⁶ *Ibid.* P. 27 [Там же].
- ²⁷ *Ibid.* P. 13, 22 [Там же. С. 69, 74].
- ²⁸ *Smith A.* Lectures on Jurisprudence / Ed. by R.L. Meek, D.D. Raphael, and L.G. Stein. Indianapolis: Liberty Classics, 1982. P. 492.
- ²⁹ *Voltaire.* The Works of Voltaire: A Contemporary Version / Trans. by W.F. Fleming. New York: E.R. DuMont, 1901. Vol. 1. Ch. 25 [oll.libertyfund.org/title/350] [*Вольтер.* Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. М.: Художественная литература, 1971. С. 474].
- ³⁰ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 15 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 69–70].
- ³¹ *Ibid.* P. 14, n. 2.
- ³² *Ibid.* P. 456–457 [Там же. С. 443–444].
- ³³ *Ibid.* P. 30 [Там же. С. 79].
- ³⁴ *Ibid.* P. 456 [Там же. С. 443].
- ³⁵ *Ibid.* [Там же].
- ³⁶ *Hayek F.A.* The Results of Human Action but Not of Human Design // *Studies in Philosophy, Politics, and Economics*. P. 96–105. Полностью формулировку Фергюсона мы приведем ниже.
- ³⁷ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 687 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 647].
- ³⁸ Цит. по: *Stewart D.* Op. cit. P. 322.
- ³⁹ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 540 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 517].
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 456 [Там же. С. 443].
- ⁴¹ *Smith A.* The Theory of Moral Sentiments / Ed. by D.D. Raphael, A.L. Macfie. Indianapolis: Liberty Fund, 1984. P. 233–234 [*Смит А.* Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. С. 230].
- ⁴² Сэмюэл Флейшекер говорит о «посмертной репутации Смита как сторонника „абсолютного laissez-faire“» (*Fleischacker S.* On Adam Smith's Wealth of Nations: A Philosophical Companion. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005. P. 204). Экономисты уже давно и почти полностью избавились от этого карикатурного представления благодаря статье Джекоба Вайнера (*Viner J.* Adam Smith and Laissez Faire // *Journal of Political Economy*. 1927. April. Vol. 35. P. 198–232).
- ⁴³ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 329 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 338].
- ⁴⁴ *Ibid.* [Там же].
- ⁴⁵ К такому же выводу приходят изучавшие этот вопрос современные историки и экономисты. См.: *Cameron R.* Scotland // *Cameron et al.* Banking in the Early Stage of Industrialization. New York: Oxford University Press, 1967; *Lastrapes W., Selgin G.* Banknotes and Economic Growth // *University of Georgia Working Paper*. 2008.
- ⁴⁶ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 267, 145 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 282, 174].
- ⁴⁷ *Hutcheson F.* An Inquiry into the Original of Our Ideas of Beauty and Virtue in Two Treatises / Ed. by W. Leidhold. Indianapolis: Liberty Fund, 2004 [oll.libertyfund.org/titles/hutcheson-an-inquiry-into-the-original-of-our-ideas-of-beauty-and-virtue-1726-2004].
- ⁴⁸ *Cannan E.* Introduction // *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / 5th ed. London: Methuen, 1904. Para. 80

[www.econlib.org/library/Smith/smWN0.html#Preface].

⁴⁹ *Mandeville B.* The Fable of the Bees or Private Vices, Publick Benefits / With a Commentary Critical, Historical, and Explanatory by F.V. Kaye. Indianapolis: Liberty Fund, 1988 [*Мандевиль Б.* Васня о пчелах. М.: Наука, 2000].

⁵⁰ *Smith A.* The Theory of Moral Sentiments. VII.2.98, VII.2.106 [*Смит А.* Теория нравственных чувств. С. 297, 302–303].

⁵¹ *Ibid.* P. 18, 25, 24 [*Мандевиль Б.* Указ. соч. С. 13–14].

⁵² *Ibid.* P. 169 [Там же. С. 100].

⁵³ *Ibid.* P. 111 [Там же. С. 64].

⁵⁴ *Ibid.* P. cxl.

⁵⁵ *Ferguson A.* An Essay on the History of Civil Society / Ed. by F. Oz-Salzburger. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 119 [*Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000. С. 189].

⁵⁶ *Ibid.* P. 172 [Там же. С. 264–265].

⁵⁷ *Hart D.* Turgot: Annotated Bibliography [www.econlib.org/library/Essays/TurgotBio.html].

⁵⁸ Marquis of Condorcet. The Life of M. Turgot / Trans. from the French. London: Printed for J. Johnson, 1787. P. 74.

⁵⁹ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 26 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 76].

⁶⁰ *Menger C.* Investigations into the Method of the Social Sciences with Special Reference to Economics / Trans. by F.J. Nock, ed. by L.H. White. New York: New York University Press, 1985. P. 146 [*Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Он же. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005. С. 404].

⁶¹ *Horwitz S.* From Smith to Menger to Hayek: Liberalism in the Spontaneous-Order Tradition // Independent Review. 2001. Summer. Vol. 6. P. 85.

⁶² *Menger C.* Principles of Economics / Trans. by J. Dingwall, B.F. Hoselitz. New York: New York University Press, 1981. P. 74 [*Менгер К.* Основания политической экономии // Он же. Избранные работы. С. 86].

⁶³ Vienna: Wilhelm Braümmüller. Англ. пер.: *Menger C.* Principles of Economics [первое русское издание: *Менгер К.* Основания политической экономии: Общая часть. [Одесса]: Тип. А. Хакаловского, 1903. Последующие русские издания представляют собой перепечатки первого].

⁶⁴ Carl Menger's Lectures to Crown Prince Rudolph / Ed. by E.W. Streissler, M. Streissler. Brookfield, VT: Edward Elgar, 1994. См. также: *Streissler E.W.* Carl Menger on Economic Policy: The Lectures to Crown Prince Rudolph // Carl Menger and His Legacy in Economics / Ed. by B.J. Caldwell. Durham, NC: Duke University Press, 1990. P. 107–130.

⁶⁵ *Menger C.* On the Origin of Money / Trans. by S.A. Foley // Economic Journal. 1892. Vol. 2. June. P. 248 [*Менгер К.* Основания политической экономии // Он же. Избранные работы. С. 259].

⁶⁶ *Ibid.* P. 261–262 [Там же. С. 262–264].

⁶⁷ *Horwitz S.* From Smith to Menger to Hayek: Liberalism in the Spontaneous-Order Tradition. P. 92.

⁶⁸ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 138 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 167–168].

⁶⁹ *Ibid.* P. 582 [Там же. С. 555].

Глава 9

¹ Об этом эпизоде Эрхард рассказал Ф.А. Хайеку, и тот воспроизвел его в своих воспоминаниях. См.: *Hayek F.A.* The Rediscovery of Freedom: Personal Recollections // *Idem.* The Collected Works of F.A. Hayek / Ed. by P.G. Klein. Chicago: University of Chicago Press, 1992. Vol. 4. P. 197–198 [*Хайек Ф.А.* Новое открытие свободы: Личные воспоминания // Он же. Судьбы либерализма в XX веке. М.; Челябинск: ПРИСЭН; Мысль; Социум, 2009. С. 229–230]. Биограф Эрхарда сообщает, что 19 июня экономиста вызвали к Клею, чтобы он обосновал свой несанкционированный план. Некоторые из советников генерала действительно выступили против отмены контроля, но сам Клей уже был настроен благоприятно. См.: *Mierzejewski A.C.* Ludwig Erhard: A Biography. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2004. P. 69.

² *Erhard L.* Prosperity through Competition / Trans. by E. Temple Roberts, J.B. Wood. London: Thames and Hudson, 1958. P. 14–15 [*Эрхард Л.* Благополучие для всех. М.: Дело, 2001. С. 28].

³ *Galbraith J.K.* The German Economy // Foreign Economic Policy for the United States / Ed. by S.E. Harris. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1948. P. 94ff; цит. по: *Willgerodt H.* Planning in West Germany: The Social Market Economy // The Politics of Planning: A Review and Critique of Centralized Economic Planning / Ed. by A.L. Chickering. San Francisco: Institute for Contemporary Studies, 1976. P. 64.

⁴ Цит. по: *Haley J.O.* Antitrust in German and Japan: The First Fifty Years, 1947–1998. Seattle: University of Washington Press, 2001. P. 190, n. 13.

⁵ Здесь я перефразирую описание Жака Рюэффа и Андре Пьетра, на которое Эрхард ссылается в своей книге (*Erhard L.* Op. cit. P. 13 [*Эрхард Л.* Указ. соч. С. 26]).

⁶ *Mierzejewski A.C.* Op. cit. P. 1–22. Гёрделер был подвергнут пыткам, показателю суду и повешен. Его роль в заговоре показана в художественном фильме «Операция „Валькирия“» («Valkyrie», 2008).

⁷ *Ibid.* P. 50–52. В годы войны на заводе BMW производились авиадвигатели и мотоциклы для германских вооруженных сил. Завод в пригороде Мюнхена Алах, где использовался труд заключенных из концлагеря Дахау, был сильно разрушен бомбардировками с воздуха. Американские военные взяли предприятие в аренду у BMW и до 1955 года ремонтировали там автомобили. Менее пострадавшему заводу в близлежащем Мильбергсхофене сразу после окончания войны было разрешено изготавливать кухонную утварь; производство мотоциклов и автомобилей там возобновилось в 1948 году. См.: *Kiley D.* Driven: Inside BMW, the Most Admired Car Company in the World. Hoboken, NJ: Wiley, 2004. P. 64; *Holmstrom D., Nelson B.J.* BMW Motorcycles. St. Paul, MN: MBI, 2002. P. 51, 54; 60 Years Ago:

- Starting Afresh after the Second World War // Mobile Tradition Live: Facts and Background. Munich: BMW Group Mobile Tradition, 2005. P. 6; *Triebel F.* Heinrich Richter-Brohm: The Modernizer // Mobile Tradition Live: Facts and Background. P. 38–39; *Werner K.* Kriegswirtschaft und Zwangsarbeit bei BMW. Munich: Oldenbourg, 2005. P. 363 и др.
- ⁸ *Spicka M.E.* Selling the Economic Miracle: Economic Reconstruction and Politics in West Germany. New York: Berghahn Books, 2007. P. 37–38.
- ⁹ Такую характеристику роли Эрхарда по отношению к академическим ордолибералам я позаимствовал у доктора Экехарда Кёлера из Института Вальтера Ойкена. Подробнее об ордолиберализме см. статью: *Vanberg V.J.* Freiburg School of Law and Economics // The New Palgrave Dictionary of Economics and the Law / Ed. by P. Newman. London: Palgrave Macmillan, 1998. Vol. 2. P. 172–179, позднее переизданную с добавлением сносок: *Vanberg V.J.* The Freiburg School of Law and Economics: Predecessor of Constitutional Economics // Idem. The Constitution of Markets: Essays in Political Economy. London: Routledge, 2001. Ch. 3. По неизвестным причинам редакция ежегодника печатает его название заглавными буквами — ORDO.
- ¹⁰ *Böhm F., Eucken W., Grossmann-Doerth H.* The Ordo Manifesto of 1936 // Germany's Social Market Economy: Origins and Evolution / Ed. by A. Peacock, H. Willgerodt. New York: St. Martin's Press, 1989; особенно с. 20–22 [*Вём Ф., Ойкен В., Гроссман-Дёрт Г.* Наша задача (Ордо-манифест) // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. С. 24–38; особенно с. 32–34].
- ¹¹ Цит. по: *Vanberg V.J.* The Freiburg School: Walter Eucken and Ordoliberalism // Freiburg Discussion Papers on Constitutional Economics. 2004. № 04/11. P. 1 [*Ванберг В.* Фрайбургская школа: Вальтер Ойкен и ордолиберализм // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России. С. 144].
- ¹² *Mierzejewski A.C.* Op. cit. P. 65–66.
- ¹³ Эти сведения я получил в первую очередь из личной переписки с доктором Экехардом Кёлером, который в качестве доказательства ссылался на дневник Микша. См. также: *Goldschmidt N., Berndt A., Leonhard Miksch* (1901–1950): A Forgotten Member of the Freiburg School // American Journal of Economics and Sociology. 2005. October. Vol. 64. P. 973–998.
- ¹⁴ *Lutz F.A.* The Functioning of the Gold Standard // Germany's Social Market Economy: Origins and Evolution. P. 219–241. Фридрих Лутц (1901–1975) был помощником Ойкена во Фрайбурге. Он женился на английском экономисте Вере Смит (написавшей диссертацию в LSE под научным руководством Хайека) и перед началом Второй мировой войны уехал из Германии в США, где преподавал в Принстонском университете. После войны Лутц на год вернулся во Фрайбургский университет, а затем преподавал в Дюрингском университете. См. предисловие Лиланда Игера к книге Веры Смит «Происхождение центральных банков» (*Smith V.C.* The Rationale of Central Banking. Indianapolis: Liberty Fund, 1990 [*Смит В.* Происхождение центральных банков. М.: Институт национальной модели экономики, 1996. С. 17–21]).
- ¹⁵ *Geršl A.* Economics and Politics of Macroeconomic Policies / Charles University in Prague thesis. 2006. P. 103–109.
- ¹⁶ *Röpke W.* The Guiding Principles of the Liberal Programme // Standard Texts on the Social Market Economy / Ed. by H.F. Wünsche. Stuttgart: Gustav Fischer, 1982. P. 188.
- ¹⁷ *Vanberg V.J.* The Freiburg School: Walter Eucken and Ordoliberalism. P. 7, 5, 8–9 [*Ванберг В.* Фрайбургская школа: Вальтер Ойкен и ордолиберализм. С. 146, 148].
- ¹⁸ *Tumler J.* Franz Böhm and the Development of Economic-Constitutional Analysis // German Neo-Liberals and the Social Market Economy / Ed. by A. Peacock, H. Willgerodt. London: Macmillan, 1989. P. 130.
- ¹⁹ *Eucken W.* The Foundations of Economics / Trans. by T.W. Hutchison. London: William Hodge, 1950. P. 83 [*Ойкен В.* Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996. С. 73–74].
- ²⁰ *Barry N.* Political and Economic Thought of German Neo-Liberals // German Neo-Liberals and the Social Market Economy. P. 109.
- ²¹ Ibid. P. 314 [*Ойкен В.* Указ. соч. С. 302–303].
- ²² *Goldschmidt N.* Alfred Müller-Armack and Ludwig Erhard: Social Market Liberalism / Freiburg Discussion Papers on Constitutional Economics. 2004. № 04/12. P. 2.
- ²³ *Furubotn E.G., Richter R.* Institutions and Economic Theory: The Contributions of the New Institutional Economics / 2nd ed. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2005. P. 279.
- ²⁴ *Peukert H.* Walter Eucken (1891–1950) and the Historical School // The Theory of Capitalism in the German Economic Tradition / Ed. by P. Koslowski. Berlin: Springer, 2000. P. 118.
- ²⁵ *Vanberg V.J.* The Constitution of Markets: Essays in Political Economy. P. 43–44.
- ²⁶ *Ebeling R.M.* Wilhelm Röpke: A Centenary Appreciation // Freeman. 1999. October. Vol. 49 [fee.org/articles/wilhelm-rpke-a-centenary-appreciation].
- ²⁷ *Sally R.* Ordoliberalism and the Social Market: Classical Political Economy from Germany // Idem. Classical Liberalism and International Economic Order. London: Routledge, 1998. P. 110, 113–114.
- ²⁸ Цит. по: *Vanberg V.J.* Freiburg School of Law and Economics. P. 14, n. 29.
- ²⁹ Ibid. P. 3.
- ³⁰ *Böhm F.* Private Law Society and Market Economy // The Theory of Capitalism in the German Economic Tradition. P. 185 [*Вём Ф.* Частноправовое общество и рыночная экономика // Теория хозяйственного порядка: «Фрайбургская школа» и немецкий неоллиберализм. М.: Экономика, 2002. С. 265].
- ³¹ *Richter R.* Institutional Thought in Germany / University of Saarland Working Paper. 2000.
- ³² См. сайт Института: [www.eucken.de/en].

Глава 10

- ¹ Полный список участников см.: *Mahalanobis P.C.* The Approach of Operational Research to Planning in India. Bombay: Asia House, 1963. Appendix II. P. 143, n.

- ² *Bauer P.* B.R. Shenoy: Stature and Impact // *Cato Journal*. 1998. Spring–Summer. Vol. 18. P. 3.
- ³ *Gupta S.S.* Economic Philosophy of Mahatma Gandhi. New Delhi: Concept, 2004. P. 187–190. Я признателен Б. Чандрасекарану за его комментарии по поводу внешнеэкономической философии Ганди.
- ⁴ *Varma A.* Profit's No Longer a Dirty Word: The Transformation of India // *The Library of Economics and Liberty*. 2008. February 4 [www.econlib.org/library/Columns/y2008/Varmaprofit.html]; *Moraes F.* Jawaharlal Nehru. Mumbai: Jaico, 2007. P. 46; *Misra O.P.* Economic Thought of Gandhi and Nehru: A Comparative Analysis. New Delhi: MD, 1995. P. 53, 66. При этом, как отмечает Шаши Тарур, в студенческие годы Неру не был политически активен и не проявлял особых «признаков интеллектуальной вовлеченности в фабианство». См.: *Tharoor S.* Nehru: The Invention of India. New York: Arcade, 2003. P. 13–14.
- ⁵ *Chakrabarty B.* Jawaharlal Nehru and Planning, 1938–41: India at the Crossroads // *Modern Asian Studies*. 1992. May. Vol. 26. P. 275–287.
- ⁶ Подробнее об этом см.: *Bhagwati J., Desai P.* Socialism and Indian Economic Policy // *Bhagwati J.* Essays in Development Economics / Ed. by G. Grossman. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. P. 59–71.
- ⁷ *Smith D.E.* Nehru and Democracy. New York: Longmans, 1959.
- ⁸ *Nehru J.* An Autobiography. London: Bodley Head, 1955. P. 361–362 [*Неру Дж.* Автобиография. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. С. 382–383].
- ⁹ *Ibid.* P. 591 [Там же. С. 615].
- ¹⁰ *Pandit's Mind* // *Time*. 1951. May 7.
- ¹¹ Цит. по: *Kramnick L., Sherman B.* Harold Laski: A Life on the Left. London: Penguin Press, 1993. P. 589; *Guha R.* The LSE and India // *Hindu Magazine*. 2003. November 23 [hindu.com/thehindu/mag/2003/11/23/stories/2003112300120300.htm].
- ¹² *Tharoor Sh.* The Talented Mr. Tharoor: Interview by Murali Kamma // *Khabar Magazine*. 2004. February [shashitharoor.in/interviews_details/53].
- ¹³ *Bhagwati J., Vinod H.D.* A Conversation with Jagdish Bhagwati on Indian Politics, Globalization, Socialism, Entrepreneurship, and African Aid // *Indian Journal of Economics and Business*. 2005. August 10 [www.columbia.edu/~jb38/profiles/pdf/interview-feb-6.pdf].
- ¹⁴ *Ibid.* О теории провалов рынка мы расскажем в главе 13.
- ¹⁵ К числу таких экономистов принадлежит также Пранхаб Бардхан (докторская степень в Кембридже), Мринал Датта-Чаудхури (докторская степень в Массачусетском технологическом институте), Б.С. Минхас (докторская степень в Стэнфорде), Кирит Парикх (магистерская степень в Массачусетском технологическом институте), Ашок Рудра (докторская степень в LSE) и Суреш Д. Тендулкар (докторская степень в Гарварде). Я признателен Т.Н. Шринивасану за предоставление этой информации.
- ¹⁶ *Koortmans T.* Concepts of Optimality and Their Uses / Nobel lecture. 1975. December 11.
- ¹⁷ *Rosenstein-Rodan P.* Problems of Industrialization of Eastern and Southeastern Europe // *Economic Journal*. 1943. Vol. 53. June–September. P. 202–211. Розенштейн-Родан был старым знакомым Хайека — они оба учились в Венском университете в начале 1920-х — но позднее их взгляды на экономическую политику разошлись.
- ¹⁸ *Vasudevan A.* Moving from “Gandhigiri” to “Gandhivaad” // *Hindu Business Line*. 2006. September 28.
- ¹⁹ *Ramesh J.* Commanding Heights, interview [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/minitextlo/int_jairamramesh.html].
- ²⁰ *Myrdal G.* Development and Under-development. Cairo: National Bank of Egypt, 1956. P. 65; *Bauer P.* Dissent on Development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. P. 70.
- ²¹ *Galbraith J.K.* Economic Development in Perspective. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1962. P. 35–36.
- ²² *Ibid.* P. 37, 38.
- ²³ *Ibid.* P. 43, 44.
- ²⁴ *Shenoy B.R.* Indian Planning and Economic Development. Bombay: Asia Publishing House, 1963. P. 12.
- ²⁵ *Staples E.S.* Forty Years: A Learning Curve: The Ford Foundation Programs in India, 1952–1992 // Ford Foundation. 1992. P. 46 [web.archive.org/web/20081122145734/www.fordfound.org/archives/item/0136].
- ²⁶ *Bauer P.* Indian Economic Policy and Development. Bombay: Popular Prakashan, 1964. P. 31.
- ²⁷ *Das G.* India Unbound. New Delhi: Viking, 2000. P. 97–98.
- ²⁸ *Mahalanobis P.C.* Talks on Planning. New York: Asia Publishing House, 1961. P. 3.
- ²⁹ [www.columbia.edu/~jb38]; *Srinivasan T.N.* Ashok Rudra: Some Memories // *Economic and Political Weekly*. 1992. November 14. P. 2465–2466.
- ³⁰ *Mahalanobis P.C.* Talks on Planning. P. 5.
- ³¹ *Shenoy B.R.* Indian Planning and Economic Development. P. v, 2, 18, 26.
- ³² *Bauer P.* Indian Economic Policy and Development. P. 45, 60.
- ³³ *Snowdon B.* Conversations on Growth, Stability, and Trade. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2002. P. 70–71.
- ³⁴ *Five-Year Plan* // *Time*. 1955. October 17.
- ³⁵ *Eckhaus R.S.* Planning in India / Ed. by M. Millikan / NBER. Columbia University Press, 1967. P. 308.
- ³⁶ *Bronfenbrenner M.* An Econometric Model of Economic Development // *Science*. 1962. Vol. 135. February 9. P. 409. Разгромную техническую критику модели Махаланобиса как «крайне жесткой конструкции», основанной на ограничительных допущениях, не имеющих эмпирических оснований, см.: *Bhagwati J.N., Chakrabarty S.* Contributions to Indian Economic Analysis: A Survey // *American Economic Review*. 1969. September. Vol. 59. P. 6–8.
- ³⁷ Текст проекта второго пятилетнего плана, разработанного Плановой комиссией, доступен по адресу [www.planning.commission.gov.in/plans/planrel/fiveyr/welcome.html].
- ³⁸ *Shenoy B.R.* Indian Planning and Economic Development. P. 4–5.
- ³⁹ *Bronfenbrenner M.* Op. cit.
- ⁴⁰ *Ramesh J.* Commanding Heights.

- ⁴¹ *Desai M.* Development and Nationhood: Essays in the Political Economy of South Asia. New Delhi: Oxford University Press, 2005. P. 134.
- ⁴² *Das G.* Op. cit. P. 103–104. Описанная бюрократическая система напоминает то, что показано в фильме Терри Гиллиама «Бразилия» («Brazil», 1985).
- ⁴³ *Vasudevan A.* Op. cit.
- ⁴⁴ *Ramesh J.* Commanding Heights.
- ⁴⁵ *Chidambaram P.* Commanding Heights, interview. 2001. February 6 [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/mini_textlo/int_pchidambaram.html].
- ⁴⁶ *Tharoor S.* The Talented Mr. Tharoor: Interview by М. Камма.
- ⁴⁷ Все величины приведены в долларах США 2000 года с использованием ценного взвешенного дефлятора ВВП с поправкой на паритет покупательной способности. См.: *Heston A., Summers R., Aten B.* Penn World Table Version 6.2 / Center for International Comparisons of Production, Income and Prices at the University of Pennsylvania. 2006. September (Series rgdpch, Real GDP per capita; Constant Prices: Chain series).
- ⁴⁸ *Chidambaram P.* Commanding Heights.
- ⁴⁹ *Singh M.* Commanding Heights.
- ⁵⁰ В одном из интервью дочь Шеноя рассказывала: «Он мог стать главой Резервного банка Индии, но работа там стала для него невыносимой. Поэтому он вернулся к преподаванию, хотя его зарплата при этом сократилась вдвое». См.: *Shenoy S.* The Global Perspective: Interview with Sudha Shenoy // Austrian Economics Newsletter. 2003. Winter. Vol. 23. P. 2.
- ⁵¹ *Bauer P. B.R.* Shenoy: Stature and Impact. P. 8. Анализ диссидентства Шеноя в текущий момент времени и долгосрочного влияния его идей см. в работе: V.K.R.V. Rao and B.R. Shenoy: Economic Ideas in Contrast / Ed. by K. Prasad. Delhi: Deep and Deep, 2001.
- ⁵² *Shenoy S.* India: Progress or Poverty? London: Institute of Economic Affairs, 1971.
- ⁵³ *Shenoy B.R.* A Note of Dissent / Papers Relating to the Formulation of the Second Five-Year Plan. Delhi: Government of India Planning Commission, 1955.
- ⁵⁴ *Friedman M.* Memorandum to the Government of India 1955 [web.archive.org/web/20120111073147/www.ccsindia.org/friedman.asp]. Все цитаты в данном разделе главы взяты из этого документа.
- ⁵⁵ *Bhagwati J.N.* Untitled review // Economic Journal. 1969. September. Vol. 79. P. 635–636.
- ⁵⁶ *Bhagwati J., Desai P.* Socialism and Indian Economic Policy. P. 117.
- ⁵⁷ *Bhagwati J., Srinivasan T.N.* Foreign Trade Regimes and Economic Development: India. New York: Columbia University Press, 1975.
- ⁵⁸ *Lal D.* India, Economics // The New Palgrave Dictionary of Economics / Ed. by S.N. Durlauf, L.E. Blume / 2nd ed. London: Macmillan Palgrave, 2008.
- ⁵⁹ *Roy S.* Pricing, Planning and Politics: A Study of Economic Distortions in India. London: Institute of Economic Affairs, 1984.
- ⁶⁰ *Ramesh J.* Commanding Heights.
- ⁶¹ *Desai M.* Commanding Heights, interview. 2000. December 7 [www.pbs.org/wgbh/commandingheights/shared/mini_textlo/int_meghnaddesai.html].
- ⁶² *Bhagwati J., Vinod H.D.* A Conversation with Jagdish Bhagwati on Indian Politics, Globalization, Socialism, Entrepreneurship, and African Aid.
- ⁶³ *Aiyer S.S.A.* Indians Succeed; India Fails // Times of India. 1999. December 26.
- ⁶⁴ *Samuelson P.A.* Economics: An Introductory Analysis. New York: McGraw-Hill, 1951. P. 49; цит. по: *Loungani P.* Review of The White Man's Burden by William Easterly // Cato Journal. 2006. Spring–Summer. Vol. 26. P. 383.
- ⁶⁵ Цит. по: *Malinvaud E.* How Frisch Saw in the 1960s the Contribution of Economists to Development Planning // Econometrics and Economic Theory in the 20th Century: The Ragnar Frisch Centennial Symposium / Ed. by S. Strøm. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 561. Материалы конференции опубликованы в виде сборника: Pontificia Academia Scientiarum: Study Week on the Econometric Approach to Development Planning. October 7–13, 1963. Amsterdam: North-Holland, 1965.
- ⁶⁶ *Ibid.* P. 564.
- ⁶⁷ *Ibid.* P. 562–563.
- ⁶⁸ *Ibid.* P. 564.
- ⁶⁹ A Conversation with Peter Bauer // Blundell J. et al. A Tribute to Peter Bauer. London: Institute of Economic Affairs, 2002. P. 21–23.
- ⁷⁰ *Bauer P.* Dissent on Development. P. 75.
- ⁷¹ *Sachs J.D.* Breaking the Poverty Trap // Scientific American. 2007. August [www.scientificamerican.com/article/breaking-the-poverty-trap].
- ⁷² *Easterly W.R.* Africa's Poverty Trap // Wall Street Journal. 2007. March 23. P. 11.
- ⁷³ Яркое изложение истории создания «эндогенной» теории роста, или «теории растущей отдачи», см. в работе: *Warsh D.* Knowledge and the Wealth of Nations. New York: W.W. Norton, 2006. Краткое изложение теории Ромера самим автором см. в статье: *Romer P.* Economic Growth // The Concise Encyclopedia of Economics / Ed. by D.R. Henderson. Indianapolis: Liberty Fund, 2008. P. 128–131. Осенью 2011 года Ромер перешел из Стэнфорда в Нью-Йоркский университет.
- ⁷⁴ *North D.C.* Institutions, Institutional Change, and Economic Performance. New York: Cambridge University Press, 1990. P. 3 [Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. С. 17]; *North D.C., Thomas P.* The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1973. P. 2. Обе цитаты приводятся в работе: *Acemoglu D., Robinson S., Robinson J.A.* Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth // Handbook of Economic Growth / Ed. by Ph. Aghion, S. Durlauf. Amsterdam: North-Holland, 2005. Vol. 1A. P. 389.
- ⁷⁵ *Idem.* Reversal of Fortune: Geography and Institutions in the Making of the Modern World Income Distribution // Quarterly Journal of Economics. 2002. November. Vol. 117. P. 1235.
- ⁷⁶ *Idem.* Institutions as the Fundamental Cause of Long-Run Growth. P. 389.
- ⁷⁷ *Soto H. de.* The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. New York: Basic Books, 2000 [Como Э. де.

Загадка капитала: Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М.: Олимп-бизнес, 2004].

⁷⁸ *Gwartney J.D., Hall J.C., Lawson R.* Economic Freedom of the World: 2010 Annual Report. Vancouver: Fraser Institute, 2010; *Miller T., Holmes K.R.* 2011 Index of Economic Freedom. Washington, DC: Heritage Foundation, and New York: Dow Jones and Company, 2011.

⁷⁹ *O'Driscoll G., Hoskins L.* Property Rights the Key to Economic Development // Policy Analysis. 2003. Vol. 482. August 7 [www.cato.org/pubs/pas/pa482.pdf]; *Lawson R.* Economic Freedom // The Concise Encyclopedia of Economics. P. 124–127.

К моменту воссоединения Германии в 1991 году реальный душевой доход в ФРГ превосходил аналогичный показатель в ГДР примерно втрое. Как отмечают О’Дрисколл и Хоскинс, в Южной Корее душевой доход в 17 раз выше, чем в КНДР.

⁸⁰ Цит. по: *Stewart D.* Account of the Life and Writings of Adam Smith, LL.D. / Ed. by I.S. Ross // Smith A. Essays on Philosophical Subjects / Ed. by W.P.D. Wightman, J.C. Bryce. Indianapolis: Liberty Fund, 1982. P. 322.

Глава 11

¹ В 30-х и 40-х годах XX века важные доводы в пользу восстановления классического золотого стандарта приводились в работах: *Mises L. von.* The Theory of Money and Credit / Trans. by H.E. Batson / 2nd ed. London: Jonathan Cape, 1934 [*Mises Л. фон.* Теория денег и кредита. Челябинск: Социум, 2013]; *Hayek F.A.* Monetary Nationalism and International Stability. London: Longmans, 1937; *Heilperin M.* International Monetary Economics. London: Longmans, 1939; *Rueff J.* L’Ordre Social. Paris: Librairie du Recueil Sirey, 1945. Vol. 1–2.

² *Keynes J.M.* A Tract on Monetary Reform. London: Macmillan, 1924. P. 187 [*Кейнс Дж.М.* Трактат о денежной реформе // Он же. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 876]. Знаменитую фразу Кейнса предвосхитил американский популист Мэрион Кэннон, который в 1891 году обозвал золотой стандарт «пережитком варварства» (цит. по: *Postel C.* The Populist Vision. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 152). Известный экономист Эдвин Кэннан, который поддерживал золотой стандарт, допускающий эмиссию современных банкнот, писал в 1898 году об «этом пережитке варварства — металлических деньгах для крупных сумм». См.: *Sanman E.* Review [of Lord Farber The Quantitative Theory of Money and Prices] // Economic Journal. 1898. March. Vol. 8. P. 83.

³ Изложение доводов Кейнса в пользу стабилизации уровня цен и сопоставление их с противоположной позицией Хайека см. в работе: *Selgin G.* Hayek versus Keynes on How the Price Level Should Behave // History of Political Economy. 1999. Winter. Vol. 31. P. 699–721.

⁴ Цит. по: *Dormael A. van.* Bretton Woods: Birth of a Monetary System. London: Macmillan, 1978. P. 184–185. Соответствующие фрагменты книги ван Дормалья см.: [replay.waybackmachine.org/

20080517140002/http://www.imf site.org/origins/confer2.html].

⁵ Цит. по: *Dormael A. van.* Op. cit. P. 174.

⁶ Цит. по: *Buchan J.* When Keynes went to America // NewStatesman. 2008. November 6 [www.newstatesman.com/economy/2008/11/bretton-woods-keynes-british].

⁷ Ричард Гарднер утверждает, что это четверостишие неизвестного автора было найдено на клочке бумаги, оставшемся после заседания британско-американской конференции по подготовке к Бреттон-Вудской конференции (*Gardner R.V.* Sterling-Dollar Diplomacy in Current Perspective. New York: Columbia University Press, 1980. P. xiii).

⁸ В 1997 году комиссия Конгресса сочла, что обвинения против Уайта подтвердились: «Вина Эдджера Хисса из Государственного департамента представляется доказанной. Это же относится к Гарри Декстеру Уайту из Министерства финансов» [web.archive.org/web/20090205170052/origin.www.gpo.gov/congress/commissions/secretary/pdf/12hist1.pdf]. Мотивы, побудившие Уайта передавать секреты Советскому Союзу, остаются неясными.

⁹ *Senior N.W.* Three Lectures on the Transmission of the Precious Metals from Country to Country, and the Mercantile Theory of Wealth. London: John Murray, 1828. P. 35.

¹⁰ Ibid. P. 17–18.

¹¹ *Smith A.* Lectures on Jurisprudence / Ed. by R.L. Meek, D.D. Raphael, P.G. Stein. Indianapolis: Liberty Fund, 1982. P. 507.

¹² *Thornton H.* An Enquiry into the Nature and Effects of the Paper Credit of Great Britain / Ed. by F.A. Hayek. London: George Allen and Unwin, 1939. P. 100, 200–208. Торнтон был близким другом депутата парламента и борца за отмену рабства Уильяма Уилберфорса, и он фигурирует среди персонажей вышедшего в 2006 году фильма «Удивительная легкость» («Amazing Grace»), посвященного деятельности этого политика. О смитовской теории денег и банковской деятельности см. также: *Laidler D.* Adam Smith as a Monetary Theorist // Canadian Journal of Economics. 1981. May. Vol. 14. P. 185–200; *Gherity J.A.* The Evolution of Adam Smith’s Theory of Banking // History of Political Economy. 1994. Fall. Vol. 26. P. 423–441; *Curott N.A.* The Balance of Payments and Monetary Neutrality in Adam Smith’s Wealth of Nations // George Mason University working paper. 2011. March. Смит не объяснил, почему избыток денег не может быть сразу израсходован внутри страны, что привело бы к росту внутренних цен, как это описывается у Юма. Смит пропустил юмевский процесс восстановления равновесия и сразу перешел к его долгосрочному результату.

¹³ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. by R.H. Campbell, A.S. Skinner, W.B. Todd. Indianapolis: Liberty Classics, 1981. P. 293–295 [*Смит А.* Исследования о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 306–307].

¹⁴ Подробнее об этом см.: *White L.H.* Free Banking in Britain / 2nd ed. London: Institute of Economic Affairs, 1995, доступно для скачивания в формате pdf по адресу: [iea.org.uk/publications/

research/free-banking-in-britain-theory-experience-and-debate-1800-1845].

- ¹⁵ *Price B.* The Principles of Currency: Six Lectures Delivered at Oxford // Reprinted in The History of Gold and Silver / Ed. by L.H. White. London: Pickering & Chatto, 2000. Vol. 3. P. 214–216.
- ¹⁶ К этому вопросу мы вернемся в главе 15.
- ¹⁷ *Schumpeter J.* The History of Economic Analysis. New York: Oxford University Press, 1954. P. 405–406 [Шумпетер Й.А. История экономического анализа. СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 2. С. 534].
- ¹⁸ В данном случае Милль применил к товарным деньгам так называемую количественную теорию. Адекватное применение количественной теории, а именно ее приложение к нетоварным деньгам, мы обсудим в следующей главе.
- ¹⁹ *Senior N.W.* Op. cit. P. 9.
- ²⁰ *Ibid.* P. 18.
- ²¹ Как видно из этого иронического примера, Сениор не был поклонником католического богослужения. Он был сыном англиканского викария и ревностным протестантом. Тем не менее Сениор был одним из ведущих поборников справедливого отношения к католикам в Ирландии, где тогда правила не пользующиеся поддержкой в народе британские протестанты. Он опубликовал несколько вызвавших неоднозначную реакцию памфлетов, где доказывал, что ради справедливости и мира значительную часть собственности официальной англиканской церкви Ирландии, а также оплачиваемых из кармана налогоплательщиков государственных субсидий, которые она получала, следует передать католической церкви, поскольку большинство ирландских налогоплательщиков были католиками. Судя по всему, именно из-за этих публикаций ему в 1831 году пришлось уйти с должности профессора Королевского колледжа Лондона. См.: *Bowley M.* Nassau Senior and Classical Economics. London: Routledge, 2003. P. 22, 289.
- ²² Современное описание функционирования золотого стандарта с использованием в явном виде кривых спроса и предложения для запасов и потоков см. в работе: *White L.H.* The Theory of Monetary Institutions. Oxford: Basil Blackwell, 1999. Ch. 2.
- ²³ *Rolnick A.J., Weber W.E.* Money, Inflation, and Output under Fiat and Commodity Standards // Journal of Political Economy. 1997. December. Vol. 105. P. 1308–1321.
- ²⁴ *Jevons W.S.* A Serious Fall in the Value of Gold Ascertained, and Its Social Effects Set Forth with Two Diagrams. London: Edward Stanford, 1863. P. 48–49.
- ²⁵ *Officer L.H.* The Annual Consumer Price Index for the United States, 1774–2008 // MeasuringWorth, 2009 [www.measuringworth.org/uscpil].
- ²⁶ Рассчитано на основе массы мorganовского серебряного доллара 900-й пробы, весившего 26,73 грамма. [Morganовский доллар — серебряная монета номиналом в 1 доллар, выпускавшаяся в США с 1878 по 1904 год и в 1921 году. Названа в честь разработавшего ее внешний вид медальера Джорджа Т. Моргана, чья монограмма помещена на аверсе. — *Ред.*]
- ²⁷ *Walker F.A.* International Bimetallism. New York: Henry Holt, 1896. Доводы в поддержку идеи Во-

- кера с некоторыми оговорками см. в работе: *Friedman M.* Bimetallism Revisited // *Idem.* Money Mischief. Orlando, FL: Harvest, 1994. P. 126–156.
- ²⁸ Цит. по: *Laughlin J.L.* The History of Bimetallism in the United States / 2nd ed. New York: D. Appleton, 1896. P. iv [Аристотфан. Лягушки // Он же. Избранные комедии. М.: Художественная литература, 1974. С. 396].
- ²⁹ Цит. по: *Ibid.* [Пуссапо Д. Начала политической экономики и налогового обложения // Он же. Начала политической экономики и налогового обложения: Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 319].
- ³⁰ См.: *Friedman M.* The Crime of 1873 // Journal of Political Economy. 1990. December. Vol. 98. P. 1159–1194. Фридман установил, что хотя после этого события мировой обменный курс рос по мере демонетизации серебра, в 1873 году он находился достаточно близко к 16:1, чтобы чеканку серебряных долларов имело смысл продолжать. По мнению Фридмана, это способствовало бы и стабилизации рыночного соотношения, что также было желательно.
- ³¹ Эту карикатуру можно посмотреть по адресу: [projects.vassar.edu/1896/0820csm.jpg].
- ³² *Laughlin J.L.* Op. cit. P. 5–6. Экономист Роберт Гиффен, один из ведущих противников биметаллизма в Великобритании, также сосредоточил свою критику на представлении о дешевых деньгах как о панацее.
- ³³ См., в частности: *Glasner D.* Free Banking and Monetary Reform. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 230–236.
- ³⁴ О том, каким образом центральные банки нередко вмешивались в работу этого механизма, см.: *Bloomfield A.I.* Monetary Policy under the Classical Gold Standard. New York: Federal Reserve Bank of New York, 1959.
- ³⁵ Если принять базовый 1913 год за 100, индекс потребительских цен в 1920 году составлял 245, а в 1931-м — 145 (*Officer L.H.* What Were the UK Earnings and Prices Then? // MeasuringWorth. 2009 [www.measuringworth.org/ukearnpcpi]). О политике ФРС в этот период см.: *Meltzer A.H.* A History of the Federal Reserve. Chicago: University of Chicago Press, 2003. Vol. 1: 1913–1951. P. 171.
- ³⁶ Цит. по: *Hall T.E., Ferguson J.D.* The Great Depression: An International Disaster of Perverse Economic Policies. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 97.
- ³⁷ *Yeager L.* International Monetary Relations: Theory, History, and Policy. New York: Harper & Row, 1966. P. 290; цит. по: *Timberlake R.H., Jr.* Monetary Policy in the United States: An Intellectual and Institutional History. Chicago: University of Chicago Press, 1993. P. 225.
- ³⁸ *Wood J.* Monetary Policy and the Great Depression / Wake Forest University Working Paper. 2008. P. 15. См. также: *Meltzer A.H.* A History of the Federal Reserve. Vol. 1: 1913–1951. P. 166–167.
- ³⁹ Цит. по: *Timberlake R.H., Jr.* Monetary Policy in the United States: An Intellectual and Institutional History. P. 224–225.
- ⁴⁰ *Hayek F.A.* Op. cit. Подробнее об аргументации Хайека см.: *White L.H.* Monetary Nationalism Reconsidered // Money and the Nation-State / Ed. by K. Dowd, R.H. Timberlake. New York: Transaction, 1998. P. 377–401.

- ⁴¹ *Eichengreen B.* Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939. New York: Oxford University Press, 1996.
- ⁴² *Temin P.* Lessons from the Great Depression. Cambridge, MA: MIT Press, 1989. P. 25–29.
- ⁴³ *Eichengreen B.* Op. cit. P. xi, 393.
- ⁴⁴ *Bordo M.D., Choudhri E.U., Schwartz A.J.* Was Expansionary Monetary Policy Feasible during the Great Contraction? An Examination of the Gold Standard Constraint // Explorations in Economic History. 2002. January. Vol. 39. P. 1–28.
- ⁴⁵ *Timberlake R.H., Jr.* Gold Standards and the Real Bills Doctrine in U.S. Monetary Policy // Economic Journal Watch. 2005. August. Vol. 2. P. 196–233 [econjwatch.org/issues/volume-2-issue-2-august-2005]. Непрочность межвоенной системы, обусловленная отходом центральных банков от классического золотого стандарта, стала темой книги Жака Рюэффа: *Rueff J.* The Monetary Sin of the West. New York: Macmillan, 1972.
- ⁴⁶ *Meltzer A.H.* A History of the Federal Reserve. Vol. 1: 1913–1951. P. 210.
- ⁴⁷ Ibid. P. 179–181; *Irwin D.A.* Did France Cause the Great Depression? / NBER Working Paper. 2010. September. № 16350.
- ⁴⁸ *Dormael A. van.* Op. cit. P. 185.
- ⁴⁹ *Katz S.I.* Devaluation-Bias and the Bretton Woods System // International Finance Discussion Papers, Board of Governors of the Federal Reserve System, Division of International Finance, Discussion Paper. 1971. August 31. № 2.
- ⁵⁰ *Cesarano F.* Monetary Theory and Bretton Woods: The Construction of an International Monetary Order. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 1.
- ⁵¹ *Rotnick A.J., Weber W.E.* Op. cit. P. 1308–1321; *Bernholz P.* The Importance of Reorganizing Money, Credit, and Banking When Decentralizing Economic Decisionmaking // Economic Reform in China / Ed. by J.A. Dorn, Wang Xi. Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 104; Бернольд ссылается на данные исследования: *Parkin M., Bade R.* Central Bank Laws and Monetary Policy: A Preliminary Investigation // The Australian Monetary System in the 1970s / Ed. by M.A. Porter. Melbourne: Monash University, 1978. P. 24–39.
- ⁵² Conduct of Monetary Policy... Hearing before the Committee on Financial Services, U.S. House of Representatives [18 July 2001]. Washington, DC: Government Printing Office, 2001. P. 34. Здесь и в нескольких предыдущих абзацах изложение основано на тексте доклада: *White L.H.* Is the Gold Standard Still the Gold Standard among Monetary Systems? // Cato Institute Briefing Paper. 2008. February 8. № 100.
- ⁵³ Гринспен был председателем ФРС в течение 200,5 месяцев, с сентября 1987 по январь 2006 года. Среднегеометрический уровень инфляции рассчитывается следующим образом: [(Индекс потребительских цен (CPI) на январь 2006 года / CPI на октябрь 1987 года) в степени 12/200] минус 1. Среднеарифметический уровень (без учета компаундинга) составлял 3,6%.
- ⁵⁴ *Meltzer A.* Monetary Reform in an Uncertain Environment // Cato Journal. 1983. Spring. Vol. 3. № 1. P. 95.
- ⁵⁵ *Klein B.* Our New Monetary Standard: The Measurement and Effects of Price Uncertainty, 1880–1973 // Economic Inquiry. 1975. December. Vol. 13. P. 461–484.

Глава 12

¹ *Friedman M.* A New Chairman at the Fed // Newsweek. 1970. February 2.

² *Nelson E.* Milton Friedman and U.S. Monetary History: 1961–2006 // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. 2007. May/June. P. 157.

³ *Friedman M.* Have Monetary Policies Failed? // American Economic Review. 1972. March. Vol. 62. P. 13. Ретроспективный анализ взглядов и политики Бернса см. в работе: *Hetzl R.L.* Arthur Burns and Inflation // Federal Reserve Bank of Richmond Economic Quarterly. 1998. Winter. Vol. 84. P. 21–44.

⁴ Об истории Соглашения см.: *Hetzl R.L., Leach R.F.* The Treasury-Fed Accord: A New Narrative Account // Federal Reserve Bank of Richmond Economic Quarterly. 2001. Winter. Vol. 87. P. 33–35.

⁵ См., например: *Meltzer A.H.* Origins of the Great Inflation // Federal Reserve Bank of St. Louis Review. 2005. March–April. Part 2. P. 145–175.

⁶ *O'Donoghue J., Goulding L., Allen G.* Consumer Price Inflation Since 1750 // UK Office of National Statistics Economic Trends. 2004. March. Vol. 604. P. 46 [www.ons.gov.uk/ons/rel/elmr/economic-trends--discontinued-/no--604--march-2004/consumer-price-inflation-since-1750.pdf].

⁷ *McCulloch J.H.* Money and Inflation: A Monetarist Approach / 2nd ed. New York: Academic Press, 1982. P. 19.

⁸ *Friedman M.* Monetarism in Rhetoric and in Practice // Bank of Japan Monetary and Economic Studies. 1983. October. Vol. 1. P. 1 [www.imes.boj.or.jp/research/papers/english/me1-2-1.pdf].

⁹ *Hetzl R.* The Contributions of Milton Friedman to Economics // Federal Reserve Bank of Richmond Economic Quarterly. 2007. Winter. Vol. 93. P. 6. Об отношении самого Фрийдмана к теоретическим идеям Митчелла см.: *Friedman M., Wesley C. Mitchell* as an economic Theorist // Journal of Political Economy. 1950. December. Vol. 58. P. 465–493.

¹⁰ *Hetzl R.* The Contributions of Milton Friedman to Economics. P. 10.

¹¹ *Friedman M., Schwartz A.J.* A Monetary History of the United States, 1867–1960. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963. P. 676 [*Фрийдман М., Шварц А.* Монетарная история Соединенных Штатов, 1867–1960. Киев: Ваклер, 2007. С. 702].

¹² Тем не менее сжатие денежной массы, начавшееся с банковского кризиса ноября 1930 года, не может служить объяснением наступления рецессии, которая началась еще в июле 1929 года. Экономист Ли Э. Оханнан из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе отмечает, что к ноябрю 1930 года количество отработанных часов в промышленности уже снизилось на 30%. См.: *Ohanian L.E.* Herbert Hoover and the Start of the Great Depression // VOX. 2009. October 19 [voxeu.org/article/different-view-great-depression-cause].

- ¹³ Board of Governors of the Federal Reserve System // Annual Report. 1936. P. 15.
- ¹⁴ *Krugman P.* Who Was Milton Friedman? // New York Review of Books. 2007. February 15 [www.nybooks.com/articles/archives/2007/feb/15/who-was-milton-friedman].
- ¹⁵ Важнейшая статья на эту тему: *Timberlake R.H.* The Central Banking Role of Clearinghouse Associations // Journal of Money, Credit, and Banking. 1984. February. P. 1–15. Тимберлейк был студентом Фрийдмана в Чикагском университете.
- ¹⁶ The Economy: We Are All Keynesians Now // Time. 1965. December 31; *Friedman M.* Friedman & Keynes [Letter] // Time. 1966. February 4.
- ¹⁷ *Friedman M.* Why Economists Disagree // Dollars and Deficits. New York: Prentice-Hall, 1968. P. 15.
- ¹⁸ The New Attack on Keynesian Economics // Time. 1969. January 10.
- ¹⁹ *Friedman M.* Comments on the Critics // Milton Friedman's Monetary Framework / Ed. by R.J. Gordon. Chicago: University of Chicago Press, 1974. P. 134.
- ²⁰ *Neucomb S.* Principles of Political Economy. New York: Harper and Brothers, 1885. Алгебраические формулы «количественных уравнений» существовали и до Ньюкомба. Историю вопроса см. в работе: *Margot A.W.* The Theory of Prices: A Re-Examination of the Central Problems of Monetary Theory. New York: Augustus M. Kelley, 1966. Vol. 1. P. 10–12.
- ²¹ *Blaug M.* Why Is the Quantity Theory of Money the Oldest Surviving Theory in Economics? // *Blaug M.* et al. The Quantity Theory of Money: From Locke to Keynes and Friedman. Aldershot, UK: Edward Elgar, 1995. P. 29.
- ²² Цит. по: *Hetzl R.* The Contributions of Milton Friedman to Economics. P. 11.
- ²³ *Dwyer G.P. Jr., Hafer R.W.* Are Money and Inflation Still Related? // Federal Reserve Bank of Atlanta Economic Review. 1999. Second Quarter. P. 32–43.
- ²⁴ *Hayek F.A.* The Pure Theory of Capital / Ed. by L.H. White. Chicago: University of Chicago Press, 2008. P. 64.
- ²⁵ См.: *Dimand R., Geanakoplos J.* Celebrating Irving Fisher: The Legacy of a Great Economist // American Journal of Economics and Sociology. 2005. P. 10.
- ²⁶ *Fisher I.* The Making of Index Numbers: A Study of Their Varieties, Tests, and Reliability. Cambridge, MA: Riverside Press, 1922; *Idem.* The Business Cycle Largely a “Dance of the Dollar” // Journal of the American Statistical Association. 1923. December. Vol. 18. P. 1024–1028; *Idem.* The Debt-Deflation Theory of Great Depressions // Econometrica. 1933. October. Vol. 1. P. 337–357.
- ²⁷ *Yeager L.B.* New Keynesians and Old Monetarists // The Fluttering Veil: Essays on Monetary Disequilibrium / Ed. by G. Selgin. Indianapolis: Liberty Fund, 1997. P. 281–302.
- ²⁸ В графическом представлении теории спроса и предложения количественная теория денег исходит из вертикальной кривой предложения денег, а кривая предложения серебра является возрастающей с некоторым положительным углом наклона. Кроме того, количественная теория предполагает нулевой немонетарный спрос на деньги, тогда как серебро пользуется спросом и для немонетарного использования, например в виде украшений и подсвечников.
- ²⁹ *Marshall A.* Money, Credit, and Commerce. London: Macmillan, 1923. P. 44.
- ³⁰ *Friedman M.* Monetary Policy: Theory and Practice // Journal of Money, Credit, and Banking. 1982. February. Vol. 14. P. 101.
- ³¹ В числе студентов Фрийдмана в Чикаго были Филип Кейган, Ричард Тимберлейк и Майкл Дарби. Из других видных представителей монетаризма в США следует упомянуть Уильяма Пула, Лиланда Игера, Беннета Маккаллума и Дж. Хьюстона Маккаллока. Важную роль в развитии школы сыграл также швейцарец Петер Бернхольц, в Великобритании ведущими представителями монетаризма являются Дэвид Лейдлер (в середине своей карьеры он переехал в Канаду), Патрик Минфорд и Тим Конгдон.
- ³² *Hetzl R.* The Contributions of Milton Friedman to Economics. P. 8.
- ³³ *Friedman M.* The Role of Monetary Policy // American Economic Review. 1968. March. Vol. 58. P. 1–17 [*Фрийдмен М.* Роль монетарной политики // Он же. Если бы деньги заговорили. М.: Дело, 2002. С. 126–145]; *Phelps E.S.* Phillips Curves, Expectations of Inflation and Optimal Unemployment over Time // *Economica*. 1967. August. Vol. 34. P. 254–281; *DeLong J.B.* The Triumph of Monetarism? // Journal of Economic Perspectives. 2000. Winter. Vol. 14. P. 90.
- ³⁴ *Hoover K.* Two Types of Monetarism // Journal of Economic Literature. 1984. March. Vol. 22. P. 58–76.
- ³⁵ *Friedman M.* The Role of Monetary Policy. P. 12 [*Фрийдмен М.* Роль монетарной политики. С. 139–140].
- ³⁶ *Idem.* A Program for Monetary Stability. New York: Fordham University Press, 1960.
- ³⁷ В терминах стандартного инструментария, излагаемого в учебниках и основанного на понятиях совокупного спроса и совокупного предложения, падение скорости обращения денег смещает кривую совокупного спроса влево и вниз, вследствие чего точка пересечения сдвигается вниз по кривой краткосрочного совокупного предложения, что означает некоторое снижение цен и выпуска ниже «естественной нормы» или «уровня полной занятости». Надлежащее увеличение денежной массы позволяет вернуть кривую совокупного спроса в прежнее положение.
- ³⁸ Аргумент, согласно которому оценка Фрийдмана завышена в 50 раз, поскольку она основана на стопроцентном обеспечении М2 золотом, а не на более соответствующей историческому опыту оценке величины резервов в 2%, см. в книге: *White L.H.* The Theory of Monetary Institutions. Oxford: Basil Blackwell, 1999. P. 42–48.
- ³⁹ *Friedman M.* Monetary Policy: Theory and Practice. P. 100.
- ⁴⁰ *Idem.* The Role of Monetary Policy. P. 12 [*Фрийдмен М.* Роль монетарной политики. С. 138].
- ⁴¹ *Idem.* Monetary Policy: Theory and Practice. P. 114–116.
- ⁴² См.: *Friedman M., Schwartz A.* Has Government Any Role in Money? // Journal of Monetary Economics. 1986. Важный вклад в новые исследования

частной эмиссии денег внес аспирант Фрийдмана Хью Роккофф в своей диссертации (*Rockoff H. The Free Banking Era: A Reexamination*).

⁴³ *Fitzgerald M.* Chicago Schooled: The Visible Hand of the Recession Has Revitalized Critics of the Chicago School of Economics // University of Chicago magazine. 2009. September — October [magazine.uchicago.edu/0910/features/chicago_schooled.shtml]. Айн Рэнд — философ и автор романов-бестселлеров, чьи этические доводы в пользу минимального государства, основанные на разумном эгоизме, или, как она несколько вызывающе сформулировала, «добродетельности эгоизма», привлекали к ней множество последователей.

⁴⁴ *McCallum B.T.* Monetarist Rules in the Light of Recent Experience // *American Economic Review*. 1984. May. Vol. 74. P. 388–391; *Idem.* The Case for Rules in the Conduct of Monetary Policy: A Concrete Example // Federal Reserve Bank of Richmond Economic Review. 1987. September–October. P. 10–18; *Idem.* Robustness Properties of a Rule for Monetary Policy // Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy. 1988. Autumn. Vol. 29. P. 173–203.

⁴⁵ *Friedman M.* The Role of Monetary Policy. P. 10.

⁴⁶ *Gurley J.* Review of A Program for Monetary Stability by Milton Friedman // *Review of Economics and Statistics*. 1961. August. Vol. 43. P. 307–308.

⁴⁷ *Hoover K.* Op. cit.

⁴⁸ *Snowdon B., Vane H.R.* Modern Macroeconomics: Its Origins, Development and Current State. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2005. P. 286.

⁴⁹ *Ibid.* P. 279.

⁵⁰ См.: *Yeager L.B.* Op. cit. P. 281–301.

⁵¹ Данный перечень представляет собой вариант списка Делонга из пяти пунктов (см.: *DeLong J.B.* Op. cit.), из которого удалены сомнительные элементы.

Глава 13

¹ *Stigler G.J.* Memoirs of an Unregulated Economist. Chicago: University of Chicago Press, 2003. P. 76.

² Looking for Results: An Interview with Ronald Coase // Reason. 1997. January [reason.com/archives/1997/01/01/looking-for-results].

³ *Coase R.* Autobiography // Сайт Нобелевской премии. 1991 [www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1991/coase].

⁴ Доля федеральных расходов в ВВП в 1947–1951 финансовых годах в среднем составляла 14,1%. Соответствующий показатель в 2006–2009 годах и, по предварительным оценкам, в 2010 году составил 22,1%. Источник: исторические таблицы Office of Management and Budget [www.whitehouse.gov/omb/budget/Historicals]. Данные по бюджетам штатов и местным бюджетам в США взяты из приложения к исследованию: *Mitchell M.* State and Local vs. Private Sector Spending: Multiples of Base Year 1950, Inflation-adjusted // Mercatus Center at George Mason University. 2010. August 16 [mercatus.org/publication/state-and-local-vs-private-sector-spending]. Обзор соответствующих данных до 2004 года включительно, а также теорий разрастания государства см.: *Garrett T.A., Rhine R.M.* On the Size and Growth of Government //

Federal Reserve Bank of St. Louis Review. 2006. January/February. Vol. 88. P. 13–30.

⁵ «После войны» для Великобритании — это средний показатель с 1947/48 по 1951/52 финансовый год; «последнее время» — это период с 2006/07 по 2010/11 финансовый год. Источник: Historic Government Spending by Area: Get the Data Back to 1948 // Data blog, guardian.co.uk. 2010. October 18 [www.guardian.co.uk/news/datablog/2010/oct/18/historic-government-spending-area#data].

⁶ *Galbraith J.K.* The Affluent Society. New York: Houghton Mifflin, 1958. P. 270; *Idem.* The Affluent Society / 40th anniversary edition. New York: Houghton Mifflin, 1998. P. 200. Данные о расходах снова взяты из: *Mitchell M.* Op. cit.

⁷ См., например: *Bergstrom T.C., Goodman R.P.* Private Demands for Public Goods // *American Economic Review*. 1973. June. Vol. 63. P. 280–296. Авторы трактуют количественную оценку взаимосвязи между расходами местных властей и доходами частных лиц в соответствующей местности как оценку эластичности спроса на общественные блага по доходам. Они в явном виде формулируют это допущение: «Количество муниципальных благ, выбираемое тем или иным местным сообществом, представляет собой то количество, которое желает получить потребитель с медианным доходом в рамках этого сообщества» (*Ibid.* P. 281).

⁸ *Friedman M., Friedman R.D.* The Tyranny of the Status Quo. New York: Penguin, 1985.

⁹ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / 5th ed. London: Methuen, 1904. P. 214 [*См.* А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 675–676].

¹⁰ *Schmidtz D.* The Limits of Government: An Essay on the Public Goods Argument. Boulder, CO: Westview Press, 1991. P. 2.

¹¹ *Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*. 1954. November. Vol. 36. P. 387 [*Самуэльсон П.* Чистая теория общественных расходов // Вехи экономической мысли. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 4. С. 371]; *Idem.* A Diagrammatic Exposition of a Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*. 1955. November. Vol. 37. P. 350. Самуэльсон по ходу дела перечисляет некоторых экономистов, работавших прежде над проблемой оптимальных общественных расходов, в частности Кнута Викаселя, Эрика Линдала и Говарда Р. Боуэна.

¹² Подозрение, что такие «теледетекторы на колесах» представляют собой не более чем блеф, высказывает Роб Бешизза (*Beschizza R.* BBC Admits That TV Detector Vans Only Work Because Britons Believe They Do [web.archive.org/web/20090220123723/http://gadgets.boingboing.net/2008/10/31/bbc-admits-that-tv-d.html]). К сопротивлению налогу в пользу BBC призывает, в частности, блог [web.archive.org/web/20090505200247/http://www.tvlicensing.biz/80/wpblog/index.php]. Фотокопии угрожающих официальных писем, адресованных домовладельцу, не имеющему лицензии на пользование телевизором, см.: [www.bbctvlicence.com].

- ¹³ *Foldvary F.E., Klein D.B.* Introduction // *The Half-Life of Policy Rationales: How New Technology Affects Old Policy Issues* / Ed. by F. Foldvary, D. Klein. New York: New York University Press, 2003. P. 1.
- ¹⁴ *Samuelson P.A., Nordhaus W.D.* Economics / 13th ed. New York: McGraw-Hill, 1989. P. 45 [*Самуэльсон П.Э., Нордхаус В.Д.* Экономика. М.: Вильямс, 2015. С. 101–102]; *Musgrave R.* The Theory of Public Finance. New York: McGraw-Hill, 1959. P. 8.
- ¹⁵ *Demsetz H.* The Private Production of Public Goods // *Journal of Law and Economics*. 1970. October. Vol. 13. P. 295–306.
- ¹⁶ Конкретно о проблеме множественности цен в случае телевидения см.: *Minasian J.* Television Pricing and the Theory of Public Goods // *Journal of Law and Economics*. 1964. October. Vol. 7. P. 71–80. Полезный обзор литературы по проблемам дифференцированных цен и дифференцированного налогообложения дается в статье: *Kalt J.P.* Public Goods and the Theory of Government // *Calto Journal*. 1981. Fall. Vol. 1. P. 568–570.
- ¹⁷ В свое время у автора был красный кабриолет Ford Falcon Futura, выпущенный в 1963 году — ему было больше 30 лет, и содержание машины обходилось недешево. Видя ее, пешеходы улыбались, но никому не приходило в голову бросать деньги на заднее сиденье.
- ¹⁸ *Baradwaj K.* Marshall on Pigou's Wealth and Welfare // *Economica*. 1972. February. Vol. 39. P. 32–46.
- ¹⁹ *Medema S.G.* The Hesitant Hand: Taming Self-Interest in the History of Economic Ideas. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009. Медема отмечает отход от *laissez-faire* во взглядах Джона Стюарта Милля и Генри Седжвика, а также тот факт, что эту тенденцию сознательно продолжили Маршалл и Пигу.
- ²⁰ *Cheung S.N.S.* The Fable of the Bees: An Economic Investigation // *Journal of Law and Economics*. 1973. April. Vol. 16. P. 11–33.
- ²¹ *Coase R.* The Lighthouse in Economics // *Journal of Law and Economics*. 1974. Vol. 17. P. 357–376 [*Коуз Р.* Маяк в экономической теории // Он же. Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007. С. 177–201]; *Zandt D.E. van.* The Lessons of the Lighthouse: “Government” or “Private” Provision of Goods // *Journal of Legal Studies*. 1993. January. Vol. 22. P. 47–72.
- ²² *Selgin G.* Good Money. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2008; *Klein D.B.* The Voluntary Provision of Public Goods? The Turnpike Companies of Early America // *Economic Inquiry*. 1990. October. Vol. 28. P. 788–812; *McChesney E.S.* Government Prohibitions on Volunteer Fire Fighting in Nineteenth Century America: A Property Rights Perspective // *Journal of Legal Studies*. 1986. January. Vol. 69. P. 69–92; *High J., Ellig J.* The Private Supply of Education: Some Historical Evidence // *The Theory of Market Failure: A Critical Examination* / Ed. by T. Cowen. Fairfax, VA: George Mason University Press, 1988. P. 361–382; *Umbeck J.* The California Gold Rush: A Study of Emerging Property Rights // *Explorations in Economic History*. 1977. July. Vol. 14. P. 197–226.
- ²³ *Coase R.* Autobiography.
- ²⁴ *Idem.* The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. 1960. October. Vol. 3. P. 1–44
- [*Коуз Р.* Проблема социальных издержек // Он же. Фирма, рынок и право. С. 92].
- ²⁵ *Coase R.* The Federal Communications Commission // *Journal of Law and Economics*. 1959. October. Vol. 2. P. 14 [*Коуз Р.* Федеральная комиссия по связи // Экономическая политика. 2007. № 3. С. 123].
- ²⁶ Такое применение выводов Коуза легко в основу идейного направления, получившего название «рыночный энвайронментализм» (*free-market environmentalism*). См.: *Anderson T., Leal D.R.* Free Market Environmentalism / Rev. ed. New York: Palgrave, 2001.
- ²⁷ *Stroup R.L.* Reflections on “Saving the Wilderness” // *PERC Reports*. 2010. Summer. Vol. 28. P. 12–18.
- ²⁸ *Coase R.* The Federal Communications Commission. P. 29 [*Коуз Р.* Федеральная комиссия по связи. С. 136].
- ²⁹ *Schelling T.C.* Greenhouse Effect // *Concise Encyclopedia of Economics* [www.econlib.org/library/Enc1/GreenhouseEffect.html]. Шеллинг отмечает, что воздействие потепления на объемы производства в развитых странах может оказаться незначительным и даже позитивным: «Сегодня лишь небольшая часть нашего валового внутреннего продукта производится вне помещений, и поэтому он мало подвержен воздействию климата. На долю сельского хозяйства и лесной промышленности приходится менее 3% совокупного выпуска, а на все остальное потепление не особенно влияет... С учетом того, что производительность сельского хозяйства в большинстве регионов мира продолжает повышаться (и многим культурам усиление фотосинтеза из-за роста содержания двуокиси углерода даже приносит прямую пользу), нельзя с уверенностью утверждать, что чистое воздействие на сельское хозяйство в развитых странах будет негативным или вообще заметным». Более серьезными могут быть потенциальные негативные последствия для развивающихся стран, расположенных в зонах с и без того жарким климатом, поскольку эти страны сильнее зависят от сельского хозяйства. Шеллинг получил Нобелевскую премию в 2005 году за свои исследования в области теории игр.
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *Dickie M., Gerking Sh.* Willingness to Pay for Ozone Control: Inferences from the Demand for Medical Care // *Journal of Environmental Economics and Management*. 1991. July. Vol. 21. P. 1–16.
- ³² Хорошее популярное введение в эту тему: *Haab T., Whitehead J.* Environmental Economics 101: Carbon Tax vs. Cap-and-Trade // *Environmental Economics* [http://www.env-econ.net/carbon_tax_vs_capandtrade.html]. Академическое изложение см. в работах: *Baumol W.J., Oates W.E.* The Theory of Environmental Policy / 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1988; и *Johnston J.S.* Problems of Equity and Efficiency in the Design of International Greenhouse Gas Cap-and-Trade Schemes // *Harvard Environmental Law Review*. 2009. Vol. 33. P. 405–430.
- ³³ В случае с благом, обладающим исключаемостью, но в то же время несоперничеством в потреблении, как в приведенном выше примере со спутниковым радиовещанием, аналогичная

проблема возникает в отношении единиц блага, которые в данный момент не приобретаются.

³⁴ *Kalt J.P.* Op. cit. P. 573–577.

³⁵ Основоположниками этого подхода были Николас Калдор (*Kaldor N. Welfare Propositions in Economics and Interpersonal Comparisons of Utility* // *Economic Journal*. 1939. September. Vol. 49. P. 549–552) и Дж.Р. Хикс (*Hicks J.R. The Foundations of Welfare Economics* // *Economic Journal*. 1939. December. Vol. 49. P. 696–712 [*Хикс Дж.Р. Основания экономики благосостояния* // *Вехи экономической мысли*. Т. 4. С. 17–38]).

³⁶ *Thurrow L.C.* The Income Distribution as a Pure Public Good // *Quarterly Journal of Economics*. 1971. May. Vol. 85. P. 327–328, 335. Подход Туроу к распределению доходов с позиций теории общественных благ был неявно непаретовским. Применяемый в явном виде непаретовский подход к этой проблеме см. в опубликованной в том же году работе: *Fair R.C.* The Optimal Distribution of Income // *Quarterly Journal of Economics*. 1971. November. Vol. 85. P. 551–579.

³⁷ На практике проблема остается даже в тех случаях, когда ущерб, причиняемый некоторым людям, например тем, кого выселяют для прокладки автодороги, в принципе может быть устранен путем достаточно крупных компенсационных побочных платежей за счет бенефициаров.

³⁸ *Kalt J.P.* Op. cit. P. 583.

³⁹ *Shugart W.F., II.* Public Choice // *Concise Encyclopedia of Economics* [www.econlib.org/library/Enc/PublicChoice.html].

⁴⁰ *Tullock G.* Public Decisions as Public Goods // *Journal of Political Economy*. 1971. July–August. Vol. 79. P. 913–918; *Kalt J.P.* Op. cit. P. 565–584. Классический труд о том, как групповые интересы преодолевают проблему «безбилетника» в своей лоббистской деятельности: *Olson M.* *The Logic of Collective Action*. New York: Schocken Books, 1971.

⁴¹ *Tullock G.* The Welfare Costs of Tariffs, Monopolies, and Theft // *Western Economic Journal*. 1967. June. Vol. 5. P. 224–232 [*Таллок Г.* Потери благосостояния от тарифов, монополий и воровства // *Вехи экономической мысли*. Т. 4. С. 435–448].

⁴² *Buchanan J.M.* *Public Choice: Origins and Development of a Research Program*. Fairfax, VA: Center for the Study of Public Choice, George Mason University, 1983. P. 7.

⁴³ *Wittman D.* *The Myth of Democratic Failure: Why Political Institutions Are Efficient*. Chicago: University of Chicago Press, 1995; *Caplan B.* *The Myth of the Rational Voter: Why Democracies Choose Bad Policies*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007 [*Каплан Б.* Миф о рациональном избирателе. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012].

⁴⁴ *Buchanan J.M.* Op. cit. P. 4.

⁴⁵ *Ibid.* P. 5.

⁴⁶ *Warsh D.* The Skeptic's Reward // *Boston Globe*. 1986. October 26. P. A1 [web.archive.org/web/20110805063939/http://www.boston.com/globe/search/stories/nobel/1986/1986d.html].

⁴⁷ Я благодарю Дэна Клейна за его предложения по поводу того, как завершить эту главу, никоим образом не возлагая на него какой-либо ответственности за содержание текста.

¹ *Friedman M.* Question and Answer Session with Milton Friedman // U.S. Trade Deficit Review Commission. 1999. November 15. P. 126–127 [[govinfo.library.unt.edu/tdre/hearings/15nov99/p11111599.pdf](http://govinfo.library.unt.edu/tudre/hearings/15nov99/p11111599.pdf)].

² *Boudreaux D.J.* *Globalization*. Westport, CT: Greenwood, 2008. P. 135.

³ См.: *Barton J.H. et al.* *Evolution of the Trade Regime: Politics, Law, and Economics of the GATT and the WTO*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2006.

⁴ Источник: OECD Factbook 2010. Данные по всем странам ОЭСР существуют лишь начиная с 1995 года.

⁵ *Alston R.M., Kearn J.R., Vaughn M.B.* Is There a Consensus among Economists in the 1990s? // *American Economic Review*. 1992. May. Vol. 82. P. 203–209.

⁶ *Krugman P.* *Pop Internationalism*. Cambridge, MA: MIT Press, 1997. P. 73. См. также: *Idem.* Ricardo's Difficult Idea: Why Intellectuals Don't Understand Comparative Advantage // *The Economics and Politics of International Trade* / Ed. by G. Cook. London: Routledge, 1998. P. 22–36.

⁷ *Dobbs L.* *Exporting America: Why Corporate Greed Is Shipping American Jobs Overseas*. New York: Warner Books, 2004. P. 139–140, 68–69, 117–118, 108–109, 38, 77.

⁸ *Boudreaux D.J.* Lou Dobbs, Protectionist // Cafe Hayek blog. 2010. August 18 [cafehayek.com/2010/08/lou-dobbs-protectionist.html]. Я убрал имеющиеся в оригинале кавычки и даю полные имена вместо инициалов: в остальном рассказ Будро передается в точности. Далее в своем блоге он приводит ряд высказываний в защиту протекционизма из книги Доббса, в том числе и процитированные выше.

⁹ *Irwin D.A.* *Against the Tide: An Intellectual History of Free Trade*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. P. 3.

¹⁰ Bhagwati J. Protectionism // *The Concise Encyclopedia of Economics*. 2001 [www.econlib.org/library/Enc/Protectionism.html]. Вхавати был научным руководителем Ирвина, когда тот работал над докторской диссертацией.

¹¹ *O'Rourke P.J.* *On the Wealth of Nations*. New York: Atlantic Monthly Press, 2007. Более детальный анализ меркантилистских идей см. в работе: *Irwin D.A.* Op. cit. P. 26–44.

¹² *Smith A.* *Lectures on Jurisprudence* / Ed. by R.L. Meek, D.D. Raphael, P.G. Stein. Indianapolis: Liberty Fund, 1982. P. 511.

¹³ *Smith A.* *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* / 5th ed. London: Methuen, 1904. P. 577 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 551].

¹⁴ *Ibid.* P. 616 [Там же. С. 585].

¹⁵ *Ibid.* P. 613–614 [Там же. С. 583–584].

¹⁶ *Ibid.* P. 456–457 [Там же. С. 444].

¹⁷ *Ibid.* P. 452 [Там же. С. 440].

¹⁸ *Ibid.* P. 457 [Там же. С. 444].

¹⁹ *Ibid.* P. 471 [Там же. С. 456].

²⁰ Цит. по: *Irwin D.A.* Op. cit. P. 89.

²¹ *Ibid.* P. 90–91 [*Рискардо Д.* Начало политической экономии и налогового обложения. Из-

бранное. М.: Эксмо, 2007. С. 158]. В знак признания роли Рикардо и значения принципа сравнительного преимущества для общего объяснения специализации домохозяйств и обмена между ними, а значит, и их желания объединиться в общество, а не жить в изоляции, Людви́г фон Мизес назвал этот принцип «законом образования связей Рикардо».

²² Ibid. P. 91–92.

²³ *Bastiat F.* A Petition // Idem. *Economic Sophisms /* Trans. by A. Goddard. Irvington-on-Hudson, NY: Foundation for Economic Education, 1996 [www.econlib.org/library/Bastiat/basSoph3.html] [*Васюта Ф.* Экономические софизмы // Он же. Экономические гармонии. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 635–638].

²⁴ Цит. по: *Elliott E.* The Splendid Village: Corn Law Rhymes and Other Poems. London: Benjamin Steill; Sheffield: J. Pearce, 1833. P. 55–58 [www.gerald-massey.org.uk/elliott/c_poems_1.htm#059].

²⁵ *Idem.* More Verse and Prose by the Cornlaw Rhymer. London: Charles Fox, 1850. Vol. 1. P. v.

²⁶ Вероятно, это камень в огород герцога Веллингтона, победившего Наполеона в битве при Ватерлоо, а в момент написания стихотворения активно поддерживавшего «хлебные законы» в парламенте. В 1846 году Веллингтон по прагматическим политическим соображениям изменил свою позицию и способствовал прохождению через палату лордов акта об их отмене.

²⁷ *Elliott E.* The Splendid Village: Corn Law Rhymes and Other Poems. P. 62.

²⁸ *Sanderson E.* The British Empire in the Nineteenth Century. London: Blackie & Son, 1897. Vol. 3. P. 80 [*Васюта Ф.* Кобден и Лига: движение за свободу торговли в Англии. Челябинск: Социум, 2002. С. 11].

²⁹ Цит. по: *Ebeling R.* Free Trade, Peace, and Goodwill among Nations: The Sesquicentennial of the Triumph of Free Trade // Freedom Daily. 1996. June [www.fff.org/explore-freedom/article/free-trade-peace-goodwill-nations-sesquicentennial-triumph-free-trade].

³⁰ *Sanderson E.* Op. cit. P. 81.

³¹ См.: *Raico R.* Classical Liberalism and the Austrian School. Auburn, AL: Mises Institute, 2010. P. 40.

³² *Chang H.-J.* Protectionism... the truth is on a \$10 bill // Independent. 2007. July 23 [www.independent.co.uk/news/business/comment/ha-joon-chang-protectionism-the-truth-is-on-a-10-bill-5334137.html]. В названии статьи речь идет об Александре Гамильтоне, стороннике этого аргумента, — именно его портрет помещен на 10-долларовую купюру. Более подробное изложение позиции автора на эту тему см.: *Idem.* Bad Samaritans: Rich Nations, Poor Policies, and the Threat to the Developing World. New York: Random House, 2007.

³³ *Irwin D.A.* Op. cit. P. 115, 128–132. На более позднем этапе своей научной деятельности Милль считал более надежным способом поддержки неокрепших отраслей промышленности прямые субсидии, поскольку меньше вероятность, что они будут применяться слишком долго, в отличие от пошлин и импортных квот. См.: Ibid. P. 129.

³⁴ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. P. 458 [*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. С. 444–445].

³⁵ *Hamilton A.* The Continentalist No. V [18 April 1782] // Idem. The Works of Alexander Hamilton / Ed. by H. Cabot Lodge / Federal Edition. New York: G. P. Putnam's Sons, 1904. Vol. 1. P. 267–269 [oll.liber tyfund.org/title/1378/64156].

³⁶ В «Докладе о мануфактурах» имя Смита не упоминалось, но в одном месте приводилась цитата из его книги без указания автора. Даже там, где Гамильтон отвергал позицию Смита, он по ряду вопросов (о физиократах, о разделении труда, о банковском деле) четко следовал линии его рассуждений. Доказательства этого на основе анализа текста доклада см. в статье: *Bourne E.G.* Alexander Hamilton and Adam Smith // Quarterly Journal of Economics. 1894. April. Vol. 8. P. 328–344.

³⁷ *Hamilton A.* Report on Manufactures // Idem. The Works of Alexander Hamilton. Vol. 4. P. 70.

³⁸ Ibid. P. 106.

³⁹ *Irwin D.A.* Op. cit. P. 124.

⁴⁰ Цит. по: Ibid. P. 126–127 [*Лусем Ф.* Национальная система политической экономии. М.; Челябинск: Социум, 2017. С. 179, 170].

⁴¹ Ibid. [Там же. С. 242].

⁴² *George H.* Protection or Free Trade? New York: Appleton, 186. P. 155; цит. по: *Irwin D.A.* Op. cit. P. 130 [*Джордж Г.* Покровительство отечественной промышленности или свобода торговли? М.: Типо-литография Русского товарищества печатного и издательского дела, 1903. С. 151].

⁴³ *Sidgwick H.* The Principles of Political Economy / 2nd ed. London: Macmillan, 1887. P. 489; цит. по: *Irwin D.A.* Op. cit. P. 131.

⁴⁴ *Krugman P.* Is Free Trade Passé? // Journal of Economic Perspectives. 1987. Fall. Vol. 1. P. 132.

⁴⁵ *Idem.* Protectionism and Stimulus (wonkish) // Paul Krugman's blog. 2009. February 1 [krugman.blogs.nytimes.com/2009/02/01/protectionism-and-stimulus-wonkish].

⁴⁶ *Idem.* Very Serious Reactions to the Levin Bill // Paul Krugman's blog. 2010. September 30 [krugman.blogs.nytimes.com/2010/09/30/very-serious-reactions-to-the-levin-bill]; *Idem.* The RMB and the WTO // Paul Krugman's blog. 2010. June 12 [krugman.blogs.nytimes.com/2010/06/12/the-rmb-and-the-wto].

⁴⁷ *Friedman M.* Op. cit. P. 127–128.

⁴⁸ По оценкам, примерно две трети банкнот ФРС обращаются за пределами США. Прирост массы банкнот, находящихся в обращении, за 2005–2009 годы составил 171 миллиард долларов; две трети этой суммы составляет 114 миллиардов. Таким образом, согласно данной оценке, экспорт валюты в сумме 114 миллиардов долларов покрыл лишь 3,5% внешнеторгового дефицита. Использованы данные Federal Reserve Bank of St. Louis FRED, data series Currency in Circulation, а также Бюро экономического анализа.

⁴⁹ То же самое относится и к ситуации, когда займы на внутреннем рынке для финансирования текущего потребления семей превышают их сбережения.

⁵⁰ См.: *Friedman M.* Op. cit. P. 119.

Глава 15

¹ Видеозапись заседания доступна по адресу: [www.cato.org/events/28th-annual-monetary-conference].

- ² Q&A: Greece's Economic Woes // BBC News. 2010. May 2 [news.bbc.co.uk/2/hi/business/8508136.stm].
- ³ Irish Debt Crisis: Timeline // Telegraph.co.uk. 2010. November 15 [www.telegraph.co.uk/finance/financialcrisis/8133611/Irish-debt-crisis-timeline.html]; Irish/German Bond Yield Spread at Euro Life High // Reuters.com. 2010. November 10 [www.reuters.com/article/idUSLDE6A90LA20101110].
- ⁴ Timeline: The Unfolding Eurozone Crisis // BBC News. 2012. June 13 [www.bbc.co.uk/news/business-13856580].
- ⁵ Japan's Fiscal Condition // Ministry of Finance, Japan. 2010. December [www.mof.go.jp/english/budget/budget/fy2011/e20101224b.pdf]; *Fujioka T.* Japan's Sovereign Credit Rating at Risk as Debt Burden Swells, Fitch Says // Bloomberg.com. 2010. April 22 [www.bloomberg.com/news/articles/2010-04-22/japan-s-sovereign-credit-is-under-downwards-pressure-on-debt-fitch-says].
- ⁶ *Montgomery L.* Record U.S. Deficit Projected This Year // Washington Post. 2011. January 27. P. A1.
- ⁷ «Федеральный долг на руках у публики» не включает долг Министерства финансов перед Федеральной резервной системой, системой Social Security и другими федеральными агентствами, но включает долг, держателями которого являются иностранные юридические и физические лица. Источники количественных данных: Congressional Budget Office. Federal Debt and the Risk of a Fiscal Crisis // Economic and Budget Issue Brief. 2010. July 27; U.S. Treasury. Final Monthly Treasury Statement of Receipts and Outlays of the United States Government for Fiscal Year 2010 [www.fiscal.treasury.gov/fsreports/rpt/mthTreasStmnt/mts0910.pdf]; Congressional Budget Office. Federal Debt and Interest Costs: A CBO Study. 2010. December; FRED, Federal Reserve Economic Data, Federal Reserve Bank of St. Louis, series Gross Domestic Product GDP, Gross Private Saving GPSAVE, and Federal Surplus or Deficit FYFSD; The U.S. Treasury's. The Daily History of the Debt [www.treasurydirect.gov/NP/debt/current].
- ⁸ *Dohmen B.* Trillions of Troubles Ahead // Forbes. 2009. December 18 [www.forbes.com/2009/12/18/government-budget-deficit-personal-finance-financial-advisor-network-treasury-debt.html].
- ⁹ Congressional Budget Office. Federal Debt and Interest Costs: A CBO Study.
- ¹⁰ *Reinhart C.M., Rogoff K.S.* Growth in a Time of Debt // American Economic Review. 2010. May. Vol. 100. № 2. P. 573–578.
- ¹¹ Congressional Budget Office. Federal Debt and Interest Costs: A CBO Study.
- ¹² В конце 2011 года появились сообщения, что агентства Fitch и Moody's выжидают, не примет ли Конгресс срочных мер, чтобы ослабить тенденцию к росту отношения долга США к ВВП. См.: *Bernard S.L.* U.S. Rating Survives but Risks Heightened as Debt Committee Fails // Wall Street Journal. 2011. November 22.
- ¹³ См., например: *Krugman P.* The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. New York: W.W. Norton, 2009, а также множество колонок этого автора и записей в его блоге в New York Times; *Stiglitz J.* Stimulus or Bust // Guardian. 2009. August 10 [www.guardian.co.uk/commentisfree/cifamerica/2009/aug/10/economy-stimulus-bailout]; *DeLong B.* We Need Bigger Deficits // Week. 2010. June 7 [theweek.com/article/index/203760/we-need-bigger-deficits].
- ¹⁴ Аргументы новых классиков см. в работах: *Barro R.J.* Demand Side Voodoo Economics // Economists' Voice. 2009. February. Vol. 6. Article 5; *Rogoff K.S.* No Need for a Panicked Fiscal Surge // Ft.com. 2010. July 20 [www.ft.com/content/6571e6c8-93f5-11df-83ad-00144feab49a]; *Taylor J.B.* Cutting National Debt = Stimulus // Daily Beast. 2010. July 20; точка зрения «австрийцев» излагается в лекции: *Garrison R.W.* The Fiscal Issues: Tax and Deficit Finance / Lecture at 2007 Mises University [www.youtube.com/watch?v=ErYq3-eiN1A].
- ¹⁵ Критический обзор ортодоксальной точки зрения см. в работе: *Burkhead J.* The Balanced Budget // Quarterly Journal of Economics. 1954. May. Vol. 68. P. 191–216.
- ¹⁶ *Hansen A.* Fiscal Policy and Business Cycles. New York: Norton, 1941; *Lerner A.P.* The Economics of Control. New York: Macmillan, 1944. См. также: *Colander D.* Was Keynes a Keynesian or a Lernerian? // Journal of Economic Literature. 1984. Vol. 22. P. 1572–1575.
- ¹⁷ *Tobin J.* Hansen and Public Policy // Quarterly Journal of Economics. 1976. February. Vol. 90. P. 32. Цитата в конце приведенного отрывка отсылает к названию классического труда, посвященного спорам о фискальной политике и принятию соответствующих политических решений в США: *Stein H.* The Fiscal Revolution in America / 2nd rev. ed. Washington, DC: American Enterprise Institute Press, 1996.
- ¹⁸ *Hansen A.* Op. cit. P. 188. Цит. по: *Burkhead J.* Op. cit. P. 207.
- ¹⁹ *Lerner A.P.* The Economics of Control. P. 319. См. также: *Idem.* Functional Finance and the Federal Debt // Social Research. 1943. February. Vol. 10. P. 38–51.
- ²⁰ *Burkhead J.* Op. cit. P. 206.
- ²¹ *Ibid.* P. 207.
- ²² *Ibid.* P. 191.
- ²³ Хорошо известное исследование того, как бюджетный дефицит в условиях полной занятости приводит к сокращению запасов производственного капитала: *Modigliani F.* Long-run Implications of Alternative Fiscal Policies and the Burden of the National Debt // Economic Journal. 1961. December. Vol. 71. P. 730–755.
- ²⁴ *Eckstein O.* Public Finance / 3rd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1973. P. 94.
- ²⁵ *Smith A.* An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Ed. by E. Cannan. London: Methuen, 1904. Vol. 2. Ch. 3 [oll.libertyfund.org/title/119/212405/3429096] [*Смут А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 856].
- ²⁶ *Ricardo D.* An Essay on the Funding System // *Idem.* The Works of David Ricardo. With a Notice of the Life and Writings of the Author / Ed. by J.R. McCulloch. London: John Murray, 1888. P. 186. Ссылка на высказывание Рикардо см. ниже, в примеч. 50 [*Рикардо Д.* Опыт о системе фундированных государственных займов // Он же. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное. М.: Эксмо, 2007. С. 799].
- ²⁷ *Eckstein O.* Op. cit. P. 92.

- ²⁸ *Krugman P.* Crowding in // Paul Krugman's blog. 2009. September 28 [krugman.blogs.nytimes.com/2009/09/28/crowding-in].
- ²⁹ *Burkhead J.* Op. cit. P. 212.
- ³⁰ *Stein H.* What I Think. Washington, DC: American Enterprise Institute Press, 1998. P. 72. Кетати, Герберт Стайн — отец актера, телеведущего и кolumnиста Бена Стайна.
- ³¹ *Burkhead J.* Op. cit. P. 206.
- ³² Congressional Budget Office. Federal Debt and Interest Costs: A CBO Study. P. viii.
- ³³ *Jefferson T.* To John Taylor (28 May 1816) // Idem. The Works of Thomas Jefferson / Ed. by P. Leicester Ford / Federal Edition. New York: G.P. Putnam's Sons, 1904–1905. Vol. 11 [oll.libertyfund.org/title/807/88161].
- ³⁴ *Buchanan J.M.* Public Principles of Public Debt. Homewood, IL: Richard D. Irwin, 1958; *Buchanan J.M., Wagner R.E.* Democracy in Deficit: The Political Legacy of Lord Keynes. San Diego: Academic Press, 1977. P. 3, 15–16.
- ³⁵ Ibid. P. 4.
- ³⁶ Ibid. P. 134.
- ³⁷ Ibid. P. 15. Переменная *T* включает также чистую выручку от продажи государственных активов.
- ³⁸ Один из эпизодов мультсериала «Южный парк» («Маргаритавиль», сезон 13, серия 3, 2009 год) дает нам пример чрезмерного заимствования индивидами. Семья Марш купила в кредит за 200 долларов блендер «Маргаритавиль», который ей не по средствам. См.: *Parker M., Stone T.* “Margaritaville” script [web.archive.org/web/20090331065359/http://www.southparkstuff.com/season_13/episode_1303/epi1303script].
- ³⁹ При цене блендера «Маргаритавиль» в 200 долларов долг федерального правительства США на руках у публики в конце 2010 финансового года составлял примерно 400 таких блендеров на одно домохозяйство (80 тыс. долларов). Согласно прогнозам Бюджетного управления Конгресса к 2020 году это бремя должно достигнуть 850 блендеров на домохозяйство, что эквивалентно второму ипотечному кредиту.
- ⁴⁰ Ibid. P. 17–19.
- ⁴¹ В рамках модели IS-LM «как правило» означает «когда кривая LM не вертикальна». Аргумент о денежной политике предполагает, что более экспансионистская денежная политика может снижать реальную процентную ставку (по сравнению с уровнем, на котором она была бы в противном случае) до бесконечности или до тех пор, пока государство берет в долг.
- ⁴² *Tobin J.* Asset Holdings and Spending Decisions // American Economic Review. 1952. May. Vol. 42. P. 109, 117. Частично этот фрагмент цитируется в работе: *Barro R.J.* Are Government Bonds Net Wealth? // Journal of Political Economy. 1974. November/December. Vol. 82. P. 1096.
- ⁴³ *Bailey M.J.* National Income and the Price Level. New York: McGraw-Hill, 1962. P. 75–77. Последний процитированный фрагмент приводится в работе: *Barro R.J.* Are Government Bonds Net Wealth? P. 1096. Это соображение подчеркивается также в статье: *Thompson E.A.* Debt Instruments in Both Macroeconomic Theory and Capital Theory // American Economic Review. 1967. December. Vol. 57. P. 1196–1210.
- ⁴⁴ *Barro R.J.* Are Government Bonds Net Wealth?
- ⁴⁵ *Idem.* The Ricardian Approach to Budget Deficits // Journal of Economic Perspectives. 1989. Spring. Vol. 3. P. 40.
- ⁴⁶ *Samuelson P.A.* An Exact Consumption-Loan Model of Interest with or without the Social Contingence of Money // Journal of Political Economy. 1958. December. Vol. 66. P. 467–482.
- ⁴⁷ *Buchanan J.M.* Barro on the Ricardian Equivalence Theorem // Journal of Political Economy. 1976. April. Vol. 84. P. 337–342.
- ⁴⁸ *Ricardo D.* Op. cit. P. 539 [Пукаро Д. Указ. соч. С. 799].
- ⁴⁹ *O'Driscoll, Jr. G.P.* The Ricardian Nonequivalence Theorem // Journal of Political Economy. 1977. February. Vol. 85. P. 207–210 [Там же. С. 799].
- ⁵⁰ *Ricardo D.* Op. cit. P. 539 [Там же. С. 799].
- ⁵¹ *Buchanan J.M., Wagner R.E.* Op. cit. P. 136–137, 139–140.
- ⁵² *Aaron H.J., Bosworth B., Burtless G.T.* Can America Afford to Grow Old? Paying for Social Security. Washington, DC: Brookings Institute, 1989. P. 69–70.
- ⁵³ *Barro R.J.* Reflections on Ricardian Equivalence / NBER working paper. 1996. March. № 5502. P. 10, 15.
- ⁵⁴ *Barro R.J.* Ricardian Approach to Budget Deficits. P. 37–54.
- ⁵⁵ Доброжелательное изложение истории этого движения с акцентом на персоналии см. в работе: *Domitrovic B.* Econoclasts: The Rebels Who Sparked the Supply-Side Revolution and Restored American Prosperity. Wilmington, DE: ISI Books, 2009. Разнообразный материал более аналитического характера можно найти в сборнике: *Supply-Side Economics: A Critical Appraisal* / Ed. by R.H. Fink. Frederick, MD: University Publications of America, 1982.
- ⁵⁶ *Say J.-B.* A Treatise on Political Economy / Ed. by C.C. Biddle, trans. by C.R. Prinsep from the 4th French ed. Philadelphia: Lippincott, Grambo & Co., 1855. P. 139.
- ⁵⁷ Об эпизоде с салфеткой см.: *Domitrovic B.* Op. cit. P. 111–112. Из других видных представителей «теории предложения» следует назвать Роберта Манделла (нобелевского лауреата 1999 года), Нормана Туре и Пола Крейга Робертса.
- ⁵⁸ *Feldstein M.* American Economic Policy in the 1980s: A Personal View // American Economic Policy in the 1980s / Ed. by M. Feldstein. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 25.
- ⁵⁹ *Niskanen W.A., Moore S.* Supply-Side Tax Cuts and the Truth about the Reagan Economic Record // Cato Institute Policy Analysis. 1996. October 22. № 261. Как и Фелдстайн, Нисканен и Мур считали, что сокращение налогов целесообразно ради улучшения экономической ситуации.
- ⁶⁰ *Gwartney J.* Supply Side Economics // Concise Encyclopedia of Economics / Ed. by D.R. Henderson [www.econlib.org/library/Enc/SupplySideEconomics.html].
- ⁶¹ Ibid.
- ⁶² *Barro R.J.* Ricardian Approach to Budget Deficits. P. 16.
- ⁶³ *Romer C., Bernstein J.* The Job Impact of the American Recovery and Reinvestment Plan (8 January 2009) [web.archive.org/web/

20090203030035/http://otrans.3cdn.net/
45593e8ecbd339d074_l3m6bt1te.pdf].

⁶⁴ Interview with Thomas Sargent // Federal Reserve Bank of Minneapolis Region. 2010. September. P. 32–33.

⁶⁵ *Barro R.J.* Demand Side Voodoo Economics; *Idem.* Output Effects of Government Purchases // *Journal of Political Economy*. 1981. December. Vol. 89. P. 1086–1121. Другим критическим ответом Ромер и Бернстайну стала работа: *Cogan J.F., Cwik T., Taylor J.B., Wieland V.* New Keynesian versus Old Keynesian Government Spending Multipliers / ECB Working Paper. 2009. September. № 1090 [www.ecb.int/pub/pdf/scpwps/ecbwp1090.pdf].

⁶⁶ *Cwik T., Wieland V.* Keynesian Government Spending Multipliers and Spillovers in the Euro Area // ECB Working Paper. 2010. November. № 1297 [www.ecb.int/pub/pdf/scpwps/ecbwp1267.pdf].

⁶⁷ *Smith A.* Op. cit. P. 43 [*Смит А.* Указ. соч. С. 86–87].

⁶⁸ См.: *Oresme N.* De Moneta (Of Currency) / Trans. by Ch. Johnson // *The History of Gold and Silver* / Ed. by L.H. White. London: Pickering and Chatto, 2000. Vol. 1. P. 1355.

⁶⁹ *Eckstein O.* Op. cit. P. 88–90.

⁷⁰ Анализ сеньоража, каким он был в старину и в наши дни, в доступной неспециалисту форме см. в книге: *White L.H.* The Theory of Monetary Institutions. Oxford: Basil Blackwell, 1999. Ch. 7.

⁷¹ *Sargent T.J., Wallace N.* Some Unpleasant Monetarist Arithmetic // Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review. 1981. Fall. Vol. 5. P. 1–17. См. также: *Sargent T.J.* Rational Expectations and Inflation. New York: Harper and Row, 1986.

⁷² Interview with Thomas Sargent. P. 36.

⁷³ *Darby M.* Some Pleasant Monetarist Arithmetic // Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review. 1984. Spring. Vol. 8. P. 15–20.

⁷⁴ *Miller P.J., Sargent T.J.* Reply to Darby // *Ibid.* P. 21–26.

⁷⁵ Interview with Thomas Sargent. P. 36.

Предметный указатель

- австрийская теория экономических циклов
см. экономические циклы
- австрийская экономическая школа:
Бём-Баверк и теория капитала 81, 83, 88–89;
Виксель и теория процента Бём-Баверка
89; *vs* доктрина реальных векселей 98–101;
докейнсианская теория экономического
цикла 11; и Мизес 40–41; и Хайек 20; крити-
ка теории капитала 94–95; Менгер и теория
капитала 81; объяснение причин Великой
депрессии 75, 76; ответ Хайека на критику
теории капитала 95–96; равновесная про-
центная ставка 88–89; теория возникнове-
ния денег 222–225; теория процента Бём-Ба-
верка 88–89; теория «спонтанного порядка»
220–221; теория формирования цен Менгера
222; треугольник Хайека 81–83
- Американская экономическая ассоциация 26, 29,
111, 116–117, 298
- анархо-капитализм 25, 31, 201, 234
- Ассоциация образования в области частного
предпринимательства 211
- Банк Англии 33, 76, 86, 89, 90, 91, 92, 98, 99, 129, 175,
194, 206, 273, 274, 275, 288, 291, 420 (24)
- банковская школа:
и «доктрина реальных векселей» 92; лиде-
ры и теории 91–93
- безработица, естественный уровень 316
- биметаллизм:
биметаллический стандарт 280; и Брайан
284; и инфляция 283–285; международный
281–282; мотив введения 280–281
- биржевая паника 1907 года 33
- большевизм:
влияние на Центральную Европу 39; рево-
люция 1917 года 11, 33–34
- Бреттон-Вудс:
валютная система 292–294; и золотой стан-
дарт 299; и Кейнс 268, 269, 270; и кейнсиан-
ская денежная политика 269; конферен-
ция и соглашение 12, 232, 268–271, 351; крах
Бреттон-Вудской системы 292–294; между-
народная денежная система после 270;
цели 292
- бюджетный дефицит см. государственные фи-
нансы
- Великая депрессия:
администрация Гувера 97; администрация
Рузвельта 33, 102; введенные правила 269;
денежная масса 145; затяжной характер 127–
129; и доктрина реальных векселей 101, 302;
и золотой стандарт 290–292; и успех «Общей
теории» 150; Кейнс о причинах 22, 129, 302–
303, 313; начальный этап 74; причины 85, 173,
301–304; рекомендации Кейнса 130–131; реко-
мендации Тагвелла 104–105, 106, 120; рекомен-
дации Хайека и Роббинса 95, 96–97; Роббинс
о 84; Тагвелл о 105–106, 108; Фридман
и Шварц о причинах 128; Хайек о 131, 302–
303. См. также «Новый курс»
- Великобритания:
аргументация против *laissez-faire* 27; долго-
вое бремя 12, 269; Закон рынка Сэя 143;
и Генри Джордж 187; и свободная торговля
292–293; и Фабианское общество 177, 182; Ин-
ститут экономических проблем 201; инфля-
ция 299; колониальная политика 241, 354;
национализация промышленности 174, 175–
176; политика ничегонеделания 96; послево-
енная политика 172–176; Хайек о британ-
ской экономической системе 159. См. также
Банк Англии
- Венский университет 20, 22, 40, 41, 93, 117, 221, 222
«внешние эффекты» см. экстерналии
- возникновения денег теория 222–225
- Всемирная торговая организация 350–351
- Вторая мировая война:
и денежная политика США 377, 396; интер-
венционизм 161–162; рост роли государства
161, 324–325; централизованное планирова-
ние 12
- Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) 38
- Генеральное соглашение по тарифам и торгов-
ле 351
- Германия:
Гэлбрейт о послевоенной экономике 228–
229; послевоенная отмена контроля в эконо-
мике 227, 228–229, 231; послевоенные эконо-
мические условия 227–228; экономическая
политика при Гитлере 103, 156–159
- гиперинфляция 77, 91, 232
- глобализация:
«первая эпоха» 32; тенденция к увеличению
351
- глобальное потепление см. маржиналистская
революция: загрязнение, провалы рынка
- государственные финансы:
Бьюкенен и Вагнер о 380–383, 388; дефицит
федерального бюджета в США 372–374; «дол-
говая ловушка» 371; долговое бремя 380–381;
и кейнсианская экономика 374–381; и класси-
ческая экономическая теория 374–375; кри-
зис суверенного долга 371–374; критика мо-
нетаристской арифметики 380–395; Кругман
о фискальной политике 378–379; непонятная
монетаристская арифметика 398–401; рикар-
дианская эквивалентность 383–389, 393; Смит
о 377; споры 374–376; фискальная политика
374, 383. См. также сеньораж
- государственный капитализм 17, 18, 24, 25, 103, 118
- «государственный социализм» 117–118
- государство:
vs провал рынка 327–328, 341; и обществен-
ное благо 325–328; его провал 341. См. так-
же общественный выбор
- Греция 371
- Грешема закон 282, 283
- Гуверовский институт 300
- «Движение чаепитий» 348, 374
- «демонстративное потребление» 114

денежная школа:

денежный принцип 91–92; докейнсианская денежная теория 75, 89; лидеры и теории 91–92; Мизес о 89, 90. См. также экономические циклы

деньги:

количественная теория 299, 304–306, 308–310; «нейтральность» 306; определение 222; теория возникновения 222–225. См. также биметаллизм; золотой стандарт; монетаризм

Джонса Хопкинса университет 26

джорджизм 184–186

дискуссия об экономическом расчете при социализме:

Бергсон о ней 68–69; Делонг о 71; Мизес и Хайек о суверенитете потребителя 163–164; основные идеи 41–71; позиция Ланге 51–59, 60, 62, 63–66; позиция Мизеса 41–48, 51–58, 123; позиция Тагвелла 123; позиция Хайека 58–63, 66–67; проблема использования знаний 58, 67; проблема предпринимательства 56–57; проблема расчета цен 43–48, 51; проблема стимулов 42–43, 51; Хайек об использовании знаний 47, 58–63; Хейлбронер о 70–71; централизация vs децентрализация 59–63, 65

«Дорога к рабству» (Хайек) 12, 15, 23, 25, 162–171, 175, 182, 200, 202. См. также централизованное планирование, и личная свобода

евгеника см. прогрессизм

Европейский союз 372

Европейский центральный банк 372, 395

закон рынка Сэя 142, 143–144, 146–147

золотой стандарт:

в Великобритании 269, 287; в США 269, 279, 285, 287, 289, 294; и биметаллизм 280; и Бреттон-Вудс 12, 232, 268–271, 351; и Великая депрессия 290–292; и денежная политика 270, 290–292; и инфляция 279–280; и классическая экономическая школа 271–279; и Первая мировая война 287–289; и Федеральная резервная система 289; и центральные банки 275; как международная денежная система 268; Кейнс о нем 21, 268; Маршалл и Фишер о нем 285–287; «механизм перетока металлических денег» 272, 273; отмена Никсона 299; рост и падение популярности 274–275; Фридман о нем 315; Хайек о нем 86, 268, 289–290

идеи экономические:

влияние на политику 13–15; возникновение и распространение 15–16; их борьба 9

империализм:

Гобсон о нем 107

Индия:

Бауэр о втором пятилетнем плане 248; влияние западных экономистов 244; влияние фашистского социализма 241–243; второй пятилетний план 240, 245, 248, 249–250, 252, 260; и централизованное планирование 241–242, 246–251; критика Фридмана централизованного планирования 256–257; «империя разрешений» 252; интервенционистская политика 252–254; коррупция и интервенционизм 252–254; либерализация экономики 257–259; медленный рост 254–255; план Махаланоби-

са 248–251; рекомендации Гэлбрейта 246–247; черный рынок 253–254; экономическая политика при Неру 241–243; экономическая политика после обретения независимости 241

Институт экономических проблем 201

институты:

и экономика развития 266–267; и экономический рост 265

институциональная экономика:

влияние на политику 111; возникновение 26–27; и мейнстрим 111; и немецкая историческая школа 115–117; и «новый курс» 11; и поддержка «нового курса» 111; Хайек о 117

интервенционизм:

денежный 33; и фашизм 155, 156; и ученые-экономисты 17, 26; патерналистский 113

инфляция:

в США 297–299, 300; «Великая инфляция» 295, 299; и биметаллизм 283–285; и золотой стандарт 279–280; и центральный банк 294–296; кейнсианские теории 299, 311–312; контроль за заработной платой и ценами как ответные меры 297, 298; метод «затраты — выпуск» 251; фиатный стандарт 294–296. См. также количественная теория денег; сеньораж

Ирландия см. государственные финансы, кризис суверенного долга

Испания см. государственные финансы, кризис суверенного долга

«Исследование о природе и причинах богатства народов» (Смит) 205–207, 210, 211–212, 215, 217, 220, 225–226, 326, 356, 364

Йельский университет 30, 72, 113, 127, 245, 307, 375

капитализм:

в марксистском понимании 19; определение 18, 19; Хайек о термине 19. См. также рыночная экономика

Катона институт 263

кейнсианская экономика:

Барро о мультипликаторе 393; vs макроэкономика Хайека 136–139; vs монетаризм 311–314; государственные финансы 12, 245, 374–395; денежная политика 129–130; заработная плата 146–147, 148; и золотой стандарт 295; инфляция 299, 311–312; Кейнс и Хайек о роли государства 24–25, 26; ключевые рекомендации 130–131; кривая Филлипса и инфляция 151–152, 311–312, 319; критика Фридмана 304; модель IS-LM 150–151, 384; модель доходов-расходов 133, 383, 393, 394; мультипликатор 393–395; «неоклассический синтез» 152; новая кейнсианская школа 152–153, 313, 321, 395; «Общая теория» Кейнса 14, 21–22, 126; парадокс бережливости 134–135; «посткейнсианцы» 152; потребление и инвестиции 137; равновесие доходов и расходов 134; признание и влияние 15, 127, 149–150, 379–380; революция в экономике 126–127; Сарджент о мультипликаторе 394; склонность к потреблению 133; теория депрессии 147–148; теория процента 136, 146; фискальная политика 131, 374–379; формализация 150–151

Кембриджский университет 20, 21, 52, 93, 94, 126, 149, 241, 244, 263, 334, 335, 362, 366

классическая экономическая теория:
в терминологии Кейнса 74–75; денежная теория 271–279; и государственный бюджет 374–375; разрыв Кейнса с 139–140; трудовая теория ценности 48–50, 52

классический либерализм:
аргументация Бентама 191; «Дорога к рабству» 167; защита Милля 192–193; и Кейнс 32; и консерватизм 226; и общественный выбор 349; и Общество Мон-Пелерен 201; и Рёшке 154; и Смит 204–205, 212, 225–226; и теория спонтанного порядка 226; и Токвиль 163; и Фридман 301; и Хайек 23, 166, 199–200, 204, 226; как альтернативный путь 166; политическая экономика 204; послевоенная идейная атмосфера 199; традиции 204–205. *См. также* ордолиберализм

количественная теория денег 299, 304–306, 308–310

колониализм:
и теоретики меркантилизма 353–354; критика Смита 354

Колумбийский университет 18, 102, 108, 112, 117, 244, 263, 300, 312

коммунизм:
проблемы реализации 37–38; русский 24

конкуренция:
как процедура открытия 59, 66–67; преимущества 58

конституционная политическая экономия *см.*

общественный выбор

координация проблема 220–221

корпоративизм *см.* фашизм

Коуза теорема:
и транзакционные издержки 340–341; основные положения и критика 322–323, 335–339; пределы 338–341

краткосрочные меры:
Хайек о 147

крах фондового рынка в 1929 году 72

кризис суверенного долга *см.* государственные финансы

«кумовской капитализм» *см.* государственный капитализм

Лаффера кривая 390–392, 398

лейбористская партия:
влияние Вебба 178–179; влияние фабианцев 184, 201; и национализация 12, 175, 176, 241; и централизованное планирование 161–162, 168, 171, 178, 242; победа на выборах 172; послевоенная политика 173–176

laissez-faire:
Кейнс о 23–24, 25, 28; Кругман о 28; Маршалл о 28, 29, 30; Пигу о 30; ослабление веры в 191, 192; происхождение понятия 219; противники доктрины 26–31; Тагвелл о 112–113; Фишер о 29–31

либерализм:
трансформация смысла 198

либеральная утопия:
Хайек о ее необходимости 204

либертарианство 167, 198, 201. *См. также* анархо-капитализм; либерализм

Лондонская школа экономики 22–23, 93, 150, 161, 162, 170, 172, 175, 177, 200, 244, 255, 263, 336

макроэкономика:
Кейнс как изобретатель 131–132; теория реального делового цикла 321; теория экономических циклов *см.* теория депрессии 148

«Манифест коммунистической партии» (Маркс, Энгельс) 34, 35

маржиналистская революция:
см. провал государства 328, 341; государственное регулирование 339, 340; загрязнение 338–342; и субъективная теория ценности 50; отправная точка 20; проблема «безбилетника» 331–333; провалы рынка 244, 327–328; трагедия общин 338. *См. также* экстерналии

марксизм:
влияние в Восточной Европе 39–40; и капитализм 19; Ленин о 36; пророчества 34, 35

марксистская экономическая теория:
Ланге о 52; прибавочная стоимость 36, 107; теория эксплуатации и прибыли 36; трудовая теория ценности 48–50, 52; частная собственность 34; централизованное планирование 38

Маршалла план 229

Международный валютный фонд 269, 271, 293, 372

меркантилизм:
критика Смита 353; основные положения 352–354. *См. также* свободная торговля

«мозговой трест» Рузвельта 105, 112

Мон-Пелерен, Общество:
влияние 202–203; Гэлбрейт о 201–202; деятельность 201; и Ойкен 236; и Фридман 301; и Хайек 203; спор Ойкена и Мизеса о монополиях 238; учредительная конференция 23, 199–201; Фридман о 200–201; цели 201, 203, 204; частная собственность и конкуренция 225

монетаризм:
влияние Лукаса и новых классиков на 320–321; *см.* кейнсианская экономика 311–314; вызов кейнсианству 374; исследовательская программа 310–311; количественная теория 312; неоклассическая экономическая теория 152, 313, 320–321; ограничения ФРС 315–318; причины Великой депрессии 301–304; рекомендации 313–318; правила для денежной политики 314–318; правила по усмотрению 313; «старые монетаристы» 153, 308, 313; теория экономических циклов 312–313; Федеральная резервная система в послевоенные годы 298–300

монетарная политика:
и золотой стандарт 290–292; искажение процентной ставки 84–88

монополии:
и антимонопольная политика 238; и государственное регулирование 55, 56

нацизм:
нацистская партия 103; репрессии против диссидентов и интеллигенции 154, 236, 237

Национальное бюро экономических исследований 301

«невидимая рука»:
и богатство народов 225; и инвесторы 17; и ордолибералы 233; и провал рынка 331; и экономическое развитие 261; Коуз о 336; критика Кейнса 23–24; необходимые условия 244; Тагвелл о 112–113; толкования 210–212. *См. также* «спонтанный порядок»

немецкая историческая школа:

влияние на институциональную экономику 115–117; влияние на Ойкена и Бёма 235; Зомбарт как лидер 158–159; и Лист 365; и Паттен 113; Коуз о 116; Мизес о 116; основные принципы 115–117, 231; отказ от разработки экономической теории 116; Селигмен о 115; «спор о методах» 115; Шумпетер о 116

неоклассицизм 152–153, 313, 321, 395

неоклассическая экономическая теория 152, 313, 320–321

неолиберализм 198

NIRA см. «Новый курс»; Управление национального восстановления

Нобелевская премия 23, 28, 200, 202, 226, 236, 244, 245, 246, 251, 261, 265, 301, 303, 321, 329, 336, 338, 345, 348

новая экономическая политика (нэп) 39, 68

Новый институционализм 239

«Новый курс»:

AAA как основа для современной аграрной политики 110; влияние Тагвелла на 11, 104–106, 112; влияние фашистской экономической модели на NIRA 103–104; Закон о восстановлении национальной промышленности (NIRA) 103, 128; Закон о регулировании сельского хозяйства (AAA) 103, 128; и усиление роли государства 28, 198; и предшествовавшая экономическая мысль 30, 33; негативные последствия курса 108–110, 128; негативные последствия AAA 109–110; отмена NIRA Верховным судом 110; поддержка институционалистов 111; правовые проблемы NIRA и AAA 110; экономические проблемы NIRA и AAA 108–111; Флинн о 104

NRA см. «Новый курс»; Управление национального восстановления

Нью-Йоркский университет 41, 251, 263

«Общая теория занятости, процента и денег» (Кейнс) 11, 13, 14, 15, 21–22, 24, 25, 28, 74, 76, 80, 85, 126–152, 375

общего равновесия теория 54, 66, 320

общественное благо:

и государство 325–328; определение 329; перераспределение 342–344; позитивные экстерналии 333; политические рекомендации 332; проблема «безбилетника» 331–333; Самуэльсон и 325, 329; Смит и 213, 326; теория 325, 329–333; типы благ 331. См. также экономика благосостояния

общественный выбор:

Бьюкенен и Таллок о конституционализме 347–349; vs общественное благо 12, 325, 345–346; выгоды и издержки 345–346; дебаты 346–347; и Бьюкенен 345; и Викселль 347; конституциональная политическая экономия 345, 347–349; подход Коуза 348–349; правила принятия решений 348; «Расчет согласия» (Бьюкенен, Таллок) 347; рентаориентированное поведение 239, 344–347; теория провалов государства 347; Фридман о 325

ограничение производства:

Кейнс о 109

ордолиберализм:

в настоящее время 239; влияние Хайека 232; денежная система 232; и антимонопольная политика 238; и конституционализм 233–236;

и либерализм *laissez-faire* 234–236; и немецкая историческая школа 231; и рентаориентированное поведение 239; экономическая политика и роль государства 231–236

«парадокс воды и алмазов» 49, 50

Парето-эффективность см. экономика благосостояния

Первая мировая война:

довоенная экономика 268, 274, 399; и марксистско-ленинские идеи 39, 40; и усиление роли государства 28, 33, 102; интервенционистская экономическая политика 102–103; конференция в Версале 21; Хайек о довоенном периоде 32; экономическая мысль накануне 11

перераспределение:

как общественное благо 342–344; Ланге о 55; Маршалл о 29, 30

Португалия см. государственные финансы,

кризис суверенного долга
пределной производительности теория 48
предпринимательство:

Ланге о 56–57; Мизес о 47; Хайек о 59

прибавочная стоимость см. марксистская экономическая теория
прибыли и убытки:

Мизес о 45; при социализме 41; Тагвелл о мотиве прибыли 123–124. См. также система цен; цены на факторы производства
проблема использования знания:
и политические решения 67; и предпринимательство 59; Хайек о 47, 58–63

прогрессивное налогообложение 31

прогрессизм:

в США 26–27, 33; и ведущие экономисты 30–31; и евгеника 31, 113; и институциональная экономика 111; и патерналистский интервенционизм 113; и сухой закон 31, 113; и фашистская экономическая система 102; технократия 114–115

протекционизм:

Вхавати о 352–353; и общее процветание 355–356; как инструмент либерализации торговли 368; Кругман о нем 367; сторонники 352. См. также меркантилизм; общественный выбор, рентаориентированное поведение; торговая политика

процентная ставка:

рыночная и естественная ставка процента 89

разделение труда:

и критерий прибыли 47; Смит о 207–209

реальных векселей доктрина:

и хайковская норма для денежной политики 100; изьяны 99–100; как рекомендация по поводу денежной политики 98; критика Хайека 101; определение 98

«Ревущие двадцатые»:

критика Хайека политики ФРС 99; политика Федеральной резервной системы 73–74; прогноз Акермана 79; экономический бум и крах в США 72, 73–74

редкость ресурсов 34

рентаориентированное поведение см. общественный выбор

рикардианская эквивалентность см. государственные финансы

роль государства в экономике:

Бентам о 191, 192; Вебб о 178–179; Гобсон о 107; государство *vs* рынок 16–19; Гэлбрейт о 125, 324; Кейнс и Хайек о 23–25; Ласки о 181; Мизес о 238; Милль о 193–197; Смит о 212–215, 326; Тагвелл о 104–105, 119–125

Россия *см.* Советский Союз

рыночная экономика:

vs социализм 18; Джордж и 187; и социализм 39, 41, 44; как единственная модель 19; Ланге о 55; Хайек о 59–60; принцип функционирования 46; Эттли о 173

рыночные процессы:

конкуренция как открытие 66–67; преимущество конкуренции 58; предпринимательство 47

свободная банковская деятельность:

и монопольные привилегии Банка Англии 273–274; Мизес о 77–78, 86; Смит о 206, 213–215; Фридман о 317–318; Хайек о 86; экономические циклы 77–78

свободная торговля:

аргументы Смита в пользу 355–356; введенная в одностороннем порядке 350; доводы Гамильтона против 363–365; и теория сравнительных преимуществ 356–358. *См. также* торговая политика

свободной банковской деятельности школа:

докейнсианская денежная теория 89; лидеры и теории 91–92; против монопольных привилегий Банка Англии 273–274. *См. также* экономические циклы

сеньораж 395–397

сетевой эффект 224–225

система естественной свободы:

Смит о 211–212

система цен:

ликвидация 38; Хайек о 22; экономическая координация 61–62, 336. *См. также* дискуссия об экономическом расчете при социализме; цены на факторы производства

Советский Союз:

дефицит и голод 38, 39, 42–43; Кейнс о 160; крах советской системы 67–71; Ласки о терроре 181; очарованность супругов Вебб 179–180; переход к социализму 37–39; революция 1917 года 33–34; сталинский террор 179–180; экономические проблемы 38–39, 42–43

социализм:

аргументы за 55–57; и институционализм 117–119; как переход от капитализма к коммунизму 38; крах советской системы 67–71; критика Мизеса социалистической экономики 41–44; определение 18; отсутствие модели 71; рыночный 51–52, 54–55, 57–58, 69, 158; Самуэльсон о 70; утопический 34, 118; Фридман о социализме и науке 161; Хайек о взаимосвязи фашизма и социализма 103, 162–163; Эли о 118–119

Социальное христианство 118

специальные издержки *см.* экстерналии

специализация *см.* разделение труда

«спонтанный порядок»:

возникновение денег 222–225; по Менгеру 220–221; по Смиуту 17, 210–212, 220; по Фергюсону 218; по Хайеку 22, 211; политические выводы 225–226

сравнительные преимущества:

vs абсолютное преимущество 356, 357, 358; доводы в пользу свободной торговли 355–358; появление теории 220; Рикардо о 358; Смит о 355

субъективная теория ценности 20, 50

суверенитет потребителя 158

США:

дефицит федерального бюджета 372–374; и золотой стандарт 269, 279, 285, 287, 289, 294; инфляция 297–299, 300; разрастание государства 324–325; экономический бум и крах 73–74

тарифы *см.* протекционизм

Тейлоризм:

и Тагвелл 119–120, 123. *См. также* прогрессизм

«Теория денег и фидуциарных средств обращения» (Мизес) 76

теория недопоблажения:

Гобсон о 107–108; закон рынка Сэя 143–144; Кейнс о 108; Мальтус и Сисмонди о 140–141; Рикардо *vs* Мальтус 141–142; Тагвелл о 106; Энгельс о 107

теория объективной ценности *см.* трудовая

теория ценности

теория формирования цен Менгера 222

технический прогресс 56–57

технократия *см.* прогрессизм

торговая политика:

защита неокрепших отраслей 361–367; плавающий валютный курс 369; Пол Кругман о мерах против китайского импорта 368; послевоенная либерализация 351; «Прошение производителей свечей» (Вастия) 358, 359; торговый дефицит 368–370; Фридман о ВТО 350; Фридман о торговых войнах 368; хлебные законы 355–361; экономисты о 351. *См. также* протекционизм, свободная торговля

трудовая теория ценности 36, 48–50, 52

Управление национального восстановления (NRA) 103–104, 106, 108–111, 115. *См. также* «Новый курс»

утилитаризм:

вклад Бентама 188–190; влияние на фабианский социализм 192; и Милль 194, 197; и Парето-эффективность 328–329; и экономика 27, 29, 190–192, 328–329; «полезность» по Бентаму 189

фабианский социализм:

влияние джорджизма 184, 186; влияние Милля 197–198; влияние на индийскую экономическую политику 241–243; экономика и идеология 184–185, 186–188

Фабианское общество:

в послевоенной Великобритании 199; *vs* Общество Мон-Пелерен 201; и Шоу 180; и усиление роли государства 198; история 177; политическое влияние 176–177

фашизм:

непосредственность экономической политики 154–155; Рёнке о фашистской экономике 154–155, 159; Финн о 104; Хайек о взаимосвязи фашизма и социализма 103, 155; экономическая система 103

Федеральная резервная система:
денежная политика в послевоенные годы 208; доктрина реальных векселей 98–101; Закон 1913 года 26, 33; и золотой стандарт 289; и финансовый кризис 2007–2008 годов 316–317; Кейнс о 85; количественное смягчение 397; критика Фридмана 85, 297–298; критика Хайека 101; «монетаристский эксперимент» 300; ограничения 315–318; роль в Великой депрессии 301–304; экономический бум и крах в 1920-х 73–74, 79–80, 85–87

физиократы 218–220

фискальная политика *см.* государственные финансы

Фонд экономического образования 200, 201

фрайбургская школа *см.* ордолиберализм

«хлебный закон» (*Великобритания*):

и протекционизм 356; Лига против хлебных законов 361; массовая агитация против 359–361

централизованное планирование:

в Индии 241–242, 246–251; и большевики 38; и личная свобода 23, 24, 103, 162–166; и свобода выбора 163–164; и страны с рыночной экономикой 159–162; и экономика развития 260–263; непреднамеренные последствия 165; «Почему к власти приходят худшие?» 164–165; Тагвелл о 120–125; тенденция к тоталитаризму 162–165; Хайек о 162, 165; Хансен о его неизбежности 161

центральный банк:

и золотой стандарт 275, 290–292; и инфляция 294–296; Мизес о возможности чрезмерной эмиссии 89–90

«Цены и производство» (*Хайек*) 22, 23, 75, 78, 80, 86, 93, 94, 95, 96, 97, 100

цены на факторы производства 43–48

частная собственность:

и экономическое развитие 265–267; и экстерналии 337, 338; Марк и Энгельс о 34–35
«Человеческая деятельность» (*Мизес*) 41, 57, 78

Чикагский университет 14, 23, 53, 64, 113–114, 167, 200, 265, 300, 310, 320, 322

«Чистая теория капитала»:

Смитс о 95–96

Швейцария 199, 202

эконометрика 261

экономика:

и политика 10; позитивное *vs* нормативное утверждение 17–18

экономика благосостояния:

и Пигу 334; критерий эффективности Калдора–Хика 342; ограничения 341–342; Парето-эффективность 327, 328–329; политические рекомендации 332, 334, 335. *См. также* государство; экстерналии

«экономика предложения»:

и Сэй 390; кривая Лаффера 390–392; политическое влияние 391–392

экономика развития:

и роль институтов 265–267; и централизованное планирование 260–263; и эконометрика

261; «ловушка недоразвития» 260; модель Солоу 264, 265; модель Харрода–Домара 249, 250, 260, 264; теория роста 265

экономисты:

влияние на политику 10, 13–15, 26–27; и идеология 26–31; и крах советской экономики 67–71; Кейнс о 126; поддержка интервенционизма 26–31, 245–246; политические разногласия 10

экономическая координация 61–62

экономическая политика:

эксперименты 9; идеи и споры 9, 11–12; Паттен о 113; роль государства в экономике 16–19, 23–25, 104–105, 107, 119–125, 178–179, 181, 191, 192, 193–197, 212–215, 238, 324, 326; Фишер о 30–31

экономические циклы:

австрийская теория 21–22, 75, 76–85; австрийцы *vs* монетаристы 318–320; банковская школа 91–93; бум/спад/рецессия 79–80; вклад Хайека 75, 78–79; вклад Мизеса 75, 76–78; возражения Кейнса 80; денежная школа 91–92; докейнсианская теория 74–76, 91–93; и свободная банковская деятельность 77–78; и центральные банки 75, 76–77; критика теории Хайека 93–96; кумулятивный процесс Викселя 89; Махлуп о 83–84; монетаристская теория 312–313; ошибочные инвестиции 76–77; политические рекомендации 76; «похмельная» теория рецессии 85; рекомендации Мизеса 77–78; рекомендации Хайека 85–88; свободной банковской деятельности школа 91–92; сопоставление экономических школ 91–93; сценарий Хайека 84–85; сценарий чрезмерной экспансии Джоплина–Хайека 90; теория Кейнса 75; теория Мизеса–Хайека 79–80; теория недопотребления 106–108, 140; Хайек *vs* Кейнс и Фридман 85; Хайек о политике стабилизации цен 85–88; Хансен о 84

экстерналии:

государственное регулирование 55, 56, 334–335; и общественные блага 333; и права собственности 337, 338; Коуз о 322, 337–338; Пигу о 30, 31, 56, 333, 334–335; «пигувианские налоги» 334; позитивные 333; Фишер о 31. *См. также* Коуза теорема

Япония *см.* государственные финансы, кризис суверенного долга

Именной указатель

- Аденауэр, Конрад 230, 241
Аджемоглу, Дарон 266
Айер, Сваминатан С. А. 260
Акерман, Юхан 79
Алле, Морис 200, 261
Ачесон, Дин 269
- Балаам, Дэвид Н. 19
Барро, Роберт Дж. 152, 385–389, 393–395
Бастиа, Фредерик 238, 358–359
Бауэр, Отто 40
Бауэр, Питер 240, 246, 248, 255, 257–258, 262–265
Ваффет, Уоррен 205
Веверидж, Уильям 162, 181–182, 202
Бейли, Мартин Дж. 385–386
Бейли, Сэмюэл 50
Беллами, Эдвард 118
Бенн, Тони 173
Бентам, Иеремия 27, 188–191, 193–194, 328
Бертсон, Абрам 68–69
Беркхед, Джесси 376, 379–380
Берли, Адольф О. 112
Бернанке, Бен 291
Вернс, Артур 297–301
Бернстайн, Джаред 394
Вернхольц, Питер 296
Бём, Франц 231, 234–235, 239
Бём-Баверк, Ойген фон 40–41, 49, 76, 81, 88–89, 94, 132, 134, 307
Бёттке, Питер 38
Висмарк, Отто фон 113, 117, 155
Блауг, Марк 305
Влэр, Тони 178
Болдрини, Марчелло 261–262
Бордо, Майкл Д. 291
Бос, Субхас Чандра 241
Брайан, Уильям Дженнингс 186, 284
Брайт, Джон 361
Браун, Гарри Ганнисон 308
Бронфенбреннер, Мартин 250
Брук, Стивен 175
Бруннер, Карл 310
Бруцкус, Борис 38
Будро, Дональд 352
Буш, Джордж У. 85
Бхагвати, Джагдиш 244–245, 248, 257–258–259, 352–353
Бьюкенен, Джеймс М. 15, 226, 325, 345–349, 380–383, 386–389
Бэджот, Уолтер 275, 280
- Вагнер, Ричард Э. 15, 381–383, 388–389
Вайнер, Джекоб 76, 300
Вальрас, Леон 50, 54, 56, 62, 66, 152, 328
Ван Зандт, Дэвид Э. 335
- Ванберг, Виктор 233, 235, 236
Ванниски, Джуд 390
Вашингтон Джордж 364
Вебб, Беатрис 160, 176, 177–182, 242
Вебб, Сидней 160, 176, 177–181, 184, 188, 242
Вебер, Макс 159
Вебер, Уоррен 295–296
Веблен, Торстейн 57, 107, 111–114, 117–118, 120, 124–125, 247
Веджвуд, Вероника 200
Весет, Майкл 19
Визер, Фридрих фон 22, 41
Викри, Уильям 338
Виксэль, Кнут 21, 23, 75–76, 80, 88–91, 94, 99, 132, 134, 307, 318, 347–348
Виланд, Фолькер 395
Вильсон, Вудро 33, 102, 116
Волкер, Пол 300
Вольтер 208
Вуд, Джон 289
Вутон, Барбара 168
- Гамильтон, Александр 325, 362–365
Гамильтон, Дэвид 107
Ганди, Индира 252–253, 258
Ганди, Мохандас 241, 243
Ганди, Раджив 258
Гардинг, Уоррен Г. 33
Гаррис, Ральф 201
Гаррисон, Роджер 96, 136, 137
Гейтс, Билл 205–206
Геринг, Герман 156
Гершель, Адам 232
Гёрделер, Карл 230
Гилбарт, Джеймс Уильям 92
Гитлер, Адольф 9, 102–103, 154–156, 164, 230–231, 237
Гоббс, Томас 325
Гобсон, Джон Аткинсон 107–108, 118, 243, 334
Голденвейзер Э. А. 269
Гольдшмидт, Нильс 235
Гринспен, Алан 296
Гроссман-Дерт, Ганс 231
Грэхэм, Фрэнк 200
Гувер, Герберт 97, 104, 128
Гуортни, Джеймс Д. 392
Гурвич, Леонид 338
Гурнэ, Венсан де 219
Гуха, Рамачандра 243
Гэлбрейт, Джеймс 111
Гэлбрейт, Джон Кеннет 16, 111, 115, 125, 149, 201–202, 228–229, 243, 246–247, 256, 324
Гэрли, Джон 320
- Даванцати, Бернардо 308
Дайректор, Аарон 170, 200, 322–323, 336
- Дайси А. В. 191
Дарби, Майкл 400
Дарбин, Эван 170
Дас, Гурчаран 252–253
Де Сото, Эрнандо 266
Делонг, Дж. Брэдфорд 71, 312
Деннисон, Стэнли 200
Десаи, Мегхнад 252, 259
Джеванс, Уильям Стэнли 50, 81, 94, 132, 180, 279
Джефферсон, Томас 191, 325, 381
Джонсон, Линдон 127, 198, 294, 377, 379
Джонсон, Саймон 266
Джонлин, Томас 90
Джордж, Генри 184–188, 366
Джукс, Джон 200
Добб, Морис 52, 187
Доббе, Лу 352
Домар, Евсей 249
Дурбин, Эван 175
Дэвенпорт, Герберт Дж. 308
Дэвенпорт, Джон 200
Дэвис, Артур К. 118
- Ергин, Дэниел 21
- Жувенель, Бертран де 200
- Зомбарт, Вернер 158–159, 231, 235, 251
- Игер, Лиланд 288–289, 290
Ирвин, Дуглас А. 352, 357–358, 365
Истерли, Уильям 263–264
- Калдор, Николас 93–94, 244, 246
Каплан, Брайан 347
Касл, Барбара 173, 174
Кейнс, Джон Мейнард 11–13, 20–26, 28, 32, 74–76, 80, 85, 93–96, 107–109, 126–127, 129–140, 142–144, 146–152, 160, 165, 169–170, 202, 241, 262–263, 268–270, 288, 290, 293, 302–303, 308, 313, 374, 375, 379
Кейнс, Джон Невилл 21
Кеннан, Эдвин 208, 215–216
Кеннеди, Джон Ф. 246, 379
Кенэ, Франсуа 218–219
Кирпнер, Израэль М. 67
Кларк, Джон Бейтс 185
Кларк, Джон Морис 76, 111
Клей, Льюис 227–229
Клейн, Дэниел В. 331
Книс, Карл 116, 158
Кобден, Ричард 361
Ковалик, Тадеуш 64–65
Коккет, Ричард 203
Колдуэлл, Брюс 167
Колт, Джозеф П. 341, 345
Кольбер, Жан-Батист 219

- Коммонс, Джон Р. 26, 29, 111, 116
 Конквест, Роберт 179–180
 Конрад, Йоханнес 116
 Коуз, Рональд 116, 322–323, 334–340, 347
 Коул, Гарольд Л. 127–128
 Коул, Дж. Д. Х. 176–177, 182, 188, 197–198
 Кругман, Пол 16, 28, 74–75, 130–131, 148, 303, 352, 367–368, 378–379, 394
 Купманс, Тьяллинг 245, 246, 261
 Кюдланд, Финн 321
- Ланге, Оскар 42, 51–52, 53–59, 60, 62, 63–66, 68–70, 158, 246, 250, 329
 Ласки, Гарольд Дж. 172, 180–181, 243
 Лафлин, Дж. Лоуренс 285
 Лаффер, Артур 390
 Леви, Дэвид М. 43, 70
 Лейдлер, Дэвид 100
 Лейонхувуд, Аксель 151
 Ленель, Ганс-Отто 239
 Ленин, Владимир Ильич 16, 19, 33–34, 36–39, 119–120
 Леонард, Томас 26
 Леонтьев, Василий 250–251, 261, 265
 Лернер, Абба 329, 374–376, 384, 393, 395
 Лесли, Т. Э. Клифф 185
 Липпман, Уолтер 155, 162, 168
 Лист, Фридрих 362, 365–366
 Ллойд Джордж, Дэвид 33
 Лойд, Сэмюэл Джонс 91
 Локк, Джон 191, 212, 266, 308, 325
 Лоуренс, Элвуд П. 187
 Лукас, Роберт Э. (мл.) 152, 265, 318, 320–321
 Лутц, Фридрих 232
 Лэндсмен Р. Х. 118
 Людовик XIV (король Франции) 219
 Люцетти, Мэтью Н. 150
- Майерсон, Роджер 338
 Мак-Куллох, Джон Р. 91
 Макги, Джон 322–323
 Маккаллум, Беннет 318
 Макмиллан, Гарольд 160
 Маленво, Эдмон 261–262
 Мальтус, Томас Роберт 132, 140–142
 Мандевиль, Бернард 215–217, 335
 Мангейм, Карл 161, 165
 Марджес, Артур 308
 Маркс, Карл 19, 33–36, 37, 48, 52, 118, 182, 203
 Маршалл, Альфред 20–21, 28–29, 56, 75, 126, 139, 152, 185, 188, 191, 285–286, 305, 308, 309–311, 320, 333–334, 366
 Масгрейв, Ричард 332
 Маскин, Эрик 338
 Махаланопис, Прасанта Чандра 240, 246, 248, 249, 250, 256, 261
- Махлуп, Фриц 75, 83–84, 93, 200
 Мельцер, Аллан 151, 291, 296, 302, 310
 Менгер, Карл 20, 22, 41, 50, 81, 115, 220–225, 236
 Мерриам, Чарльз 170
 Мид, Джеймс 174, 335
 Мизес, Людвиг фон 22–23, 40–42, 43–48, 51–55, 57–58, 62, 67–68, 70–71, 75, 76–80, 84, 86, 88, 89–92, 116, 123, 132, 163, 200, 235, 237–238, 256, 318
 Микш, Леонхард 231–232
 Милибэнд, Ральф 180–181
 Миллер, Адольф 100–101
 Миллер, Престон 398, 400
 Милль, Джеймс 27, 192, 209, 308, 356–358
 Милль, Джон Стюарт 27, 29, 48–49, 74–75, 142, 167, 188, 191–197, 276, 307, 335, 362, 366
 Минз, Гардинер К. 110–112, 123
 Миrowsки, Филип 202
 Митчелл, Уэсли Клар 75–76, 108, 111, 116–117, 300
 Молинари, Густав де 31
 Морли, Феликс 200
 Моули, Рэймонд 112
 Мур, Стивен 391–392
 Муравчик, Джошуа 34
 Муссолини, Бенито 9, 102–104, 112, 154, 164
 Мэнкью, Грегори 152–153, 334
 Мюллер-Армак, Альфред 231, 233, 235
 Мюрдаль, Гуннар 246, 260
- Найт, Фрэнк 165, 200, 300
 Наполеон Бонапарт (император Франции) 142
 Нейрат, Отто 40
 Неру, Джавахарлал 181, 240–245, 248–250, 252, 254, 256
 Николай II (российский император) 33
 Никсон, Ричард 127, 294, 299, 379
 Нисканен, Уильям 391–392
 Нозик, Роберт 325, 403 (13)
 Нордхаус, Уильям 70, 332, 341
 Норт, Дуглас 265, 266
 Ньюкомб, Саймон 132, 304, 307
 Нэш, Джордж Х. 167
- О’Дрисколл, Джеральд П. (мл.) 387
 Обама, Барак 394
 Ойкен, Вальтер 156, 157–200, 230, 231–232, 234–239
 Ойкен, Рудольф 236
 Оппенгеймер, Франц 229
 Оруэлл, Джордж 168–169, 181
 Оукен, Артур 127, 379
 Оуэн, Роберт 29, 34, 118, 197
 Оханиан, Ли Э. 127–128, 150
- Пант, Питамбер 247–248
 Панталеони, Маффео 328
- Парето, Вильфредо 13–14, 189, 327, 328–329, 347
 Парнелл, Генри Стюарт 92
 Паттен, Саймон 111–113, 116–117
 Пигу, Артур Сесил 28–30, 56–75, 94, 146, 170, 174, 188, 191, 195, 308, 333–335, 337, 339
 Пиль, Роберт 91, 361
 Пирсон, Николас Герард 52, 406 (37)
 Пирт, Сандра Дж. 70
 Планта, Арнольд 336
 Поикерт, Хельге 236
 Полани, Майкл 200
 Понци, Чарльз 394
 Поппер, Карл 200
 Прайс, Бонами 274
 Прескотт, Эдвард К. 321
 Причитко, Дэвид 48
- Рамеш, Джайрам 245–246, 252–254, 259
 Рао, Нарасимха 258–259
 Раппар, Виллем 200, 204–205
 Рейган, Рональд 167, 202, 391
 Рейко, Ральф 125
 Рейнхарт, Кармен 373
 Рёмер, Джон 71
 Рёнке, Вильгельм 154–155, 159, 200, 230, 231–233, 237
 Рид, Гарольд Л. 73–74
 Рид, Леонард 200
 Рикардо, Давид 48–49, 74–75, 132, 140–142, 146, 183–185, 209, 220, 276, 285, 358, 374, 377, 386–388
 Рихтер, Рудольф 235, 239
 Роббинс, Лайонел 23, 55, 66, 75, 84, 96–97, 149, 189, 200–201, 203, 329
 Робертсон, Деннис Х. 75, 87, 132, 137, 308
 Робинсон, Джеймс А. 266
 Робинсон, Джоан 56, 244, 246, 263, 350
 Рогофф, Кеннет 373
 Родрик, Дэни 259
 Розенштейн-Родан, Пауль 245–246
 Рокофф, Хью 30
 Ролз, Джон 325
 Ролл, Эрик 170
 Ролник, Артур 295, 296
 Ромер, Кристина 394
 Ромер, Пол 265
 Ротбард, Мюррей 403 (13)
 Рошер, Вильгельм 158
 Рузвельт, Франклин Делано 33, 102–106, 109–112, 114, 124, 128, 167, 198, 270, 324
 Рэй, Джон 307
 Рюстов, Александр 230
- Саймонс, Генри 300
 Сакс, Джеффри 18–19, 263–264
 Салли, Разин 238
 Самнер, Скотт 110
 Самуэльсон, Пол 16, 70, 127, 136, 151–152, 260, 325, 329, 332–333, 335, 341, 343, 386

Сарджент, Томас *152, 394, 398–399, 400*
Селигмен, Эдвин Р. А. *111, 115, 116–117*
Сен, Амартия *244*
Сениор, Нассау *271–272, 276–279, 308–309*
Сиджвик, Генри *27, 29, 188, 333, 362, 366–367*
Сингх, Бхагат *241*
Сингх, Манмохан *255, 258–259, 260*
Сисмонди, Леонар Симон де *140–141*
Скидельски, Роберт *96, 129, 131–132, 149*
Смит, Адам *9, 17, 19, 23, 48, 50, 74, 121, 126, 188, 190–191, 194, 204–220, 221–223, 225–226, 233, 236, 241, 244, 258, 265–267, 271, 273, 274, 276, 325–326, 336, 350, 352–356, 361–366, 374–375, 377, 381*
Смитс, Артур *95–96*
Солоу, Роберт *151–152, 264, 265*
Соуэлл, Томас *16, 67, 215*
Спенсер, Герберт *31, 193–194*
Сраффа, Пьеро *93, 95, 152*
Стайн, Герберт *379–380*
Сталин, Иосиф *65, 164, 180*
Станислав, Джозеф *21*
Стиглер, Джордж *10, 14, 187, 200, 322–323*
Стиглиц, Джо *259*
Стоун, Ричард *261*
Сэй, Жан-Батист *132, 140, 142–146, 375, 390*

Тавлас Георгиос С. *371*
Тагвелд, Рексфорд Г. *11, 102–113, 117, 119–125, 243*
Таллок, Гордон *325, 346–349*
Тарур, Шаши *243, 254*
Тейлор, Гарриет *197*
Тейлор, Фред М. *29*
Тейлор, Фредерика Уинслоу *119–120*
Темин, Питер *290*
Терборг, Джордж *109*
Тимберлейк, Ричард Х. *291, 302*
Тинберген, Ян *245–246*
Тобин, Джеймс *127, 375, 379, 384, 385*
Тойе, Ричард *178*
Токвиль, Алексис де *163*
Томас, Роберт *265–266*
Торнтон, Генри *99, 139, 273*
Торренс, Роберт *91, 209, 358*
Треву, Франсуа *200*
Троцкий, Лев Давидович *38*
Тук, Томас *92*
Туруо, Лестер *342–344*
Тэтчер, Маргарет *167, 202, 311*
Тюрго, Анн Робер Жак *212, 219–220*

Уайт, Гарри Декстер *268, 270–271*
Уикстид, Филип *180*

Уинч, Дональд *202*
Уиттмен, Дональд *347*
Унольд, Альбер *200*
Уокер, Фрэнсис А. *281–282*
Уоллес, Нил *398–400*
Уорбертон, Кларк *153, 308*
Уоттс В. Орвэл *200*
Уэйлс, Джимбо *67*

Файнер, Герман *168*
Фелдстайн, Мартин *391*
Фелпе, Эдмунд *312, 316*
Фергюсон, Адам *211, 217, 218*
Фергюсон, Дж. Дэвид *128*
Филлипс, Олбан Уильям *151–152, 311–312, 319*
Фицпатрик, Шейла *42–43*
Фишер, Ирвинг *29–31, 72, 75, 86, 132, 134, 304–308, 311–312, 318, 329*
Фишер, Энтони *201, 285–286*
Флинн, Джон Т. *104, 115*
Фолдвари, Фред Э. *331*
Форд, Генри *124*
Фридман, Дэвид *403 (13)*
Фридман, Милтон *12, 15, 85, 96, 128, 131, 149–151, 153, 161, 167, 199, 200–201, 205, 256–258, 263, 297–299, 300–304, 306–308, 310, 312–320, 322–323, 325, 350, 368, 370, 374, 395*
Фридман, Роуз *161, 167, 301*
Фриш, Рагнар *246, 261, 262*
Фуллартон, Джон *92*
Фуруботн, Эйрик *235*

Хаберлер, Готфрид *75, 148*
Хайдеггер, Мартин *236*
Хайек, Фридрих Август фон *11–13, 19–25, 32, 40–41, 43, 47, 54–55, 58–68, 70–71, 75, 76, 78–82, 84–88, 90, 92–97, 99–101, 103, 117–118, 131–132, 134, 136–139, 147–149, 152–153, 155, 159, 162–172, 175, 182, 199–204, 210, 220, 225, 232, 237, 246, 255–256, 258, 268, 289, 302–303, 307, 318, 336, 374, 395*
Хансен, Элвин *80, 84, 86, 150, 161, 374–376, 379, 384, 393–395*
Харбергер, Арнольд *322–323*
Харпер Ф. Э. *200*
Харрис, Сеймур *127*
Харрод, Рой *249*
Харт, Дэвид *219*
Хатчесон, Фрэнсис *215, 216*
Хейлбронер, Роберт *67–68, 70*
Хеллер, Уолтер *127, 379*
Хендерсон, Леон *114–115*
Хикс, Джон *150, 152, 329, 384*
Хиршлейфер, Джек *38*
Ховельмо, Трюгве *261*
Ходжскин, Томас *193–194*
Холл, Томас Э. *128*
Хорвиц, Стивен *221, 225*
Хоули, Эллис У. *110*
Хоутри, Ральф *75, 132, 308*
Хрущев, Никита Сергеевич *65*
Хэзлитт, Генри *167, 200*

Цвик, Тобиас *395*

Чезарано, Филиппо *294–295*
Чемберлин, Эдвард Г. *56*
Черчилль, Уинстон *171, 172, 175, 288*
Чидамбарам, Паланиаппан *254–255, 259*
Чоудри, Эхсан У. *291*
Чунг, Стивен *335–336*
Чхан Ха-Джун *362*

Шахт, Ялмар *156*
Шварц, Анна Дж. *128, 131, 291, 301–303, 310*
Шевалье, Мишель *279*
Шеллинг, Томас К. *339–340*
Шеной, Велликот Рагунат *240, 247, 249, 250–251, 255–258*
Шеной, Судха *255*
Шмидт, Дэвида *327*
Шмоллер, Густав *115–158, 231, 235, 251*
Шоу, Джордж Бернард *10, 126, 176–177, 180–181, 183, 185, 187, 241*
Шринивасан, Т. Н. *245, 248, 258*
Шугарт, Уильям Ф. *345*
Шумпетер, Йозеф *62, 116–117, 170, 275*

Эджуорт, Фрэнсис Исидор *75*
Эди, Лайонел Д. *289–290*
Эйрс, Кларенс *111*
Эйхенгрин, Барри *100, 290–291*
Экли, Гарднер *127, 311, 379*
Экстейн, Отто *127, 377–380, 394*
Экхаус, Ричард С. *245*
Эли, Ричард Т. *26–27, 29, 111, 116–119*
Энгельс, Фридрих *34–37, 52, 107, 182*
Энджелл, Норман *179*
Эрхард, Людвиг *227–233, 236–237, 241*
Эттли, Клемент *171–175*

Юм, Давид *217–218, 271–274, 290–291*

Ясаи, Энтони де *190*

Лоуренс Уайт
Борьба экономических идей
Великие споры и эксперименты
последнего столетия

Выпускающий редактор Татьяна Григорьева
Корректоры Сергей Ким, Светлана Крючкова
Верстка Тамара Донцова
Производство Сергей Николаев

Новое издательство
123022, Москва
Столярный переулок, дом 3, корпус 1
e-mail: info@novizdat.ru
www.novizdat.ru

Подписано в печать 16 июня 2020 года
Формат 70x100/16
Гарнитуры Figgins Sans, Scotch Micro
Объем 35,96 условного печатного листа
Бумага офсетная
Печать офсетная
Заказ № 125-06/20

Отпечатано в ООО «Центр полиграфических услуг Радуга»
117105, Москва, Варшавское шоссе, дом 28А

ISBN 978-5-98379-240-1

Историю XX века можно представить как историю масштабных экономических экспериментов — и как историю идей, которые легли в их основу. Именно это делает профессор Университета Джорджа Мейсона Лоуренс Уайт, который разбирает в своей книге основные экономические теории последнего столетия и их влияние на государственную политику, а значит, и на нашу жизнь.